История фашизма в Западной Европе

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

НОЧНОЙ ЭНЗ.

История фашизма в Западной Европе

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1978

Фашизм рассматривается в книге как одно из социально-политических явлений, сопутствующих общему кризису капитализма. И в общетеоретических, и в конкретно-исторических главах разоблачается классовая природа фашизма, раскрывается его место в системе средств, при помощи которых буржуазия стремится воспрепятствовать социальному прогрессу.

Основное внимание уделено германскому, итальянскому и испанскому фашизму, вместе с тем освещена история фашистских движений в других странах, а также современный неофашизм. Широко показана антифашистская борьба рабочего класса и других демократических сил, возглавлявшаяся коммунистическими партиями.

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор Г. С. ФИЛАТОВ,
зам. ответственного редактора Л. И. ГИНЦБЕРГ,
Г. Н. ГОРОШКОВА, В. Д. ЕЖОВ, И. И. ЖИГАЛОВ,
Б. Р. ЛОПУХОВ, С. П. ПОЖАРСКАЯ, К. К. ШИРИНЯ

И $\frac{10605-051}{042(02)-78}$ БЗ—7—10—78 © Издательство «Наука», 1978 г.

ВВЕДЕНИЕ

Среди множества отвратительных порождений империалистической реакции фашизм выделяется своей варварской, человеконенавистнической практикой и идеологией. Из памяти народов никогда не изгладятся чудовищные преступления фашизма, истребление миллионов людей, наглое надругательство над культурными ценностями, обретенными за многие века развития человеческого общества.

Все, даже самые мрачные, страницы истории необходимо не только помнить, но и познавать глубже и глубже. Прошлое, особенно недавнее прошлое, прочными нитями связано с настоящим и будущим. Хотя главные силы «традиционного» фашизма разгромлены в результате второй мировой войны, было бы серьезной ошибкой считать фашизм, как таковой, достоянием прошлого. Фашистская угроза коренится в социально-экономической и политической почве современного империализма. «Империализм,— отмечает Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— это строй жестокого угнетения трудящихся, подавления демократии, строй, который породил фашизм — самое крайнее воплощение реакции, мракобесия и террора»[1].

Несмотря на чередование подъемов и спадов, неофашистские партии и организации являются постоянным негативным фактором в политической жизни ряда стран — и не только тех, где прежде находились цитадели «традиционного» фашизма. Западногерманские неонацисты выступают в качестве самых ревностных противников разрядки, поборников реваншизма. Итальянские неофашисты прилагают отчаянные усилия, чтобы сдвинуть ось политической жизни страны вправо. При поддержке международной реакции военно-фашистский режим был установлен в Чили. Партии и организации фашистского типа действуют примерно в 60 капиталистических странах. Углубление и обострение общего кризиса капитализма порождают у влиятельных фракций буржуазии тягу к жестким, экстремистским методам отстаивания классового господства. Неофашистские элементы надеются использовать подобную тенденцию.

Однако марксисты учитывают всю совокупность факторов, как способствующих, так и противодействующих реализации фа-

[1] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, с. 109.

шистского потенциала, таящегося в недрах капиталистического общества. Изменения в соотношении сил между двумя противоборствующими системами, рост влияния рабочего класса на важнейшие социально-экономические и политические процессы современности, его растущая способность объединять вокруг себя широкие антифашистские силы, наконец, накопленный народами исторический опыт — все это резко ограничивает возможности реакции.

Особенно велика роль позитивных сдвигов на международной арене, свершившихся благодаря принятой XXIV съездом, подтвержденной и развитой XXV съездом КПСС Программы мира. Оценить их значимость в полной мере помогает исторический опыт, свидетельствующий, что внешний фактор часто срабатывал в пользу фашизма. Так, помощь международной реакции способствовала в свое время установлению и консолидации фашистских режимов в Италии и Германии. Интервенция фашистских государств при попустительстве буржуазно-демократических стран Запада предопределила исход народно-революционной войны в Испании. В удушливой атмосфере «холодной войны» выжили франкистский и салазаровский режимы. Теперь поворот к мирному сосуществованию в немалой степени препятствует деятельности наиболее реакционных фракций буржуазии, затрудняет экспорт контрреволюции. Поэтому борьба за разрядку — это одновременно борьба против существующих фашистских режимов, а также против возможности возрождения фашизма в какой бы то ни было форме.

Подлинным знамением времени явился крах самого долговечного фашистского режима — в Португалии. Рухнула диктатура «черных полковников» в Греции. Ликвидирован фашистский режим в Испании. «Необходимо искоренить фашизм, предотвратить его возрождение в открытой или завуалированной форме, бороться против организации и деятельности фашистских и неофашистских террористических организаций и групп»,— было заявлено на Берлинском совещании коммунистических и рабочих партий Европы 1976 г.[2]

Для претворения этой программы в жизнь необходима последовательная борьба с силами реакции. На ее идеологическом фронте существенная роль принадлежит марксистско-ленинской исторической науке. За 30 с лишним лет, прошедших со времени тотального краха фашизма, накоплен огромный документальный и исследовательский материал, показаны пружины, которые приводили в действие чудовищную машину фашизма.

Особенно значительных результатов достигли историки-марксисты за последнее десятилетие, рассматривая фашизм как порождение империалистической стадии капитализма, который в

[2] За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 г. М., 1976, с. 39.

условиях общего кризиса ищет новые формы сохранения своего господства. Поэтому главной отличительной чертой фашистских режимов и движений в Западной Европе были террористические методы подавления рабочего движения и расправы со всеми «неугодными», с малейшими проявлениями оппозиции.

В периоды обострения социальных противоречий буржуазия и в прежние времена прибегала к неприкрытому насилию по отношению к тем, кто поднимался на борьбу против эксплуататорского строя. Но никогда раньше террор не носил такого всеобъемлющего характера, а подавление политических противников не принимало таких масштабов, не превращалось в систему ничем не ограниченного произвола, как при фашизме. Разнузданный террор непременно сопутствовал ему уже на пути к власти, а затем проводился с помощью неимоверно раздутого аппарата насилия, существовавшего в странах, где устанавливался фашистский режим. Необходимыми чертами фашизма были также оголтелый национализм и антикоммунизм, социальная демагогия, направленная на создание массовой мелкобуржуазной базы. Находясь у власти, фашизм осуществлял милитаризацию экономики в интересах крупного капитала, имея в виду при первой же благоприятной возможности приступить к территориальной экспансии.

Вместе с тем в различных странах фашизм обладал определенной спецификой. В предлагаемом вниманию читателей коллективном труде фашизм исследуется в рамках западноевропейского региона, где находились его наиболее опасные очаги — гитлеровская Германия и муссолиниевская Италия,— а различия в уровнях социально-экономического и политического развития отдельных стран обусловили разнообразие типов и форм фашистских движений и режимов, достаточно полно отражающее международный характер исследуемого явления.

Фашизм, будучи одним из следствий общего кризиса капитализма, поразившего все области жизни буржуазного общества, представляет собой многогранный феномен, имеющий политические, экономические, социально-психологические аспекты. В политической и социально-экономической сферах раскрывается его сущность как специфического метода отстаивания классового господства наиболее реакционных элементов монополистического капитала, как своеобразного варианта государственно-монополистических порядков. Через социально-психологическую сферу прежде всего реализуется непрямолинейная связь между преимущественно мелкобуржуазным социальным базисом фашистских движений и их политической функцией, противоречащей интересам тех слоев, которые фашисты мобилизуют под свои знамена. Тенденция к фашизации закономерно возникает в процессе эволюции капиталистического общества, но возможности ее реализации, ее формы зависят от конкретно-исторических ситуаций и соотношения классовых сил как внутри отдельных стран, так и на международной арене.

Многочисленные варианты фашизма могут быть сведены к двум основным типам в зависимости от того, насколько полно каждый из них отражает сущность данного явления.

К первому относятся те разновидности фашизма, которым удалось в той или иной мере приобщиться к власти. У них типичные для фашизма свойства и признаки проявляются особенно четко и выразительно, рельефнее обнажается его сущность. Именно фашизм у власти — это «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала» [3].

Однако необходимо учитывать наличие довольно важных внутритиповых различий. Самую завершенную форму в период между двумя мировыми войнами фашизм обрел в тех странах (прежде всего в Германии, в меньшей мере в Италии), где фашистские организации стали главной опорой экстремистских фракций господствующих классов, где возникли тоталитарные диктатуры.

Помимо «классических» образцов имелись фашистские движения, которые были хотя и не главной, но все-таки существенной силой в составе правящих кругов и выступали в качестве младших партнеров в режимах фашистского типа. Это было особенно характерно для стран с относительно отсталой социально-экономической структурой, где не успели сложиться могущественные монополистические группировки. Здесь элементы тоталитарной диктатуры комбинировались в системах господства с традиционными авторитарными и даже парламентарными формами. На фоне «классических» вариантов у этих разновидностей фашизма многие типологические черты выглядят как бы размытыми.

Ко второму типу относятся многочисленные фашистские движения, не сумевшие прийти к власти, застрявшие на политической периферии. Их функция сводится к роли политического резерва реакционного крыла господствующих классов. Так обстояло дело в тех странах Западной Европы, где глубоко укоренились буржуазно-демократические традиции, где фашизм не смог найти массовой опоры, где в силу исторических и конкретно-ситуационных причин наиболее влиятельные фракции буржуазии делали главную ставку не на фашизм, а на иные методы отстаивания классового господства. Следует учесть, что фашисты в этих странах поднимали голову уже после прихода к власти Гитлера, когда фашизм в глазах широких слоев населения предстал в самом омерзительном виде. Поэтому здесь сложились более благоприятные предпосылки для сплочения антифашистских сил и организации отпора фашиствующим элементам.

На разновидностях фашизма второго типа особенности генезиса сказались сильнее, потому что эти разновидности так и

[3] XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1934, с. 589.

не достигли стадии зрелости, которая наступает после прихода к власти. Их отличительным признаком можно считать и гораздо меньшую степень внутренней консолидации. С этой точки зрения наиболее показателен французский фашизм, представлявший собой особенно пестрый конгломерат группировок и лидеров. Программные и тактические установки «малых» фашистских движений представляли комбинацию традиционалистских реакционных воззрений с расистской мистикой и широковещательной социальной демагогией.

Анализ многочисленных вариантов фашизма, относящихся ко второму типу, способствует выявлению многообразия его форм, особенностей в различных странах и регионах. Однако полное представление о сущности исследуемого феномена может дать лишь государственно оформившийся фашизм, прошедший весь цикл развития — от домогающегося власти движения до системы господства. Именно поэтому в центре внимания авторского коллектива находятся три основные разновидности западноевропейского фашизма (германская, итальянская, испанская), отражающие весь спектр первого типа. Углубленное исследование этих образцов фашизма, сопоставление их с другими разновидностями данного явления позволяют раскрыть ключевую проблематику истории западноевропейского фашизма.

* * *

В условиях общего кризиса капитализма, начало которому положила Великая Октябрьская социалистическая революция, особенно резко выявились слабости политической стратегии буржуазии, ее традиционных консервативных и либеральных методов отстаивания классового господства. Буржуазия разочаровалась в возможностях парламентских институтов. Отсюда модная в те годы тема «кризиса либеральной демократии» и поиски выхода из него. Благожелательное отношение буржуазных политических деятелей и идеологов к фашизму объяснялось не только элементарной «благодарностью» за расправу с революционным движением, но и надеждой на то, что фашистский опыт в Италии поможет нащупать новые, более эффективные методы достижения социальной стабильности.

«Потребность» крупного капитала в них стала ощущаться особенно в связи с кризисом привычного для Западной Европы партийно-политического эквилибризма, основанного на чередовании у власти партий консервативного и либерального толка в их всевозможных коалициях и комбинациях. С обострением классовой борьбы почти повсеместно усиливались позиции социал-демократии, возрастало влияние молодого коммунистического движения. Перед господствующими классами открывалась альтернатива: сдвиг влево по либерально-реформистскому пути, который предполагал широкое вовлечение социал-демократии в правитель-

ственную сферу, или продвижение в правоэкстремистском, т. е. фашистском, направлении. Это значительно увеличивало амплитуду политических колебаний и таило в себе угрозу резкого поворота вправо.

Развитие западноевропейского фашизма в 1919—1945 гг. носило волнообразный характер. Подъемы чередовались со спадами, что было обусловлено неравномерностью глубинных социально-экономических и политических процессов, а также ситуационными факторами.

Первая волна пришлась на 1919—1923 гг. Ее кульминационные моменты — муссолиниевский «поход на Рим», гитлеровский «пивной путч». Однако в большинстве западноевропейских стран фашизм тогда еще не вышел из эмбрионального состояния. Прошло время, пока он обрел собственное лицо, выделился из широкого потока реакции.

В период относительной стабилизации капитализма — в 1924—1929 гг.— фашистская волна пошла на убыль. Стабилизация создавала иллюзию возврата к «добрым старым временам» до 1914 г., к «золотому веку уверенности». Однако господствующие классы западных стран так и не смогли оправиться от недавно пережитого безумного страха. Международная буржуазия после октября 1917 г. была, по словам В. И. Ленина, «запугана «большевизмом», озлоблена на него почти до умопомрачения» [4]. Ее постоянную тревогу вызывали рост могущества Советского государства, возмужание международного коммунистического движения. Поэтому в капиталистическом мире сохранилась питательная среда для фашистской угрозы, которая временно перешла из открытой формы в латентную.

Вторая волна фашизма начинается под воздействием мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., она охватила почти весь период 30-х годов. Грандиозный кризис 1929—1933 гг., в частности, обострялся потому, что буржуазия субъективно не была к нему подготовлена. После окончания первой мировой войны повсюду наблюдалось свертывание государственного участия в экономике, что расценивалось предпринимателями как временная мера, обусловленная войной. Экономический подъем в годы стабилизации подкреплял подобные взгляды.

Было еще одно важное новое обстоятельство: падение капиталистической экономики происходило на фоне впечатляющих успехов социалистического строительства в СССР. Кризис сопровождался подъемом рабочего и крестьянского движения.

Нарастание классовой борьбы шло параллельно с усилением внутриклассовых конфликтов в верхах, судорожно искавших выхода из кризиса. Если в период революционного подъема 1918—1923 гг. особенно рельефно выявились слабости традиционных политических методов буржуазии, то во время кризиса обнажи-

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 85.

лась несостоятельность традиционных подходов к социально-экономическим проблемам современного капиталистического общества. Поэтому авторитарно-фашистская и либерально-реформистская альтернативы обретают наряду с политическим и четкое социально-экономическое содержание. Вопрос о путях выхода из кризиса становится вопросом о путях развития государственно-монополистического капитализма.

Апогей второй фашистской волны приходится на 1933—1934 гг. 30 января 1933 г. фашизм победил в одной из крупнейших стран Западной Европы — Германии. Это событие явилось мощным катализатором процесса фашизации на континенте. Почти 50% всех европейских фашистских движений возникли после 1933 г.[5] По данным итальянского министерства иностранных дел, в октябре 1933 г. движения фашистского типа существовали в 23 странах, а через полгода — в 39[6]. В 1936 г. в 20 европейских странах насчитывалось 49 фашистских организаций[7].

Фашистская и профашистская пропаганда в то время твердила, что наступил «век фашизма», «век корпоративизма» и т. п. Современники стали говорить о «фашистском интернационале». Поводом для этого послужили организованные по итальянской инициативе сборища фашистов в Монтре (декабрь 1934 г.), Париже (январь 1935 г.), Амстердаме (апрель 1935 г.)[8]. До того как Италия увязла в войне против Эфиопии, ей принадлежала главная роль в экспорте фашизма. Следствием установления гитлеровской диктатуры было не просто расширение сферы господства фашизма; наиболее мощная и экстремистская его разновидность решающим образом повлияла на все прочие фашистские движения и режимы, в том числе и на муссолиниевскую Италию. Это способствовало более полному и откровенному проявлению варварской сущности фашизма.

Приход фашизма к власти в Германии стимулировал усиление фашистских тенденций в Европе. «Но эта победа и неистовства фашистской диктатуры,— подчеркивал Г. Димитров,— вызвали ответное движение за единый пролетарский фронт против фашизма в международном масштабе»[9]. Опыт германского фашизма не только вооружал прочие фашистские движения и режимы, он также способствовал вовлечению в антифашистскую борьбу многочисленных и разнообразных социальных слоев. Решающая роль в их мобилизации принадлежала коммунистам, накопившим богатый практический и теоретический опыт борьбы против фа-

---

[5] *Schüddekopf O.-E.* Bis alles in Scherben fällt. Die Geschichte des Faschismus. München, 1973, S. 14.
[6] *De Felice R.* Mussolini il duce. Milano, 1974, p. 587.
[7] *Schüddekopf O.-E.* Op. cit., S. 12.
[8] *Ledeen M. A.* Universal Fascism. The Theory and Practice of the Fascist International, 1929—1936. New York, 1972.
[9] VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975, с. 136.

Зак. 2500

шизма. Непреходящая историческая заслуга коммунистического движения состоит в том, что коммунисты сумели организовать отпор мощной волне фашизма.

Главные разновидности не только определяли существо фашизма, но и в значительной мере формировали его облик. В фашистском лагере в еще невиданных масштабах царил свойственный межимпериалистическим отношениям принцип силы. Со всей очевидностью прослеживается тенденция к превращению слабых фашистских движений и режимов в сателлитов более могущественных. Вместе с субсидиями и другими формами помощи мелкие фашистские движения воспринимали из Берлина и Рима всякого рода идеологические организационные атрибуты. Некоторые из них просто имитировали «классические» образцы. До какой степени нелепости доходила порой имитация, видно хотя бы на примере датских фашистов, которые в качестве программного документа практически дословно переписали «25 пунктов» программы нацистской партии, провозгласив даже требование объединения всех датчан[10]. Мощное внешнее влияние служило своеобразным катализатором, способствовавшим проявлению и реализации заложенных в малых фашистских движениях потенций. Сама сила и эффективность влияния была обусловлена тем, что оно находило подходящую почву.

Последний этап развития западноевропейского фашизма совпадает с периодом второй мировой войны, в подготовке и развязывании которой главную роль сыграла гитлеровская Германия. Во время войны еще более упрочилась ее гегемония, еще дальше зашел процесс сателлитизации в фашистском лагере. Даже Муссолини после серии тяжелых поражений фактически превратился в гитлеровского гауляйтера.

Несамостоятельный характер носили режимы фашистского типа, организованные в странах, оккупированных фашистскими агрессорами. Они не имели сколько-нибудь глубоких корней, будучи обязаны своим возникновением внешним факторам. Отношения между фашизмом-сюзереном и его вассалами в рамках гитлеровского «нового порядка» определялись не столько идеологическими, сколько прагматическими мотивами. Гитлеровцы руководствовались прежде всего соображениями военно-стратегического порядка, стремясь максимально мобилизовать для военных нужд ресурсы сателлитов. Те в свою очередь пытались извлечь какие-то выгоды для себя. Однако реальное соотношение сил, широкие возможности прямого давления обеспечивали явное превосходство гитлеровской Германии. Сложнее обстояло дело с франкистским режимом, который располагал возможностями вести собственную политическую игру. Франко, как пишет советский историк С. П. Пожарская, «проявлял крайнюю изворотли-

---

[10] *Nolte E.* Die Krise des liberalen Systems und die faschistische Bewegungen. München, 1968, S. 318—319.

вость, отказываясь официально вступить в войну на стороне Германии; предпочел упреки Гитлера в «трусости» и «неблагодарности» риску потерять власть» [11].

На годы войны приходится кульминация террористической практики фашизма. Внутренний террор был дополнен массовым уничтожением народов, ставших жертвами фашистской агрессии. Фашизм поставил под вопрос физическое существование многих государств, наций, этнических групп. Террористические методы — неотъемлемая черта всех разновидностей фашизма. Безраздельная гегемония самой варварской его формы, германского национал-социализма, лишь усугубила размах и степень террора.

В условиях военного времени фашистские режимы еще дальше продвинулись по государственно-монополистическому пути, достигла апогея концентрация власти в руках фашистской верхушки и сросшихся с нею монополий. Их еще теснее связал совместный грабеж оккупированных вермахтом территорий. Росту могущества экстремистских группировок монополистического капитала способствовала также невиданная концентрация производства, стимулируемая непосредственно государством.

Все явственнее вырисовывался звериный облик фашизма, раскрывалась его крайне реакционная социально-политическая суть. Между всеми этапами развития международного фашизма прослеживается закономерная взаимосвязь. Нельзя отрывать их друг от друга или противопоставлять один другому, как это нередко делают буржуазные историки. Судить о фашизме можно лишь с учетом всего пройденного им преступного пути.

Авторский коллектив данного труда рассматривает историю фашизма во взаимосвязи с антифашистской борьбой. Благодаря этому особенно убедительно звучат ответы на вопросы о том, какие социально-политические силы способствовали подъему фашизма и какие наиболее стойко и последовательно боролись против него. Такой подход дает возможность всесторонне показать, какое место занимал фашизм в европейской и мировой истории. Это тем более важно, что в современной буржуазной историографии широко распространен тезис Э. Нольте, согласно которому фашизм будто бы был определяющим фактором европейской истории в 1919—1945 гг.

В действительности подлинно эпохальное значение имела борьба широких антифашистских сил против международного фашизма и его союзников. Ведущая роль в этой борьбе принадлежала мировому коммунистическому движению, оплотом которого было первое социалистическое государство на нашей планете. Антифашистская борьба не только позволила сдержать натиск фашизма в ряде стран, ограничить сферу его распространения. Она

---

[11] *Пожарская С. П.* Тайная дипломатия Мадрида. М., 1971, с. 248.

в значительной мере подготовила новую расстановку классовых и политических сил в мире.

Конечно, установление фашистских диктатур препятствовало развитию мирового революционного процесса. Фашизм нанес серьезный урон рабочему движению и его авангардной силе — коммунистическим партиям. Тяжелые испытания пришлось пережить прогрессивно-демократической общественности. Однако расчеты реакции, пытавшейся с помощью фашистских методов затормозить социальный прогресс, не оправдались. Разгром фашизма силами антигитлеровской коалиции при решающей роли СССР, при активном участии широких масс в антифашистском Сопротивлении обусловил грандиозные сдвиги в послевоенном мире, вследствие которых империалистический лагерь утратил господствующие позиции.

Исходя из задачи комплексного анализа фашизма, авторский коллектив проводит исследование в трех ракурсах: теоретико-методологическом, конкретно-историческом и историографическом. Отсюда вытекает структура работы.

К проблематике фашизма авторы подходят с учетом достигнутого уровня исторического знания об этом феномене, с учетом особенностей современного этапа идеологической борьбы против буржуазной историографии. Исследуя фашизм в контексте империалистической реакции, авторы данного труда, с одной стороны, стремятся раскрыть генетическую связь фашизма с традиционными реакционными течениями, а с другой — обращают особое внимание на его самобытные черты. Это позволяет учесть профашистские тенденции в правых политических и милитаристских кругах, не входящих непосредственно в организационную сферу фашизма, и вместе с тем увидеть своеобразие фашистских движений и режимов, которое отличает их от традиционных буржуазных партий, авторитарных режимов, военных диктатур консервативного типа и всех прочих форм реакции. Это чрезвычайно важно не только с точки зрения углубленного анализа исторических форм фашизма, но и своевременного распознания его современных модифицированных проявлений. Этой же цели служит типологический анализ, в результате которого становятся ясны общие и специфические признаки различных вариантов фашизма.

Раскрывая социальную сущность фашизма, авторский коллектив прежде всего показывает характер взаимоотношений между фашистами и господствовавшими классами, с одной стороны, между фашистами и массовыми слоями населения — с другой. Благодаря исследованиям и документальным публикациям историков-марксистов (и других представителей прогрессивных течений историко-социологической мысли Запада) факты о многостороннем сотрудничестве буржуазных политических кругов, военщины и монополий с фашизмом прочно вошли в мировую историографию. Поэтому главные усилия авторов соответствующих

глав направлены на то, чтобы показать механизм реализации политического господства наиболее реакционных фракций монополистического капитала через фашистские диктатуры.

Когда речь идет о проблеме «фашизм — массы», авторы показывают, что способность создавать массовую опору — одна из важнейших черт фашистской формы реакции, придающая ей особую ценность в глазах монополий. В связи с этим подвергнуты углубленному рассмотрению фашистские методы воздействия на психологию масс: от разжигания националистическо-шовинистических эмоций до разнузданной социальной демагогии. На конкретном материале раскрывается серьезная опасность, которая заложена в фашистской демагогии, подкрепившей искусное манипулирование популярными лозунгами со строго дозированными реальными уступками определенным социальным слоям.

Тщательное исследование причин возникновения фашизма, его социальных корней, выявление того, кому и для чего он был нужен в прошлом, кому он может понадобиться в настоящем и будущем,— вклад не только в историческую науку, но и в идейно-политическую борьбу против современной империалистической реакции. Именно с таких позиций авторский коллектив подходил к своей работе.

Глава первая

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ ФАШИЗМА

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФАШИЗМА И УСЛОВИЯ ЗАХВАТА ИМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Истоки и причины рождения фашизма может выявить лишь анализ общего соотношения сил между империализмом и антиимпериалистическими силами в международном масштабе, а также конкретной внутренней обстановки в тех странах, где фашизм зародился. Фашизм появился в период, когда империализм вступил в стадию своего общего кризиса. Октябрьская революция в России вырвала важное звено из цепи мирового империализма. Отныне мир оказался расколотым на две противоположные системы. Как указывал В. И. Ленин, «уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории» [1]. Мировой революционный процесс получил мощный толчок для дальнейшего развития. В борьбу включились новые классовые силы.

В этих условиях ряд национальных отрядов мирового империализма оказался не в состоянии противостоять революционному натиску традиционными методами. По выражению В. И. Ленина, «весь мир стал теперь иным, буржуазия повсюду стала тоже иной» [2]. Дальнейшее существование и развитие империалистических государств оказались обусловленными нахождением новых форм подавления трудящихся.

Новые формы реакционно-диктаторской консолидации общества стали необходимыми для монополистического капитала ряда стран и для обеспечения его узкогрупповых интересов перед лицом ожесточенной конкурентной борьбы в собственном лагере. Эта борьба — проявление объективных противоречий капиталистического общества — не могла и не может исчезнуть даже тогда, когда поставлен вопрос о существовании капитализма, как такового. Как бы важна и актуальна ни была задача общей борьбы против утверждения новой общественной формации — социализма, империализм не может сбросить с себя груз собственных противоречий. Монополистические группировки не прекращают

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 425.
[2] Там же, с. 85.

попыток урвать что-либо для себя за счет своих же классовых партнеров.

Не следует забывать и о международной функции фашизма, которая была заложена в самой его сущности и нашла свое проявление, когда фашизм овладел государственной властью. Немецкие коммунисты, борясь против захвата фашистами власти в Германии, неоднократно подчеркивали, что Гитлер — это война, что никакие мирные заверения нацистов не могут скрыть их намерений перевооружиться и в угоду мировому капиталу броситься прежде всего на Советский Союз как основной оплот антиимпериалистической борьбы во всем мире. Об этом же говорил П. Тольятти в докладе на VII конгрессе Коминтерна [3].

Таким образом, со всей очевидностью вырисовываются три основных фактора, порождающих фашизм и превращающих его в орудие монополистического капитала: а) в конкретной исторической обстановке фашизм нужен определенным отрядам империализма, чтобы справиться с нарастанием революционного движения, разрешить в свою пользу классовые противоречия, которые неразрешимы старыми методами и формами борьбы; б) тоталитарный режим и привлечение всех национальных ресурсов нужны монополистическим группам одной страны или группе стран, чтобы удовлетворить империалистические интересы за счет других государств; в) мировому капиталу нужен фашизм, чтобы разрушить главный оплот международного революционного процесса и антиимпериалистической борьбы — Советский Союз.

Фашизм зародился и начал развиваться в Италии на пороге 20-х годов — в бурный период послевоенных классовых столкновений. В результате первой мировой войны страна оказалась в тяжелом экономическом положении. Оценивая его, А. Грамши писал: «Итальянское государство политически атрофировалось, ибо атрофировался аппарат промышленного и сельскохозяйственного производства, который составляет сущность политического государства. Вынужденный во время войны и в целях войны вступить в тесную связь с экономическими аппаратами, гораздо более мощными, итальянский экономический аппарат был дезорганизован, выведен из равновесия, потерял жизненный импульс» [4]. Перевод экономики на мирные рельсы, проходивший весьма болезненно, лишь усугублял это положение. Безудержно росла безработица. Рабочий класс и крестьянство все настойчивее и активнее поднимались на борьбу за свои коренные интересы.

Соотношение сил в стране резко изменилось в пользу революционных рабочих и крестьян. Итальянский исследователь-марксист П. Алатри пишет: «По окончании войны Италия являла собой совсем не ту картину, которую надеялся увидеть господ-

---

[3] *Тольятти П.* Избранные статьи и речи, т. I. М., 1965.

[4] *Грамши А.* Избранные произведения в 3-х томах, т. 1. М., 1957, с. 82.

ствующий класс: в Италии сложилась революционная ситуация»[5]. Монополистический капитал оказался в трудном положении. Методы буржуазного парламентаризма все яснее обнаруживали неспособность обеспечить защиту интересов буржуазии. А. Грамши в докладе Национальному совету социалистической партии, опубликованном в начале мая 1920 г., указывал: придя к власти, фашизм пустит в ход все средства из арсенала насилия, чтобы обречь промышленный и сельскохозяйственный пролетариат на рабский труд, сделает все, чтобы беспощадно разгромить органы политической борьбы рабочего класса (социалистическая партия) и включить органы экономического сопротивления (профсоюзы и кооперативы) в аппарат буржуазного государства[6].

К этому добавлялось и то обстоятельство, что итальянский монополистический капитал не извлек из мировой войны тех выгод, на которые рассчитывал, хотя Италия находилась в лагере победителей. Итальянский империализм практически сразу после окончания первой мировой войны стал думать о новом переделе мира. Шовинистическая пропаганда оперировала такими лозунгами и понятиями, как «нас предали», «над нами надругались», «спасение нации», «укрепление ее достоинства» и т. п.

Для разгрома революционного движения, противоборства с всевозрастающим антиимпериалистическим воздействием Советского Союза, для решения агрессивных задач вовне монополистический капитал Италии искал «крепкую руку», политическую силу, которая была в состоянии совершить государственный переворот и установить открытую реакционную диктатуру буржуазии. Такая сила была найдена в лице возникшего в марте 1919 г. фашистского движения, возглавлявшегося Бенито Муссолини. В октябре 1922 г. власть в стране оказалась в руках фашистов. Открылась одна из самых мрачных страниц истории Италии.

Фашистское движение в Германии зародилось примерно в то же время и при тех же исторических обстоятельствах, что и в Италии. Особый характер классовых столкновений в Германии привел к тому, что германский фашизм прошел более длительный путь к власти. Однако причины появления фашизма и превращения его в орудие диктатуры монополистического капитала в Германии и Италии в основных своих чертах схожи.

Германский империализм, сформировавшийся позднее других, с самого своего зарождения проявил себя особенно агрессивно. Анализируя данный процесс, В. И. Ленин писал, что «против этой группы, англо-французской главным образом, выдвинулась другая группа капиталистов, еще более хищническая, еще более разбойничья — группа пришедших к столу капиталистических яств, когда места были заняты...»[7]

---

[5] *Алатри П.* Происхождение фашизма. М., 1961, с. 67.
[6] См.: *Грамши А.* Избранные произведения, т. 1, с. 159.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 83.

Империалистическая кайзеровская Германия не смогла решить военным путем захватнические задачи, выдвинутые германским монополистическим капиталом. Более того, в результате поражения она потеряла важные территориальные и политические позиции, которыми обладала перед войной. Представители Германии были вынуждены подписать, по выражению В. И. Ленина, «грабительский» Версальский договор, который поставил страну «в условия полного бесправия и унижения» [8].

Позиции германского империализма оказались подорванными и внутри страны. Воздействие Октябрьской революции в сочетании с кризисом кайзеровской власти, наступившим в результате тяжелого военного поражения, привело к созданию в стране революционной ситуации. Революция в Германии, разразившаяся в ноябре 1918 г., в силу ряда причин приняла буржуазно-демократический характер. У германского монополистического капитала хватило сил, чтобы справиться с натиском революционных масс. Вместе с тем он оказался вынужденным пойти на создание в стране буржуазно-парламентского строя и предоставить ряд демократических прав трудящимся.

В этих условиях, когда страна изнывала под гнетом Версальского договора и переживала бурный период классовых схваток, в Германии возникло фашистское движение с его крайне националистической, шовинистической и антикоммунистической направленностью.

Первая попытка германского фашизма захватить власть была совершена в ноябре 1923 г., когда революционный подъем был уже на исходе. Выступление фашистов в Мюнхене, получившее наименование «пивного путча», было подавлено военно-полицейской силой. Монополистический капитал в тот момент еще был в состоянии справиться с революционным движением буржуазно-демократическими методами — с помощью послушной социал-демократии и политики частичных уступок и реформ. С другой стороны, германский империализм еще недостаточно оправился тогда от военного поражения и не мог реально выдвигать задачи восстановления и усиления своих международных позиций с последующим переходом к политике захватов. В то время он рассматривал фашизм только как резерв, который было рано бросать в бой, но который нужно было сохранить для будущих сражений.

Последующее десятилетие коренным образом изменило политическое и экономическое лицо Германии. В стране сохранились острые социальные противоречия. Крепла и закалялась в борьбе Коммунистическая партия Германии. Она превращалась в ту организующую и направляющую политическую силу, которой так не хватало рабочему классу во время Ноябрьской революции 1918 г. К началу 30-х годов монополистическому капиталу противостоял внушительный авангард трудящихся в лице сильной

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 218.

компартии, за которой шли миллионы сторонников. Коммунистическое движение становилось особенно опасным для монополистического капитала в силу экономического кризиса и массовой безработицы, разразившихся в конце 20-х годов. Реформистские методы и социальная демагогия буржуазных партий и социал-демократии оказывались недостаточными для борьбы с нарастанием революционной волны.

Вместе с тем германский империализм сумел к этому времени в значительной степени оправиться от потрясений первой мировой войны. В 1927 г. промышленность Германии превзошла уровень довоенного производства. Увеличилась мощь гигантских монополистических объединений и фирм: «ИГ Фарбениндустри», Круппа, «Стального треста» и др.

Заправилы монополистического капитала сочли, что близится время ревизии Версальского договора и осуществления захватнических планов, родившихся еще во времена кайзеровской Германии. Начали проявляться и стремления, которые позднее сформировались в международную функцию фашизма,— создать военный кулак для борьбы против Советского Союза. Веймарская республика с ее буржуазно-парламентской системой, многопартийностью явно не годилась для этих целей.

Внутренний и внешний моменты тесно переплетались между собой: приступить к осуществлению империалистических целей германский монополистический капитал мог лишь в случае надежного обеспечения собственного тыла, т. е. подавления революционного движения в стране и установления сильной диктаторской власти.

Таким образом, в Германии 30-х годов, как и в Италии 20-х, возникла обстановка, когда монополистическому капиталу существующие формы господства мешали решить внутреннюю задачу подавления революционного движения и внешнюю — подготовку империалистической агрессивной войны, прежде всего против Советского Союза. Это и явилось главной причиной передачи власти в руки фашистской партии, которую возглавил Адольф Гитлер. В Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии подчеркивалось: приход фашистов к власти надо рассматривать «как признание того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления,— как признак того, что она не в силах больше найти выход из нынешнего положения на базе мирной внешней политики, ввиду чего она вынуждена прибегнуть к политике войны» [9].

Передача германским монополистическим капиталом власти Гитлеру в январе 1933 г. возвела фашизм в степень междуна-

[9] XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934, с. 11.

родной опасности. Под властью крайне реакционной шовинистической диктатуры оказалась страна, в которой монополистические группы, как уже указывалось, были наиболее хищническими и разбойничьими и которая обладала экономическим потенциалом, позволявшим подкрепить империалистические планы внушительной военной силой.

Захват власти фашистами в Испании произошел в иной внутренней и внешней обстановке, чем в Италии и Германии. Тем не менее причины зарождения фашизма и его превращения в правящую силу в сущности своей были те же.

Расстановка классовых сил в Испании была такова, что реакционная олигархия не могла рассчитывать на установление фашистской диктатуры собственными силами. Настроения в пользу республики и демократических преобразований были широко распространены среди трудовых слоев населения города и деревни, среди части мелкой и средней буржуазии, а также в определенных военных кругах. В коллективном труде испанских коммунистов, созданном под руководством Долорес Ибаррури, указывается: «Опыт 1931, 1932 и 1934—1936 гг. показал фашистским и реакционным элементам, что в национальном масштабе они сами по себе не имели достаточно сил для разгрома демократии. В самой Испании демократия была, бесспорно, сильнее, чем реакция и фашизм» [10].

Это обстоятельство заставило испанских фашистов искать поддержки за границей, прежде всего в Германии и Италии. Оттуда они получили прямую военную и политическую помощь, которая сыграла решающую роль и позволила реакционной военщине, поддерживаемой буржуазией, выиграть гражданскую войну и установить в Испании фашистскую диктатуру.

Гитлер и Муссолини посылали свои войска сражаться в Испанию не только в интересах испанского монополистического капитала. В генерале Франко они видели партнера по антикоммунистическому пакту и борьбе за осуществление агрессивных планов перекройки политической карты Европы и мира в пользу фашистских государств.

Не следует сбрасывать со счетов и военно-стратегические мотивы. Испания, охваченная гражданской войной, явилась удобным военным полигоном, на котором немецкие и итальянские генералы проверяли боеспособность вновь созданных агрессивных вооруженных сил, отрабатывали тактические схемы для ведения будущих захватнических войн. Немецкий генерал фон Райхенау в 1938 г. заявил по поводу военных действий в Испании: «Два года войны принесли больше пользы, чем десять лет обучения в мирных условиях» [11]. По выражению А. Нордена, «для вермахта

[10] История Коммунистической партии Испании. Краткий курс. М., 1961, с. 115.

[11] Цит. по: *Норден А.* Так делаются войны. О закулисной стороне и технике агрессии. М., 1972, с. 80.

третьего рейха его агрессивная война против испанского народа явилась как бы университетским курсом, подготовившим его к экзамену второй мировой войны» [12].

Для испанской реакции главная задача, которую она намеревалась решить с помощью фашистской диктатуры, состояла в том, чтобы подавить нарастающее революционное движение. Задача осуществления агрессивных устремлений не выступала на первый план столь отчетливо, как у гитлеровской Германии. Франкистский режим не располагал достаточным военно-экономическим потенциалом, чтобы претендовать на одну из главных ролей в мировом фашистском альянсе. Он соглашался на роль младшего партнера, который, однако, не прочь получить определенную долю в случае победы фашистских государств.

К началу второй мировой войны ведущие позиции в группе европейских фашистских государств, бесспорно, заняла гитлеровская Германия. Этому способствовали крайняя агрессивность немецкого фашизма, порожденная реваншистскими захватническими планами империалистических кругов Германии, а также наличие большого промышленного потенциала, который позволял создать мощную армию и оснастить ее современным вооружением.

В малых странах Европы фашистские движения не играли самостоятельной роли. Они смогли оказаться у власти в качестве коллаборационистов, полностью поддерживающих немецко-фашистских оккупантов, или в роли марионеток гитлеровской Германии, которая в силу тех или иных причин оставила им некоторые атрибуты мнимой независимости.

Фашисты приходили к власти в условиях ожесточенной классовой борьбы. Одной решимости монополистического капитала установить эту реакционнейшую из диктатур было недостаточно. Чтобы осуществить свои замыслы, ему необходимо было преодолеть сопротивление антифашистских, демократических сил.

Фашизм, еще не захвативший государственной власти и не создавший прочных позиций в массах, испытывает серьезные затруднения. Фактически он находится в положении, когда может быть отброшен и раздавлен своим противником. Однако это не может произойти стихийно. Антифашистские силы могут победить, если они организованны и сплоченны, а их действия предельно целенаправленны. Главная цель фашизма — разгром рабочего класса и его партий, но он не ограничивается этим. Он предпринимает поход и против всех других демократических сил и учреждений, вплоть до буржуазно-либеральных. Захватив власть, фашистские диктаторы, используя рычаги государственной власти, ее машину подавления, разгоняют все политические партии (кроме фашистской), ликвидируют представительные органы, лишают всех демократических и иных прав подавляющую массу населения страны.

---

[12] Цит. по: *Норден А.* Указ. соч., с. 80.

Таким образом, фашизм, несмотря на всю его демагогию и социальное маневрирование (о чем будет сказано ниже), объективно противопоставляет себя широким слоям населения, уже одним этим создавая предпосылки для антифашистского фронта, главной организующей и движущей силой которого является рабочий класс. Исход борьбы между фашистами и антифашистами в решающей степени зависит от того, в каком состоянии находится рабочий класс, от его способности в данный момент сплотить и повести за собой другие демократические, антифашистские силы.

Исторический опыт показывает, что рабочий класс может решить эту задачу только при условии единства своих собственных рядов. Практически это означает договоренность и совместные действия против фашизма и коммунистов, и социалистов (социал-демократов). И поскольку коммунистические партии являются наиболее последовательными, решительными выразителями и защитниками классовых интересов рабочих и других трудовых слоев, наиболее самоотверженными борцами против фашизма, успех или неуспех схватки с фашизмом оказывается во многом обусловленным способностью коммунистической партии выработать правильную тактическую линию по отношению к социалистам и таким образом внести решающий вклад в дело установления единства в самом рабочем классе.

Вместе с тем, какой бы правильной ни была политическая платформа и тактика коммунистов, как бы самоотверженно ни боролись они за единство действий, успех возможен лишь при наличии воли к единству и последовательности в стремлении к нему у социалистов и других антифашистских сил. Отсутствие такой воли у союзников или возможных союзников коммунистов по антифашистской борьбе является фактором практически невосполнимым.

Буржуазные и социал-демократические исследователи часто игнорируют эту важную сторону вопроса. Они охотно смакуют ошибки коммунистов (самими же коммунистами вскрытые), возводят их в абсолют. Тем самым они пытаются снять историческую ответственность за поражение антифашистских сил с тех, кто был непоследователен и пассивен, кто проявлял колебания в решающие моменты борьбы, разрушал единство и таким образом играл на руку общему врагу.

Необходимость и возможность совместных действий продемонстрировал в феврале 1934 г. пролетариат Австрии. Социал-демократы и коммунисты вместе сражались против фашистов и войск реакционного правительства. Это был первый вооруженный отпор рабочего класса фашизму после захвата власти фашистами в Италии и в Германии.

Совместные действия коммунистов и социалистов во Франции в 1934 г. сорвали заговор французских фашистов и привели к сплочению демократических сил страны на основе Народного фронта. Франция показала, что можно отразить наступление фа-

шизма в крупной и высокоразвитой капиталистической стране, и наметила единственно надежный путь к этому — создание Народного фронта и сплочение вокруг него всех демократических, антифашистских сил.

VII конгресс Коминтерна, собравшийся летом 1935 г., подвел итоги борьбы с наступающим фашизмом и сделал вывод о необходимости дальнейшего развития и практического применения тактики единого фронта. Коммунисты отказались от имевших место неправильных оценок социал-демократии как социал-фашизма и главной социальной опоры буржуазии. Конгресс еще раз заявил о готовности коммунистов к совместным действиям с социал-демократами в борьбе против фашизма. Он признал, что наиболее эффективной формой для объединения всех антифашистских сил является Народный фронт, выдвигающий антиимпериалистические, общедемократические задачи.

Развивая это положение, коммунисты пришли к выводу о целесообразности создания правительства пролетарского единого фронта или антифашистского Народного фронта. Они высказались за участие компартий в таком правительстве в зависимости от обстановки в каждой данной стране. При этом, однако, имелось в виду, что коммунисты ни при каких обстоятельствах не пойдут на примирение с реформистской идеологией и практикой, что они, как и прежде, будут разоблачать социал-демократизм как идеологию и политику классового сотрудничества с буржуазией.

Конгресс дал принципиальную оценку причин победы фашизма. Он указал на то, что рабочий класс в странах, где фашизм захватил власть, оказался недостаточно организованным и сплоченным. Это обусловливалось, с одной стороны, соглашательской политикой социал-демократии, ее нежеланием единства действий с коммунистами, а с другой — относительной слабостью самих коммунистических партий, которые не были в состоянии повести за собой весь рабочий класс, все потенциальные антифашистские силы.

Анализ политической борьбы в Италии 20-х годов убедительно подтверждает вывод о том, что фашизм побеждает лишь в том случае, если антифашистские силы раздроблены, социалисты проявляют непоследовательность, а коммунисты не поднялись до уровня основной собирательной силы антифашистской борьбы, если дело не дошло до единства действий рабочего класса и его политических отрядов, до создания в стране единого антифашистского фронта.

Была ли предрешена победа германского фашизма? Г. Димитров на VII конгрессе Коминтерна ответил на этот вопрос отрицательно. При этом он указал на те конкретные действия со стороны рабочего класса, которые могли привести фашизм к поражению: «...он должен был добиться установления единого антифашистского пролетарского фронта, заставить вождей социал-демократии прекратить поход против коммунистов и принять не-

однократные предложения Компартии о единстве действий против фашизма.

Он должен был при наступлении фашизма и при постепенной ликвидации буржуазией буржуазно-демократических свобод не удовлетвориться словесными резолюциями социал-демократии, а отвечать подлинной массовой борьбой, затрудняющей осуществление фашистских планов германской буржуазии.

Он должен был не допустить запрещения правительством Брауна — Зеверинга Союза красных фронтовиков, а установить между ним и почти миллионным рейхсбаннером (военизированная организация социал-демократов.— *В. Е.*) боевой контакт и заставить Брауна и Зеверинга вооружить и тот и другой для отпора и разгрома фашистских банд.

Он должен был вынудить лидеров социал-демократии, возглавлявших правительств Пруссии, принять меры обороны против фашизма, арестовать фашистских вождей, закрыть их печать, конфисковать их материальные средства и средства капиталистов, субсидировавших фашистское движение, распустить фашистские организации, отнять у них оружие и т. д.» [13].

Эти меры могли быть приняты только в том случае, если бы германский рабочий класс противопоставил фашизму единство своих рядов и выступил во главе антифашистского фронта всех демократических сил. Этого не произошло в Германии, так же как не случилось в Италии. И итальянский, и германский фашизм смог разбить своих противников поодиночке.

Коммунисты Германии в период наступления фашизма не избежали серьезных сектантских ошибок. Они не всегда правильно оценивали соотношение между растущей опасностью фашизма и задачами борьбы против социал-демократизма. Соглашательская, резко антикоммунистическая, а порой просто предательская с точки зрения интересов рабочего класса политика правых лидеров германской социал-демократии толкала коммунистов на неправильные выводы в отношении этой партии и ее сторонников.

Но не эти ошибки явились главным препятствием для установления единства действий рабочего класса и создания широкого антифашистского фронта в Германии. В своей борьбе за единство Компартия Германии наталкивалась на непреодолимую стену антикоммунизма, воздвигнутую руководством СДПГ. Эта стена возникла не в результате отдельных ошибок или неправильных оценок: она сложилась вследствие политики раскола рабочего класса, последовательно осуществлявшейся лидерами германской социал-демократии.

В Отчетном докладе о деятельности Исполкома Коминтерна VII конгрессу Коммунистического Интернационала В. Пик, касаясь установления фашистской диктатуры в Германии, указывал, что немецкие коммунисты, несмотря на их самоотверженную

---

[13] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 1. М., 1957, с. 385—386.

борьбу, были «бессильными одни отвратить эту катастрофу от рабочих масс» [14]. Они пытались активизировать действия пролетариата, всячески старались побудить СДПГ к совместным выступлениям. «Но социал-демократическая партия,— отмечал В. Пик,— решительно отклоняла все попытки коммунистов. Даже тогда, когда фашисты уже перенесли борьбу на улицу, когда во всех городах Германии фашисты терроризировали рабочих и убивали из-за угла виднейших представителей пролетариата,— даже тогда социал-демократия продолжала ограничиваться лишь бессильными парламентскими протестами» [15].

Историческая вина германской социал-демократии состоит в том, что, ведя за собой значительную часть немецкого рабочего класса, она объективно действовала вопреки его интересам, на руку его классовому противнику — монополистическому капиталу, стремившемуся к установлению фашистской диктатуры.

Коммунистам Испании в ходе борьбы против реакции удалось создать Народный антифашистский фронт. Он одержал победу на выборах в кортесы в феврале 1936 г., что привело к образованию левого правительства, пользовавшегося поддержкой компартии. Фашизм ответил на это военным путчем, который перерос в тяжелую гражданскую войну.

К этому времени в мире уже достаточно четко вырисовывались две противостоящие группировки империалистических держав, германо-итальяно-японская и англо-франко-американская. Вторая группировка стояла перед лицом агрессии со стороны фашистских держав, не скрывавших своих планов передела мира. Путем соглашений и уступок английские, французские и американские политики надеялись отвратить фашистскую агрессию от себя и направить ее против Советского Союза. В кратком курсе истории Коммунистической партии Испании справедливо указывалось, что «политика невмешательства и «нейтрализма» представляла собой применение к Испании политики поощрения германского и итальянского фашизма, которую проводили самые хищнические круги международного монополистического капитала...» [16]

Испанские события не были ни единственным, ни даже самым главным примером подобного поощрения. Конечно, в Италии и Германии фашизм сумел получить власть в итоге тех или иных внутриполитических процессов. Но неустойчивые в первый период пребывания у власти фашистские режимы не могли бы утвердиться, если бы правящие круги крупных капиталистических держав воспрепятствовали этому. Известно, что дело обстояло как раз наоборот. Господствующие классы Англии и США отнеслись к фашистским диктаторам благожелательно, оказывали им прямую

---

[14] *Пик В.* Избранные речи и статьи. М., 1976, с. 97.
[15] Там же.
[16] История Коммунистической партии Испании, с. 132.

материальную и моральную поддержку. Особенно велика была она в отношении Германии, что имело немалое значение для подготовки ею второй мировой войны. Такая позиция обусловливалась тем обстоятельством, что в глазах империалистов фашистские страны были ударным кулаком международной реакции, направленным против первой страны социализма, против освободительного движения трудящихся. В этом заключалась роль фашизма в международном масштабе.

ФАШИЗМ — ОРУДИЕ ГОСПОДСТВА МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Фашистское движение до захвата власти и после него сопровождалось рядом сопутствующих явлений, которые используются буржуазными исследователями для затушевывания его сущности. Демагогические высказывания фашистских лидеров, направленные против монополий, массовая база и ряд других моментов дали основание для искаженных оценок фашизма, уводящих от истины.

Научное определение сущности фашизма было дано на XIII пленуме Исполкома Коминтерна в 1933 г. Оно гласило: «Фашизм есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала» [17]. В основу этого определения положен классовый принцип: кому, чьим интересам служит фашизм, в угоду каким общественным группам осуществляет он свою политическую власть. Но классовая функция фашизма была осознана и раскрыта коммунистическими партиями еще до того, как он пришел к власти в Германии и в достаточной мере раскрыл себя. В программе Коминтерна, принятой VI конгрессом, указывалось: «Комбинация социальной демагогии, коррупции и активного белого террора наряду с крайней империалистической агрессивностью в сфере внешней политики являются характерными чертами фашизма. Используя в особо критические для буржуазии периоды антикапиталистическую фразеологию, фашизм, упрочившись у руля государственной власти, все более обнаруживает себя как террористическая диктатура крупного капитала, теряя по дороге свои антикапиталистические побрякушки» [18].

Разумеется, фашистские идеологи пытались как можно дольше сохранить эти «антикапиталистические побрякушки». В их планы не входило раскрывать подлинную сущность и классовый характер режима и после прихода фашизма к власти. Особенно же это было важно для них в период борьбы за власть. Фашистское движение представлялось как носитель некой всеобъединяющей идеи, и на первый план выдвигались такие понятия, как «нация», «госу-

---

[17] XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1934, с. 589.
[18] VI Конгресс Коминтерна. Стенографический отчет, вып. VI. М.— Л., 1929, с. 18.

дарство», «долг», «порядок» и т. п. Вот характерное высказывание Муссолини: «В основе фашизма лежит концепция государства, его характера, обязанностей и целей. Фашизм понимает государство как абсолют, по сравнению с которым все отдельные лица или группы имеют относительное значение» [19]. Не менее примечательны в этом отношении рассуждения главаря английских фашистов Мосли. В своей книге «Великая Британия» он писал: «Движение является фашистским, так как оно 1. Основывается на высоком понимании гражданства — на идеалах, столь же возвышенных, как те идеалы, которые вдохновляли реформистов сто лет назад, и 2. Признает необходимость авторитарного государства, стоящего выше партий и фракционных интересов» [20].

В этих рассуждениях нет ничего оригинального. Буржуазия и раньше прибегала к демагогическим уловкам для маскировки своей диктатуры. Но фашизм использует категории общего, пожалуй, намного шире, чем любая другая буржуазная диктатура. Особенно характерна в этом отношении программа немецких фашистов, принятая в 1920 г. Здесь и положение о том, что «деятельность отдельного лица не должна нарушать интересов общества», и требование «беспощадной борьбы против нарушителей общественных интересов», даже «борьбы против сознательного политического обмана и распространения его через печать» [21].

Монополистическому капиталу подобная демагогия позволяла сбить революционные настроения масс, требовавших социальных перемен. Рассуждения фашистов об общих идеалах прямо противопоставлялись идеям социалистической революции. Более того, фашистское движение выдавалось за революционное, а приход фашизма к власти — за народную революцию.

Итальянские фашисты до прихода к власти часто называли себя «партией трудящихся» или даже «революционной партией». В сентябре 1920 г. Муссолини предлагал профсоюзам помощь в случае, если они решат бороться за власть. Он активно выступал тогда за «необходимые социальные трансформации», говорил о целой серии антикапиталистических мероприятий [22].

Монополистический капитал особенно устраивали националистические взгляды и действия фашистов. Национализм постепенно дополняется, как наглядно видно на примере германского фашизма, расизмом и такими его проявлениями, как антисемитизм, антиславянизм и т. д.

Антисемитизм со всей отчетливостью проявился у немецких фашистов задолго до их прихода к власти. Однако подлинного разгула он достиг, когда нацисты использовали в борьбе против

---

[19] Цит. по: *Палм Датт Р.* Фашизм и социалистическая революция. М., 1935, с. 64—65.

[20] Там же, с. 65.

[21] Цит по: *Гейден К.* История германского фашизма. М., 1935, с. 17—18.

[22] См.: *Лопухов Б. Р.* Фашизм и рабочее движение в Италии. М., 1968, с. 328 и сл.

евреев не только партийные, но и государственные рычаги. Начав с антисемитских теорий, фашисты прошли через разграбление имущества еврейского населения и закончили физическим уничтожением миллионов евреев.

Разумеется, уничтожение довольно широкой прослойки населения, являвшей собой в значительной части квалифицированную рабочую силу, оборачивалось определенными потерями для государства. Однако немецкие промышленные и финансовые круги получали большие материальные ценности, присваивая крупные еврейские фирмы и предприятия. Мелкие торговые и производственные предприятия попадали в руки новоявленных нацистских бонз; создавалась новая мелкобуржуазная прослойка, преданная режиму. Ликвидация предприятий, принадлежавших евреям, позволяла фашистским пропагандистам говорить об «антикапиталистических действиях», что в определенный период было важно для удержания масс. И, наконец, поход против евреев подготавливал почву для аналогичных действий против других народов.

После того как фашизм приходит к власти, подавляет революционное движение и укрепляет свое господство, в направлении его пропаганды происходит известное смещение. Под «общие идеалы» все больше и настойчивее подводятся крайние шовинистические устремления. Национализм, присущий фашизму с момента его зарождения, приобретает заостренные черты. Монополистический капитал приступает к захватам. Ему важны теперь не просто категории «государства», «порядка» и т. п., а националистические лозунги, внушающие мысль о превосходстве данного государства, как идеологическое оправдание агрессии против низших, обреченных на гибель народов и государств.

Монополистический капитал не сразу избирает именно фашистов в качестве орудия осуществления власти и защиты своих интересов. На первоначальной стадии существования фашистских движений некоторые представители крупной буржуазии подозрительно относятся к их псевдореволюционным лозунгам, имеющим внешнюю антикапиталистическую окраску. Итальянский монополистический капитал встал на путь прямой и широкой финансовой и политической поддержки фашистов, когда убедился в способности именно этой партии и ее вождей установить жесткую диктатуру, ликвидировать либерально-парламентские формы и методы власти, с помощью которых монополисты не могли в тот момент решать задачи, выдвигаемые этим классом.

По мнению итальянского исследователя Э. Росси, крупный промышленный и финансовый капитал повернулся в сторону фашизма осенью 1920 г., т. е. в период острых классовых боев, во время которых фашисты показали свою способность к жестоким, не останавливающимся ни перед какими моральными или правовыми нормами действиям против борющегося пролетариата. В своей книге «Хозяева пара» Э. Росси пишет: «Крупные промышленники... убедились отныне, что фашизм является лучшей инве-

стицией военных сверхприбылей: они финансировали политические и административные выборы, в которых правые либералы объединялись с фашистами; они давали необходимые средства для организации карательных экспедиций, убийств, поджогов, преследований антифашистов...» [23]

Основой итальянского фашистского движения в его первые годы были военизированные отряды, составленные из весьма пестрого контингента деклассированных элементов, недовольных общественным развитием и видевших своего главного врага в организованном рабочем движении. В ударные батальоны фашистов входили бывшие фронтовики, не нашедшие себе места в послевоенной жизни, представители мелкобуржуазных прослоек, уголовные элементы, часть бездельников из так называемой буржуазной «золотой молодежи», подверженной крайнему авантюризму. Среди руководителей были бывшие и настоящие военные, мелкобуржуазные интеллигенты анархо-синдикалистского и подобного толка.

Такое движение никогда не обрело бы политической силы, если бы промышленные и финансовые монополии не оказали ему многосторонней поддержки. К Муссолини и его сподвижникам потекли средства от магнатов тяжелой индустрии, руководителей объединения промышленников, крупных аграриев и владельцев заводов, перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию.

Эта помощь позволила фашистам укрепить свои отряды, значительно увеличить их численность, а главное, развернуть широкую агитацию и начать поход за захват политической власти. Итальянский фашизм, зародившийся как довольно узкое и пестрое движение, начал обретать силу, когда за его спиной оказался монополистический капитал. С тех пор, какие бы демагогические лозунги и цели ни выдвигались Муссолини и его окружением, фашизм становится орудием власти одного вполне определенного класса — монополистической буржуазии.

Этот процесс, пожалуй, в еще более наглядной форме прослеживается в Германии. В 20-х годах монополистический капитал не видел нужды в установлении тоталитарной диктатуры. И тем не менее уже в то время определенные группы крупной буржуазии рассматривали нацистскую партию и ее главаря Гитлера как свой резерв. Известно, что промышленники начали снабжать деньгами нацистов еще в начале 20-х годов.

В 1928—1929 гг. НСДАП, используя предоставленные ей финансовые средства, реорганизует свой аппарат. Она к этому времени насчитывает тысячи хорошо обученных партийных чиновников. Растут число, тираж и объем нацистских газет. Расширяется СА — партийная армия нацистов, усиливается террористическая деятельность ее отрядов, направленная против рабочих организаций.

---

[23] Цит. по: *Лопухов Б. Р.* Указ. соч., с. 371.

В начале 30-х годов финансирование нацистов со стороны промышленников приобретает организованный характер. Гитлер неоднократно выступал перед представителями промышленного и финансового капитала с программой ликвидации буржуазно-парламентского строя и принятия мер для обеспечения интересов крупной буржуазии и подавления сопротивления ее классовых противников.

Монополистический капитал Германии принял непосредственное участие в передаче Гитлеру государственной власти, а вскоре после прихода фашистов к власти промышленники создали «фонд Адольфа Гитлера», в который отчисляли около 0,5% от общей суммы заработной платы рабочих и служащих. «ИГ Фарбениндустри» выплатила в фонд с 1933 по 1944 г. около 80 млрд. марок. Миллионы марок переводились прямо на счет СС, а также других организаций нацистов.

В июле 1933 г. по указу Гитлера при правительстве был создан Генеральный совет экономики, в который вошли представители крупнейших монополий. Да и в самом правительстве, в первом его составе и в последующих, всегда были прямые представители промышленных и финансовых кругов (Папен, Гугенберг, Шахт и др.). Многие нацистские бонзы стали владельцами предприятий. В многотомной «Истории немецкого рабочего движения» справедливо отмечается, что власть оказалась в руках партии, которая «наилучшим образом отвечала классовым интересам реакционнейших групп немецкого финансового капитала и других самых реакционных кругов» [24].

Фашистские партии в западноевропейских странах, включая и те, которые не пришли к власти, в той или иной форме были связаны с крупнопромышленными кругами. Это обстоятельство, наряду с другими, опровергает утверждения о некоем «национальном», «надклассовом», «народном» характере фашистского движения.

Опровергаются они и всей политикой фашистских партий в качестве правящих. Самым характерным для нее является тесное переплетение экономического могущества монополий и политической власти фашистского государства, действовавшего в интересах финансового и промышленного капитала. Это чрезвычайно ускорило развитие государственно-монополистического капитализма. В предвоенной фашистской Германии, например, слияние власти монополий и государства, политической власти и власти крупной буржуазии достигло более значительной степени, чем в Соединенных Штатах. Германия того времени являла собой страну с высокой концентрацией и монополизацией капитала, страну, где экономическая власть монополий была практически безгранична.

Речь, однако, шла не только о сотрудничестве между государством и монополиями, а о создании основы для слияния, сра-

[24] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5. Berlin, 1966, S. 10.

щивания власти монополий с властью фашистского государства. Фактически именно об этом говорилось на встречах представителей Имперского союза германской промышленности с Гитлером, состоявшихся в апреле — мае 1933 г. Суммируя итоги этих встреч, председатель союза Крупп писал о готовности промышленников действовать «в унисон с политической необходимостью», чтобы их организация «смогла быть эффективным инструментом промышленной экономики в рамках национального, социального и общеэкономического восстановления Германии»[25]. Таким образом, Крупп открыто высказывался за осуществление в рамках фашистского рейха государственно-монополистического регулирования на основе тесной координации интересов государства и монополий в экономической и политической областях.

Уже в течение 1934 г. был осуществлен ряд мероприятий в этом направлении, в результате которых союзы предпринимателей стали частью государственной системы власти. Владельцы предприятий были наделены званием «промышленный фюрер». Фашистские властители вместе с монополистами практически создали новые формы взаимодействия монополий и государства, которые значительно усилили процесс государственно-монополистического развития.

Развитие этого процесса не означало, однако, что фашизму удалось ликвидировать монополистические противоречия, борьбу одних промышленно-финансовых групп против других. Наоборот, в фашистской Германии сразу же развернулась ожесточенная борьба между рядом крупнейших монополистических групп за господство над государственно-монополистическими институтами, за выбор направлений в развитии экономики[26].

Однако эта борьба не угрожала общему направлению государственно-монополистического развития и фашистской власти, как таковой. Государственные органы, находившиеся под непосредственным влиянием, порой даже в руках представителей крупного капитала или нацистов, тесно связанных с банками и промышленностью, выступали в качестве силы, стремившейся урегулировать или по крайней мере сгладить межмонополистические противоречия.

Монополистическая буржуазия, несмотря на ее классовую организованность, не всегда и не при всех условиях может менять формы государственного правления. Фашизм за годы своей власти заручился поддержкой не только в кругах крупной буржуазии. Он создал огромный аппарат власти, ставший государством в государстве. Защищая в целом интересы монополистического ка-

---

[25] См.: *Федоров Р. П.* Анонимная власть. Классовые организации монополистического капитала в ФРГ. М., 1970, с. 79.

[26] См., например: *Чихон Э.* Курс германского фашизма на перевооружение и события 1936 г. (О некоторых проблемах государственно-монополистического развития при фашистской диктатуре).— В кн.: Ежегодник германской истории 1972. М., 1973, с. 242—268.

питала, этот аппарат позволял фашистской верхушке действовать в определенной мере самостоятельно и даже вступать в конфликты с частью крупной буржуазии.

В фашистской Италии государство постоянно вмешивалось в область финансов и экономики, чтобы обеспечить благоприятные условия для выколачивания монополистами прибылей. Во время экономического кризиса конца 20 — начала 30-х годов фашистское правительство за счет казны спасло от разорения ряд ведущих банков. Оно создало специальный финансовый орган — Институт промышленной реконструкции (ИРИ), призванный заботиться о финансировании промышленных комплексов в случае, если частные банки попадали в затруднительное положение. Затем этот институт приобретал у банков все акции, от которых они по тем или иным причинам стремились избавиться.

Эти меры имели далеко идущие последствия. Они ускорили процесс монополизации, усилили государственно-монополистическое регулирование экономики [27], что в свою очередь создавало условия для усиления эксплуатации трудящихся, подавления их недовольства и возможного сопротивления наступлению монополий на их интересы с помощью государственных органов власти.

Годы фашистского господства в Италии многие партийные руководители использовали для личного обогащения. Они не только получали финансовую помощь от монополистического капитала, подчиняя за это государственную власть его интересам, но и сами становились участниками монополистической эксплуатации.

Весьма яркую характеристику этим фашистским нуворишам дал П. Тольятти. В статье «Италия в тисках фашизма» он писал: «После 18 лет пребывания у власти вожаки фашистской банды, которые в 1922 году жили по законам уголовного мира, сделались капиталистическими магнатами, владельцами домов и дворцов, собственниками огромного недвижимого имущества. Они заседают в административных советах трестов и концернов, монополизировавших в своих руках все народное хозяйство... Предатель, нищий, как церковная мышь, журналист Бенито Муссолини, выклянчивавший субсидии у иностранных посольств и крупных промышленников, стал... одним из крупнейших капиталистов страны» [28].

Поистине неисчерпаемые возможности несли монополиям военно-агрессивные планы фашистов. И не только с точки зрения будущих захватов, т. е. расширения сырьевых баз и рынков сбыта. Милитаризация экономики в порядке подготовки будущих войн приносила огромные прибыли и в предвоенный период. Реорганизация всей экономики применительно к милитаристским целям вела к огромному разрастанию военно-промышленного комплекса

---

[27] См.: *Sarti R.* Fascism and the Industrial Leadership in Italy 1919—1940. Berkeley — Los Angeles, 1971.

[28] *Тольятти П.* Избранные статьи и речи, т. I, с. 217.

и превращению его в основу всей экономики страны, что в еще большей степени привязывало друг к другу монополистический капитал и фашистские партии.

Монополистический капитал неизбежно сталкивался с сопротивлением рабочего класса и других антимонополистических и антимилитаристских сил. Фашисты, находившиеся у власти, брали на себя преодоление этого сопротивления, используя методы подавления и националистическую и иную демагогию.

Весьма важен для монополий тот факт, что, ликвидировав легальные классовые организации пролетариата, фашизм решающим образом подорвал позиции рабочих в борьбе за свои социальные и другие интересы. Трудящиеся были практически лишены сколько-нибудь эффективных средств борьбы (забастовки и др.). Буржуазия получила возможность не только не считаться с требованиями рабочих, но и отнять у них те социальные завоевания, на которые она была вынуждена пойти ранее.

Социальная политика нацистов, сочетавшая некоторые уступки с рассуждениями о долге, чести, национальной гордости и т. п., лишала рабочих классовой ориентации, создавала иллюзии о возможности общности интересов предпринимателей и людей труда, что давало огромную выгоду монополистическому капиталу, всегда стремившемуся прикрыть эксплуатацию разговорами о «социальном мире».

Менее чем через три месяца после прихода фашистов к власти в Германии Крупп от имени Имперского союза германской промышленности направил правительству план преобразования промышленности в целях ее приспособления к быстрой милитаризации. Правительство одобрило предложения Круппа и начало разработку соответствующих мероприятий. В июле 1933 г. был издан закон о принудительной картелизации. Многие мелкие и средние предприятия потеряли свою самостоятельность и перешли в руки заправил военно-промышленного комплекса.

В конце 1934 г. вся экономика гитлеровской Германии была поделена на шесть имперских групп: промышленность, торговля, ремесло, банки, страховое дело, энергетика. Решающие позиции в этих группах заняли крупнейшие монополии. Это позволило придать соответствующее направление не отдельным промышленным объединениям или отраслям, а всему хозяйству страны.

Рост концентрации производства, усиление гегемонии группы предприятий наблюдались и в фашистской Италии, причем правительство прямо содействовало концентрации посредством всякого рода фискальных льгот. Процесс концентрации производства и капитала нашел наглядное отражение в цифрах, которые приводит итальянский историк П. Мелограни [29].

---

[29] *Melograni P.* Gli industriali e Mussolini. Milano, 1972, p. 266—267.

Дата	Общее число акционерных компаний	Компании с капиталами свыше 50 млн.	Общий капитал всех компаний	Капиталы компаний, имеющих свыше 50 млн.
31.XII 1932 г.	16 277	144 (0,88 %)	42 650 590	25 673 075 (51,7 %)
31.XII 1935 г.	19 228	124 (0,64 %)	44 095 092	21 915 222 (49,7 %)
31.XII 1938 г.	20 809	142 (0,68 %)	53 129 052	29 450 289 (55,4 %)
31.XII 1941 г.	27 062	181 (0,67 %)	67 785 770	41 084 672 (60,6 %)

Важно было и то, что германский и итальянский монополистический капитал видел в фашистской партии ту силу, которая не связана с международно-правовой системой, возникшей после первой мировой войны. Фашисты могли действовать без особой оглядки на договорные обязательства, принятые другими партиями и правительствами. А их авантюризм и беспринципность гарантировали возможность взорвать существующую систему договоров и приступить к новому переделу мира, когда это будет угодно военно-промышленному комплексу, без оглядки на этические или международно-правовые нормы.

Более того, расовые и националистические теории фашистов, вдалбливавшиеся в умы людей с помощью огромного пропагандистского аппарата, давали возможность, хотя и временно, доводить целые народы до состояния шовинистического угара. Монополистический капитал смог привлечь к осуществлению своих агрессивных, узкоклассовых интересов не только экономические, но и людские ресурсы страны.

Разумеется, фашистские партии могли создать относительно прочные устои власти как с помощью подавления и уничтожения своих противников, так и посредством создания довольно широкой прослойки населения, которая получала материальные выгоды. К этой прослойке относилась прежде всего партийная бюрократия на всех ее уровнях. По мере ограбления фашистами других стран расширялась система подачек. Таким образом, шовинистическая пропаганда нацистов подкреплялась серьезным материальным фактором, делавшим относительно прочным тыл фашистских армий, двинутых на захваты чужих территорий.

Однако главным получателем материальных выгод от власти фашистов и осуществления ими агрессивной политики был монополистический и финансовый капитал. Перевод хозяйства страны на военные рельсы обеспечивал промышленникам и банкирам всевозрастающие, стабильные прибыли. Монополистический капитал никогда в своей истории не имел столь широких возможностей для безудержной эксплуатации рабочего класса и других трудовых слоев населения, как во времена фашизма.

Фашистское государство взяло на себя перераспределение финансовых средств в пользу быстро растущего военно-промышленного комплекса. Налоговая система, выпуск многочисленных государственных займов, политика заработной платы и цен — все это было подчинено цели выкачать у населения максимум денег и направить их на дальнейшее расширение монополий. Так, в Италии с 1934 по 1939 г. налоги увеличились на 67%, а де-

нежное обращение только за три года (1937—1939 гг.) возросло на 50%. При этом фашистских руководителей не смущали неудержимый рост государственного долга, постоянное увеличение количества необеспеченных бумажных денег, развитие инфляции.

Монополистический капитал фашистских стран-агрессоров получил возможность расширять инфраструктуру за счет практически безвозмездного включения в свою империю промышленных предприятий оккупированных стран. Он мог осуществлять эксплуатацию захваченных предприятий непосредственно на месте или же производить их демонтаж и передислокацию на территорию самих фашистских стран. Вместе с предприятиями захватывались и важнейшие источники сырья. Они попадали в руки монополий фашистских стран, так сказать, в готовом виде и, как правило, не требовали капиталовложений. Монополии освобождались от обычно неизбежных инвестиций на расширение сырьевой базы.

В настоящее время опубликовано большое число документов, свидетельствующих о том, что фашистское правительство Германии совместно с крупнейшими немецкими концернами имело широко разветвленный план захвата промышленных предприятий, сырьевых ресурсов, банковских активов оккупированных фашистами стран [30]. Наиболее детально готовились германские монополии к разграблению промышленности и сырьевых богатств Советского Союза. В секретной директиве Геринга («зеленая папка»), изданной в июне 1941 г., в качестве главной экономической цели предстоящей войны против СССР указывалось: «Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти» [31]. В развитие этой мысли в инструкции говорилось: «Совершенно неуместна точка зрения, будто оккупированные районы должны быть возможно скорее приведены в порядок, а их экономика восстановлена... Развивать хозяйство и поддерживать порядок следует только в тех районах, где мы можем получить значительные резервы сельскохозяйственных продуктов и нефти» [32].

Немаловажным фактором было и то, что фашисты ввозили из оккупированных стран миллионы насильственно угнанных рабочих. Например, только за восемь месяцев 1942 г. в Германию из оккупированных ею стран было ввезено около 3 млн. человек.

Особая роль в этом отношении отводилась захваченным районам Советского Союза. В директиве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Ф. Заукеля от 20 апреля 1942 г. указывалось: «...Огромные резервы такой рабочей силы имеются на оккупированных территориях Востока. Поэтому тре-

[30] См.: Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны. М., 1971, док. 102, 105, 118, 131, 158 и др.

[31] Там же, с. 325.

[32] Там же, с. 326.

буется обязательно и полностью использовать существующие людские резервы в захваченных советских районах. Если не удастся получить потребную рабочую силу на добровольной основе, надо немедленно приступить к ее изъятию или принудительной депортации. Таким образом, наряду с военнопленными, которые еще находятся на оккупированных территориях, нужно мобилизовать прежде всего гражданских лиц и квалифицированных рабочих и работниц в советских районах, начиная с пятнадцатилетнего возраста, для использования на работе в Германии» [33].

Иностранные рабочие, военнопленные, узники концентрационных лагерей тысячами и десятками тысяч приписывались к промышленным предприятиям, принося чистый доход их владельцам. Расходы по воспроизводству рабочей силы были сведены до минимума. Пригнанные нацистами на немецкие предприятия русские, поляки, югославы, французы полностью истощались, проработав подчас несколько месяцев, в лучшем случае 1—2 года. Это не тревожило германских монополистов, ибо они получали новые и новые партии рабов, уделом которых было отдать под плеткой нацизма все свои силы и умереть.

Годы фашизма явились периодом наиболее бурного роста прибылей монополистического и финансового капитала. Особенно четко это прослеживается на примере фашистской Германии. Концерн Круппа в 1933/34 г. получил 6,65 млн. рейхсмарок чистой прибыли, а в 1938/39 г.—21,11 млн., т. е. еще в довоенный период более чем утроил прибыли. «ИГ Фарбениндустри» за семь предвоенных лет увеличил прибыли более чем в 9 раз. Прибыли одного из крупнейших немецких банков того времени — «Дрезденер банк» — с 1,6 млн. рейхсмарок в 1933 г. подскочили до 9 млн. в 1940 г. Доходы основных итальянских монополий в 1934—1939 гг. увеличились на 80%. Темпы увеличения прибылей в годы войны резко возросли за счет факторов, упомянутых выше.

Монополистический и финансовый капитал, вложивший немалые средства в дело становления фашистского движения и передачи ему государственной власти, получал теперь более чем солидные дивиденды.

Европейский фашизм и его основной отряд — гитлеризм, представляя интересы определенных групп мирового монополистического капитала, в силу ряда причин не был в состоянии преодолеть межимпериалистические противоречия. Германские фашисты начертали на своем знамени лозунг завоевания мирового господства. Гитлер намеревался воевать против Советского Союза, но не в интересах империализма в целом, а в рамках борьбы за установление власти фашистской Германии над всем миром.

Империалистические круги западных стран были готовы к переделу мира и к серьезным уступкам фашистским странам, имея

---

[33] Там же, с. 391.

в виду в конечном итоге использовать их против СССР. Но фашизм поставил вопрос не о переделе мира, а о подчинении его себе, об уничтожении не только социализма, но и буржуазно-демократических порядков. Речь шла о самом существовании национальной государственности капиталистических стран Запада.

Это предопределило национально-освободительный антифашистский характер будущей войны. Возникнув как столкновение империалистических группировок, она не могла остаться в этих рамках, особенно после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз и создания антифашистской коалиции. Война всколыхнула широкие народные массы, подняла их на борьбу против фашизма как наиболее реакционного и агрессивного проявления империализма, поставившего под угрозу культурные и иные достижения человеческого общества.

Империалистические круги западных стран оказались вынужденными мириться с подобным развитием. Они были связаны антифашистским союзом с СССР и антифашистским настроем собственных народов, размахом национально-освободительной борьбы. Они должны были довести войну до разгрома фашизма и его безоговорочной капитуляции.

СИСТЕМА ТЕРРОРА, НАСИЛИЯ, ДЕМАГОГИИ

Фашизм — это вполне конкретная форма диктатуры монополистического капитала, к которой буржуазия прибегает при определенных условиях. Попытки рассматривать фашизм как неизбежный (объективный) этап (стадию) развития капиталистического общества направят исследователя по ложному пути и в конечном итоге заведут его в логический тупик.

Способность капитала менять формы диктатуры в зависимости от условий классовой борьбы и возможностей осуществления своих основных задач была исследована В. И. Лениным задолго до того, как появился фашизм. При всем разнообразии приемов, с помощью которых осуществляется диктатура буржуазии в ее повседневной практике, В. И. Ленин выделял два основных метода. Еще в 1910 г. он писал: «...Буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ... Второй метод — метод «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.» [34]

[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 67.

Любое насилие встречает неизбежное сопротивление со стороны того класса, против которого оно осуществляется. Монополистический капитал не может не считаться с тем, что, применяя метод открытого насилия, он обостряет классовую борьбу, а значит и ставит под угрозу сами устои буржуазного общества. Исходя из этого монополистическая буржуазия в целом предпочитает использовать для сохранения своего господства иные формы власти, по вышеприведенному выражению В. И. Ленина, «метод либерализма». Фашизм как открыто насильственная форма осуществления власти применяется тогда, когда «метод либерализма» исчерпывает себя и власть капитала подвергается угрозе.

История развития буржуазного общества являла многочисленные примеры смены одной формы диктатуры другой, перехода от первого метода борьбы за удержание своего господства ко второму и наоборот. Зачастую эти перемены не носили глубокого характера и сводились лишь к частным изменениям или дополнениям существующих форм государственной власти, к смещению акцентов в идеологической борьбе, к перегруппировке политических партий, к смене правительства и т. д.

Использование фашизма в качестве формы диктатуры монополистического капитала развязало глубинные общественные процессы, привело к коренным преобразованиям всей системы власти, к серьезной реорганизации государственной машины подавления, практически к созданию новой системы террора и насилия. Г. Димитров в своем докладе на VII конгрессе Коминтерна справедливо подчеркивал: «Приход фашизма к власти — это не обыкновенная замена одного буржуазного правительства другим, а смена одной государственной формы классового господства буржуазии, буржуазной демократии, другой его формой — открытой террористической диктатурой» [35].

Но, прибегая к фашистской диктатуре, буржуазия не рискует полагаться только на аппарат насилия. Фашизм наряду со всеохватывающей тотальной системой террора вырабатывает рафинированную систему подкупа определенных слоев населения, включая и некоторые категории рабочего класса. В условиях ведения агрессивных войн (а это неизбежно при фашизме) материальная основа для подкупа и подачек создается преимущественно не за счет прибылей монополий, а за счет ограбления захваченных стран и народов.

Фашизм предстает перед нами как особая форма буржуазной диктатуры, использующая наряду с террором и насилием методы идеологического и материального воздействия на массы в целях создания широкой социальной базы, массовой опоры.

Эта весьма важная особенность фашизма была отмечена и проанализирована коммунистическими партиями уже на итал-

[35] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 1. София, 1967, с. 608.

янском примере. В Тезисах о международном положении и задачах Коминтерна, утвержденных на его VI конгрессе в 1928 г., говорилось следующее: «Характерная черта фашизма заключается в том, что в связи с потрясением кацаталистического хозяйственного порядка и вследствие особых объективных и субъективных обстоятельств буржуазия использует,— дабы преградить путь развитию революции,— недовольство мелкой и средней городской и сельской буржуазии и даже некоторых слоев деклассированного пролетариата с целью создания реакционного массового движения. Фашизм прибегает к методам прямого насилия, чтобы сломить силу рабочих организаций и организаций крестьянской бедноты и приступить к захвату власти. Очутившись у власти, фашизм стремится установить политическое и организационное единство всех господствующих классов капиталистического общества (банки, крупная промышленность, аграрии) и осуществляет их безраздельную, открытую и последовательную диктатуру. Он предоставляет в распоряжение господствующих классов вооруженные силы, специально вымуштрованные на предмет гражданской войны, и осуществляет новый тип государства, открыто опирающегося на насилие, принуждение и коррумпирование не только буржуазных слоев, но и некоторых элементов рабочего класса» [36].

До поры до времени монополистический капитал в борьбе за сохранение своего господства мог опираться на сравнительно узкую основу власти: государственный аппарат, армию, полицию, реакционные союзы и т. д. Этого было вполне достаточно, чтобы успешно держать в повиновении угнетенные, забитые, малокультурные массы трудящихся.

После того как свершилась Октябрьская революция и Советская республика начала успешно строить новое общество, после того как стало развиваться и крепнуть мировое коммунистическое движение, втягивая в революционную борьбу все новые и новые слои трудового населения, вопрос о расширении социальной базы своего господства встал для монополистического капитала со всей остротой. Фашистские партии тем и привлекли крупную буржуазию, что позволяли одновременно с невиданным развитием методов и форм подавления, насилия, террора успешно добиваться идеологического овладения широкими массами населения.

Наиболее успешно фашизм привлекает на свою сторону мелкобуржуазные и средние слои населения. Противоречивость их социального положения приводит к тому, что они быстрее, чем другие, переходят на сторону новой власти, хотя их интересы в целом и не совпадают с интересами монополистического капитала. Крестьянство, оторванное от своего естественного союзника — рабочего класса, не может оказать сколько-нибудь серьезного со-

[36] VI Конгресс Коминтерна. Стенографический отчет, вып. VI, с. 65.

противления фашизму и вместе с городскими слоями сравнительно легко подпадает под воздействие фашистской идеологии. Мелкая буржуазия превращается в массовую опору фашистской власти, выделяя на службу фашистской диктатуре многочисленный отряд послушных исполнителей. Вчерашние лавочники, владельцы пивных, спекулянты, маклеры, домовладельцы, одетые в форму штурмовиков, пожалованные званиями мелких, средних и более крупных «фюреров», становятся одной из основных опор монополистического капитала в его борьбе за утверждение новых форм господства, за подавление рабочего класса.

Зверски расправляясь со всеми, кто оказывал им малейшее сопротивление, фашистские руководители и идеологи в то же время разработали систему организационных и пропагандистских мероприятий, которая была призвана создать у трудящихся иллюзию: а) что фашистское государство несет выгодный им классовый мир, что фашистское правительство и партия борются за интересы не отдельных классов или групп населения, а за общенациональные интересы; б) что рабочий класс является не антиподом фашистского государства, а занимает в нем достойное место и пользуется всеми «благами», которые фашизм несет обществу.

В Италии одним из главных средств подавления сопротивления пролетариата и его интеграции в систему фашистской власти стали корпорации. Корпоративная система, введенная правительственным декретом, охватила все население страны по производственному принципу, создавая иллюзию участия трудящихся в экономической и политической жизни страны. Корпорации провозглашались выразителями общенационального начала, классового мира и т. п.

Разумеется, корпорации не могли существовать и эффективно воздействовать на умы людей лишь на пропагандистской основе. Они должны были дать трудящимся какие-то реальные выгоды. Фашистские руководители учли это и провели через корпорации некоторые мероприятия, направленные на улучшение положения рабочих. Так, в 1933 г. был установлен восьмичасовой рабочий день на предприятиях, и, хотя при этом вводилась система сверхурочных работ, с лихвой компенсировавшая предпринимателям возможные потери, это мероприятие оказало заметное, положительное для фашизма, воздействие на рабочий класс.

Фашистское правительство и партия Италии провели ряд общегосударственных кампаний, которые способствовали увеличению производства зерна и расширению полезных сельскохозяйственных площадей. Будучи соответствующим образом преподнесены пропагандой, подобные кампании создавали видимость «общенационального прорыва», направленного на благо всего народа [37]. Тем же целям служило развертывание общественных ра-

[37] См. гл. II.

бот: сооружение сети шоссейных дорог, монументальное городское строительство, организация досуга трудящихся (дополаворо) и т. п. Это давало возможность не только занять работой трудящихся, но и внушить им чувство «возрождения» традиций Древнего Рима, величия нации.

Германский пролетариат был хорошо организован, имел прочные революционные традиции и обладал высокой степенью сознательности. В своей массе он был невосприимчив к фашистской пропаганде, чужд расистским и иным идеям, насаждавшимся нацистами. И все же последние развернули упорную борьбу за рабочий класс, стремясь подавить сопротивление его передовой части, чтобы использовать пролетариат в интересах монополистического капитала и агрессивной империалистической политики.

Осуществление этой задачи началось еще тогда, когда фашистская партия включила слово «рабочая» в свое название, а в программу ввела ряд пунктов, прямо заимствованных из требований рабочего движения. НСДАП твердила, что намерена бороться «только» с марксизмом, с коммунистами, социал-демократами во имя «общенародных целей», во имя «интересов рабочего класса».

Одновременно делались попытки внедрения самой партии в гущу пролетариата. К концу 1928 г. нацистам удалось образовать 50 первичных организаций НСДАП на некоторых предприятиях и в учреждениях. В следующем году руководство НСДАП приняло решение о создании общенациональной Национал-социалистской организации производственных ячеек (НСБО) в качестве своего головного отряда на предприятиях. Эта организация изредка участвовала в борьбе за частичные требования рабочих. Подобные факты немедленно раздувались нацистской пропагандой. Тем не менее успехи всех фашистских попыток проникновения в рабочий класс были до прихода Гитлера к власти весьма невелики. Даже явно преувеличивающий влияние нацистов на рабочий класс американский историк М. Келе вынужден признать: «Среди ядра промышленного пролетариата они не имели успеха...» [38] «Завоевание рабочих с помощью собственной Национал-социалистской организации производственных ячеек не удалось» [39],— констатирует авторитетный западногерманский историк К. Д. Брахер.

После установления фашистской диктатуры положение изменилось. Гитлеровцы обрушили на передовых рабочих волну жесточайшего террора. Были уничтожены политические организации пролетариата: коммунистическая и социал-демократическая партии, их военизированные объединения, профсоюзы, молодежные и женские союзы, изолированы, а затем и физически ист-

[38] *Kele M. H.* Nazis and Workers. National Socialist Appeals to German Labor, 1919—1933. Chapel Hill, 1972, p. 210.
[39] *Bracher K. D.* Die deutsche Diktatur. Köln, 1969, S. 236.

реблены руководители рабочего движения. Обезглавленный, лишенный организованности рабочий класс подвергся массированной идеологической обработке с использованием оказавшихся в руках фашистов новых мощных средств воздействия на сознание, новых возможностей для переманивания неустойчивых прослоек пролетариата.

Очень громко, особенно в первые месяцы правления фашистов, звучал пропагандистский мотив, что, дескать, НСДАП является защитницей интересов рабочих. Характерен в этом отношении первомайский призыв (1933 г.) нацистского «рабочего» вождя Лея: «Рабочий! Твои институции для нас, национал-социалистов, священны и неприкосновенны... Рабочий! Я клянусь тебе, что мы сохраним в целости и сохранности все существовавшее до сих пор. Мы будем дальше развивать систему защиты прав рабочего, добиваясь того, чтобы он мог войти в новое национал-социалистское государство в качестве полноценного и уважаемого представителя народа» [40].

Почти сразу же после прихода к власти фашисты разогнали профсоюзы и создали «Немецкий рабочий фронт», в состав которого наряду с рабочими входили и предприниматели. Это должно было знаменовать наступление эры «классового мира» в нацистском государстве. Членство в «Немецком рабочем фронте» было объявлено обязательным. Неудивительно, что уже в 1934 г. эта организация насчитывала 14 млн. человек, а к началу войны вместе с примыкающими организациями — 30 млн. человек.

Одним из мероприятий нацистских правителей, сыгравшим весьма важную роль в изменении отношения рабочих масс к фашистскому режиму, явилась довольно быстрая ликвидация безработицы — этого практически постоянного бича Веймарской республики. Промышленность Германии к 1933 г. вышла из циклического кризиса, начались заметное оживление и рост конъюнктуры, дополненные некоторыми регулирующими мероприятиями государства, например организацией общественных работ за счет выпуска государственных займов инфляционного характера. Вскоре к этому добавился промышленный бум, связанный с форсированием военной промышленности строительства на нужды войны.

Все это привело к тому, что безработица, охватившая в 1933 г. свыше 6 млн. человек, к концу 30-х годов практически рассосалась. Более того, фашисты начали вводить в различных формах трудовую повинность и ограничивать свободу передвижения рабочих и выбор места работы. Это, однако, не воспринималось трагически на фоне ликвидации безработицы. Человек, впервые за долгие годы получивший постоянную работу, мало думал о растущей степени эксплуатации, о том, кто и в каких целях ис-

[40] См.: *Галкин А. А.* Германский фашизм. М., 1967, с. 201.

пользует его труд. Если зарплата росла, то большей частью не рассуждали о том, что это происходит за счет сверхурочных работ и повышения интенсификации труда.

Эти явления предельно эффективно использовались национал-социалистской пропагандой, настойчиво внушавшей рабочему, будто в нацистском государстве он обрел благополучие. У значительной части рабочего класса начало вырабатываться доверие к обещаниям нацистов, провозглашаемым их лидерами. Фашистский террор изолировал большинство трудящихся от оппозиционных средств информации, которые могли бы разъяснить им истинное положение вещей.

Немаловажную роль в создании выгодной для нацистов атмосферы в рабочем классе играли благотворительные мероприятия, осуществлявшиеся за счет «добровольных» взносов самих трудящихся, а также известных отчислений от прибылей монополий (образование фонда жертв труда, акция «зимняя помощь» и др.). Особое место в этом ряду отводилось организации, получившей наименование «Сила в радости», занимавшейся устройством массового отдыха трудящихся по удешевленным ценам, развитием спорта, туризма, художественной самодеятельности и др.

В конце 30-х годов внутренней политике нацистов существенно способствовали дипломатические, а в дальнейшем — и военные успехи гитлеровского государства. Вместе с другими слоями населения часть рабочего класса оказалась захваченной националистическим, шовинистическим угаром, постоянно подогревавшимся официальной пропагандой.

Фашистские государства вообще дали невиданный до них образец манипулирования пропагандой. Ее отличали беспринципность и грубая беззастенчивость, вместе с тем незаурядные концентрация и целенаправленность. Недаром немецкое министерство пропаганды занимало столь видное место в иерархии власти, а его шеф Геббельс был одним из самых приближенных лиц фюрера.

Фашистская пропаганда изощренно маневрировала. В период побед Германии и ее союзников всячески подчеркивались шовинистические, расистские моменты, «превосходство» арийцев и подчиненная роль побежденных народов. После поражения под Сталинградом Геббельс дал пропагандистским руководителям указания выдвинуть на первый план иной мотив: необходимость мобилизовать не только силы немецкого народа и его союзников, но и тех народов, которые в ходе войны были побеждены, показать этим народам, что «новый порядок» якобы нужен не только победителям, но и побежденным [41].

Фашизм в Германии наделил властью ловких и беззастенчивых авантюристов. В государстве и нацистской партии образо-

[41] См.: Anatomie der Aggression. Neue Dokumente zu den Krigszielen des faschistischen deutschen Imperialismus im zweiten Weltkrig. Berlin, 1972, S. 180.

валась большая прослойка людей, которые, не оглядываясь ни на какие нравственные нормы, фанатично служили порочной идее. Страна оказалась в путах хорошо продуманной системы подчинения. Каждый знал своего начальника, тот подчинялся вышестоящему — и так до самого верха. Нормой жизни стали всеобщая слежка, доносы.

Террористические акции нацисты проводили последовательно и целеустремленно, направляя их в первую очередь против рабочего класса, наиболее сознательной и активной его части — коммунистов, социал-демократов, профессиональных активистов. Населению внушалось, что аресты антифашистов — это борьба с врагами их же государства, с врагами, мешающими национал-социалистам осуществить «великие цели» на благо немецкого народа.

В этих условиях большинство немецкого рабочего класса утратило понимание классовых интересов, потеряло ориентировку и оказалось на позициях поддержки нацистского режима. Давая оценку образа мыслей людей того периода, В. Ульбрихт отмечал: «Большинство их разучилось понимать взаимосвязь политических явлений. Дух милитаризма и расизма глубоко проник также и в ряды рабочего класса» [42].

Отдавая должное лучшим сынам немецкого народа, прежде всего коммунистам, не прекращавшим антифашистской борьбы даже в самых невероятных условиях, нельзя закрывать глаза на то, что их борьба не захватила широкие слои населения. Освобождение от фашизма наступило не в результате антифашистской борьбы внутри страны, а вследствие крушения нацистского рейха под ударами Красной Армии и ее тогдашних союзников по антигитлеровской коалиции.

В Италии фашизм не сумел создать столь прочного тыла, как в нацистской Германии. Результаты идеологической и иной обработки рабочего класса и других трудовых слоев населения дали определенные результаты, но они оказались недостаточно эффективными. При первых же неудачах фашистского режима в стране стало распространяться недовольство, а затем и нарастать сопротивление.

Поражения на военных фронтах, трудности в экономике, ставшие особенно очевидными в начале 40-х годов, обусловили развертывание борьбы против фашизма не только в рамках групп Сопротивления, но и на основе массового антифашистского движения. Наибольшую активность в этой борьбе проявили итальянские коммунисты. Они энергично выступали за создание единого антифашистского фронта внутри страны и за границей, стремились придать движению подлинно массовый характер.

Наиболее активно очаги сопротивления начали действовать в рабочих районах страны, особенно в Северной Италии. Весной

[42] *Ульбрихт В.* К истории новейшего времени. М., 1957, с. 58.

и летом 1942 г. здесь развернулись выступления рабочих, во время которых наряду с экономическими требованиями выдвигались антивоенные лозунги. В марте 1943 г. в Северной Италии состоялась всеобщая забастовка, застрельщиками и организаторами которой были итальянские коммунисты.

И когда в июле 1943 г. Муссолини был отстранен от власти и во главе правительства стал маршал Бадольо, в стране повсеместно начались антифашистские выступления. Массовая вооруженная борьба итальянских патриотов-антифашистов, главную роль в которой играли коммунисты, явилась важнейшим фактором устранения фашистской диктатуры в Италии, т. е. крушения одного из бастионов европейского фашизма.

Исторический опыт показывает, что монополистический капитал, вызвав к жизни фашизм и отдав ему власть, в определенных условиях начинает тяготиться властью фашизма и подумывает о замене ее иной формой диктатуры. Это происходит, если фашизм перестает выполнять те основные задачи, которые ставит перед ним монополистический капитал, а именно: осуществление империалистической экспансии и подавление революционного антиимпериалистического движения внутри страны. Ведущие представители германского и итальянского монополистического капитала по мере крушения военных планов фашистов все более убеждались в их авантюристичности, в том, что они могут нанести ущерб капиталистической системе господства, а значит и классовым интересам буржуазии. Крушение надежд на достижение прочного и длительного «классового мира», создающего особо благоприятные условия для эксплуатации трудящихся, нагляднее проявилось в Италии, где классовые столкновения в последние годы фашистской власти приобрели ожесточенный характер.

В то же время сопротивление фашизму некоторых кругов немецкой и итальянской буржуазии носило ограниченный характер: недовольные фашистскими авантюристами, они хотели бы многое сохранить из того, что вызвал к жизни фашизм, изменив лишь политические и военные акценты и сделав более гибкими методы осуществления выдвинутых задач.

Свержение правительства Муссолини в июле 1943 г. и замена его правительством маршала Бадольо были результатом дворцового переворота. Это была попытка буржуазных кругов спасти то, что еще можно было спасти. Многие из заговорщиков говорили в то время о «фашизме без Муссолини», пытаясь свести все дело к персональным перестановкам в правящей верхушке.

Неудивительно, что первое правительство Бадольо попыталось не допустить образования в Италии массового антифашистского фронта и обрушило жестокие репрессии на итальянских рабочих, поднимавшихся на борьбу против фашизма, хотя именно их выступления во многом предопределили успех переворота, приведшего к власти это правительство. П. Тольятти, давая характе-

ристику лицам, захватившим после свержения Муссолини власть в государственном аппарате, писал: «Эти элементы направили свой главный удар не против фашистов, которые готовили тогда захват страны немцами, но против народа, который, видя грозящую ему опасность, требовал быстрых и решительных действий для ее предотвращения» [43].

Буржуазная историография создала много легенд вокруг заговора против Гитлера, завершившегося неудачным покушением на него 20 июля 1944 г. В советской научной литературе, в работах историков ГДР и других социалистических стран данная тема исследована весьма полно [44]. Эти исследования не оставляют сомнений, что заговор 20 июля явился проявлением недовольства определенных кругов, прежде всего некоторых представителей крупной буржуазии, не фашизмом, как таковым, не системой власти, созданной им, а лишь авантюристической политикой фашистской верхушки, заведшей рейх в политический и военный тупик. Не случайно целью заговора было физическое устранение Гитлера, что вовсе не подразумевало слома или уничтожения государственной машины немецкого фашизма. Участие в заговоре патриотически настроенных людей не меняет его сущности. В. Ульбрихт, давая оценку характеру заговора, писал: «Буржуазные круги привели Гитлера к власти и поддерживали политику германо-фашистского империализма до тех пор, пока ему сопутствовали военные успехи. Но теперь, накануне катастрофы, они пытались спрыгнуть с поезда, мчащегося к пропасти, в надежде сохранить основы господства монополистического капитала» [45].

К этому можно добавить лишь то, что заговорщики из лагеря буржуазии, земельной аристократии, высшего чиновничества пытались сменить поезда. При этом они хотели только сделать более подготовленным и надежным путь, по которому новый поезд привез бы их к осуществлению тех же в принципе целей. Достаточно сказать, что одной из ближайших задач главари заговора выдвигали удержание ряда территорий, оккупированных гитлеровской Германией.

* * *

Классовая сущность фашизма служит объектом ожесточенных споров между марксистскими историками, с одной стороны, и буржуазными и реформистскими учеными — с другой. Содержание и политический смысл этих споров подробно рассматри-

---

[43] *Тольятти П.* Избранные статьи и речи, т. I, с. 275.

[44] См.: *Мельников Д.* Заговор 20 июля 1944 года. Легенда и действительность. М., 1962; *Безыменский Л. А.* Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1964; *Розанов Г. Л.* Крушение фашистской Германии. М., 1963; *Винцер О.* 12 лет борьбы против фашизма и войны. М., 1956. Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5 и др.

[45] *Ульбрихт В.* Указ. соч., с. 37.

ваются в специальной историографической главе, завершающей данный труд; в ней раскрывается неоспоримое научное превосходство марксистской концепции функций и социального содержания такого сложного исторического явления, как фашизм. Главное же заключается в том, что оценка этого явления, сделанная в разгар борьбы против него Коммунистическим Интернационалом, была многократно подтверждена самой жизнью, всеми социальными процессами, происходившими в странах фашистской диктатуры. Следует учесть, что для антифашистов определение сущности фашизма в 30—40-х годах имело огромное практическое значение, ибо только правильно установив, орудием каких общественных сил он являлся, можно было привлечь возможных союзников пролетариата в борьбе против господства самой черной реакции или против угрозы введения подобного господства.

Глава вторая

ПОСЛЕВОЕННЫЙ КРИЗИС И ФАШИСТСКАЯ ДИКТАТУРА В ИТАЛИИ

(1919—1929 гг.)

ПОСЛЕВОЕННЫЙ КРИЗИС И НАСТУПЛЕНИЕ ФАШИЗМА

Особая острота классовой борьбы в Италии после первой мировой войны была обусловлена некоторыми особенностями развития этой страны в предшествующий период. Важное значение имел при этом тот факт, что национальное и государственное объединение Италии во второй половине XIX в. произошло на основе компромисса между буржуазией и крупными аграриями. Прямым итогом этого компромисса было сохранение феодальных пережитков в сельском хозяйстве, которые тормозили развитие товарооборота между городом и деревней и сужали таким образом внутренний рынок для промышленности. Это в гораздо большей мере, чем бедность природными ресурсами, задержало развитие в Италии крупной промышленности.

Характерной для развития итальянского капитализма являлась «южная проблема». В результате долгих веков раздробленности Италии Юг страны в значительной мере отстал в экономическом и политическом развитии от Севера. Это отставание еще более усиливалось вследствие того, что уже после объединения страны промышленники Севера использовали Юг как выгодный рынок сбыта для своей продукции. В значительной мере именно за счет Юга осуществлялась индустриализация северных районов страны. Трудовые слои населения Южной Италии подвергались особенно жестокой эксплуатации и тяжелым поборам.

Налоговая система в Италии была одной из самых тяжелых в Европе. От нее страдало в первую очередь крестьянство. Сотни тысяч крестьян, эксплуатируемых помещиками и разоряемых государственными налогами, уходили с насиженных мест, создавая постоянную армию безработных. Часть из них вместе с рабочими и ремесленниками вынуждена была покидать страну. В начале XX в. эмиграция из Италии была самой большой в мире, достигая в среднем 600—700 тыс. человек ежегодно [1].

Излишек дешевой рабочей силы давал буржуазии возможность еще жестче эксплуатировать итальянский рабочий класс, кото-

[1] Annuario statistico della emigrazione italiana del 1876 al 1925. Roma, 1926, p. 8.

рый принадлежал к одной из наиболее низкооплачиваемых категорий пролетариата в Европе. Характерно также, что в отличие от Англии, Франции и Германии рабочая аристократия в Италии была сравнительно невелика. В этих условиях классовые противоречия между пролетариатом и буржуазией приобретали здесь особенно острый характер. Правда, по численности, степени концентрации и удельному весу в нем передовых отрядов — металлистов, горняков и т. п. итальянский пролетариат уступал пролетариату более развитых в промышленном отношении стран. Он испытывал на себе в значительной мере влияние мелкобуржуазной стихии, а в его революционности содержался немалый элемент бунтарства. Однако под влиянием социалистической пропаганды, по мере дальнейшего обострения социальных противоречий классовое самосознание пролетариата возрастало, и он медленно, но неуклонно превращался в передовую силу итальянского общества. Многочисленный сельскохозяйственный пролетариат способствовал распространению пролетарского влияния в итальянской деревне.

Воссоединение Италии действительно завершилось созданием единого государства не только независимого, но и с формальной точки зрения вполне современного. Его конституционная, юридическая, военная и административная структура формировалась по образцу передовых буржуазных государств Европы. Но в отличие от них итальянское буржуазное государство складывалось на основе отсталых экономических и социальных отношений. Сохраняя и узаконивая эти отношения, итальянская буржуазия не могла править демократическими методами, прибегала к ограничению свободы в большей мере, чем буржуазия ряда других стран. Этим в значительной мере объясняется ограниченный характер сложившегося в Италии либерального государства, и именно в этом была имманентно заложена все более возрастающая угроза кризиса итальянского парламентаризма и конституционного государства.

Не имея возможности разрешить острейшие внутренние противоречия путем коренных экономических и социальных преобразований, итальянская буржуазия стремилась укрепить свои позиции путем империалистических захватов. Выйдя на мировую арену с опозданием и застав мир уже поделенным между другими странами, итальянский империализм добивался передела мира путем грабительских войн. Отсюда особенно хищнический характер итальянского империализма, который был сравнительно слабым и мог решать свои задачи, только опираясь на другие, более сильные державы.

Серьезная попытка в этом направлении была предпринята во время первой мировой войны, когда после долгих торгов с обеими воюющими коалициями Италия выступила в мае 1915 г. на стороне Антанты. Война стоила итальянскому народу больших жертв и лишений, однако она не оправдала надежд, которые воз-

лагали на нее итальянские империалисты. Победители решали вопрос о добыче пропорционально силе каждого из них. Поэтому Италия не смогла добиться удовлетворения одного из главных своих требований — присоединения к ней района Фиуме. Что же касается тех территорий, которые были обещаны Италии как плата за ее вступление в войну на стороне Антанты, то даже здесь аппетиты итальянских империалистов не были полностью удовлетворены их более сильными союзниками. В результате итальянские империалисты чувствовали себя «побежденными в лагере победителей».

Война оказала существенное влияние на экономическое развитие Италии. Она способствовала росту тяжелой промышленности и усилению позиций крупного капитала. Именно в период первой мировой войны Италия превратилась из страны аграрной в аграрно-индустриальную. Значительно выросла металлургическая, машиностроительная и химическая промышленность. Ввиду трудностей доставки угля из-за границы развилась гидроэнергетика. Ускорился и процесс концентрации промышленности. Во время войны выросли гигантские концерны «Ансальдо» и «Ильва» в тяжелой индустрии, мощные тресты ФИАТ в автомобилестроении и «Бреда» в производстве военного снаряжения и железнодорожного оборудования.

Однако сразу же после окончания войны итальянская промышленность вновь оказалась без емкого внутреннего рынка. Ее положение становилось тем более тяжелым, что в результате войны многие традиционные внешнеторговые связи Италии оказались нарушенными. Все это в значительной мере определяло настроения беспокойства и недовольства в среде «капитанов индустрии» — крупных промышленных магнатов и монополистов.

Для характеристики экономического положения Италии после первой мировой войны весьма показательны следующие цифры: внутренний государственный долг возрос с 15,3 млрд. лир в 1914 г. до 49,9 млрд. лир в 1919 г.; внешний долг, отсутствовавший до войны, достиг в 1919 г. 19,2 млрд. лир [2], сумма военных убытков равнялась 12 млрд. лир [3]; золотые запасы центральных банков и правительства, которые в 1913 г. составляли 267 млн. долл., уменьшились в 1919 г. до 200 млн. долл. Количество находившихся в обращении бумажных денег возросло в 8 раз [4]. Рост цен на основные продукты потребления населения происходил в процентном отношении следующим образом (1913 г.— 100%): 1919 г.— 353, 1920 г.— 454,4 [5].

Сразу после окончания войны под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции итальян-

---

[2] *Mortara G.* Prospettive economiche (anno settimo). Milano, 1927, p. 434.
[3] *Trentin S.* L'aventure italienne. Paris, 1928, p. 50.
[4] Annuario statistico italiano (Seconda serie), v. VIII, p. 259—260.
[5] Ibid., v. III, p. 278, 280; v. VIII, p. 395—398.

ские трудящиеся перешли в наступление против господствующих классов. По сравнению с 1911 г.— годом наиболее сильного забастовочного движения в предвоенной Италии — число забастовщиков увеличилось в 1919 г. более чем в 4 раза [6], а в первом полугодии 1920 г. забастовочное движение в Италии по отношению к численности населения было самым значительным в мире [7].

Рост забастовочного движения сопровождался массовым вступлением трудящихся в профсоюзы. Так, число членов Всеобщей конфедерации труда возросло с 249 039 в 1918 г. до 1 159 062 в 1919 г., а к концу 1920 г. достигло 2 320 163 человек. Всего в 1920 г. профсоюзы объединяли около 3,8 млн. трудящихся, т. е. почти в 5 раз больше, чем до войны [8]. Это свидетельствовало о стремлении широких масс итальянских трудящихся к организованным формам борьбы за свои права и интересы.

Рост политической сознательности трудящихся проявился в небывалом по размерам притоке в ряды Итальянской социалистической партии. Число ее членов возросло с 19 тыс. человек в 1918 г. до 70 тыс. в 1919 г. и до 216 тыс. человек в 1920 г. А в результате парламентских выборов в ноябре 1919 г. социалистическая партия оказалась самой сильной партией страны. Она получила 1 756 344 голоса и провела в парламент 156 депутатов (на предыдущих выборах в 1913 г.— 347 575 голосов и 52 места в парламенте) [9].

В первых рядах борьбы итальянских трудящихся шел пролетариат. Пролетарские массы Италии боролись за коренные социальные преобразования под лозунгом «Сделать, как в России!» Их борьба приобретала ярко выраженный революционный характер и создавала непосредственную угрозу для капиталистического строя в Италии. Наряду с пролетариатом в активную борьбу против господствующих классов включились широкие массы крестьянства. Пример Советской России, где помещичья собственность на землю была ликвидирована и земля перешла в руки крестьян, оказал революционизирующее влияние на борьбу крестьян и батраков в Италии. Эпизодические захваты необрабатываемых и помещичьих земель, начавшиеся весной 1919 г., переросли к осени того же года в массовое движение. Серьезное недовольство политикой господствующих классов выражали также средние слои города, положение которых в результате войны резко ухудшилось. Часть из них оказалась под сильным влиянием пролетариата. Это относится в первую очередь к инженерно-техническим работникам промышленности, принимавшим после войны активное участие в забастовочном движении.

---

[6] Annuario statistico italiano (Seconda serie), v. VIII, p. 395—398.
[7] «Avanti!» (M.), 8.I 1921.
[8] *Лопухов Б.* Борьба рабочего класса Италии против фашизма. М., 1959, с. 9.
[9] Там же.

Общее соотношение классовых сил в Италии после окончания войны складывалось в основном в пользу пролетариата. В течение 1919 и первой половины 1920 г. правящие классы Италии вынуждены были пойти на серьезные уступки трудящимся. Были приняты законы о переходе к крестьянству больших массивов необрабатываемых земель, был введен восьмичасовой рабочий день, приняты меры по охране труда, улучшению условий найма и увольнения рабочей силы, уменьшению штрафов и т. д. Предприниматели вынуждены были пойти на увеличение заработной платы промышленным и сельскохозяйственным рабочим и привести ее в ряде случаев в соответствие с ростом дороговизны.

В значительной мере под давлением трудящихся правящие классы Италии отказались от планов активного участия в интервенции против Советской России. В целом в это время можно говорить о кризисе государственной и политической системы в Италии, или, согласно итальянской политической терминологии, о кризисе либерального государства.

В этой исторической перспективе и происходит рост и усиление фашизма, вождем которого в Италии был Бенито Муссолини. Весьма характерно, что он оказался в авангарде контрреволюции, придя «слева», из рядов «ультрареволюционной» группы в социалистической партии. Его биография и жизненный путь представляют в этом отношении определенный интерес.

Человек, с именем которого связаны истоки мирового фашизма, родился в 1882 г. в семье мелкого ремесленника — кузнеца-одиночки. В юности эмигрировал в Швейцарию, где некоторое время зарабатывал на жизнь физическим трудом. По возвращении на родину вступил в 1903 г. в социалистическую партию. Выделялся как организатор, журналист, оратор. Впоследствии Муссолини неоднократно спекулировал на своем «пролетарском» происхождении. Уже после прихода к власти он говорил об этом в своих выступлениях перед рабочими. Он говорил о своих предках, которые были крестьянами, о том, что сам он в юности занимался трудом, и потому, дескать, не может быть врагом рабочих [10].

Но вот как тот же Муссолини говорит в другом месте о формировании своего духовного склада, об идеях, впитанных им еще в молодости: «Когда мне было двадцать лет, меня приводил в восхищение Ницше, он-то и укрепил антидемократические элементы моей натуры. Прагматизм Уильяма Джемса также очень много помог мне в моей политической карьере. Он дал мне понять, что тот или иной человеческий поступок должен оцениваться скорее по своим результатам, чем на основании доктринальной базы. ... Но более всего я обязан Жоржу Сорелю: этот

[10] См.: *Лопухов Б. Р.* История фашистского режима в Италии. М., 1977, стр. 36.

учитель синдикализма своими жесткими теориями о революционной тактике способствовал самым решительным образом выработке дисциплины, энергии и мощи фашистских когорт».

Эти слова достаточно убедительно показывают, каков был в действительности ранний социализм «ультрареволюционера» Муссолини. Вполне логичным был его выход из социалистической партии после начала первой мировой войны. Социалистическая партия выступала в это время за нейтралитет Италии. Муссолини становится одним из лидеров движения за вступление в войну.

Сочетание яростного национализма с социальной демагогией было характерно для всей деятельности фашистской организации, созданной Муссолини 23 марта 1919 г. Само слово «фашизм» происходит от итальянского слова fascio (пучок, связка, союз). Организация, созданная Муссолини, называлась «Фашо ди Комбаттименто» (Союз борьбы). Вначале она насчитывала всего несколько десятков человек. Постепенно она стала расширяться, главным образом за счет бывших фронтовиков.

Настроения довольно большой части бывших фронтовиков имели общую специфику и особенности. В их сознании тесно сочетались националистические и революционные лозунги той эпохи. «Нас предали! Союзники надругались над кровью, пролитой итальянцами в войне!» — такого рода настроения, питаемые шовинистической пропагандой, переплетались со стремлением к социальным переменам, выливались в смутные лозунги «спасения нации», «укрепления ее достоинства», «обеспечения героям окопов возможности воспользоваться революционными плодами войны». Все это предопределяет переход части бывших фронтовиков, в основном выходцев из мелкобуржуазных слоев населения, на позиции фашизма с его националистическими и социальными лозунгами [11–12].

Одним из главных пунктов Учредительной декларации фашистов было требование об аннексии Фиуме и Далмации [13]. Впоследствии это требование уже не сходило со страниц центрального печатного органа фашистов газеты «Пополо д'Италиа». Одновременно фашисты выступили с демагогическими лозунгами по вопросам внутренней, в первую очередь социально-экономической, политики. Они объявили себя сторонниками всеобщих выборов, восьмичасового рабочего дня, участия рабочих в техническом руководстве предприятиями, единовременного прогрессивного налога на капитал и секвестра 85% военных прибылей, национализации всех военных предприятий и т. д.[14]

Несомненно, что выдвижение подобного рода требований было обусловлено острой революционной обстановкой, которая сложи-

---

[11–12] См.: *Лопухов Б. Р.* Указ. соч., стр. 36.
[13] *Chiurco G.* Storia della rivoluzione fascista, v. I. Firenze, 1929, p. 100—101.
[14] Ibid., p. 240—242.

лась в Италии. Любая партия, любая политическая группировка, желавшая обеспечить себе массовую базу, вынуждена была выдвигать требования социального характера. В этом отношении фашисты не отличались от подобных им организаций, в том числе и от движения, возглавляемого Д'Аннунцио, который с отрядом добровольцев занял Фиуме, поставив итальянское правительство перед свершившимся фактом.

И все же фашисты с самого начала показали себя наиболее беспринципными и ловкими политиками в борьбе за привлечение к своей организации самых различных социальных элементов. Фашистская «Пополо д'Италиа» писала: «Мы позволяем себе роскошь быть аристократами и демократами, консерваторами и прогрессистами, реакционерами и революционерами, легалистами и иллегалистами в соответствии с обстоятельствами времени и средой, в которой мы вынуждены действовать» [15]. Об этом же говорил дуче в своем выступлении в Беккарийском университете в Милане 19 июля 1919 г. Он заявил, что фашисты в зависимости от обстоятельств прибегают «к сотрудничеству классов, борьбе классов и экспроприации классов» [16]. Иными словами, фашисты против каких бы то ни было точных определений и концепций. Поэтому они вначале выступали и против создания партии, как таковой, «ибо сама идея партии содержит в себе доктрину и программу» [17].

Все это дало фашистам возможность наряду с открытой террористической борьбой против революционного движения трудящихся вести разлагающую работу в массах и добиться уже в первый период существования своей организации некоторых успехов в этом направлении. Так было, например, во время волнений на почве голода летом 1919 г. Газета «Пополо д'Италиа» писала в это время: «Мы объявляем полную солидарность с населением различных провинций, восставших против тех, кто морит его голодом... Нужны конкретные и решительные действия. В борьбе за осуществление своих священных прав толпа обрушит гнев не только на имущество преступников, но и на них самих» [18]. Это типичный образчик фашистской демагогии, с помощью которой фашистам в ряде случаев удавалось увлечь массы за собой. Фашисты старались превратить эти эпизодические контакты в более прочные. С этой целью они создали целую сеть политических организаций. В октябре 1919 г. на съезде фашистов было представлено 22 местных «фаши», насчитывавших около 17 тыс. членов [19]. Сочетание военной и политической организации давало фашистам определенное преимущество по сравнению с другими

---

[15] *Tasca A.* Nascita e avvento del fascismo. Firenze, 1950, p. 67.
[16] Ibid., p. 54.
[17] Ibidem.
[18] «Il Popolo d'Italia», 5.VII 1919.
[19] *Chiurco G.* Op. cit., v. III. Firenze, 1929, p. 580.

контрреволюционными и националистическими военными союзами.

Характерно, что даже первые ультрадемагогические лозунги и требования фашистов не могли обмануть наиболее внимательных буржуазных политических деятелей. Орландо, который занимал в момент зарождения фашизма пост премьер-министра, свидетельствовал, что начиная с июня 1919 г. он рассматривал Муссолини как представителя крайне правого национализма [20]. А либерал М. Миссироли писал, что даже вначале в политических кругах буржуазии никто не считал фашизм левым движением и его лозунги рассматривались как маневр для того, чтобы обмануть массы [21]. Неудивительно поэтому, что, несмотря на все угрозы со стороны фашистов, многие промышленники с самого начала относились благожелательно к фашистской организации и даже оказывали ей финансовую поддержку [22].

И все же в обстановке мощного подъема революционного движения трудящихся фашисты не вышли из рамок сравнительно небольшой контрреволюционной и националистической организации. Они не пользовались сколько-нибудь заметным влиянием даже на ту часть населения, которая была настроена враждебно по отношению к революционному движению трудящихся. Об этом свидетельствовал, например, провал фашистов на парламентских выборах в ноябре 1919 г., когда они не получили ни одного мандата. Не был избран даже Муссолини, баллотировавшийся в Милане.

Большое влияние на развитие фашизма в Италии оказали сентябрьские события 1920 г. В то время трудящиеся по всей Италии стали занимать заводы и фабрики, устанавливая на них свою власть. Начавшись с экономического конфликта, движение переросло первоначальные рамки и превратилось в мощное революционное выступление пролетариата. Большинство рабочих рассматривали захват предприятий как «начало революции». Дж. Джолитти, бывший тогда премьер-министром, признавал впоследствии в своих мемуарах, что он не мог бросить на заводы войска и полицию, так как боялся, что в этом случае рабочие устремились бы на улицы и площади [23].

Но именно в этот момент стала особенно очевидной слабость Итальянской социалистической партии, которая разъедалась внутренними противоречиями и в конечном счете была неспособна организовать и возглавить решительное революционное выступление пролетариата. На правом фланге партии находились реформисты, пытавшиеся втиснуть движение трудящихся в русло борьбы за реформы, в то время как объективно оно приобре-

---

[20] *Orlando V.* Miei rapporti di governo con. S. Sede. Milano, 1944, p. 176.
[21] *Missiroli M.* Il fascismo e la crisi italiana. Bologna, 1921, p. 19.
[22] *Tasca A.* Op. cit., p. 60.
[23] *Giolitti G.* Memorie della mia vita, v. II. Milano, 1922, p. 599.

тало все более ярко выраженный революционный характер. На левом — абстенционисты, или бойкотисты, выступавшие за бойкот парламента и выражавшие в итальянском рабочем движении те самые настроения, о которых В. И. Ленин писал в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Центр был представлен так называемыми максималистами, которые, находясь во главе партии, выдвигали программу максимального развития борьбы в сторону революции, но пытались одновременно сохранить единство партии ценой уступок реформистам и поэтому в критические моменты борьбы проявляли нерешительность.

Было в Итальянской социалистической партии еще одно идеологическое направление, точнее группа, которая называла себя «Ордине нуово» («Новый строй»). Во главе группы стоял Антонио Грамши, который вместе с Тольятти и другими ее руководителями пытался активизировать борьбу пролетариата на пути создания фабрично-заводских советов, пропагандировал русский опыт, пытаясь связать его с конкретными итальянскими условиями, одним словом, занимал в итальянском рабочем движении наиболее передовые и марксистски зрелые позиции. Но деятельность этой группы носила локальный характер, ограничиваясь в основном рамками Турина, и не могла оказать серьезного влияния на политику социалистической партии.

В конечном счете движение за захват фабрик в сентябре 1920 г. не переросло в борьбу итальянского рабочего класса за власть. У итальянского рабочего класса не было партии, способной повести его на эту борьбу, не было еще сознания своей руководящей роли в жизни нации. Борьба рабочего класса развивалась вне связи с борьбой других слоев населения, в первую очередь крестьянства. Социалистическая партия выдвинула лозунг социализации земли, т. е. передачи крупных латифундий и необрабатываемых земель кооперативам. Однако крестьяне стремились получить эти земли в свою собственность. Поэтому политика социалистов в этом вопросе мешала установлению прочного союза между пролетариатом и крестьянством. В 1919—1920 гг. революционное движение итальянского пролетариата пошло по пути резкого противопоставления идеи пролетарской революции идеям политической демократии, как таковой. Это изолировало пролетариат от тех слоев населения, которые могли бы стать его союзниками по крайней мере на первом этапе борьбы. Стоит отметить также нигилистическое отношение руководителей революционного движения Италии к проблеме традиций и национальных ценностей, одним из последствий чего был разрыв с частью средних слоев и движением бывших фронтовиков.

Разумеется, понимание этих и других недостатков революционного движения в Италии пришло не сразу. Постепенно наиболее активная и боеспособная часть итальянского пролетариата приходит к требованию немедленно исключить реформистов из социалистической партии. Вокруг этого главного требования про-

исходит консолидация левых групп в партии: бойкотистов, группы «Ордине нуово», левых максималистов.

В январе 1921 г., после того как на очередном съезде социалистической партии максималисты отказались порвать с реформистами, эти группы основали Итальянскую коммунистическую партию. В момент образования она насчитывала свыше 50 тыс. членов.

Создание коммунистической партии в Италии произошло в обстановке уже начавшегося развернутого наступления фашизма против трудящихся. Еще в апреле 1920 г. А. Грамши писал: «За настоящим этапом классовой борьбы в Италии последует либо завоевание революционным пролетариатом политической власти для перехода к новому способу производства и распределения, позволяющему повысить производительность труда, либо бешеный разгул реакции и правящей касты. Будут пущены в ход все средства из арсенала насилия, чтобы обречь промышленный и сельскохозяйственный пролетариат на рабский труд; будет сделано все, чтобы беспощадно разгромить органы политической борьбы рабочего класса (социалистическая партия) и включить органы экономического сопротивления (профсоюзы и кооперативы) в аппарат буржуазного государства» [24].

Фашизм в Италии стал набирать силу сразу после сентября 1920 г. В это время все более широкие круги итальянской буржуазии теряют веру в либеральное государство и парламентаризм. «Революция не совершилась, но не потому, что мы сумели ей противостоять, а потому, что Конфедерация труда ее не пожелала» [25],— так писала после сентябрьских событий 1920 г. наиболее влиятельная буржуазная газета «Коррьере делла Сера». И в этой оценке содержится объяснение многого из того, что произошло впоследствии, прежде всего объяснение дальнейшего углубления кризиса либерального государства в Италии, стремления наиболее реакционных кругов этой страны к террористическому подавлению революционного движения трудящихся.

Большое значение имели также сдвиги в настроении и позиции мелкобуржуазных масс Италии, происходившие по мере нарастания революционного движения трудящихся, с одной стороны, и углубления кризиса либерального государства — с другой. Значительная часть мелкой буржуазии открыто выражала недовольство политикой либерального государства, которое показало себя неспособным «навести порядок» в стране. В бастующих рабочих и в либеральном государстве она стала видеть главных виновников роста дороговизны, ухудшения своего материального положения и неудач итальянской внешней политики. Мелкая буржуазия, писал Грамши, «впала в отчаяние, в неистовство, в звери-

---

[24] *Грамши А.* Избранные произведения в 3-х томах, т. 1. М., 1957, с. 159.
[25] «Corriere della Sera», 29.IX 1920.

ное бешенство: она жаждет мщения вообще, неспособна в ее теперешнем состоянии разобраться в действительных причинах маразма, охватившего нацию» [26].

Именно эти условия стали причиной усиления фашизма во второй половине 1920 г. Фашистская демагогия была уже второй ступенью на пути сближения фашизма с мелкой буржуазией. Причем, с одной стороны, фашизм приспособлял свою идеологию к настроениям мелкой буржуазии, с другой — сама фашистская идеология складывалась в значительной мере под влиянием настроений мелкой буржуазии. В результате постепенно выкристаллизовывался главный лозунг фашистской пропаганды — лозунг борьбы за создание сильного и авторитетного надклассового государства, перспектива которого казалась такой заманчивой для мелкобуржуазных слоев населения. Фашисты связывали этот лозунг с борьбой не только против революционного движения трудящихся, но и за создание «Великой Италии». Обвиняя либеральное государство в преступной слабости и безволии, фашисты в своей пропаганде делали акцент на идее действия. Они уверяли, что обновление Италии под силу доблестным, самоотверженным и решительным людям из всех классов общества, которые стоят выше классовой борьбы и партийных предрассудков. Это также вполне соответствовало настроениям значительной части мелкой буржуазии.

В первый период фашистское наступление развивалось преимущественно в сельских местностях. «...Первая мировая война и события, последовавшие непосредственно за войной,— пишет итальянский исследователь Э. Серени,— чрезвычайно ускорили процесс социальной дифференциации в итальянской деревне. В то время как основная масса сельскохозяйственных рабочих и бедняцкого крестьянства, призванных в армию, оказалась лишенной всяких средств и семьи их очутились в безвыходном положении, другие слои сельского населения, в других отношениях также жестоко пострадавшие от войны, имели возможность воспользоваться создавшейся особой конъюнктурой, чтобы подняться на более высокую ступень социальной лестницы» [27]. Особая конъюнктура, о которой пишет Серени,— это рост цен на сельскохозяйственные продукты при сохранении довоенных ставок арендной платы. Очевидно, что наибольшие выгоды из этого могли извлечь крупнокапиталистические арендаторы. Но в известной мере условия оказались благоприятными также для испольщиков и мелких арендаторов, тем более что в обстановке послевоенного революционного и политического подъема они добились ряда выгодных для себя условий при заключении сельскохозяйственных договоров. Таким образом, во время войны и в первые по-

---

[26] *Грамши А.* Избранные произведения, т. 1, с. 435.
[27] *Серени Э.* Аграрный вопрос в Италии. М., 1949, с. 187.

слевоенные годы определенной части крестьянства удалось накопить довольно значительные денежные сбережения. Отсюда повышенный спрос на рынке недвижимостей в послевоенной Италии. В то же время крупные земельные собственники считали более выгодным продавать часть принадлежавших им земель, так как режим твердых ставок арендной платы крайне неблагоприятно отражался на их хозяйстве. Предложение на рынке недвижимостей определялось также страхом крупных земельных собственников перед революционным движением крестьянства и угрозой захвата их земель.

Так, в результате сдвигов в распределении земельной собственности экономические позиции средних и зажиточных слоев крестьянства в итальянской деревне усилились. Боясь потерять вновь приобретенную собственность и недовольные ограничениями в эксплуатации рабочей силы, средние и зажиточные крестьяне стремились к политической организации и во второй половине 1920 г. стали массами вступать в аграрные ассоциации. Здесь они сразу же попадали под влияние крупных земельных собственников, тесно связанных с финансовым капиталом. Примерно в то же время в целях охраны приобретенных ими земель они начали создавать «отряды самообороны», в организации которых активное участие принимали крупные аграрии.

Действия этих отрядов выходили далеко за рамки «самообороны» и уже определяли начало контрнаступления реакционных сил в итальянской деревне. В то же время лозунг социализации земли, выдвинутый социалистической партией, а также ее односторонняя ориентация в основном на батрацкие массы в значительной мере ослабили позиции революционной части крестьянства. В результате соотношение классовых сил в сельской местности стало меняться в пользу контрреволюции, и именно на этой основе началось широкое проникновение фашизма в деревню. Методы фашистской демагогии и формы организации фашистов оказались весьма пригодными для борьбы против революционного движения. Постепенно реакционные силы деревни сливались с городским фашизмом.

Характерно, что и в этом случае происходило своеобразное приспособление фашистской идеологии к настроениям, господствовавшим среди значительной части крестьянства. Еще в 1919 г. фашизм выступал почти исключительно как городское движение. «Фашизм не может распространяться за пределами города»,— писала газета «Пополо д'Италиа» в июле 1919 г.[28] Весьма показательно также, что в программе, опубликованной фашистами в августе 1919 г., совершенно отсутствовали требования, отражавшие интересы деревни. Однако примерно с середины 1920 г. фашисты все чаще стали обращаться к проблемам, волновавшим

[28] «Il Popolo d'Italia», 3.VII 1919.

итальянское крестьянство. В общем из всего набора идей и лозунгов, которые фашисты выдвигали в области аграрной политики, они делали главную ставку на лозунг «Земля тому, кто ее обрабатывает!» Заигрывая с крестьянами, они демагогически требовали содействия мелким землевладельцам, наделения землей участников войны, усиления помощи инвалидам и семьям погибших на фронте.

Проникновение фашизма в деревню сопровождалось ростом террора против революционного крестьянства и батрачества. Согласно данным официального историка фашистской партии Кьюрко, за первое полугодие 1921 г. фашисты разгромили 726 помещений демократических организаций трудящихся. Объектами фашистского террора были организации, расположенные главным образом в сельских местностях, в первую очередь в районах наиболее сильной революционной борьбы крестьянства и батрачества. Так, из общего числа разгромленных фашистами помещений организаций трудящихся более половины приходилось на долину реки По (276) и Тоскану (137). В этих районах фашисты, используя страх части среднего крестьянства и даже части мелких арендаторов перед революционным движением, смогли развернуть свой террор в самых крупных масштабах.

Фашисты одновременно пытались наносить удары и по городскому пролетариату. Правда, здесь они натолкнулись на более сильное сопротивление, и поэтому погромов в городах было значительно меньше, чем в сельских местностях. Однако уже в первом полугодии 1921 г. фашистам удалось разрушить и в городах помещения некоторых пролетарских организаций и секций социалистической и коммунистической партий (всего 141).

Фашистское наступление с самого начала имело ярко выраженный антипролетарский и контрреволюционный характер. Вместе с тем оно было направлено и против демократических порядков вообще. Объектами фашистских нападений были не только местные организации социалистической и коммунистической партий, но и местные организации буржуазных партий, республиканские и либеральные организации и в особенности местные организации католической Народной партии. Естественно, что подобного рода террористические действия фашистов не могли не вызвать опасений в определенных кругах либерально-демократического направления, что нашло свое выражение в борьбе в лагере правящих классов вокруг проблемы фашизма. Однако страх перед революционным движением трудящихся сводил на нет все попытки более жесткой политики в отношении фашизма.

Сентябрьские события 1920 г. наложили отпечаток на позицию итальянской буржуазии в целом. «Коррьере делла Сера» писала в одной из редакционных статей, что по отношению к фашизму буржуазия делится на две большие группы. Одна группа — консервативная — имеет «свои соображения относительно коммунистов и анархистов и считает весьма полезным приме-

нение дубинки в разрешении социального вопроса». Эти буржуа «радуются, наблюдая, как фашисты защищают тот порядок, который им угоден, и прежде всего жгут палаты труда и редакции газет». Другая группа «рассматривает фашизм как ответную реакцию на действия социалистов». Эти представители буржуазии «надеются, что фашисты ограничат свой террор *необходимыми* рамками» [29].

Эта характеристика представляет большой интерес. Уточняя ее, можно сказать, что одни представители буржуазии с помощью фашизма стремились добиться коренного преобразования государства, другие — видели в фашизме преходящее явление, орудие для борьбы против революционного движения. Иными словами, первая группа была открыто реакционной, правой, вторую — можно назвать в определенном смысле «умеренной». В этой последней были люди, искренне возмущавшиеся диким разгулом фашистского террора, особенно когда он был направлен не только против пролетариата, но и против демократических организаций вообще. Буржуазная газета «Иль Мессаджеро» писала, например: «Не остается сомнений, что фашизм, возникший в результате роста национального самосознания, превращается в организацию профессионального авантюризма» [30]. Страх перед фашистским террором выражали в то время и другие буржуазные газеты.

В политической борьбе между умеренными и правыми, принимавшей иногда довольно острый характер, позиция первых всегда была слабее именно из-за их непоследовательности и страха перед революционным движением трудящихся. Газета «Эпока» писала: «Если не конституционные партии, которые продолжают спать глубоким сном, то сами граждане вынуждены позаботиться о своей защите» [31]. Нетрудно догадаться, что под «защитой» газета подразумевала фашизм, который она противопоставляла революционному движению трудящихся.

Почти все буржуазные исследователи и авторы мемуаров пишут о широкой поддержке фашизма правящими классами и значительной частью мелкобуржуазных слоев итальянского населения. Эта поддержка выражалась в разных формах: от простой симпатии до прямого пособничества фашизму. Либерал Л. Пеано писал в своих мемуарах, что «мирные буржуа, чуждые насилию, смотрели с одобряющей симпатией на действия фашистов» [32]. Ф. Камбо, французский либерал, живший в Италии, писал о симпатиях к фашизму офицеров армии, духовенства, бюрократии, чиновников,— «одним словом, всех тех, кто понимал огромную опасность коммунизма» [33]. Особенно существенную поддержку

---

[29] «Corriere della Sera», 6.III 1921 (курсив наш.— *Б. Л.*).
[30] Цит. по: *Nenni P.* Storia di quattro anni (1919—1922). Roma, 1946, p. 152.
[31] Цит. по: «Corriere della Sera», 15.II 1921.
[32] *Peano L.* Ricordi della guerra dei trent anni (1915—1945). Firenze — Bari, 1948, p. 53.
[33] *Cambo F.* Autour du fascisme italien. Paris, 1925, p. 103.

фашисты получали со стороны местных органов власти, армии и полиции. Либерал М. Миссироли отмечал, что «все органы исполнительной власти: армия, магистратура, королевская гвардия, карабинеры — видели в фашизме освободителя Италии от большевистской опасности» [34]. А реакционный исследователь фашизма А. Тамаро писал, что законы того времени требовали от представителей государственной власти не вмешиваться в борьбу партий и политических течений. Однако на деле представители государственной власти принимали в ней участие. Тамаро объясняет это следующим образом: «Они были людьми во плоти, которым те же законы позволяли иметь свою политическую идею. И тогда префект — тем более легко, что каких-либо определенных распоряжений сверху не было,— разрешал фашистское собрание, квестор радовался избиению социалистов, лейтенант или капитан помогали фашистам доставать оружие, королевские гвардейцы с большей охотой арестовывали социалиста, чем фашиста» [35].

Соответственно этому спектру настроений в лагере буржуазии и мелкой буржуазии проводили свою политику в отношении фашизма и различные сменявшие друг друга либерально-демократические правительства Италии. Ни одно из них не предприняло решительных мер для пресечения фашизма.

После сентября 1920 г. и до лета 1921 г. во главе правительства стоял Джолитти. Граф Сфорца пишет, что, «прояви правительство в это время немного больше энергии, фашисты не посмели бы преступать закон так открыто» [36]. Вместо этого атакованные фашистами муниципалитеты распускались министерскими декретами «из соображений поддержания общественного порядка». Миссироли высказывает предположение, что Джолитти «ошибся в оценке явления фашизма, которому он не придавал большого значения, рассматривая его как спасительную реакцию общественного духа против социализма и считая, что, подравшись на площадях, фашизм кончит тем, что будет просить протекции у государства» [37]. Еще определеннее высказался по этому поводу А. Тамаро. По его словам, Джолитти был не в состоянии бороться с обеими воюющими между собой силами — социалистами и фашистами, а поэтому должен был использовать одну из них для подавления другой; естественно, что он ориентировался на фашизм [38].

Все это в той или иной мере относится и к другим либерально-демократическим правительствам Италии в период, предшествовавший приходу фашистов к власти. Что касается финансовой

---

[34] *Missiroli M.* Polemica liberale. Bologna, 1954, p. 238.
[35] *Tamaro A.* Venti anni di storia (1922—1943), v. I. Roma, 1953, p. 134.
[36] *Sforza C.* L'Italie telle que je l'ai vue de 1914 a 1944. Paris, 1946, p. 132.
[37] Цит. по: *Tamaro A.* Op. cit., v. I, p. 129.
[38] Ibid., p. 120—130.

поддержки фашизма со стороны крупных промышленников и аграриев, то после второй мировой войны был опубликован по этому поводу ряд документов. Отметим, в частности, циркуляр министра внутренних дел Таддеи к профсоюзам от 14 сентября 1922 г., приведенный в книге Е. Феррариса. В этом циркуляре, составленном на основе сводок с мест, прямо утверждалось, что «бо́льшая часть финансовых средств, которыми располагают фашисты, поступила к ним от добровольных пожертвований промышленников и аграриев» [39]. Со времени публикации этого циркуляра в 1946 г. по данному вопросу вышли другие издания, среди которых отметим книги Э. Росси [40], М. Абрате [41], П. Мелограни [42], американца Р. Сарти [43] и др.

Особо отметим специальную публикацию итальянского исследователя Р. Де Феличе [44]. Он приводит, в частности, письмо префекта Милана Лузиньоли к министру внутренних дел от 16 мая 1921 г., в котором говорится: «Сообщаю, что местные банки постоянно субсидируют фашистские организации довольно значительными суммами. Однако подробнее этот вопрос не удалось выяснить, так как всем, что связано с этими суммами, ведают лично директора банков, не оставляя следов в официальных документах». Де Феличе удалось обнаружить следы подобных финансовых операций в каждом из районов Италии. Причем в результате его кропотливого исследования в Государственном архиве оказалось возможным составить, по документам местных фашистских организаций, таблицу, показывающую, кто и в каких размерах субсидировал фашизм в том или ином районе Италии [45]. Отметим лишь, что, согласно данным на конец 1921 г., по всей территории Италии фашизм финансировали на 71,8% промышленные и финансовые общества, на 8,5 — институты кредита и страхования, на 19,7% — частные лица.

Исключительно важные и интересные документы о финансировании фашистской газеты «Пополо д'Италиа» приводятся в книге В. Кастроново [46].

В условиях кризиса рабочего движения после сентября 1920 г. сопротивление трудящихся наступлению фашизма не было организовано в общенациональном масштабе. Наиболее распространенной формой антифашистского сопротивления были забастовки и демонстрации протеста. В ряде мест были созданы комитеты пролетарской защиты, в которых нашла выражение идея едино-

[39] *Ferraris E.* La marcia su Roma veduta dal Viminale. Roma, 1946.
[40] *Rossi E.* Padroni del vapore e fascismo. Bari, 1966.
[41] *Abrate M.* La lotta sindacale nella industrializzazione in Italia 1906—1926. Torino, 1967.
[42] *Melograni P.* Gli industriali e Mussolini. Milano, 1972.
[43] *Sarti R.* Fascism and the Industrial Leadership in Italy 1919—1940. Berkeley — Los Angeles, 1971.
[44] «Riviste storica del Socialismo», fasc. 22, anno VII, maggio — agosto 1964.
[45] *De Felice R.* Mussolini il fascista, v. II. Torino, 1966, p. 766—767.
[46] *Castronovo V.* La Stampa italiana dall'unita al fascismo. Bari, 1970.

го пролетарского фронта борьбы против фашизма. Отряды «народных смельчаков», в которые вступали все антифашисты, независимо от своей классовой и политической принадлежности, принято считать стихийно складывавшейся формой единого антифашистского фронта. Но единство не было достигнуто ни в общем антифашистском масштабе, ни в масштабе рабочего движения. Руководство социалистической партии придерживалось в то время в отношении фашизма тактики «пассивного сопротивления», отказываясь от организации вооруженной борьбы. А коммунисты, призывавшие к такой борьбе, занимали сектантские позиции. Эффективность их борьбы в значительной мере снижалась из-за попыток решить проблему антифашистского сопротивления исключительно на пути борьбы за диктатуру пролетариата. Позднее, в марте 1922 г., эта их линия была оформлена в принятых партией сектантских «Римских тезисах», осужденных затем на IV конгрессе Коминтерна с позиций борьбы за единый пролетарский фронт.

Между тем фашизм набирал силу, и к концу 1921 г. организованное им движение насчитывало уже свыше 300 тыс. человек. Тогда руководители движения посчитали необходимым создать свою политическую партию. Эта партия выступила с программой, стержневым пунктом которой была идея нации[47]. Фашисты доказывали, что не классы, а нация является господствующей формой социальной организации в современном мире. «Нация,— говорилось в фашистской программе,— это не просто сумма индивидов, живущих в определенное время и на определенной территории. Нация является организмом, содержащим в себе бесконечные ряды прошлых, настоящих и будущих поколений. Отдельный индивид в этой исторической перспективе является лишь преходящим моментом». Отсюда выводился категорический императив: все интересы личные (индивиды) и групповые (семья, корпорация, класс и т. д.) должны подчиняться высшим интересам нации. Отсюда и фашистская концепция государства: «Государство является юридическим воплощением нации. Политические институты эффективны лишь постольку, поскольку национальные ценности находят там свое выражение и защиту». Иными словами, если данное государство не отвечает «интересам нации», то «во имя этих интересов» оно может и должно быть заменено новым.

Во время правительственного кризиса в феврале 1922 г. фашисты устроили в ряде городов Италии демонстрации под лозунгами: «Да здравствует диктатура!», «Долой парламент!» Речь шла уже не о нападках на правящий либеральный класс, а об отрицании всей системы и идеологии демократии. Элементы этого отрицания были и раньше, но теперь — в 1922 г.— оно становится закопченным. «XIX век,— писал Муссолини,— был преис-

[47] *Chiurco G.* Op. cit., v. III, p. 640—647.

полнен лозунгом «все», этим боевым кличем демократии. Теперь настало время сказать «немногие» и «избранные»... Жизнь возвращается к индивиду... Тысячи признаков свидетельствуют, что нынешнее столетие является не продолжением минувшего, а его антитезой».

И, может быть, именно в то время со всей силой обнаружился политический просчет либералов как правящей партии. В своем отношении к фашизму они оказались в роли пресловутого мага, бессильного обуздать вызванные им силы. Антидемократический характер фашистского наступления становился теперь все очевиднее.

Но идея защиты демократии и широкого антифашистского единства практически отсутствовала в концепциях руководителей итальянского рабочего движения. Это было одной из важных причин малоэффективности Союза труда — координационного центра профсоюзной борьбы пролетариата, созданного в феврале 1922 г. Это же было одной из причин неудачи всеобщей антифашистской забастовки, объявленной в августе 1922 г. Целью забастовки было помешать созданию более правого правительства. Но вряд ли можно было ожидать жертвенности и самоотверженности рабочих в борьбе за «более хорошее» буржуазное правительство, после того как в течение многих лет их убеждали в том, что все буржуазные правительства являются «плохими». Со своей стороны, коммунисты мыслили борьбу против фашизма в классических категориях революционной борьбы пролетариата против буржуазии, что значило заведомо сужать фронт антифашистского сопротивления. В этот момент, как никогда раньше, сказалось отсутствие подлинно творческой идеи борьбы пролетариата против фашизма — идеи, способной сплотить его с самыми широкими слоями населения [48].

После августа 1922 г. в Италии говорили — и не без основания — о двоевластии в стране. При полном бездействии, а то и прямом попустительстве со стороны официальной власти фашисты устанавливали свое господство в одной провинции за другой. К тому времени фашизм совершенно определенно взял курс на ниспровержение существующей власти, хотя в своей политической стратегии он не исключал и возможности участия в новом коалиционном правительстве. Но это был своего рода «запасной вариант» или, скорее, политический маневр с целью ввести в заблуждение правящие круги страны. 16 октября на секретном совещании фашистских руководителей в Милане был создан так называемый «квадрумвират» для военной организации захвата власти. 17 октября начальник службы армейской информации доносил, что в беседе с одним из своих друзей Муссолини прямо заявил о полной готовности фашистов к военному перевороту. «Муссолини,— читаем в этом донесении,— настолько уверен в

[48] См. *Лопухов Б. Р.* Указ. соч., с. 13.

победе и в том, что он является хозяином положения, что предвидит даже первые акты своего правительства. Кажется, он намеревается совершить переворот не позже 10 ноября, возможно, 4 ноября...» [49]

События развивались с головокружительной быстротой. 24 октября в Неаполе открылся съезд фашистской партии, на котором дуче выступил с ультиматумом правительству, потребовав пять портфелей и комиссариат авиации в новом правительстве. В Риме еще на что-то надеются и выдвигают разные варианты правительства с участием фашистов. 28 октября становится известно об отставке правительства. Его последним актом был декрет о введении осадного положения. Однако король после некоторых колебаний отказался его подписать. 29 октября Муссолини по телеграфу получает от короля предложение сформировать новое правительство. 30-го, утром, он прибывает в Рим в поезде, и в тот же день в столицу с разных сторон вступают многочисленные отряды фашистов [50].

Впоследствии говорили о приходе фашистов к власти в результате этого так называемого «похода на Рим». Но в действительности последний был лишь фоном закулисной сделки, нашедшей свое наиболее яркое выражение в согласии короля на формирование правительства во главе с Муссолини.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ФАШИСТСКОЙ ВЛАСТИ

Приход фашистов к власти был осуществлен формально законным путем, хотя и под давлением силы. По мандату, полученному от короля, Муссолини сформировал коалиционное правительство, в котором ключевые посты заняли фашисты. На заседании парламента 16 ноября 1922 г. это правительство получило вотум доверия — 306 голосов против 102 (социалисты, коммунисты, республиканцы) [51]. Таким образом была сохранена как бы преемственность со старой государственной системой.

«Я очень заботился о том,— говорил позднее Муссолини,— чтобы не затронуть основы государства» [52]. И, комментируя эти слова своего вождя, фашистский теоретик Эрколе писал: «Основы государства — монархия, церковь, армия, статут. Благодаря этому Муссолини удастся, по его же словам, привить революцию к стволу старой легальности, ускорив тем самым вхождение фашизма в орбиту конституции...» [53] Сохранив эти так называемые «столпы», фашисты внесли серьезные изменения прежде всего в методы и дух государственного управления. Создание правительства, фактически — именно фактически, а не юридически —

[49] Archivio Centrale dello Stato, Arch. di Giolitti, busta 6, fasciolo 103.
[50] См. *Лопухов Б. Р.* Указ. соч., с. 16.
[51] *Tamaro A.* Op. cit., v. I, p. 288.
[52] *Mussolini B.* Scritti e discorsi, v. IV. Milano, 1934, p. 9.
[53] *Ercole F.* Storia del fascismo, v. II. Milano, 1939, p. 14.

вставшего над парламентом, было первым, но далеко не единственным изменением такого рода. Сразу после переворота местная администрация подпала под контроль руководителей провинциальных фашистских организаций. При префектах появились политические уполномоченные, которые осуществляли «политический надзор». К руководителям важнейших государственных учреждений приставляются также фашистские уполномоченные. Начинается постепенная замена руководящих кадров старого государственного и правительственного аппарата.

Сами фашисты первый период своей власти определяли как диктатуру фашистского правительства, или диктатуру фашистской партии, над старым либеральным государством [54]. Важной гарантией этой диктатуры стали два новых института: Большой фашистский совет (БФС) и Добровольная милиция национальной безопасности (ДМНБ). Оба были созданы уже вскоре после переворота, но опять-таки не вопреки, а как бы в обход старых законов и старой государственной системы.

БФС был создан в декабре 1922 г. на базе Дирекции фашистской партии путем добавления к ней министров-фашистов и некоторых местных фашистских лидеров по назначению лично Муссолини. Сам Муссолини стал председателем БФС. Этот совет фактически — опять именно фактически, а не юридически — контролировал все декреты и законопроекты перед внесением их в парламент. Через своих членов, состоявших в правительстве, он контролировал и правительство.

Благодаря ДМНБ, подчиненной непосредственно главе правительства, Муссолини получил важный рычаг для влияния на политическую ситуацию внутри страны. Это была организация террористического подавления оппозиции, более действенная, чем ограниченная формальной законностью полиция.

Что касается первых экономических мероприятий правительства Муссолини, то они в значительной мере отвечали интересам крупной буржуазии и аграриев. Об этом можно судить по тому глубокому удовлетворению, которое вызвали у них отмена именной регистрации ценных бумаг и роспуск парламентской комиссии по проверке военных прибылей. Государство отказывалось от вмешательства в сферу частных финансовых отношений, если это могло затронуть интересы крупной буржуазии и аграриев. Вслед за этим новое правительство положило конец политике национализаций и государственных субсидий. Все государственные предприятия, не приносящие дохода, рассматриваются как бремя, от которого следует освободиться как можно скорее. Старые правительства, лишенные авторитета власти, не смели этого сделать. Новое уже в первые месяцы своего правления денационализирует телефон и телеграф. Вместе с тем новое правительство отменило государственные субсидии для ряда отраслей промышленности,

[54] *Ercole F.* Storia del fascismo, v. II. Milano, p. 11, 51.

что, разумеется, означало уменьшение прибылей для части крупной буржуазии. Но это компенсировалось для нее общим повышением деловой активности, поощрением частной инициативы и предприимчивости.

Новое правительство значительно снизило налог на наследство, сняло ограничение квартирной платы, перенесло центр тяжести с прямых налогов на косвенные и превратило прямые налоги из прогрессивных в пропорциональные. Власть открыто призывала граждан копить и обогащаться. Над всем господствовал принцип «Produttivismo». Отвергая политические свободы, новое правительство менее всего стремилось к стеснению экономической самодеятельности индивида, действуя в этой области в духе классического либерализма. На первый взгляд это казалось парадоксальным: сочетание культа государства с отказом от государственного вмешательства в экономику. В идеологическом плане данный парадокс разрешался в формуле, позаимствованной фашистами у английского гильдеизма: «Только тогда государство становится великим, когда оно отказывается от господства над материей и господствует над духом...» И это создавало впечатление у средних слоев населения, по крайней мере на первых порах, что фашизм — их движение, их власть. Ведь именно эти слои населения стремились одновременно и к усилению политической власти, и к большей экономической свободе. Поэтому значительная их часть поддерживала первые экономические мероприятия нового правительства. И, напротив, они должны были вызвать и вызывали недовольство трудящихся классов, в первую очередь рабочих.

Разумеется, именно рабочих должен был в наибольшей мере возмущать сам факт отказа государства от контроля за прибылями буржуазии, отказ от ревизии военных доходов буржуазии, от национализации и т. п. Интересы рабочих гораздо больше пострадали от прекращения государственных субсидий некоторым отраслям промышленности, чем интересы буржуазии. Часть рабочих оказалась без работы. Государственных субсидий лишились и многие сельскохозяйственные кооперативы, которые в прошлом за счет этих субсидий оказывали денежную поддержку главным образом мелким крестьянам. В плане экономии средств были сокращены государственные ассигнования на социальное страхование, что прежде всего ударило по малоимущим слоям населения. Малоимущие трудящиеся, в первую очередь рабочие, пострадали от снятия ограничений на квартирную плату. Что касается перенесения центра тяжести с прямых налогов на косвенные, то это всегда в наибольшей мере задевает интересы трудящихся. Замена прогрессивных налогов пропорциональными также была ударом по трудящимся. На практике это означало введение налога на заработную плату рабочих, тогда как раньше прогрессивные налоги взимались только с капитала предпринимателей. В сельском хозяйстве мелкие собственники стали платить не толь-

ко поземельный, но и подоходный налог, в то время как раньше такому двойному обложению подвергались только крупные земельные собственники. В марте 1923 г. был издан декрет, допускавший «по взаимному соглашению между рабочими и предпринимателями» два часа сверхурочной работы, оплачиваемой по тарифам на 10% больше обычных. На практике это означало ликвидацию завоеванного трудящимися в первые послевоенные годы восьмичасового рабочего дня.

Недовольство, которое их мероприятия с самого начала вызывали среди рабочих, фашисты пытались парализовать ссылками на общие национальные интересы. Они требовали от рабочих самоограничения в интересах национального производства, отстающего от производства других стран. Но во имя этих же интересов фашисты, как мы видели, выступали за неограниченное накопление и обогащение собственников, в первую очередь крупных собственников. И это делало особенно очевидной классовую сущность фашистской экономической политики.

Значительная часть рабочего класса продолжала сопротивление фашизму и после прихода его к власти. Правда, масштабы этого сопротивления стали более ограниченными: не было уже движения «народных смельчаков», вооруженных столкновений массового характера на улицах и площадях. Хроника первого периода после прихода фашистов к власти отмечает в основном забастовки, которые преследовали, как правило, экономические цели и лишь объективно приобретали антифашистский политический характер. Эффективность борьбы против фашизма в то время в большой мере снижалась из-за разногласий между политическими партиями рабочего класса, которых после нового раскола социалистической партии в октябре 1922 г. насчитывалось уже три: коммунистическая, социалистическая (максималисты) и унитарная социалистическая (реформисты).

Все они отнеслись к захвату фашистами власти как к событию, которое касалось прежде всего либералов и демократов. Руководство компартии, активно выступая против фашизма, в теоретическом плане ставило его на одну доску с буржуазной демократией. Почти с одинаковой враждебностью относились к фашизму и демократической буржуазии максималисты. Даже реформисты из УСП, которые неоднократно апеллировали к духовным и материальным ценностям буржуазной демократии, в своем воззвании к трудящимся заявили: «Это не наше поражение, а поражение демократии» [55]. А реформисты из ВКТ сформулировали свою точку зрения следующим образом: «Рабочие организации остались в стороне от двух борющихся группировок. Их вмешательство в пользу одной из сторон поставило бы под угрозу независимость рабочего движения и в то же время помешало

[55] «La Guistizia», 8.XI 1922.

процессу нормализации обстановки, которая становилась все более невыносимой» [56].

Но разница между правлением фашистов и правлением либералов давала себя знать с каждым днем все больше. И далеко не в последнюю очередь эту разницу пришлось почувствовать рабочему классу. Вот что писал, например, в своих воспоминаниях о первом периоде фашистской власти итальянский коммунист Марио Монтаньяна: «Формально ни одна из антифашистских партий не была распущена, в том числе и наша. Но если полиция обнаруживала хотя бы четырех или пятерых коммунистов, собравшихся вместе, она арестовывала их без долгих разговоров. Если чернорубашечники встречали где-либо коммунистов или социалистов, они подвергали их жесточайшим издевательствам, а затем передавали их в руки полиции. Продолжала существовать и антифашистская печать... В то время не существовало ни цензуры, ни права предварительного секвестра. Но в сельских местностях фашисты попросту уничтожали тиражи социалистических и коммунистических газет...» [57]

После прихода фашистов к власти орудием их террора становится государственный аппарат, в том числе и прежде всего полиция.

Компартия в то время продолжала занимать сектантские, «левые» позиции по вопросам, связанным с созданием единого антифашистского фронта в Италии. Пройдет еще несколько лет, прежде чем удастся преодолеть «левый» уклон в ИКП. Но еще больше лет понадобится для того, чтобы от споров и разногласий по вопросам тактики перейти на более высокую ступень — к выработке новой стратегии рабочего движения против фашизма. Ни коммунисты, ни социалисты всех направлений не были еще готовы к единству на базе широкой антифашистской программы между собой и со всеми другими антифашистскими силами. Причем возможности их в этом направлении были ограничены не только непониманием новых задач исторического момента, но и объективными условиями, коренившимися в отсутствии действенных и активных сил антифашистского сопротивления в лагере итальянской демократии.

Было бы неправильно говорить, что фашизм был понят и поддержан во всех политических кругах либеральной и демократической буржуазии. Было в этих кругах и недовольство фашизмом, иногда довольно сильное. Но, как правило, оно сводилось к отказу от сотрудничества с фашизмом отдельных политических деятелей, как это было, например, с бывшим премьер-министром Ф. Нитти. От этого отказа до активной оппозиции, а тем более до борьбы против фашизма было очень далеко. Вот что писал

---

[56] «Battaglie Sindacali», 9.XI 1922.

[57] *Монтаньяна М.* Воспоминания туринского рабочего. М., 1951, с. 181—182.

Нитти по поводу своей позиции в отношении фашизма в одном из частных писем, относящихся к апрелю 1923 г.: «Необходимо, чтобы фашистский эксперимент совершался без помех: никакой оппозиции с нашей стороны. Я не могу примкнуть к нему, но я не хочу и противодействовать ему. Я более чем когда-либо убежден, что вне моей программы нет спасения; но, оставаясь при этом убеждении, скрашивающем мое одиночество, я не хочу больше ничего предпринимать» [58].

В июле 1923 г. представители либерально-демократических групп одобрили в парламенте законопроект Ачербо о реформе избирательной системы, значительно способствуя тем самым усилению фашистской власти. Этот законопроект предусматривал переход от пропорциональной к мажоритарной системе выборов. Партия или блок партий, собравших на выборах $^1/_2$ голосов, получали $^2/_3$ мест в парламенте. Проект Ачербо преподносился как мера для обеспечения устойчивого правительственного большинства в парламенте, что означало в условиях того времени господство фашистов.

Этому голосованию предшествовала широкая кампания запугиваний и угроз, предпринятая фашистами. Ее жертвой стал лидер католической Народной партии дон Стурцо. Не без давления со стороны Ватикана, пытавшегося избежать осложнения с новой властью, он вынужден был подать в отставку, и это было победой правого крыла в руководстве наиболее массовой буржуазной партии в Италии. Новое ее руководство призвало своих депутатов воздержаться от голосования; большинство из них последовало этому совету, а часть даже голосовала за принятие законопроекта Ачербо. Принимая во внимание число депутатов Народной партии в парламенте, можно сказать, что именно благодаря ее позиции фашисты добились утверждения новой избирательной системы.

Выборы в парламент состоялись в апреле 1924 г. За кандидатов фашистского «Национального блока», в который входила также часть либералов и демократов, было подано 4,5 млн. голосов, за все другие списки — 3,5 млн. Разница сравнительно не очень большая, однако в результате распределения мандатов по системе Ачербо фашистский список получил львиную долю депутатских мест — 374, все другие партии и группы, вместе взятые,— 157. Среди этих последних Народная партия получила 39 мест, а места между тремя рабочими партиями распределились следующим образом: УСП (социалисты-реформисты) — 24, ИСП (социалисты-максималисты) — 22, ИКП вместе с группой своих сторонников в ИСП — 19, из них 5 члены ИСП.

При анализе этих результатов необходимо иметь в виду, что выборы проводились в обстановке террора и запугиваний, особен-

---

[58] Цит по: *Алатри П.* Происхождение фашизма. М., 1961, с. 49.

но сильных на Юге. Дубинкой и касторкой фашисты компенсировали недостаток своего влияния в этой части страны. Кроме того, фашистам особенно помогло участие в их избирательном блоке либералов и демократов, которые имели на Юге довольно большую избирательную клиентуру. В результате фашистский «Национальный блок» получил на Юге в процентном отношении голосов даже больше, чем на Севере. Это тем более примечательно, что на Севере фашисты рассчитывали в основном только на свои силы, не прибегали к слишком уж явному террору и дали голосовать своим противникам.

Успех фашистов был более чем скромным, учитывая, наряду с прочим, такие благоприятствующие им факторы, как раздробленность и взаимное соперничество оппозиции, огромная денежная сумма в 25 млн. лир, полученная фашистами на проведение избирательной кампании от Всеобщей конфедерации промышленности [59], и т. д. Тем не менее фашистские руководители выступили с громогласными заявлениями о своей «блестящей победе». Это были первые парламентские выборы после переворота, и фашисты стремились придать им значение своего рода референдума по этому вопросу. С формально-юридической точки зрения это было третьей санкцией прихода фашистов к власти: первая — согласие короля на формирование правительства во главе с Муссолини, вторая — вотум доверия правительству в парламенте, третья — голосование большинства избирателей за фашистский блок.

Однако и на сей раз формально-юридический подход обнаружил свою несостоятельность. Свидетельством этого был разразившийся вскоре острый политический кризис фашистской власти, известный в истории как «кризис Маттеотти». Но прежде чем говорить о его причинах, необходимо дать анализ не только политического, но и экономического положения, сложившегося в Италии к тому времени. Здесь к 1924 г. все более определенными становились тенденции к довольно быстрому подъему, в значительной мере ускоренному мероприятиями фашистского правительства по уменьшению вмешательства государства в экономику.

В 1,5 раза возросло производство в химической промышленности. Потребление электроэнергии увеличилось с 3792 млн. квт в 1921 г. до 7049 млн. квт в 1924 г. и т. д. [60] Все это, казалось, давало фашистам основание говорить о вступлении Италии под их руководством в «эру экономического процветания». Но за цифрами и словами стоял тот факт, что реальная заработная плата трудящихся после прихода фашистов к власти стала падать. Данные в этой области очень сильно разнятся между собой. Мы воспользуемся данными крупного итальянского эконо-

---

[59] *Алатри П.* Указ. соч., с. 130.
[60] *Romeo R.* Breve storia della grande industria in Italia. Bologna, 1961.

миста Дж. Мортара, который зарекомендовал себя одним из наиболее объективных авторов:

Год	Индекс стоимости жизни	Индексы заработной платы	Год	Индекс стоимости жизни	Индексы заработной платы
1913/14	100	100	1923	493	476
1922	498	505	1924	536	486[61]

Таким образом, если в 1922 г. заработная плата на семь условных единиц превышала стоимость жизни, то в 1923 г., напротив, уже стоимость жизни превосходила заработную плату на 17 условных единиц, а в 1924 г.— на 50 условных единиц. Общие условия труда рабочих ухудшались, ибо предприниматели отказались возобновить коллективные договоры на тех же условиях, как и в предшествующие годы. Теперь, когда боеспособность рабочих резко уменьшилась, предприниматели получили в этом отношении бóльшую свободу действий. А о том, что боеспособность рабочих действительно уменьшилась, свидетельствовали данные о забастовочном движении. Согласно официальной статистике, в 1923 г. в промышленности было 200 забастовок, что в 9 с лишним раз меньше, чем в 1920 г., а численность забастовщиков составляла 66 тыс.— в 19 с лишним раз меньше[62]. Это фашисты, безусловно, записали в актив своей, главным образом террористической, деятельности.

В конечном счете причины для недовольства в 1924 г. в Италии имелись, но не настолько они были сильны, чтобы привести к тому взрыву, который произошел в то время. Непосредственным поводом было убийство фашистами депутата-социалиста Джакомо Маттеотти. Маттеотти исчез 10 июня 1924 г., через несколько дней после произнесения им в парламенте обличительной антифашистской речи. Позже стали известны подробности его убийства. Характерно, что при первых слухах об исчезновении Маттеотти ни у кого не было сомнений, что это дело рук фашистов.

Представители оппозиционных фашизму групп в парламенте— три рабочие партии, Народная партия, группа республиканцев, либералов и демократов,— собравшись на совместное совещание, приняли решение отказаться от участия в парламентских заседаниях. Это было началом Авентинской оппозиции, названной так по аналогии с преданием о том, что в борьбе против патрициев плебеи Рима удалились на Авентинский холм. Характерно, что оппозиционные фашизму группы представляли в основном пролетарские и средние слои населения. Напротив, представители крупной буржуазии, в том числе бывшие премьеры Джолитти и Саландра, остались в парламенте. Однако уход всех других нефашистских групп из парламента заставил Муссолини прервать работу парламентской сессии. Правительство было в растерянности, Муссолини поспешил отмежеваться от совершенного преступления и заявил о своем намерении пресечь террор.

[61] *Mortara G.* Prospettive economiche. Roma, 1928, p. 505.
[62] Annuario statistico italiano (Seconda serie), v. VIII, p. 396; v. IX, p. 288.

Представители буржуазных оппозиционных групп надеялись добиться коренного поворота в курсе правительственной политики, не прибегая к помощи масс; эти круги имели самые серьезные опасения в отношении революционных действий трудящихся. Либеральная газета «Джорнале д'Италиа» писала: «Положение создалось тревожное. Повсюду происходят забастовки. Мы призываем народ сохранять спокойствие, не усложнять создавшегося положения, а главное, не поддаваться на пропаганду революционных партий» [63]. Напротив, коммунисты пытаются форсировать события в направлении к революционному выступлению масс и с этой целью предлагают объединить усилия всех трех рабочих партий, объявить всеобщую забастовку [64]. Предложения ИКП не находят поддержки у двух других рабочих партий, которые — в первую очередь это касается УСП — опасаются разрыва со средними слоями населения и демократическими группами буржуазии. В результате ИКП отходит от других партий оппозиции.

В отсутствие ИКП место на левом фланге Авентинской оппозиции заняла ИСП. Эта партия выступала за свержение правительства Муссолини, но, пытаясь сохранить единство с другими партиями оппозиции, шла в своих требованиях на уступки и компромиссы. Так, она отказалась поддержать инициативу ИКП об объявлении 24-часовой национальной забастовки, присоединившись к призыву ВКТ о пятиминутном перерыве в работе утром 27 июня. Цель своего призыва ВКТ определила следующим образом: «Показать правящим кругам, что пролетариат не желает спекулировать на мертвых, но требует привлечения к ответственности и наказания всех виновных в ужасном политическом преступлении. Это необходимо в интересах восстановления мира в стране» [65]. К сформулированному в таком виде призыву ВКТ стало возможным присоединение фашистских профсоюзов и Всеобщей конфедерации промышленности [66]. Эта непрошенная «солидарность» лишила предстоящую манифестацию какого бы то ни было антифашистского содержания, и ВКТ поспешила отмежеваться от нее, призвав своих сторонников к 10-минутному перерыву в работе. Но это не меняло существа дела в том смысле, что речь шла об одной из форм пассивного сопротивления, хотя временная приостановка работы и вылилась в массовую манифестацию протеста подавляющей части пролетариата.

Компартия в это время делает первый серьезный шаг на пути преодоления сектантства в своих рядах. При поддержке Коминтерна было создано новое руководящее ядро партии во главе с Грамши, которое получило большинство на Национальной конференции ИКП в мае 1924 г. и сменило старое сектантское ру-

[63] ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, ед. хр. 50, л. 182.
[64] Там же, л. 176.
[65] Там же, л. 29.
[66] Там же.

ководство во главе с Бордигой. Состоявшийся в июне — июле 1924 г. V конгресс Коминтерна обратил особое внимание на обострение политического кризиса в Италии и призвал бороться за единый пролетарский фронт в соответствии с лозунгом, сформулированным на III и IV конгрессах Коминтерна. Однако в тот период ни пролетарского, ни тем более единого антифашистского фронта в Италии создано не было. Причины были все те же: разногласия между политическими партиями пролетариата, колебания и нерешительность социалистов, не преодоленное еще до конца сектантство коммунистов, страх оппозиционных фашизму буржуазных партий перед революционным движением масс.

ВТОРОЙ ПЕРИОД И РЕОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Существующее положение позволило Муссолини собраться с силами и перейти в наступление. Начинается второй период фашистской власти. Речь шла теперь уже о реорганизации государства, что было главным содержанием деятельности фашистов после «кризиса Маттеотти». Исходным пунктом явилась речь Муссолини 3 января 1925 г., в которой он заявил, что борьба между правительством и оппозицией будет разрешена силой. Ему же принадлежат слова, сказанные впоследствии, что «3 января 1925 г. старое либеральное государство было похоронено со всеми надлежащими почестями» [67]. Действительно, почти все предшествующее двухлетие Муссолини не оставлял надежды приспособить старое либеральное государство к потребностям фашистской диктатуры. Конечно, то, что он делал в этом направлении, имело вынужденный характер, диктовалось непрочностью фашистской власти, стремлением заручиться как можно более широкой поддержкой в стране, влиянием традиций и т. д. Уже после убийства Маттеотти Муссолини под давлением общественного мнения вынужден был пойти не только на введение присяги фашистской милиции королю, но и на отмену в конце 1924 г. ненавистного закона Ачербо. Однако одновременно готовился решительный поворот фашизма в сторону открытой полицейской диктатуры. События, связанные с кризисом Маттеотти, лишь ускорили развитие фашизма в этом направлении, которое само по себе было закономерным, ибо вытекало из всей природы фашизма, его идеологической сущности и классовой направленности.

После речи Муссолини 3 января 1925 г. правительство становится по составу чисто фашистским. Объявляется «вторая волна» фашизма. Сторонник более жесткого курса Фариначчи назначается секретарем партии. Редакторам и издателям газет было запрещено печатать статьи и сообщения, враждебные фашистскому режиму. Но главное — решение ускорить преобразование старого либерального государства в новое, фашистское. Уже с октября 1924 г. в Италии работала специальная

[67] Цит. по: *Ercole F.* Op. cit., v. II, p. 51.

комиссия, созданная фашистской партией «для изучения возможности проведения конституционной реформы, соответствующей требованиям времени». Декретом председателя Совета министров от 31 января 1925 г. эта комиссия была реорганизована в правительственную комиссию в составе 18 человек. Председателем ее стал философ Дж. Джентиле. В задачу комиссии входило изучение проблем отношений между гражданским и политическим обществом [68]. Иными словами, речь шла о подготовке создания тоталитарного государства. Комиссия должна была представить соображения правительству с тем, чтобы это последнее предложило парламенту соответствующие реформы [69].

Одним из результатов нового курса правительственной политики был разрыв фашизма с представителями либерализма в лице Джолитти, Орландо, Саландра и их сторонников. Теперь они окончательно убедились в провале расчетов на использование фашизма в соответствии со своими планами. Паоло Алатри пишет: «...Хотя эти группы (либеральные.— *Авт.*) не видели других возможностей кроме вооружения фашизма и вручения ему своей судьбы, это не значит, что они полностью идентифицировались и слились с фашизмом: различие между фашистом и либералом или демократом, сочувствующими фашизму, нужно всегда иметь в виду, ибо забывать об этом — значит бессмысленно смешивать понятия. И это тем более верно, что фашизм вышел на авансцену, располагая собственными политическими кадрами, порожденными новой общественной ситуацией, и эти политические кадры пришли на смену старым правящим политическим группам» [70].

Петля фашистской диктатуры затягивалась. 24 декабря 1925 г. был принят закон о чистке государственного аппарата от «ненационально мыслящих элементов»; 31 декабря того же года — о праве префектов запрещать выпуск «опасных для общественного спокойствия газет»; 31 января 1926 г.— о процедуре лишения политических эмигрантов итальянского гражданства. Это был комплекс законов, названных «мероприятиями по защите государства» [71]. Одновременно фашизм вплотную приступил к преобразованиям самого государства в соответствии с рекомендациями комиссии 18-ти.

24 декабря 1925 г. был принят закон о правомочиях и прерогативах главы правительства. Согласно этому закону премьер должен был нести ответственность исключительно перед королем, а не перед парламентом. Было оговорено право главы правительства ограничивать парламент в некоторых его функциях, в частности право настаивать на вторичном обсуждении палатой раз отвергнутого ею законопроекта. Вслед за этим 31 января 1926 г.

[68] *Ercole F.* Op. cit., v. II, p. 55.
[69] Ibidem.
[70] *Алатри П.* Указ. соч., с. 154.
[71] *Ercole F.* Op. cit., v. II, p. 57.

был принят закон о праве исполнительной власти издавать декреты и вводить их в силу, не дожидаясь согласия парламента.

Оба закона превращали правительство в центральный орган, персонифицирующий весь авторитет государственной власти, и исполнительной, и законодательной. Правда, формально правительство было ответственно перед королем, и королевский декрет обладал большей юридической силой, чем декрет главы правительства. Но действия короля были связаны согласием главы правительства и Большого фашистского совета. Вся система государственных органов пронизывалась принципом официального признания верховенства «вождя» и фашистской партии.

Была проведена и реорганизация местных органов государственной власти. Законом от 4 февраля 1926 г. вместо выборных муниципалитетов вводился институт «подеста́» — старшин, назначаемых королевским декретом на пять лет[72]. Законом от 6 апреля 1926 г. усиливалась и расширялась власть префектов в провинциях[73]. И, наконец, был издан закон от 3 апреля 1926 г. о правовой организации коллективных трудовых отношений. Признание со стороны государства получали профсоюзные организации предпринимателей или рабочих, отвечающие следующим трем требованиям: 1) объединяющие в своих рядах не менее 10% лиц данной профессиональной категории, 2) способствующие не только охране экономических интересов своих членов, но и их «моральному и патриотическому воспитанию», 3) имеющие руководителей с соответствующими «моральными и патриотическими устоями». Таким образом, впервые в государственном законодательстве политические мотивы выставлялись в качестве критерия для признания профсоюзной организации. В результате этого могла быть признана организация, едва насчитывавшая в своих рядах 10% лиц данной профессиональной категории, и, напротив, отказано в признании организации, включавшей 90% лиц этой категории.

Юридическое признание со стороны государства могла получить только одна профсоюзная организация для предпринимателей или рабочих в каждой профессиональной категории. Естественно, что в качестве единственных признаваемых государством профсоюзов должны были выступать фашистские профсоюзы. Закон предусматривал запрет локаутов со стороны предпринимателей и забастовок со стороны рабочих. Все трудовые конфликты подлежали принудительному разбору в государственном суде, что было одним из существенных элементов в идеологии фашистского корпоративизма.

Само слово «корпоративизм» употреблялось фашистами в смысле общности классовых интересов, в смысле согласования этих интересов в сфере производства во имя «общих интересов нации»

[72] *Salvatorelli L.* e *Mira G.* Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1956, p. 346.
[73] Ibid., p. 345—346.

под руководством государства. Однако закон от 3 апреля 1926 г. не предусматривал создания корпораций, как таковых, т. е. объединения предпринимателей и рабочих в единых профсоюзных организациях по отраслям производства. Этому противились и те, и другие, а потому сами фашисты считали, что для такого объединения необходима была еще большая идеологическая и организационная подготовительная работа. В статье 3 нового закона говорилось об организациях, объединяющих или одних предпринимателей, или одних рабочих. Говорилось также о «центральных органах связи», посредством которых «организации предпринимателей и организации рабочих могут быть объединены в высшую иерархическую единицу». Таким образом, эти органы связи сводились к функциям сугубо межпрофсоюзной связи.

С другой стороны, новый закон шел явно вразрез с планами синдикализации государства, которые лежали в основе теоретических построений первых фашистских идеологов. Статья 6 закона устанавливала контроль над профсоюзами со стороны органов государственной власти. Профсоюзы превращались фактически в орудие, с помощью которого государство управляло различными социальными силами страны. Прежде всего, разумеется, речь шла об управлении рабочей массой. Бывший соратник Муссолини М. Рокка напишет впоследствии в своей книге, что «рабочие профсоюзы, твердо подчиненные государству и задушенные жесткой дисциплиной, превратились в придаток правительства» [74]. В конечном счете вместо синдикализации государства произошло огосударствление профсоюзов.

Хотя права «непризнанных» профсоюзов и были фактически сведены на нет, они не были запрещены и после закона 3 апреля 1926 г. Таким образом, продолжали существовать и ВКТ, и Конфедерация католических профсоюзов. Но они существовали чисто поминально. Их деятельность после апреля 1926 г. не была отмечена ни одной сколько-нибудь заслуживающей внимания инициативой.

Коммунисты в начале 1926 г. впервые провели свой очередной съезд уже за пределами Италии. Он состоялся во французском городе Лионе и был отмечен усилением борьбы против сектантства и «левого» уклона в партии. Что касается природы и характера фашизма, обращают на себя внимание следующие пункты разногласий. «Левые» считали фашизм чем-то вроде комедии, разыгранной правящими классами. Это утверждал, например, в ходе предсъездовской дискуссии Бордига. Он писал в газете «Унита»: «В фашизме и в генеральном контрнаступлении буржуазии мы не видим принципиальных изменений политики итальянского государства. Мы видим в них естественное продолжение этой политики демократии (имеется в виду буржуазная демократия.— *Авт.*) как до, так и после войны. Мы будем противополагать демокра-

[74] *Rocca M.* Come il fascismo divenne una dittatura. Milano, 1952, p. 142.

гию и фашизм не в большей мере, чем мы противополагали в прошлом демократию и милитаризм» [75].

В отличие от этого в тезисах, предложенных Грамши, обнаруживается более дифференцированный подход к буржуазии в связи с ее политикой в отношении фашизма. «Вне фашизма остаются некоторые центры буржуазной оппозиции. С одной стороны, к фашизму не примкнула группа, верившая в возможность разрешения проблемы государства, которая предлагалась Джолитти. Эта группа, представляющая часть промышленной буржуазии, выдвигает программу «лейбористского реформизма» и оказывает влияние на некоторые слои рабочих и мелкой буржуазии. С другой стороны, выдвигается программа использования в качестве основы государства сельской демократии Юга и «здоровой» части северной промышленности («Коррьере делла Сера», «либерализм» Нитти) — программа, которая имеет тенденцию стать программой политической организации, настроенной оппозиционно к фашизму и опирающейся на массы Юга («Национальный союз»). Фашизм вынужден вести весьма энергичную борьбу против этих еще существующих группировок и с еще большим ожесточением бороться против масонства, которое он правильно рассматривает как организующий центр всех сил, традиционно поддерживающих государство. Эта борьба свидетельствует о том, что в блоке консервативных и антипролетарских сил все же существует трещина, которая при определенных условиях может способствовать превращению пролетариата в третий и решающий фактор политической обстановки» [76].

Естественно, что такого рода подход к вопросу об отношениях между различными группами буржуазии и фашизмом мог благоприятно повлиять на выработку более правильной тактической линии борьбы. Вместе с тем на базе общей классовой оценки фашизма он рассматривался в тезисах Грамши как результат всего предшествующего развития капитализма. Отсюда делался вывод о том, что именно исторический противник капитализма, т. е. рабочий класс, может вести наиболее последовательную борьбу против фашизма и должен стать гегемоном в этой борьбе. Выдвижением этого положения в тезисах устанавливалась связь между борьбой против фашизма и борьбой за социализм — связь, которая понималась «левыми» как тождество. В специальном разделе тезисов Грамши, озаглавленном «Движущие силы и перспективы революции», подчеркивалась необходимость союза пролетариата и крестьянства в конкретной для Италии форме союза пролетариата Севера и крестьянства Юга.

Тезисы, предложенные Грамши, были серьезным шагом вперед по сравнению с позицией Итальянской Коммунистической партии в первые годы ее существования, по сравнению с «Рим-

[75] «L'Unita», 6.IX 1925.

[76] Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953, с. 231.

скими тезисами» 1922 г. Вместе с тем нельзя не видеть, что эти тезисы не давали еще ответов на многие вопросы, порожденные новой исторической обстановкой борьбы против фашизма, вопросы, на которые удалось ответить лишь много позднее. Пока что в качестве единственной альтернативы предлагалась «диктатура пролетариата», хотя и в новой формуле «рабоче-крестьянского правительства». Утверждение более гибкой тактики не вылилось еще в конкретные поиски путей соглашения с социалистами. Слишком сильно давил груз старых разногласий и полемики; да и положение в международном рабочем движении, которое характеризовалось обострением идеологической борьбы между Коминтерном и социалистами, никак не способствовало этому.

Между тем фашизм сделал еще один важный шаг на пути установления тоталитарной диктатуры. 31 октября во время празднования годовщины прихода фашистов к власти было совершено четвертое за год покушение на Муссолини. Как и три предыдущих, оно было неудачным: человек, стрелявший в Муссолини, был убит на месте. Не исключено, что это была провокация. Во всяком случае новое покушение послужило предлогом для массовых репрессий, и они не замедлили последовать.

6 ноября Муссолини принял отставку министра внутренних дел Федерцони, сам заменив его на этом посту. Вслед за этим была проведена серия мероприятий по ликвидации остатков буржуазной демократии. Был издан закон о роспуске всех «антинациональных» партий, что формально завершало переход к однопартийной системе. Парламент принял решение о лишении депутатских мандатов всех авентинцев. Антифашистская печать запрещалась. Для всех заподозренных в антифашизме лиц устанавливалась так называемая политическая, или административная, высылка. При каждом полицейском управлении и при каждом штабе легиона национальной милиции учреждалась «служба политического следствия». Было объявлено о введении смертной казни «за покушение на жизнь, неприкосновенность и свободу короля, королевы или главы правительства». Наконец, был учрежден Особый трибунал по защите государства [77]. Последнее особенно явственно шло вразрез со статьей 71 Альбертинского статута (конституционного акта, принятого после объединения Италии), гласящей: «Никто не может быть изъят из ведения своих судей. В соответствии с этим не могут быть созданы чрезвычайные суды или комиссии».

Карательные законы, изданные фашистским правительством в ноябре 1926 г., были названы «чрезвычайными», так как они были введены лишь на пять лет. Но затем срок их действия постоянно возобновлялся, и они сохранили силу до конца фа-

---

[77] *La Torre M.* Cento anni di vita politica ed amministrativa italiana, v. II. Firenze, 1952, p. 52—53; *Traverso C. E., Italia V., Bassani M.* I partiti politici. Leggi e statuti. Verese — Milano, 1966, p. 373—375.

шистского режима. В числе первых арестованных в ноябре 1926 г. был руководитель коммунистической партии Антонио Грамши. Многие антифашисты почти сразу же эмигрировали за границу, главным образом во Францию. Из всех оппозиционных фашизму партий одни только коммунисты сохраняют свой подпольный центр в Италии. Наряду с этим вместе с социалистами и республиканцами они имеют и свой заграничный центр во Франции. В целом как коммунистическое, так и социалистическое движение переживает в то время период острого внутреннего кризиса.

Возможности для борьбы против фашизма были значительно сужены. В то же время «чрезвычайные законы» значительно расширили вмешательство фашистского государства во все сферы жизни итальянского общества. Ранее формально допускалось существование оппозиционных режиму партий, которые представляли собой в политической области своего рода секторы, свободные от официальной идеологии. Теперь с этим было покончено. До «чрезвычайных законов» разрешалось объединение трудящихся в свободные ассоциации — профсоюзы для защиты своих экономических интересов. Теперь государство получило право запрещать неугодные с его точки зрения профсоюзы, расширив таким образом свои компетенции в экономической области. Вторгаясь в одну за другой области гражданского общества, элементарных человеческих отношений и личных убеждений, до сих пор свободных от прямого государственного вмешательства, фашистское государство все более превращалось во всеобъемлющий, или, как стали уже в то время говорить, тоталитарный, организм.

Следующим важным этапом в этом процессе было опубликование 21 апреля 1927 г. так называемой «Хартии труда». Этот акт исходил от Большого фашистского совета — высшего органа фашистской иерархии, который, однако, формально не обладал законодательной властью. Поэтому сама «Хартия труда» не была законом, но она стала основой, на которой впоследствии был разработан ряд законодательных актов.

«Хартия труда» состояла из двух основных разделов: «Корпоративное государство и его организация» и «Коллективный трудовой договор — гарантия труда». Статья I «Хартии» гласила: «Итальянская нация является организмом, цели, жизнь и средства действия которого превышают силой и длительностью цели, жизнь и средства действия составляющих этот организм отдельных лиц и групп их. Она представляет моральное, политическое и экономическое единство и целиком осуществляется в фашистском государстве». По заключению фашистского профессора К. Костаманья, эта статья содержала «политическую формулу» фашизма и синтезировала все догматические понятия, присущие доктрине фашистского государства [78]. Нет сомнений, что данная

[78] *Costamagna C.* Storia e dottrina del fascismo. Torino, 1938, p. 96.

статья являлась своего рода общим исходным пунктом идеологии фашистского тоталитарного государства.

Из других статей первого общего раздела «Хартии труда» особый интерес с теоретической точки зрения представляет статья VII. Процесс превращения фашистского государства в тоталитарное находит здесь свое отражение во вмешательстве государства в сферу частной хозяйственной инициативы: «Корпоративное государство смотрит на частную инициативу в области производства как на наиболее действенное и наиболее полезное для интересов нации орудие». Но «так как частная организация производства является функцией национального значения, то организатор предприятия отвечает перед государством за ход производства». В статье IX уточнялись случаи и формы государственного вмешательства в сферу производства: «Вмешательство государства в производство может иметь место лишь тогда, когда отсутствует частная инициатива, или когда она является недостаточной, или когда в этом замешаны политические интересы государства. Вмешательство это может принять форму контроля, поощрения или непосредственного управления».

С теоретической точки зрения обращают на себя внимание выводы, которые фашисты делали в «Хартии труда» из проповедуемой ими идеи о «сотрудничестве производительных сил во имя общих национальных интересов». В статье VII имеется следующее утверждение: «...из сотрудничества производительных сил вытекает взаимность их прав и обязанностей. Всякий техник, служащий или рабочий является активным сотрудником предприятия, управление которым находится в руках работодателя, несущего за него ответственность». Многие фашистские комментаторы трактовали это утверждение как поворот в экономической теории и, естественно, в самой экономике. Так, Л. Мерлино высказывался, например, следующим образом: «Предприниматель, как и рабочий, рассматривается в качестве трудящегося, призванного обслуживать нацию. Поэтому предприниматель уже не является абсолютным хозяином предприятия, а лишь управляет им в интересах коллектива. И этот коллектив, используя государство, побуждает предпринимателя к труду и вознаграждает его за труд. Если же предприниматель ленится, то коллектив в качестве наказания лишает его собственности и берет на себя его функции» [79].

Такого рода выводы можно было сделать, лишь руководствуясь практическими интересами фашистской пропаганды. На деле это никак не соответствовало реальному положению вещей. Прежде всего, и это главное, хотя в «Хартии труда» и говорилось о корпорациях и корпоративном государстве, ни того ни другого в Италии на самом деле не было. Парадокс тем более очевидный, что еще королевским декретом от 2 июля 1926 г. было образо-

[79] «Gerarchia», 1927, N 5.

вано специальное министерство корпораций. Этим же декретом было предусмотрено создание Национального совета корпораций, который должен был иметь консультативные административные функции [80]. Вслед за этим в сентябре — октябре того же года серией королевских декретов были признаны законными шесть конфедераций предпринимателей, промышленников, землевладельцев, коммерсантов, владельцев сухопутного и внутреннего водного транспорта, владельцев морского и воздушного транспорта, владельцев банковских учреждений.

Казалось бы, после этого и тем более после опубликования «Хартии труда» фашисты в соответствии с пропагандируемыми ими принципами должны были приступить к созданию корпораций. Они должны были бы создать соответственно корпорацию, объединяющую предпринимателей с рабочими и служащими, занятыми в промышленности, корпорацию, объединяющую землевладельцев с батраками и сельскохозяйственными рабочими, корпорацию, объединяющую коммерсантов с рабочими и служащими торговых предприятий, и т. д. Но этого не случилось. И прежде всего потому, что классовые противоречия между предпринимателями и рабочими были реальностью, с которой приходилось считаться даже фашистам. Среди рабочих, даже если они были фашистами, был еще довольно сильным дух классовой солидарности, что нашло свое выражение в их стремлении к сохранению единой Конфедерации фашистских профсоюзов, объединявшей рабочих и в известной мере противостоявшей предпринимательским организациям. С учетом этого ликвидация подобной единой организации была не таким уж простым делом и требовала времени и известной подготовительной идеологической работы.

Классовые противоречия между рабочими и предпринимателями сплошь и рядом прорывались за рамки «идеологического единства» между ними в политических и профсоюзных организациях фашизма. Классовый эгоизм буржуазии вызывал неоднократные упреки и угрозы со стороны фашистских руководителей, которые вынуждены были считаться с настроениями масс. С другой стороны, рабочие, записанные в фашистские профсоюзы, пытались использовать в своих классовых интересах некоторые, пусть даже демагогические, обещания и лозунги фашистского руководства. Так, в частности, случилось с некоторыми пунктами той же «Хартии труда», второй раздел которой, как уже отмечалось, был посвящен вопросу о «коллективных трудовых договорах и гарантиях труда». Здесь провозглашался принцип оплаты труда исходя не только из интересов предпринимателя, но и из потребностей рабочего, говорилось о повышении оплаты ночной и сдельной работы, о праве рабочих на ежегодный оплачиваемый отпуск, о компенсации для уволенных не по их вине рабочих и т. д.

---

[80] *Ercole F.* Op. cit., v. II, p. 72—73.

Эти принципы, как и сама идея корпоративизма, не вызывали восторга у довольно значительной части буржуазии. Для достижения «классового сотрудничества» многие предприниматели считали вполне достаточным широко разветвленный аппарат подавления фашистского государства. Как и прежде, они продолжали противиться объединению в корпорации вместе с рабочими, пусть даже записанными в фашистские профсоюзы. И эти настроения не только были одной из важных причин «задержки» образования корпораций, но и создавали впечатление о серьезных противоречиях между буржуазией как классом и фашизмом как государственной властью. Во всяком случае фашистская пропаганда усиленно работала в этом направлении, насаждая тем самым тезис о «надклассовом» характере фашистского государства. Эта пропаганда особенно усилилась в период экономического кризиса, поразившего Италию в 1927 г.

В целом итальянская промышленность вплоть до 1926 г. продолжала развиваться по восходящей линии. Инвестированные в акционерные общества капиталы возросли в 1925 г. на 8 млрд. лир, а в 1926 г.— на 5 млрд. лир, составив к этому времени 40 с лишним млрд. лир [81]. Но все это происходило в условиях довольно сильной инфляции. В 1927 г. в стране начался экономический кризис. По сравнению с 1926 г. индекс производства обрабатывающей промышленности упал с 83 до 80. производство чугуна сократилось с 513 тыс. до 489 тыс. т, стали — с 1883 тыс. до 1721 тыс. т, автомобилей — с 65 тыс. до 55 тыс. Общий индекс сельскохозяйственного производства уменьшился с 97 до 88. Число безработных в стране увеличилось со 181 тыс. до 414 тыс. [82]

В период начавшегося кризиса усилились требования со стороны промышленников об уменьшении заработной платы рабочим с целью снизить себестоимость продукции, облегчив ее выход на внешние рынки. Но уменьшить заработную плату рабочим нельзя было без снижения прожиточного минимума, который почти не изменился. И вот правительство предприняло кампанию по принудительному снижению розничных цен и квартирной платы, что задевало интересы части средних слоев населения, и одновременно кампанию по уменьшению заработной платы рабочим. В мае 1927 г. она была уменьшена на 10—12%, а прожиточный минимум с августа 1926 по август 1927 г. снизился всего на 8%. Проигрыш рабочих от мероприятий по уравниванию цен и заработной платы очевиден.

Параллельно экономическому наступлению против рабочего класса фашисты продолжали свою деятельность, направленную на окончательное искоренение демократии. Дело в том, что в Италии продолжал еще существовать старый парламент, избранный на основе «порочных», с фашистской точки зрения, либе-

[81] *Romeo R.* Op. cit., p. 153.
[82] Ibid., p. 154.

рально-демократических принципов. Правда, с 1924 г. произошли изменения в составе самого парламента. После ухода депутатов Авентинской оппозиции и исключения коммунистов он стал почти целиком фашистским или во всяком случае профашистским. Муссолини не стоило особого труда проводить через него задуманные им мероприятия в тех случаях, когда эти мероприятия нуждались еще в формальном одобрении парламентом. Но срок полномочий парламента истекал, и надо было решать вопрос о новых выборах. Проводить их на основе старых, либерально-демократических принципов значило бы противоречить утвердившейся к этому времени во всех звеньях государственного аппарата официальной фашистской корпоративной идеологии. В этот момент на сцене и появляется комиссия 18-ти с проектом своей реформы.

В мае 1928 г. был опубликован закон о реформе политического представительства. Согласно установленным в нем нормам право выдвижения кандидатов принадлежит прежде всего «признанным законом профсоюзам» (ст. 3), а также «признанным законом юридическим лицам и ассоциациям, существующим де-факто, при условии, что они имеют национальное значение или преследуют цели культуры, воспитания, взаимопомощи и пропаганды» (ст. 4). В порядке пояснения можно сказать, что под «юридическими лицами» и «ассоциациями» подразумевались разного рода общественные, культурные и учебные учреждения и организации, находившиеся, как правило, под фашистским контролем.

Выдвижение кандидатов «признанными законом организациями» было первой ступенью новой избирательной системы. Кандидатов в депутаты выдвигалось вдвое больше числа установленных мест в парламенте (800 кандидатов на 400 мест). Вторая ступень новой избирательной системы — отбор кандидатов для голосования: «Большой фашистский совет (БФС) составляет список депутатов, выбирая их по своему усмотрению из общего числа кандидатов, а также вне его, если это требуется необходимостью включить в список лиц, получивших известность в области наук, литературы, искусств, политики или военного дела, не попавших в число кандидатов» (ст. 5). По существу это означало, что депутаты парламента просто-напросто назначались фашистской партией в лице БФС. Правда, фашистский теоретик Эрколе писал по этому поводу, что «БФС выступал здесь не в роли директивного, а в роли консультативного органа, и окончательное решение осталось за избирателями» [83].

Действительно, новый закон предусматривал еще третью ступень прохождения кандидатов — всеобщее голосование по списку, утвержденному БФС. Но это только создавало иллюзию привлечения всего народа к решению вопроса о составе парламента.

[83] *Ercole F.* Op. cit., v. II, p. 76.

В самом деле главной теоретической предпосылкой фашистской реформы был довод о том, что избиратель, как таковой, не может сам сделать сознательный выбор, а поэтому посылает в парламент, как правило, «безответственных делегатов». Отсюда старый принцип буржуазно-демократической доктрины «общенародного представительства» должен быть заменен, согласно фашистам, принципом «профессионального представительства». В этом слышались отголоски идеи «корпоративного парламента» — идеи, весьма популярной в Италии после первой мировой войны. И установленный фашистами порядок выдвижения кандидатов в депутаты через профсоюзы и другие ассоциации мог показаться даже осуществлением этих идей.

Но та или иная идея может приобретать разный смысл в зависимости от конкретных исторических условий, в которых ее пропагандируют и пытаются провести в жизнь. В Италии существовал фашистский режим. Все оппозиционные или даже просто независимые от этого режима партии и организации были ликвидированы. Все так называемые «признанные законом» профсоюзы и ассоциации были фашистскими профсоюзами и ассоциациями, и их кандидаты были прежде всего представителями и носителями интересов и идей фашизма, а не той или иной профессиональной категории или сословия. Кандидаты и депутаты предлагались руководящими органами профсоюзов и ассоциаций, которые, безусловно, были связаны с партийными и правительственными органами. Если говорить о председателях фашистских конфедераций, то все они, согласно уставу фашистской партии 1926 г., входили в Большой фашистский совет. Что же касается последнего, то он выступал в качестве главного фильтра всего механизма отбора и просеивания. Можно было быть уверенным, что список кандидатов, отобранных БФС, состоял из 100-процентных приверженцев режима. Так называемое «всеобщее голосование» производилось не по отдельным кандидатурам, а по всему списку путем приписки внизу бюллетеня «да» или «нет» (ст. 6). Естественно, что в этих условиях роль избирательного корпуса могла быть только пассивной, а не активной. Он голосовал за составленный фактически без его участия список. Говорить о «всеобщем голосовании» в смысле старой буржуазно-демократической доктрины уже было нельзя. Еще с одним «пережитком» либерализма и демократии было покончено.

В плане вопроса о сращивании государственного и партийного аппарата обращает на себя внимание тот факт, что в новом законе право окончательного составления списка депутатов парламента было предоставлено Большому фашистскому совету, который формально не был ни правительственным, ни государственным органом. Возникавшие таким образом с формально-юридической точки зрения несоответствие было устранено законом о строении и правомочиях Большого фашистского совета, принятым в декабре 1928 г. Это один из важнейших законодатель-

ных актов фашизма, завершивший и закрепивший процесс огосударствления фашистской партии.

Этот процесс нашел свое отражение в статье ее устава (1926 г.), предусматривавшей, что в Большой фашистский совет, остававшийся формально высшим партийным органом, входят не только деятели партии, как таковые, но и все министры вообще. Фашистская партия превращалась в «организацию общественно-правового характера, используемую фашистским правительством для конституционных и административных целей». Теперь в статье 1 нового закона о БФС указывалось: «Большой фашистский совет является верховным органом, согласовывающим и сосредоточивающим в себе всю активность режима, вышедшего из октябрьской революции 1922 г. Он осуществляет законодательную функцию в установленных законом случаях и должен, кроме того, давать заключения по всяким другим вопросам — политическим, экономическим или социальным — государственной важности, по которым его запросит глава правительства».

Таким образом, БФС брал на себя функции, являвшиеся, согласно старой буржуазно-демократической доктрине, прерогативой исключительно государственных органов. Узаконение вмешательства БФС в сферу государственной деятельности нашло свое выражение и в ряде других статей нового закона: «Заключение БФС должно быть получено по всякому вопросу, имеющему конституционный характер» (ст. 12); «сохраняя в силе полномочия и прерогативы главы правительства, БФС составляет и обновляет списки лиц, которых он считает годными в случае вакансии для выполнения правительственных функций» (ст. 13).

Со своей стороны представители высшей законодательной и исполнительной государственной власти расширяли сферу своего вмешательства в сугубо партийные дела: «Статут Национальной фашистской партии утверждается королевским декретом по предложению главы правительства, премьер-министра, государственного секретаря, БФС и Совета министров» (ст. 14); «секретарь Национальной фашистской партии назначается королевским декретом...» (ст. 15); «члены Национальной директории фашистской партии назначаются декретом главы правительства...» (ст. 16); «федеральные секретари Национальной фашистской партии назначаются декретом главы правительства...» (ст. 18).

Таким образом, новый закон подтверждал и стимулировал процесс сращивания государственного и партийного аппарата в фашистской Италии. Своего рода символом и фокусом этого процесса был сам Муссолини, объединивший в своей персоне главу фашистского правительства, главу фашистской партии и главу Большого фашистского совета. Отметим в этой связи, что сама система отношений между партией и государством в фашистской Италии несколько отличалась от той, которая сложилась позднее в фашистской Германии. Роль фашистской партии в Германии была большей, в то время как в Италии она сводилась к «про-

стому орудию государства, необходимому для ведения националистической пропаганды», для идеологического приобщения к государству широких слоев итальянского населения [84].

ФАШИСТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И МОНОПОЛИИ

Фашисты утверждали тезис о надклассовом характере своего государства, которое-де с помощью диктатуры фашистской партии осуществляет мероприятия, направленные на достижение «общих интересов». Действительно, интересы крупных монополий далеко не всегда были явственно различимы за ширмой лозунга «общих интересов». Иногда эти мероприятия проводились в плане борьбы за укрепление капиталистической системы в целом и были сопряжены с определенными материальными издержками той или иной группы буржуазии. К числу подобных мероприятий можно отнести попытки государственного регулирования экономики путем принудительного сокращения ввоза сырья и продуктов из-за границы. Это было связано с попытками фашистского правительства уменьшить катастрофически растущий дефицит внешней торговли. Естественно, что некоторые группы буржуазии в результате кое-что и потеряли. В то же время политика автаркии (политика, направленная на достижение большей независимости от ввоза сырья и продуктов из-за границы) способствовала обогащению других групп буржуазии. Например, в результате так называемой «битвы за хлеб» значительно обогатились некоторые слои сельской буржуазии. В целом, если говорить не о той или иной группе, а обо всем классе буржуазии и тем более о крупной монополистической буржуазии, то она извлекла выгоду из вмешательства государства в экономику, в том числе и из введения в нее элементов государственного капитализма.

Эти элементы вносились в итальянскую экономику по большей части для ускорения процесса концентрации и централизации капитала. Итальянский исследователь Р. Ромео обращает внимание, в частности, на такие мероприятия фашистского правительства, как сосредоточение права эмиссии в одном учреждении — Итальянском банке, а также на наделение государства полномочиями и в отношении регулирования инвестиций иностранных капиталов в Италию [85]. В результате первого из этих мероприятий Итальянский банк получил контроль над валютными операциями во всей стране. После того как этот банк был реорганизован и государство обеспечило за собой прямое или косвенное обладание большинством акций, концентрация капитала достигла в Италии небывалой степени. Второе мероприятие — регулирование инвестиций иностранных капиталов в Италию — давало го-

[84] *Тольятти П.* Лекции о фашизме. М., 1974, с. 46.
[85] *Romeo R.* Op. cit., p. 153.

сударству возможность стимулировать развитие той или иной отрасли производства. При этом вмешательство государства, как правило, сопровождалось давлением на предпринимателей с целью добиться большей концентрации производства, что вело на практике к росту и усилению монополий.

Весьма характерно, что фашистское правительство отменило довольно высокие в прошлом налоги, препятствовавшие слиянию предприятий, и установило систему фискальных льгот, которые делали слияние даже выгодным. В тех случаях, когда слиянию обществ мешали финансовые причины, правительство предоставляло кредиты. Так было, в частности, в случае с химическими предприятиями, где были даны субсидии для образования крупнейшего треста по выработке красок и взрывчатых веществ АСНА. Этот трест с капиталом в 95 млн. лир образовался путем слияния трех крупных предприятий. Были случаи, когда дело доходило даже до прямого политического давления. В Триесте, например, существовали две мощные промышленные группы — Косулич и «Ллойд Сабаудо». Последняя находилась под контролем Коммерческого банка; правительство вмешалось и заставило этот банк путем вознаграждения за другие операции уступить принадлежавшие ему акции Косуличу. В результате последний объединил почти все судоходные компании и судостроительные верфи Венеции — Джулии, создав таким образом гигантский трест.

Определение степени концентрации финансового капитала в Италии всегда представляло большие трудности главным образом из-за того, что основу структуры крупной капиталистической экономики в этой стране составляли акционерные общества. Анонимный характер капиталов в них всегда давал возможность производить тысячи комбинаций, явных и тайных. Существовали самые различные способы контроля над этими капиталами, позволявшие сосредоточивать их в руках отдельных лиц или сравнительно небольших групп. В целом установлено как достоверный факт, что развитие акционерных обществ в Италии содействовало концентрации капитала и связанному с этим образованию капиталистических монополий, а это в свою очередь порождало опасные по своим последствиям привилегии политического и экономического характера [86]. И в этой связи небезынтересны следующие данные о развитии акционерных обществ и акционерного капитала в Италии [87].

С 1920 по 1930 г. число акционерных обществ в Италии возросло с 5541 до 17 384, т. е. в 3 с лишним раза, сумма капиталов, сконцентрированных в этих обществах,— с 17 784 817 тыс. до 52 280 765 тыс. лир, т. е. примерно втрое. Отдельные из входивших в них обществ увеличили свои капиталы в гораздо боль-

[86] Struttura dei monopoli industriali in Italia. Roma, 1949, p. 16.
[87] Ibid., p. 143.

ших пропорциях: электрическое общество «Эдисон» за 1921—1929 гг.— со 180 млн. до 1350 млн. лир, т. е. более чем в 7 раз; электрическое общество «Адриатика ди элеттричита» — со 100 млн. до 400 млн. лир, т. е. в 4 раза; химическое общество «Италчементи» за 1919—1929 гг.— с 16 500 тыс. до 108 млн. лир, т. е. более чем в 6 раз; текстильное общество ФИСАК за 1921—1928 гг.— с 10 млн. до 70 млн. лир, т. е. в 7 раз.

По мере того как хозяйственный аппарат организовывался на все более централизованной основе, государственный аппарат испытывал растущее влияние крупных монополий. Ряд мероприятий хозяйственного порядка, цены и т. п. все чаще непосредственно диктовались крупными финансовыми и промышленными монополиями, а государство лишь принимало их к сведению и регистрировало. Весьма показательно в этой связи усиление процесса сращивания государственного и капиталистического хозяйственного аппарата: 175 из 400 депутатов, избранных в 1929 г., занимали оплачиваемые посты в административных советах крупных акционерных обществ. Значение этого станет еще понятнее, если учесть, что один депутат сотрудничал в 43 акционерных обществах, один — в 33, один — в 28, двое — в 26, один — в 23, один — в 20, один — в 19, трое — в 18 [88]. В подобных условиях, естественно, невозможно говорить, вопреки утверждениям фашистов, о «независимости» государства от капиталистических монополий и о государственной деятельности, направленной на достижение «общих интересов».

С другой стороны, говоря о связях фашизма с монополистическим капиталом, не следует впадать в упрощение. В фашистском государстве господствовала политическая партия, массовую базу которой составляла мелкая и средняя буржуазия. Расхождения, которые иной раз возникали между фашистским государством и крупными монополиями, имели далеко не всегда чисто показной и «театральный» характер, как об этом писалось в памфлетной литературе 20-х годов. В этих расхождениях находило свое выражение и реальное столкновение интересов мелкой и крупной буржуазии. В конечном счете речь идет об относительной самостоятельности фашистской власти — факт, который был зафиксирован в марксистской мысли уже в 20-х годах довольно определенно. Антонио Грамши писал в 1924 г. о тенденции фашистской власти быть не просто «инструментом» в руках буржуазии, а действовать «согласно своей внутренней логике» [89].

В плане отношений между фашистским государством и монополиями особого внимания заслуживают проблемы фашистской внешней политики. Будучи империалистическим и агрессивным по самой своей природе, фашистское государство продолжало во

---

[88] Ibid., p. 14.
[89] *Gramsci A.* Scritti politici. Roma, 1967, p. 589—590.

внешней политике традиции итальянского империализма. В этом отношении фашистское государство призвано было «не нарушать закон, а исполнять его». Можно говорить лишь об ином акценте, ином, более показном и бравурном внешнем облике, когда, как писал Алатри, соображения престижа превалировали над реальными политическими и экономическими потребностями страны [90]. В этом отношении итальянский фашизм унаследовал довольно много от довоенного национализма, вобрав в себя весь его пафос, обильно пропитанный и подслащенный древнеримскими «заветами».

Однако итальянский фашизм в 20-х годах действовал еще крайне осторожно, не преступая тех границ, за которыми открылась бы перспектива большой войны или во всяком случае серьезных международных осложнений. В исследованиях, посвященных внешней политике Италии в то время [91], отмечается, в частности, обострение ее противоречий с Францией. Эти противоречия восходили еще к дофашистскому периоду, когда между двумя «латинскими сестрами» развернулось соперничество за влияние на Балканах, господство на Средиземном море, за преобладание в Тунисе и других африканских колониях. На Балканах итальянской политике окружения Югославии французы противопоставили политику, сформулированную в лозунге «Балканы — для балканских народов». За этим лозунгом скрывалась борьба Франции против проникновения Италии в Албанию и за усиление Югославии как противовеса Италии и проводника французского влияния в странах Балканского полуострова. Борьба между Италией и Францией на Балканах, как и борьба по вопросу о притязаниях Италии на обеспечение своих «интересов» во французском Тунисе и расширение границ своей колонии Ливии, пока что не вышла из сферы дипломатических переговоров и закулисных сделок, но была чревата взрывом. Способствовало обострению итало-французских противоречий и то, что значительная часть итальянской антифашистской эмиграции обосновалась во Франции: французская дипломатия пыталась использовать это обстоятельство как козырь в своей политической игре, чем особенно досаждала правительству Муссолини.

В значительной мере на почве антифранцузской устремленности итальянской внешней политики в 1924—1926 гг. происходит сближение между Италией и Англией. То же самое можно сказать об укреплении связей между Италией, с одной стороны, Болгарией и Грецией — с другой. Обе эти балканские страны имели серьезные противоречия с Югославией, что и пыталась использовать итальянская дипломатия в борьбе против французского влияния на Балканах. Итальянской дипломатии удалось добиться значительного усиления политического и экономиче-

---

[90] *Алатри П.* Указ. соч., с. 52.
[91] *Carocci G.* La politica estera dell'Italia fascista (1925—1928). Bari, 1969.

ского влияния Италии в Албании, во многих отношениях фактически подчинить себе эту страну, превратив ее в главный плацдарм на Балканах. Однако расширение итальянского влияния на Балканах настораживает Англию, и в 1927—1928 гг. намечается некоторое охлаждение англо-итальянских отношений. Агрессивные устремления фашистской Италии стáновились все более явными, и это усиливало ее противоречия не только с Францией, но и с другими великими державами [92].

В исследованиях, посвященных внешней политике Италии в эти годы, справедливо устанавливается связь между основными направлениями этой политики и интересами и устремлениями крупного монополистического капитала. Однако и в этом случае не следует впадать в упрощения и забывать, что в условиях фашистского государства чисто волевые импульсы и произвол руководителей приобретали особое значение. Здесь и соображения престижа, о которых писал П. Алатри, и идеология, которая имела свою внутреннюю логику, далеко не во всем совпадающую с политикой, в том числе и с прагматической политикой монополистического капитала.

Хотя в 20-х годах итальянский фашизм и не проявил себя на международной арене сколько-нибудь заметной агрессивной акцией, его внешнеполитические амбиции были выражены довольно определенно. Первый наш долг,— говорил Муссолини,— увеличить наши вооруженные силы. Мы должны быть готовыми к определенному времени мобилизовать 5 млн. людей и иметь возможность их вооружить. Мы должны увеличить наш флот и так усилить наши военно-воздушные силы, чтобы шум их моторов заглушил все другие шумы, а тень от них затмила солнце над итальянской землей.

ФАШИСТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

Для укрепления фашистской диктатуры особое значение имело урегулирование отношений между государством и Ватиканом. Ведь официально Ватикан не признавал итальянское либеральное государство, вышедшее из Рисорджименто. И хотя форма этого государства кардинально изменилась: из либерального оно превратилось в фашистское, а отношения у Ватикана с фашистами были лучше, чем с либералами,— тем не менее ватиканский вердикт непризнания остался в силе. Фашистское государство с его тоталитарными притязаниями не могло, разумеется, примириться с существованием обширной сферы духовного воздействия, имеющей, пусть даже чисто формально, антигосударственную окраску. Фашизм уничтожил и принудил к сотрудничеству все другие нефашистские организации, в том числе и католические организации светского характера. Но уничтожить

[92] Ibidem.

церковь, как показал опыт других стран, нельзя. Вернуться к антирелигиозным лозунгам первых лет фашизма и попытаться изгнать влияние церкви из сферы духовной жизни людей фашистам было не под силу. Ведь церковь проникала в такие глухие уголки, в такие тайники человеческих душ, в какие никакая фашистская идеология не могла бы проникнуть. И вывод для фашистов напрашивался сам собой: надо заключить с церковью союз.

Влияние церкви в Италии было очень сильным, и поэтому попытки примирения с ней делались и в прошлом, когда у власти находились либералы. Фашизм в значительной мере ускорил этот процесс сближения, внеся в него нечто новое — тоталитарные притязания государства на жизнь итальянского общества. В итальянском обществе не должно оставаться ничего, хотя бы в малейшей степени, оппозиционного государству — таков был принцип фашизма в отличие от либерализма, по самому характеру своей идеологии допускавшего наличие подобных сфер. Возможно, что в личном плане для Муссолини сыграло роль и честолюбие, ибо всем в Италии была известна фраза Криспи о том, что «величайшим государственным деятелем Италии окажется тот, кто разрешит римский вопрос».

Со своей стороны Ватикан решил начать переговоры с Муссолини лишь после того, как убедился в силе его диктатуры. На решение Ватикана повлияло и то, что Муссолини не требовал никаких гарантий сохранения светского характера итальянского государства, как это делали либералы. Напротив, Муссолини неоднократно говорил о стремлении придать государству религиозный оттенок, о «католической миссии» итальянского народа и т. п. В общем атмосфера для переговоров, начавшихся еще в августе 1926 г., была весьма благоприятной. И если тем не менее они длились два с половиной года, то это объяснялось стремлением разрешить весь сложный и запутанный исторический комплекс взаимоотношений между церковью и государством.

Соглашение о примирении между церковью и государством в Италии было подписано Муссолини и личным представителем папы кардиналом Гаспарри в феврале 1929 г. По месту подписания соглашение получило название Латеранского. Это соглашение состоит из трех документов: Политического трактата, Финансовой конвенции и Конкордата.

Главными пунктами Политического трактата были признание Италией государства Ватикан (небольшой части территории Рима) под верховным суверенитетом Святого понтификата, с одной стороны, и признание этим последним королевства Италия во главе с династией дома Савойя — с другой. Конечно, реальное значение имело только первое, т. е. признание Италией Ватикана в качестве суверенного государства. Что же касается признания Ватиканом Италии, то она и без этого признания была общепри-

знанным государством и бесспорным субъектом международного права. «Этот факт,— писал Д. Канделоро,— имел преимущественно формальное значение, но с исторической точки зрения был положительным, ибо устранял некоторое недоверие в отношении итальянского государства, которое, хотя в гораздо меньшей степени, чем в эпоху Рисорджименто, могло еще оказывать известное влияние на католиков, особенно послушных воле святого престола» [93]. Этот общеисторический аспект соглашения не исключает, разумеется, его конкретно-исторического значения. Поскольку носителем государственного суверенитета в момент подписания соглашения выступало фашистское государство, то признание церковью итальянского государства объективно в тех конкретно-исторических условиях означало признание фашистского государства.

Таким образом, фашизм мог извлечь и действительно извлек определенную идеологическую выгоду из признания итальянского государства Ватиканом. Цена, заплаченная фашизмом за полученную им выгоду, не ограничивалась только признанием суверенитета государства Ватикан. В общем-то это не было сколько-нибудь большой жертвой, учитывая мизерность территории государства Ватикан и его многолетнее существование де-факто. Гораздо более поразил современников тот факт, что, согласно Финансовой конвенции, фашистское государство обязалось выплатить Ватикану огромную по тому времени сумму — 750 млн. лир наличными и 1 млрд. лир ценными бумагами. Фашисты тем самым обязались выплатить долги, вытекавшие из давних обязательств итальянского государства в отношении Ватикана и накопленные за долгие годы отказа пап от официальных сношений с представителями государственной власти.

В то же время, согласно Конкордату, церковь получила преобладающее влияние в школе и в области брачно-семейного законодательства, государство обязывалось закрыть доступ к ряду должностей священникам-вероотступникам, следить за тем, чтобы в Риме не происходило ничего такого, что противоречило бы «священному характеру вечного города», и т. д. Таким образом, Конкордат ограничивал в ряде областей юрисдикцию государства и глубоко задевал его светский характер. «Положение, создавшееся в результате заключения Конкордата,— писал Канделоро,— характеризовалось, несомненно, переходом государства на менее передовые, менее современные идеологические позиции, к менее передовым и менее современным правовым институтам, чем те, которых оно добилось к концу Рисорджименто» [94].

В конечном счете примирение между церковью и государством в это время было достигнуто ценой серьезных уступок за счет позиций, завоеванных итальянским государством в течение

---

[93] *Канделоро Д.* Католическое движение в Италии. М., 1955, с. 537.
[94] Там же, с. 538—539.

целой исторической эпохи, прошедшей под знаком Рисорджименто. Об этом говорил в своей речи в сенате Бенедетто Кроче. Заключив это соглашение, подчеркивал он, фашистское государство отрекалось от всего, что было современного в итальянском государстве, вышедшем из Рисорджименто [95].

В литературе тех лет много говорилось в связи с Латеранским соглашением о полном подчинении церкви фашизму, о ее полном слиянии с фашизмом и т. п. Вряд ли можно с этим согласиться. По одной из статей Конкордата, Ватикан, например, сохранял широкую сеть своих организаций, объединенных в так называемое «Католическое действие». За этими организациями признавалось право деятельности, «направленной на осуществление и распространение католических принципов, вне каких-либо политических партий и под непосредственным руководством церковной иерархии». Комментируя эту статью, Канделоро писал: «Таким образом основное ядро католического движения в Италии было сохранено и после 1929 г. как сила, которую Ватикан мог, в известной степени, предоставлять в распоряжение фашизма, но которая не должна была сливаться с фашистскими организациями» [96]. Добавим, что сосуществование этих двух сил — Ватикана и фашизма,— неизбежно стремившихся к охвату всех сторон жизни итальянца от рождения до смерти, не было лишено определенных противоречий и столкновений интересов.

ФАШИЗМ И АНТИФАШИЗМ

В марте 1929 г. в Италии состоялись парламентские выборы, впервые проводившиеся по принятой годом ранее новой фашистской избирательной системе. «Да» или «нет» — одно из этих двух слов избиратель должен был поставить под всем списком депутатов, отобранных большим фашистским советом и внесенных в избирательный бюллетень. Эти выборы рассматривались фашистами «как акт морального единства, ибо впервые на них выступала одна партия» [97]. В этих условиях безудержной демагогической пропаганды, террора и запугиваний фашистам удалось добиться подавляющего большинства: из 9673 тыс. зарегистрированных избирателей в голосовании участвовало 8 663 412, из них «за» проголосовало 8 519 669; бюллетеней со словом «нет» было подано 135 671 [98].

Выборы проводились 24 марта 1929 г., т. е. на следующий день после празднования 10-й годовщины создания фашистской организации. И это было не случайно. Фашисты пытались придать выборам характер торжественного плебисцита по вопросу

[95] Il Parlamento nella storia d'Italia. A cura di G. Carocci. Bari, 1964, p. 667—672.
[96] *Канделоро Д.* Указ. соч., с. 541.
[97] *Ercole F.* Op. cit., v. II, p. 87.
[98] *Tamaro A.* Venti anni di storia, v. II. Roma, 1953, p. 351.

об отношении к фашизму вообще, утверждая, что 24 марта 1929 г. был узаконен созданный ими «новый тип государства». Они говорили даже о «новой политической цивилизации». Вот что писал, например, фашистский теоретик Ф. Эрколе: «Фашизм переместил суверенитет от избирательных масс — силы сырой и аморфной, стоящей вне государства,— к большим институтам, являющимся частью государства. Иными словами, он переместил суверенитет от сил неограниченных и чуждых государству, к системе государственных институтов, вбирающих в себя всю социальную жизнь. Утверждение Муссолини о том, что не должно существовать суверенитета вне и против государства, стало реальностью. Это был новый тип политической цивилизации» [99].

Фашизму в это время в известной мере удалось добиться консолидации своего режима, хотя многое здесь ограничивалось чисто внешними и показными формами «единства и сплоченности». В то же время для антифашистской оппозиции это был один из самых тяжелых и сложных периодов борьбы.

Еще до официального запрета нефашистских партий все они в той или иной мере были ослаблены фашистскими репрессиями и внутренними разногласиями. Разногласия обострились как между партиями, составлявшими Авентинский блок, так и между ними и коммунистической партией. Коммунисты обвиняли авентинцев в пассивности. Сами они в это время были действительно наиболее активной антифашистской партией. Об этом свидетельствует, в частности, секретное письмо к префектам министра внутренних дел Федерцони от 10 апреля 1925 г., в котором отмечается особая активность именно коммунистической партии. «Печатное изобилие всякого рода,— говорится в письме,— указывает, что партия располагает многочисленными и хорошо оборудованными подпольными типографиями» [100].

В августе 1925 г. министр внутренних дел направляет префектам новый секретный циркуляр о деятельности ИКП. «Организация и пропаганда коммунистов в нашей стране,— пишет он,— достигла такого систематического развития, что требует особого внимания органов защиты государства». В циркуляре отмечаются различные формы организационной и пропагандистской деятельности ИКП, названия издаваемой ею печатной литературы, обращается особое внимание на коммунистическую пропаганду в казармах и т. д. [101]

Секретарь фашистской федерации района Лациале Сабина сообщал 16 ноября 1925 г. министру внутренних дел: «В ночь на 5 ноября по всему городу было расклеено большое число коммунистических листовок. В ночь на прошлое воскресенье листовки были расклеены вновь. В результате расследования удалось рас-

[99] *Ercole F.* Op. cit., v. II, p. 98.
[100] Archivio Centrale dello Stato, Ministero dell'Interno. Arch. PCI — Kib, busta 102, p. 186—189.
[101] Ibid., busta 103, p. 113—114.

крыть широкую коммунистическую подпольную группу. Есть основания полагать, что она является частью общенациональной организации...» [102] Из квестуры Реджо-Эмилии доносили 18 ноября 1925 г. королевскому прокурору: «Активность коммунистов по всей провинции значительно возросла» [103]. Из префектуры Пармы сообщалось о деятельности коммунистов по созданию подпольных вооруженных групп [104] и т. д.

После роспуска ВКТ в январе 1927 г. почти одновременно были воссозданы две новые конфедерации: одна — по инициативе реформистов Буоцци и Бенси во Франции, другая — по инициативе коммунистов в подполье в самой Италии. И сразу же между этими двумя конфедерациями развернулась острая полемика в плане общих разногласий между социалистами и коммунистами. Полемика между этими двумя отрядами итальянского рабочего движения усилилась в связи с созданием в эмиграции в марте 1927 г. блока антифашистских партий, получившего название Антифашистская концентрация.

В этот блок вошли обе социалистические партии (максималисты — ИСП и реформисты — ПСЛИ), республиканская партия, эмигрантская ВКТ и эмигранты-масоны из так называемой Лиги прав человека. Общая формула борьбы против фашизма, на которой была основана Антифашистская концентрация, напоминала в некотором роде формулу Авентина. Поэтому коммунисты, например, называли иногда новый блок «Авентином № 2». Они сразу же расценили этот блок как одну из разновидностей мелкобуржуазной и даже буржуазной оппозиции, критиковали отсутствие в его программных установках ясно выраженной цели борьбы за завоевание власти пролетариатом и т. д. В этой критике было довольно много полемической страсти, которая зачастую мешала тому, чтобы отделить позитивное от негативного в Антифашистской концентрации. Во-первых, по сравнению с Авентином участники нового блока отказались от своего рода «легалитарных предрассудков», главным из которых в прошлом были надежды на выступление монархии против фашизма. Участники Антифашистской концентрации совершенно определенно стали на республиканские исходные позиции. Отсюда, кстати, и другое название их блока — Республиканская концентрация. Во-вторых, сама по себе тенденция к объединению усилий пролетариата с демократическими группами буржуазии и мелкой буржуазии отнюдь не противоречила, как показал исторический опыт, задаче борьбы против фашизма. В общем теоретическом плане вряд ли можно оспаривать взгляды, высказанные, например, в социалистической газете «Аванти!»: «В Антифашистской

---

[102] Archivio Centrale dello Stato, Ministero dell'Interno. Arch. PCI — Kib, busta 106, p. 124.
[103] Ibid., p. 89.
[104] Ibid., busta 103, p. 38.

концентрации осуществляется слияние всех сил, враждебных фашизму. Пролетарские комитеты — это лишь сектор антифашизма. И поскольку эти комитеты отделяют себя от других сил, они снижают тем самым эффективность своей борьбы» [105].

Однако это были лишь теоретические рассуждения. На практике же поиски платформы, приемлемой для единства действий с демократическими группами буржуазии и мелкой буржуазии, все более отделяли максималистов и реформистов от коммунистов с их программой борьбы за диктатуру пролетариата. Но предложить взамен этой программы что-либо ясное и доступное пониманию широких масс трудящихся никто еще в лагере антифашистов не мог. Концепция новой демократии, органически сочетающей общедемократические и социальные задачи, все еще не созрела. Именно поэтому Антифашистская концентрация превращалась в центр не всегда действенной агитации, отзвуки которой все слабее слышались в Италии. В то же время коммунисты продолжали оставаться наиболее активной антифашистской силой.

Характерно, что репрессии, к которым прибегали фашисты, обрушивались в первую очередь на коммунистов. Один из самых крупных процессов, организованных Особым трибуналом, состоялся в мае 1928 г. над группой руководителей коммунистической партии, среди которых был и арестованный ранее Антонио Грамши. Все они по обвинению в деятельности, направленной против фашистского государства, были приговорены к длительным срокам тюремного заключения и ссылке, Грамши — на 20 лет [106]. Вслед за этим состоялся большой процесс членов подпольной коммунистической группы в северном промышленном районе, деятельность которой доставляла фашистам большое беспокойство [107].

Новым и весьма положительным фактором было зарождение леволиберальных и леводемократических центров антифашистского сопротивления. В 1925 г. во Флоренции Гаэтано Сальвемини и Карло Росселли издавали антифашистскую газету «Нон молларе!» («Не отступать!»). В 1926 г. в Милане Карло Росселли издавал антифашистский журнал «Куарто стато» («Четвертое сословие»). Это, естественно, создавало предпосылки для сближения пролетарского и либерально-демократического секторов антифашизма. Но все эти возможности будут реализованы уже в последующий период, на пути борьбы за создание единого антифашистского фронта в Италии.

---

[105] «Avanti!», 17.IV 1927.
[106] Il processone. Roma, 1961, p. 260—261.
[107] «Studi storici», 1962, N 3, p. 559—594.

Глава третья

ФАШИСТСКИЙ КОРПОРАТИВИЗМ И ИМПЕРИАЛИЗМ. КРАХ ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА В ИТАЛИИ

ЗАВЕРШЕНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА «КОРПОРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА» И ПОЛИТИКА АВТАРКИИ

Экономический кризис охватил Италию в 1930 г. и достиг апогея в основных отраслях промышленности в 1932 г. За этот период промышленное производство сократилось более чем на $^1/_4$, безработица выросла в 3,5 раза и хозяйственная жизнь страны пришла в упадок [1]. Особая острота кризисных явлений в итальянской экономике, связанная с ее слабостью, послужила одной из причин усиления вмешательства государства в экономическую жизнь. В то же время мероприятия фашистского режима в хозяйственной области вписывались в более широкие рамки завершения строительства «корпоративного государства», охватывавшего социальную и экономическую жизнь страны.

Основные принципы корпоративной политики были изложены еще в «Хартии труда», одобренной Большим фашистским советом в 1927 г., однако осуществление этих принципов началось значительно позднее. В 1930 г. в законодательном порядке были определены функции Национального совета корпораций, существовавшего до тех пор лишь номинально, а в 1934 г. стали создаваться сами корпорации.

Практически это должно было означать преобразование профессиональных союзов в отраслевые корпорации, которые объединили бы предпринимателей и лиц наемного труда. Были созданы 22 корпорации, соответствовавшие различным отраслям народного хозяйства: промышленности, сельского хозяйства, торговли, банков, транспорта и т. д. Кроме того, в каждой провинции был создан экономический совет, координировавший деятельность корпораций в местном масштабе. Во главе всей организации стоял Национальный совет корпораций, в который помимо представителей работодателей и трудящихся входили делегаты фашистской партии, министры и их заместители, различные эксперты и специалисты: таким образом, как в самих корпорациях, так и в Национальном совете непосредственные представители производства

[1] *Carocci G.* Storia del fascismo. Milano, 1972, p. 85—86.

оказывались в меньшинстве. Более того, все члены совета назначались правительственным декретом, что полностью превращало его в бюрократический орган [2].

Строительство «корпоративного государства» было закончено в 1939 г. реорганизацией высших законодательных органов государства. Место палаты депутатов заняла палата фашизма и корпораций, которая формировалась совместно фашистской партией и Национальным советом корпораций. Фашизм покончил с видимостью выборности, которая до тех пор сохранялась при формировании высших законодательных органов. Новое устройство отвергало «предрассудок», согласно которому представительство обязательно должно основываться на выборности. Вместо этого, как говорилось в докладе автора проекта реформы Джакомо Ачербо, утверждался принцип «прямого, органического и последовательного выражения ценностей, сил и интересов фашистского режима: с одной стороны, всего народа, охваченного и дисциплинированного фашистской партией, а с другой — производительных слоев, организованных в синдикально-корпоративную систему» [3].

Таким образом, реальное осуществление корпоративной системы было далеко от синдикалистских идей раннего периода фашистского движения и даже от «равноправного сотрудничества производительных сил», которое провозглашала «Хартия труда». На ее характер наложил отпечаток тот процесс обюрокрачивания государства и усиления государственного начала в жизни страны, который переживал итальянский фашизм в 30-х годах. «Так называемое самоуправление производительных категорий,— говорил автор законопроекта об учреждении корпораций Рокко,— прекрасно сочетается с государственным вмешательством: личные интересы производителей являются не целью, а средством; они являются орудием, используемым государством в своих интересах» [4]. Однако было бы ошибочным рассматривать корпоративное переустройство исключительно как элемент тотального огосударствления общественной жизни в Италии. Не случайно после многих лет проволочек итальянский фашизм приступил к строительству корпоративной системы в тот период, когда мировой экономический кризис наглядно показал органические пороки капитализма. Корпоративная система была призвана решить две задачи, которые имели важнейшее социальное и политическое значение: доказать способность фашизма «обновить» старую схему капиталистических отношений и в то же время противопоставить новую схему социалистической системе, успехи которой в Советском Союзе были очевидны.

---

[2] *La Francesca S.* La politica economica del fascimo. Bari, 1973, p. 56—57.
[3] *Salvatorelli L.* e *Mira G.* Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1962, p. 957.
[4] *Santarelli E.* Storia del movimento e del regime fascista, v. II. Roma, 1967, p. 63.

Корпорации изображались как надклассовые организации, призванные осуществить «социальную справедливость», преобразование классовых отношений в «постоянное и гармоническое сотрудничество». «В корпоративной системе,— писал фашистский профессор Э. Тозарелли в 1940 г.,— классовая борьба, знаменитый «социальный вопрос», который занимал народы и экономистов, сменяется сотрудничеством классов, осуществляемым посредством трудовых коллективных договоров, мирным разрешением классовых конфликтов» [5].

Другой апологет корпоративной системы, А. Пальяро, приписывал корпорации способность не только преодолеть классовые противоречия, но и уничтожить классы как таковые: «Фашизм мощной воспитательной работой ликвидировал всякую оппозицию и разделение между различными категориями труда... Сейчас в Италии понятия «буржуазия», «пролетариат», «мелкая буржуазия» и тому подобные являются словами, которые не содержат ничего, кроме исторической реминисценции» [6].

Социальная действительность была прямо противоположной тому, что утверждала фашистская пропаганда. Так называемым «классовым миром», который выражался в отсутствии массовых выступлений трудящихся, фашистский режим был обязан в первую очередь своему репрессивному полицейскому аппарату, тотальному подавлению всякой оппозиции. Что касается «сотрудничества труда и капитала» внутри корпоративной системы, то здесь дело свелось к подчинению интересов трудящихся интересам частного капитала и использованию представителями монополий корпоративных органов в своих целях. Промышленники имели полную возможность решать в свою пользу вопросы условий труда и экономических отношений между работодателями и трудящимися. Паритетное начало, формально принятое в корпоративных органах, было сплошной фикцией: в то время как промышленники представляли в них реальную силу, от имени трудящихся в них выступали профсоюзные чиновники, назначаемые фашистскими властями.

Профессиональное объединение промышленников — Конфиндустрия — продолжало играть видную роль в системе фашистского государства. Что же касается эффективности корпоративных органов в разрешении трудовых конфликтов, то об этом красноречиво говорят цифры, опубликованные в печати: в 1936 г. из более чем 130 тыс. конфликтных дел корпорации разрешили 14 тыс., в 1937 г. из 142 тыс.— также только 14 тыс. [7] Обилие трудовых споров, попадавших в корпоративные органы, служило свидетельством непримиримости классовых интересов, а низкий процент решенных дел говорил о полной неспособности этих ор-

---

[5] *Tosarelli E.* Sintesi di politica economica corporativa. Roma, 1940, p. 9.
[6] *Pagliaro A.* Il fascismo contro il comunismo. Firenze, 1938, p. 38.
[7] *Bocca G.* Storia d'Italia nella guerra fascista. Bari, 1969, p. 40.

ганов установить какое-либо подобие «классового сотрудничества».

Однако, по заявлениям фашистской пропаганды, корпоративное устройство должно было знаменовать собой не только «социальную революцию», но и установление «нового типа руководства экономической жизнью». По словам фашистских экономистов, он заключался в преодолении антитезы между либеральной свободой и социалистической централизацией. Роль арбитра в производственном процессе отводилась государству, которое должно было вносить в него плановое начало. «Основной принцип,— писал Тозарелли,— состоит в том, что государство, не занимаясь непосредственно производительной деятельностью, направляет ее и регулирует экономическое развитие нации. Государственная власть приобретает характер государственной диктатуры, противоположной классовой диктатуре, присущей социалистической системе» [8].

На деле итальянский фашизм был весьма далек от установления эффективной государственной диктатуры в области экономики, поскольку он не только не покушался на принцип частной собственности на средства и орудия производства, но и постоянно подчеркивал его незыблемость. «Институт частной собственности представляет собой самый высший синтез, к которому пришли путем длительной исторической эволюции»,— писал в 1940 г. экономист П. Микелис [9].

Вмешательство фашистского правительства в экономические дела, усилившееся в годы мирового экономического кризиса, имело главной целью помочь крупным капиталистическим объединениям. При этом роль корпорации была весьма скромной, поскольку эта помощь осуществлялась или традиционными путями, или специально созданными органами. В тексте закона о принудительном картелировании предприятий одной отрасли, принятого в 1932 г., который теоретики фашизма считали первым актом вмешательства правительства в экономическую жизнь, корпоративные органы по сути дела игнорировались. Решение о принудительном картелировании принималось большинством голосов промышленников данной отрасли, иначе говоря — волею Конфиндустрии.

В новом издании закона о картелировании, который вышел в 1937 г., корпорациям отводилась гораздо более значительная роль. Так, они должны были контролировать слияние промышленных предприятий, и новые консорциумы обязывались отчитываться в своей деятельности перед корпорациями. Однако председателями корпораций, к которым направлялись эти отчеты, были представители тех самых консорциумов, которые они должны были контролировать. Нет ничего удивительного в том, что эти отчеты

[8] *Tosarelli E.* Op. cit., p. 10.
[9] *Michelis P.* Le role économique des corporations fascistes en Italie. Geneve, 1940, p. 15.

никогда не приводили их к каким-либо решениям. Как пишет итальянский экономист Дж. Гуалерни, подробно исследовавший деятельность корпоративных органов, «эта документация никогда не служила для глубоких и серьезных исследований деятельности отдельных консорциумов, а те обзоры, которые делались, ограничивались простой регистрацией, без какой-либо оценки их влияния на экономику страны» [10].

Важной прерогативой, которую получили корпорации по закону 1937 г., было монопольное право давать разрешение на открытие новых предприятий. Однако на практике и в этом случае решение попадало в руки руководителей Конфиндустрии. Если они не были заинтересованы в открытии нового предприятия, то проходили месяцы и даже годы, прежде чем корпоративные органы давали подобное разрешение, и, наоборот, дело шло необычайно легко и быстро, если этому способствовали могущественные промышленные группы.

«Национальные интересы», а под ними чаще всего подразумевались планы усиления монополистических объединений, служили этикеткой для различных спекулятивных сделок. Система выдачи корпорациями лицензий на постройку новых предприятий оказалась еще одним средством в руках монополий для удушения какой-либо конкуренции. Это приняло столь широкие масштабы, что даже находило отражение в официальных документах того времени. Так, во время обследования хода строительства новых предприятий, проведенного в 1939 г., инспекция труда во Флоренции заявила, что «решения корпоративных органов всегда направлены на ограничение числа новых предприятий, что приводит к закреплению существующего положения в пользу монополий», а комиссия по труду Рима отметила, что «существует стремление захватить лицензии с единственной целью — исключить появление новых соперников» [11].

В то время как корпорации объявлялись «основой государства», в действительности они часто были лишены возможности воздействовать на экономическую и социальную жизнь страны, ограничиваясь выработкой различного рода рекомендаций и проектов. Заседания корпоративных органов проводились редко, проходили сумбурно и носили чисто теоретический, а иногда схоластический характер.

В 1937 г. газета «Реджиме фашиста» поместила статью, в которой говорилось: «Если бы дуче собрал в одной комнате своих лучших сотрудников и предложил им написать сочинение на тему «Корпорации», и то не было хотя бы двух, которые были бы одного мнения» [12]. В последние годы существования фашистского режима и после его краха многие фашисты-корпоративисты признавали неэффективность отдельных элементов системы,

[10] *Gualerni G.* La politica industriale fascista, v. I. Milano, 1956, p. 40.
[11] Ibid., p., 62.
[12] Ibid., p. 112.

а иногда и всего корпоративного сооружения в целом. Дж. Пала в журнале «Экономиа фашиста» писал, что «все согласны с тем, что корпорациям не удалось получить того развития, которое давало бы им право занять достойное место среди основных институтов режима, приобретя реальные и практические функции, превратившие бы их в руководящий орган национальной экономики... Корпорации живут отрешенной от действительности жизнью, обсуждая какой-либо вопрос только в том случае, если инициативу в этом направлении проявляли иные органы, и не имеют никакой возможности для практической, серьезной и полезной деятельности» [13].

После войны бывшие корпоративисты делали еще более знаменательные заявления. Так, один из теоретиков корпоративной системы, Дж. Паломба, писал в 1950 г.: «Совершенно очевидно, что корпоративная экономика существовала только в умах некоторых из нас — теоретиков, которые пытались, исходя из более или менее фантастических постулатов, основать то, что называлось новым строем. В действительности существовала лишь корпоративная политика и изменения касались лишь законодательных норм, ибо «гомо корпоративус» оставался обычным «гомо экономикус», который под влиянием обстановки лишь надел черную рубашку и принял прочие внешние атрибуты фашизма» [14].

Иными словами, это означало, что крупный капитал использовал корпоративную систему только в той степени, которая способствовала его экономическим и социальным интересам. Капиталист, надевший черную рубашку, продолжал заботиться в первую очередь о собственных доходах.

Основные процессы итальянской экономической жизни в 30-х годах были связаны с «битвой за автаркию». Сам термин «политика автаркии» получил распространение в середине 30-х годов, однако усилия фашистского правительства для сокращения зависимости Италии от ввоза стратегического сырья стали предприниматься значительно ранее и главным образом в промышленности. Толчком для этого послужило применение экономических санкций против Италии во время итало-абиссинской войны.

По замыслу фашистских руководителей, политика автаркии должна была осуществляться путем выработки у итальянцев «автаркического духа», перестройки промышленности, направленной на достижение экономической независимости, путем сокращения импорта и увеличения экспорта. Главной целью этих усилий была подготовка к войне. «Автаркию следует понимать как общий принцип безопасности и усиления государства, который... регулирует обмен в соответствии с задачами нации, добиваясь ее независимости в определенных обстоятельствах, какими

---

[13] *Fondazione G. G.* Feltrinelli. Archivio Tasca. Cartella.
[14] Cento anni di vita italiana, v. II. Roma, 1950—1951, p. 271.

являются войны»,— писал один из экономистов того времени, О. Фантини [15].

Для выработки у итальянцев «автаркического духа» был мобилизован весь пропагандистский аппарат. В бесчисленных статьях, брошюрах и исследованиях доказывалась необходимость автаркии для существования государства и достижения «высших целей итальянской нации».

Однако создание «автаркического духа» оказалось чрезвычайно трудным делом. Особенно сложным было «перевоспитание» в духе «национальных задач» хозяев итальянской экономики — крупных промышленников и финансовых заправил. Время от времени на страницах итальянских газет и экономических журналов появлялись гневные обвинения в адрес крупных промышленников. Так, некто П. Капоферри в сентябре 1938 г. писал в журнале «Экономиа национале», что «деятельность некоторых промышленников превращает автаркические проекты, часто требующие больших жертв со стороны нации, в спекулятивные сделки в интересах монополий» [16]. Однако дальше выступлений в печати дело не шло, и «автаркический дух» так и остался одним из многочисленных мифов фашистского режима.

Практические мероприятия в области автаркии включали реорганизацию промышленности, максимальное использование национального сырья, а также контроль и ограничение потребления.

Весной 1937 г. Муссолини объявил, что «корпорации мобилизованы для борьбы за автаркию, а Национальный совет корпораций должен рассматриваться как генеральный штаб, возглавляющий борьбу» [17]. С этой целью в системе корпораций в октябре того же года была создана Верховная комиссия по автаркии, решения и рекомендации которой передавались непосредственно в государственные органы [18].

В эту комиссию вошли представители крупнейших монополистических групп финансового и промышленного капитала, именовавшиеся «специалистами по отраслям». Предполагалось, что автаркическая комиссия совместно с корпорациями объединит отраслевые программы в «генеральный план национальной автаркии». В действительности такого плана не было создано до самого начала войны.

Верховная комиссия по автаркии оказывала влияние на регулирование капиталовложений, ведала распределением импортного сырья и дефицитной электроэнергии. Регулирование капиталовложений осуществлялось главным образом выдачей корпоративными органами лицензий на постройку новых предприятий и рас-

---

[15] *Fantini O.* Principi e realizzazioni di politica bancaria e corporativa. Firenze, 1938, p. 102.

[16] Цит. по: *Franck L. R.* Les étapes de l'economie fasciste italienne. Paris, 1940, p. 176.

[17] См.: *Слободской С. М.* Итальянский фашизм и его крах. М., 1946, с. 96.

[18] *Fondazione G. G.* Op. cit.

ширение уже существовавших. Лицензии выдавались таким образом, чтобы сократить приток капиталов в отрасли, не имевшие военного значения.

Большую роль в перестройке промышленности стали играть государственные и полугосударственные концерны. Полугосударственные организации создавались выпуском гарантированных государством акций, половина которых принадлежала государству, а другая — частным пайщикам, в роли которых выступали крупнейшие тресты. Эти организации, получая постоянные субсидии из казны, быстро крепли, расширяли сферу своей деятельности и превращались в монополистов в своей отрасли.

Важнейшим военно-автаркическим комплексом был Институт промышленной реконструкции — ИРИ, государственный финансовый орган, созданный в годы экономического кризиса. После начала автаркической кампании на него была возложена реорганизация металлургической и машиностроительной промышленности путем финансирования предприятий этой отрасли. Контроль ИРИ простирался на весьма широкие сферы промышленного и финансового капитала. Он оказывал влияние на деятельность таких банков, как Коммерческий, Кредитный и Римский, финансировал металлургическую и судостроительную промышленность, участвовал в производстве синтетического каучука и целлюлозы, руководил транспортными компаниями и постройкой сети гостиниц. Наряду с ИРИ и его филиалами начали возникать другие государственные и полугосударственные объединения — к началу войны их насчитывалось около 30.

Практические результаты усилий фашистского правительства по увеличению добычи и производства стратегического сырья оказались весьма незначительными. Разработка залежей медных руд, создание ряда новых отраслей промышленности и производство заменителей требовали колоссальных материальных затрат. Горючее, вырабатывавшееся на итальянских нефтеперегонных заводах, обходилось в 4—5 раз дороже импортного бензина, искусственный хлопок стоил минимум втрое больше натурального, а синтетический каучук — более чем в 4 раза. Примерно такое же положение наблюдалось и в металлургической промышленности. Протекционистская политика фашистского правительства приводила к тому, что внутренние цены на уголь в 3 раза, а на сталь в 2 раза превышали их стоимость в Англии, в то время как полуфабрикаты металлургической промышленности стоили в Италии на 50—100% дороже, чем за границей [19].

Конечно, было бы неверным считать влияние автаркической кампании на итальянскую экономику полностью отрицательным. Как отмечали итальянские экономисты — авторы капитального труда, подводящего итоги столетней истории итальянской эконо-

[19] *Romeo R.* Breve storia della industria italiana. Rocca San Casciano, 1965, p. 190.

мики, «наряду с решающими негативными аспектами она имела и позитивные. Гарантии сбыта в результате военных заказов, усилившийся протекционизм и прямая поддержка государства позволили некоторым отраслям не только сделать шаг вперед, но и обеспечить дальнейшее развитие, особенно после войны» [20]. Это относится в первую очередь к различным отраслям химической промышленности, в частности к производству искусственного волокна и удобрений, получившему значительное развитие.

За годы автаркии изменилась структура промышленного производства: в результате милитаризации экономики значительно вырос удельный вес машиностроительной и металлургической промышленности, сократилась доля текстильной. Благодаря развитию этих отраслей доля промышленного производства в Италии перед войной впервые превысила удельный вес сельского хозяйства в валовом производстве [21].

Однако в целом экономическая политика фашистского правительства не стимулировала развития производства. Темпы промышленного роста Италии в годы автаркии снизились по сравнению с более ранними годами. Валовое производство с 1924 г. до начала второй мировой войны выросло всего на 15%, в то время как за первые 13 лет XX в. оно удвоилось [22]. Как отмечает видный итальянский экономист Р. Ромео, перед войной темпы промышленного развития Италии были ниже, чем средние темпы развития аграрно-индустриальных стран Западной Европы [23].

С точки зрения фашистского правительства, автаркическая кампания не выполнила главной задачи, которая выдвигалась перед ней: обеспечения промышленности в случае войны. В условиях Италии, бедной природными ресурсами, полное самообеспечение сырьем вообще было нереальным. Однако фашисты не смогли использовать в должной мере даже те возможности, которые имелись. Накануне войны Италия продолжала ввозить из-за границы до 80% важнейших видов стратегического сырья.

Одним из следствий автаркии было создание промышленных комплексов с вертикальным строением во всех основных отраслях, что способствовало дальнейшей концентрации производства. Перепись промышленности 1937 г. показала, что на 345 наиболее крупных объединениях, которые составляли 0,2% существовавших в Италии предприятий, было занято 19,9% всех работников промышленности [24]. Председатель правления Коммерческого банка Э. Конти записал осенью 1939 г. в свой дневник: «В наше время, когда каждый день твердят о необходимости приблизиться к народу, создается финансовая олигархия, которая напоминает

[20] Cento anni di economica italiana, 1861—1960. Milano, 1960, p. 29.
[21] *Romeo R.* Op. cit., p. 189.
[22] Economia italiana del 1861 al 1961. Milano, 1961, p. 202.
[23] *Romeo R.* Op. cit., p. 193.
[24] Ibid., p. 192.

в области промышленности средневековый феодализм. Бо́льшая часть производства контролируется несколькими группами, во главе которых стоит один человек. Аньелли, Чини, Вольпи, Пирелли, Донегани, Фальк и немногие другие буквально господствуют в различных отраслях производства» [25].

Эти слова, принадлежавшие видному финансовому деятелю фашистского периода, показывают, насколько далека была действительность от широковещательных планов корпоративных и автаркических программ, провозглашавших «установление государственного контроля над производством в интересах коллектива».

«Корпоративное государство», которое вначале было насторожено и с опаской встречено некоторыми представителями крупной буржуазии, как оказалось в дальнейшем, вполне устраивало итальянские монополии. В статье «Промышленники и корпорации», опубликованной незадолго до войны, А. Пирелли с удовлетворением подчеркивал, что «государство не захотело ввести в корпоративное законодательство детализированные нормы, стремясь оставить открытыми все возможности и обеспечить высшие интересы нации, не беря на себя непосредственного руководства производством, которое осуществляется инициативой отдельных предпринимателей» [26]. Промышленники видели в корпоративной системе организацию, которая не только оставляла им полную свободу действий, но и открывала новые возможности.

Построение корпоративной системы способствовало дальнейшему сближению крупного капитала с государственной властью. Представители крупного капитала были широко представлены в высших государственных и законодательных органах. В то же время, электропромышленные монополии имели в своих административных советах более 40 сенаторов и депутатов, машиностроительные акционерные общества — более 30, химические — свыше 25, текстильные — свыше 25 и т. д. [27]

«В 1940—1941 годах,— пишут авторы исследования о структуре итальянских монополий, изданного после войны Всеобщей итальянской конфедерацией труда,— связи стали еще более многочисленными и более глубокими. Можно утверждать, что не было сколько-нибудь значительного акционерного общества или группы обществ, которые не имели бы на своем содержании одного или двух представителей политической власти» [28].

Подводя итоги корпоративистской и автаркической политики фашистского режима в предвоенные годы, можно утверждать, что она в значительной мере ограничивалась внешними результатами. Система корпораций и юридическая надстройка в виде Палаты фашизма и корпораций мало что изменили в социальном укладе

[25] Цит. по: ibid., p. 191—192.
[26] Цит. по: *Romeo R.* Op. cit., p. 191—192.
[27] Промышленные монополии Италии. М., 1951, с. 22.
[28] Там же, с. 21.

государства. Более того, участие представителей крупного капитала в корпоративных и автаркических органах давало монополиям возможность еще полнее контролировать экономическую жизнь. Связь между политикой фашистского государства и интересами крупного капитала стала в этот период теснее, чем когда-либо.

Реальным результатом экономической политики фашизма был рост государственно-монополистического капитализма. Огосударствление итальянской промышленности сопровождалось концентрацией производства и укреплением позиций монополистического капитала. Расходы на автаркическую кампанию и другие мероприятия по подготовке к войне поглощали огромные средства, истощали финансы и ухудшали положение трудящихся. Увеличивались налоги, получили распространение различные экстраординарные способы изъятия средств у населеня.

Развитие военных отраслей промышленности привело к повышению заработной платы лишь незначительного числа рабочих. В целом же трудящиеся Италии перед войной жили хуже, чем до мирового экономического кризиса. Основная масса крестьянства, включая широкие слои середняков, испытывала на себе усилившийся гнет налоговой политики правительства и системы обязательных поставок. От подготовки к войне особенно сильно страдали те категории населения, которые жили на заработную плату.

ОФОРМЛЕНИЕ БЛОКА ФАШИСТСКИХ ГОСУДАРСТВ И МИЛИТАРИЗАЦИЯ НАЦИИ. РОСТ СИЛ ОППОЗИЦИИ

Одним из важных рубежей в истории итальянского империализма явилась итало-эфиопская война (октябрь 1935 — май 1936 г.). Решение Муссолини бросить Италию, едва оправившуюся от последствий экономического кризиса, в крупную военную авантюру многим современникам казалось неожиданным. На самом деле колониальная экспансия на протяжении многих лет открыто провозглашалась целью фашистского режима. Можно считать установленным, что уже в 1933 г. военная акция против Эфиопии перестала быть политическим замыслом и стала предметом практической подготовки [29]. Дело сводилось главным образом к выбору удобного момента, который дал бы возможность провести эту операцию с минимальными международными осложнениями. Дипломатическая подготовка закончилась в январе 1935 г., когда между Муссолини и премьер-министром Франции П. Лавалем было достигнуто соглашение о том, что Италия отказывается от притязаний на французские владения в Африке, а Франция предоставляет Италии свободу действий в Эфиопии. Военные действия, начатые итальянской стороной 5 октября

[29] *Rochat G.* Militari e politici nella preparazione della campagna d'Etiopia. Milano, 1971, p. 35—40.

1935 г., не принесли боевой славы фашистским генералам. Тем не менее подавляющее преимущество в вооружении и безжалостные методы ведения войны позволили им подавить сопротивление слабо вооруженной и плохо организованной эфиопской армии.

В мае 1936 г. Эфиопия перестала существовать как самостоятельное государство и была объединена вместе с Эритреей и Сомали в колонию — Итальянскую Восточную Африку. Итальянский король добавил к своему званию титул императора Эфиопии. Основание империи было пышно отпраздновано в Риме.

Империалистическая внешняя политика итальянского фашизма толкала его к сближению с гитлеровской Германией, стремившейся перекроить карту Европы. Решающую роль в этом сыграла совместная интервенция двух фашистских государств в Испании. Как только в Испании вспыхнул мятеж против республиканского правительства, Муссолини послал на помощь Франко свои самолеты и корабли. За военной техникой последовали войска: более 50 тыс. так называемых «добровольцев» составили итальянский экспедиционный корпус в Испании [30]. Было очевидно, что Гитлер и Муссолини стремятся использовать войну в Испании для консолидации сил международного фашизма. Однако в битве при Гвадалахаре итальянский фашистский корпус понес серьезное поражение. Хотя итальянские дивизии оставались в Испании до конца гражданской войны, им так и не удалось взять реванш за эту неудачу.

Общность интересов, продемонстрированная в Испании, ускорила оформление союза между фашистскими государствами. В октябре 1936 г. Германия и Италия подписали соглашение об определении сфер влияния в Европе и на Средиземном море. Через год Италия присоединилась к японо-германскому «антикоминтерновскому пакту». Наконец, в мае 1939 г. в Берлине был подписан итало-германский договор о военном союзе — так называемый «Стальной пакт». В соответствии с его условиями, если одна из договаривающихся стран вступала в войну, другая обязана была немедленно выступить и поддержать ее «на суше, на море и в воздухе».

Эфиопская война, интервенция в Испании и крепнувший союз с Германией вдохнули силы в итальянский фашизм. Муссолини усиленно готовил страну к военным авантюрам более широкого масштаба.

После 1936 г. началась усиленная пропаганда «великой миссии Италии в мире», стали проводиться мероприятия с целью превратить итальянцев в военную нацию, готовую выступить по первому приказу дуче. После захвата Эфиопии в речах дуче появился настойчивый лейтмотив «маре нострум». «Если для других,— говорил Муссолини в Милане в ноябре 1936 г.,— Средиземное море является дорогой, то для нас это — сама жизнь...

[30] Historicus. Da Versailles a Cassibile. Rocca San Casciano, 1954, p. 54.

и за это море, которое было Римским морем... итальянский народ встанет как один человек, готовый сражаться с решительностью, пример которой трудно найти в истории...» [31]

Слова Муссолини разъясняли многочисленные фашистские пропагандисты. Один из главных популяризаторов фашистской идеологии, П. Орано, в книге «Муссолини — основатель фашистской империи» писал: ««Поход на Рим» должен иметь естественным продолжением «поход из Рима»... Фашизм нес в себе дыхание колониальной экспансии. Вот почему при первых известиях о движении вперед от старых границ Эритреи и Сомали итальянский народ облегченно вздохнул... Итальянское оружие, закаленное в пламени огня фашистской веры, наконец было пущено в ход...» [32]

Империалистические пропагандисты открыто говорили о намерении итальянского фашизма продолжать экспансию и пытались идеологически обосновать это. Речь шла в первую очередь о возрождении старых националистических мифов. Первое место среди них занимал миф о воссоздании «священной римской империи на указанных судьбой холмах Рима». Это была любимая параллель Муссолини. Фашистская пропаганда спекулировала также на идеях деятелей итальянского Рисорджименто о цивилизаторской миссии Италии в Африке. Однако блеск и величие Древнего Рима гораздо более импонировали замыслам Муссолини и его приближенных. Упоминавшийся выше Орано писал: «Италия Муссолини подобна Риму времен Цезарей и может быть его преемницей в Европе и во всем мире» [33].

Другое направление идеологической кампании касалось роли фашизма в современном мире. Если в начале 30-х годов Муссолини говорил о том, что «фашизм — это не товар для экспорта», то теперь в его высказываниях все чаще стала звучать мысль об «исторической неизбежности» распространения фашизма на весь мир. Очевидная разница в идеологической базе и политической структуре итальянского фашизма, с одной стороны, и германского национал-социализма — с другой, заставляла Муссолини искать возможно более приемлемых для гитлеровского союзника формулировок.

Так, в своей газете «Пополо д'Италиа» он писал: «Каждая нация будет иметь «свой» фашизм, т. е. фашизм, приспособленный к особым условиям определенной нации. Не будет фашизма, который можно экспортировать в готовой форме, но будет комплекс учений, методов и особенно достижений, которые постепенно охватят все государства Европы и явятся новым фактом в истории цивилизации» [34].

---

[31] *Catalano F.* L'Italia dalla dittatura alla democrazia. Milano, 1962, p. 232.
[32] *Orano P.* Mussolini, fondatore dell'Impero fascista. Roma, 1940, p. 33.
[33] Ibid., p. 34.
[34] Цит. по: *Spinetti R.* Sintesi di Mussolini. Rocca San Casciano, 1950, p. 355.

Утверждение о «мировой роли» фашизма начало звучать в выступлениях Муссолини все настойчивее. Его примеру следовали идеологи итальянского фашизма и их признанный глава — философ Дж. Джентиле. Осенью 1936 г. он следующим образом обосновывал «историческую миссию» итальянского фашизма: фашизм призван оздоровить больную Европу, «испорченную» демократией, и повести ее на борьбу с «азиатским большевизмом». Это была идеологическая установка, которой следовала вся фашистская пропаганда.

Важнейшую роль в формировании слепой веры масс должен был играть миф о человеке, «ниспосланном Италии провидением». Прославление Муссолини в эти годы достигло апогея. Далеко в прошлое отошли те времена, когда Муссолини был только главой правительства: официально он продолжал возглавлять Совет министров и руководил несколькими министерствами, но для массы граждан он должен был представляться чем-то неизмеримо бо́льшим. Сам титул — дуче (военный вождь), заимствованный у Древнего Рима, говорил о той роли, которую предназначал себе Муссолини.

Вера в непогрешимость и всемогущество дуче должна была подкрепляться соответствующими организационными и воспитательными мероприятиями. Главная роль в «дисциплинировании нации» отводилась фашистской партии. А. Стараче, который был ее секретарем с начала 30-х годов, вошел в историю как один из наиболее ревностных сторонников превращения итальянцев в безропотных исполнителей воли Муссолини. Методом дисциплинирования нации он считал запись в фашистскую партию и контролируемые ею организации максимального числа итальянцев. Результатом было резкое увеличение рядов фашистской партии, которая в октябре 1937 г., по официальным данным, насчитывала более 2 млн. членов, а вместе с подчиненными ей организациями (не считая профсоюзных) контролировала более 10 млн. итальянцев [35].

Излюбленными темами фашистской пропаганды стали военная подготовка нации и физическая культура. При этом особое внимание обращалось на подрастающее поколение, из которого должен был формироваться «человек эпохи Муссолини».

Чтобы воспитать идеального солдата для будущей войны, решительного и убежденного, способного действовать, а не рассуждать, недостаточно было усилий школьных педагогов. Существовавшие до этого массовые молодежные и детские организации в 1937 г. были объединены в Итальянскую ликторскую молодежь — ДЖИЛ, организацию военного типа, задачей которой было обучать молодежь «жизни в фашистском коллективе» и осуществить ее военную подготовку. Лозунг ДЖИЛ гласил: «Верить, повиноваться, сражаться».

---

[35] *Santarelli E.* Op. cit., p. 299.

Школа и ДЖИЛ формировали молодое поколение. Забота о душах взрослого населения поручалась министерству народной культуры, созданному в 1937 г. Перед ним ставилась задача добиться подчинения целям фашизма всей культурной и интеллектуальной жизни нации. За исключением средней и высшей школы, которая оставалась в компетенции министерства национального образования, все остальные виды культурной деятельности в стране постепенно перешли под контроль нового министерства.

В области культуры и образа жизни мероприятия фашизма носили название «культурной мелиорации»; с особой силой она развернулась в 1938 г. Эта кампания развивалась по многим направлениям, важнейшими из которых были борьба против «иностранного» влияния и «буржуазных привычек». Один из активнейших апологетов мероприятий фашистского режима, Де Стефани, писал в то время: «Многое еще можно сделать в области нематериального импорта: образа мышления и жизни, экзотических привычек, которые мы усваиваем... Фашистский режим должен контролировать не только импорт товаров, но и импорт идей и образа жизни» [36].

Борьба с «иностранными привычками» зачастую принимала смехотворные формы: так, энергичная пропаганда велась против обычая пить чай, и находились писаки, всерьез доказывавшие, что эта привычка «ослабляет нацию». Широкие мероприятия проводились в области литературы. В Италии давно уже были запрещены многие иностранные авторы, которые по различным причинам не нравились фашистским властям. В 1939 г. была создана специальная комиссия, составившая список запрещенных книг. Под запрет попали, в частности, произведения Гоголя, Тургенева, Толстого и других русских классиков, поскольку их имена были связаны с «большевистской Россией».

После начала сближения Италии с Германией в стране стали появляться нововведения, которые были непосредственным заимствованием методов Гитлера. Так, увидев на военных парадах в Германии «прусский шаг», Муссолини предписал ввести его в Италии под названием «римского шага». Захлебываясь от восторга, фашистские газеты описывали эту новую манеру маршировать как «неотвратимый шаг легионов, для которых каждый поход — завоевание».

Гораздо более серьезные последствия вызвало заимствование у гитлеровцев расистской идеологии и антисемитского законодательства. В июле 1938 г. был опубликован манифест, подготовленный группой фашистских «ученых» и официально определявший отношение фашизма к «проблемам расы». Важнейшие положения этого манифеста, состоявшего из 10 пунктов, гласили, что итальянцы «в своем большинстве» относятся к арийской расе и существует «чистая итальянская раса», которую следует всячески

[36] *De Stefani A.* Travaglio economico. Bologna, 1938, p. 202—203.

оберегать от чужеродных элементов [37]. Через несколько месяцев были приняты первые расистские законы: людям еврейской национальности запрещалось преподавать в школах, а члены академий, институтов, различных научных и культурных организаций лишались своих постов. В ноябре Совет министров Италии, по представлению Большого фашистского совета, одобрил новую серию законов, которые по сути дела исключали евреев из национальной жизни [38].

Если в плане национальной политики итальянский фашизм стремился внушить итальянцам чувство превосходства над другими народами, то в плане социальном предвоенные годы характеризовались возвратом к «антибуржуазной» демагогии. В своих выступлениях Муссолини все чаще упрекал «буржуазию» в непонимании национальных задач. В октябре 1938 г. он «уточнил», что́ именно он понимает под этим словом. «Буржуазия может быть экономической категорией,— говорил он,— однако это прежде всего моральная категория, это особое настроение, своего рода темперамент, это образ мышления, прямо противоположный фашизму... излишек рационального разума, враждебный первородным, неизменным и глубоким формам человеческого бытия,— таковы основные черты буржуазии...» [39]

Таким образом, слово «буржуазия» для Муссолини не означало определенной социальной категории. Речь шла лишь об «образе мышления», об отсутствии «рационализма», мешавших ему превратить итальянца в «аскетического, сурового и молчаливого бойца». По инициативе секретаря фашистской партии Стараче осенью 1938 г. была организована «антибуржуазная» выставка карикатур. Художникам предлагалось высмеять такие «буржуазные пережитки», как рукопожатие, цилиндр и вечерний туалет, застольные игры, привычку пить чай в пять часов, преклонение перед евреем и т. д.

Путем усиленной идеологической обработки и принудительной организации масс фашистскому режиму удавалось подчинить своему влиянию некоторую часть населения, в первую очередь мелкую буржуазию. Однако важную роль в том, что для постороннего наблюдателя того времени Италия могла показаться готовой по первому зову собраться в «океанскую толпу», чтобы прослушать очередную речь Муссолини, играл широко разветвленный полицейско-репрессивный аппарат.

Тем не менее фашистские апологеты громко кричали о «полной и окончательной» победе фашизма и выражали уверенность в том, что «итальянская нация» сумеет добиться империалистических целей, которые он намечал. В предисловии к «Актам Большого фашистского совета», вышедшим в свет весной 1938 г.,

[37] *Santarelli E.* Op. cit., p. 326.
[38] *Bocca G.* Op. cit., p. 19.
[39] Цит. по: *Bianchi G.* 25 luglio — crollo di un regime. Milano, 1963, p. 64—65.

Муссолини делил историю итальянского фашизма на три периода: в течение первого периода, по его словам, были «заложены гранитные основания фашистского режима», второй период характеризовался примирением с Ватиканом и фашизацией национальной жизни. «Третий период,— писал Мусолини,— можно назвать триумфальным» [40].

Фашистская пропаганда настойчиво вдалбливала в головы итальянцев, что фашизм полностью восторжествовал, преобразовав само существование нации. Мемуары руководителей итальянской полиции, фашистских иерархов и монархических генералов, опубликованные после войны, рисуют картину, весьма далекую от той, которую пыталась изобразить фашистская пропаганда. Коррупция в государственном и партийном аппарате, грызня и интриги в ближайшем окружении Муссолини, рост оппозиционных настроений — все это находит отражение в воспоминаниях деятелей фашистского режима.

В конце 1938 г. итальянская полиция провела широкое обследование настроений в стране. Его результаты были малоутешительны для фашистского режима. «Общественное мнение,— пишет бывший руководитель политического отдела тайной полиции Г. Лето,— которое часто неосознанно хорошо ощущает приближение великих исторических кризисов, начало выражать неопределенное беспокойство... Несомненно, итальянский народ, после того как прошел период подъема, вызванный завоеванием империи... стал все больше отходить от фашистской идеологии, начал высмеивать ее высших представителей. Вокруг фашистского режима стала образовываться пустота» [41].

Именно в момент мнимого триумфа, в момент, когда, казалось, фашистский режим все держал в своих руках, в итальянском обществе нарастало чувство протеста, которое затем привело к активному движению Сопротивления. Этот процесс явился одним из основных моментов истории итальянского фашизма. Демагогические лозунги «обновления», которые обеспечивали поступательное движение итальянского фашизма в 20-х годах окончательно выродились. Искусственное насаждение невежества, проповедь мистического начала, раздувание культа грубой силы вызывали все больший протест итальянцев.

До сих пор в итальянской исторической литературе мало сказано о борьбе трудящихся против фашизма в предвоенной Италии. Между тем, несмотря на массовый террор, лишивший трудящихся организованной силы и выведший из строя наиболее активную часть противников фашистского режима, они продолжали сопротивление фашистской диктатуре. В предвоенные годы это сопротивление не выливалось в массовые фронтальные действия, для организации которых у антифашистов не было сил.

---

[40] *Mussolini B.* Scritti e discorsi, v. XII. Firenze, 1961, p. 21.
[41] *Leto G.* OVRA. Rocca San Casciano, 1952, p. 184—186.

Скорее это было капиллярное распространение антифашистских идей, которые постепенно все глубже проникали в массовую базу фашизма, подтачивали и размывали ее изнутри.

В общих чертах картину этой борьбы отражают документы Особого трибунала, который рассматривал дела наиболее активных антифашистов. Подавляющее большинство людей, осужденных Особым трибуналом, были рабочими, крестьянами и ремесленниками. Как правило, они принадлежали к коммунистической партии. После 1936 г. число дел, подлежащих рассмотрению Особого трибунала, постоянно росло [42]. Документы Особого трибунала за 1937 г. регистрируют новые явления, которые возникли в антифашистском движении, первые шаги на пути создания единого фронта. В октябре 1937 г. состоялся известный процесс над представителями Единого антифашистского фронта, действовавшего в Милане. Его участники проводили активную работу в пользу республиканской Испании и распространяли антифашистскую литературу.

Основная работа Особого трибунала в 1938—1939 гг. по-прежнему заключалась в рассмотрении дел коммунистических организаций. Из судебных отчетов видны два основных направления, по которым развертывалась деятельность коммунистов в тот период. Это — проникновение в фашистские организации с целью использовать легальные возможности для борьбы против фашизма и сбор средств помощи народу Испании.

В актах Особого трибунала за 1938—1939 гг. фигурируют в основном коммунистические группы. То же самое подтверждает и Г. Лето: «После начала войны в Испании деятельность Особого трибунала заметно оживилась. Коммунисты проявляли особую активность: они пытались организовать типографии, выпускали листовки. Почти все жертвы Особого трибунала были, естественно, коммунистами, потому что другие партии не подавали в стране признаков жизни» [43].

Материалы Особого трибунала дают далеко не полную картину антифашистского движения: много дел антифашистов проходило через другие судебные инстанции, фашистский режим часто расправлялся со своими противниками и без посредства судебных органов. Однако эти документы неопровержимо свидетельствуют о том, что коммунисты были в авангарде антифашистской борьбы.

Важную роль в ослаблении фашистского режима сыграло то обстоятельство, что стремление критически переосмыслить происходящее охватывало в первую очередь молодое поколение. Именно в той части населения, на которую фашизм пытался оказать наибольшее идеологическое воздействие, дисциплинировать и пре-

[42] Все материалы о судебных процессах взяты из актов Особого трибунала, опубликованных в книге: *Dal Pont A., Leonetti A., Maiello P., Zocchi L.* Aula IV. Roma, 1961.

[43] *Leto G.* Op. cit., p. 166.

вратить в свой резерв, стали раздаваться протесты против навязываемых сверху догматов.

Разочарование в вере, которую стремились им привить, вело к отдалению молодых итальянцев от фашизма. Этот процесс стимулировался нарастающим противоречием между пропагандой фашизма и реальным ходом дел в стране. В 30-х годах во многих городах страны стали появляться новые антифашистские группы. Часто они состояли из представителей интеллигенции и создавались в студенческой среде, но были группы рабочей молодежи, а в областях Эмилия — Романья такие группы возникали среди молодых крестьян. Эти группы становились все более многочисленными.

Стремление к уяснению политических позиций толкало их к сближению с уже существовавшими партийными течениями. Молодых людей мало привлекали призывы к ожиданию и осторожности, раздававшиеся со стороны консервативных оппозиционных деятелей. Наибольший отклик среди молодежи имели призывы к действию и единству, бескомпромиссное осуждение правящего класса, которое они находили в подпольных обращениях коммунистической партии.

Было бы неправильным считать, что все оппозиционные группы, возникшие среди молодежи в 1936—1940 гг., в дальнейшем полностью влились в коммунистическую партию, однако их подавляющее большинство пошло именно по этому пути.

Приход молодого поколения в ряды коммунистической партии позволял ей продолжать трудную борьбу в условиях подполья. Более того, за годы нелегальной деятельности произошли значительные изменения в соотношении сил внутри антифашистского лагеря. В 1926 г. коммунистическая партия была одной из партий меньшинства антифашистского фронта. Накануне войны она объединяла самые активные силы антифашизма и была партией, которая располагала наибольшим числом подпольных организаций внутри страны. Кроме них в ряде городов Северной Италии имелись группы социалистов, а также организации нового антифашистского движения «Справедливость и свобода», возникшего в 1929 г. и пользовавшегося влиянием преимущественно у интеллигенции.

Гражданская война в Испании усилила объединительные тенденции, наметившиеся в среде итальянских антифашистов во второй половине 30-х годов. Все итальянские антифашистские партии и группы восприняли войну в Испании как первую возможность выступить против фашизма с оружием в руках. Уже в августе 1936 г. на Арагонском фронте вступила в бой «4-я итальянская колонна», насчитывавшая более сотни бойцов, а в октябре из итальянских добровольцев-антифашистов был создан батальон имени Гарибальди, преобразованный впоследствии в бригаду. Гарибальдийцы сыграли важную роль в знаменитом сражении под Гвадалахарой, во время которого потерпел поражение итальян-

ский экспедиционный корпус, посланный Муссолини на помощь Франко.

Итальянские антифашисты считали долгом чести доказать, что лучшая часть итальянского народа не причастна к действиям Муссолини. На стороне республиканской Испании плечом к плечу сражались коммунисты и социалисты, члены движения «Справедливость и свобода» и антифашисты, не принадлежавшие к политическим партиям. Наибольший вклад в создание итальянских формирований внесла коммунистическая партия. Из 3354 итальянских добровольцев в Испании почти 2 тыс. человек были коммунистами [44]. Общим лозунгом итальянских добровольцев был призыв «Сегодня — в Испании, завтра — в Италии!»

ВСТУПЛЕНИЕ ИТАЛИИ В МИРОВУЮ ВОЙНУ. ВОЕННЫЕ ПОРАЖЕНИЯ И КРИЗИС ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА

Когда 1 сентября 1939 г. Гитлер, напав на Польшу, развязал вторую мировую войну, итальянский Совет министров опубликовал заявление о том, что Италия намерена придерживаться статуса «неучастия». Подобный оборот дел был большой неожиданностью для многих, в том числе и для Гитлера.

Объяснение этому следует искать прежде всего в том, что после многолетних усилий фашистского режима Италия оказалась все же не подготовленной к войне. Вскоре после заключения «Стального пакта» Муссолини послал в Германию генерала Каваллеро, который вручил Гитлеру пространный меморандум. Констатируя, что война между «плутократическими консервативными нациями» и «бедными нациями» неизбежна, Муссолини высказывал мнение, что потребуется не менее трех лет для военной, политической и моральной подготовки к этой войне.

Большое место в меморандуме Муссолини уделил рассуждениям об общей стратегии. Так, он высказывал мнение, что на Западе война будет носить позиционный характер и лишь на Востоке и Юго-Востоке Европы страны «оси» смогут проявить свой динамизм. Он предлагал «для обеспечения стран «оси» сырьем и промышленными поставками» захватить Грецию, Румынию и Турцию. Не предвидел затруднений Муссолини и в расправе над Польшей, «до того как ей будет оказана конкретная помощь» [45].

В Германии, где уже был выработан план действий и велась усиленная подготовка к его осуществлению, туманные рассуждения Муссолини были встречены весьма холодно. Гитлер ничего не ответил Муссолини, и до августа 1939 г. итальянская сторона продолжала считать, что отсрочка войны принята немцами. Лишь

---

[44] *Spriano P.* Storia del Partito comunista italiano, v. III. Torino, 1970, p. 227—228.

[45] Текст меморандума см.: I documenti diplomatici italiani, serie VIII, v. XII. Roma, 1952 (далее — DDI), p. 49—50.

после свидания итальянского министра иностранных дел Чиано с Риббентропом, происшедшего 11 августа 1939 г. в Зальцбурге, итальянцам стало ясно, что начало войны — вопрос ближайшего будущего. Весь остаток августа 1939 г. Муссолини переходил от одной крайности к другой. То он заявлял, что Италия должна выступить для достижения своих целей на Балканах, то начинал рассуждать, что страна совершенно не готова к войне и воевать не может.

15 августа Муссолини беседовал с Чиано шесть часов подряд и говорил «с грубой откровенностью». Он сказал, что Италия «не должна следовать за Гитлером с завязанными глазами», в случае если Франция и Англия выступят в защиту Польши. Однако еще есть вероятность, хотя и небольшая, что они воздержатся от вмешательства. В этом случае Италия должна выступить вместе с Германией, потому что она также надеется «получить часть добычи». «Таким образом,— по мнению Муссолини,— надо было найти решение, которое позволило бы: а) если демократии атакуют, «не теряя чести», оторваться от Германии; б) если демократии «проглотят пилюлю», воспользоваться случаем, чтобы раз и навсегда свести счеты с Югославией» [46].

Это был план действий мелкого хищника, который, следуя по стопам более сильного партнера, жадно осматривается вокруг в надежде урвать свою долю. Не испытывая никакой солидарности к своему собрату, он готов при первых признаках серьезной опасности спрятаться в кусты, бросив союзника на произвол судьбы.

25 августа в Рим прибыло послание, в котором Гитлер давал понять, что нападение на Польшу последует в ближайшее время, и просил «понимания с итальянской стороны». Можно было по-всякому толковать эту фразу, и Муссолини решил вступить со своим партнером в торг. Вечером Чиано продиктовал послу в Берлине ответ Муссолини на личное послание Гитлера: «Если Германия атакует Польшу и конфликт будет локализован, Италия окажет Германии любой вид политической и экономической помощи, которую от нее потребуют. Если Германия атакует Польшу и ее союзники контратакуют Германию, я предпочел бы не брать на себя инициативу по развязыванию военных действий... учитывая современное состояние итальянской военной подготовки, о которой неоднократно и своевременно сообщалось вам, фюрер, и Риббентропу. Однако наше выступление может быть немедленным, если Германия тотчас же предоставит нам военные средства и сырье, необходимые для того, чтобы выдержать удар, который англичане и французы направят преимущественно против нас» [47].

Это было заведомым вымогательством: в составленном вскоре списке значилось 170 млн. т военных материалов, для транспортировки которых понадобилось бы 17 тыс. железнодорожных эше-

[46] *Ciano G.* Diario, v. I. Milano, 1963, p. 160.
[47] DDI, serie VIII, v. XIII, p. 164—165.

лонов. Даже при желании Германия не способна была выполнить требования итальянцев. В своем ответе от 27 августа Гитлер просил лишь не сообщать о решении Италии соблюдать нейтралитет, продолжать мобилизационные мероприятия, чтобы держать в напряжении Францию и Англию.

Каково же было действительное состояние итальянской военной машины осенью 1939 г.?

После войны в Италии было потрачено море чернил, чтобы доказать слабость вооруженных сил страны. Больше всего усердия проявили представители высших военных кругов, которые помогали Муссолини готовиться к войне и несли вместе с ним ответственность за состояние армии. Эти работы свидетельствуют прежде всего о том, что итальянская армия была совсем не такой, какой ее изображала фашистская пропаганда и какой ее привыкли видеть во время многочисленных военных парадов.

И это происходило в то время, как военный бюджет Италии быстро возрастал. С 1930 по 1937 г. военные ассигнования страны исчислялись примерно в 5 млрд. лир ежегодно, в бюджете 1937/38 г. они поднялись до 6 млрд., а в следующем году достигли 8 млрд. Наконец, в 1939/40 г. на военные цели было затрачено 11 млрд. лир. В конце 1939 г. были опубликованы общие цифры военных расходов: по официальным данным, фашистская Италия затратила на подготовку к войне более 133 млрд. лир [48]. Может быть, этих денег было недостаточно, чтобы подготовить непобедимую армию, но их явно должно было хватить, чтобы армия была в гораздо лучшем состоянии, чем в августе 1939 г.

Приводимые итальянскими генералами цифры рисуют столь мрачную картину [49], что невольно возникает вопрос, каким образом, начав войну в условиях, когда запасов в лучшем случае якобы должно было хватить на шесть месяцев, орудия итальянской армии стреляли, самолеты летали, а солдаты, пусть не так уж хорошо, но все же были одеты и получали пищу на протяжении трех лет войны.

Дело заключается в том, что все статистические выкладки, приводимые итальянскими военными специалистами, основывались на предварительных ориентировочных цифрах, которые были намечены штабами еще до начала войны. В итальянской исторической и военной литературе не было попыток рассчитать действительные нужды вооруженных сил на основе данных военных лет. Сопоставление имевшейся военной техники и военных материалов с предварительными наметками создает заведомо ложную картину. Реальным критерием для такого рода анализа могло бы послужить сравнение итальянской армии с армиями Англии и Франции. Такое сравнение говорит, что каждый из двух основных

---

[48] *Salvatorelli L.* e *Mira G.* Op. cit., p. 970—971.

[49] См. например: *Favagrossa C.* Perché perdemmo la guerra. Milano, 1947, p. 49, 69—70.

противников Италии в отдельности по основным показателям вооружения не превосходил того, чем обладала Италия [50].

Таким образом, не только понимание серьезных недостатков в подготовке вооруженных сил удержало Муссолини от выступления в сентябре 1939 г. Он руководствовался при этом и желанием выждать более благоприятный момент, понаблюдать некоторое время со стороны, как пойдут дела у его партнера.

Период «нейтралистских» колебаний Муссолини был кратковременным. Империалистические интересы итальянских правящих кругов настойчиво толкали к участию в войне. Итальянский посол во Франции Р. Гуарилья в канун 1940 г. приехал в Рим. По его словам, он мало виделся с политическими деятелями, зато часто встречался с представителями промышленных кругов. «Может быть, кто-нибудь из них помнит,— пишет он,— как во время встреч в Гранд-Отеле я говорил, что они с бо́льшим успехом, чем кто-либо в Италии, способны противостоять стремлению Муссолини участвовать в конфликте. Они держали в руках промышленное производство, которое является основой войны. Муссолини был склонен пренебрегать мнением политических деятелей и военных, считая себя бесконечно выше их, но ему труднее было бы возражать руководителям итальянской промышленности... Однако я с сожалением должен был констатировать, что среди них, так же как среди тех, кто навещал меня в Париже, господствовало восхищение немецкой промышленной мощью, соединенное с убеждением, что возможности промышленности США раздуты американскими газетами» [51]. Осторожный дипломат Гуарилья не пишет прямо, что его собеседники стремились к войне на стороне Германии, однако из его слов это вытекает со всей непреложностью.

Решающее влияние империалистических расчетов на позицию фашистской Италии хорошо понимал Гитлер. Делая общий обзор положения на совещании военных руководителей рейха 23 ноября 1939 г., он говорил: «Италия имеет важные объекты для укрепления своей империи. Фашизм и лично дуче являются главной движущей силой этой идеи. Королевский двор против этого. До тех пор пока дуче будет жить, можно быть уверенным, что Италия ухватится за любую возможность для достижения своих империалистических целей» [52].

Гитлер был убежден, что наиболее широкие перспективы для захватов открывает итальянскому империализму союз с Германией, и не ошибался. В мае 1940 г. Муссолини принимал в своем кабинете крупнейших итальянских промышленников и произнес перед ними речь. Он не только заявил, что Италия в ближайшее время вступит в войну, но и утверждал, что она готова к войне в

[50] История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. I. М., 1960, с. 219.
[51] *Guariglia R.* Ricordi. Napoli, 1950, p. 430.
[52] Les archives secrétes de la Wilhelmstrasse, v. VIII, livre I. Paris, 1956, p. 380.

военном и экономическом отношении. «Никто из присутствовавших в кабинете не осмелился протестовать против последнего утверждения Муссолини в той части, которая его касалась»,— записал Гуарилья в своем дневнике [53]. Легко предположить, что не столько боязнь противоречить диктатору, сколько солидарность с его словами заставила руководителей итальянской промышленности согласно промолчать.

Чиано регулярно заносил в дневник критические записи в адрес политики Муссолини; представители военной верхушки после войны единодушно утверждали, что каждый из них «сделал все», чтобы удержать Муссолини от вступления в войну. Но нет ни одного — пусть даже не слишком надежного — свидетельства о том, что заправилы крупного капитала что-либо предпринимали. Осенью 1939 г., когда дальнейший ход войны еще не определился, итальянские промышленники были целиком согласны с идеей Муссолини повременить и использовали время, наживаясь на торговле с воюющими сторонами. Однако было ясно, что это не может длиться вечно.

Успешное начало гитлеровской «молниеносной войны», по мнению вице-президента фашистской Конфедерации промышленников А. Пирелли, «опрокинуло вероятность длительной войны на истощение». Надежды на получение сырья с завоеванных территорий и жажда распространить сферу приложения капиталов на самые широкие районы Средиземного моря побуждали промышленников способствовать политике Муссолини. А. Пирелли в предисловии к своей книге «Экономика и война», написанном в июне 1940 г., давал следующее обоснование империалистических притязаний Италии: «Разрешение средиземноморской проблемы является не только политической проблемой и вопросом престижа, но жизненной необходимостью, дальнейшим условием более широкого развития экономики» [54].

Ощущая единодушную поддержку руководящих групп монополистического капитала, Муссолини не обращал особого внимания на робкие возражения военных, говоривших о недостаточной технической подготовленности армии.

В конце концов вопрос о вступлении в войну был решен. 10 июня 1940 г., в день вступления в войну, Муссолини произнес очередную речь перед многотысячной толпой. Он говорил, что Италия выступает на стороне «бедных и молодых народов» против «народов бесплодных и дегенерирующих». Это было повторением старых тезисов фашистской пропаганды, и Муссолини не считал нужным искать никаких других обоснований. Он не формулировал конкретных претензий к Франции и Англии, ограничившись заявлением, что эти страны стремились держать Италию «пленницей Средиземного моря». Что касается целей войны, то

[53] *Guariglia R.* Op. cit., p. 452.

[54] *Pirelli A.* Economia e guerra, v. II. Milano, 1940, Premessa. Цит. по: *Santarelli E.* Op. cit., p. 409.

они были весьма широковещательными, хотя и выражались в общей форме: «Мы беремся за оружие для того, чтобы разрешить проблему наших морских границ... 45-миллионный народ не может быть свободным, если у него нет свободного доступа к океанам». Муссолини торжественно заявил, что Италия не намерена втягивать в конфликт пограничные с нею страны, перечислив Швейцарию, Грецию, Турцию и Египет [55].

Было ясно, что движущим мотивом правящих групп Италии было стремление не опоздать к финалу. В июне 1940 г. мало что изменилось в военной подготовке страны по сравнению с августом 1939 г. Несмотря на все усилия, подготовка армии улучшилась ненамного: об этом итальянские военные заявляли не только Муссолини, но и своим немецким коллегам. Не было в стране и подъема милитаристских настроений [56].

Конечно, известия о немецких победах, которые раздувались фашистской пропагандой, не могли не оказать воздействия на некоторую часть населения. Однако Муссолини хорошо знал, что секторы общественного мнения, охваченные милитаристской пропагандой, весьма ограниченны. Недаром, уверяя Гитлера в том, что «не в силах более сдерживать воинственный пыл итальянского народа», он в то же время говорил Чиано, что «пинками в зад» заставит итальянцев сражаться.

Неверно утверждение, что Муссолини принял решение о вступлении в войну под нажимом Германии, которая в то время нуждалась в этом гораздо меньше, чем осенью 1939 г. Что касается отношения гитлеровского окружения, то, как писал в своих воспоминаниях главный представитель немецкой разведки в Италии Э. Дольман, «вступление Италии в войну было воспринято в Германии с ироническими улыбками и насмешками; когда немцы думали о боевых качествах итальянской армии, они сразу вспоминали Капоретто» и ждали от итальянского вмешательства «не выгод, а трудностей» [57].

Единственной социальной категорией населения Италии, прямо заинтересованной в том, чтобы расчеты Муссолини оправдались, была крупная буржуазия. Характеристика позиции итальянского правящего класса дана в заявлении Итальянской коммунистической партии в связи с вступлением Италии в войну. «Фашистская плутократия,— говорилось в этом документе, датированном июнем 1940 г.,— которая в течение 18 лет угнетает Италию, совершила новое преступление. Она ввергла наш народ в кровавую бойню. Как подлый и хищный разбойник, она выждала удобный момент, чтобы урвать свою долю добычи, и напала на французский народ в тот момент, когда он, преданный

[55] *Salvatorelli L.* e *Mira G.* Op. cit., p. 994.

[56] Об этом, в частности, убедительно свидетельствовал в своих мемуарах К. Сенизе, бывший в то время заместителем начальника полиции (*Senise C.* Quando ero capo della polizia. Roma, 1946, p. 35).

[57] *Dollmann E.* Roma nazista. Milano, 1949, p. 124—125.

своей буржуазией и ввергнутый ею в катастрофу, боролся за свое существование, за национальную независимость» [58].

Понадобилось всего несколько месяцев, чтобы радужные надежды итальянских правящих кругов поблекли. На двух главных фронтах — в Греции и Северной Африке — итальянские войска понесли серьезные поражения, а военно-морские силы лишились половины своих тяжелых кораблей.

Немецкий военный атташе в Италии генерал Ринтелен следующим образом рисовал положение союзника к концу 1940 г.: «Италия после шести месяцев участия в войне вынуждена полностью перейти к обороне. Англичане господствуют на Средиземном море... Итальянские колонии находятся в опасности. Владения в Восточной Африке отрезаны от метрополии: вопрос заключается только в том, когда они попадут в руки противника... Итальянская армия, предназначенная для захвата Греции, ведет тяжелую оборонительную войну, и ее положение вызывает самые серьезные опасения». Доклад Ринтелена заканчивался мрачными прогнозами: «Италия не в силах самостоятельно вести войну на Средиземном море, и разгром Италии мог бы отрицательно сказаться на ведении операций немецкой армией» [59].

Военные неудачи фашизма сразу же сказались на положении в стране. Нельзя утверждать, что начало второй мировой войны и вступление в нее Италии вызвали немедленный подъем антифашистских настроений. Они резко усилились лишь после первых поражений фашистской армии и с началом экономических трудностей.

Итальянские историки Л. Сальваторелли и Д. Мира пишут, что «рубеж 1940—1941 гг. может быть отмечен как момент наибольшего падения морального духа итальянского народа» [60]. Действительно, падение престижа фашистского режима в начале 1941 г. было крайне заметным: слишком обнаженно выступило истинное положение вещей. Если лживость утверждений о «социальном обновлении» общества, которое символизировала корпоративная система, была очевидной еще до этого и служила причиной высвобождения части молодого поколения из-под влияния фашизма, то теперь рушился миф о могучей и великой Италии, на протяжении многих лет поддерживаемый усилиями фашистской верхушки. Призыв в армию крупных контингентов из запаса давал возможность многим на собственном опыте убедиться в неподготовленности Италии к военным походам. В то же время роль младшего партнера Германии унижала национальное достоинство итальянцев.

Рост враждебности к фашистскому режиму становился столь очевидным, что он вызывал нечто вроде паники у представителей правящей верхушки. 12 декабря 1940 г. Чиано, по его словам,

[58] Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale. Roma, 1963, p. 127.
[59] *Rintelen E.* Mussolini, alleato. Roma, 1952, p. 105.
[60] *Salvatorelli L.* e *Mira G.* Op. cit., p. 1010.

советовал Муссолини «сделать что-нибудь, чтобы поднять моральное состояние людей». «Нужно обратиться к сердцу итальянцев,— говорил Чиано.— Дать им понять, что речь идет не о судьбе фашистской партии, а о родине, вечной, общей для всех, стоящей над людьми, временем и фракциями» [61]. В трудный момент фашистские иерархи начали отличать понятие «родина» от понятия «фашистский режим» для того, чтобы заставить итальянцев жертвовать собой; это произошло после того, как на протяжении многих лет они доказывали нерасторжимость этих понятий.

Несмотря на тяжелое положение итальянской армии и явное ослабление внутреннего фронта, как только Муссолини узнал о нападении Гитлера на Советский Союз, он тут же присоединился к «походу на Восток». В официальных выступлениях Муссолини делал упор на идеологический характер войны, подчеркивая, что фашистская Италия считает своим долгом участвовать в «походе против коммунизма». Этот же мотив он широко использовал во время переговоров с Гитлером. Официальная пропаганда получила указание срочно извлечь на свет лозунг верности фашистской Италии «старому знамени антикоммунизма», временно сданному в архив в годы действия германо-советского пакта.

Безусловно, мотивы идеологического «крестового похода» имели определенное влияние на внешнюю политику Италии: это вытекало из самой сущности фашистского режима. Однако они объясняли в первую чередь юридический акт присоединения Италии к агрессивной войне против Советского государства, а не поспешность, с которой Муссолини стремился послать своих солдат на Восток. Его действия свидетельствовали о том, что, несмотря на свои провалы и неудачи, Муссолини все еще надеялся на успех в соревновании с Гитлером.

Для усиления позиций фашистской Италии после победы необходимо было участие в войне на Восточном фронте. Муссолини было достаточно ясно, что обещания Гитлера превратить Украину в «общую базу продовольственного и военного снабжения» останутся пустым звуком, если соотношение сил внутри фашистского блока не позволит Италии настаивать на своей доле.

Соображения по этому поводу Муссолини высказал в июле 1941 г., выступая на заседании Совета министров: «Есть одна мысль, которая часто приходит мне в голову: после немецкой победы над Россией не будет ли слишком велика диспропорция между немецким и итальянским вкладом в дело «оси»? В этом вопросе заключается основная причина, побудившая меня послать итальянские силы на русский фронт» [62].

При описании судьбы войск Муссолини на советско-германском фронте многие авторы сравнивают эту кампанию с участи-

[61] *Giano G.* Diario, v. I, p. 375.

[62] *Gorla G.* L'Italia nella seconda guerra mondiale. Milano, 1959, p. 217. Подробнее о судьбе итальянских войск на советском фронте см. *Филатов Г. С.* Восточный поход Муссолини. М., 1968.

ем итальянских войск в походе Наполеона. Действительно, здесь имеется ряд аналогий. Оба раза итальянские войска участвовали в войне в качестве вассалов более сильного партнера. В 1941 г. из соображений престижа Муссолини послал на Восток свои лучшие дивизии. Точно так же в 1812 г. в «великую армию» Наполеона были направлены отборные батальоны. В обоих случаях участие в войне закончилось сокрушительным разгромом итальянских войск. В 1812 г. войска Евгения Богарне и Мюрата оставили в России 70% своих людей и 100% материальной части и лошадей. Немногим меньшими были потери 8-й итальянской армии, разгромленной зимой 1942/43 г. на Дону.

События на Дону знаменовали собой серьезный кризис «оси Берлин — Рим». Разгром итальянских войск на советско-германском фронте образовал глубокую трещину в фашистском блоке, и взаимное недовольство приняло самые крайние формы. «Разгром на Дону,— пишет английский историк Ф. Дикин,— явился важнейшим поворотом в отношениях между двумя странами. Более того, он представляет собой решающий психологический крах фашистской войны» [63].

Отсутствие «духа сотрудничества» отмечалось с обеих сторон и раньше, особенно во время африканской кампании, когда итальянские и немецкие войска впервые действовали совместно. Но то, что произошло на Восточном фронте, далеко превзошло наблюдавшиеся ранее разногласия. Здесь речь шла о решающих битвах на главном для Германии фронте. Поэтому тот факт, что итальянцы, как считал Гитлер, «подвели» под Сталинградом, вызвал у фюрера бурную реакцию. Со своей стороны итальянское командование не без оснований считало одной из причин неудачи авантюристскую стратегию Гитлера.

На советско-германском фронте итальянская армия понесла самое сокрушительное поражение во время второй мировой войны. Его идеологические и политические последствия были не меньше, чем потеря целой армии. Муссолини отозвал остатки экспедиционных сил также и потому, что итальянские солдаты категорически отказывались сражаться против русских. Враждебное отношение итальянских солдат к фашизму, которое рождалось на фронтах войны, нигде не принимало столь отчетливых форм, как в рядах итальянской экспедиционной армии в России.

КРАХ ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА

К 1943 г. все внешние и внутренние факторы, которые вели итальянский фашизм к краху, сплелись в один узел. Военное положение страны резко ухудшилось. Итальянские войска под Сталинградом и в Северной Африке понесли тяжелое поражение. Остатки ливийской армии вместе с дивизиями Роммеля отступили в

[63] *Deakin F. W.* Storia della repubblica di Salo. Torino, 1963, p. 206.

Тунис, где руководители держав «оси» безуспешно пытались создать новый театр военных действий.

Итальянская экономика разваливалась. Снижение производства наблюдалось даже в тех областях, где в первые годы войны имелся известный подъем. Стала остро ощущаться нехватка электроэнергии. Металлургическая промышленность переживала трудное время: выплавка стали значительно упала даже по сравнению с довоенным временем. Сократилась выплавка алюминия, который, согласно автаркическим планам, должен был заменить ряд цветных металлов. В большом беспорядке находились финансы: огромные расходы на войну привели к быстрому росту дефицита государственного бюджета. Как писал экономист Гуарнери, за три года войны «были полностью исчерпаны накопления предыдущих поколений... продолжение усилий в таких же масштабах могло привести лишь к полному краху» [64].

Тяжелейшее положение, в котором оказалась итальянская экономика, убедительно свидетельствовало о полном провале социально-экономической политики фашизма. Автаркическая политика давала минимальные результаты, а корпорации оказались бессильными регулировать хозяйственную жизнь.

Население все более открыто выражало свою вражду к войне и фашистскому режиму. «Самым серьезным явлением,— писал начальник политического отдела полиции Лето,— было молчаливое гражданское неповиновение. Так население демонстрировало свое отношение к войне и существовавшему режиму. Это был результат усталости и враждебной пропаганды... Никто более не выполнял своего долга, и полиция ежедневно регистрировала нарастание этого процесса» [65].

В деревне крестьяне отказывались выполнять обязательные поставки продуктов. Участились случаи стихийных выступлений крестьян против фашистских чиновников, пытавшихся изъять эти продукты силой. Рабочие на предприятиях не слушали руководителей фашистских профсоюзов, уговаривавших их повысить производительность труда. В 1942 г. на заводах и фабриках произошли первые волнения; они носили экономический характер, однако требование мира и другие лозунги политического характера постепенно проникали в сознание трудящихся. Как пишет один из непосредственных организаторов деятельности компартии в Италии, У. Массола, из 41 стачки, произошедшей зимой 1942/43 г., более половины носило политический характер [66].

Участие Советского Союза в войне вселило надежды в сердца итальянских антифашистов. С конца 1941 г. начали активизировать свою деятельность политические группы, находившиеся в эмиграции. «Сопротивление, оказанное армией и народами Советского Союза гитлеровской агрессии,— писал П. Тольятти,— первая

[64] Цит. по: *Catalano F.* Op. cit., p. 355—356.
[65] *Leto G.* Op. cit., p. 243.
[66] *Massola U.* Marzo 1943, ore 10. Roma, 1950, p. 15.

победа при обороне Москвы, последующая зимняя кампания, а затем великая победоносная Сталинградская битва поставили по-новому вопрос о Советском государстве, о его международной роли, его мощи, а следовательно, и вопрос о коммунизме[67]. Победы Советской Армии усиливали влияние коммунистов в стране.

Итальянские трудящиеся убеждались в том, что конец фашистского режима приближается. Фашистский Особый трибунал был буквально завален рассмотрением дел итальянцев, которые выражали свое разочарование в фашизме. Все чаще он выносил приговоры о смертной казни. Полиция делала все возможное, чтобы пресечь «подрывную деятельность». Однако престиж фашистского режима в стране падал.

Руководители фашистской партии были неспособны что-либо предпринять для спасения режима. В начале войны были облегчены условия вступления в фашистскую партию, и это привело к быстрому росту ее членов. Несоразмерное разбухание лишь утяжелило руководство и вызвало чрезвычайную бюрократизацию партийного аппарата.

В момент, когда неблагоприятный ход военных действий требовал особого внимания к внутреннему фронту, фашистская партия оказалась деморализованной. Внешним проявлением этого была бездеятельность Большого фашистского совета, который ни разу не собирался после 1939 г. Муссолини был поглощен ходом военных действий и мало занимался политическими вопросами. Фашистские иерархи продолжали контролировать печать и направлять работу пропаганды, но идеологические тезисы и конкретное содержание этой пропаганды становились все более узкими и примитивными.

В самой фашистской верхушке чувство неуверенности привело к появлению фрондирующих групп, сформировавшихся вокруг видных иерархов, таких, как Гранди, Чиано, Боттаи и др. Недовольство существующим положением выражали молодежные группы, концентрировавшиеся вокруг руководителей университетских фашистских организаций и студенческих журналов. Неодобрительную позицию по отношению к партийному руководству занимали также ветераны «фашистской революции». Эти представители «чистого фашизма» своими призывами «возвратиться к революционным истокам» в свою очередь оказывали определенное влияние на молодое поколение фашистов, разочаровавшихся в действительности.

Наиболее воинственным крылом в фашистской партии были ультрафашисты во главе с Фариначчи. Явный разлад и упадок боевого духа в партии побуждал их предводителя до предела обострять полемику против «пораженцев и укрывающихся». Со страниц газеты Фариначчи «Реджиме фашиста» раздавались при-

[67] Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953, с. 370.

зывы к самым суровым мерам, к радикальной чистке партийных рядов.

Кризис партийного руководства служил дополнительным фактором, усугублявшим впечатление от общей ситуации. Несмотря на поток партийных взысканий и массовые исключения из партии, дисциплина катастрофически падала. Знаменательный факт — среди осужденных Особым трибуналом в 1942 и начале 1943 г. резко увеличилось число чернорубашечников.

Муссолини знал о настроениях, которые царили в его ближайшем окружении. Однако его мало беспокоило поведение иерархов: он был уверен в себе и слишком презирал своих приближенных, чтобы их бояться. Действительно, сами по себе фашистские фрондеры не представляли опасности. Это хорошо понимали и сами иерархи [68], каждый из которых стремился заручиться поддержкой короля или королевского окружения.

Сохранение монархии в Италии служило одним из показателей ограниченности «фашистской революции». Правда, король Виктор-Эммануил всегда проявлял себя послушным исполнителем воли Муссолини и покорно терпел все унижения, которым его подвергали. Однако Муссолини как глава правительства должен был регулярно являться на доклад к королю и информировать его о положении в стране.

Осенью 1942 г. король был еще далек от мысли открыто восстать против Муссолини. Послевоенное заявление Виктора-Эммануила: «С октября 1942 г. я решил освободиться от услуг Муссолини» [69],— является лишь попыткой задним числом отмежеваться от фашизма. Верно другое: в этот период королевский двор стал средоточием всех тех, кто начинал поиски выхода из создавшегося положения и видел в монархии потенциальную альтернативу диктатуре Муссолини.

Представители монархической верхушки и фашистские диссиденты были тесно связаны с кругами промышленного и финансового капитала. Некоторые из них сами являлись крупными капиталистами. В других случаях эти связи носили менее непосредственный характер.

К концу 1942 г. угроза потерять все те преимущества, которые получали от войны представители крупного капитала, стала весьма реальной. Появление сильной англо-американской армии в Африке опрокинуло расчеты на расширение колониальной империи и начало угрожать ее сохранению. В самой Италии затруднения с сырьем достигли угрожающих размеров. Кроме того, англо-американские бомбардировки наносили ощутимый урон промышленным объектам, и их владельцы не хотели пассивно наблюдать за разрушением своего имущества. Немецкие военные и экономические представители все бесцеремоннее вмешивались в хозяйственную жизнь Италии, ущемляя интересы итальянских про-

[68] *Bottai G.* Scritti. Capelli, ed 1965, p. 250.
[69] *Zangrandi R.* 1943: 25 luglio — 8 settembre. Milano, 1964, p. 70.

мышленников. Все это побуждало итальянскую крупную буржуазию предпринимать шаги для предотвращения надвигавшейся угрозы.

Определенное влияние на поведение итальянской правящей верхушки оказывал также Ватикан. Позиция руководителей католической церкви отличалась традиционной осмотрительностью и опасениями скомпрометировать себя категорическими утверждениями. Однако в рождественском послании папы 1942 г. содержались гораздо более явственные, чем ранее, призывы к «справедливому и почетному миру», который должен положить конец «страданиям народов». Все места из папской речи, касавшиеся этого вопроса, были вычеркнуты итальянской цензурой [70]. Было ясно, что началось определенное охлаждение Ватикана к фашистскому режиму. Руководители внешней политики Ватикана ранее, чем кто-либо, начали опасаться последствий, связанных с возможным крахом фашистского режима.

Важнейшее значение для создания новой атмосферы в стране имели массовые мартовские забастовки 1943 г. в Северной Италии. В подготовке выступления итальянского рабочего класса активную роль сыграли коммунисты, стремившиеся придать ему политический характер. Начавшееся 5 марта на заводе ФИАТ движение вскоре перебросилось на другие предприятия Пьемонта и Ломбардии. В забастовках, длившихся свыше двух недель, приняло участие более 300 тыс. человек.

Начальник полиции Сенизе писал в своих мемуарах, что забастовки «были вызваны экономическими причинами, но велись за политические цели». Полиция заранее знала о готовящемся выступлении, но ничего не могла сделать, чтобы предупредить их. «Весьма примечательным,— пишет Сенизе,— было участие в забастовке фашистов и даже членов фашистской милиции. На заводе ФИАТ в Турине имелся специальный легион чернорубашечников, созданный по соглашению между партией и владельцами завода для того, чтобы контролировать политические настроения масс: члены этого легиона участвовали в забастовке наряду со всеми, хотя они не могли не понять ее политической цели» [71].

Видный фашист Фариначчи в личном письме к Муссолини писал об обстановке в Милане в дни мартовских забастовок: «Если тебе будут говорить, что движение носило экономический характер, то это ложь... Творится что-то невообразимое... Повсюду: в трамваях, в кафе, театрах и кино, в поездах, в бомбоубежищах — критикуют и ругают режим и адресуют свои выпады не против того или иного партийного руководителя, а против дуче. Самое серьезное, что никто против этого не протестует» [72].

Фашистские власти не решились двинуть против рабочих войска. В то время как Муссолини кричал, что он не даст забастов-

[70] *Bianchi G.* Op. cit., p. 278—279.
[71] *Senise C.* Op. cit., p. 171—173.
[72] *Deakin F. W.* Op. cit., p. 228—229.

щикам «ни одного чентезимо», владельцы предприятий, напуганные силой протеста, были склонны пойти на перемирие.

Муссолини вынужден был признать свое поражение. Выступая на заседании руководства партии вскоре после этого, Муссолини свою речь посвятил мартовским событиям. «Этот в высшей степени неприятный, крайне огорчительный эпизод,— говорил он,— неожиданно отбросил нас на 20 лет назад; следует рассматривать его в рамках международного положения, связывая его с тем фактом, что русское наступление в то время казалось неудержимым...» Муссолини обрушился на полицейский, корпоративный и партийный аппарат, обвиняя всех в беспомощности. Партия, по его словам, «была не на высоте положения ни в Милане, ни в Турине» [73].

Мартовские забастовки показали, что итальянский рабочий класс становится во главе массовой борьбы. Итальянские трудящиеся стали обретать уверенность в своих силах и открыто бросали вызов всему аппарату фашистского гнета и террора.

Массовое выступление трудящихся вместе с новыми военными неудачами побудило к действию итальянские правящие круги. В мае 1943 г. итальянские войска в Северной Африке капитулировали, а 10 июля англо-американские дивизии высадились на Сицилии. Разгром в Африке изменил стратегические планы Италии. Фашистскую захватническую войну диктатура проиграла окончательно. Теперь речь шла о ее способности организовать оборону национальной территории от вторжения англо-американских войск. Казалось бы, лозунги защиты отечества, которые были срочно вытащены на свет фашистской пропагандой, давали ей возможность надеяться на более стойкое поведение итальянских солдат. На деле оказалось обратное. Быстрый развал обороны на Сицилии подтвердил, что итальянские солдаты еще меньше желают сражаться, чем раньше. Это была настоящая забастовка, которая доказывала, что итальянцы давно отказали фашизму в праве выступать от имени нации.

Уже 14 июля начальник генерального штаба Амброзио представил Муссолини меморандум о военном положении, в котором говорилось, что «судьбу Сицилии следует считать решенной», и содержалось следующее обобщение: «Генеральный штаб обращает внимание дуче на крайнюю серьезность военного положения и невозможность продолжать с честью борьбу без немедленного и мощного вмешательства крупных наземных и воздушных сил союзника» [74].

Однако Гитлер уже не мог удержать Италию. 12 июля итальянский посол в Берлине направил в Рим послание, в котором высказывал «неприкрытую правду» о намерениях Гитлера. Он начал с того, что «Германия сейчас полностью поглощена войной на Востоке» и поэтому рассматривает территорию союзных и оккуши-

---

[73] *Deakin F. W.* Op. cit., p. 316—318.
[74] Ibid., p. 372.

рованных стран на Западе «как бастионы немецкой крепости». Италия как раз является таким бастионом, поддерживать сопротивление которого Германия намерена малыми средствами, оберегая свои силы для борьбы с Россией [75].

Итальянский посол подчеркивал, что Восточный фронт ограничивал возможности Германии на Западе. Вскоре его прогнозы подтвердились. Германское верховное командование уведомило итальянского военного атташе, что русские начали наступление по всему фронту, и всякая надежда на какую-либо существенную помощь из Германии была оставлена [76].

Влияние советско-германского фронта на положение на Средиземном море трудно переоценить. Уже после неудачи в Греции было ясно, что итальянская армия не в состоянии вести наступательные операции без непосредственной помощи Германии. Между тем эта помощь, по мере роста затруднений гитлеровцев на Востоке, все более сокращалась. Легко проследить, как на всех этапах, начиная от провала «похода на Египет» и до «битвы за Сицилию», действия Советской Армии не давали гитлеровцам возможности ответить на призывы Муссолини о помощи [77]. Оставшаяся один на один со своими противниками на Средиземном море, фашистская Италия была обречена на поражение.

Принято считать, что судьба Муссолини была окончательно предрешена представителями правящего класса 19 июля 1943 г. Что касается монархической верхушки, то это верно. В тот день произошли два события, побудившие короля покончить со своей нерешительностью: Муссолини во время встречи с Гитлером в Фельтре не осмелился заявить своему партнеру, что Италия не в силах продолжать войну; в то же время Рим впервые подвергся массированному налету американской авиации. Однако еще раньше представители других групп правящего класса заняли позицию, которая лишала Муссолини возможности удержаться у власти.

Пока король в глубокой тайне готовил план смещения Муссолини, а фашистские иерархи твердили друг другу, что следует что-то предпринять, сигнал для открытой критики Муссолини подал представитель итальянского монополистического капитала В. Чини, который с февраля 1943 г. был министром путей сообщения. На заседании Совета министров 19 июня, после того как Муссолини сделал обзор общего положения и предложил перейти к текущим делам, Чини неожиданно попросил слова. Он сказал, что уверения Муссолини в конечной победе его не удовлетворяют и следует начать широкое обсуждение создавшейся обстановки. «Пришло время,— заявил он,— реально посмотреть на вещи и решить, может ли Италия продолжать войну. Если нет, то нужно

[75] *Bianchi G.* Op. cit., p. 454.
[76] *Deakin F. W.* Op. cit., p. 380.
[77] *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973, т. I, с. 732; т. II, с. 451.

подумать о заключении мира или каком-либо промежуточном решении, не дожидаясь последнего часа». Создалась ситуация, говорил он, которая может привести к серьезным последствиям. Народ страдает, и раздаются проклятья. Невозможно больше закрывать глаза и затыкать уши, нужно вмешаться, чтобы не случилось непоправимое [78]. Устами Чини монополистические круги Италии призывали произвести коренные изменения в политическом курсе страны, не ожидая, пока народные массы скажут свое решающее слово. Если Муссолини не в силах этого сделать, он должен уйти со сцены, уступив место другим.

Заявление Чини произвело большое впечатление в высших сферах итальянского фашизма. Однако среди фашистских иерархов до последнего момента никто не знал, что следует предпринять. Инициативу проявил один из ближайших сподвижников Муссолини, Д. Гранди, который подготовил проект резолюции, намереваясь поставить его на голосование Большого совета фашистской партии, назначенного на 24 июля 1943 г. Резолюция предлагала передать королю командование всеми вооруженными силами и предоставить ему «ту высшую инициативу в принятии решений, которую предусматривает наше конституционное устройство». В резолюции содержались пункты о превращении палаты корпораций в палату депутатов, о повышении роли Совета министров и особенно Большого фашистского совета. В ней ничего не говорилось об отстранении Муссолини: фашистская диктатура должна была войти в рамки конституционной монархии, личная власть дуче ограничивалась [79].

Копию резолюции Гранди передал королю, другую — послал Муссолини. Таким образом Муссолини знал о том, что готовили его ближайшие приспешники; кроме того, со всех сторон к нему поступали сведения о подготовке заговора в генеральном штабе. Однако он по-прежнему обращал на это мало внимания.

Заседание Большого фашистского совета открыл Муссолини. В своем докладе он сделал обзор хода военных действий, обвиняя в неудачах генеральный штаб. Перейдя к внутреннему положению, он атаковал пораженцев, в частности Гранди. «Будьте осторожны, резолюция Гранди может поставить вопрос о существовании фашистского режима»,— закончил он. Когда наступила очередь Гранди, он зачитал свою резолюцию, содержание которой было уже известно почти всем присутствующим. Затем он резко атаковал Муссолини: «Твоя диктатура подорвала фашизм, глупое ведение войны привело фашизм к кризису... Что ты сделал за 15 лет, в течение которых ты стоял во главе военных министерств?» [80] Около 2 часов ночи, после почти 10-часового заседания, Муссолини поставил резолюцию Гранди на голосование:

---

[78] Текст выступления Чини см.: *Bianchi G.* Op. cit., p. 904—907.
[79] Текст резолюции см.: *Deakin F. W.* Op. cit., p. 447—448.
[80] *Bocca G.* Op. cit., p. 565.

19 человек голосовали за нее, 8 — против[81]. Закрывая заседание, Муссолини сказал: «Вы вызвали кризис фашистского режима».

При всем этом Муссолини был уверен в том, что он не потерял контроль над обстановкой и способен восстановить власть над своими взбунтовавшимися сподвижниками. Он знал, что рекомендации Большого фашистского совета подлежат утверждению короля и надеялся на его поддержку. Однако, когда он на следующий день прибыл на королевскую виллу, Виктор-Эммануил неожиданно заявил, что новым главой правительства будет маршал Бадольо. Как только Муссолини вышел от короля, он был арестован.

Вскоре по радио было передано сообщение, что король «принял отставку кавалера Бенито Муссолини» и назначил главой правительства Бадольо. Падение Муссолини произошло необычайно легко. Ни один из его приближенных, которые столько раз клялись в верности до гроба, не попытался прийти к нему на помощь. Это свидетельствовало о том, что все руководящие группы правящего класса стремились переложить на Муссолини ответственность за политику, которую они до недавнего времени целиком поддерживали.

Подводя итоги этим событиям, следует подчеркнуть, что крах итальянского фашизма был вызван совокупностью внешних и внутренних причин.

Рассматривая причины падения диктатуры Муссолини задолго до окончания второй мировой войны, надо помнить о тяжести военных поражений, понесенных итальянской армией, о ее технической отсталости и сумасбродности стратегии дуче. Безусловно, несоразмерность между теми целями, которые ставил перед собой итальянский фашизм, и ограниченными средствами, которыми он располагал, также сыграла свою роль. Распыление сил по многочисленным фронтам, неумелое управление войсками подрывали эффективность военного усилия Италии. Уже к концу первого года войны стала очевидной неспособность фашистского руководства основываться на реальных возможностях военно-экономического потенциала страны.

«Параллельная война», на которую рассчитывали итальянские империалистические круги, выродилась в безнадежные попытки конкуренции с более сильным партнером. В этом соревновании ведущая роль была заведомо обеспечена гитлеровской Германии. Когда в 1942 г. в Северной Африке стали накапливаться мощные контингенты англо-американских армий, только решительная помощь Германии могла спасти Италию от надвигавшегося поражения. Если раньше Гитлер охотно злорадствовал по поводу неудач союзника, то после первых поражений на Востоке он был жизненно заинтересован в том, чтобы обеспечить свой европейский тыл. Однако положение гитлеровских войск на советско-германском

[81] *Bianchi G.* Op. cit., p. 608.

фронте после Сталинградской битвы не давало ему возможности оказать итальянским войскам сколько-нибудь эффективную помощь. Определяющее влияние советско-германского фронта на ход второй мировой войны сказывалось на Средиземном море в полной мере.

При всей тяжести военного и экономического положения Италии в момент высадки англо-американских войск на Сицилии итальянская армия еще не исчерпала материальных возможностей для продолжения военных действий. На территории страны и за ее пределами имелось значительное число относительно боеспособных дивизий. Тем не менее фашизму уже не удавалось заставить солдат сражаться, а рабочих продолжать трудиться на военных предприятиях. Это служило одним из главных свидетельств того, что итальянский фашизм оказался полным банкротом не только в военной, экономической области, но и в области внутренней политики. Процесс разложения фашизма, который начался еще до войны, под влиянием военных неудач достиг самых широких масштабов.

В заговоре против Муссолини участвовали и военно-монархическая верхушка, сотрудничество которой с фашизмом никогда не приводило к полному слиянию с ним, и почти все виднейшие руководители фашистской партии. Это говорило не только об органической слабости итальянского фашизма, но и о совпадении интересов ведущих групп правящего класса. Конечная цель операции ни для кого не была секретом и заключалась в стремлении выйти из войны с возможно меньшими потерями. Поспешность, которую при этом проявили итальянские правящие круги, объяснялась не столько заботой о национальных интересах страны, сколько страхом потерять свои классовые позиции. Глубокое впечатление, произведенное в стране мартовскими забастовками 1943 г., побуждало итальянскую верхушку принять меры против угрозы взрыва, который мог не только опрокинуть фашизм, но и поколебать позиции всего правящего класса.

Несмотря на все колебания и проволочки, предшествовавшие событиям 25 июля, монархической верхушке удалось опередить народные силы. Хотя мартовские выступления рабочего класса активизировали оппозицию, антифашисты не сумели еще создать в стране движения, направленного против диктатуры. Народные массы не были достаточно хорошо ориентированы, им не хватало организованности и средств для борьбы. В то же время монархия воспользовалась услугами не только государственного аппарата, но и высших сфер фашистской партии. Решающее значение имела помощь армии и полиции. Все, кто готовил и осуществлял государственный переворот, знали, что их действия одобряют представители промышленного и финансового капитала.

НЕОФАШИСТСКАЯ «СОЦИАЛЬНАЯ РЕСПУБЛИКА» И ВООРУЖЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО НАРОДА

Фашистов-диссидентов и монархические круги, осуществившие государственный переворот, объединяло стремление к тому, чтобы в глазах нации устранение Муссолини выглядело простой сменой главы правительства в рамках существовавшего режима. События, последовавшие за переворотом 25 июля, не оправдали этих расчетов. История 45 дней пребывания у власти военно-монархического правительства Бадольо (25 июля — 8 сентября 1943 г.) знаменовала собой постепенное отступление правящих групп под напором трудящихся масс и антифашистских сил. Враждебность народа фашизму проявлялась столь широко и энергично, что правительство было вынуждено принимать все более решительные меры по ликвидации основных структур фашистского режима. Таким образом, ликвидация фашизма, не входившая в расчеты многих из участников военно-монархического переворота, происходила при непосредственном участии народных сил.

Обратив всю свою энергию против народа, военно-монархическая диктатура не смогла обеспечить сохранение национальной независимости Италии. Начав тайные переговоры с англо-американскими представителями о выходе Италии из войны, она мало сделала для того, чтобы подготовить страну к защите от неизбежного вторжения гитлеровской армии. Когда 8 сентября 1943 г. по радио было передано сообщение о капитуляции Италии и заключении перемирия с союзниками, немецкие дивизии разоружили итальянскую армию и овладели большей частью территории страны. Король и Бадольо бежали из Рима в Южную Италию, где начали высадку англо-американские войска. Содержавшийся под арестом Муссолини был освобожден немецкими парашютистами и доставлен в ставку Гитлера.

Некоторое время Гитлер сомневался, есть ли смысл возвращать к власти своего бывшего партнера. Но расчет на то, что Муссолини облегчит задачу немецких оккупационных властей, побудил его поставить бывшего дуче во главе марионеточного правительства оккупированной Италии. Так появилась на свет «итальянская социальная республика», известная в истории под именем «республики Салó» (по названию небольшого городка, где располагалось ее «правительство») и просуществовавшая до апреля 1945 г.

Стремясь облегчить задачи оккупационной политики, Гитлер решил возродить в Италии фашизм также для того, чтобы доказать, что «предательство» Бадольо не дискредитировало фашистскую идею и не подорвало ее жизненности. Об этом он говорил Муссолини во время бесед в Германии вскоре после его освобождения из-под ареста [82].

[82] *Anfuso F.* Da Palazzo Venezia al lago di Garda. Rocca San Casciano, 1957, p. 326—328.

Возвратившись в Италию, Муссолини предпринял безнадежную попытку создать опору в массах путем самой бесстыдной социальной демагогии. 18 сентября 1943 г., впервые после освобождения, он выступил по радио, обращаясь к итальянцам. Муссолини заявил, что в Италии будет восстановлен фашистский режим и создано антимонархическое правительство, «в высшей степени национальное и социальное». Ближайшие задачи неофашистской республики, по его словам, заключались в том, чтобы возможно скорее вновь взяться за оружие на стороне Германии, «ликвидировать» предателей, «уничтожить паразитическую плутократию и сделать наконец труд основой государства» [83]. Он обещал «сбить спесь» с буржуазии и клятвенно заверял, что отныне будет опираться на неимущие классы. «Я отдам предприятия рабочим, землю — крестьянам»,— заявил он [84]. Муссолини обещал в ближайшем будущем созвать Учредительное собрание для решений «революционного и социалистического характера».

Правда, вскоре стало ясно, что проект созыва Учредительного собрания даже с ограниченной целью проштамповать уже выработанные решения слишком амбициозен. Возвращение Муссолини в Италию было встречено откровенным равнодушием, и разумнее было ограничиться сплочением тех, кого еще можно было взять под контроль партии. Поэтому решено было заменить Учредительное собрание съездом неофашистской партии.

Документ, который в ноябре 1943 г. одобрил этот съезд, получил громкое название «Веронской хартии». Он должен был послужить социально-политической основой итальянского неофашизма. Это была весьма путаная, сумбурная и противоречивая резолюция. Достаточно сказать, что наряду с представителями экстремистского крыла фашизма в его создании принимал участие ренегат Н. Бомбаччи, продолжавший называть себя социалистом. Хартия состояла из 18 пунктов и содержала множество обещаний, выполнение которых обусловливалось «созывом Учредительного собрания». Она провозглашала уничтожение монархического строя, декларировала право контроля и критики органов государственной власти, сулила право избрания главы государства сроком на пять лет «всеми гражданами». В области внешней политики провозглашались «необходимость жизненного пространства» для 45 млн. итальянцев и лозунг создания «европейского сообщества наций» в форме федерации.

Наиболее широковещательными были пункты, касавшиеся социальной политики. В них утверждалось, что «республика будет основана на физическом, техническом и умственном труде», и предусматривалось, что профсоюзы будут объединены в конфедерацию. На предприятиях должны были создаваться «советы управления», в которых представители инженерно-технического со-

[83] *Deakin F. W.* Op. cit., p. 557.

[84] *Батталья Р.* История итальянского движения Сопротивления. М., 1953, с. 169.

става и рабочие получали возможность «тесно сотрудничать» с промышленниками в установлении заработной платы и распределении доходов [85].

За всей этой демагогией крылся очевидный отказ от попыток возродить «корпоративное государство» в прежнем виде. Улавливая веяние времени и пытаясь спекулировать на растущей популярности социализма, Муссолини доводил социальное словоблудие до такой степени, что вызывал протесты даже официальных немецких представителей.

Недовольство немецкой стороны усилилось, когда Совет министров неофашистской республики одобрил в январе 1944 г. документ под названием «Предпосылки программы социализации промышленности и новой структуры итальянской экономики». В соответствии с этой программой все промышленные предприятия должны были подвергнуться постепенной «социализации» путем образования на них «советов управлений» из представителей предпринимателей и трудящихся. Предполагалось также, что «основы промышленной структуры» будут в дальнейшем национализированы и во главе предприятий, включенных в эту категорию, будут поставлены директора, зависящие от государства [86].

Из текста документа следовало, что «социализация» никоим образом не затрагивала права собственности, а касалась лишь управления. Она не только не ущемляла интересов основной массы промышленников, но и способствовала спасению их достояния в новой, неожиданно возникшей обстановке. Тем не менее в период «республики Салó» отношения между фашизмом и крупным капиталом претерпели значительные изменения.

В начале 1943 г. представители крупного капитала активно содействовали государственному перевороту, надеясь на то, что сепаратный мир обеспечит и безболезненный выход из войны. Однако Северная Италия, где находилось $^4/_5$ всего промышленного потенциала страны, оказалась под непосредственным контролем германских властей. Гитлеровская администрация делала все возможное для того, чтобы полностью использовать итальянский промышленный потенциал в своих интересах.

С другой стороны, рабочий класс Северной Италии уже в первые месяцы после оккупации серией забастовочных выступлений показал готовность к массовой борьбе за свои права. В этих условиях, в то время как некоторые итальянские промышленники начали безоговорочное сотрудничество с оккупантами, основная масса представителей финансового и промышленного капитала прибегла к тактике «двойной игры». Ее смысл заключался в том, чтобы, наживаясь на военных поставках, создать видимость уступок рабочим, наладить контакты с представителями движения Сопротивления. Это должно было подготовить почву для того,

---

[85] *Deakin F. W.* Op. cit., p. 616—617.
[86] *Santarelli E.* Op. cit., p. 547—548.

чтобы отмежеваться от неофашизма и отстоять свои классовые позиции после его неизбежного краха.

Немецкие оккупационные власти с недоверием относились к Муссолини. Глава германской экономической миссии Лейерс разослал всем гитлеровским представителям в Италии инструктивное письмо, в котором саркастически отмечал, что широковещательные планы неофашистов можно понять как стремление наверстать в социальном плане то, что они не удосужились сделать за 20 лет. Он следующим образом характеризовал проекты социализации: «...необходимо считать эти мероприятия, задуманные на пятом году войны, тем, чем они являются на самом деле,— саботажем. Ни один представитель итальянской промышленности или разумный политический деятель в момент, когда битва ведется не на жизнь, а на смерть, не может думать всерьез об эксперименте социальной революции» [87]. Сопротивление гитлеровских властей привело к тому, что декреты о социализации не были введены в действие ни в одной из решающих отраслей.

Однако «социальные эксперименты» неофашистов были обречены на неуспех независимо от позиции оккупационных властей. Итальянские трудящиеся с презрением относились к демагогическим заигрываниям «республико Сало». Забастовочное движение, которое началось уже в осенние месяцы 1943 г., продолжалось на всем протяжении существования неофашизма. Порой оно выливалось в массовые антифашистские выступления, как это было весной 1944 г., в других случаях разбивалось на сотни отдельных стачек. Но не было момента, когда итальянские промышленники и неофашистские власти не испытывали бы враждебного отношения трудящихся.

Когда министр труда неофашистского «правительства» отправился в Турин для выявления возможности социализации заводов ФИАТ, он был вынужден доложить Муссолини, что результаты визита «не были обнадеживающими». Для того чтобы «практически прозондировать настроения масс», министр решил провести выборы в заводскую комиссию, которая должна была бы участвовать в разработке проекта социализации. Несмотря на старания фашистских организаций, число служащих, принявших участие в голосовании, оказалось не более 30—40%, а рабочих — менее 10%. При этом, докладывал министр, «половина бюллетеней как рабочих, так и служащих оказались незаполненными, а в другой половине наряду с именами кандидатов фигурировали различные надписи» [88].

Социальная демагогия «республики Сало» не была оригинальной находкой неофашистского режима. Подавляющая часть марионеточных правительств, созданных в оккупированных Гитлером

---

[87] *Colotti E.* L'amministrazione tedesca dell'Italia occupata. Milano, 1963, p. 158.

[88] *Deakin F. W.* Op. cit., p. 730.

странах Европы, громко заявляла о своем стремлении «обновить» и «оздоровить» национальную жизнь. Положение Муссолини от прочих прислужников Гитлера отличала необходимость определить отношение «обновленного» фашизма к старому, объяснить причины прошлых неудач и оправдать себя перед историей.

Непосредственными виновниками падения фашистского режима сразу же были объявлены король и фашисты-диссиденты. Те из них, кто оказался в руках Муссолини, были осуждены и казнены осенью 1943 г. Одновременно с явной целью обелить себя Муссолини начал публиковать нечто вроде анонимных мемуаров под названием «История одного года». Он упоминал о себе в третьем лице и в апологетике собственной персоны прибегал к самым бесстыдным фальсификациям. Муссолини утверждал, что превратил Италию в «центр мировых идеалов», страну, которая «прививала человечеству свою доктрину, свою веру, свой стиль жизни, безупречно совершенную концепцию индивидуальности, общества и нации» [89].

Разумеется, Муссолини отрицал существование внутренних причин падения фашистского режима. Совершенно не считаясь с фактами, он писал, что фашизм пал исключительно под тяжестью военных поражений. При этом виновниками поражения, которое понесла Италия, были не только король и «предатели фашисты». По словам Муссолини, в этом были виноваты все итальянцы, не оправдавшие его надежд: «Что можно сказать о народе, который так быстро, можно сказать истерически, меняет свое настроение?»,— комментировал он антифашистские демонстрации после 25 июля 1943 г.[90]

Говоря о проектах социализации, он настойчиво проповедовал мысль о том, что социальная доктрина неофашизма представляет собой «шаг вперед» по отношению к старому фашизму. Бывший дуче подчеркивал, что этот путь разрешения социальной проблемы якобы составляет альтернативу «плутократическому капитализму и социализму» [91]. В действительности же это были слегка подновленные демагогические лозунги, которые итальянский фашизм уже выдвигал в начале 20-х годов для того, чтобы вскоре отбросить их.

Словесная эквилибристика Муссолини не в силах была скрыть фальшь социально-идеологического содержания неофашистской «республики» и лишь демонстрировала его стремление любой ценой удержаться на поверхности. Жизнь неофашистской «республики» становилась все эфемернее.

Разгром гитлеровской Германии, армии которой отступали под ударами советских войск, становился все очевиднее. В самой Италии англо-американская армия, остановившаяся зимой на полпу-

[89] *Giudice G.* Mussolini. Torino, 1969, p. 664.
[90] Storia di un anno in «Opera omnia di B. Mussolini», v. XXXIV. Firenze, 1961, p. 339—391.
[91] *Giudice G.* Op. cit., p. 659—666.

ти между Неаполем и Римом, возобновила продвижение на север и в начале июня вступила в столицу. Освобождение Рима стало не только военным, но и важным политическим событием. В соответствии с ранее достигнутой договоренностью король Виктор-Эммануил отрекся от трона, и официальным главой государства стал королевский наместник принц Умберто. Одновременно подал в отставку маршал Бадольо, и новое правительство возглавил антифашистский деятель И. Бономи. В его правительство вошли представители всех антифашистских партий, в том числе и коммунисты. Хотя деятельность нового правительства была поставлена под жесткий контроль англо-американской военной администрации, сам факт создания правительства антифашистских сил послужил толчком к развитию демократической жизни и усилению борьбы против остатков фашизма на территории Италии.

Движение Сопротивления зародилось в Италии сразу же после начала гитлеровской оккупации, в сентябре 1943 г. Инициативу в организации вооруженных отрядов проявили антифашистские партии, прежде всего коммунистическая и партия действия, образовавшаяся на основе движения «Справедливость и свобода». Именно они создали первые отряды в горах, которые стали наносить удары по гитлеровским оккупантам и формированиям «республики Салó». В то же время были образованы политические органы руководства антифашистской борьбой — комитеты национального освобождения. Они состояли из представителей основных антифашистских партий — коммунистической, социалистической, партии действия, христианско-демократической и либеральной.

К лету 1944 г. партизанские отряды в Северной и Центральной Италии насчитывали в своих рядах 50—60 тыс. человек и представляли собой грозную силу. Более половины из них составляли отряды имени Гарибальди, созданные коммунистами.

Мощным стимулом расширения антифашистской борьбы на оккупированной территории послужила всеобщая мартовская забастовка, проведенная по инициативе коммунистической партии. В истории Италии не было столь единодушных выступлений трудящихся. Подготовка этой забастовки напоминала открытое объявление войны фашизму трудящимися Северной Италии. Ею руководил специально созданный комитет, в который вошли представители крупнейших предприятий. В отличие от мартовских забастовок 1943 г., когда предприятия втягивались в борьбу постепенно, в марте 1944 г. одновременно прекратили работу около миллиона человек. Итальянские фашисты были так напуганы, что почти нигде не посмели открыто выступить против рабочих и предпочли укрыться за спиной гитлеровской военной администрации.

Подводя итоги мартовским выступлениям, подпольная газета коммунистов «Ла ностра лотта» писала: «Всеобщая забастовка 1—9 марта приобрела национальное и международное значение,

которое намного превосходит непосредственные цели, для достижения которых она проводилась. Она указала путь, по которому следует идти, когда в ближайшем будущем в Италии и во всем мире произойдут решающие битвы за уничтожение фашизма и освобождение народов» [92]. Так же как мартовские забастовки 1943 г. послужили прелюдией к падению диктатуры Муссолини, движение в марте 1944 г. открыло дорогу национально-освободительной войне. В летние месяцы 1944 г. партизанская армия наносила непрерывные удары по фашистам. С июня 1944 г. по 30 марта 1945 г. партизаны уничтожили в Италии 16 380 гитлеровцев и итальянских фашистов, ранили 10 536 человек, провели 6449 операций и 5571 акт саботажа, уничтожили 230 паровозов и 760 вагонов, взорвали 276 мостов, уничтожили или привели в негодность 237 самолетов [93].

В результате партизанского наступления в ряде областей власть фашистской администрации сохранялась лишь номинально. Росло число освобожденных районов, полностью контролируемых партизанами. Гитлеровский главнокомандующий в Италии Кессельринг признавался в своих мемуарах: «После оставления Рима (июнь 1944 г.) произошло усиление партизанской деятельности в совершенно неожиданных для нас масштабах... С этого момента партизанское движение превратилось для немецкого командования в реальную опасность, и его ликвидация стала задачей первостепенной важности» [94].

Несмотря на то что все силы «правительства» Муссолини и значительная часть германской армии были брошены против партизан, итальянские патриоты, действовавшие при широкой поддержке населения, прочно удерживали в своих руках инициативу. Лишь внезапное прекращение наступления англо-американских войск в октябре 1944 г. и зимние холода заставили партизанскую армию сократить масштабы действий и временно перейти к обороне. Однако было ясно, что гитлеровская оккупация Италии подходит к концу и дни итальянского неофашизма сочтены.

В декабре 1944 г. Муссолини после долгого молчания выступил в Милане с большой речью. Это оказалось его последним политическим выступлением, и оно как бы подвело итоги истории неофашизма в Северной Италии. Муссолини был вынужден признать, что многие обещания, начиная с созыва Учредительного собрания, не были выполнены, и оправдывал это необходимостью направлять все усилия на создание вооруженных сил. Более того, по сути дела он сказал, что неофашизму не удалось создать государства в полном смысле этого слова, оно ограничилось практиче-

[92] Цит. по: *Secchia P., Frassati F.* Storia della Resistenza, v. I. Roma, 1965, p. 478.

[93] *Секкья П.* Итальянские коммунисты и Сопротивление.— «Новая и новейшая история», 1963, № 3, с. 107.

[94] *Kesselring A.* Memorie di guerra. Milano, 1954, p. 252.

ски созданием армии, которая была почти целиком поглощена ведением гражданской войны. Это было признанием силы антифашистского движения и краха попыток возродить итальянский фашизм под прикрытием штыков немецкой армии.

Уже в январе 1945 г. итальянские патриоты начали подготовку к решительному наступлению. В течение февраля и марта численность партизанской армии быстро возрастала и достигла 130 тыс. В начале апреля руководство ИКП направило гарибальдийским отрядам обращение, в котором указывало, что час решающей битвы настал: «Советская Армия готовится на Одере нанести последний удар гитлеровской Германии. Мы также должны развернуть решительное наступление. Речь идет уже не об усилении партизанской борьбы, а о начале восстания» [95].

25 апреля итальянские патриоты вступили в решающую схватку с фашизмом. Как и следовало ожидать, вооруженные силы «республики Сало» не оказали значительного сопротивления. Муссолини и его приспешники попытались бежать в Германию, однако были захвачены патриотами. По приговору Комитета национального освобождения Северной Италии Муссолини и другие фашисты были расстреляны на берегу озера Комо.

Ко времени капитуляции германской армии в Италии, о которой было объявлено 2 мая 1945 г., большинство городов северной части страны было уже освобождено итальянскими патриотами.

Военные авантюры фашистской диктатуры стоили Италии громадных жертв: более 450 тыс. человек было убито и пропало без вести. В результате военных действий, проходивших на территории страны, а также бомбардировок, сначала англо-американской, а затем немецкой авиации, было выведено из строя $^1/_5$ всех предприятий, $^1/_4$ всех железных дорог и $^1/_3$ мостов. Италия лишилась $^9/_{10}$ своего морского флота, а 90% портовых сооружений оказались разрушенными [96].

Итальянские патриоты, заслуженно гордясь победой, с надеждой смотрели в будущее. Их вклад в антифашистскую борьбу трудно переоценить.

Значение движения Сопротивления в истории Италии XX в. столь велико, что для его обозначения часто используется термин «второе Рисорджименто». Разумеется, этот термин, подчеркивая сопоставимость по масштабу двух исторических событий, не означает их тождественности. Движение Сопротивления, так же как и Рисорджименто, было борьбой за независимость, свободу и социальный прогресс. Однако эти движения не только принимали различные формы и преодолевали различные препятствия, но ими руководили различные социальные силы. Характерным для внутреннего содержания итальянского Сопротивления, по опреде-

---

[95] Per la liberta e l'indipendenza d'Italia. Roma, 1946, p. 275.

[96] История Италии, т. III. М., с. 235; *Romeo R.* Breve storia della grande industria in Italia. Bologna, 1972, p. 217.

лению П. Тольятти, было «появление и утверждение нового руководящего класса, находящегося во главе всей нации» [97]. Рабочий класс, обладавший хорошо организованной политической партией, безусловно, был ведущей силой движения.

Результаты, достигнутые движением Сопротивления в демократизации итальянской жизни, были весьма значительными. Самыми важными завоеваниями национально-освободительной войны явились установление в Италии республиканского строя и утверждение демократической конституции. Весьма существенные изменения, вызванные приходом в политическую жизнь миллионных масс населения, объединенных в политические партии и профсоюзы, произошли также в социально-политической структуре итальянского общества. Крах фашизма и движение Сопротивления привели в действие такие народные силы, само присутствие которых послужило социальному и политическому обновлению страны.

---

[97] См. вступительную статью П. Тольятти к кн.: *Баталья Р.* История итальянского движения Сопротивления, с. 8.

Глава четвертая

ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА ДО МЮНХЕНСКОГО ПУТЧА 1923 г.

ГЕРМАНИЯ ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ 1918 г. И ПОЯВЛЕНИЕ ФАШИЗМА

Фашистское движение в Германии возникло в обстановке резкого обострения социальных противоречий и высокого накала классовой борьбы. Первая мировая война была проиграна германским империализмом. Однако империализм и милитаризм, хотя и ослабленные, сохранили свои позиции. На Веймарскую республику реакционная буржуазия смотрела как на вынужденный шаг, как на временное явление, рассчитывая в дальнейшем реставрировать монархию.

Грабительский Версальский договор, навязанный Германии Антантой, еще более осложнил экономическое и политическое положение страны. Антанта заставила Германию подписать такой мир, который, по определению В. И. Ленина, поставил ее «в условия материальной невозможности экономического существования, в условия полного бесправия и унижения»[1]. Согласно договору, территория Германии уменьшилась на $^1/_8$, население — без малого на $^1/_{10}$; в результате значительно сократились запасы полезных ископаемых, количество выращиваемого в стране хлеба и картофеля, поголовье рогатого скота.

Германия лишилась своих колоний. Она обязалась возместить весь ущерб, нанесенный противникам. Однако общая сумма репараций не была установлена — ее должна была позднее определить специальная комиссия из представителей государств Антанты. Германская сухопутная армия сокращалась до 100 тыс. человек и должна была строиться на основах добровольности.

Антанта добилась значительного экономического ослабления своего опасного конкурента. В то же время силы немецкой буржуазии были сохранены настолько, что она была в состоянии справиться с германским рабочим движением и стать бастионом в борьбе империалистов против Советской России. Союзники не препятствовали существованию нелегальных военных соединений — так называемого черного рейхсвера — и полувоенных отрядов, создававшихся при реакционных, националистических организациях. Борьба по вопросу о дальнейшей судьбе Германии,

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 218.

развернувшаяся между странами-победительницами, намного упростила задачу германских империалистов.

Страна была разорена, и вследствие этого послевоенный экономический кризис особенно сказался на Германии. Промышленное производство, в 1921—1922 гг. несколько превысившее половину уровня предвоенного, 1913 года, осенью 1923 г. упало до $^1/_5$ последнего [2]. Нехватка угля, вызванная поставками по репарациям, резкое уменьшение добычи сырья привели к закрытию многих предприятий.

Версальский договор обострил национальный вопрос: трудящиеся оказались под двойным ярмом — германских и иностранных империалистов. Немецкая буржуазия ловко использовала антиверсальские настроения масс для разжигания шовинистического угара, чтобы отвлечь рабочих от борьбы против их главного врага — германского империализма — и идеологически подготовить новую войну.

Коммунистическая партия противопоставила этой националистической программе свою, основанную на принципах пролетарского интернационализма, концепцию избавления Германии от гнета империалистического Версальского мира. Она была изложена уже в мае 1919 г. в листовке «За пролетарский мир!» [3], а также в тезисах ЦК КПГ о Версальском мирном договоре [4].

В условиях послевоенного кризиса обострилась борьба двух группировок в правящих кругах Германии. Обе они преследовали общие цели как во внутренней, так и во внешней политике: сохранение господства капиталистов и юнкеров, осуществление захватнических империалистических планов. Борьба между ними шла по вопросу о путях и методах достижения этих целей.

Ультрареакционная группировка считала, что для укрепления капиталистического строя необходимо применять методы грубого насилия, беспощадно подавлять массовое рабочее движение, ликвидировать парламентский строй, установить открытую террористическую диктатуру и продолжать агрессивную внешнюю политику. Умеренная группировка империалистов полагала, что прусские методы при новом соотношении сил устарели, способны еще более обострить положение в стране: Эта группировка считала необходимым для укрепления господства монополий и юнкерства применить более гибкую тактику: сохранить парламентский строй, вместо прямого подавления рабочего движения разложить его изнутри подачками и посулами, купить верхушку рабочих и при помощи правых лидеров социал-демократии расколоть рабочий класс, отвлечь его от революционной борьбы. Во внешней политике — также проявить бо́льшую гибкость и осторожность,

---

[2] Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг., т. I. М., 1937, с. 360—361.

[3] Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. VII, I. Hlbd. Berlin, 1966, S. 81—86.

[4] «Die Internationale», 1919, H. 2-3, S. 28—32.

мирными декларациями тщательно замаскировать свою агрессивную политику [5].

В условиях революционного подъема 1919—1923 гг. главной заботой монополистических кругов было подавление освободительного движения масс и упрочение капиталистического строя. Осуществление крупных внешнеполитических задач временно отодвигалось на задний план; для этого еще не было возможностей и не хватало средств. Но деятельность многочисленных реакционных организаций, действовавших под флагом антиверсальского национализма, всячески поощрялась.

Наряду с существовавшими еще с конца XIX в. многочисленными партиями расистского и пангерманского толка, вошедшими в историю Германии под общим собирательным термином «фёлькише», возник ряд новых националистических политических организаций, военных и полувоенных союзов, добровольческих контрреволюционных корпусов. Эти организации призваны были стать массовой базой германского империализма и милитаризма [6]. Они были связаны с монополистическим капиталом и рейхсвером. При помощи антикоммунистических и антиверсальских лозунгов эти организации старались оказать влияние на всех недовольных республикой — разорившихся мелких буржуа, демобилизованных солдат и офицеров. В шовинистической, расистской пропаганде «фёлькише» видное место занимал антисемитизм [7].

Одной из организаций «фёлькише» была фашистская партия, основанная 5 января 1919 г. в Мюнхене. В демагогических целях она назвалась Германской рабочей партией, а в феврале 1920 г. переименовала себя в Национал-социалистскую немецкую рабочую партию — НСДАП (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei — NSDAP) [8].

Историки спорят по вопросу о периодизации истории национал-социалистской партии. Некоторые устанавливают два периода: от возникновения нацистской партии в 1919 г. до прихода Гитлера к власти в 1933 г.; от установления фашистской диктатуры в 1933 г. до разгрома фашизма в 1945 г.[9] Другие счита-

[5] См.: *Эггерт З. К.* Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны. М., 1957, с. 670—672; *Ruge W.* Deutschland von 1917 bis 1933. Berlin, 1967; *Idem.* Weimar-Republik auf Zeit. Berlin. 1969.

[6] См.: *Норден А.* Уроки германской истории. М., 1948; *Абуш А.* Ложный путь одной нации. М., 1962; *Генри Э.* Гитлер против СССР. М., 1938; *Розанов Г. Л.* Германия под властью фашизма. М., 1961; *Галкин А. А.* Германский фашизм. М., 1967; *Гинцберг Л. И.* На пути в имперскую канцелярию. М., 1972; *Ерусалимский А. С.* Германский империализм: история и современность. М., 1964 и др.

[7] *Besser J.* Die Vorgeschichte des Nationalsozialismus im neuen Licht.— «Die Pforte», 1950, H. 2, S. 766—767.

[8] *Weissbecker M.* Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei.— In: Die bürgerlichen Parteien in Deutschland, Bd. 2. Leipzig, 1970, S. 384—437.

[9] *Heiden K.* Geschichte des Nationalsozialismus. Berlin, 1932; *Schäfer S.* NSDAP. Entwicklung und Strukture der Staatspartei des Dritten Reiches. Hannover — Frankfurt a. M., 1956.

ют необходимым установить три периода: от возникновения нацистской партии до гитлеровского путча в Мюнхене (1923 г.); от возобновления ее деятельности в 1925 г. (после временного запрета) до прихода к власти (январь 1933 г.); с 1933 г. до разгрома гитлеровской Германии [10]. Сторонники этой периодизации отмечают, что если до 1923 г. тактика нацистов заключалась в том, чтобы при помощи вооруженного государственного переворота свергнуть правительство «ноябрьских преступников» и таким путем установить террористическую фашистскую диктатуру, то после провала путча 1923 г. нацистская партия вынуждена была изменить свою тактику, приспосабливая ее к легальным условиям, ограниченным рамками Веймарской конституции. К принципу деления истории нацизма на три периода склоняются большинство исследователей данной проблемы [11].

Германская рабочая партия возникла в Мюнхене в результате слияния двух крайне реакционных малочисленных политических организаций — Свободный немецкий комитет борьбы за немецкий мир и Политический рабочий кружок. Первая организация была создана в марте 1918 г. слесарем А. Дрекслером и предназначалась для борьбы с прогрессивным крылом профсоюзов, вторая — была основана журналистом К. Харрером и являлась филиалом тайной организации «фёлькише» — Общества Туле. В это общество входили многие будущие видные деятели нацистской партии.

Весной 1919 г. в Мюнхене свирепствовали контрреволюционные общества и военизированные союзы, потопившие в крови Баварскую советскую республику. По сравнению с другими землями Германии Бавария была менее развита в промышленном отношении, там преобладало среднесословное крестьянство. Сепаратизм и партикуляризм, сильное влияние монархистских элементов — все это привело к поляризации классовых сил, к росту различных националистических организаций и союзов, объединенных антикоммунизмом, антисоветизмом и ненавистью к «ноябрьским преступникам», к «красному Берлину».

Германская рабочая партия насчитывала в то время всего 40 человек. Организаторы НРП — наиболее крайнее крыло «фёлькише» — ставили перед фашистской партией задачу: всеми средствами заманить в свои сети хотя бы часть рабочих, без которых в Германии было немыслимо создать массовую базу для ультрареакционной группировки монополистического капитала.

Применяя шовинистическую и социальную демагогию, Дрекслер привлек в пивную, где состоялось первое организационное собрание НРП, несколько десятков мелких буржуа, а также кое-кого из рабочих паровозоремонтных мастерских, где он тогда работал. Это были мастера, контролеры и т. д. Но в своем подав-

[10] *Bullock A.* Hitler. Düsseldorf, 1961; *Shirer W.* Aufstieg und Fall des Dritten Reiches, Bd. I. München, 1963.

[11] *Banaszkiewicz J.* Powstanie partii hitlerowskiej. Poznań, 1968, s. 75—76.

ляющем большинстве НРП и тогда, и позднее состояла из представителей средних слоев. К осени 1919 г. в нее по заданию командования рейхсвера вступили офицеры, унтер-офицеры и солдаты [12]. Среди них были австриец по происхождению, осведомитель и демагог по призванию ефрейтор Адольф Гитлер [13], капитан Эрнст Рем, служивший в штабе военного округа и сыгравший в эти годы чрезвычайно большую роль в судьбе НРП.

В начале 1920 г. НРП насчитывала 190 человек, но для обмана общественности список членов партии начинался не с единицы, а с номера 500. Социальный состав ее выглядел так: ремесленники и представители рабочей аристократии — 33%, свободные профессии — 14,5, чиновники и работники умственного труда — 14, офицеры — 13, купцы — 12, студенты — 7, владельцы магазинов — 4, неквалифицированные рабочие — 2,5%. В руководство НРП входили К. Харрер, А. Дрекслер, Д. Эккарт; вскоре к ним присоединились Г. Эссер и А. Гитлер [14]. Постепенно военные во главе с Гитлером захватывают руководящие посты и оттесняют основателя НРП Дрекслера на задний план.

До начала 1920 г. партия росла медленно и в политической жизни играла небольшую роль. Положение изменилось после того, как ее стал опекать рейхсвер и у НСДАП появились средства, необходимые для развертывания пропаганды в массах. Гитлер, руководивший пропагандой НСДАП, выступал почти на каждом публичном собрании партии. Его подстрекательские провокационные речи действовали на слушателей чрезвычайно возбуждающе. Обычным явлением на нацистских сборищах были скандалы, избиения несогласных. Это входило в планы главарей, стремившихся, чтобы о них во что бы то ни стало узнала общественность.

24 февраля 1920 г. в пивной «Гофбройхауз» состоялось первое массовое фашистское собрание, в котором участвовало 2 тыс. человек; здесь была провозглашена программа партии, состоявшая из 25 пунктов, которые Гитлер выработал совместно с Федером и Дрекслером. Под шум и шиканье группы противников нацизма Гитлер зачитал программу [15]. В ней содержались такие пункты, как борьба против «процентного рабства», обеща-

---

[12] *Banaszkiewicz J.* Op. cit., s. 187—188; *Franz-Willing G.* Die Hitlerbewegung. Der Ursprung. 1919—1922. Hamburg, 1962, S. 126.

[13] Настоящая фамилия — Шикльгрубер.

[14] В государственном архиве Баварии обнаружены донесения Гитлера о деятельности нацистской партии, об источниках ее финансирования. Документы свидетельствуют о том, что Гитлер был тайным осведомителем рейхсвера, а не политофицером, как он о себе писал в «Майн кампф». Обязанности шпика он исполнял в течение длительного времени. Кроме того, Гитлер по поручению командования выступал с «лекциями». За свою деятельность он регулярно получал денежное содержание в рейхсвере (см.: *Deuerlein E.* Hitlers Eintritt in die Politik und die Reichswehr.— «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», 1959, N 2).

[15] *Feder G.* Das Programm der NSDAP und seine weltanschaulichen Grundgedanken. München, 1932, S. 19—22.

ние земли — крестьянам, участие в прибылях капиталистических предприятий — рабочим, уничтожение универсальных магазинов и избавление от конкурентов-евреев — мелким лавочникам. Демагогический характер имели требования полной конфискации прибылей военных спекулянтов, создания «здорового среднего сословия», передачи государству находящихся в общественной собственности предприятий (трестов); программа опиралась на лживое разграничение «хищнического» и «созидательного» капитала. На деле нацистская пропаганда была направлена не против капитализма, как такового (это, писал Гитлер, подорвало бы экономику страны), а против «недостатков» отдельных капиталистов [16].

Фашистская идеология, подчеркивал П. Тольятти, эклектична. Но крайний национализм — повсюду составная часть идеологии всех фашистских движений. В Германии эта особенность была выражена еще сильнее, потому что немцы — нация, потерпевшая поражение в войне, и национализм представлялся там наиболее подходящим средством для объединения широких масс. Наряду с национализмом в этой идеологии имелись и многочисленные заимствования из других идеологий [17].

Реакционный философ, певец «заката Европы» О. Шпенглер, идеологический предшественник фашизма, «подарил» нацистам идею отождествления пруссачества с ... социализмом. «Не Маркс, уверял Шпенглер,— а Фридрих-Вильгельм I был первым немецким социалистом». А другой прямой предтеча германского фашизма, Меллер ван ден Брук, связывал воедино захватническую политику с «социализмом». Его кредо — социализм может быть осуществлен в Германии только на путях империализма — было заимствовано нацистами [18].

Если взгляды нацистов на развитие общества можно определить как вульгарный дарвинизм, то их взгляды на внешнюю политику сложились под влиянием геополитиков, причем из геополитики они заимствовали прежде всего теорию «жизненного пространства» — сердцевину фашистской идеологии агрессии и разбоя. Так называемое право на «жизненное пространство» нацисты признавали лишь за арийской расой. Разоблачая демагогию гитлеровцев, Э. Тельман справедливо писал: «Фашисты (национал-социалисты) утверждают, будто они являются «национальной», «социалистической» и «рабочей» партией. Мы отвечаем на это, что они представляют собой антинародную, антирабочую, антисоциалистическую партию; партию крайней реакции, эксплуатации и порабощения трудящихся...» [19]

НСДАП возникла как боевая фашистская организация, ударный кулак, направленный против революционного движения. Но таких организаций было много. Почему же именно нацистская

[16] *Галкин А. А.* Указ. соч., с. 348—349.
[17] См.: *Тольятти П.* Лекции о фашизме. М., 1974, с. 16.
[18] См.: Германская история в новое и новейшее время, т. 2. М., 1970, с. 181.
[19] *Тельман Э.* Избранные статьи и речи, т. II. М., 1958, с. 371.

партия отвечала интересам ультрареакционных сил монополистического капитала больше, чем другие националистические боевые организации? Дело в том, что НСДАП одновременно с боевыми задачами ставила перед собой задачу завоевания мелкобуржуазных масс, превращения в массовую партию.

В декабре 1920 г. Гитлер на полученные от рейхсвера и от промышленников 120 тыс. марок приобрел газету «Фёлькишер беобахтер», которая стала рупором нацистов. «То, чего можно добиться при помощи бумажных пуль,— говорил Гитлер,— не надо будет впоследствии завоевывать при помощи стальных» [20].

В тот период нацистов финансировали прежде всего хозяева баварских фирм [21]. Но уже в начале 20-х годов Гитлера начали поддерживать капитаны тяжелой промышленности Тиссен, Борзиг и др.[22] В октябре 1923 г. Тиссен вручил фашистской партии 100 тыс. золотых марок. Концерн Ройш-Ганиель передавал нацистам значительные средства через генерала Людендорфа.

Крупную роль в финансировании НСДАП играл Э. Гансер, прозванный первым гитлеровским министром финансов. Гансер передал нацистам 35 тыс. швейцарских франков. При его содействии Гитлер в мае 1922 г. впервые получил возможность выступить с докладом о задачах нацизма в берлинском Национальном клубе. Значительные средства поступали от юнкеров. Нацистская партия поддерживала контакты с американским миллионером Генри Фордом, с банкирами ряда других стран [23]. Этот далеко не полный список подтверждает, что вдохновителями НСДАП были крупные капиталисты и обнаруживает классовый характер нацизма.

В марте 1920 г. реакционные круги предприняли попытку военного монархического переворота в целях ликвидации Веймарской республики. Мятежники, возглавлявшиеся ставленником остэльбского юнкерства Каппом, стремились к подавлению рабочего класса, к разгрому его организаций и установлению открытой милитаристской диктатуры под знаменем национализма, антикоммунизма и реваншизма. На рассвете 13 марта морская бригада Эрхарда, не встретив сопротивления, вступила в столицу и расположилась лагерем у Бранденбургских ворот. К мятежникам примкнули некоторые части рейхсвера. Правительственные учреждения и стратегические пункты были заняты войсками путчистов. Президент Эберт и правительство бежали из Берлина.

---

[20] Цит. по: *Кёнеман Э.* О роли ультрареакционных организаций в период Ноябрьской революции 1918 г. и в первые послереволюционные годы.— В кн.: Ежегодник германской истории 1974. М., 1975, с. 26.

[21] *Hallgarten G. W. F.* Hitler, Reichswehr und Industrie. Frankfurt a. M., 1962, S. 96, 125.

[22] *Гинцберг Л. И.* Указ. соч., с. 57.

[23] *Franz-Willing G.* Op. cit., S. 172—182; *Kruck A.* Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1939. Wiesbaden, 1954, S. 193; *Röhm E.* Geschichte eines Hochverräters. München, 1934, S. 179—180; *Weissbecker M.* Op. cit., S. 391—392.

В ответ на вооруженное выступление реакции рабочие объявили всеобщую политическую забастовку в защиту республики и оказали вооруженное сопротивление. Всего за 100 часов путч потерпел полное поражение [24]. Среди бумаг Каппа, с которым баварские националисты поддерживали тесные отношения, была найдена программа гитлеровской партии. Во время путча Гитлер как доверенное лицо баварского рейхсвера предпринял полет в Берлин; но самолет сделал вынужденную посадку, и его команда была задержана революционными рабочими. По этой причине Гитлер прибыл в Берлин, когда путч был уже ликвидирован [25].

Поражение каппистов еще раз убедило монополистов и юнкеров, насколько важно для стабилизации власти буржуазии создание собственной массовой базы. После капповского путча в нацистскую партию вступило значительное число военных из расформированных по требованию Антанты добровольческих корпусов [26]. Фашистское движение охватило ряд новых городов в Баварии и за ее пределами; нацистские группы были созданы, в частности, в Кельне, Дортмунде, Хемнице, Готе, Фрейбурге, Гамбурге, Кобленце, Бремене, Лейпциге. Там, где они по требованию прогрессивных сил запрещались, нацисты продолжали свою деятельность нелегально; полиция, как правило, смотрела на это сквозь пальцы.

Установление Гитлером близких контактов с проживавшим в Мюнхене генералом Людендорфом, пользовавшимся большим авторитетом среди националистов и военщины, способствовало новому усилению нацистской партии. В конце июля 1921 г. при помощи командования рейхсвера Гитлеру удалось полностью оттеснить своих конкурентов и стать фюрером партии с диктаторскими правами.

В соответствии с новым уставом НСДАП, утвержденным ее общим собранием 29 июля 1921 г., первый председатель должен был избираться на генеральном собрании партии. Это правило фактически игнорировалось, и Гитлер господствовал в ней бессменно и единолично. Правление партии играло при нем лишь роль совещательного органа [27]. Нацисты не желали сотрудничать с другими организациями «фёлькише» на равноправных началах, а требовали от всех, пожелавших этого сотрудничества, роспуска своих организаций, вступления в НСДАП и подчинения «фюреру». Из попыток объединить все организации «фёлькише» ничего не получилось.

Согласно новому уставу все организации НСДАП были перестроены по принципу фюрерства. Во главе их были поставлены

[24] См.: *Панкевич Ф. И.* Капповский путч в Германии. М., 1972; *Könnemann E., Krusch H. J.* Aktionseinheit contra Kapp-Putsch. Berlin, 1972; Arbeiterklasse siegt über Kapp und Lüttwitz. Quellen ausgewählt und bearbeitet von E. Könnemann, B. Berthold, G. Schulze, Bd. 1—2. Berlin, 1971.

[25] См.: *Кёнеман Э.* Указ. соч., с. 31.

[26] *Weissbecker M.* Op. cit., S. 385.

[27] Ibid., S. 390.

люди, которые были лично преданы Гитлеру, и введена жесткая дисциплина. Когда возникал вопрос о создании новой низовой группы НСДАП, решающим всегда было наличие в данном районе надлежащей кандидатуры на пост местного фюрера [28]. Новая структура НСДАП должна была, по замыслу Гитлера, содействовать подготовке свержения республиканского строя. Тому же, считал он, должна служить и вся пропагандистская деятельность нацистской партии.

В августе 1921 г. руководители НСДАП приступили к созданию собственной военной организации — штурмовых отрядов (СА), которые в целях конспирации первое время формировались под вывеской спортивного общества. Созданные в 1919 г. для личной охраны главарей НРП и ее собраний группы были реорганизованы. Первым командиром штурмовых отрядов НСДАП стал У. Клинч, участник убийства Эрцбергера. Одним из источников пополнения СА был Союз молодежи, основанный в 1922 г.

Нацисты создали специальные группы агитаторов, которые на украшенных фашистскими лозунгами грузовиках, мотоциклах, велосипедах разъезжали по городам и деревням, устраивали националистические, антиправительственные манифестации, распространяли фашистскую литературу, расклеивали плакаты и чинили дебоши в общественных местах. Гитлер придавал большое значение созданию специального знамени, значков, нарукавных повязок, форме приветствия, форме одежды и т. д. Летом 1921 г. был утвержден проект знамени НСДАП — на красном полотнище белый круг, в центре которого — черная свастика.

Политический бандитизм, убийства из-за угла по приговорам тайного судилища, которые имели место на протяжении всей истории фашизма, характеризуют методы борьбы нацистских боевиков. Наряду с резиновыми палками и пистолетами в руках гитлеровских погромщиков появляются бомбы и гранаты. Фашисты нападали не только на рабочие клубы, профсоюзы, редакции газет, но и на целые рабочие поселки. Так было в октябре 1922 г., во время проведения нацистами так называемого «дня Германии», когда Гитлер во главе 800 штурмовиков напал на небольшой баварский город Кобург. Гитлеровские молодчики атаковали антифашистскую рабочую демонстрацию, избивали прохожих, пускали в ход гранаты, бомбы. Кровавые погромы в Кобурге продолжались два дня при полном бездействии полиции.

Поход Муссолини на Рим содействовал повышению интереса к фюреру баварских нацистов, который призывал к походу на «красный Берлин». Г. Эссер, который фанатично верил в звезду обер-бандита Гитлера и связал с ним свою судьбу, писал: «Незачем подражать итальянскому Муссолини, у нас имеется свой немецкий Муссолини — Адольф Гитлер» [29].

---

[28] *Banaszkiewicz J.* Op. cit., s. 417.

[29] См.: *Гейден К.* История германского фашизма. М., 1935, с. 89.

ФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И БОРЬБА ПРОТИВ НЕГО В 1923 г.

Бурный 1923 год ознаменовался оккупацией Рура французскими и бельгийскими империалистами, обострением до предела экономического и политического кризиса. «Рурская война» не только привела Германию на край национальной катастрофы, но и стала исходным пунктом огромных социальных потрясений. В этих условиях нацистская шовинистическая и социальная демагогия нашла сильный отклик у некоторой части мелкой и средней буржуазии.

Пролетарские массы, руководимые компартией, видели свою задачу в социальном и национальном освобождении Германии. Острые революционные бои трудящихся были направлены как против иноземных оккупантов, так и против германских монополистов и юнкеров. Коммунисты выступали против реакции, против сепаратистов, стремившихся при помощи оккупантов расчленить Германию, за создание рабоче-крестьянского правительства. Рабочий класс и передовые представители других слоев трудящихся во главе с коммунистами были единственными, кто оказывал отпор фашистам, наглевшим с каждым днем. В борьбе против фашизма КПГ руководствовалась советами В. И. Ленина и решениями Коминтерна.

Нацистская пропаганда на все лады повторяла: «Наша главная цель — борьба с большевизмом», с внутренним врагом (т. е. революционным рабочим движением). Но нацистское движение было направлено и против буржуазной демократии, стремилось к установлению открытой террористической диктатуры. Речь шла не о простой замене одного буржуазного правительства другим, а о введении реакционного террористического режима и ликвидации демократии вообще.

Выступая в январе 1923 г., через несколько дней после того как французская армия оккупировала Рур, Гитлер кричал с трибуны: «Нет! Не долой Францию... должен быть наш лозунг — Долой предателей отчизны — долой ноябрьских преступников!» [30]. Это отличало нацистов от других националистических групп, которые считали необходимым направить все национальные силы на борьбу с иноземными захватчиками. Это, однако, не помешало фашистам скрыто поддерживать движение пассивного сопротивления против оккупантов и даже обвинить имперское правительство в том, что оно тормозит борьбу против них [31].

Первый всегерманский съезд национал-социалистской партии, состоявшийся 27—28 января 1923 г., не внес никаких изменений в главное направление фашистской пропаганды. Вопрос о задачах НСДАП в связи с «рурской войной» даже не обсуждался. Внима-

---

[30] Цит. по: *Heiden K.* Adolf Hitler, Bd. I, S. 342.
[31] *Bullock A.* Hitler, S. 95.

ние съезда было приковано к подготовке насильственного свержения имперского правительства. Публичное обсуждение этого вопроса несколько озадачило даже баварские власти, которые сами вели политическую борьбу против центрального германского правительства и поддерживали нацистов, но предпочитали такие вопросы обсуждать конфиденциально [32].

Во время съезда состоялось много митингов, манифестаций и парадов боевых организаций НСДАП. В параде штурмовых отрядов на Марсовом поле в Мюнхене 28 января приняло участие 6 тыс. человек. Гитлер участвовал во всех этих мероприятиях, выступая с краткими речами, которые заканчивались призывом к борьбе с «предателями Германии» [33].

Рейхсвер вооружал и обучал штурмовые отряды, предоставлял им свои стрельбища и полигоны. В феврале 1923 г. фюрер назначил начальником штаба штурмовых отрядов Германа Геринга. Командирами низших звеньев (отделений, рот) СА и других военных организаций являлись бывшие офицеры добровольческих отрядов; многие из них стремились сохранить по отношению к нацистской партии самостоятельность. Но она была чисто иллюзорной, так как решали они самостоятельно только военно-технические вопросы.

Фашисты считали, что в СА «могут приниматься только такие люди, которые готовы беспрекословно подчиняться своим фюрерам и в случае, если этого потребует обстановка, драться не на жизнь, а на смерть» [34].

В течение 1923 г. сложился блок НСДАП с двумя крупными военными националистическими организациями — «Оберланд» и «Рейхсфлаге» («Имперский флаг»). Нацисты возглавили объединенный Немецкий боевой союз (Deutscher Kampfbund), ставивший своей задачей ликвидацию Веймарской республики и отказ от Версальского договора. Это способствовало расширению политического влияния НСДАП.

В канун 1 Мая 1923 г. Гитлер потребовал от баварского правительства запретить рабочую демонстрацию, а если рабочие все же организуют маевку, поручить нацистам ее разгон. Под этим предлогом руководство НСДАП обратилось к командующему частями рейхсвера в Баварии генералу Лоссову с просьбой выдать штурмовикам огнестрельное оружие; когда тот отказался удовлетворить просьбу, нацисты при помощи капитана Рема обманным путем вывезли несколько грузовиков с винтовками из армейских складов. Лоссов, однако, приказал вернуть оружие, и нацисты были вынуждены подчиниться. Оружие необходимо было им не только против рабочей маевки; Гитлер и его приспешники преследовали более широкие планы: они готовились к государственному перевороту, но в тот момент условия еще не благопри-

[32] См.: *Franz-Willing G.* Op. cit., S. 232—234.
[33] *Banaszkiewicz J.* Op. cit., s. 405.
[34] *Franz-Willing G.* Op. cit., S. 144.

ятствовали им. Рабочая маевка, несмотря на противодействие реакции, прошла с большим успехом [35].

Авантюризм и агрессивность фашистской партии и террор, проводимый ею, встревожили общественное мнение страны. Большое внимание растущей опасности фашизма уделяла Коммунистическая партия Германии. Расширяя политико-разъяснительную кампанию, партия в то же время возлагала особые задачи на пролетарские сотни, которые должны были давать отпор фашистским бандам, нападавшим на рабочие организации. Повсюду, особенно в Руре, возникло много антифашистских комитетов, охвативших коммунистов, социал-демократов и беспартийных рабочих [36].

По призыву компартии трудящиеся готовились к отпору реакции в день борьбы против фашизма — 29 июля. «Фашизм означает голод и нищету для трудящихся! Фашизм — это белый террор! Фашизм — это народное бедствие, война. Рабочие! Организуем 29 июля отпор фашизму»,— писала в те дни одна из газет коммунистической партии [37]. Накануне Антифашистского дня коммунисты обратились к СДПГ с предложением о единых действиях. Но это предложение было отклонено, как и предыдущие. Правые социал-демократы уговаривали рабочих, что против фашизма нужно бороться «оружием идейного воздействия». Коммунисты отвечали на это, что самые лучшие речи бессильны против пулеметов и ручных гранат фашистских громил. Господствующие круги превратили Баварию в крепость реакции, указывали коммунисты, «мы должны превратить Саксонию, Тюрингию и Гамбург в неприступные крепости пролетариата» [38].

Подготовка к международному Антифашистскому дню приняла широкие размеры. Буржуазия была встревожена. В день 29 июля по всей стране (за исключением Саксонии, Тюрингии, Вюртемберга и Бадена) были запрещены рабочие демонстрации под открытым небом. Правительство больше боялось революционно настроенных рабочих, чем фашистов. Эти меры вызвали бурю негодования среди рабочих, в том числе социал-демократов. Было решено наперекор запрету выйти 29 июля на улицу. По призыву компартии и революционных фабзавкомов во многих местах состоялись митинги и собрания, а там, где это было возможно, и демонстрации, в которых участвовали миллионы трудящихся [39]. Вот, к примеру, как проходил Антифашистский день в Гамбурге. Уже накануне, 28 июля, здесь начались массовые выступления. К полудню десятки тысяч рабочих заполнили центральные площади города. Вечером 28 июля Гамбург был объявлен на осадном положении. Однако боевой дух рабочих был настолько силен, что

[35] См.: *Гейден К.* Указ. соч., с. 103—105.
[36] «Die Rote Fahne», 5.VI 1923.
[37] «Hamburger Volkszeitung», 20.VII 1923.
[38] «Hamburger Volkszeitung», 6.VII 1923.
[39] *Vietzke S., Wohlgemuth H.* Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung 1933—1945. Berlin, 1964, S. 96.

и это их не остановило. В течение ночи тысячи коммунистов обошли рабочие кварталы, сообщая адреса новых сборных пунктов. Вместо трех общегородских митингов в центре города состоялись несколько сот летучих митингов-демонстраций непосредственно в рабочих кварталах. Тактический маневр рабочих сбил с толку полицию и раздробил ее силы. Полицейские не успевали разогнать митинг в одном пункте, как он возникал в другом [40].

Выступления трудящихся 29 июля обнаружили волю масс остановить наступление реакции и фашизма, они укрепили позиции компартии. На августовском пленуме ЦК КПГ 1923 г. были приняты Тезисы о борьбе с фашизмом, в которых говорилось, что «фашизм — это боевая организация крупного капитала», его финансируют промышленники, банкиры [41].

Нацисты были теснейшим образом связаны с государственным комиссаром Баварии Каром, стремившимся к ликвидации парламентского строя в Германии и полной независимости Баварии от имперского правительства, к реставрации баварской монархии. Кар самовольно вывел войска рейхсвера, расквартированные на территории Баварии, из подчинения имперскому правительству и подчинил их себе, что было явным нарушением конституции. Рейхсканцлер Штреземан, однако, заигрывал с Каром, видя в нем меньшее зло по сравнению с Гитлером и его фашистскими бандами.

Весь свой огонь баварские власти направляли против трудящихся: были запрещены забастовки, а их участники объявлялись изменниками родины, были распущены даже социал-демократические отряды самообороны.

Эти отряды были организованы социал-демократической организацией Баварии весной 1923 г. 23 сентября центральный орган СДПГ — «Форвертс» — в статье «Руки прочь от наших отрядов» писал, что роспуск отрядов означал бы выдачу с головой населения Баварии гитлеровским головорезам. «Форвертс» требовала роспуска и полного разоружения фашистов и других милитаристских организаций. Никакой власти произволу, говорилось в газете, вся власть — праву, все права — народу. Однако через несколько недель после этого баварские социал-демократы отступили от своих позиций и согласились с роспуском отрядов самообороны.

Фашистское движение осенью 1923 г. уже представляло серьезную опасность для общественной жизни. По данным министерства внутренних дел Германии, баварская организация национал-социалистской партии в течение 1923 г. значительно выросла, в ее рядах было много офицеров и унтер-офицеров рейхсвера [42]. Гитлеровцы попытались воспользоваться острой политической обстановкой в стране для ликвидации Веймарской республики и

[40] «Hamburger Volkszeitung», 30.VII 1923.
[41] «Die Rote Fahne», 10.VIII 1923.
[42] Das Kabinett Cuno. Boppard a. R., 1968, S. 473.

установления военно-террористической диктатуры. После того как имперское правительство разгромило рабочие правительства Саксонии и Тюрингии, расправилось с героями гамбургских баррикад, фашисты решили, что их час пробил [43]. Они опирались при этом на планы реакционного переворота, зревшие во влиятельных кругах промышленников и военщины.

«Реакция перешла в наступление по всему фронту,— говорилось в письме Северобаварского обкома КПГ всем партийным организациям от октября 1923 г.— В любой момент может произойти взрыв. Реакция с нетерпением ожидает дальнейших выступлений сепаратистов, чтобы оторвать Баварию от Германии. Борьба коммунистов затруднена тем, что компартию фактически загнали в подполье. Нашей первоочередной задачей является подготовка вооруженной защиты республики от посягательств реакции и подготовка масс ко всеобщей забастовке» [44].

В отчетном докладе южнобаварской организации КПГ, посланном 2 октября 1923 г. в Политбюро ЦК КПГ, сообщалось, что партийная организация фактически уже несколько дней находится на нелегальном положении. «Помещения компартии окружены полицией и войсками, которые производят обыски, диктатор Кар свирепствует. Политическое положение складывается так, как предсказывали коммунисты. Гитлер готовит поход на Берлин; коммунисты поставили перед собой задачу помешать этому» [45].

4 ноября 1923 г. на узком заседании ЦК КПГ было принято следующее обращение: «К сведению всех обкомов. По заслуживающим доверия сведениям ... фашистские банды ... собираются в поход на Берлин. ...Победа Гитлера будет означать полный разгром рабочего класса. Начните агитацию за объявление всеобщей забастовки. В случае похода фашистов на Берлин начать забастовку. О начале похода фашистов сообщим в телеграмме следующим условным сигналом: «Эмиль умер» («Emil gestorben»)... Необходимо немедленно по боевой тревоге поднять людей из «красных сотен». Однако начать вооруженную борьбу лишь там, где дойдет до открытых боев между оставшимися верными имперскому правительству частями рейхсвера и полиции, с одной стороны, и фашистами — с другой. *Вести огонь только по фашистам* (курсив наш.— *Авт.*). Оружие доставать везде, где только возможно. Всеобщую забастовку проводить и в том случае, если руководители СДПГ и АДГБ (реформистское объединение профсоюзов.— *Авт.*) не согласятся на ее проведение. Всеми

[43] Der Hitler-Putsch. Bayerische Dokumente zum 9. November 1923. Stuttgart, 1962, S. 762; Der Hitler-Prozess. München, 1924; *Berghan V. R.* Der Stahlhelm. Bund der Frontsoldaten 1918—1935. Düsseldorf, 1966; *Hirsch K.* Die Blutlinie. Ein Beitrag zur Geschichte des Antikommunismus in Deutschland. Frankfurt a. M., 1960; *Maser W.* Die Frühgeschichte der NSDAP. Hitlers Weg bis 1924. Frankfurt a. M., 1965.

[44] «Новая и новейшая история», 1976, № 3, с. 120.

[45] Там же.

средствами воспрепятствовать перевозке фашистов. На случай похода фашистов утверждается следующий текст плакатов для всех обкомов КПГ: «Фашистские банды маршируют на Берлин, с Эрхардом и Россбахом во главе. Их первым делом будет наступление на рабочих. Трудящиеся города и деревни, сопротивляйтесь! Создавайте немедленно комитеты действия и пролетарские сотни! Готовьтесь ко всеобщей забастовке против фашистского путча! Трудящиеся! Готовьте отпор! Единственным вашим спасением является совместная борьба!»[46].

1 ноября под давлением трудящихся масс социал-демократические министры в кабинете Штреземана потребовали прекращения осадного положения в Саксонии и посылки частей рейхсвера против баварских фашистов. Штреземан отказался выполнить их требования. Он заявил, что «красная Саксония» опаснее «правой Баварии». Саксония, продолжал Штреземан, никогда не оторвется от Германии, а в Баварии имеются сильные сепаратистские стремления, и поэтому с Баварией нужно уладить конфликт мирным путем. Тогда социал-демократические министры 2 ноября подали в отставку.

Однако через несколько дней обстановка настолько обострилась, что тот же Штреземан 5 ноября на заседании фракции Немецкой народной партии, касаясь положения в Баварии, заявил: «Ближайшая неделя покажет, осмелятся ли националистические союзы на открытое выступление. Одно уже сегодня ясно: если рейхсвер проявит нерешительность, эти группы могут победить. Тогда не исключено, что будет установлена диктатура националистов»[47]. В ту же ночь правительство Штреземана на экстренном заседании потребовало от командующего райхсвером генерала фон Секта, также игравшего с идеей диктатуры, привести армию в боевую готовность «для защиты империи», и он, взвесив все «за» и «против», подчинился.

Спустя три дня в Мюнхене раздались выстрелы, оповестившие о начале фашистского путча. Вечером 8 ноября в мюнхенской пивной «Бюргерброй» состоялось собрание представителей промышленности, банков и высшего чиновничества, на котором с программной речью выступил Кар. Во время доклада в зал в сопровождении вооруженных штурмовиков ворвался Гитлер и с револьвером в руках устремился к трибуне, на которой стоял Кар. У входа в зал штурмовики установили пулеметы. Выстрелив из пистолета вверх, Гитлер поднялся на трибуну и провозгласил начало «национальной революции». Он объявил президента и имперское правительство низложенными. Руководство политикой временного национального правительства, заявил Гитлер, он берет на себя, а генерал Людендорф принял на себя руковод-

---

[46] IML-ZPA, Fond KPD, Zentralkommitee, Sign. 3/3, Bl. 100—105.

[47] Цит. по: *Thimme R.* Stresemann und die Deutsche Volkspartei 1923—1925.— «Historische Studien», 1961, H. 382, S. 23.

ство армией. Пенер (бывший глава полиции Мюнхена) «назначался» министром-президентом Баварии с диктаторскими полномочиями, Кар — наместником Баварии, генерал фон Лоссов — имперским министром рейхсвера, полковник фон Зайсер — имперским министром полиции.

В Мюнхене была расклеена нацистская листовка следующего содержания: «Все виновники Ноябрьской революции — негодяи и объявляются вне закона. Каждый немец, кто разыщет Эберта, Шейдемана, Оскара Кона (известный социал-демократический деятель, депутат рейхстага.— *Авт.*), Пауля Леви (независимый социалист, бывший лидер КПГ.— *Авт.*), Теодора Вольфа (главный редактор либеральной газеты «Берлинер Тагеблатт».— *Авт.*) и их пособников, обязан доставить их живыми или мертвыми» [48].

Однако фашистский путч потерпел полную неудачу. Состоявшие ранее в тесной связи с путчистами Кар, Лоссов и другие отвернулись от нацистов. Правящие круги Баварии отказались от намерения маршировать на Берлин, чтобы совместно с Гитлером и Людендорфом принести «спасение для всей Германии». На процессе над Гитлером и его сообщниками, состоявшемся в 1924 г., Кар и Лоссов уверяли, что хотели, опираясь на решающие силы промышленности, сельского хозяйства и рейхсвер, лишь участвовать в давлении на Берлин [49].

Факты говорят, однако, что до ноября 1923 г. Кар и его сторонники готовились к борьбе с Берлином и рассчитывали, вступив в союз с Людендорфом, использовать его имя для обеспечения по меньшей мере нейтралитета частей рейхсвера, сосредоточенных на севере страны. Этими целями и должны были определяться совместные действия с фашистскими бандами Гитлера.

Как выяснилось впоследствии, «союзники» стремились к установлению диктаторской власти в виде директории, что должно было обеспечить им поддержку более широкого круга капиталистов и юнкеров. Однако уже начиная с вопроса о составе директории между ними начались разногласия. Между тем рядовые фашисты теряли терпение; стало все труднее держать их в состоянии боевой готовности, не пуская в дело, тем более что денежные средства иссякали. Ввиду угрозы разложения руководство национал-социалистской партии, несмотря на существенно изменившуюся обстановку, приняло авантюристическое решение о выступлении. Но к этому времени высшее командование рейхсвера как мы знаем, высказалось против установления диктатуры крайне правых сил. Кар вынужден был бить отбой.

В ночь на 9 ноября 1923 г. он обратился к населению с воззванием, в котором говорилось, что «честолюбивые проходимцы» с помощью обмана и под угрозой револьвера вынудили его, ге-

[48] «Бюллетень Коминтерна о положении в Германии», 1923, № 9.

[49] Der Hitler-Putsch. Bayerische Dokumente zum 9. November 1923; *Hofmann H.* Der Hitler-Putsch. Krisenjahre deutscher Geschichte. München, 1961.

перала фон Лоссова и полковника Зайсера дать согласие на вступление в правительство Гитлера и что эта вынужденное обещание «не имеет силы». Национал-социалистская партия, а также боевые союзы «Оберланд» и «Имперский флаг» объявлялись распущенными [50]. Это воззвание в виде больших плакатов было расклеено по всему Мюнхену.

Генерал фон Лоссов, выступая на рассвете 9 ноября перед строем 19-го полка рейхсвера, сказал, что с бунтовщиками он не будет вести никаких переговоров. После этого Людендорф, считая дело проигранным, пытался удержать Гитлера от дальнейших шагов, но тщетно. Тот фанатически верил, что ему удастся перетянуть массы на свою сторону. Было решено провести «мирную» демонстрацию. На самом же деле фашисты были вооружены.

Утром 9 ноября нацистская демонстрация во главе с Гитлером и Людендорфом со свастикой на знаменах, с пением гимна «Германия превыше всего» и возгласами «На Берлин!» направилась к центру Мюнхена. Здесь она была остановлена заградительным отрядом полиции, который огнем рассеял демонстрантов. При этом было убито 14 нацистов, в том числе второй председатель национал-социалистской партии Оскар Кернер, 30 человек — ранено [51].

Когда началась стрельба, первым позорно бросился бежать Гитлер, вслед за ним разбежались остальные. Гитлер на автомобиле умчался из города и спрятался на вилле своего друга, однако был пойман и арестован. Людендорф был также арестован, но отпущен полицией под честное слово офицера.

На выступление гитлеровцев рабочие по призыву КПГ ответили забастовками. В циркуляре Северобаварского подпольного обкома КПГ от 14 ноября 1923 г. перед коммунистами были поставлены следующие задачи: «Если возникнет борьба между фашистами и частями рейхсвера, оставшимися верными имперскому правительству, коммунисты должны выступить на стороне последних; вести разъяснительную работу среди солдат рейхсвера и полицейских; требовать созыва профсоюзных собраний, на которых следует активно выступать с разъяснением политического положения в Баварии и в стране в целом» [52].

23 ноября нацистская партия была запрещена по всей Германии, но это не означало, что она перестала существовать. НСДАП потеряла многих сторонников, но основные ее кадры, притаившись, продолжали действовать, правда, в ограниченных масштабах. Гитлеровцы издавали большое число листовок, обращений к своим сторонникам, в которых клеймили Кара и Лоссова предателями.

---

[50] См.: *Гейден К.* Указ. соч., с. 135.
[51] *Weissbecker M.* Op. cit., S. 396.
[52] «Новая и новейшая история», 1976, № 3, с. 122—123.

Причины провала фашистского путча заключались не только в том, что в 1923 г. гитлеровцы еще не располагали необходимыми силами для захвата политической власти. Германские монополисты и юнкеры уже тогда вынашивали планы замены парламентского строя диктатурой и для этой цели пестовали гитлеровцев. Но момент, который последние избрали для выступления, был неблагоприятен для них. Господствующий класс потерял к ним интерес, ибо революционная волна уже пошла на убыль. 2 декабря лидер католической партии В. Маркс сформировал правительство, составленное только из представителей буржуазных партий, без социал-демократов. Германская буржуазия почувствовала себя, таким образом, увереннее и полагала, что установление открытой фашистской диктатуры и ликвидация парламентского строя более неактуальны.

Германские монополисты считали в тот момент целесообразнее опираться на рейхсвер, а не на фашистские отряды не только потому, что это была наиболее организованная, боеспособная и хорошо управляемая сила германской реакции, но и потому, что такая тактика придавала антинародной политике видимость законности [53]. Кроме того, правящие круги опасались, что приход нацистских реваншистов к власти вызовет международные осложнения. Французское правительство даже сделало по этому поводу официальное предупреждение [54].

Полицейская операция в Мюнхене против фашистов позволила германской буржуазии одним выстрелом убить двух зайцев: самой выступить в качестве «хранителя демократии», а Гитлеру предоставить роль «великомученика» и сохранить его для более подходящих времен.

---

[53] *Руге В.* Германская монополистическая буржуазия и революционный кризис 1919—1923 гг.— В кн.: Германский империализм и милитаризм. М., 1965.

[54] *Hofmann H.* Op. cit., S. 122.

Глава пятая

ГЕРМАНСКИЙ ФАШИЗМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х ГОДОВ И ЕГО ПРИХОД К ВЛАСТИ

РАЗБРОД В ФАШИСТСКОМ ЛАГЕРЕ

События 1923 г. завершили собой определенный этап экономического и политического развития Германии. С конца этого года стало улучшаться экономическое положение, постепенно уменьшалась инфляция; господствующий класс сумел подавить массовые выступления трудящихся и укрепить свое положение, чему способствовало принятие «плана Дауэса». В условиях временной стабилизации капитализма правящие круги стремились вернуться к буржуазно-демократическим методам правления и не испытывали нужды в помощи со стороны гитлеровцев. Разнузданная пропаганда и эксцессы, которыми сопровождалась деятельность последних, даже в какой-то мере стесняли тогдашних правителей страны, чем и объясняются репрессии по отношению к фашистским организациям; но эти действия отличались непоследовательностью, половинчатостью, содержали всевозможные лазейки, ибо не ставили целью искоренение фашизма, а имели в виду лишь побудить его отказаться от нежелательных «крайностей».

Провал «пивного путча» нанес фашистскому движению сокрушительный удар, и подавить его в то время не составило бы никакого труда. Местные фашистские организации находились в состоянии разброда, многие главари оказались в заключении, другие были в бегах. Серьезно пал престиж фюрера, позорно сбежавшего после расстрела фашистской демонстрации; Гитлер грозился покончить с собой [1], но не только не сделал этого, но и не оказал сопротивления при аресте.

Формальный запрет деятельности нацистской и родственных ей партий и групп не мешал фашистам собирать свои силы в ожидании легализации. Сразу же после отмены осадного положения в конце февраля 1924 г. прусский министр внутренних дел социал-демократ Зеверинг разрешил деятельность «Фёлькиш-немецкой партии свободы» — организации, выполнявшей в Северной Германии те же функции, что и гитлеровская партия на юге, о чем между ними было достигнуто специальное соглашение [2].

---

[1] *Hanfstaengl E.* Hitler. The Missing Years. London, 1957, p. 108.
[2] *Wulff R.* Deutschvölkische Freiheitspartei 1922—1928. Marburg, 1968, S. 39.

В эти дни в Мюнхене открылся судебный процесс над Гитлером, Людендорфом, Ремом и их сообщниками, продолжавшийся до 1 апреля. Он не только превратился в фарс, но и способствовал широкой популяризации фашистских главарей за пределами Баварии. «В каждом нормальном государстве акт вооруженной государственной измены,— пишет западногерманский исследователь фашизма Э. Нольте,— навсегда исключает главных его участников из общественной, а тем более из политической жизни» [3]. Но в Германии дело обстояло иначе: Гитлер, оправившийся к тому времени от панического настроения, сумел с помощью суда превратить свой позорный провал чуть ли не в подвиг. Да и могло ли быть иначе, если фюрер и другие держали многочасовые пропагандистские речи, попадавшие на следующий день в печать, беспрепятственно поносили существовавший тогда в Германии режим и его официальных представителей — президента Эберта, министра иностранных дел Штреземана и др. «Судебное заседание? — спрашивал демократически настроенный журналист, присутствовавший на процессе.— Нет, скорее семинар по вопросу о государственной измене» [4].

В своей обвинительной речи прокурор утверждал, что Гитлер преследовал «высокую цель», лишь использованные им средства были преступными [5]. Подсудимые в своих последних словах состязались в наглости. Гитлер, не прерываемый председателем, витийствовал в течение нескольких часов, угрожал судом тем, кто в данный момент вершит суд над ним, стучал по столу и т. п. [6] Он мало сомневался в мягкости приговора, но было нечто, весьма беспокоившее его: ему, как иностранцу, тем более уже осужденному ранее за преступление политического характера и освобожденному условно, угрожала высылка из Германии. Поэтому Гитлер обратился к суду с настоятельной просьбой не применять к нему соответствующую статью закона о защите республики. Хотя приговор Гитлеру и другим основным главарям заговора гласил: пять лет заключения, на деле они должны были отсидеть лишь полгода, после чего получали право на досрочное освобождение. От высылки Гитлера суд решил воздержаться. Людендорф был оправдан, хотя он не скрывал своей причастности к преступлению.

В условиях, когда приходилось преодолевать серьезные трудности, распри и взаимная борьба между организациями фашистского толка разгорелись с невиданной до того силой. Образовалось несколько центров притяжения, с остервенением оспарива-

---

[3] *Nolte E.* Der Nationalsozialismus. München, 1970, S. 67—68.

[4] *Lania L.* Der Hitler-Ludendorff-Prozess. Berlin, 1925, S. 83.

[5] Der Hitler-Ludendorff-Prozess vor dem Volksgericht. Berlin, 1924, S. 37; *Bennecke H.* Hitler und die SA. München — Wien, 1962, S. 103—104.

[6] *Espe W.* Das Buch der NSDAP. Werden, Kampf und Ziel der NSDAP. Berlin, 1934, S. 200; *Görlitz W., Quint H.* Adolf Hitler. Eine Biographie. Stuttgart, 1952, S. 225.

ших друг у друга руководящую роль и наперебой доказывавших, что именно данная группа наиболее привержена «идеалам» фашизма и близка к фюреру. Баварскими нацистами первое время руководил Розенберг, получивший соответствующее поручение от Гитлера. Он организовал так называемое «великогерманское народное сообщество», возглавлявшееся подставными лицами; на этом основании мюнхенская полиция решила, что новая организация якобы не является заменой нацистской партии [7]. Весной 1924 г. в Мюнхен возвратились двое других приспешников Гитлера — Штрейхер и Эссер, оттеснившие Розенберга на второй план. Но объединить под своим руководством всех сторонников фашизма в Баварии им не удалось [8].

Во главе «Фёлькиш-немецкой партии свободы», о которой упоминалось выше, стояли генерал Людендорф, фон Грэфе и Г. Штрассер, один из деятелей нацистской партии в Баварии, перебравшийся после путча и недолгого пребывания в заключении на север страны. Они сразу же высказались за участие в предстоявших весной парламентских выборах; сторонники же Гитлера в своей массе были настроены резко антипарламентски и считали, что вхождение в парламент — предательство. На северо-западе страны в связи с этим образовалась фактически самостоятельная фашистская организация, центр которой находился в Гамбурге [9].

Новые условия, созданные провалом мюнхенского путча и значительным изменением обстановки в стране, требовали тактической переориентации. Перспективы успеха новых попыток вооруженного переворота были практически сведены к нулю, и фашисты взяли курс на легальное завоевание власти, что по существу предопределяло последующее участие в выборах. И не этот вопрос был в действительности главным пунктом разногласий между гитлеровцами и другими представителями «фёлькише», а ориентация на привлечение рабочих, от которых последние предпочитали держаться в стороне. Если для Гитлера и его клики завоевание масс было неотъемлемой предпосылкой достижения основной внутриполитической цели — «уничтожения марксизма» и прекращения в результате этого классовой борьбы, то приверженцы Грэфе, будучи во всем или почти во всем остальном единомышленниками мюнхенских фашистов, возражали против «превращения рабочих в определяющий фактор движения» [10].

После суда Гитлера вместе с военным руководителем путча 8 ноября 1923 г. Крибелем и некоторыми другими нацистскими преступниками поместили в крепость Ландсберг. Часть дня за-

[7] Führer befiehl... Selbstzeugnisse aus der «Kampfzeit» der NSDAP. Hrsg. von A. Tyrell. Düsseldorf, 1969, S. 73.

[8] *Pridham G.* Hitler's Rise to Power. The Nazi Movement in Bavaria 1923—1933. London, 1973, p. 25.

[9] *Jochmann W.* Nationalsozialismus und Revolution. Ursprung und Geschichte der NSDAP in Hamburg 1922—1933. Frankfurt a. M., 1963, S. 83.

[10] Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus 1933—1945. II. Bielefeld, 1961. Письмо Грэфе З. Каше от 17 июня 1924 г.

ключенные работали на воздухе, остальное время выслушивали речи фюрера, которому они заменяли недостающую аудиторию, играли в карты, пили и т. д.[11] Позднее Гитлер говорил приближенным: «Ландсберг был моим университетом на государственный счет» [12]. Много времени уделялось диктовке будущей «библии» пацизма — «Майн кампф» — сочинению, представлявшему собой набор разглагольствований фюрера на самые разнообразные темы. Трудно, пожалуй, найти другую книгу, столь же хаотичную и бессистемную. Сам автор оценивал тогда свое творение очень скромно. «Я надеюсь,— писал он из крепости,— что мое оправдательное сочинение хотя бы в первой своей части переживет судебный процесс и меня самого» [13]. Спрос на книгу до прихода фашистов к власти был весьма невелик. В 1925 г. было продано 9600 экз. первого тома, в 1926 г.— только 4 тыс., в 1927 г.— нескольким более 2 тыс. Второй том, законченный в 1926 г., в течение двух последующих лет разошелся в количестве 5700 экз.; это значит, что лишь меньшинство купивших первый том заинтересовались вторым [14].

Позиция фюрера в это время уже характерна для того метода решения важных политических вопросов, который он широко использовал в дальнейшем. Вот один лишь пример: к «триумвирату» Людендорф — Грэфе — Штрассер Гитлер относился резко отрицательно, видя в нем опасного соперника в борьбе за руководство фашистским движением, но на просьбы с мест четко охарактеризовать свою точку зрения по этому вопросу Гитлер или не отвечал вовсе или поручал кому-либо из своих подручных ответить в нарочито туманной форме [15]. Но грызня в фашистском стане усиливалась, а активно вмешаться в борьбу с тем, чтобы оттеснить соперников и обеспечить свое непререкаемое главенство, притом в общегерманском (а не только в баварском, как было до путча) масштабе, Гитлер, находясь в заключении, не мог. Есть также основания предполагать, что он был заинтересован в доведении разногласий до предела, чтобы по выходе из тюрьмы повысить свой престиж урегулированием споров. Как бы то ни было, в начале июля Гитлер сложил свои полномочия руководителя движения.

В этой обстановке в конце июля в Веймаре собралась конференция фашистских организаций. Речь шла о возможном их объединении под эгидой «Фёлькиш-немецкой партии свободы»; но

---

[11] *Heiden K.* Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Eine Biographie. Zürich, 1936, S. 190; Der Aufstieg der NSDAP in Augenzeugenberichten, Düsseldorf, 1968, S. 237; *Kallenbach H.* Mit Adolf Hitler auf Festung Landsberg. München, 1939, S. 74.

[12] См.: *Maser W.* Hitlers Mein Kampf. München, 1966, S. 16.

[13] *Maser W.* Adolf Hitler. Aufriss über seine Person.— «Der Spiegel», 1973, N 17, S. 143.

[14] *Phelps R.* Die Autoren des Eher-Verlages.— «Deutsche Rundschau», 1955, N 1, S. 32.

[15] *Jochmann W.* Nationalsozialismus und Revolution, S. 154, 165.

вместо этого заседания оказались целиком заполненными взаимной руганью, обвинениями во лжи, предательстве «идеи» и в коррупции. Розенберг решительно высказался против объединения, цель которого якобы лишь полное подчинение национал-социалистов Грэфе и К°. Между тем, по словам Розенберга, «национал-социалисты вкладывают в это предприятие духовный капитал (!), импульс, массы, т. е. собственно все»[16]. Людендорф в своем выступлении показал, что Гитлер изменял мнение по вопросу о слиянии трижды (это подтверждает и переписка между Ландсбергом и нацистами Северо-Запада: для Гитлера важно было только одно: сумеет ли он стать во главе объединенной организации)[17]. «Все движение,— писал в своих воспоминаниях Э. Рем,— переживало глубокий кризис. Раздробленное, расколотое, группа, выступающая против группы, военизированная организация — против партии, лидеры — против лидеров, оно являло картину брожения и разорванности»[18]. Единства не получалось, и признанием этого было преобразование в октябре 1924 г. организации, возглавлявшейся Людендорфом — Грэфе—Штрассером, причем вне ее оказалась и бóльшая часть баварских нацистов, и фашисты северо-западных округов.

Гитлер оставался в крепости до 20 декабря, в частности, потому, что выяснилась его причастность к упорным попыткам Рема возродить военизированные штурмовые отряды под другим названием[19]. Выборы в рейхстаг в декабре 1924 г., которые принесли фашистам поражение (они провели лишь 14 депутатов), были для баварского правительства хорошим поводом избавиться от упреков в преследовании «патриотов» — Гитлера и К°; к тому же оно считало, что «при усиливающемся развале движения фёлькише не следует более ожидать какой-либо опасности с этой стороны»[20].

РАСШИРЕНИЕ ВЛИЯНИЯ НАЦИСТОВ

Посетив после своего освобождения главу баварского правительства Гельда, Гитлер ценой торжественного обещания «вести себя хорошо» добился снятия запрета с фашистской партии. 26 февраля 1925 г. вышел первый после запрета номер «Фёлькишер беобахтер». «Вся мощь движения,— говорилось здесь,— должна быть направлена против страшнейших врагов немецкого народа: еврейства и марксизма»[21]. О том, что фашисты берут курс на формальную легальность, свидетельствовали положения, ка-

[16] См.: *Mücke H. von.* Linie. Rückblicke persönlicher und politischer Art auf das letzte Jahrzwölft der Republik, Bd. I. Beuern (Hessen), 1931, S. 229, 231, 233.
[17] Ibid., S. 237, 238, 244.
[18] *Röhm E.* Die Geschichte eines Hochverräters. München, 1928, S. 305.
[19] Ibid., S. 293.
[20] *Watt D. C.* Die bayerischen Bemühungen um Ausweisung Hitlers 1924.— «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1958, N 3, S. 278.
[21] Führer befiehl..., S. 107.

савшиеся штурмовых отрядов: провозглашались их невоенный характер и полное подчинение политическому руководству, чтобы не давать в руки властей поводов для преследования[22]. На следующий день состоялся массовый митинг (участвовало около 4 тыс. человек), означавший возрождение нацистской партии. Митинг происходил в том же зале, где развернулись события путча 8 ноября 1923 г.

В своей речи Гитлер преподнес слушателям несколько излюбленных идей, в первую очередь о необходимости уничтожения марксизма и его главных носителей — евреев. Красной нитью проходило через всю речь стремление с самого начала утвердить свое неограниченное, неоспоримое господство в партии. Однако Гитлер, видимо, переоценил устойчивость своего положения. Произнесенная им речь принесла фашистской партии неприятности: фюреру было запрещено выступать на открытых митингах и собраниях на территории Баварии. Примеру властей Баварии вскоре последовали правительства большинства германских земель, в том числе Пруссии. Так из рук нацистской верхушки было выбито одно из важнейших пропагандистских орудий; однако запреты распространялись лишь на такие митинги и собрания, куда доступ был открыт всем. Поэтому Гитлер имел возможность держать свои речи на разного рода закрытых сборищах независимо от того, сколь велика была аудитория. Запреты были отменены в 1927—1928 гг.

Весной 1925 г. умер президент республики Эберт. Гитлеровцы сделали ловкий ход, выступив за кандидатуру Людендорфа (в то время как «фёлькише» вместе с другими реакционными партиями поддержали другого кандидата). То был широкий жест в сторону Людендорфа, отношения с которым за последнее время значительно охладели; одновременно Гитлер способствовал лишению генерала остатков популярности, ибо не было сомнений в его провале. Результат оказался ниже самых пессимистических предположений: Людендорф собрал лишь 285 тыс. голосов. А во втором туре нацисты призвали к голосованию за другого военачальника-монархиста, Гинденбурга, кандидата всего правого лагеря, благодаря чему нацистский лидер приобрел в соответствующих кругах репутацию сговорчивого деятеля[23]. Известно, что Гинденбург и стал президентом, что было симптомом явного сдвига в сторону реакции.

В первый период после возобновления легальной деятельности национал-социалистской партии, когда еще допускалось существование в ней различных взглядов, шла довольно оживленная дискуссия о возможных путях ее развития. Ориентировались прежде всего на легальные возможности захвата власти, чтобы ликвидировать Веймарскую республику изнутри. «Мы воткнем наши носы в рейхстаг,— говорил Гитлер Гессу.— Конечно, превзойти

[22] *Bennecke H.* Op. cit., S. 119.

[23] *Jochmann W.* Im Kampf um die Macht. Hitlers Rede vor dem Hamburger Nationalklub von 1919. Frankfurt a. M., 1960, S. 37.

марксистов в численности потребует больше времени, чем перестрелять их» [24]. Для многих сторонников нацистской партии, особенно для людей без определенных занятий, профессиональных военных, не имевших гражданской профессии, деклассированных элементов, это было не только неожиданно, но и неприемлемо. Их устраивала не долголетняя осада крепости, а только ее штурм. Сильнее всего подобные настроения, как уже отмечалось, были на Северо-Западе страны.

Эти районы по своей экономической структуре и социальному составу населения существенно отличались от преимущественно аграрной в те времена Баварии. Рурская область, Гамбург, Средняя Германия — все это важные индустриальные центры с многомиллионным рабочим классом, оплот рабочего движения. Чтобы стать здесь твердой ногой, фашизм должен был модифицировать подход к объектам своей пропаганды, играть в «левизну», пытаясь доказать, что за словечком «социалистская» в названии партии действительно стоит какое-то содержание. Здесь-то и пригодились Грегор Штрассер и его брат Отто. Они не только имели хорошо налаженные связи с местными фашистскими группами, но и широко прибегали к изощренной социальной демагогии, без чего нельзя было и думать о завоевании рабочих. Руководитель фашистов Северо-Запада Фольк подчеркивал: «Ввиду того, что рабочий чувствует себя носителем переворота (в ноябре 1918 г.), более того — рассматривает новый государственный строй, как успех своих усилий, мы никогда не завоюем его доверия, если будем приписывать нужду и унижение только революции» [25]. Подобные высказывания далеко не единичны для того времени.

В конце февраля 1925 г. благодаря усилиям Г. Штрассера нацисты северо-западных областей присоединились к гитлеровской партии. Ему удалось «обработать» лидеров обещаниями далеко идущей организационной самостоятельности [26]. А в конце марта были назначены первые семь гаулейтеров за пределами Баварии. Но воспользоваться обещанной самостоятельностью им так и не пришлось. Мюнхенская контора настоятельно запрещала гаулейтерам выдавать вновь принятым лицам партийные билеты, стремясь полностью присвоить себе эту прерогативу. Из Мюнхена требовали также перечисления 1 марки с каждого вступившего в партию и 10 пфеннигов с каждого члена ее ежемесячно. В апреле гаулейтеры Ганновера, Геттингена, Гессена-Нассау и Шлезвиг-Гольштейна обратились с письмом в Мюнхен, добиваясь отмены указанных положений, но этот шаг не увенчался успехом. Иначе действовали гаулейтер округа Северный Рейн — Кауфман и его

---

[24] См.: *Schwarzwäller W.* «Der Stellvertretor des Führers» Rudolf Hess. Der Mann in Spandau. Wien — Frankfurt a. M., 1974, S. 98.

[25] *Jochmann W.* Nationalsozialismus und Revolution, S. 199.

[26] *Hüttenberger P.* Die Gauleiter. Studien zum Wandel des Machtgefüges in der NSDAP. Stuttgart, 1969, S. 26; *Noakes J.* Conflict and Development in the NSDAP.— «Journal of Contemporary History», 1966, N 4, p. 13.

заместитель Геббельс: они продолжали выписывать членские билеты, игнорируя центральные инстанции [27]. Но это могло удаваться лишь до тех пор, пока мюнхенское руководство не начало всерьез «завинчивать гайки».

В свете сказанного понятно принятое в сентябре 1925 г. решение ряда гаулейтеров создать «рабочее содружество», которое могло бы стать определенным противовесом «мюнхенским бонзам» Эссеру, Штрейхеру и другим; последних считали ответственными за все одиозные мероприятия центрального руководства, упуская из виду или не желая сознаться себе самим, что в Мюнхене мало что делалось без одобрения или ведома Гитлера. Члены «содружества» решили отказаться от участия в выборах и обратились за разъяснениями в Мюнхен. Устав «содружества» предусматривал поддержание дружественных отношений между гаулейтерами, занятие единой позиции в политических вопросах, установление единообразия в организации и пропаганде, обмен ораторами и др.[28]

Организацию возглавил Г. Штрассер, а управляющим делами «содружества» стал Геббельс, сильно фрондировавший в то время и считавший себя, как видно из его дневника за 1925—1926 гг., «левым». Геббельса обнаружил Штрассер, сделавший его своим секретарем вместо Гиммлера, оставленного в Баварии. Штрассер обосновался в Берлине, где начал издавать «Национал-социалистские письма», позволившие себе в некоторых вопросах, например во внешнеполитических, отклоняться от превалировавшей среди нацистов линии. В то же время деятели «рабочего содружества» подчеркивали, что и создание его, и публикация «Национал-социалистских писем» получили одобрение Гитлера. Было ли в этом противоречие? Конечно, никаких принципиальных разногласий не было. Но определенные различия во мнениях относительно тактических вопросов существовали: сказывались значительное отличие в объективных условиях между Северо-Западной Германией и Баварией, о чем уже упоминалось выше, честолюбивые стремления некоторых фашистских главарей, прежде всего Г. Штрассера, и некоторые другие факторы.

КРУПНЫЙ КАПИТАЛ И НАЦИЗМ В СЕРЕДИНЕ 20-х ГОДОВ

Читателю уже известны связи с крупным капиталом, имевшиеся у нацистских лидеров. Последствия провала путча в Мюнхене, резко ослабившие германский фашизм, умерили интерес монополий к нему; не способствовала этому вся обстановка 1924—1925 гг. в стране — постепенное улучшение экономической конъюнктуры и возврат к буржуазно-демократическим методам правления.

---

[27] *Nyomarkay J.* Charisma and Factionalism in the Nazi Party. Minneapolis, 1967, p. 78—79.

[28] *Jochmann W.* Nationalsozialismus und Revolution, S. 210—213.

Нехватка средств у фашистов стала перманентным явлением. Были серьезные затруднения с изданием «Фёлькишер беобахтер», их удалось преодолеть только вследствие благожелательности владельца одной из мюнхенских типографий, единомышленника нацистов Мюллера [29]. В Саксонии очень полезным оказался фабрикант Мучман, связавший гитлеровцев со своими коллегами и обеспечивший кое-какие субсидии [30]. Но все это едва ли могло устроить нацистских главарей, которым нужны были средства для развертывания пропаганды, содержания штурмовых отрядов. Упрочение связей с крупным капиталом, причем в важнейших центрах его сосредоточения — Рурской области, Берлине, Гамбурге, было основной задачей фашистской партии, без чего ее существование вообще лишалось смысла.

С этой целью Гитлер с весны 1926 г. предпринял серию поездок в крупнейшие промышленные центры страны, где выступал, несмотря на запрет вести политическую пропаганду, перед обширными аудиториями представителей «делового мира». Он умело играл на тех настроениях германского бизнеса, которые были созвучны антидемократической программе фашизма, хотя в то время они еще далеко не совпадали с ней, особенно в части методов; последние казались многим представителям крупного капитала слишком радикальными, могущими повлечь за собой нежелательную реакцию со стороны организованного рабочего класса. В апреле 1926 г. Гитлер произнес речь в гамбургском «Клубе 1919 г.», в который входили капиталисты, реакционные политические деятели и т. п. Главная цель, не уставал твердить Гитлер,— уничтожение марксизма, причем, как он несколько раз повторил в течение речи, его следует безжалостно выкорчевать. Вновь и вновь фюрер провозглашал, что, «имея 14—15 млн. марксистов, пацифистов и т. п., вы не можете вести никакой борьбы: ни развернуть приготовления внутри страны, ни начать настоящей войны» [31]. Таким образом, внутренний переворот в направлении крайней реакции мыслился прежде всего как предпосылка к реваншу вовне.

Спустя два месяца нацистский главарь изложил свою программу подготовки борьбы за «жизненное пространство», ликвидации демократии, идей интернационализма и т. д. в самом центре тяжелой промышленности Рура — Эссене. Фашистская пресса с удовлетворением цитировала отзыв органа рурских монополий — газеты «Рейниш-Вестфелише цейтунг», которая была в восторге от речи Гитлера.

Проводя эту кампанию, нацистская верхушка оказалась, одна-

---

[29] *Görlitz W., Quint H.* Op. cit., S. 285.

[30] *Hoegner W.* Die verratene Republik. Geschichte der deutschen Gegenrevolution. München, 1958, S. 196.

[31] *Jochmann W.* Im Kampf um die Macht, S. 103, 114, 116; *Vogt M.* Zur Finanzierung der NSDAP zwischen 1924 und 1928.— «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», 1970, N 4, S. 242.

ко, перед серьезной опасностью, которая грозила поставить под удар весь план «сближения с бизнесом». В 1926 г. всю страну охватило движение за конфискацию имущества бывших князей; оно нашло приверженцев и среди рядовых нацистов, возмущенных перспективой выплаты бывшим владетельным домам, свергнутым Ноябрьской революцией, колоссальных средств в виде «возмещения убытков». Резолюция ганноверского совещания «рабочего содружества» (январь 1926 г.) гласила, что страшнейшая нужда не допускает выплаты сотен миллионов бывшим князьям, «которые в своем большинстве не способствовали» делу нацистов. Вместе с тем здесь говорилось, что «содружество» ни в коей мере не предваряет решения центрального руководства [32].

Но такого рода оговорка не меняла того, что подобные резолюции шли вразрез с намерениями Гитлера и его клики. Речь шла не только о возможности завоевания аристократии на сторону фашизма, но о гораздо большем: о незыблемости частной собственности. И 14 февраля Гитлер во всех подробностях разъяснил это гаулейтерам, созванным на совещание в северобаварский город Бамберг. Присутствовавший на совещании Геббельс записал: «Право должно быть правом! Также по отношению к князьям. Принцип частной собственности нельзя поколебать!» [33] Гитлер сказал также: «Для нас нет сегодня князей, есть только немцы». Титулованные особы могли быть довольны фашистским главарем, и после того, как они добились желаемого возмещения, часть полученных ими средств оказалась в кассе нацистской партии.

Руководители «рабочего содружества» не отстаивали своей точки зрения; даже наиболее шумный из них — Геббельс промолчал (он уже решил переметнуться на сторону Гитлера). Это позволило фюреру в весьма короткий срок ликвидировать беспокоившую его группировку под тем смехотворным предлогом, что нацистская партия сама является «большим содружеством», так что другим в ее составе нет места.

С тем большей энергией продолжались усилия по завоеванию монополистов. В марте 1927 г. Гесс в письме к немцу-единомышленнику, проживавшему в Англии, с большим удовлетворением отмечал успехи Гитлера на поприще «обработки» бизнесменов, достигнутые в 1926 г., и сообщал о предстоящем, третьем по счету, «докладе» его в Эссене [34].

Из дневника Геббельса известно, что, проживая в то время на промышленном Западе страны, он действовал в том же направлении. Так, еще 21 августа 1925 г. он записал, что крупный промышленник Арпольд (дело происходило в Хаттингене) во всем согласен с ним. Побывав там вновь 15 января 1926 г., Геббельс отметил: «Возможно, мы получим деньги»; их источник не вызы-

[32] *Kühnl R.* Die nationalsozialistische Linke 1925—1930. Meisenheim am Glan, 1966, S. 298, 299.
[33] Das Tagebuch von Joseph Göbbels 1925/26. Stuttgart, 1960, S. 63.
[34] «Journal of Modern History», 1964, December, p. 430—431.

вает сомнений. В записи от 3 февраля говорится о встрече с ведущим промышленником Рейнской области фон Бруком: «Наконец, столп экономики. С этим человеком можно сотрудничать». Характерна и запись от 14 ноября 1925 г.: «Оснабрюк. Вечером выступление перед буржуа... Неистовая овация». Подобное «сотрудничество» существовало не только на Рейне. Известно, например, откровенное обращение местной организации нацистов к химическому магнату Р. Бошу (май 1927 г.): «Доверительно. Многоуважаемый господин! Программа национал-социалистской партии предусматривает защиту приобретенной законным образом собственности... Только она в состоянии эффективно противодействовать террору со стороны левых. К сожалению, это невозможно без значительных средств» [35].

Такие обращения рассылались в глубокой тайне. Публично же нацисты яростно отрицали свои связи с крупным капиталом; так, нацистская газета «Франкфуртер беобахтер» была снабжена характерным подзаголовком — «Единственная не находящаяся на службе капитала газета Франкфурта» [36]. Нацисты упорно распространяли лживую версию, будто все расходы покрываются ежемесячными взносами и дополнительными сборами с членов партии [37].

Между тем средства требовались огромные; ведь помимо издания газет, брошюр и листовок, фашисты тратили крупные суммы на проведение массовых собраний, митингов и походов, транспортировку штурмовых отрядов, перевозку своих приверженцев на съезды партии, проводившиеся с 1926 г. более или менее регулярно. Много денег шло на содержание неуклонно разбухавшего административного аппарата, а также на удовлетворение непомерных личных потребностей Гитлера с его стремлением разъезжать в роскошных машинах, жить в дорогих отелях и содержать виллу в Берхтесгадене.

Усилия завербовать на сторону нацизма крупнейших представителей монополистического капитала приносили плоды. Наиболее важное значение в этом смысле имело привлечение Кирдорфа, возглавлявшего Союз горнодобывающей промышленности Рура и распоряжавшегося обширными фондами Союза (а также Объединения металлургической промышленности Северо-Запада). Он впервые встретился с Гитлером летом 1927 г., и беседа между ними продолжалась $4^1/_2$ часа. Заинтересованность старого реакционера идеями нацистского главаря оказалась столь велика, что он предложил последнему изложить их в сжатом виде с целью широкого распространения. В августе 1927 г. текст был представлен. Прежде всего здесь декларировалась необходимость завоевания

[35] Das wahre Gesicht des Nationalsozialismus. Theorie und Praxis der NSDAP. Magdeburg, 1929, S. 44.

[36] *Schön E.* Die Entstehung des Nationalsozialismus in Hessen. Meisenheim am Glan, 1972, S. 84.

[37] *Orlow D.* The History of the Nazi Party 1919—1933, v. 1. Pittsburg, 1969, p. 109.

жизненного пространства. Чтобы добиться этого, «новое движение категорически отвергает любое деление на сословия или классы и провозглашает... безусловный авторитет личности». Гитлер обещал монополиям свободу развития и защиту со стороны национал-социалистского государства. В конце брошюры он пел дифирамбы армии и предсказывал сближение ее с фашизмом впоследствии [38]. Стремясь сделать идеи нацизма достоянием максимального числа «сильных мира сего», Кирдорф разослал брошюру Гитлера почти двум тысячам ведущих деятелей промышленности, банков и торговли [39].

Нацисты хотели также заручиться поддержкой реакционных элементов за пределами Германии. Наиболее известным из зарубежных покровителей германского фашизма был англо-голландский нефтяной король Детердинг; связи с ним значительно упростились после того, как он купил имение на территории Германии, в Мекленбурге [40]. В немецкой печати вновь и вновь появлялись сведения о том, что нацисты получают финансовую поддержку из фашистской Италии. Есть документы, свидетельствующие о глубокой заинтересованности фашистов в помощи из-за рубежа. Такова, например, доверенность, выданная Гитлером в январе 1924 г. (когда он находился в тюрьме) нацисту К. Людеке на предмет агитации в пользу нацизма в США, «особенно же сбора для этой цели денежных средств» [41]. Сохранилось также письмо Гиммлера Рему, уехавшему во второй половине 20-х годов в Боливию, с аналогичной просьбой в отношении тамошних состоятельных людей [42]. В целом можно сказать, что еще в эти годы фашисты, несмотря на отсутствие непосредственной заинтересованности в их услугах, сумели установить весьма полезные для себя контакты с монополистами и завербовать на свою сторону некоторых магнатов капитала, убедить их в том, что только нацистская партия способна выполнить их предначертания. А о том, к чему они сводились, наглядно свидетельствует, например, высказывание одного из деятелей рурской промышленности, Генрихсбауэра: «Я глубоко убежден, что нынешняя система анонимного демократического парламентаризма со временем уступит место новой системе, которая будет основана на ответственности вождя и преданности ему свиты и будет обладать существенным родством с итальянским фашизмом» [43].

[33] Hitler's Secret Pamphlet for Industrialists 1927.— «Journal of Modern History», 1967, September, p. 358—364.

[39] Один из наиболее активных буржуазных историков, пытающихся преуменьшить связи нацистской верхушки с монополиями, Г. Тернер, не может, однако, скрыть значения, которое имело для фашистов привлечение на их сторону Кирдорфа.— *Turner H. A.* Faschismus und Kapitalismus in Deutschland. Göttingen, 1972. S. 84.

[40] *Görlitz W., Quint H.* Op. cit., S. 279, 285.

[41] *Ludecke K.* I Knew Hitler. New York, 1937, p. 190—191.

[42] *Mannvel R., Fraenkel H.* Heinrich Himmler. London, 1965, p. 257.

[43] См.: *Stegmann D.* Zum Verhältnis von Grossindustrie und Nationalsozialismus 1930—1933.— «Archiv für Sozialgeschichte», Bd. XIII, 1973, S. 410.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА — ШТУРМОВЫЕ И ОХРАННЫЕ ОТРЯДЫ

Среди особенностей, отличавших нацистскую партию от других, и весьма многочисленных, организаций фашистского толка в Германии второй половины 20-х годов, одной из важнейших была военизированная террористическая сила в лице штурмовых и охранных отрядов. Это было наглядным проявлением процессов, свойственных общему кризису капитализма, когда в борьбе против революционизирования трудящихся буржуазия прибегает к невиданным прежде формам подавления.

В первое время после путча штурмовые отряды продолжали существовать, замаскировавшись под другими названиями. Так, в Касселе, Франкфурте-на-Майне, Марбурге и других городах Гессена они выступали под видом спортивных и экскурсионных союзов [44]. Но все они действовали на свой страх и риск.

В течение первых года-полутора сама гитлеровская партия отнюдь не достигла необходимой степени централизации; кроме того, фашистским главарям приходилось решать другие, не менее важные проблемы. Поэтому создание штурмовых отрядов шло спорадически; между гаулейтерами и командующими СА нередко возникали яростные конфликты. Так было, в частности, в Гамбурге, где взаимная борьба приняла чуть ли не вооруженный характер. В Берлине штурмовые отряды, возникшие в марте 1926 г., насчитывали 500 человек — больше, чем в то время было в нацистской организации. Конфликт командира СА Далюге с гаулейтером Шланге протекал в необычайно острых формах, характерных для звериной вражды и безудержной борьбы, которая постоянно велась между фашистами [45].

Покончив с «рабочим содружеством» и упрочив связи с крупным капиталом, Гитлер приступил к реорганизации штурмовых отрядов с целью полного подчинения их руководству партии. В поисках подходящего для решения этой задачи лица он остановился на гаулейтере Рура — капитане в отставке Пфефере, который в октябре 1926 г. и был поставлен во главе СА. В письме к нему, содержавшем инструкции, фюрер лицемерно провозглашал, что СА должны добиваться «завоевания улицы» якобы не при помощи кинжала, яда или пистолета [46], как будто этого можно было достичь иначе, как террором по отношению к рабочим организациям, давно утвердившим свое право на уличные шествия и демонстрации. Пфефер развернул бурную деятельность. Обращаясь с циркуляром ко всем гаулейтерам, он писал: «СА — это надеж-

---

[44] *Schön E.* Op. cit., S. 67.

[45] *Jochmann W.* Nationalsozialismus und Revolution, S. 286 ff.; Die Anfänge der Berliner NSDAP 1926/27.— «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1960, N 1, S. 89—90.

[46] *Bennecke H.* Op. cit., S. 237.

ный признак, отличающий нас от всех известных парламентских партий. СА — залог нашей победы. Я рассматриваю СА как венец нашей организации и нашей политической работы» [47]. В этих словах звучит явная переоценка значения штурмовых отрядов, с которой нацистской верхушке пришлось сталкиваться еще в течение длительного времени. В приказе от 3 ноября 1926 г. Пфефер изложил свою концепцию гораздо подробнее, обосновывая ее ссылками на психологию: «Зрелище большого количества внешне и внутренне единообразных, дисциплинированных мужчин, чья безудержная воля к борьбе очевидна, производит глубокое впечатление на каждого немца и влияет на его сердце больше, чем печатное слово или логическая речь» [48].

В беседе с Г. Раушнингом Гитлер говорил: «Жестокость, грубость, беспощадность импонируют всем... Знакомы ли Вы с таким явлением, что после драк на митингах именно побитые в первую очередь вступают в партию?» [49] Здесь варварство, как метод политической борьбы, подкреплено «теоретически» и «психологически», возведено в систему. А практика обеспечивалась тем, что во главе штурмовых отрядов стояли подлинные головорезы, выходцы из добровольческих корпусов, «набившие руку» на массовых убийствах в ходе подавления Ноябрьской революции и в последующие годы. Одним из них был сам Пфефер, обвинявшийся в политическом убийстве, но разгуливавший на свободе. Зверское убийство ни в чем неповинного человека совершил Э. Гейнес, отбывший (и то лишь спустя несколько лет) смехотворно малый срок и занимавший видное место в командовании СА [50]. В таком же преступлении был замешан и М. Борман, тогда еще никому неизвестный и занимавший скромный пост кассира местной фашистской группы. Приговоренный в 1925 г. к смертной казни за убийство П. Шульц, в дальнейшем помилованный, уже в 1930 г. вышел на свободу и был назначен заместителем Г. Штрассера в качестве начальника организационного отдела НСДАП [51].

По такому источнику, как дневник Геббельса, мы можем наглядно представить себе, как бесчинствовали фашисты уже в эти ранние годы. 26 сентября 1925 г. он отметил свое выступление в Дортмунде «со стрельбой и тяжело раненными». Ровно через месяц: «Кровь течет... У нас 49 раненых». Вероятно, Геббельс сильно преувеличил число жертв со стороны нацистов, о потерях же

---

[47] Führer befiehl..., S. 233.
[48] Ibid., S. 295.
[49] *Rauschning H.* Gespräche mit Hitler. Zürich — New York, 1940, S. 81.
[50] *Gumbel E.* «Verräter verfallen der Feme». Opfer, Mörder, Richter 1919—1929. Berlin, 1929, S. 154—155. Гитлер поручил Гейнесу «воспитание» молодежи.— *Brandenburg H. C.* Die Geschichte der Hitlerjugend. Köln, 1968, S. 27.
[51] *Tyrell A.* Führergedanke und Gauleiterwechsel.— «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1975, N 4, S. 371.

антифашистов он не упоминает вовсе. 23 ноября — Хемниц (Саксония): «После окончания собрания дикая драка. Разбита тысяча пивных кружек; 150 раненых, в том числе 30 — тяжело, двое убитых» [52]. В начале 1927 г. в небольшом гессенском городке Наштеттене должно было состояться антинацистское собрание. Фашисты задались целью не допустить его, запугать население. Около 100 штурмовиков из Кобленца, Майнца, Висбадена и Франкфурта-на-Майне были на нескольких грузовиках направлены в этот городок; из соседней Вестфалии прибыл тамошний гаулейтер Лей, произнесший на площади провокационную речь. Нацисты буквально неистовствовали; их жертвой оказался даже один из местных блюстителей порядка [53]. Так выполнялся призыв Гитлера «уничтожить, выкорчевать противника».

Гитлеровская верхушка стремилась убрать с Северо-Запада бывших главарей «рабочего содружества». Почти одновременно с Пфефером обосновался в Мюнхене и Г. Штрассер: ему было поручено руководство пропагандой. Но действительно тесные отношения сложились у Гитлера лишь с Геббельсом, чьи незаурядные демагогические способности Гитлер оценил вполне. В конце октября 1926 г. он назначил Геббельса гаулейтером Берлина, где грызня между функционерами партии, а также между ними и командованием штурмовых отрядов перешла в откровенный мордобой.

В своем приказе о вступлении в новую должность Геббельс писал, что СА и СС являются инструментами для завоевания политической власти и сразу же взял курс на развертывание жесточайшего террора. «Мы должны выбраться из неизвестности,— писал Геббельс.— Пусть они (противники.— *Авт.*) ругают нас, клевещут на нас, борются против нас, убивают, но они должны говорить о нас». И он выбросил лозунг: «Вперед по могилам!» [54] Осуществление этого призыва не заставило себя ждать. Дебют нового гаулейтера состоялся 21 января 1927 г.: он выступил в одном из залов района Шпандау. Во время собрания кто-то принес известие, что на улице 40 коммунистов якобы напали на одного нациста. «Это был,— писал в своем отчете один из фашистских функционеров,— сигнал к удалению находившихся в зале коммунистов, которые вскоре оказались с разбитыми головами за пределами зала. После этого СА Шпандау вплоть до 5 часов утра избивала каждого, кого можно было узнать по форме Союза красных фронтовиков» [55]. Конечно, антифашисты вели себя совсем не так пассивно, как это изображает гитлеровец, но не подлежит сомнению, что с приходом Геббельса нацистский террор в Берлине приобрел невиданную ожесточенность.

---

[52] Das Tagebuch von Joseph Göbbels 1925/26, S. 30, 37, 42, 59, 69.
[53] *Schön E.* Op. cit., S. 89—90.
[54] *Heiber H.* Joseph Goebbels. München, 1962, S. 60.
[55] Die Anfänge der Berliner NSDAP 1926/27, S. 108.

«Нас всячески чернили, как «убийц рабочих», «бандитов», «собак на службе капитала»»,— писал фашистский автор [56]. Это мало смущало Геббельса и его подручных; по их мнению, главное заключалось в том, что о нацистах начали говорить. 20 марта развернулись события, всколыхнувшие весь Берлин. В этот день гитлеровцы — их было 700 человек [57] — возвращались поездом со своего сборища, происходившего в 30 км от столицы. В том же поезде, в вагоне четвертого класса, где негде было укрыться, ехал оркестр в составе 23 коммунистов во главе с депутатом прусского ландтага П. Гофманом. Пользуясь своим огромным численным превосходством, нацисты на остановках бомбардировали этот вагон камнями. «В один миг были разбиты все стекла. Кроме того, мы действовали и с крыши вагона при помощи древка от знамени, просовывая его в окна. Когда была открыта дверь вагона, открылась страшная картина. Почти все коммунисты тяжело ранены камнями, музыкальные инструменты разбиты. Весь вагон был усеян осколками стекла и обломками дерева, залит кровью» [58].

Сами фашисты признавали, что на следующий день «ни один национал-социалист не рисковал появиться на улице в форме из опасения быть убитым» [59]. Полиция была вынуждена провести обыски в помещениях, где собирались нацисты, и нашла много оружия [60].

Вдохновленные «успехом» гитлеровцев, их собратья по лагерю крайней реакции — главари ультраправой военизированной организации «Стальной шлем» назначили на 7—8 мая в Берлине свой общеимперский сбор, стремясь спровоцировать рабочих столицы. 23 марта, как только стало известно об этом, Берлин-Бранденбургская организация КПГ призвала СДПГ, реформистские профсоюзы, республиканский союз «Рейхсбаннер» к совместному отпору. Напоминая о недавнем нападении на коммунистов, воззвание отмечало, что «замысел фашистов полностью ясен. Берлинских рабочих... хотят заставить в течение нескольких дней испытать на себе фашистский террор» [61]. В этом открытом письме, а также в повторном обращении от 3 мая КПГ подчеркивала, что только совместные действия могут помешать фашистам. Как и во многих других случаях, последовал отказ, но берлинские пролетарии решительно поддержали коммунистов. Вот что писали, например, рабочие, занятые на одной из строек Берлина: «Посмотрите на Италию. Муссолини свирепствует хуже кровавой собаки. Точно

---

[56] Ibid., S. 111.
[57] *Heiber H.* Op. cit., S. 61.
[58] Die Anfänge der Berliner NSDAP 1926/27, S. 116—117.
[59] Ibid., S. 414.
[60] *Laboor E.* Der Kampf der deutschen Arbeiterklasse gegen den Militarismus und Kriegsgefahr 1927—29. Berlin, 1961, S. 112.
[61] Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. VIII. Berlin, 1975, S. 527.

так же будет вести себя и германский фашизм... До сих пор коммунистическая партия была единственной, указывавшей пролетариату перед угрозой этого похода фашистов путь, которым ему следует пойти. Именно так надо действовать и нам» [62]. Фашистская провокация была фактически сорвана. Хотя «Стальной шлем» и провел под усиленной охраной полиции демонстрацию, своей цели он не добился.

Фашистские бесчинства в столице государства, да еще в разгар широко рекламируемого «процветания», не слишком импонировали правящим кругам. Поэтому в мае деятельность нацистов в Берлине была запрещена (запрет оставался в силе меньше года).

То, что у фашистских штурмовиков имелось оружие, было в Германии тех лет секретом полишинеля. Командир штурмовых отрядов Гамбурга (перешедший из полиции в СА) с 1923 по 1927 г. сохранял склад оружия, который он затем благополучно передал рейхсверу; против этого возражал и тогдашний гаулейтер Кребс, и Гиммлер, занимавший пост заместителя заведующего отделом пропаганды партии. В письме Кребсу он недвусмысленно советовал оставить у себя хотя бы часть оружия [63].

Помимо штурмовиков-коричневорубашечников нацистская партия с 1925 г. располагала и другими отрядами, одетыми в черное с изображением черепа на фуражке как символа нерассуждающей готовности к смерти. Вначале они предназначались исключительно для охраны особы фюрера, а позднее стали создаваться и в других крупных городах. Это были ставшие в дальнейшем печально известными охранные отряды — СС (Schutz-Staffeln), своеобразная внутрипартийная полиция нацизма. Именно так сформулировал их задачу Гитлер на съезде партии в 1927 г.[64] В те времена охранные отряды еще были подчинены командованию штурмовиков и не должны были превышать 10% штурмовых [65]. К концу 1925 г. СС насчитывали около 1 тыс. человек, но в течение последующих двух лет их численность снизилась; существенная причина этого заключалась в том, что СА и СС занимались практически одним и тем же.

Но было отличие, значительно повышавшее в глазах нацистских главарей ценность охранных отрядов: социальный состав. В охранные отряды, где форму приходилось приобретать на собственные средства, шли преимущественно представители буржуазии, крупного и отчасти среднего крестьянства, интеллигенции, а с конца 20-х годов — и аристократии [66]. Они чувствовали себя эли-

---

[62] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 4. Berlin, 1966, S. 478—479.
[63] *Jochmann W.* Nationalsozialismus und Revolution, S. 296—297.
[64] *Horn W.* Führerideologie und Parteiorganisation in der NSDAP (1919—1933). Düsseldorf, 1972, S. 298.
[65] *Ackermann J.* Heinrich Himmler als Ideologe. Göttingen, 1970, S. 98.
[66] *Ramme A.* Der Sicherheitsdienst der SS. Berlin, 1970, S. 30.

той фашистского движения и смотрели свысока на штурмовиков, вербовавшихся преимущественно из мелкобуржуазных слоев, люмпен-пролетариата, безработных. Эсэсовцы должны были не только информировать свое командование обо всем, что происходит в лагере противника, но и немедленно докладывать ему, если им казалось неприемлемым что-либо в деятельности партии [67]. Неудивительно, что коричневорубашечники относились к эсэсовцам неприязненно.

В начале 1929 г. «имперским фюрером СС» был назначен Гиммлер. Это совпало с общим подъемом нацистской партии. Численность СС стала расти; в конце 1929 г. она вновь составляла около тысячи, а еще через год — свыше 2700 человек [68]. Сам Гиммлер даже среди гитлеровских главарей выделялся своим фанатизмом. Антисемитизм приобрел у него гротесковые черты; так, по свидетельству К. Людеке, в 1925 г. Гиммлер составил (и собирался опубликовать) полный список всех евреев, проживавших в Нижней Баварии, и всех лиц, поддерживавших их. Позднее, будучи избранным в рейхстаг, Гиммлер написал книжку, где «изобличал» большое число депутатов в том, что они евреи [69]. С самого начала своей деятельности Гиммлер был настроен также антиславянски; еще до сближения с Гитлером он пришел к заключению, что «надо бороться на Востоке и колонизовать его» [70], и с этой целью изучал русский язык.

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ НАЦИСТСКОЙ ПАРТИИ И ЕЕ ПРОПАГАНДА

Несмотря на аплодисменты, которыми награждали Гитлера крупные промышленники, несмотря на шумные сборища и походы, 1924—1928 гг. были для германского фашизма трудным временем. Завоевать широкие массы не удавалось. Сведения о численности нацистской партии противоречивы; данные, которыми оперировали сами фашисты, естественно, не заслуживают доверия. Известно, однако, что в провинции Ольденбург в течение всего 1926 г. нацистская организация выросла лишь с 45 до 90 человек, причем 70 из них проживали в г. Ольденбурге. В таком крупном центре, как Бремен, в 1926 г. было всего 37 членов партии. В Южном Ганновере в 1927 г. имела место почти полная стагнация [71]. То же было в Северном Гессене, а в Верхнем Гессене численность партии даже снизилась. Полицейские донесения о фа-

[67] *Aronson S.* Reinhard Heydrich und die Frühgeschichte der Gestapo und SS. Stuttgart, 1971, S. 48.

[68] *Höhne H.* Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS. Hamburg, 1966, S. 57.

[69] *Ludecke K.* Op. cit., p. 267; *Heuss T.* Erinnerungen 1905—1933. Tübingen, 1960, S. 407.

[70] «Journal of Modern History», September 1959, p. 216.

[71] *Noakes J.* The Nazi Party in Lower Saxony 1921—1933. Oxford, 1971, p. 90—91, 104.

шистской партии, относящиеся к этому времени, констатируют «отсутствие сколько-нибудь заметного влияния ее на массы населения» [72].

На выборах в саксонский ландтаг в октябре 1926 г. нацисты, по собственному признанию, «несмотря на все свои усилия, смогли собрать только 1,6% голосов» [73]. Большие надежды гитлеровцы возлагали на выборы, состоявшиеся в ноябре 1927 г. в Брауншвейге: кроме Гитлера (здесь ему выступать не запрещалось), сюда были «брошены» Г. Штрассер, Гиммлер, Кох, Федер и др. Однако полученные 3,7% голосов вряд ли могли удовлетворить фашистов [74]. Говоря об этом периоде ретроспективно, нацист Фабрициус констатировал, что политика гитлеровцев «почти везде наталкивалась в народе на полное непонимание. Национал-социалистов считали... хвастунами и болтунами, политическими шутами. Над ними подшучивали и насмехались» [75]. Вспоминая в начале 30-х годов этот период, Гитлер признавал, что НСДАП была тогда наиболее ненавидимой из партий, когда-либо существовавших в Германии [76].

Однако деятельность нацистской партии и других крайне реакционных группировок продолжалась, ибо, во-первых, имелась благоприятная питательная среда для этого, а во-вторых, власти попустительствовали фашистам, иногда откровенно сочувствуя им, иногда не замечая угрозы с их стороны. Последнее наглядно отразилось, например, в письме обербургомистра Кобленца от 12 октября 1928 г., где речь идет о распространении в этом городе разнузданной фашистской газетки «Вестдейчер беобахтер», издававшейся Леем в Кельне: «В полицей-президиуме Кельна (куда обратились власти Кобленца.— *Авт.*) высказали мнение, что выступления национал-социалистов не имеют никакого значения и что самое правильное — игнорировать их, как это делается в Кельне» [77].

Перед нацистской верхушкой еще острее, чем в момент возобновления деятельности партии, стоял вопрос о том, на какие социальные слои следует в первую очередь обратить внимание. Выступая в ноябре 1927 г. на совещании гаулейтеров в Веймаре, Гитлер вынужден был признать неудачу попыток завоевать голоса левых, иными словами рабочих [78]. Все данные о социальном составе партии, о контингенте лиц, посещавших нацистские ми-

---

[72] *Pridham G.* Op. cit., p. 56.
[73] Dokumente zur Zeitgeschichte. München, 1941, S. 249.
[74] *Noakes J.* The Nazi Party in Lower Saxony 1921—1933, p. 105.
[75] *Fabricius H.* Wilhelm Frick. Ein Lebensbild des Reichsministers des Innern. Berlin, 1938, S. 13.
[76] См.: *Farquharson J.* The NSDAP in Hannover and Lower Saxony 1921—26.— «Journal of Modern History», 1973, October, p. 110.
[77] *Heyen F. J.* Nationalsozialismus im Alltag. Quellen zur Geschichte des Nationalsozialismus vornehmlich im Raum Mainz — Koblenz — Trier. Boppard, 1967, S. 4.
[78] *Noakes J.* The Nazi Party in Lower Saxony 1921—1933, p. 105.

тинги, и т. п. свидетельствуют, что доля рабочих была очень незначительна. Вот полицейское донесение о многолюдном нацистском митинге в Мюнхене в марте 1927 г.— вполне «беспристрастный» источник. Автор отмечает: «Много молодежи... Представители радикальных рабочих... почти отсутствуют. Люди хорошо одеты, некоторые даже во фраках... Из разговоров тоже видно, что большинство собравшихся принадлежат к низам среднего сословия» [79]. Бывший гаулейтер Гамбурга Кребс сообщает о составе этой организации в 1926 г.: «Бо́льшая часть членов принадлежала к мелкой буржуазии, преимущественно к ремесленникам и розничным торговцам; много также торговых служащих. «Настоящие» рабочие были таким же редким явлением, как и чиновники и университетская интеллигенция» [80].

Средние слои, особенно их «низы», оказались более других социальных прослоек доступны фашистской пропаганде. На них чрезвычайно тяжело обрушились последствия войны и послевоенной инфляции, в результате чего многие фактически остались без средств к существованию. Здесь фашистская пропаганда на тему о «ноябрьских преступниках», запугивание коммунизмом падали на благодатную почву, а отсутствие классового сознания и организации мешали разобраться в нацистской демагогии. Концентрация производства и торговли изображалась не как закономерность развития капитализма, а как результат чьей-то злой воли, явление, которое будто бы можно отменить. Особым успехом пользовалась в этой среде, с ее традиционными националистическими настроениями, пропаганда реваншизма, ловко игравшая на ущемленных Версальским договором национальных чувствах немцев. Нацисты вполне могли рассчитывать здесь и на успех своей разнузданной антисемитской кампании, ибо городская мелкая буржуазия, не желая разобраться в существе дела, верила всякого рода небылицам насчет того, будто все крупные банки и универмаги находятся в руках капиталистов-евреев. Неслучайно один из тогдашних нацистских лидеров — Динклаге писал в конце 1927 г. о необходимости сосредоточить все усилия на «мелких собственниках, являющихся наиболее энергичными противниками универмагов и потребительских кооперативов... на приказчиках, которые, будучи членами Немецкого союза торговых служащих, уже сейчас настроены антисемитски» [81].

Провал курса на завоевание рабочих масс отразился и на позиции нацистского руководства в вопросе о создании фашистских профсоюзов. Вскоре после возобновления деятельности партии в Мюнхен стали поступать, преимущественно с Северо-Запада, запросы и соответствующие предложения на эту тему. Руководство предпочло никак не реагировать на них. Гаулейтер Шлезвиг-

[79] Der Aufstieg der NSDAP in Augenzeugenberichten, S. 220—221.
[80] *Krebs A.* Tendenzen und Gestalten der NSDAP. Erinnerungen an die Frühzeit der Partei. Stuttgart, 1959, S. 41.
[81] См.: *Noakes J.* The Nazi Party in Lower Saxony 1921—1933, p. 105.

Гольштейна Лозе отметил в письме от 11 мая, что отсутствие ясных установок в вопросе о профсоюзах вызывает у рабочих скептицизм в отношении нацистской партии [82].

Излюбленная Гитлером тактика проволочек прикрывала собой нежелание открыто отказаться от создания своих профсоюзов. В первое время это вызывалось опасением перед укреплением того крыла, которое возглавлял Г. Штрассер и которое в своей социальной демагогии заходило, по мнению Гитлера и его окружения, чересчур далеко. Позднее определяющим соображением стало стремление во что бы то ни стало добиться укрепления связей с крупным капиталом, чему могло помешать существование собственных профсоюзов. В итоге (даже по данным нацистов, без сомнения преувеличенных) в 1930 г. в партии числилось 28,1% рабочих, в то время как рабочий класс составлял тогда 45,9% населения страны [83]. Следует отметить, что понятие «рабочий» у нацистов не соответствовало общепринятому; они включали в эту категорию и работников умственного труда, что, естественно, существенно меняло картину. Очень характерно также, что в районах, где была сосредоточена крупная индустрия: в Рурской области, Берлине, Верхней Силезии,— процент рабочих среди членов нацистской партии был гораздо ниже, чем в Саксонии, Тюрингии и Бадене, где преобладала мелкая промышленность [84].

В литературе есть немало свидетельств того, что подавляющее большинство рабочего класса не только твердо противостояло попыткам фашистов проникнуть в его ряды, но и активно сопротивлялось их происка м. Так, в 1925 г. рабочие Рура дали мощный отпор развернутой реакционерами шумной националистической кампании в связи с эвакуацией Рурской области французскими войсками. В Дортмунде было сорвано выступление Г. Штрассера. Аналогичные эпизоды в этом индустриальном районе были нередки и в последующие годы [85]. Особенное возмущение рабочих вызвала позиция нацистского руководства в вопросе о конфискации имущества князей. Фашистов называли «княжескими прислужниками» [86]. Когда одна из нацистских групп пыталась в это время отправиться поездом из Кельна в Бонн, машинист отказался везти «фашистских бандитов». Все же они добрались туда, но в Бонне было не лучше. «На одной из улиц, по которым мы маршировали,— вспоминал впоследствии участник этого «похода»,— из всех дверей и окон в нас кидали кусками

---

[82] См.: *Kele M.* Nazis and Workers. National-socialist Appeals to German Labor 1919—1933. Chapel Hill, 1972, p. 88.

[83] *Schäfer W.* NSDAP. Entwicklung und Struktur der Staatspartei des Dritten Reichs. Hannover u. a. 1956, S. 17.

[84] *Broszat M.* Der Staat Hitlers. München, 1969, S. 52.

[85] *Böhnke W.* Die NSDAP im Ruhrgebiet 1920—1933. Bonn — Bad Godesberg, 1974, S. 76, 98, 127.

[86] *Kater M. N.* Der NS-Studentenbund von 1926 bis 1928.— «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1974, N 2, S. 173.

угля, брикетами, вазонами и другими предметами... Под охраной большого наряда полиции нас привезли на вокзал» [87].

В мае 1926 г. в Мюнхене было созвано генеральное собрание партии. Одно из его решений касалось программы и объявляло ее неизменяемой. В несколько более поздпем документе это формулировалось так: «Программа является неприкосновенной догмой!» [88] Но неприкосновенной она была только для членов и приверженцев партии. Для нацистских же главарей и в этом смысле закон не был писан. В апреле 1928 г. в нацистской печати появилось многозначительное сообщение, что пункт 17 программы, касавшийся экспроприации крупных земельных владений, надо рассматривать как обращенный исключительно против землевладельцев-евреев [89]. Это было равносильно отмене данного пункта, ибо крупная земельная собственность в подавляющем большинстве (если не целиком) находилась в руках чистокровных юнкеров-арийцев. Спустя почти два года, в марте 1930 г., последовало второе разъяснение, вновь касавшееся того же пункта. В программе 1920 г. упоминалась земельная реформа (немыслимая без раздела наиболее крупных поместий). Теперь нацисты объявляли, что и крупные землевладения имеют право на существование, ибо «выполняют свои специфические задачи» [90].

Для того чтобы стать незаменимыми в глазах монополистов, гитлеровцы должны были покончить с организационной неразберихой, характерной для нацистской партии после возобновления ее деятельности. Первым шагом в этом направлении, как уже отмечалось, было сосредоточение оформления членских билетов в руках центра, чего удалось добиться не сразу. Гаулейтерами вначале были отнюдь не ставленники Мюнхена, а местные деятели, выбранные на собраниях председателей первичных организаций. Известен даже случай, когда гаулейтер, назначенный сверху, был смещен посредством голосования [91]. Это в корне противоречило фашистскому принципу фюрерства, отрицавшему «власть большинства» (если это противоречило интересам главарей), но гитлеровцы до поры до времени вынуждены были терпеть, ибо в течение всего 1925 г. шла ожесточенная борьба с «фёлькише» за местные организации.

В 1926 г., когда нацистская клика вплотную приступила к реализации своих организационных замыслов, гаулейтеры получили право утверждать или отклонять избрание председателей первичных ячеек. Однако и в этот момент Гитлер еще высказывался против их назначения, мотивируя это тем, что последние должны пользоваться доверием [92]. И лишь в 1929 г., когда пар-

[87] *Kiehl W.* Mann an der Fahne. München, 1938, S. 96—97.
[88] Führer befiehl..., S. 305.
[89] *Orlow D.* Op. cit., v. 1, p. 118.
[90] *Schäfer W.* Op. cit., S. 86.
[91] *Orlow D.* Op. cit., v. 1, p. 86.
[92] См.: *Horn W.* Op. cit., S. 282.

тия во всех ее звеньях уже прочно находилась в руках центрального руководства, было покончено с видимостью избрания. К этому времени сложился тот слой фашистских заправил областного масштаба (Заукель, Кох, Тербовен, Лозе и др.), который являлся опорой фюрера вплоть до гибели нацизма.

С течением времени организационная структура нацистской партии усложнялась. Появлялись новые отделы в центральном аппарате, в округах. Руководители отделов в пределах округа находились в двойном подчинении — гаулейтеру и начальнику соответствующего отдела в Мюнхене, а координация между этими двумя инстанциями практически отсутствовала, тем более что здесь решающую роль играли личные отношения, нередко весьма враждебные. Так, гаулейтер округа Северный Рейн, а затем Гамбурга — Кауфман, начавший свою деятельность в нацистской партии бок о бок с Геббельсом, ненавидел его лютой ненавистью (естественно, взаимно); в 1927 г. он направил в Мюнхен заявление, где сообщал, что после совещания 1926 г. в Бамберге Геббельс заявил: «В 1923 г. Гитлер предал социализм!» [93]. Геббельс позднее возглавил отдел пропаганды партии (он сменил Г. Штрассера, ставшего в 1928 г. начальником организационного отдела), Кауфман же вплоть до 1945 г. был гаулейтером.

Выступая на генеральном собрании в Мюнхене в июле 1927 г., Гитлер подчеркнул, что одна из самых главных целей руководства — утвердить в качестве непреложного закона, что «решения по вопросам развития принимаются не на заседаниях, съездах, конгрессах, будь они даже весьма импозантны». А на следующий год он вернулся к этой теме, добавив, что негоже на такого рода собраниях обсуждать серьезные проблемы [94]. Этот принцип твердо проводился с первого же съезда после возобновления деятельности партии, собравшегося в июле 1926 г. в Веймаре. В директивах к съезду (они оставались в силе и для двух последующих — в 1927 и 1929 гг.) говорилось, что его единственная цель — демонстрировать силу и единство. Все внесенные в порядке подготовки съезда предложения должны рассматриваться на закрытых заседаниях, посвященных тому или иному кругу вопросов, причем судьба этих предложений определялась не голосованием, а решением председательствующего; последнее слово Гитлер оставлял за собой.

Следующий съезд был созван в августе 1927 г. уже в Нюрнберге. Нацисты утверждали, что число прибывших сюда достигало 30 тыс. человек, на деле их, по-видимому, было вдвое меньше [95]. Среди других ораторов на съезде выступил председатель нацистской фракции в рейхстаге Фрик, недвусмысленно охарактеризовавший цель пребывания фашистов в парламенте: подготовить его

[93] Führer befiehl..., S. 128.
[94] Ibid., S. 175, 206.
[95] *Bennecke H.* Op. cit., S. 131.

разгон и установить диктатуру [96]. На заседании, занимавшемся организационными делами, было внесено предложение не рассматривать «не относящиеся к делу вопросы, чтобы не понижать уровень съезда» [97]. «Гайки» продолжали завинчиваться.

В 1928 г. нацисты из-за нехватки средств отказались от проведения съезда. Это был для них не слишком благоприятный момент: вся широковещательная пропагандистская кампания, развернутая в связи с выборами в рейхстаг, принесла им только 700 с лишним тысяч голосов и 12 депутатских мест. Надежды на крупные успехи не оправдались, а субсидии, предоставленные промышленниками, были израсходованы. В 1929 г. положение значительно изменилось. Рейд по индустриальным центрам принес необходимые средства, но главное было в том, что нацистская партия неожиданно получила мощную поддержку со стороны влиятельнейшей силы лагеря крайне правых — Национальной партии (см. ниже). На съезде 1929 г. присутствовало много представителей зарубежных немцев — сторонников нацизма; делегация из Судетской области Чехословакии вышла на демонстрацию с транспарантом «Германские Судеты верны Гитлеру» [98]. Это было за девять лет до Мюнхена! «Только посредством войны можно будет достичь конечной политической цели»,— заявил полковник в отставке Хирль, занимавший важное место в партийной иерархии [99]. Его речь была издана в качестве программного заявления по данному вопросу.

Участник съезда, впоследствии писатель-демократ Б. Узе красочно описал специальное заседание съезда по рабочему вопросу, где вполне закономерно оказалось затронутым отношение к забастовкам. Уже не впервые ставился этот вопрос; но нацистские лидеры всячески изощрялись, стремясь уйти от прямого ответа. На съезде Лей поставил все точки над i: «Забастовка — это инструмент классовой борьбы,— заявил он,— и поэтому национал-социалисты при любых обстоятельствах отвергают ее». От имени Гитлера Лей положил конец дальнейшим разговорам на эту тему [100].

Наиболее полное выражение ситуация в нацистской партии нашла в обожествлении Гитлера. Вот что писал, например, 9 января 1927 г. в статье, озаглавленной весьма характерно — «Хайль Гитлер!», Г. Штрассер, которого в буржуазной литературе принято рассматривать чуть ли не как главу оппозиции против фюрера: «Подчиненный герцога, его вассал! Сущность национал-социалистской рабочей партии заключается в этом истинно немецком

---

[96] *Ottwalt E.* Deutschland, erwache. Geschichte einer Gegenrevolution. Wien — Leipzig, 1932, S. 266—267.

[97] *Orlow D.* Op. cit., v. 1, p. 116.

[98] Dokumente der Zeitgeschichte, S. 303.

[99] См.: *Burden H.* The Nuremberg Party Rallies: 1923—39. New York, 1969, p. 53.

[100] См.: *Uhse B.* Söldner und Soldat. Berlin, 1956, S. 204.

соотношении вождя и подвластных ему, понятном только немецкому существу и немецкому духу, аристократическом и в то же время демократическом» [101]. Фимиам Гитлеру воскуривали и многие другие нацистские лидеры, в частности командующий штурмовыми отрядами Пфефер. В декабре 1929 г. он писал одному из своих приспешников: «Перед Вами только одна индивидуальность: фюрер. И Вы подчиняетесь ему... Вы не спрашиваете, почему и по какой причине» [102]. Одна из фашистских газет сформулировала это так: «Идея фюрерства — основа национал-социалистской партии» [103].

В то время еще более или менее открыто звучали слова предостережения. Так, Фольк писал: «Шумиха вокруг фюрера приняла в конце концов такие масштабы, что наши звездопоклонники, услышав известное имя, впадают в истерику... Фюрер — это все, только от него в детско-рабской покорности ожидают исполнения надежд и желаний» [104]. Это были очень правильные слова, но Фольк, критикуя культ фюрера в частных письмах, одновременно на собраниях провозглашал троекратно «хайль» Гитлеру.

Принцип фюрерства занимал в нацистской пропаганде одно из центральных мест. Фашистские главари считали, что ее уровень следует ориентировать на способности наиболее ограниченного из тех, к кому она обращена. Излюбленные темы — сила, право, честь, победа, месть; преподносить их лучше всего в вечерние часы, когда люди уже утомлены и более склонны подчиниться чьему-либо руководству [105]. В нацистской пропаганде не было полутонов, только черное и белое: в своем лагере все правильно и хорошо, у противников все неверно и плохо. Ни в коем случае нельзя было «выносить сор из избы». Об этом шла речь в специальных циркулярах, то же требование содержалось в приказе командующего СА Пфефера от 5 ноября 1926 г.: «Занятие политикой... требует отрицать и утаивать все слабости, ошибки, недостатки перед лицом общественности, хотя каждый разумный человек знает, что там, где есть свет, должна быть и тень» [106].

Помимо доведенной до предела лживости, отличительной чертой нацистской пропаганды была ее демагогичность. В этом отношении гитлеровцы оставили далеко позади всех своих соперников из лагеря крайней реакции, не сумевших подняться до тех «высот» лицемерия, беззастенчивости, беспринципности, которые были свойственны нацизму. Фашисты признавали только один критерий — «целесообразность». «Мы не будем цепляться за старые

[101] Führer befiehl..., S. 163.
[102] *Kempner R.* Blueprint of the Nazi Underground Past and Future Subversive Activities.— «Research Studies of the State College of Washington», 1945, June, p. 117.
[103] *Weissbecker M.* Zur Herausbildung des Führerkults in der NSDAP.— In: Monopole und Staat in Deutschland 1917—1945. Berlin, 1966, S. 118.
[104] *Jochmann W.* Nationalsozialismus und Revolution, S. 197.
[105] *Heuss T.* Hitlers Weg. Stuttgart, 1968, S. 130.
[106] *Bennecke H.* Op. cit., S. 242.

формулировки,— писал Гитлер в «Фёлькишер беобахтер» от 21 января 1930 г.,— если для могущества и величия государства понадобятся новые». На деле это означало: если нацистским лидерам или их покровителям понадобится, то они не остановятся ни перед каким вывертом.

Фашисты развили бешеную активность, проводя гораздо больше митингов, собраний, походов и шествий, чем любая другая партия. Пропаганда носила концентрированный характер. Как видно из циркуляра по этому вопросу от 24 декабря 1928 г., подписанного Гиммлером, предлагалось время от времени проводить «ударные» пропагандистские кампании, устраивая в пределах какого-либо округа от 70 до 200 собраний на протяжении 7—10 дней. Для таких собраний следовало выбирать не слишком большие залы,— так, чтобы они наверняка были заполнены. Гитлеровцы не рассчитывали заманить людей одними «идеями»; обязательной составной частью нацистского собрания были музыкальные номера, спортивные упражнения, живые картины и т. п.[107] Нацистское руководство тщательно изучало положение в отдельных местностях и рекомендовало концентрировать пропагандистские усилия прежде всего там, где это могло привести к немедленному и быстрому росту организации [108].

Настоящим спектаклем являлись митинги, на которых выступал фюрер. Не менее важным, чем содержание речи, было создание «атмосферы». Ее накаливанию способствовали долгое ожидание (хотя Гитлер в это время мог находиться в каком-либо близлежащем кабачке), громкая музыка, барабанный бой, церемония внесения в зал знамени и т. п. Воздействие речей Гитлера основывалось на бесконечном повторении и варьировании одной-двух примитивных мыслей, преподносимых на искусственном эмоциональном подъеме, который заражал слушателей, принимавших его за чистую монету [109]. Не только люди, знавшие толк в ораторском искусстве, но и некоторые слушатели, не искушенные в этом (в том числе полицейские чины, наблюдавшие за нацистскими собраниями), отзывались о выступлениях Гитлера отрицательно, отмечая их бессодержательность. Тем не менее талант площадного демагога делал свое дело.

Нацистские главари были очень восприимчивы к техническим новинкам и быстро вводили их в обиход своей пропаганды. Так было, например, с кинохроникой; еще более важное значение для пропагандистских успехов гитлеровской партии имело применение микрофона и репродуктора. Это относится уже к 1930 и последующим годам, когда нацисты первыми сумели столь широко поставить радио на службу политическим целям [110].

---

[107] Führer befiehl..., S. 256.
[108] *Orlow D.* Op. cit., v. 1, p. 166.
[109] См.: *Grieswelle D.* Propaganda der Friedlosigkeit. Eine Studie zu Hitlers Rhetorik 1920—1933. Stuttgart, 1972.
[110] *Zeman A. B.* Nazi Propaganda. London a. o., 1964, p. 34.

Большое значение фашисты придавали и печатному слову. Если в 1926 г. в их распоряжении имелась только одна ежедневная газета — «Фёлькишер беобахтер», выходившая тиражом в 10 700 экз., то в 1928 г. число их увеличилось до четырех, а общий тираж — до 22 800 экз; в 1929 г. уже было десять ежедневных газет (72 600 экз.) [111]. Имелось также много еженедельников. В области печати шла непрерывная грызня между различными нацистскими лидерами, издававшими газеты и вступавшими в прямую конкуренцию за читателя. Так, ожесточенно боролись друг с другом Федер и Тербовен, тот же Федер и Штрейхер; иногда дело доходило до обращения в суд. Наиболее непримиримая свара имела место в Берлине, где Геббельс в 1927 г. приступил к изданию газеты «Ангриф»; ее продавцы подчас завязывали драки с разносчиками штрассеровских изданий [112].

На страницах нацистских газет и листовок центральное место занимали материалы антисемитского содержания. Если бы не существовало антисемитизма, гитлеровцы были бы начисто лишены возможности применять свой демагогический тезис о «созидающем и хищническом капитале», где в качестве созидателей фигурировали арийские буржуа, а в обличье хищников, беспощадно эксплуатирующих народные массы Германии, выступали капиталисты-евреи. Таким образом, служебная роль антисемитизма в системе фашистской пропаганды была исключительно велика.

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ НАЦИСТСКОЙ ПАРТИИ

Существенным достижением нацистов за годы относительной стабилизации капитализма была их победа в конкурентной борьбе с другими организациями крайне правого лагеря. Еще в 1925 г. наиболее заметная из них — «Фёлькиш-немецкая партия свободы» не только располагала более прочными позициями в Северной и Средней Германии, но и соперничала с нацистской партией в ее логове — на юге страны. Однако за каких-нибудь два-три года гитлеровцы оттеснили ее на второй план, превзошли и в организационном отношении, и в еще большей степени по масштабу и изощренности своей пропаганды. Значительную роль сыграли здесь и действия штурмовиков, терроризовавших собрания и митинги «фёлькише». В 1927 г. в рядах последних начался разброд; три их депутата — Ревентлов, Штер и Кубе — перешли к гитлеровцам. На всех выборах местного масштаба «фёлькише» терпели значительные потери. Последний удар этой партии нанесли выборы в рейхстаг 1928 г., когда они не сумели завоевать ни одного мандата [113].

---

[111] *Hale O.* The Captive Press of the Third Reich. Princeton, 1966, p. 59.
[112] *Hüttenberger P.* Op. cit., S. 63—64; *Peterson E.* The Limits of Hitlers Power. Princeton, 1969, p. 228.
[113] *Wulff R.* Op. cit., S. 151, 158, 165.

Результаты этих выборов для самих нацистов, как мы знаем, были тоже скромными. И трудно сказать, скоро ли удалось бы им «развернуться», если бы не начавшийся в том же году пересмотр репарационных обязательств Германии, приведший весной 1929 г. к выработке «плана Юнга». Новый репарационный план отменял иностранный контроль над народным хозяйством и существенно ограничивал годовые платежи; но он предусматривал, что они будут вноситься в течение нескольких десятков лет. Для правого лагеря это был удобный предлог, чтобы развернуть демагогическую кампанию еще невиданного размаха и ожесточения, направленную против существующего режима. Активнейшее участие принимала в ней гитлеровская партия, а возможность для этого ей предоставил архиреакционер и крупный капиталист Гугенберг, несколько ранее ставший во главе Национальной партии и повернувший ее деятельность в русло ожесточенной борьбы с республикой. Он предоставил в распоряжение нацистов средства пропаганды, которыми располагал в качестве владельца мощного газетного концерна, телеграфного агентства и крупнейшей киностудии. Главное же — в кассу нацистской партии стала поступать $^1/_5$ сумм, предоставлявшихся монополиями в распоряжение Гугенберга в целях финансирования реакционных политических организаций; это составило в среднем 2 млн. марок в год [114]. На заседании нацистских депутатов рейхстага и ландтагов накануне Нюрнбергского съезда 1929 г. Гитлер заявил: «Союз с Национальной партией выгоден потому, что в этой борьбе мы сможем использовать их богатые денежные источники. Черпая из них, мы в то же время должны вести борьбу так, как если бы она была нашим, и только нашим, делом» [115].

Так нацисты и поступили. Их злостная игра на националистических предрассудках никогда еще не достигала таких пределов. Один из вымыслов, которыми они пользовались, сводился к утверждению, что в случае невыполнения Германией репарационных обязательств немецкая молодежь будет вывозиться для рабского труда в Африку. И подобного рода небылицам верили, особенно в сельских местностях [116], ибо долголетняя националистическая пропаганда подготовила для этого почву. Об абсолютной лживости поднятой фашистами шумихи можно судить по тому, что́ Гитлер сказал в одной из бесед позднее: «В течение 1925—1928 гг. мы по вине профсоюзов израсходовали лишних 18 млрд. марок в виде зарплаты, социальных платежей, стра-

---

[114] *Heiden K.* Op. cit., S. 260; *Thyssen F.* I Paid Hitler. New York — Toronto, 1941, p. 103—104. По-видимому, Гугенберг играл важную роль в финансировании фашистских организаций уже в первой половине 20-х годов.— Völkische Bewegung. Referentenmaterial zur Reichstagwahl 1924. Hrsg. vom Kommunistischen Wahlkomitee. Berlin, 1924, S. 11.

[115] *Uhse B.* Op. cit., S. 196.

[116] Das Kabinett Müller II, Bd. 2. Boppard am Rhein, 1970, S. 1038; *Schön E.* Op. cit., S. 156—157.

хования по безработице. По сравнению с этим 2 млрд. годовых платежей по репарациям значат немного» [117].

В октябре 1929 г. проходил предварительный сбор подписей, а в декабре — плебисцит против «плана Юнга». Он потерпел неудачу, но созданная им накаленная атмосфера пошла гитлеровцам на пользу. Росту их популярности способствовало также ухудшение экономической конъюнктуры, происходившее в течение всего года, но особенно быстрыми темпами — с осени, когда Германию охватил невиданный экономический кризис и многие выбитые из обычной колеи люди уверовали в нацистскую проповедь.

Коммунистическая партия уделяла усилившейся фашистской угрозе серьезное внимание. На пленуме ЦК КПГ в октябре 1929 г. Э. Тельман подчеркнул, что крупные капиталисты осуществляют реорганизацию нацистской партии, и охарактеризовал ее, как орудие монополий [118]. В заявлении ЦК КПГ от 16 октября по поводу плебисцита против «плана Юнга» говорилось, что он не способен ни предотвратить принятие этого плана, ни сорвать его реализацию. Плебисцит «служит лишь подготовке в Германии открытой фашистской диктатуры... Каждая подпись, отданная фашистскому блоку Гугенберга — Гитлера,— это голос в пользу порабощения немецких рабочих, мелких крестьян и трудящихся» [119].

Одним из первых симптомов скачкообразного усиления гитлеровской партии явились выборы в баденский ландтаг 27 октября. Она получила 65 тыс. голосов и шесть мест (в прошлом составе нацисты не были представлены). Много голосов завоевали фашисты на коммунальных выборах в ряде земель, в том числе в Гессене (вдвое по сравнению с 1928 г.) и в Саксонии. Крикливая кампания, развернутая нацистами в ходе плебисцита, и сопутствовавшие ей избирательные успехи фашистской партии обратили на себя внимание ряда представителей «делового мира», которые прежде не придавали ей значения. К ним принадлежал, в частности, президент рейхсбанка Шахт, весьма влиятельное лицо в лагере крупного капитала.

В Тюрингии нацистская партия получила почти в 2,5 раза больше голосов, чем в 1927 г., и шесть мест в ландтаге. Буржуазные партии, составив коалицию, направленную против КПГ и СДПГ, предоставили нацистам ведущую позицию в правительстве этой земли — министерства внутренних дел и просвещения.

Таким образом, нацистская партия проделала к этому време-

---

[117] *Calic E.* Ohne Maske. Hitler — Breiting Geheimgespräche 1931. Frankfurt a. M., 1968, S. 47.

[118] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 4, S. 234; *Mammach K.* Bemerkungen über die Wende der KPD zum Kampf gegen den Faschismus.— «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1963, N 4, S. 664.

[119] Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. VIII, S. 900.

ни существенную эволюцию. Не отказываясь полностью от путчистских замыслов, фашисты успешно использовали богатые возможности подрыва республиканского строя, которые тот предоставлял им. От ожесточенных споров о том, можно ли принимать участие в выборах и в работе парламента, нацисты перешли к «конструктивной» деятельности в составе вемельной администрации, зависевшей от имперского правительства, против которого они выступали с беспримерной ожесточенностью. Гитлер придавал вхождению в правительство Тюрингии столь существенное значение, что он не доверил никому переговоры по этому вопросу. В целях нажима на лидеров местных буржуазных партий он собрал в Веймаре крупных промышленников со всей Средней Германии (более 200 человек). Они-то и повлияли на ведущих буржуазных политиков Тюрингии, с опаской относившихся к фашистскому кандидату в министры Фрику — в прошлом баварскому чиновнику, который, находясь при исполнении служебных обязанностей, принял участие в мюнхенском путче 1923 г.[120] Фюрер считал министерства внутренних дел и просвещения важнейшими в масштабах земли и подчеркивал, что тот, «кто располагает обоими этими министерствами и использует предоставляемую ими власть настойчиво, не останавливаясь ни перед чем, может добиться чрезвычайных результатов»[121].

Действия Фрика на министерском посту подтвердили худшие предвидения. Прежде всего он постарался занять важнейшие посты в полиции «своими людьми». Фашистский «теоретик» по расовому вопросу Гюнтер стал профессором Иенского университета — одного из старейших в Германии[122]. Происходившее в 1930 г. в Тюрингии должно было насторожить всех немецких демократов; но этого не произошло. Только коммунистическая партия объявила беспощадную борьбу гитлеровцу, пытавшемуся превратить Тюрингию в очаг фашистского мракобесия. Отмечая совершенно недостаточный характер «санкций», примененных против Фрика имперским правительством (временное прекращение ассигнований), А. Норден (ныне член Политбюро ЦК СЕПГ) писал тогда: «Тем более острую борьбу против фашистского правления в Тюрингии развернет коммунистическая партия, борьбу, которая подымется до открытого отпора распоряжениям кабинета путчистов»[123]. Эти слова были претворены в жизнь.

Коалиция нацистов с другими правобуржуазными партиями просуществовала в Тюрингии больше года; она распалась, когда даже доброжелателям нацизма стало невмоготу. Поводом к разрыву послужила речь фашистского гаулейтера Заукеля, назвавшего

[120] «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1966, N 4, S. 462.
[121] Ibid., S. 461, 463.
[122] *Sauckel F.* Der Kampf um Thüringen. Ein Bericht über die Tätigkeit des ersten nationalsozialistischen Staatsministers und der thüringischen nationalsozialistischen Landtagsfraktion im Jahre 1930. Weimar, 1939, S. 30—31.
[123] «Internationale Pressekorrespondenz», 1930, N 27, S. 653.

союзников по правительству «предателями и обманщиками, бесстыдно ведущими преступную игру с судьбами нашего народа» [124]. Это, однако, не помешало представителям тех же партий войти в коалицию с гитлеровцами в другой провинции — Брауншвейге.

Первостепенное значение для дальнейшего имели планомерные усилия, предпринятые нацистской партией с конца 1929 — начала 1930 г. с целью распространить свое влияние на крестьянство. До этого соответствующие попытки гитлеровцев не имели особого успеха; на выборах 1928 г. доля их избирателей в сельских местностях была ниже, чем по всей стране. Лишь в некоторых районах Шлезвиг-Гольштейна, где положение населения было особенно мучительным и существовали крупные крестьянские организации, нацистская партия сумела завоевать серьезное влияние. В полицейском отчете, относящемся к марту 1929 г., говорилось, что «местность в районе Нордерхастед, Тенсбюттель, Альберсдорф и Теллингштедт следует безусловно рассматривать как бастион национал-социалистов. Здесь почти все население входит в партию» [125].

Но прошло еще некоторое время, пока «завоевание деревни» было поставлено на широкую ногу. В начале марта 1930 г. появилось специальное нацистское заявление по этому вопросу, состоявшее главным образом из широковещательных обещаний. Вскоре был создан пост советника партийного руководства по сельскохозяйственным вопросам, занятый известным расистом В. Дарре, с именем которого связаны фашистские бредни об «избранности» крестьянства — детища «крови и почвы». В составленных им меморандумах Дарре указывал, что «вопрос о том, удастся ли заполучить в свои руки сельское население, жизненный для национал-социалистской партии». Он предложил создать разветвленный аграрно-политический аппарат, основанный на «учете психологии немецкого крестьянства, которую может понять только его коллега по судьбе, хорошо знакомый с сельским хозяйством и с местными особенностями и условиями, а не городской агитатор». Дарре требовал, чтобы в каждой нацистской организации на всех уровнях имелся советник по сельскому хозяйству [126].

В августе 1930 г. было отдано соответствующее распоряжение. В функции этих советников кроме их основного занятия — ведения пропаганды среди местного крестьянства входило постоянное информирование центрального руководства обо всем, что делалось в этой области. О том, что нацисты завоевывают дерев-

---

[124] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 215, оп. 1, д. 193.

[125] *Stoltenberg G.* Politische Strömungen im schleswig-holsteinischen Landvolk 1918—1933. Düsseldorf, 1962, S. 207—209.

[126] *Giess H.* NSDAP und landwirtschaftliche Organisationen in der Endphase der Weimarer Republik.— «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1967, N 4, S. 342—346.

ню, свидетельствовали результаты выборов в рейхстаг 1930 г., когда они получили 22,6% голосов в сельских местностях против 2,8% в 1928 г. Это было только начало. «Крестьянин должен находиться в центре всех хозяйственно-политических расчетов»,— говорилось в одном из нацистских изданий [127]. И фашисты настойчиво следовали данному девизу.

Мировой экономический кризис с самого начала оказал сильнейшее воздействие на Германию. Уже в июле 1930 г. выплавка стали упала почти на 40% по сравнению с тем же месяцем 1929 г., производство чугуна — на 35, добыча каменного угля — на 20%. Общий индекс промышленной продукции снизился к концу года на 16,5% по сравнению с предкризисным 1928 г., промышленные предприятия были загружены менее чем наполовину [128] — это одно из ярких проявлений общего кризиса капитализма. В марте 1930 г. только официально зарегистрированных безработных было почти 3,5 млн. человек. Происходило также сокращение рабочей недели у тех пролетариев, которые еще оставались на предприятиях (иногда до трех-четырех дней), с соответствующим снижением зарплаты. Летом 1930 г. численность такого рода частично безработных оценивалась в 2,9 млн.[129] Падение покупательной способности городского населения в результате кризиса крайне отрицательно сказывалось на положении крестьянства. Росла задолженность крестьянства, росло число хозяйств, имущество которых шло с молотка за долги.

Обострение социальных противоречий привело уже в марте 1930 г. к распаду правительственной коалиции, стоявшей у власти с середины 1928 г. и возглавлявшейся социал-демократами. Крупный капитал счел момент весьма подходящим, чтобы начать осуществление своих планов лишения рабочего класса завоеванных им в трудной борьбе прав и отхода от буржуазной демократии. Это было основной целью нового имперского правительства, во главе которого стал лидер католической партии Центра Г. Брюнинг. В это время он пользовался доверием главных сил монополистического капитала, еще предпочитавших постепенное выхолащивание парламентского режима его единовременной ликвидации, ибо опасались возможных последствий. Правительство Брюнинга было шагом к реализации давнего и упорного стремления крупной буржуазии к «сильной власти». Не случайно именно в то время сталепромышленник Шленкер, возглавлявший мощный предпринимательский союз Объединение по охране общих экономических интересов в Рейнской области и Вестфалии, писал: «Мы должны уделять внимание опытам Муссолини и

---

[127] *Diebow H.* Gregor Strasser und der Nationalsozialismus. Berlin, 1932/33, S. 59.

[128] Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг., т. 1. М., 1937, с. 732—736, 586—587.

[129] «Internationale Rundschau der Arbeit», 1933, N 8, S. 703; Vingt ans d'histoire allemande (1914—1934). Paris, 1936, p. 63—64.

учиться на них» [130]. И хотя между группировками господствующих классов, поддерживавшими соответственно правящую коалицию и фашистов, имелись весьма существенные разногласия, резко антидемократический курс, взятый Брюнингом, безусловно был на руку гитлеровцам. Правительство, как подчеркнул летом 1930 г. Э. Тельман, «холодным путем прокладывает путь фашистскому государственному перевороту» [131].

Планы ликвидации демократических свобод, установления диктаторского образа правления вынашивали не только монополисты и юнкерство, но и реакционная военщина, мечтавшая о реванше. Отношение генералитета к нацистской партии было сложным. С одной стороны, военщине чрезвычайно импонировали милитаристский дух фашистского движения и его направленность в целом. С другой, генералы отнюдь не отказались от стремления играть самостоятельную, и притом руководящую, политическую роль. Это вытекает, к примеру, из относящегося к 1929 г. высказывания одного из высших офицеров — Гаммерштейна (несколько позднее он стал командующим рейхсвером): «Правительство, привязанное к нынешней конституции и парламенту, не может осуществить мероприятия, ставшие необходимыми для нашего спасения. Это может сделать лишь диктатура, установить которую под силу одному рейхсверу» [132]. К сказанному примешивались еще опасения командования армии перед конкуренцией со стороны главарей штурмовых отрядов, численность которых постоянно возрастала (тогда как рейхсвер был ограничен 100 тыс. человек). Правда, Гитлер время от времени выступал с успокоительными заявлениями, будто «ни при каких условиях не может возникнуть угрозы превращения штурмовых отрядов в конкурента рейхсвера» [133], но в документах, скрытых от посторонних глаз, говорилось прямо противоположное. Так, командующий СА Пфефер в письме к одному из своих подчиненных от 13 октября 1928 г. провозглашал: «Мы стоим на той точке зрения, что штурмовые отряды, как носителей будущего германского вермахта, следует организовать и обучать сейчас так, чтобы уже постепенно создавалось государство в государстве» [134].

Это-то не улыбалось генералам. Тем не менее они не могли не оценить возможности, создаваемые наличием обширного резерва армии, воспитанного в сугубо шовинистическом, реваншистском духе. Отсюда тайное сотрудничество армии с штурмовыми отрядами, сведения о котором время от времени проникали в печать. В 1928 г., например, стало известно о военных приготов-

[130] *Sörgel W.* Metallindustrie und Nationalsozialismus. Frankfurt a. M., 1965, S. 23.
[131] «Die Rote Fahne», 19.VII 1930.
[132] Deutsche über Deutschland. Die Stimme des unbekannten Politikers. München, 1932, S. 292.
[133] *Schüddekopf O.-E.* Das Heer und die Republik. Hannover, 1955, S. 327—328.
[134] *Oehme W., Caro K.* Kommt «Das Dritte Reich»? Berlin, 1930, S. 40.

лениях в районе Кирхгайн, в которых под руководством рейхсвера активно участвовали штурмовики Северного Гессена [135]. В Восточной Пруссии штурмовиков почти открыто привлекали к участию в «пограничном ополчении», снабжали оружием из армейских арсеналов; инструкторы рейхсвера обучали коричневорубашечников военному делу. В начале 1931 г. генерал Шлейхер, занимавший ключевой пост в военном министерстве, в письме к Рему подтвердил заинтересованность рейхсвера в подобном сотрудничестве [136]. Эти лица и были связующим звеном между армией и нацистами.

Фашисты прилагали значительные усилия, стремясь добиться новых успехов на выборах. Особенное внимание они сосредоточили на Саксонии, которая считалась традиционным оплотом рабочих партий. Весной 1930 г. фашисты сумели утроить по сравнению с 1919 г. число полученных здесь голосов и заняли в ландтаге второе место. Впервые с полной очевидностью выяснилось, что к нацистской партии переходят избиратели «старых» буржуазных партий, тех самых, которые покровительствовали и помогали ей: Национальная партия потеряла около 40% голосов, народная — 37% и т. д. В то же время общее число сторонников КПГ и СДПГ осталось примерно неизменным.

Между тем страна вступала в новую избирательную кампанию и притом несравненно более важную: в июле правительство Брюнинга, оказавшись в конфликте с рейхстагом, аннулировавшим изданный президентом чрезвычайный декрет, распустило парламент. Выборы были назначены на 14 сентября. Этим актом правительство объективно удовлетворило домогательства фашистов, торопившихся использовать выгодную для них экономическую конъюнктуру, значительно возросшую политическую и финансовую поддержку монополий.

Не прекращая социальной демагогии, Гитлер в то же время стремился покончить с фрондировавшими элементами, лидером которых был О. Штрассер. Позиция последних была слаба, ибо они пытались соединить несоединимое: фашистскую идеологию, непримиримую вражду к организованному рабочему движению с борьбой против засилья крупного капитала. В мае 1930 г. в ходе двухдневных бесед фюрера с О. Штрассером выяснилась несовместимость их точек зрения. Высказывания Гитлера во время этих бесед, не предназначавшиеся, естественно, для печати, дают много для понимания существа политики нацистов. Так, на вопрос Штрассера, что он сделает с фирмой Круппа, когда придет к власти, останется ли все по-прежнему, Гитлер ответил: «Само собой разумеется. Неужели Вы полагаете, что я стремлюсь уничтожить германскую тяжелую промышленность?» Он сказал далее: «Наши предприниматели обязаны своим положением своим спо-

[135] *Schön E.* Op. cit., S. 127.
[136] *Vogelsang T.* Reichswehr, Staat und NSDAP. Stuttgart, 1962, S. 118—119.

собностям. Этот отбор, лишь подтверждающий их принадлежность к высшей расе, дает им право руководить» [137].

Уйдя спустя некоторое время из партии, О. Штрассер обнародовал содержание своих бесед с фюрером, чем усилил недовольство многих рядовых членов и сторонников гитлеровской партии. Те, кто всерьез принимал нацистскую демагогию и до этого закрывал глаза на ее явную лживость (их было немало в штурмовых отрядах), заговорили о том, что ее руководители «предают социалистические идеалы». Они не могли знать, что́ Гитлер говорил «не для печати», на собраниях промышленников или просто в узком кругу, как, например, в редакции нацистской газеты в Итцехоэ (Шлезвиг), когда он воскликнул: «Социализм — это вообще неудачное слово. Почему вы так много пишете об этом?» [138]

Летом 1930 г. во главе недовольных штурмовиков оказался командир штурмовых отрядов Восточной Германии Штеннес, возмущенный решением партийного руководства не выдвигать представителей командования СА кандидатами в рейхстаг [139]. Можно полагать, однако, что Штеннеса интересовали не только бесплатный проездной билет и деньги, причитавшиеся депутату; он хотел добиться официального признания военизированного характера штурмовых отрядов [140]. По мере углубления экономического кризиса все большее число коричневорубашечников зависело от помощи, которую они могли получить из партийной кассы; однако средства расходовались преимущественно на ведение предвыборной кампании. И вот в разгар ее, в конце августа, берлинские штурмовики возмутились. Появились листовки, в которых выражалась «радость», что Гитлер приобрел новую машину за 40 тыс. марок. Штурмовики требовали платы за охрану собраний, а когда это требование не было удовлетворено, отказались охранять нацистские митинги. Они были заменены эсэсовцами, но в ночь на 30 августа коричневорубашечники смяли посты СС, выставленные у здания берлинской нацистской организации, и разгромили помещение. Гаулейтер Геббельс вызвал на помощь... полицию.

Узнав о «бунте», Гитлер был близок к нервному шоку. Он ринулся в Берлин, чтобы нейтрализовать влияние, которое эти события могли оказать на исход выборов. Фюрер ходил из кабачка в кабачок, где обычно проводили время коричневорубашечники, и убеждал недовольных поверить ему, обещал материальные выгоды [141]. С невероятной поспешностью, уже 3 сентября, было опубликовано соответствующее распоряжение [142]. Так удалось ло-

---

[137] *Strasser O.* Hitler and I. Boston, 1940, p. 112.
[138] *Uhse B.* Op. cit., S. 180.
[139] Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus, II (приказ Пфефера от 2 августа 1930 г.).
[140] *Höhne H.* Op. cit., S. 64—65.
[141] *Billung R.* NSDAP. Die Geschichte einer Bewegung. München, 1931, S. 100.
[142] *Miltenberg W. von.* Adolf Hitler — Wilhelm III. Berlin, 1931, S. 76.

кализовать конфликт. Последствием берлинских событий был уход в отставку командующего штурмовыми отрядами Пфефера; его функции принял на себя сам фюрер, а с начала 1931 г. командовать фактически стал Рем, назначенный начальником штаба СА. Вывод, который сделала для себя гитлеровская верхушка, заключался в том, что следует еще тщательнее маскировать свою зависимость от крупного капитала, не отказываясь в то же время от социальной демагогии, а делая ее лишь еще изощреннее.

Косвенным следствием мятежа было окончательное отделение СС от штурмовых отрядов. Они не только становятся самостоятельной силой, но и приобретают в системе фашистских организаций (в то время включавшую в себя, помимо партии и СА, ряд союзов по профессиям, молодежных, студенческих и др.) особое значение. Возникает и быстро расширяется «служба безопасности» (СД) — центр тотального шпионажа; начальник СД Гейдрих становится ближайшим сотрудником Гиммлера. К тому же времени относится создание в СС расового отдела во главе с В. Даррe; СС должна была стать своего рода рассадником «чистопородных особей» [143].

С каждым днем все более разнузданным становился фашистский террор, не встречавший эффективного отпора со стороны властей. По неполным данным, с августа 1929 по январь 1930 г. нацисты убили 12 человек и более 200 ранили. В 1930 г. фашистские бесчинства стали еще интенсивнее: только с апреля по июль был убит 21 антифашист, около 200 человек ранено [144]. Подавить гитлеровский террор могла только железная воля рабочих масс к сопротивлению. Уже в сентябре — октябре 1929 г., когда стала нарастать активность нацистской партии, в Берлине, Гамбурге, Киле, Гёрлице и некоторых других городах прошли демонстрации протеста против фашизма. В Бреслау (Вроцлав) собралась конференция организаций рабочей самообороны и возник антифашистский картель. В окрестностях Эссена при участии более 300 делегатов состоялся (несмотря на запрет властей) антифашистский конгресс Рурской области [145].

Когда число безработных начало стремительно расти, нацисты удвоили усилия, чтобы привлечь их на свою сторону. Это удалось им лишь в незначительной степени, тем более что в крупных промышленных центрах очень сильным влиянием среди пролетариев пользовалась КПГ. В Рурской области даже на созывавшихся нацистами митингах (это видно из полицейских донесений) можно было услышать заявления, что «единственная партия, отстаивающая интересы безработных,— коммунистическая». Собра-

[143] *Aronson S.* Op. cit.; *Ramme A.* Op. cit.; *Mannvel R., Fraenkel H.* Op. cit., S. 22—23.

[144] Фонды Центрального музея революции, 30122/233, Д445—11П5; «Die Rote Fahne», 3.VII 1930; «Vorwärts», 26.VIII 1930.

[145] Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР), ф. 4459, оп. 2, д. 416, 455.

ние безработных Реклингхаузена, состоявшееся в апреле 1930 г., заявило, что оно «решительно отклоняет разглагольствования нацистов... Безработные с удовлетворением констатируют, что их представители — КПГ и Революционная профсоюзная оппозиция — во всех отношениях выполняют свой долг» [146].

4 июня 1930 г. Политбюро ЦК КПГ приняло специальное постановление о борьбе против фашизма. Здесь отмечалось, что успех в этом деле может быть достигнут лишь посредством «массовой политической борьбы на максимально широкой основе». В постановлении намечались самые различные пути, чтобы воспрепятствовать дальнейшему расширению влияния гитлеровцев, оторвать от них те или иные социальные слои, в частности обнищавших мелких буржуа городов, служащих, сельскохозяйственных рабочих и т. п. Подчеркивалась важность развертывания целеустремленной идеологической борьбы против фашизма. Вместе с тем постановление предусматривало средства для оказания эффективного отпора гитлеровскому террору, прежде всего на предприятиях. Главным принципом при этом должно было служить единство действий независимо от партийной принадлежности [147].

В фашистской системе «обработки» населения террор, как уже отмечалось, был тесно связан с пропагандой. В годы экономического кризиса масштабы последней еще более расширились. Одним из свойств фашистской пропаганды этого периода была дифференцированность подхода к различным общественным классам и группам; она ловко учитывала наболевшие нужды каждой из них [148]. Гитлеровцы не скупились на фантастические обещания всяческих благ в случае своего прихода к власти, вопиюще противоречившие друг другу. Так, выступая в городах, фашисты требовали понижения цен на продукты, а в деревне выдавали себя за сторонников радикальных мер в пользу крестьян. Но это мог увидеть лишь тот, кто стал бы сравнивать и анализировать заявления фашистских пропагандистов. Сотни же тысяч, миллионы отчаявшихся людей попадали в сети фашистской демагогии, дававшей предельно простое объяснение всем бедам: «перенаселенность», мнимый недостаток «жизненного пространства», «процентное рабство», «еврейский заговор» и т. д. Для того чтобы понять лживость такого объяснения причин ужасающего положения мелкобуржуазных слоев, необходим был определенный уровень сознания. Но фашистские пропагандисты с самого начала исходили из весьма низкого уровня этих слоев, из внешнего правдоподобия преподносимых им измышлений — в сочетании с массированностью и методичностью воздействия на умы.

---

[146] *Böhnke W.* Op. cit., S. 176.

[147] Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. Eine Auswahl aus den Jahren 1914—1946. Berlin, 1954, S. 274—279.

[148] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 1. М., 1957, с. 379—380.

Выборы в рейхстаг 14 сентября 1930 г. принесли ошеломляющий результат: за нацистов было подано 6400 тыс. голосов, т. е. в 8 раз больше, чем в 1928 г. Это были главным образом голоса тех социальных слоев, которые прежде высказывались за такие буржуазные партии, как Национальная, Народная, Государственная (бывшая Демократическая) и др. Пробить брешь в рядах рабочего класса гитлеровцам не удалось [149]: КПГ и СДПГ, взятые вместе, не только не понесли потерь, но и выиграли; изменилось лишь соотношение полученных ими голосов: если СДПГ потеряла 700 тыс. избирателей, то КПГ завоевала 1300 тыс. Однако для демократических сил выборы явились прежде всего симптомом резкого усиления фашистской опасности, порожденной отчаянным положением, в котором оказались миллионные массы. Эта опасность была неизмеримо больше, чем осенью 1923 г., ибо в начале 30-х годов фашизм превратился в общегерманскую силу, заручился поддержкой весьма влиятельных представителей монополистического капитала, показал им, что он способен завоевать на свою сторону значительные массы.

ПРИХОД ФАШИСТОВ К ВЛАСТИ

Гитлеровская клика стремилась на волне своего успеха сразу же сделать рывок к власти. Осенью 1930 г. велись оживленные закулисные переговоры на предмет привлечения фашистов к участию в управлении страной. Но они не увенчались успехом, во-первых, потому, что нацисты переоценили свои силы и требовали себе военное министерство и министерство внутренних дел, т. е. армию и полицию [150], что, по мнению правящих кругов, могло вызвать гражданскую войну. Во-вторых, влиятельные монополистические круги полагали, что привлечение нацистов преждевременно. Такая стратегия господствующих классов, конечно, не устраивала нацистскую клику, рвавшуюся к правительственным постам; с другой стороны, дальнейшее пребывание в оппозиции при лояльном отношении властей позволяло фашистам рассчитывать на новые успехи их демагогической пропаганды.

Но усиливалось и сопротивление немецких демократов, возглавлявшееся коммунистами. В своей Программе национального и социального освобождения, принятой в августе 1930 г., в своей повседневной деятельности КПГ раскрывала разбойничью сущ-

---

[149] Характерны данные о распределении голосов, полученных фашистами в различных районах Берлина. Там, где доля рабочих среди населения превышала 40%, они нигде не добились более 16% голосов; зато большой успех сопутствовал им в «аристократических» районах города.— *Holzer J.* Parteien und Massen. Die politische Krise in Deutschland 1928—1930. Wiesbaden, 1975, S. 95.

[150] *Schmidt P.* Zwanzig Jahre Soldat Adolf Hitlers. Köln, 1941, S. 99. Спустя год требования оставались теми же: «Мы не вступим ни в какое правительство,— заявил Г. Штрассер,— если не возьмем в свои руки армию и полицию».— ЦПА ИМЛ, ф. 215, оп. 1, д. 89.

ность фашизма, лживость его социальной демагогии, разоблачала его как партию войны и предательства жизненных интересов немецкого народа. После выборов, когда гитлеровцы, опьяненные успехом, умножили свои наглые нападения на рабочих-антифашистов, ЦК КПГ принял меры, чтобы сделать отпор фашистским бандитам более организованным. Рекомендовалось создавать отряды антифашистской самообороны на каждом предприятии, на каждой бирже труда [151]. На многих заводах, фабриках, шахтах такие отряды возникли. На пленуме ЦК КПГ в январе 1931 г. были намечены новые формы антифашистской борьбы: созыв делегатских конференций, создание местных комитетов и др. Партия обязала местные организации провести в течение февраля — марта конференции, которые должны были способствовать разоблачению антинародной сущности фашизма, развенчанию его национальной и социальной демагогии [152]. Коммунистическая партия всячески стремилась преодолеть капитулянтские настроения, насаждавшиеся в массах руководством социал-демократии.

Задачу преградить путь крайней реакции на данном этапе взял на себя Союз борьбы против фашизма, основанный осенью 1930 г. в связи с наглой провокацией нацистов, вознамерившихся созвать массовое сборище в Берлине. 28 сентября — в день, намеченный фашистами, рабочие Берлина провели многотысячную демонстрацию, нацисты же, убоявшись открытого столкновения, свой слет отменили. Это событие и положило начало Союзу борьбы против фашизма, а первый крупный смотр его сил состоялся 6 декабря при активном участии населения Берлина [153]. Заводские дружины, созданные ранее в соответствии с постановлением ЦК КПГ от 4 июня, присоединились к союзу; в первой половине 1931 г. его численность превысила 100 тыс. человек [154]. Новая организация существенно помогла антифашистам в отражении атак нацистского сброда.

В отпоре фашистскому террору складывалось единство пролетарских рядов, к созданию которого неутомимо призывала коммунистическая партия. Но отдельные совместные выступления не могли заменить прочного единого фронта, против которого решительно возражало правое руководство СДПГ; оно проводило политику «меньшего зла», поддерживая правобуржуазное правительство, провозгласившее реакционный политический курс.

Крупный избирательный успех придал нацистам уверенности. Их фракция, насчитывавшая 107 человек, была второй по величине в рейхстаге. Гитлеровская партия стала политической силой, которую уже нельзя было игнорировать. Ее финансовое положе-

---

[151] Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED, Archiv, 10/146, Bl. 97.

[152] Фонды Центрального музея революции, 10439/45 Д445—11Щ.

[153] «Правда», 1930, 29 сентября; ЦГАОР, ф. 4459, оп. 2, д. 554.

[154] XI пленум Исполкома Коминтерна. Стенографический отчет, т. I. М., 1932, с. 145; Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 4, S. 268.

ние значительно улучшилось. Были установлены, в частности, связи с известным промышленником Фликом и с международным банкиром Шредером. Из официального документа — отчета обер-президента одной из провинций, который ссылался на превосходно информированного директора банка «Берлинер хандельсгезельшафт» Кеппеля, видно, что огромные средства для проведения избирательной кампании, а также после нее были предоставлены нацистам магнатами рейнско-вестфальской тяжелой промышленности [155]. С конца 1930 г. фашисты, благодаря усилиям Ф. Тиссена, заручились поддержкой заправил горнозаводской промышленности Рура [156].

Экономический кризис выявил непригодность тогдашних форм капиталистического хозяйствования [157]. Многие немецкие монополисты видели, что лишь с помощью государства они могут выкарабкаться из трясины и удержать свои позиции в дальнейшем. К этому примешивались соображения господствующих классов, связанные с их экспансионистскими устремлениями. Лишь всеобъемлющее участие государства могло обеспечить необходимую подготовку к войне за передел мира в пользу Германии; и здесь взоры многих «сильных мира сего» обращались к фашистской партии, проповедовавшей всевластие государства.

Основное назначение фашизма и главная ценность для господствующих классов заключались в его роли тарана против революционного авангарда германских трудящихся. Для империалистической буржуазии фашизм был силой, способной перехватить массовое недовольство существующим строем и направить его на рельсы фанатичного национализма и шовинизма, вырвать тружеников из-под влияния марксизма. Укрепление КПГ в начале 30-х годов, неуклонный рост ее популярности, отражавшийся в значительном увеличении числа голосов, завоеванных ею на различных выборах 1931—1932 гг., успех массовых кампаний, проводившихся КПГ,— все это давало фашистам повод для истошных воплей о «коммунистической опасности», якобы грозящей Германии. Эта злобная кампания ставила целью запугать те слои населения, которые не имели правильного представления о том, за что борется революционный пролетариат и его партия — КПГ. В действительности фашисты, идя к власти и направляя главный удар против коммунистов, стремились уничтожить все демократические организации, все конституционные свободы. Антикоммунизм служил, таким образом, весьма удобным прикрытием для осуществления антидемократических замыслов германских монополий.

В последние годы перед установлением гитлеровской диктатуры германская буржуазия сделала немало для восприятия насе-

[155] *Hallgarten G. W. F., Radkau J.* Deutsche Industrie und Politik von Bismarck bis heute. Frankfurt a. M.— Köln, 1974, S. 203.
[156] *Stegmann D.* Op. cit., S. 417.
[157] *Галкин А. А.* Германский фашизм. М., 1967, с. 58—59.

лением фашистской идеологии, тем самым оказывая нацизму поддержку в жизненно важном для него деле. Главным условием, обеспечивавшим возможность идейного подчинения фашизмом значительных масс, было широкое распространение национализма, милитаристских и антидемократических идей. Шла безудержная пропаганда «сильной власти», иными словами — диктатуры, которая якобы наиболее соответствует немецкому национальному характеру. Об этом на все лады твердили и известный правовед К. Шмитт, и знаменитый историк Ф. Майнеке и многие другие лица, к мнению которых привыкли прислушиваться. В декабре 1930 г. всю прессу облетело сообщение о заседании в берлинском «клубе господ», на котором, в присутствии президента республики, главы и членов правительства, командующих рейхсвером и военно-морским флотом, президента рейхсбанка и т. д., бывший военный министр Гесслер выступил с докладом на тему о государстве. Суть его высказываний сводилась к необходимости «перестройки основ государства», а прежде всего отмены Веймарской конституции [158]. Именно это пропагандировали гитлеровцы.

Фашисты в своей борьбе за массы опирались на множество политических публицистов правого лагеря, формально не принадлежавших к гитлеровской партии, но усердно насаждавших шовинизм, милитаризм, антисемитизм. К ним принадлежали, например, певец «заката Европы» О. Шпенглер и Меллер ван ден Брук, автор термина «третья империя», послужившего названием главного его труда. Их единомышленниками были Э. Юнг, Г. Церер и другие проповедники «консервативной революции», на деле же — восстановления монархии и возобновления борьбы за мировое господство. Все эти идеологи, независимо от желания того или иного из них, «работали» на гитлеровцев, как и автор романа «Народ без пространства» Г. Гримм, давший фашистам один из популярнейших их лозунгов [159].

Точка зрения тех слоев, которые добивались установления господства крайней реакции, как нельзя лучше видна из высказывания главы Горнозаводского объединения Западной Германии Бранди, относящегося к 1931 г.: «С этими демократическими методами... нам предстоят все новые беды. До тех пор не наступит улучшение, пока, наконец, не придет парень, который с беспощадной энергией проведет то, что будет признано необходимым» [160]. Совещание главарей тяжелой промышленности, состоявшееся летом того же года в Дюссельдорфе, выразило пожелание заменить Брюнинга «твердым канцлером и твердыми людьми вокруг него» с тем, чтобы правительство провело реформу консти-

[158] «Deutsche Allgemeine Zeitung», 6.XII 1930; *Gessler O.* Reichswehrpolitik in der Weimarer Zeit. Stuttgart, 1958, S. 84, 568.

[159] См.: *Гинцберг Л. И.* Идеологическая подготовка прихода фашизма к власти.— В кн.: Ежегодник германской истории 1969. М., 1970.

[160] «Dokumentation der Zeit», 1963, N 293, S. 19.

туции, а также снижение заработной платы и увеличение рабочего времени [161]. Как видим, здесь политическая сторона недвусмысленно и откровенно связана с теми требованиями в области экономических отношений, которые издавна были основной целью монополий.

Но в среде крупного капитала, наряду со сторонниками предоставления власти фашистам, имелись и прослойки, считавшие это нежелательным или во всяком случае несвоевременным. О некоторых из выдвигаемых ими мотивов уже говорилось выше. К ним присоединялись соображения конкурентной борьбы. Однако по мере углубления экономического кризиса, дальнейшего обнищания широких народных масс и подъема революционного движения, направленного против политики монополий, росла решимость наиболее реакционных и агрессивных элементов германского монополистического капитала, олицетворяемых такими именами, как Кирдорф, Тиссен, Феглер, Рехлинг и др., призвать фашистов к власти и оттеснялись на задний план сторонники других вариантов диктатуры, а тем более — либеральных методов правления.

А воздействие экономического кризиса на все стороны жизни становилось с каждым месяцем все более ощутимым. Размеры безработицы приняли катастрофический характер: только зарегистрированных безработных было в марте 1931 г. 4744 тыс., а в ноябре того же года число их превысило 5 млн.[162] Существовала и непрерывно увеличивалась так называемая «невидимая» безработица, состоявшая из лиц, уже утративших «право» на получение пособия и исключенных из официальной статистики. Кроме того, имелись миллионы пролетариев, работавших неполную неделю.

Как мы видели, еще до кризиса фашисты взяли курс на завоевание средних слоев. Но лишь в конце 20 — начале 30-х годов им удалось добиться решающего успеха в этой области. Объективная основа перехода большинства мелкой буржуазии в фашистский лагерь видна из следующих цифр: с 1928 по 1932 г. оборот ремесленного производства сократился с 20 млрд. марок до 10,9 млрд., а обороты мелкой торговли — с 36,3 млрд. до 23 млрд. марок [163]. Задолженность сельского хозяйства составила в 1931 г. колоссальную цифру в 11,8 млрд. марок [164]. «Обрабатывая» эти прослойки, нацисты особенно широко использовали антикоммунистические, антимарксистские заблуждения, укоренившиеся среди мелкой буржуазии, а также антисемитизм, исчерпывающе объяснявший, как ей казалось, причины ее чудовищных бедствий. Созданный фашистами Боевой союз ремесленного среднего

[161] «Berliner Börsen-Courier», 3.VI 1931.
[162] Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг., т. 1, с. 590—591.
[163] *Сидоров А.* Фашизм и городские средние слои в Германии. М., 1936, с. 97—100.
[164] *Петрушов А.* Аграрные отношения в Германии. М., 1945, с. 53.

сословия провозгласил, что «смысл идеи социализма Адольфа Гитлера заключается в превращении неимущих в собственников» [165]. Это лишь одна из весьма многочисленных, но достаточно красноречивая дефиниция нацистского «социализма». Нацисты действовали все активнее, их целью было охватить своей злонамеренной пропагандой всех, на кого можно было рассчитывать, как на потенциальных сторонников, а остальных запугать, деморализовать, сломить их волю к сопротивлению. Результатом были новые и новые избирательные успехи фашистской партии. На выборах в Ольденбурге в мае 1931 г. она собрала 37,3% голосов, намного опередив другие партии; лишь за несколько лет до того, как отмечалось выше, сторонники фашизма исчислялись здесь десятками. Примерно такой же процент — 37,1 — нацисты получили в ноябре 1931 г. в Гессене.

Избирательные победы повышали престиж нацистской партии в глазах господствующих классов. Множились требования призвать ее к власти. В октябре 1931 г. президент республики Гинденбург впервые принял Гитлера. В том же месяце на конференции реакционных организаций в Гарцбурге наглядно проявилось решительно изменившееся положение гитлеровской партии. Из третьестепенной, хотя и весьма шумной, силы, которая нуждалась в покровительстве, она превратилась в бесспорного гегемона всего реакционного лагеря. Гитлер и его приспешники мало считались со своими коллегами по борьбе против существующего режима, да и сколько-нибудь прочное единство между подобными политическими силами вообще невозможно. Тем не менее «гарцбургский фронт», как окрестили конгломерат организаций, участвовавших в конференции, явился удавшейся в целом попыткой сплочения фашистских (и профашистских) элементов [166]. Он был прообразом того блока реакционных организаций, который сложился в январе 1933 г. и позволил Гитлеру прийти к власти.

Фашистский разбой приобрел в это время поистине разнузданные формы. Особенно ярко продемонстрировали это события, развернувшиеся вскоре после гарцбургской конференции в той же провинции — Брауншвейг, где министром внутренних дел был нацист. Доставив сюда 100 тыс. штурмовиков из разных местностей Германии, гитлеровская клика устроила провокационное шествие по рабочим районам города Брауншвейг. Результатом были еще невиданные по ожесточенности столкновения: двое убитых, свыше 70 раненых (некоторые затем умерли). В отпоре озверевшим фашистским громилам сложился пролетарский фронт. В день похорон жертв гитлеровского террора, 23 октября 1931 г., в Брауншвейге состоялась массовая политическая забастовка.

А в следующем месяце страну всколыхнуло дело, наглядно обнажившее сущность фашизма. Речь идет об обнародовании сек-

[165] *Winkler H. A.* Mittelstand, Demokratie und Nationalsozialisten. Köln, 1972, S. 175.

[166] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 4, S. 305.

ретных проектов приказов на случай взятия власти, обнаруженных полицией у гессенских гитлеровцев. Обещания Гитлера о том, что «головы покатятся в песок», здесь приобрели реальные очертания. Казнь ожидала каждого, кто не будет безоговорочно выполнять все приказы новой власти, кто в 24-часовой срок не сдаст оружие (для таких лиц предусматривался расстрел на месте), кто откажется работать на новых правителей, не говоря уже о тех, кто попытается оказать более активное сопротивление [167]. Противники фашизма увидели в этих документах подтверждение своих худших предположений. Совершенно иной была позиция властей начиная с имперского правительства, которое считало, что нет достаточных оснований для насильственных мер против фашистской партии [168].

Наиболее ожесточенные классовые бои на том этапе развернулись в 1932 г. Фашизм рвался к власти с еще невиданной энергией, пользуясь растущей политической поддержкой и огромной финансовой помощью со стороны крупнейших монополий. О крепнущем единомыслии между последними и фашистской кликой свидетельствовали многочисленные факты. Одним из них был прием Гитлера в январе 1932 г. в Индустриальном клубе в Дюссельдорфе, куда съехались промышленники и банкиры не только из Рура, но и из других местностей. Организатор выступления Тиссен отметил «глубокое впечатление», произведенное Гитлером на слушателей, и сообщил о «ряде крупных взносов от магнатов тяжелой промышленности в фонд национал-социалистской партии» [169].

Другой факт подобного же рода — создание весной 1932 г. так называемого кружка Кеплера, состоявшего из ряда крупнейших промышленников и банкиров (Ростерг, Шахт, Шредер, Феглер, Рейнхарт и др.) и имевшего целью направлять курс нацистской партии в области экономики. Выступая на первом заседании этого органа (в последующем он был более известен, как «кружок друзей Гиммлера»), Гитлер заявил: «Если вы полагаете, что некоторые пункты нашей партийной программы с экономической точки зрения невыполнимы или могут привести к нежелательным последствиям, то они будут изменены» [170].

В марте — апреле 1932 г., в связи с окончанием срока полномочий Гинденбурга, состоялись выборы президента республики. Выступив в качестве кандидата, фашистский фюрер собрал в первом туре свыше 11 млн., а во втором — даже свыше 13 млн. голосов (но президентом тем не менее остался Гинденбург). Это означало новое резкое усиление фашистской угрозы. Хотя между

---

[167] См.: *Гинцберг Л. И.* На пути в имперскую канцелярию. М., 1972, с. 220.
[168] *Vogelsang T.* Op. cit., S. 147; *Brüning H.* Memoiren, 1918—1934. Stuttgart, 1970, S. 463.
[169] *Thyssen F.* Op. cit., p. 101.
[170] *Helfferich E.* 1932—1946. Tatsachen. Jever, 1969, S. 14; см. также: *Vogelsang R.* Der Freundeskreis Himmler. Zürich — Frankfurt a. M., 1972.

теми группировками буржуазии, которые стояли у руля управления, и теми, которые требовали передачи власти нацистской партии, продолжалась борьба — об этом говорило соперничество Гитлера и Гинденбурга на президентских выборах,— реакция в стране неуклонно усиливалась. 1 июня правительство Брюнинга, которое уже казалось недостаточно правым, было заменено кабинетом фон Папена, видевшим свою главную задачу в вовлечении фашистов в состав правительства.

Сложившаяся обстановка побудила КПГ организовать широкую кампанию «антифашистской акции». Под ее знаменами совместный отпор гитлеровскому террору впервые начал приобретать массовый характер; с конца мая повсеместно стали формироваться комитеты единого фронта. В массах укреплялось сознание собственной силы. «Эти недели,— вспоминал писатель-коммунист А. Курелла,— были настоящим праздником пролетариата... КПГ, СДПГ и «Рейхсбаннер» (военизированная республиканская организация.— *Авт.*) стали действовать сообща против нацистов, защищали друг друга, блокировали казармы штурмовиков... Объединенные в «антифашистской акции» рабочие ощутили вдруг свою силу и дали ее почувствовать врагу» [171].

Это можно хорошо проследить по дневнику Геббельса, в частности, по записям, сделанным во время поездки в Рейнско-Вестфальский промышленный район в июле. В первом же городе машина Геббельса столкнулась с колоннами нескрываемо враждебно настроенных людей, и фашистский главарь вынужден был под градом камней убраться отсюда. Даже на своей родине (в Менхен-Гладбахе) он был встречен ругательствами и плевками. В дальнейшем Геббельсу оставалось лишь передвигаться замаскированно, причем его машина, как он пишет, повсюду шла мимо «коммунистических пикетов» [172]. С подобным приемом сталкивался и Гитлер. Так, прибыв весной 1932 г. в небольшой городок Тальбург (Ганновер), он был встречен толпой безработных, задержавших его машину у железнодорожного переезда и «приветствовавших» его возгласами «Рот фронт!» Телохранители смогли проложить путь, лишь угрожая пистолетами [173].

Наметившееся в совместной борьбе сближение рабочих партий не устраивало, однако, социал-демократических лидеров. Они не только продолжали саботаж антифашистского единства, но и усилили его [174]. Наиболее тяжелым на том этапе последствием

---

[171] «Einheit», Sonderheft, September 1962, S. 71—72; см. также: Die Antifaschistische Aktion. Dokumentation und Chronik. Berlin, 1965.

[172] См.: *Гинцберг Л. И.* На пути в имперскую канцелярию, с. 285—286.

[173] *Allen S.* The Nazi Seizure of Power. The Experience of a Single German Town 1930—1935. Chicago, 1965, p. 90.

[174] Это было весьма на руку фашистам, с беспокойством следившим за усилиями КПГ, направленными на сплочение рабочего класса. В инструкции руководства НСДАП местным организациям в связи с выборами 31 июля 1932 г. говорилось: «Необходимо противодействовать любой по-

этой самоубийственной политики было поражение пролетариата, когда правящие круги, под давлением нацистской партии, 20 июля 1932 г. осуществили реакционный переворот в Пруссии, сместив находившееся там у власти правительство во главе с социал-демократом Брауном. КПГ призвала к решительному отпору, массы были готовы оказать его, но руководство СДПГ позорно уступило ключевую позицию без боя, тем самым способствуя деморализации части своих сторонников.

Фашисты ликовали. «Начало сделано,— писал «Фёлькишер беобахтер» 21 июля,— мы же доведем все до конца. Необходимо освободить путь для национал-социалистского движения и для взятия им власти». На деле, однако, исход напряженных классовых боев в тот момент еще далеко не определился. 31 июля 1932 г. выборы в рейхстаг, который правительство Папена распустило после своего прихода к власти, показали, что нацисты в погоне за голосами мелкой буржуазии достигли предела; добиться же успеха в завоевании на свою сторону сколько-нибудь значительных прослоек рабочего класса они так и не сумели. Это обострило положение в фашистской партии. Прошло около двух лет со времени первой крупной победы на выборах, а нацисты, хотя они и смогли сколотить значительную массовую базу, находились в том же положении. Перспективы были туманны, предпринятая вскоре после выборов попытка Гитлера занять пост рейхсканцлера не увенчалась успехом, ибо Гинденбург опасался реакции рабочего класса на это, гражданской войны, исход которой трудно было предопределить.

С другой стороны, КПГ на июльских выборах вновь выиграла несколько сот тысяч голосов. Ее авторитет и влияние в массах неуклонно росли. Этому существенно способствовал успех «антифашистской акции», в упорной, кровопролитной борьбе сорвавшей планы фашистов «завладеть улицей». Осенью под руководством коммунистов по всей стране прокатилась забастовочная волна, направленная против чрезвычайных декретов правительства. Всего в течение сентября — декабря в Германии произошло около 1100 забастовок, причем бóльшая часть их окончилась победой или частичной победой рабочих [175]. Это было одним из признаков определенного перелома в ходе классовой борьбы. Наглядным подтверждением такого поворота явились итоги следующих выборов в парламент (который в сентябре 1932 г. был вновь распущен) — 6 ноября: фашистская партия потеряла более 2 млн. голосов по сравнению с 31 июля. Эти потери относились не только к городам, но и к сельским местностям. Падение популярности гитлеровцев было фактом первостепенной политической важ-

---

пытке КПГ установить единый фронт с СДПГ, квалифицируя это как измену классово-сознательному пролетариату» (!) (*Kele M.* Op. cit., p. 206).

[175] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 4, S. 365—366; «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», 1971, N 3, S. 465.

ности, свидетельствовавшим о существенных изменениях в соотношении классовых сил. В то же время коммунистическая партия добилась нового успеха, завоевав около 6 млн. голосов и 100 мест в рейхстаге. Это было результатом неутомимой, беззаветной борьбы против фашистской угрозы. Итоги выборов породили у всех поборников демократии надежды на благоприятный исход политического кризиса.

В среде фашистов происходила форменная паника. К падению влияния присоединились серьезные финансовые трудности — результат давления со стороны некоторых магнатов капитала, стремившихся побудить фашистскую клику заключить коалицию с другими крайне правыми организациями — Национальной партией, «Стальным шлемом» и др. Их целью было замаскировать этим характер прихода Гитлера к власти и предотвратить всеобщую забастовку, которой господствующие классы боялись более всего. Газеты были полны сообщений о неповиновении в штурмовых отрядах и уходах из них. Определенные элементы, которых было много и в этих отрядах, и в самой фашистской партии, не хотели более ждать, считая, что победа упущена.

Кульминационным пунктом кризиса фашистской партии стал открытый разрыв между Гитлером и Штрассером — одной из крупнейших фигур нацистского движения. 6 декабря он подал в отставку со всех своих постов, заявив в письме к Гитлеру о нежелании нести и далее ответственность за «политику исключительности», проводимую фюрером и явившуюся причиной изоляции, в какой очутилась партия [176]. Известно, что Штрассер вел переговоры с генералом Шлейхером, в начале декабря занявшим пост рейхсканцлера, о вступлении в правительство в качестве его заместителя. Панические настроения, овладевшие в этот момент фашистскими главарями, хорошо отражены в дневнике Геббельса. 6 декабря он записал: «Положение партии катастрофично»; двумя днями позже: «Мы все очень подавлены, прежде всего из-за опасения развала партии». В наибольшей растерянности оказался сам Гитлер. По словам Геббельса, он часами ходил по номеру гостиницы, не зная, что предпринять. «Один раз он остановился и сказал: «Если партия распадется, то я в течение трех минут кончу дело при помощи пистолета»».

Но фюрер рано предавался отчаянию. В создавшихся условиях, ввиду неуклонного усиления революционного авангарда рабочего класса, выразившегося в результатах выборов и других фактах, могущественные покровители нацизма не собирались допустить его исчезновения с политической арены. К поддержке Гитлера крупный капитал побуждали причины сугубо материального характера. Глубина экономического кризиса была такова, что прибыли монополий упали до минимума: даже такой гигант,

[176] «Tägliche Rundschau», 9.XII 1932; см. также: Documents on Nazism, 1919—1945. J. Noakes and G. Pridham (Eds). London, 1974, p. 141—142.

как «Стальной трест», задолжал не менее 400 млн. марок, и его заправилы были заинтересованы в крупных государственных заказах, которые можно было получить только в результате установления «сильной власти», иными словами — фашистского режима [177]. Хозяева главной химической монополии Германии — «ИГ Фарбениндустри» пострадали от кризиса меньше, но и они были заинтересованы в милитаризации. Речь шла о тех дорогостоящих работах по промышленному производству синтетического горючего, которые имело смысл продолжать лишь при переходе к форсированному вооружению [178].

После войны Шредер сообщил: «Когда 6 ноября 1932 г. нацистская партия потерпела первую неудачу и перешагнула свой зенит, поддержка со стороны тяжелой промышленности стала особенно неотложной» [179]. 19 ноября в канцелярию президента республики поступила петиция, содержавшая требование предоставить руководящую роль в правительстве гитлеровцам. Петицию подписали Тиссен, Шредер, Шахт, директор «Коммерц банк» Рейнхарт, монополист калийного производства Ростерг, председатель союза юнкеров «Ландбунд» Калькрейт и др.[180] Известно, что это обращение отнюдь не было первым документом подобного рода; так, в сентябре 1932 г. аналогичное требование направила группа предпринимателей Рура [161]. Но ноябрьское обращение имело несравненно большее значение и сыграло важную роль в дальнейшем ходе событий. За предоставление власти Гитлеру высказались также магнаты капитала, собравшиеся в те дни в Дюссельдорфе на сессию могущественного Объединения по охране общих экономических интересов, о чем 26 ноября было сообщено правительству [182].

Не оставалась в стороне и военщина. Еще в конце 1931 г. командующий рейхсвером Гаммерштейн после длительной беседы с Гитлером пришел к выводу, что фашистский главарь, собственно, добивается того же, что и армия; разница только в темпах. То же несколько позднее утверждал военный министр в правительстве Брюнинга генерал Гренер: Гитлер показался ему «симпатичным, скромным, порядочным человеком»; его намерения и цели хороши, хотя не все средства приемлемы [183]. В январе

---

[177] *Gossweiler K.* Die Rolle das Monopolkapitals bei der Herbeiführung der Röhm-Affäre. Berlin, 1963 (дисс.).

[178] Trials of War Criminals before Nuremberg Military Tribunals, v. VII. Washington, 1951, p. 16, 538—539; *Розанов Г. Л.* Германия под властью фашизма (1933—1939). М., 1961, с. 46.

[179] *Hallgarten G. W. F.* Hitler, Reichswehr und Industrie. Frankfurt a. M., 1955, c. 116.

[180] «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1956, N 2, S. 366.

[181] *Schweitzer A.* Big Business in the Third Reich. Bloomington, 1964, p. 103.

[182] Deutsches Zentralarchiv Potsdam, Bracht-Nachlass, Bd. II, Bl. 164.

[183] *Hammerstein K. von.* Schleicher, Hammerstein und die Machtübernahme 1933.— «Frankfurter Hefte», 1956, N 1, S. 17; *Groener-Geyer D.* General Groener. Frankfurt a. M., 1955, S. 285—286.

1933 г. Гаммерштейн полностью солидаризировался с теми силами, которые выступали за передачу власти фашистам. Он заявил, что в создавшихся условиях только Гитлер может возглавить правительство [184]. Сговор командования рейхсвера с гитлеровцами был одной из важнейших предпосылок установления фашистского режима. «Господа генералы, господа офицеры,— провозгласил Гитлер на съезде нацистской партии 1933 г.,— тем что я стою здесь, я обязан вам» [185].

В течение декабря за кулисами шла оживленная возня с целью сколотить блок типа «гарцбургского фронта», который придал бы видимость «законности» приходу к власти сил самой черной реакции во главе с нацистами. 4 января 1933 г. в доме банкира Шредера в Кёльне в обстановке глубокой секретности Гитлер встретился с бывшим рейхсканцлером фон Папеном, правительство которого потерпело полный провал и который стремился вернуться к власти, пусть в другой роли. Эта встреча имела решающее значение для формирования коалиции нацистов с Национальной партией, «Стальным шлемом» и другими реакционными политическими силами. В течение последующих недель шел торг из-за портфелей, причем для гитлеровцев самым важным, кроме поста рейхсканцлера, предназначавшегося Гитлеру, было заполучить имперское и прусское министерства внутренних дел. Это им удалось, что и предопределило многое в дальнейшем ходе событий. 30 января 1933 г. фашистское правительство пришло к власти.

Подобный исход напряженных классовых боев, длившихся в течение нескольких лет с нарастающим ожесточением, был определен рядом факторов. Первым в их числе следует назвать раскол рабочего класса, не позволивший массовому антифашистскому движению добиться победы. Борьба против наступления фашизма была упорной и самоотверженной, ее участники явили замечательные образцы героизма, они достигли определенных успехов в отпоре фашизму, особенно во второй половине 1932 г., но антикоммунизм социал-демократических лидеров не дал стихийно складывавшемуся единому рабочему фронту превратиться в могучую, непреодолимую силу. КПГ сделала многое для того, чтобы добиться единства, но преодолеть сопротивление руководства СДПГ оказалось невозможным. Нельзя также упускать из виду, что в деятельности КПГ имелись серьезные недостатки сектантского характера, например неправильная стратегическая установка на *непосредственную* подготовку пролетарской революции, хотя необходимых условий для этого не было, использование в пропаганде вредного тезиса о «социал-фашизме», затруднявшего при-

---

[184] *Bracher K. D., Sauer W., Schultz G.* Die nationalsozialistische Machtergreifung. Köln, 1960, S. 733—734.

[185] Ibid., S. 732.

влечение рядовых членов и приверженцев СДПГ к единому антифашистскому фронту, и др.[186]

Германскому фашизму благоприятствовала объективная обстановка в стране. Речь идет не только о страшном обнищании широких масс в годы мирового экономического кризиса. Положение самых разных слоев населения было тяжелым и до этого, что было одним из проявлений общего кризиса германского капитализма; можно напомнить хотя бы о послевоенной инфляции — «законном» ограблении миллионов людей монополиями. Из этих людей фашизм и вербовал первых своих сторонников. Благоприятные для него условия создавались также последствиями военного поражения, Версальским договором, массовое недовольство которым фашисты использовали для культивирования крайнего национализма. Гитлеровцы опирались на весьма прочные националистические традиции, особенно сильные в мелкобуржуазной среде. Проповедь реваншизма в Германии веймарского периода вели отнюдь не только открытые фашисты, а по сути дела весь буржуазный лагерь, хотя и в разных формах.

Реваншистские замыслы сыграли огромную роль при решении господствующими классами вопроса о том, призвать ли нацистскую клику к власти. Выход из кризиса они видели лишь в переходе к форсированному перевооружению и получении с этой целью крупных государственных заказов; такой ход развития гарантировали фашисты. Эти соображения наряду со страхом перед революционизированием трудящихся и побудили монополии передать власть гитлеровской клике.

---

[186] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 4, S. 281, 313; *Pieck W.* Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitlerdiktatur. Berlin, 1957, S. 24—29, 53; *Ulbricht W.* Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. I. Berlin, 1953, S. 455, 602.

Глава шестая

ФАШИСТСКИЙ РЕЖИМ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА В ГЕРМАНИИ

ЗАХВАТ ФАШИСТАМИ ВЛАСТИ

30 января 1933 года... Зловещая дата в истории немецкого народа, в истории Европы, в истории всего человечества. Крупные монополии в сговоре с верхушкой военщины и юнкерства призвали в тот день национал-социалистов к власти в Германии. В центре европейского континента был создан кровавый фашистский режим.

Единственно правильный анализ фашистской диктатуры возможен лишь на основе ленинской теории империализма. Исследуя тенденции развития империализма, Ленин пророчески предсказал дальнейшее возрастание его реакционности и превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический. Глубоко и всесторонне анализируя внутреннюю и внешнюю политику империализма, Ленин доказал, что она неразрывно связана с обострением борьбы за раздел и передел мира, за источники сырья, с ростом милитаризма, агрессией и войнами.

В. И. Ленин неоднократно обращал внимание на то, что уже в годы первой мировой войны развитие государственно-монополистического капитализма со всеми присущими последнему проявлениями как в экономической, так и в политической жизни шло в Германии быстрее, чем в других капиталистических странах. В. И. Ленин называл Германию образцом «превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм» [1]. Между двумя мировыми войнами в Германии сформировался специфический, нацистский, вариант государственно-монополистического капитализма, обнаживший до крайности все присущие империализму реакционные черты и представивший их наиболее уродливые, ужаснувшие весь мир формы.

Опираясь на ленинскую теорию, международное коммунистическое движение сформулировало обобщающую характеристику классовой природы и сущности германского фашизма: «Самая реакционная разновидность,— указал Г. Димитров на VII кон-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 157.

грессе Коминтерна,— это фашизм *германского типа.* Он нагло именует себя национал-социализмом, не имея ничего общего с социализмом. Германский фашизм — это не только буржуазный национализм. Это звериный шовинизм. Это правительственная система политического бандитизма, система провокаций и пыток в отношении рабочего класса и революционных элементов крестьянства, мелкой буржуазии и интеллигенции. Это средневековое варварство и зверство. Это необузданная агрессия в отношении других народов и стран»[2]. VII конгресс охарактеризовал германский фашизм, как «*ударный кулак международной контрреволюции*»[3].

30 января 1933 г. германский фашизм не захватывал власть. Ее вручили ему реакционные круги страны. И в то же время есть все основания говорить о захвате фашистами власти. Дело в том, что захват не был единовременным актом. Он произошел не в один день. 30 января — его начало. С этого дня фашистское правительство и национал-социалистская партия совершили серию архиреакционных акций по узурпации всей полноты власти в масштабе страны и на местах и по установлению самой жестокой в истории диктатуры. Осуществление этих акций, сопровождавшееся умелой пропагандой, и привело к сформированию, а затем и стабилизации фашистского режима в Германии.

Основные задачи, стоявшие перед фашистским правительством, можно кратко сформулировать так: в области внутренней политики — сломить силу германского рабочего класса и его союзников, уничтожить его авангард — КПГ, вытравить идеи марксизма-ленинизма, имевшие в то время большое распространение среди рабочих, поработить немецкий народ, превратив его в послушное орудие монополий; в области внешней политики — подготовить и осуществить в максимально короткие сроки войну за установление мирового господства германского империализма. Этот страшный заговор против немецкого народа и народов мира был изложен Гитлером в «Майн кампф» и разработан в процессе закулисных переговоров заправил фашистской партии с ведущими монополистами и другими реакционными силами страны еще во времена борьбы нацистов за власть[4].

Правительство и национал-социалистская партия (НСДАП) рьяно взялись за реализацию этой чудовищной программы. Началась форсированная перестройка государственного аппарата, рейхсвера, науки, пропаганды — по существу всей жизни страны и народа. Прежде всего это коснулось политической жизни. О необходимости поворота во внутриполитическом положении как об основе «захвата нового жизненного пространства на Востоке

---

[2] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 1. М., 1957, с. 377.

[3] VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975, с. 366.

[4] *Гинцберг Л. И.* На пути в имперскую канцелярию. М., 1972, с. 48—56, 195—202, 364—373.

и его беспощадной германизации» Гитлер заявил сразу же, 3 февраля, в речи перед генералами рейхсвера [5].

Фашистское правительство отчетливо представляло, что для осуществления захватнической программы монополий был необходим «спокойный тыл». Но классовая борьба между фашизмом и его внутриполитическими противниками, прежде всего рабочим классом во главе с его революционной партией КПГ, продолжалась, не затихая ни на один день и в мрачные годы нацистской диктатуры.

В день прихода нацистов к власти КПГ опубликовала листовку с призывом к рабочему классу и всем трудящимся начать всеобщую забастовку протеста и развернуть массовую борьбу за свержение фашистского террористического режима [6]. ЦК КПГ обратился к руководству СДПГ и свободных и христианских профсоюзов с призывом о совместных действиях. Всюду, где было возможно, коммунисты организовали сопротивление фашистскому режиму.

В начале февраля 1933 г. на нелегальном заседании ЦК КПГ Э. Тельман призвал к сохранению партии, к единству действий рабочего класса и его союзников и развертыванию массового сопротивления против фашистской диктатуры. В те же дни руководство осуществило мероприятия по переходу партии к борьбе в условиях подполья.

Несмотря на то что многие члены и функционеры СДПГ стремились к активной борьбе против фашистского правительства, правые социал-демократические и профсоюзные лидеры и после 30 января не отступили от антикоммунистического курса. Они отклоняли все предложения о единстве действий [7]. Тем самым они помогли германскому фашизму укрепиться у власти и перейти к осуществлению своих преступных планов.

В первое фашистское правительство входили представители крупных промышленных и банковских монополий, военщины и ведущие руководители фашистской партии. В числе министров были монополисты Гугенберг, Шверин-Крозиг и доверенное лицо монополий Шахт (член правительства с августа 1934 г.), заправилы нацистской партии — Геринг, Фрик, Геббельс (с марта 1933 г.), бывший командующий военным округом Восточной Пруссии генерал-лейтенант фон Бломберг и др. Фон Папен получил пост вице-канцлера [8]. В последующие годы непрерывно возрастало прямое и косвенное влияние воротил крупнейших монополий на политику правительства. Росла также роль террористического

---

[5] Совершенно секретно! Только для командования! Документы и материалы. М., 1967, док. 1.

[6] Zur Geschichte der KPD. Eine Auswahl von Materialien und Dokumenten aus den Jahren 1914—1946. Berlin, 1954, S. 353.

[7] Klassenkampf. Tradition. Sozialismus. Grundriss. Berlin, 1974, S. 444—445.

[8] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 1, Hrsg. P. Meier-Benneckenstein. Berlin, 1939, Dok. 1, S. 4.

аппарата нацистской партии и государства. Своего апогея этот процесс достиг в первые годы второй мировой войны.

С первых же часов пребывания у власти все силы правительства и НСДАП были брошены на борьбу против рабочего класса и его авангарда — КПГ. Фашисты отчетливо представляли, что компартия является единственной реальной политической силой страны, препятствовавшей осуществлению планов монополий. Под ее руководством работал ряд организаций рабочего класса: Революционная профсоюзная оппозиция, «Красные профсоюзы», «Красная помощь», Коммунистический союз молодежи, организация женщин и др.

Протокол первого заседания фашистского кабинета показывает страх нацистов перед КПГ и ее влиянием, опасения потерять власть в первые же дни в случае всеобщей забастовки. На этом заседании были разработаны террористические меры по борьбе с компартией и другими прогрессивными силами страны [9].

В спешном порядке фашистское правительство приступило к ликвидации всех демократических завоеваний немецких трудящихся. Рейхстаг был распущен. Серьезно опасаясь за исход предстоящих выборов, фашисты обратились за помощью к ведущим монополиям. 20 февраля Гитлер выступил на совещании крупных промышленников и банкиров, которые решили создать фонд в 3 млн. рейхсмарок для проведения избирательной кампании НСДАП. При этом монополисты вновь высказали свое требование создать такое государство, «которое будет независимым и сильным в политическом отношении», подчеркнув прежде всего необходимость стабилизации положения внутри страны [10].

Назначенные на 5 марта 1933 г. выборы и подготовка к ним проходили в обстановке жестокого политического террора, провокаций, массированной фашистской пропаганды. Согласно чрезвычайному закону от 4 февраля, демагогически названному «В защиту немецкого народа», КПГ была фактически лишена средств избирательной борьбы и общения с массами — возможностей созывать собрания, организовывать демонстрации, пользоваться прессой [11]. Еще ранее, 2 февраля, Дом имени К. Либкнехта в Берлине, где помещался ЦК КПГ, подвергся обыску и разгрому [12].

Самой чудовищной из гитлеровских провокаций явился поджог рейхстага в ночь на 28 февраля, совершенный фашистами [13].

[9] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах, т. 1. М., 1957, с. 574.

[10] Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны. М., 1971, док. 20—21, с. 89—91.

[11] «Reichsgesetzblatt», Hrsg. vom Reichsministerium des Innern. Berlin, 1933, Teil I, S. 35—41.

[12] *Bartel W.* Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur 1933—1945. Berlin, 1956, S. 10.

[13] Многолетние исследования документально подтвердили этот факт: Der Reichstagsbrand. Eine wissenschaftliche Dokumentation, Bd. I. Hrsg. W. Hofer, E. Calic, K. Stephan, F. Zipfel. [West] Berlin, 1972.

Разгул еще более массового кровавого террора охватил всю страну. Только по официальным данным, в ту ночь было арестовано свыше 4 тыс. функционеров КПГ, и в их числе ряд коммунистических депутатов рейхстага, а всего по стране — более 10 тыс. коммунистов [14]. Поджогом рейхстага фашисты намеревались не только оправдать террор и изолировать КПГ от масс, но и убедить международный империализм в том, что фашистская Германия явится «надежным оплотом против большевизма» [15]. На сфабрикованном в сентябре 1933 г. провокационном процессе в Лейпциге по делу о поджоге рейхстага Г. Димитров, привлеченный в качестве обвиняемого, своим мужественным и смелым поведением сумел превратить нацистское судилище в грозное разоблачение фашистского режима. Его пламенные речи давали политическую ориентацию КПГ и всему антифашистскому подполью в Германии. Почти во всех странах развернулось широкое движение в защиту Г. Димитрова и его товарищей. Суд был вынужден оправдать обвиняемых. Это явилось большой победой международного антифашистского движения.

28 февраля 1933 г. чрезвычайный декрет президента под насквозь демагогическим названием «В защиту народа и государства» отменил все демократические права и свободы, завоеванные в ходе упорной и трудной борьбы многих поколений немецких трудящихся. Декрет предоставлял властям неограниченные права в производстве арестов, обысков, наложении штрафов и конфискации имущества, предусматривал такие наказания, как смертная казнь по политическим мотивам и бессрочная каторга. В преамбуле декрета подчеркивалось, что он направлен против деятельности коммунистической партии [16].

В эти дни страна покрылась сетью концлагерей. Вначале они размещались в казармах штурмовиков. Вскоре в наиболее пустынных местах были построены огороженные колючей проволокой с электротоком бараки с орудиями пыток. Именно тогда были созданы такие крупные лагеря, как Дахау и Заксенхаузен, а впоследствии — Бухенвальд, Флоссенбург, Равенсбрюк и др. Концлагери сразу же стали одним из основных компонентов фашистского террора. Они нависли страшной угрозой над каждым немцем, а в годы войны — и над народами захваченных стран. Уже в 1933 г. насчитывалось 26 известных населению концлагерей, из них три — в Берлине [17]. В апреле 1933 г. возникло еще

---

[14] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 1, S. 21; Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5. Berlin, 1966, S. 25.

[15] *Laschitza H., Vietzke S.* Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung 1933—1945. Berlin, 1964, S. 16.

[16] Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945. Hrsg. W. Hofer. Frankfurt a. M., 1957, Dok. 24, S. 53—54.

[17] *Kühnrich H.* Der KZ-Staat. Rolle und Entwicklung der faschistischen Konzentrationslager 1933 bis 1945. Berlin, 1960, S. 17, 113.

одно чудовищное порождение нацистского режима — государственная тайная полиция (гестапо). Она сыграла зловещую роль в становлении и укреплении фашистской диктатуры, а в последующие годы ее значение возросло еще больше.

Разгул террора, нагнетание политической напряженности и страха накануне выборов 5 марта фашисты сопровождали небывалым размахом пропаганды. Это была первая крупная пропагандистская акция НСДАП после прихода к власти. Был отмобилизован и использован весь накопленный опыт демагогических манипуляций нацистов [18]. А главное — они опирались на рычаги государственной власти. Пропаганда имела цель — возбудить массовый фанатизм и слепую приверженность фашистскому режиму и в то же время вселить страх перед ним, парализовать волю трудящихся.

Охватить как можно большее число людей каким-либо пропагандистским мероприятием — вот первая заповедь нацистов на всем протяжении фашистской диктатуры. В феврале—марте 1933 г. по стране прокатился невиданный шквал массовых митингов, маршей военизированных отрядов нацистской партии, факельных шествий. Миллионы плакатов и флагов со свастикой наводнили города и деревни. Неистовствовали радио, кино, пресса, восхваляя Гитлера и фашистский режим. Использовались традиционные в Германии музыкальные вечера, выступления народных хоров, танцевальные и спортивные празднества молодежи. На многочисленных митингах выступали фашистские ораторы всех рангов, а в крупнейшие города страны вылетал сам Гитлер, обычно сопровождаемый руководителем отдела пропаганды НСДАП Геббельсом. Последний признавал, что его роль состояла в том, чтобы в коротком вступительном слове «перед каждой речью фюрера» создавать у слушателей «атмосферу обожания...» [19] Гитлер сыпал обещаниями, позировал, запугивал. 1 марта по радио с лживой речью о «попытке коммунистического восстания» выступил Геринг [20].

3 марта нацисты нанесли тяжелейший удар по КПГ, по германскому и международному рабочему движению: был арестован и заключен в тюрьму великий революционер Эрнст Тельман.

Кульминацией предвыборной кампании стало 4 марта, объявленное фашистами «днем возрождающейся нации». Речи, оркестры, радио звучали весь день. А вечером по улицам Берлина и других крупных городов маршировали колонны штурмовиков и эсэсовцев с пылающими факелами, проводились «народные празднества».

---

[18] *Scheel K.* Krieg über Ätherwellen. NS-Rundfunk und Monopole 1933—1945. Berlin, 1970, S. 54—55.

[19] Цит. по: *Bracher K., Sauer W., Schulz G.* Die nationalsozialistische Machtergreifung. Köln — Opladen, 1960, S. 67.

[20] «Völkischer Beobachter», 2.III 1933.

Но добиться абсолютного большинства НСДАП на выборах в марте 1933 г. не удалось. Непосредственно за нее проголосовало 43,9% избирателей, а в Берлине — 31,3%. За кандидатов КПГ было подано почти 5 млн. голосов, или 12,3%. Характерно, что наибольшее число голосов КПГ получила в Берлине, Дюссельдорфе, Мерзебурге, Хемнице, Гамбурге, Южной Вестфалии и других промышленных областях и центрах страны. 18,3% проголосовало за социал-демократов [21]. Остальные голоса распределились между «старыми» буржуазными партиями.

Итоги выборов обнажили, хотя, может быть, и не в полном объеме, расстановку классовых сил в стране. Жестокий террор резко сократил возможности проявления подлинной ориентации избирателей. Тем не менее нацисты объявили трехдневный национальный праздник по случаю своей «победы». В обращении по радио к членам НСДАП, штурмовикам и эсэсовцам 12 марта Гитлер заявил о «победе национальной революции» и призвал к еще более жестокой расправе с ее врагами [22]. Следует отметить, что существенную роль в укреплении фашистской диктатуры сыграло умелое использование нацистами революционных настроений немецких трудящихся. Свой приход к власти и последовавшие после него мероприятия фашисты стремились окружить ореолом и именовали «немецкой», «национальной» или «национал-социалистской революцией» [23] Демагогическая шумиха вокруг этого лживого понятия создавала иллюзии у широких масс и даже у части рабочего класса.

После выборов фашистское правительство и руководство НСДАП провели ряд срочных мер, направленных прежде всего на дальнейшую узурпацию всей полноты власти, полное уничтожение компартии, запрет и разгром всех политических партий и организаций, кроме национал-социалистских, усиление фашистского террористического аппарата и подведение под фашистскую пропаганду государственных основ. Террористические и психологические атаки нацистов были нацелены на те 22 млн., или 56,1%, избирателей, не голосовавших за них на выборах, что, вместе с семьями, составляло большую часть населения страны.

9 марта приказом министра внутренних дел были аннулированы все депутатские мандаты коммунистов (81), и те из них, кто не эмигрировал или не ушел в подполье, были схвачены и заключены в застенки гестапо. Эта беззаконная акция, а также закулисные соглашения нацистов с буржуазными партиями, в частности с партией Центра, дали возможность Гитлеру получить

---

[21] Проценты высчитаны автором на основе данных, опубликованных в Die Wahlen zum Reichstag. Statistik des Deutschen Reichs, Bd. 434. Berlin, 1935, S. 142.

[22] «Völkischer Beobachter», 14.III 1933.

[23] Подробно см.: *Горошкова Г. Н.* Ложная версия о создании «третьего рейха».— «Новая и новейшая история», 1972, № 3, с. 38—51.

24 марта $^2/_3$ голосов в рейхстаге, необходимые для принятия закона о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий. Названный для обмана масс законом по устранению бедствий народа и государства [24], он уничтожил остатки конституции, а сам рейхстаг превращал в фикцию. Нацисты получили решающие полномочия для достижения внутриполитических целей монополий.

Обеспечив путем насилия и произвола свои позиции в центре, фашисты стали не менее стремительно закреплять их на местах, 31 марта 1933 г. законом об унификации земель с рейхом объявлялись распущенными все избранные населением местные представительства (ландтаги, крейстаги, городские, районные и общинные советы и т. д.). Новые органы предписывалось создавать на основе распределения голосов между партиями на выборах в рейхстаг 5 марта 1933 г. Особо подчеркивалось, что «голоса, полученные при этом компартией, не принимаются во внимание». Этот закон стал по существу официальным актом запрета КПГ, что признавали впоследствии и сами нацисты. В одном из примечаний к официальному сборнику документов, опубликованному в 1939 г., говорится: «Законом об унификации земель с рейхом от 31 марта 1933 г. деятельность коммунистов, как партии, была запрещена». Это означало установление режима полного произвола по отношению к КПГ и ее членам. 26 мая правительство издало распоряжение о конфискации имущества КПГ и примыкавших к ней организаций. Шесть лет спустя нацисты хвастливо объявили его «последней чертой под германским коммунизмом» [25]. История показала, сколь поспешным было это заявление, как и множество ему подобных!

Компартия ушла в подполье, не прекращая борьбы. Верные соратники Э. Тельмана: В. Пик, В. Ульбрихт, И. Шеер, В. Флорин и др.— руководили деятельностью партии из подполья и эмиграции. Подпольный аппарат ЦК КПГ продолжал издавать центральный орган партии — газету «Роте фане», разовый тираж которой доходил до 60 тыс. экз. [26]. Выпускались другие газеты, листовки, расклеивались плакаты и лозунги. На фабричных трубах и рудоподъемных башнях появлялись красные флаги и транспаранты. В стране действовали нелегальные радиостанции. Их передачи были популярны среди рабочих.

23 июня 1933 г. организацией, «враждебной государству и народу», была объявлена СДПГ, деятельность ее была запрещена. 7 июля были аннулированы мандаты СДПГ в рейхстаге и во всех других избираемых представительствах. Через неделю по закону о конфискации имущества «враждебных народу и государству

---

[24] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 1, Dok. 22, S. 60—62; *Bracher K. D., Sauer W., Schulz G.* Op. cit., S. 156—157.

[25] «Reichsgesetzblatt», 1933, Teil I, S. 153—154, 293; Dokumente der deutschen Politik, Bd. 1, S. 70, 62.

[26] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5, S. 83.

союзов» было конфисковано все имущество СДПГ и примыкавших к ней организаций [27].

Параллельно ликвидировались все остальные организации рабочего класса и других прогрессивных сил страны. Прежде всего расправе подверглись профсоюзы. Продолжая эксплуатировать революционные традиции немецких рабочих, фашисты объявили день 1 мая «праздником национального труда». Выступая в этот день на массовом митинге, Гитлер вновь призвал устранить классовую борьбу, заменив ее «единением всего народа». На следующий день все принадлежавшие профсоюзам здания были захвачены штурмовиками, имущество и денежные средства конфискованы и разграблены, все немецкие рабочие насильственно объединены в «Германский трудовой фронт» (ДАФ), куда вошли и предприниматели [28]. При помощи Германского трудового фронта все стороны труда и жизни рабочих были поставлены под контроль монополий. Вслед за профсоюзами фашисты ликвидировали и другие массовые организации: больничные кассы, спортивные и туристические союзы, просветительные и другие общества. То, о чем давно мечтали германские монополисты, становилось для них реальностью. Классовая борьба «устранялась», рабочие объединялись в одной организации с капиталистами.

Вскоре все буржуазные политические партии Германии объявили о своем самороспуске, о полном подчинении фашистскому режиму [29]. Так в течение нескольких месяцев фашисты расправились не только с партиями рабочего класса, но и со всеми иными, исключив любую легальную возможность оппозиции своим преступным планам. НСДАП превратилась в монопольную партию. Наличие такой партии отвечало устремлениям наиболее реакционных сил германского монополистического капитала.

После прихода фашистов к власти развернулась кампания по вовлечению в НСДАП новых членов. Если на 30 января 1933 г. партия насчитывала около 850 тыс., то до 1 мая 1933 г. в нее вступило еще 1,6 млн. человек [30], т. е. за три месяца она выросла в 3 раза. Столь бурный рост был следствием распада традиционных буржуазных партий, усиления фашистской пропаганды, наиболее действенной среди средних слоев. Немалую роль играл и страх перед резко возросшим террором.

Основной упор нацистская верхушка делала на вовлечение в НСДАП рабочего класса. «Без немецких рабочих вы никогда не будете иметь Германскую империю» [31],— не уставал твердить Гитлер промышленникам, говоря о будущих завоеваниях. Но здесь

[27] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 1, Dok. 25, 30, S. 62, 64—66, 68—70; «Reichsgesetzblatt», 1933, Teil I, S. 479—480.

[28] *Anger W.* Das Dritte Reich in Dokumenten. Frankfurt a. M., 1957, S. 26—27; *Kaskel W., Dersch H.* Arbeitsrecht. Göttingen — Heidelberg, 1957, S. 12.

[29] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 1, Dok. 26—29, S. 66—68.

[30] *Broszat M.* Der Staat Hitlers.— In: Deutsche Geschichte seit dem Ersten Weltkrieg, Bd. I. Stuttgart, 1971, S. 681.

[31] *Nolte E.* Der Nationalsozialismus. Frankfurt a. M., 1970, S. 161.

успехи нацистов и после прихода к власти не были столь велики, как им хотелось бы. При общем росте численности партии в 3 раза число рабочих в ней увеличилось менее чем в 2 раза. Зато еще более выросло число членов из средних слоев: служащих, например, в 4 раза; учителей — почти в 6 раз[32]. По данным статистики НСДАП, в январе 1933 г. ее члены составляли 1,6% [33] общей численности рабочих, а на 1 января 1935 г. их стало 5,3, крестьян — 3,8, зато чиновников и служащих — 20, учителей — 30% [34].

Таким образом, главный социальный резервуар, из которого фашизм черпал своих сторонников и членов и после прихода к власти, составляли средние слои. Наряду с идеологическим воздействием и здесь известную роль играл жестокий нажим. Высокий процент среди чиновников, служащих и учителей, например, не в последнюю очередь, объяснялся беспощадными чистками, о чем будет сказано ниже, и введением многочисленных рогаток для поступления на работу в государственный аппарат и в школы для лиц, не состоявших в НСДАП. К увеличению численности партии нацистская верхушка прилагала максимум усилий вплоть до краха германского фашизма. В 1939 г. Гитлер выдвинул лозунг: $^1/_{10}$ взрослого населения вовлечь в партию. К концу войны НСДАП выросла до 6 млн. [35]

Но не только численность НСДАП определяла массовость ее социальной базы, столь необходимую германскому монополистическому капиталу для подготовки и ведения войны. Уже ко времени прихода к власти под руководством НСДАП функционировали 14 массовых организаций, наиболее тесно связанных с ней и служивших орудием ее террора или проводником ее влияния в различных слоях населения, а также источником пополнения ее рядов. Так называемые «подразделения НСДАП» включали штурмовые отряды — СА (созданы в 1921 г.), отряды СС (1923 г.), корпус автомобилистов (1931 г.), «Гитлер-югенд» («Гитлеровская молодежь», 1926 г.), союз студентов (1926 г.), организацию женщин (1931 г.) и союз школьников (1929 г.). Во вторую категорию так называемых «примыкающих» организаций входили благотворительная организация «народное благополучие» (1932 г.), союз врачей (1929 г.) и союз учителей (1927 г.). Следует отметить, что из названных 10 организаций 9 просуществовали вплоть до краха фашистской диктатуры в мае 1945 г. Союз школьников в 1933 г. был влит в «Гитлер-югенд». И, наконец, в третьей рубрике — «опекаемых НСДАП» организаций — до прихода к власти было четыре: союз юристов (1928—1936 гг.), союз борьбы за ремеслен-

---

[32] Подсчитано автором на основе данных: *Broszat M.* Op. cit., S. 682.
[33] Подсчитано автором на основе данных: Statistisches Handbuch von Deutschland 1928—1944. München, 1949, S. 18; *Broszat M.* Op. cit., S. 682.
[34] *Broszat M.* Op. cit., S. 682.
[35] Ibidem.

ное сословие (1932—1933 гг.), союз борьбы за немецкую культуру (1928—1934 гг.) и первоначальная опора нацистов на предприятиях — организация фабрично-заводских ячеек (1931—1935 гг.) [36].

После прихода к власти число руководимых НСДАП организаций значительно выросло в основном за счет «опекаемых НСДАП». Из вновь созданных только одна была удостоена включения в «подразделения НСДАП» — союз доцентов (1935—1945 гг.). Было создано еще 5 «примыкающих» организаций, самой крупной из которых был «Германский трудовой фронт». Характерно, что и союз доцентов, и все «примыкающие» организации возникли на протяжении 1933—1936 гг. Это можно объяснить тем, что к 1936 г. в общих чертах сложилась структура основной массовой опоры НСДАП. Нацисты стремились также создать своеобразную кастовость в наиболее близко стоявших к партии организациях и не форсировали увеличение их числа. Что касается «опекаемых» организаций, то их возникло еще 18, в основном военизированного характера. Они создавались вплоть до 1945 г., и последней стал пресловутый «Вервольф» (1944—1945 гг.).

В нашем распоряжении, к сожалению, нет полных данных о численности лиц, входивших во все составлявшие массовую опору НСДАП организации. Но несомненно одно: после установления фашистской диктатуры это число росло. Достаточно сказать, что если в штурмовых отрядах на 30 января 1933 г. насчитывалось 500 тыс., то на 1 января 1935 г.— 3543 тыс. В отрядах «СС» на 30 января 1933 г.— 52 тыс., в январе 1937 г.— 210 тыс., к началу войны — около 260 тыс.[37] Организация нацистской молодежи «Гитлер-югенд», объединявшая в 1932 г. 100 тыс., в конце 1934 г. достигла 3,5 млн., а к концу 1938 г.— 8,7 млн. Число членов «Германского трудового фронта» в момент создания — 8 млн., в 1934 г.— 14 млн., к началу войны доходило до 22 млн. человек [38]. Эта массовость, которой особенно похвалялись нацисты, объяснялась тем, что все рабочие обязаны были вступить в «Германский трудовой фронт». Каждого немца, в зависимости от профессии, возраста и пола, фашисты старались уловить в одну из своих организаций. Так самыми низкими средствами — от демагогии и лжи до создания психоза среди населения, от запугивания до карательных мер — НСДАП сформировала и поставила на службу интересам монополистического капитала широко разветвленную сеть своих организаций.

На основе законов о восстановлении профессионального чи-

---

[36] *Weissbecker M.* Nationalsozialistische Deutsche Arbiterpartei (NSDAP) 1919—1945.— In: Die bürgerliche Parteien in Deutschland, Bd. 2. Leipzig, 1970, S. 386—387.

[37] СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 1968, с. 43; *Bennecke H.* Hitler und die SA. München — Wien, 1962, S. 213—214; *Neusüss-Hunkel E.* Die SS. Hannover — Frankfurt a. M., 1956, S. 8, 18.

[38] *Hofer W.* Die Diktatur Hitlers bis zum Beginn des Zweiten Weltkrieges. Konstanz, o. J., S. 128; *Weissbecker M.* Op. cit., S. 422, 424.

новничества от 7 апреля 1933 г. [39] и об унификации земель с рейхом, о котором говорилось выше, в апреле 1933 г. по всей стране была проведена жесточайшая чистка государственного аппарата от демократических и ненацистских социальных сил. На ключевые позиции были поставлены «надежные» члены НСДАП. Над теми, кого подозревали в нелояльности к фашистскому режиму, была установлена слежка. Вот тогда-то и началось массовое вступление чиновников в НСДАП. Нацисты стремились к тотальному овладению государственным аппаратом. И это им в значительной степени удалось.

Чистка и последующие мероприятия положили начало процессу заполнения государственного аппарата членами НСДАП. Так, уже на 1 января 1935 г. члены нацистской партии составляли среди высших начальников служб государственного значения 62,8%, служб коммунального управления — 60,7 (в том числе в городах — 78,2 и в сельской местности — 59,9); в целом среди верхушки государственного аппарата их доля составляла 60,7% [40]. Таким образом, менее чем за два года фашистской диктатуры почти $^2/_3$ высших государственных постов заняли нацисты.

Процесс сращивания государственного аппарата с нацистской партией был особенно заметен на организации СС. По мере усиления террористических функций НСДАП черная гвардия германского фашизма — эсэсовцы последовательно проникали в различные звенья государственного аппарата и устанавливали над ними контроль. Особенно возросло значение самого кровавого подразделения СС — службы безопасности (СД), являвшейся своеобразной партийной полицией [41].

Уничтожение демократических завоеваний, широкое применение насильственных методов в политической и экономической жизни, непомерный рост полицейских функций государства, осуществление перевооружения и военно-хозяйственной мобилизации, о чем будет сказано ниже, привели к гипертрофии фашистского государственного аппарата. Общее число чиновников и служащих возросло в 1939 г., например по сравнению с 1933 г., на 869,5 тыс. человек [42].

Расширялись и пропагандистские функции НСДАП. Ее важной задачей стало установление тотального контроля над формированием мировоззрения и развитие его в направлении, необходимом монополистическому капиталу. Для подведения под пропаганду государственных основ 13 марта 1933 г. указом президента было образовано пресловутое министерство пропаганды [43] во гла-

[39] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 1, Dok. 59, S. 172—177.
[40] *Schäfer W.* NSDAP. Entwicklung und Struktur der Staatspartei des Dritten Reiches. Hannover — Frankfurt a. M., 1957, S. 26.
[41] *Галкин А. А.* Германский фашизм. М., 1967, с. 356—357; *Weissbecker M.* Op. cit., S. 425.
[42] Statistische Handbuch von Deutschland 1928—1944, S. 32.
[43] «Reichsgesetzblatt», 1933, Teil I, S. 104.

ве с Геббельсом, сохранившим за собой и пост руководителя отдела пропаганды НСДАП. Задачи министерства должен был определить рейхсканцлер, иными словами, фюрер НСДАП Гитлер. С созданием министерства все средства массового влияния стали концентрироваться под эгидой НСДАП.

Содержание, стиль и методы нацистской пропаганды отличались лживостью, грубостью, примитивизмом. Руководящим принципом продолжало оставаться утверждение Гитлера в «Майн кампф» о том, что «при помощи умелого и длительного применения пропаганды можно представить народу даже небо адом и, наоборот, самую убогую жизнь представить как рай» [44].

Пропаганда велась на основе набора ключевых «доктрин» идеологии германского фашизма: звериного антикоммунизма, «теории высшей расы», мистицизма «крови и почвы», казарменного «немецкого национального социализма», «интуиции фюрера», «тысячелетнего рейха», «нового порядка в Европе» и т. д. Разоблачая эту идеологию, советский историк А. С. Ерусалимский писал о ее вредоносной силе: «Такова была эта наглая, иррациональная и циничная система неслыханной национальной и социальной демагогии гитлеровского империализма. Крайняя опасность этой демагогии заключалась в эффективности ее воздействия. Отвечая темным инстинктам толпы и разжигая их, она умело приспособлялась к психическому складу и настоящим или иллюзорным потребностям различных слоев населения, и притом довольно широких» [45]. Для внедрения и более эффективного усвоения фашистской идеологии нацистские пропагандисты разрабатывали определенный набор взглядов и аргументов для каждой отдельной группы населения, а также методов воздействия на нее.

Разжигая антикоммунизм, шовинизм, реваншизм, фашисты апеллировали прежде всего к националистическим чувствам, спекулируя на таких понятиях, как «немецкая народная общность», «немецкая верность долгу» и др. Тем самым они отвлекали трудящиеся массы от классовой борьбы. Они внушали массам представления, что социальные проблемы можно решить только путем войны, за счет других народов, в первую очередь — Советского Союза.

Нацисты умело уснащали свои «доктрины» заманчивыми аксессуарами и символами, используя давние традиции, измышляя исторические аналогии, вплоть до мистики. Германо-фашистское государство они называли «третьим рейхом», или «третьей империей», объявив его преемником «первого рейха» — Священной Римской империи германской нации и «второго рейха» — Германской империи, созданной Бисмарком в 1870—1871 гг.

---

[44] Цит. по: Нюрнбергский процесс..., т. 7. М., 1961, с. 667.

[45] *Ерусалимский А. С.* Германский империализм: история и современность. М., 1964, с. 591.

Базируясь на этих «доктринах», Геббельс на пресс-конференции 15 мая 1933 г. сформулировал задачи своего министерства. Пространно и цинично говорил он о целях фашистских пропагандистов: «Сущность пропаганды — простота, сила воздействия и целеустремленность... Простота состоит в том, чтобы, отбросив мелочи и аксессуары идей, обнажить эти идеи во всей их примитивности, сделать понятными для народа, а затем с такой силой и напористостью вдалбливать их общественности, чтобы в конце концов каждый последний человек с улицы понял, о чем идет речь»[46]. С той же наглой откровенностью были изложены намерения нацистов перестроить различные формы пропаганды: радио, кино, прессу, а также театр, музыку, литературу, изобразительное искусство — с целью подчинить их агрессивным целям монополистического капитала.

Вновь созданное министерство быстро развернуло свою вредоносную деятельность. Запылали костры из книг — сотен тысяч бесценных творений передовой человеческой мысли[47]. Только за первые два года фашистской диктатуры были сожжены произведения классиков марксизма-ленинизма, деятелей международного и немецкого рабочего движения, всемирно известных писателей и поэтов всех времен и народов — около 4 тыс. названий[48].

Наступление на политических противников нацисты начали с закрытия неугодных газет и журналов. Особому преследованию с первых же дней был подвергнут орган ЦК КПГ газета «Роте фане». В течение 1933 г. число ежедневных газет в Германии сократилось с 2703 до 1128, еженедельных журналов — на 40%, двухнедельных — на 50, ежемесячных — на 45%. Месячный тираж печатных изданий упал с 1 млрд. в 1932 г. до 300 млн., т. е. на 70%[49].

Особое значение придавалось радио, которое называли «восьмой великой державой», заявляя, что «без радио и самолетов завоевание и упрочение власти в нынешних условиях просто немыслимо»[50]. Нацисты подсчитали в 1933 г., что при общем числе жителей Германии 66 млн. человек не менее 26 млн. слушают радио. В короткие сроки фашисты поставили на службу своим целям сеть радиостанций, перестроили их программы, заменили кадры[51]. Было учтено, что ежедневно в среднем 1 млн. немцев

---

[46] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 1, Dok. 90, S. 289—298.

[47] Документ с текстом фашистской передачи по радио о сожжении 20 тыс. книг перед Берлинским университетом 10 мая 1933 г. опубликован в приложении к книге: *Scheel K.* Op. cit., Anhang N 9, S. 259.

[48] *Paterna E., Fischer W., Gossweiler K., Markus G., Petzold K.* Deutschland von 1933 bis 1939. Berlin, 1969, S. 42.

[49] Der Faschismus und die Intellektuellen. Untergang des deutschen Geistes. Karlsbad, 1934, S. 16.

[50] Цит. по: *Галкин А. А.* Указ. соч., с. 387.

[51] Statistisches Handbuch von Deutschland 1928—1944, S. 18; *Bramstedt E.* Goebbels and National Socialist Propaganda 1925—1945. Michigan, 1965, p. 63—64; *Iwo J.* Goebbels erobert die Welt. Paris, 1936, S. 17—19.

посещают более чем 3 тыс. кинотеатров страны; быстрыми темпами были перестроены в фашистском духе все выпуски кинохроник, киножурналов, а затем и содержание кинофильмов. В них возвеличивались «арийская доблесть», военные походы, подчинение авторитету сильной власти, принижались другие народы [52]. Столь же стремительно фашисты поставили на службу монополиям и другие средства идеологического влияния на массы.

Одновременно продолжал расширяться и усиливаться террор. Неуклонно росло число заключенных в тюрьмах и концлагерях. По далеко не полным данным МОПРа, к началу 1935 г. нацисты убили свыше 4200 человек, арестовали 517 тыс., подвергли пыткам и ранили 218 600 человек. Многие видные ученые, писатели, журналисты, деятели искусства и культуры, особенно евреи, подверглись жестоким преследованиям, были арестованы и заключены в тюрьмы и концлагеря, уволены или изгнаны из Германии. Другие, несмотря на заманчивые предложения, не захотели сотрудничать с фашистами и эмигрировали. В первые месяцы фашистского господства страну покинули такие выдающиеся ученые, как А. Эйнштейн, Д. Франк, Ф. Габер, Г. Герц, О. Мейрхоф, Ю. Шаксель и др.; широко известные писатели и поэты И. Бехер, В. Бредель, Л. Фейхтвангер, Г. Манн, Т. Манн, Э. Вайнерт и др.; популярные композиторы, актеры, режиссеры и музыканты А. Бассерман, Э. Бергнер, Б. Брехт, Э. Буш, Г. Эйслер, Э. Дейч, О. Фрид, П. Хиндемит, О. Клемперер, Ф. Кортнер, А. Моисси, М. Палленберг, М. Рейнгардт, И. Шмидт, Р. Таубер, Б. Вальтер, К. Вейль и многие другие [53]. Но и в изгнании они продолжали творить, внося весомый вклад в развитие передовой немецкой культуры и борьбу с фашизмом.

К началу июля 1933 г., т. е. за пять месяцев, нацисты кардинально изменили политическую жизнь страны: уничтожили все демократические права и свободы; превратили в фикцию рейхстаг и другие избираемые органы; запретили КПГ и другие политические партии; ликвидировали профсоюзы и иные защищавшие интересы рабочих организации; овладели ведущими позициями в государственном аппарате и фашизировали его как в центре, так и на местах; резко усилили полицейские и погромные функции фашистской партии и государства; расширили и продолжали расширять многомиллионную массовую базу; установили контроль над общественным мнением страны. Захват власти фашистами завершился. Он был достигнут террором, провокациями, стремительностью действий, социальной демагогией, подкупом и обманом.

---

[52] *Розанов Г. Л.* Германия под властью фашизма (1933—1939 гг.). М., 1964, с. 217; *Klimsch G. W.* Die Entwicklung des national-sozialistischen Film-Monopols von 1933—1940. München, 1954.

[53] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5, S. 33—34; *G. Schmerbach.* Dokumente zum faschistischen Terror gegen die Arbeiterbewegung (1933 und 1934).— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (далее — ZfG). Berlin, 1955, H. 3, S. 435—463.

Захват этот происходил по указаниям и при постоянных консультациях с ведущими монополистами. Последние полностью убедились, что НСДАП является именно той партией, которая способна выполнить все их зловещие замыслы. Это нашло, в частности, выражение в создании 12 июня 1933 г. под руководством Г. Круппа фонда промышленников для постоянного финансирования НСДАП под названием «подарки Гитлеру». С этого времени и по 1944 г., только по учтенным данным, в фонд поступило около 700 млн. марок [54].

Завершение процесса захвата власти Гитлер констатировал 6 июля 1933 г. в речи перед уполномоченными правительства и гаулейтерами НСДАП. Для обмана масс Гитлер назвал его «завершением немецкой революции», заявив, что теперь она должна быть введена в «спокойное ложе эволюции». 17 июля с речью на ту же тему обратился по радио к немецкому народу Геббельс. Он призывал сохранить «результаты революции», т. е. фашистскую диктатуру, на «ближайшее столетие» [55]. Следует сказать, что в оценке перспектив Гитлер пошел еще дальше: выступая в сентябре 1934 г. на съезде НСДАП в Нюрнберге, он предрекал, что «в последующие тысячелетия в Германии не будет новой революции» [56]. История опрокинула пророчества кровавого фюрера. После его заявления фашистский рейх продержался немногим более десяти лет.

Закон от 14 июля 1933 г., запрещавший образование в Германии новых партий [57], упрочил положение НСДАП в качестве единственной легальной партии страны. С захватом власти для фашистской диктатуры и НСДАП начался новый этап развития

ПЕРЕСТРОЙКА ЭКОНОМИКИ ПО-НАЦИСТСКИ

После прихода фашистов к власти развитие государственно-монополистического капитализма пошло чрезвычайно быстрыми темпами. Этот процесс проходил в борьбе между двумя группировками монополистического капитала, нашедшей отражение в не менее острых конфликтах внутри НСДАП.

Перекроив на фашистский лад политическую структуру страны, монополисты с помощью нацистской партии перешли к ускоренной реорганизации экономики, чтобы поставить ее на рельсы подготовки к войне [58]. Технически и организационно высокоразвитая германская промышленность, сконцентрированная в руках

[54] Анатомия войны, док. 18, 27—28, с. 86—89, 100—101.
[55] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 1, Dok. 37, S. 77—82; «Völkischer Beobachter», 8.VII 1933.
[56] *Rühle G.* Das Dritte Reich. Das zweite Jahr 1934. Berlin, 1935, S. 310 (автор был официальным историографом фашистского рейха).
[57] «Reichsgesetzblatt», 1933, Teil I, S. 479.
[58] Подробно см.: *Eichholtz D.* Monopole und Staat in Deutschland 1933—1945.— In: Monopole und Staat in Deutschland 1917—1945. Berlin, 1966 S. 34—42.

немногих монополистов и уже располагавшая опытным аппаратом государственно-монополистического регулирования, могла без труда подвергнуться координации и быть поставлена на службу тотальному вооружению. Государственно-монополистическая банковская система также оказалась как нельзя более пригодной для финансирования вооружений [59].

Ускоренная милитаризация началась с первых дней фашистского режима. Перестройка экономики осуществлялась по пяти основным линиям: подготовка военно-сырьевой базы; форсированное развитие военной промышленности; осуществление после ликвидации безработицы, мероприятий по обеспечению военной промышленности рабочей силой; подготовка продовольственной базы; совершенствование органов регулирования и милитаризации всей страны.

По требованию Гитлера и Геринга на заседании кабинета 8 февраля 1933 г. были полностью подчинены военным потребностям все мероприятия по обеспечению работой, предпринятые ранее правительством Шлейхера. 9 февраля из предназначенных для этих целей 500 млн. марок 190 млн. было выделено на перевооружение. В апреле 1933 г. крупные монополисты Ф. Флик, Ф. Тиссен и А. Феглер обсудили с Герингом и наметили пути создания военной авиации [60]. В начале мая командование военно-морским флотом представило программу строительства броненосцев и подводных лодок, а в начале июня концерн Круппа получил крупный заказ на производство бронемашин. Тогда же началось производство и других машин для армии. Таким образом, первые государственные заказы на вооружение были предоставлены монополистам традиционных отраслей тяжелой промышленности. Общая доля расходов на вооружение и армию уже в 1933/34 бюджетном году составила 24% [61].

Всю подготовку к войне возглавил созданный 4 апреля 1933 г. под председательством Гитлера тайный военный кабинет. В него были включены Бломберг, Геббельс, Фрик и другие ведущие министры, а также представители монополий [62]. Этот орган «являлся своего рода узким военным кабинетом министров и должен был координировать чисто военные мероприятия по подготовке к войне с политическими, экономическими мероприятиями и мероприятиями в области пропаганды» [63]. Тайный воен-

[59] См.: *Чихон Э.* Курс германского фашизма на перевооружение и события 1936 г.— В кн.: Ежегодник германской истории. 1972. М., 1973, с. 246—247.

[60] *Paterna E. u. a.* Op. cit., S. 55, 60.

[61] Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг. М., 1956, с. 23; *Чихон Э.* Указ. соч., с. 247.

[62] Подробно см.: *Фомин В. Т.* Имперский тайный военный кабинет и его роль в подготовке фашистской Германии к агрессивной войне (1933—1939 гг.).— В кн.: Германский империализм и вторая мировая война. М., 1963, с. 159—179.

[63] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945, т. I. М., 1956, с. 126.

ный кабинет — еще один образец сращивания государственного аппарата, монополий и верхушки НСДАП.

Но решающие, еще более ускорившие процесс сращивания шаги были сделаны начиная со второй половины июля 1933 г. 15 июля 1933 г. были опубликованы два закона, ставшие важными вехами в развитии государственно-монополистического капитализма.

Для координации экономики в масштабе всей страны был создан Генеральный совет германского хозяйства. Его состав ярко отражал классовую сущность фашистской диктатуры: в числе 16 членов в нем было 9 крупных монополистов, 4 крупных банкира и 2 крупных агрария [64].

Документы о деятельности этого органа монополий свидетельствуют о лживости демагогии НСДАП, развернувшей в те дни шумную кампанию по вопросу о том, что при национал-социализме якобы устранены классовые противоречия и «экономика служит народу» [65]. Генеральный совет играл ведущую роль в руководстве экономикой, здесь обсуждались планы хозяйственного развития страны. На первом его заседании 20 сентября 1933 г. Гитлер вызвал особое одобрение монополистов речью о задачах экономики в национал-социалистском государстве. Он заверил собравшихся, что его правительство укрепилось у власти и что они могут «спокойно продолжать свою деятельность». Министр экономики доложил об основных направлениях развития хозяйства на ближайшие годы [66].

Второй закон служил всемерному усилению концентрации капитала, стимулируемой фашистским государством. Закон предусматривал принудительное картелирование мелких предприятий. В первую очередь оно было проведено в металлургической промышленности [67]. Общее число картелей неуклонно росло: с 2000 в 1925 г. до 2200 в 1935 г. и до 2500 в 1936 г.[68] Число акционерных обществ уменьшилось, поскольку ликвидировались все общества с капиталом менее 100 тыс. марок и запрещалось образование новых с капиталом менее 500 тыс. марок. Если в 1932 г. было 9634 акционерных общества, то в 1933 г. их число уменьшилось до 9184, а в 1934 г.— до 8618 [69]. Но зато увеличился капитал наиболее могущественных из них. Ряд других декретов правительства был направлен на обеспечение крупным монополиям постоянного роста прибылей и неограниченной эксплуатации рабочего класса.

---

[64] *Норден А.* Уроки германской истории. М., 1948, с. 123.

[65] *Rühle G.* Das Dritte Reich. Das erste Jahr 1933. Berlin, 1934, S. 239—240.

[66] Dokumente der deutsche Politik, Bd. 1, Dok. 74—75, S. 229—235.

[67] «Reichsgesetzblatt», 1933, Teil I, S. 483; *Устинкин С.* Германский Стальной трест. М., 1941, с. 169.

[68] *Гольдштейн И., Левина Р.* Германский империализм. М., 1947, с. 220—223.

[69] *Кучинский Ю.* Очерки истории германского империализма. М., 1952, с. 121.

Главнейшим шагом на этом пути стал закон о подготовке органического построения германской экономики от 27 февраля 1934 г. Закон внес коренные изменения в управление экономикой, распространив на нее принцип фюрерства. Все предпринимательские союзы переходили в подчинение министерства экономики и возглавлялись «фюрером германского хозяйства». Им был назначен Ф. Кесслер — глава объединения электропромышленников. Документально доказано, что этот закон подготовили ведущие монополии, о чем свидетельствует записка Имперского союза германской промышленности [70].

Однако, несмотря на принцип фюрерства и концентрацию экономики, продолжалась борьба между двумя монополистическими группировками, она оказывала серьезное влияние на характер экономического развития, а следовательно и на политическую жизнь страны. Борьба шла между мощными концернами традиционных отраслей тяжелой промышленности — угля и металла — и монополиями новых, быстро развивающихся отраслей — химии и электротехники. Основной костяк первой группировки составляли концерны Рейнско-Вестфальского промышленного района и «Дрезденер банк», головную колонну второй группы — «ИГ Фарбениндустри» и «Дейче банк».

Серьезные разногласия вызывал вопрос о том, какими путями вооружаться, ибо от этого зависело, какая группировка наживется на вооружениях больше другой. Концерны химической промышленности выдвигали концепцию так называемого «глубинного вооружения», при котором основа военной мощи базировалась бы на производстве синтетического бензина и других химических продуктов. Но это требовало дополнительных крупных вложений, что саботировали сторонники обычного, так называемого «вооружения вширь», в частности президент рейхсбанка Я. Шахт, входивший в первую группировку.

Борьба шла за следующие государственно-монополистические институты: рейхсбанк, имперское министерство экономики, военно-экономический штаб рейхсвера и за руководящие функции в Имперском союзе германской промышленности. В своем взаимодействии они составляли становой хребет государственно-монополистической системы Германии [71].

Но для того чтобы обладать комплексом основных государственно-монополистических институтов и влиять на политику, нужно было опираться на руководство НСДАП.

На первом этапе фашистской диктатуры, как говорилось выше, главенствующие позиции в системе государственно-монополистического капитализма занимали магнаты традиционных отраслей тяжелой промышленности. На них ориентировалась и нацистская

[70] Анатомия войны, док. 35, с. 110—115; Dokumente der deutschen Politik, Bd. 2, Hrsg. F. A. Six. Berlin, 1942, Dok. 62, S. 235—237.

[71] *Чихон Э.* Указ. соч., с. 245, 249; *Thomas G.* Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft (1918—1943/5). Boppard, 1966, S. 111—112.

верхушка. Наиболее драматический характер соперничество приняло после вынужденной отставки в июне 1933 г. Гугенберга и назначения министром экономики К. Шмитта — генерального директора крупнейшего в Германии страхового агентства, входившего в группировку «ИГ Фарбен».

Однако не следует преувеличивать глубину противоречий между отдельными группировками монополистического капитала, не затрагивавших коренного вопроса: вооружаться или нет. В генеральном курсе фашизма на вооружение обе группировки были едины. И в основе сотрудничества монополистического капитала с фашизмом лежали общеимпериалистические интересы монополий, направленные на экспансию, вооружения и войну, а также на подавление рабочего класса.

И монополисты, и фашистская клика великолепно понимали, что любая реорганизация и любая ориентация не даст нужных им результатов, если не принять более решительных мер для дальнейшего политического и экономического закабаления рабочего класса. Целая армия нацистских бонз занялась этим. В ход были пущены террор, демагогия, антирабочее законодательство. Лейтмотив нацистской пропаганды в рабочем вопросе был сформулирован Гитлером в новогоднем обращении к НСДАП 1 января 1934 г.[72], в котором говорилось, что рабочие должны быть «не чуждым организмом в национальном государстве, а ведущей силой нации». Принудительное объединение рабочего класса в ДАФ нацисты стремились представить, как «освобождение от классового и сословного чванства»[73]. Они всячески раздували националистическую, шовинистическую и реваншистскую истерию, усиливали социальную демагогию.

Важным рычагом порабощения рабочих стало антирабочее законодательство. Различные постановления и директивы регламентировали труд и быт рабочего[74]. Наиболее тяжелые для рабочего класса последствия принес закон о порядке национального труда от 20 января 1934 г.[75], разрекламированный фашистами как осуществление в Германии «социального мира и окончательной ликвидации классовой борьбы». Закон отменял все положения о заводских советах, тарифных договорах, третейских судах, все правила, регулировавшие продолжительность рабочего времени, охрану труда, внутренний распорядок и т. п.

Владелец предприятия становился его фюрером, который единолично мог устанавливать расценки, нормы выработки, длительность рабочего дня, штрафы и наказания. Весь коллектив работающих объявлялся «дружиной фюрера», которая обязывалась

[72] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 2, Dok. 1. S. 7—11.

[73] *Sieg K.* Der Geist der Deutschen Arbeitsfront.— «Arbeitertum», 1933, H. 10, S. 20.

[74] Подробно см.: *Горошкова Г. Н.* Антирабочее законодательство гитлеровского правительства накануне войны (1933—1939 гг.) — В кн.: Империализм и борьба рабочего класса. М., 1960, с. 435—446.

[75] «Reichsarbeitsblatt», 1934, Teil I, S. 16—26.

соблюдать «верность» по отношению к нему. Совместно с представителем НСДАП предприниматель намечал кандидатов в «совет доверенных» (с 1935 г. рабочие были лишены и этих по существу назначаемых и бесправных советов). Вместо тарифной системы было введено так называемое «государственное регулирование», разрешавшее предпринимателю устанавливать тарифы для отдельного предприятия. Одним из наиболее тяжких преступлений против этого закона объявлялось «всякое злонамеренное нарушение трудового мира на предприятии», т. е. проведение забастовок в любых формах. В крупных экономических районах и некоторых землях преследование забастовок было еще более усилено местным законодательством [76]. Забастовки обычно заканчивались заключением в тюрьмы и концлагеря части или всех бастующих. 23 марта 1934 г. все положения этого закона были распространены на работающих в общественных учреждениях и предприятиях [77]. Затем последовало распоряжение, запрещавшее в то время любое повышение тарифных ставок [78].

Фашистское законодательство создавало широкие возможности для произвола и эксплуатации рабочих, для коррумпирования части их, а также служило одним из способов притупить сознание рабочими общности их интересов. В то же время оно способствовало милитаризации экономики.

* * *

Начиная со второй половины 1933 г. в фашистской Германии начал завязываться узел противоречий, которые грозили нарушить планы властителей третьего рейха. Противоречия охватили прежде всего господствующий лагерь. Разгорелась борьба между двумя основными монополистическими группировками за сверхприбыли в ходе тотального вооружения, за преобладающее влияние на государственный аппарат. Кроме того, возникли различные точки зрения на дальнейшие формы и методы подавления народных масс, на темпы вооружения и подготовки войны, на предстоящие акции по устранению Версальского договора [79]. Среди нацистского руководства не было единого мнения по таким острым вопросам, как статут рейхсвера в фашистском государстве и политика по отношению к средним слоям после захвата власти. Не затихала постоянная грызня за распределение наиболее выгодных постов в фашистской иерархии.

Острая борьба развернулась и по вопросу о роли и функциях государства и его взаимоотношениях с НСДАП после завершения процесса захвата фашистами власти.

---

[76] *Варнке Г.* Очерк истории профсоюзного движения в Германии. М., 1956, с. 143; «L'Europe nouvelle» (Paris), 2.I 1937, p. 13.
[77] *Kaskel W., Dersch H.* Op. cit., S. 12.
[78] *Галкин А. А.* Указ. соч., с. 71.
[79] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5, S. 61.

Классическое высказывание В. И. Ленина, которым он начал свою знаменитую работу «Государство и революция» (1917 г.), целиком и полностью применимо и к фашистскому государству. В. И. Ленин писал: «Вопрос о государстве приобретает в настоящее время особенную важность и в теоретическом и в практически-политическом отношениях. Империалистская война чрезвычайно ускорила и обострила процесс превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Чудовищное угнетение трудящихся масс государством, которое теснее и теснее сливается с всесильными союзами капиталистов, становится все чудовищнее. Передовые страны превращаются — мы говорим о «тыле» их — в военно-каторжные тюрьмы для рабочих» [80].

Формула фашистского тоталитарного государства, провозглашенная в свое время Муссолини: «Все в государстве и ничего вне государства» [81],— была с восторгом воспринята германскими империалистами. Как справедливо пишет советский историк Л. И. Гинцберг, для их далеко идущих реваншистских замыслов лишь всеобъемлющее участие государства могло обеспечить необходимую подготовку к войне за передел мира в пользу Германии [82]. Национал-социалисты ревностно строили такое государство, в котором соответствующее место должно было быть обеспечено за их партией.

Проходившее в июне 1933 г. сборище высших чинов нацистской иерархии — так называемое «фюрер-тагунг» — занималось этим вопросом [83]. 1 декабря 1933 г. законом о сохранении единства партии и государства НСДАП была объявлена государственной организацией Германии, «носительницей государственных идей», «организмом, определяющим все положения общественного права». Члены НСДАП и штурмовых отрядов подлежали особой юрисдикции [84]. Заместитель фюрера НСДАП Р. Гесс и начальник штаба штурмовиков Э. Рем были назначены членами правительства.

Одновременно нацистское руководство всячески раздувало культ фюрера. Культ этот выполнял те же функции, что и фашистский террор, социальная демагогия и другие атрибуты нацистской политики и идеологии [85]. «Лозунгом года» нацисты объявили фразу Гитлера, сказанную им в январе 1934 г. о том, что «должна быть единая воля и эта воля должна управлять» [86],

---

[80] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 3.

[81] См.: *Лопухов Б. Р.* Фашизм и рабочее движение в Италии. М., 1968, с. 341.

[82] См.: *Гинцберг Л. И.* Фашизм и история новейшего времени.— «Новая и новейшая история», 1971, № 4, с. 39.

[83] *Weissbecker M.* Op. cit., S. 420.

[84] Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945, Dok. 32, S. 61—62.

[85] *Weissbecker M.* Zur Herausbildung des Führerkultus in der NSDAP.— In: Monopole und Staat in Deutschland 1917—1945, S. 115, 118—122.

[86] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 2, S. 1.

подразумевая под этим волю фюрера. Нацистская пресса, радио, кино и другие средства пропаганды усилили кампанию за «строительство государства фюрера». Принцип фюрерства нацисты внедряли не только в ряды НСДАП, но и во все области жизни страны.

Нацисты старались всеми доступными им средствами приглушить настроения недовольства среди части членов НСДАП и штурмовых отрядов. Недовольство имело глубокие социальные корни. Первые же месяцы пребывания фашистов у власти показали, что обещания нацистского руководства об улучшении положения средних слоев не выполняются. Центром недовольства стал Союз борьбы за ремесленное сословие, созданный нацистами в 1932 г. в целях расширения своей массовой базы. Принимая за правду программу НСДАП и фашистскую социальную демагогию, члены союза организовывали бойкот крупных универмагов, создавали комиссии по захвату банков и крупных предприятий для раздела их на мелкие.

Волнения перекидывались в штурмовые отряды, рекрутируемые в основном из средних слоев. Напряжение росло еще и потому, что руководители штурмовиков во главе с Э. Ремом требовали превращения СА в костяк регулярных вооруженных сил за счет рейхсвера [87]. Недовольство разжигали также концерны химической промышленности, пытавшиеся сделать СА орудием борьбы против враждебной монополистической группировки. Нацистское руководство прилагало все усилия, чтобы держать штурмовиков в подчинении и осуществлять влияние на массы. Союз борьбы за ремесленное сословие 7 августа 1933 г. был влит в «Германский трудовой фронт». Для успокоения СА Рем, как указывалось, был включен в правительство. Был издан закон об обеспечении различными льготами «старых борцов» НСДАП.

Но эти меры принесли лишь временное успокоение. К лету 1934 г. противоречия между монополистическими группировками, а соответственно и в штурмовых отрядах вновь обострились. Среди средних слоев все громче раздавались требования «второй революции». Началась утечка рядовых функционеров НСДАП.

Положение угрожало стабильности фашистского государства и подготовке агрессивной войны. Тогда в дело вмешалось командование рейхсвера. Во время встречи с Гитлером 11 апреля 1934 г. на линкоре «Германия» генералитет потребовал принятия решительных мер. Нацистская верхушка усилила преследования недовольных среди штурмовиков. С 11 мая 1934 г. началась пропагандистская кампания «против критиканов и нытиков, против распространителей слухов, подстрекателей и саботажни-

---

[87] Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus 1933—1945, Hrsg. H.-A. Jacobsen und W. Jochmann, Bd. IV. Bielefeld, 1966, Dok. VI 1933, Dok. 18.IV 1934, S. 1—3, 1—4.

ков». Руководство НСДАП требовало: «Начиная с первых дней мая и по 30 июня должны проводиться собрания, демонстрации, митинги, чтобы поднять народ против угрожающего стране бедствия, которое должно быть устранено раз и навсегда» [88]. 25 июня с угрозами в адрес руководства штурмовиков по радио выступил Гесс. В «Фёлькишер беобахтер» появилась статья Бломберга о незыблемости рейхсвера в «третьем рейхе» [89].

30 июня 1934 г. вошло в историю фашистской Германии, как «ночь длинных ножей». В эту ночь нацистское руководство при помощи СС расправилось со своими политическими противниками по всей стране. Гитлер, прибывший накануне в Эссен, встретился с Круппом и Тиссеном и получил их одобрение на «кровавую расправу», которой еще ранее пожелал Бломберг. В результате сговора монополий, военщины и нацистских заправил были убиты руководители штурмовых отрядов во главе с Ремом, прибывшие в Мюнхен на заранее назначенное «совещание». Убиты были также потенциально опасные генералы фон Шлейхер и фон Бредов, опальный нацистский деятель Г. Штрассер и многие другие. Всего было уничтожено 1184 человека [90].

Опубликованное в тот же день обращение к штурмовикам нового начальника штаба СА В. Лютце требовало от них «абсолютной верности, твердой дисциплины и беспредельного самопожертвования» [91]. Была проведена жесткая чистка среди политических функционеров НСДАП. Почти 20% из вступивших в партию до 1933 г. были устранены со своих постов (в Берлине — свыше 50%). До конца того же года почти 80% политических функционеров было рекрутировано из тех, кто вступил в НСДАП начиная с 1933 г. [92] Еще более возросло значение СС, к которым перешли некоторые функции СА, в частности надзор за концлагерями [93], а также СД — тайной разведывательной службы НСДАП.

После смерти 2 августа 1934 г. Гинденбурга посты президента и рейхсканцлера были объединены и Гитлер провозглашен главой государства и главнокомандующим вермахта. Кроме политических функционеров НСДАП ему обязаны были присягать теперь солдаты и офицеры вермахта и государственные чиновники. Руководство министерством экономики перешло к Я. Шах-

---

[88] *Weissbecker M.* NSDAP, S. 419.

[89] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 2, Dok. 3, S. 36—46; «Völkischer Beobachter», 29.VI 1934.

[90] Weissbuch über die Erschiessung am 30 Juni 1934. Moskau, 1934, S. 59, 68; *Рудой Г. Я.* Ночь длинных ножей.— «Новая и новейшая история», 1966, № 5.

[91] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 2, Dok. 8, S. 52.

[92] *Bracher K. D.* Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus. Köln, (West) Berlin, 1970, S. 257.

[93] *Broszat M.* Nationalsozialistische Konzentrationslager 1933—1945.— In: Anatomie des SS-Staates, Bd. II. Olten — Freiburg, 1965, S. 42.

ту. Давние, затрагивавшие целый комплекс проблем противоречия между двумя монополистическими группировками на этом этапе закончились поражением химических монополий. Но межмонополистическая борьба после этого стала еще острее [94].

События 30 июня сыграли важную роль в укреплении фашистской диктатуры. Конфликт нацистского руководства с частью массовой базы был решен кровавым путем. Еще полнее раскрылись функции НСДАП в системе фашистского режима. Как правильно пишет историк ГДР К. Госсвайлер, эти события показали, что роль Гитлера и нацистской правящей верхушки состояла прежде всего в том, чтобы быстро подавлять любое возможное внутреннее сопротивление и создавать монополиям все условия для быстрейшей подготовки агрессивной войны [95]. Победа в результате событий 30 июня монополистической Рейнско-Вестфальской группировки была победой в межмонополистической борьбе и, естественно, ничего не меняла в основном курсе германского фашизма. В то же время это была важная веха на пути усиления реакционной внутренней и агрессивной внешней политики фашистской Германии, превращения ее в еще более опасный очаг войны в центре Европы.

ОТКРЫТАЯ ПОДГОТОВКА ВОЙНЫ

Начиная со второй половины 1934 г. фашистская Германия встала на путь еще более усиленной подготовки войны. Усыпляя бдительность народов и правительств «призывами к миру» и клятвами в верности ему, Германия еще в октябре 1933 г. вышла из Лиги наций. Характерно, что монополии выразили Гитлеру благодарность за эту акцию. В марте 1935 г. фашистское правительство заявило, что оно отказывается выполнять статьи, запрещавшие ему создание военной авиации. 16 марта 1935 г. в стране была введена всеобщая воинская повинность и принят закон о строительстве вермахта. Гонка вооружений и подготовка населения к войне приняли лихорадочный характер.

Программа деятельности фашистской партии на том этапе была изложена на ее съезде в сентябре 1935 г., названном нацистами «съездом свободы». В их понимании это означало отказ от Версальского договора и свободу вооружений. Во внутренней политике были выдвинуты три задачи: строительство и стабилизация внутренней организации НСДАП; воспитание всего

---

[94] Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945, Dok. 39, S. 70—71; *Gossweiler K.* Die Röhm-Affäre von 1934 und die Monopole.— In: Monopole und Staat in Deutschland 1917—1945, S. 151—160.

[95] *Gossweiler K.* Der Übergang von der Weltwirtschaftskrise zur Rüstungskonjunktur in Deutschland 1933 bis 1934.— In: Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte, Teil II. Berlin, 1968, S. 116.

народа в духе национал-социализма; устранение всех недовольных и колеблющихся из государственных и партийных органов [96].

Для внутренней организации НСДАП было характерно неизмеримое разрастание ее бюрократического аппарата. В 1935 г. он насчитывал 33 гаулейтера, 827 крейслейтеров, около 21 тыс. ортсгруппенлейтеров, около 260 тыс. целлен- и блоклейтеров (целле — ячейка, блок — группа домов). До 1938 г. число гаулейтеров увеличилось до 38, после захвата Австрии и Судетской области их стало 45. Характерно, что как нацистская элита, так и функционеры более низкого ранга занимали одновременно и государственные посты. В том же 1935 г. почти 60% крейслейтеров, например, занимали посты бургомистров и другие равноценные административные должности [97].

Нацистское руководство видело опору НСДАП в системе блоклейтеров, полагая, что только она может обеспечить «полную опеку и контроль над каждым жителем страны». Задачи блоклейтеров поэтому были особенно точно определены. Наряду с проведением докладов, продажей брошюр и другой литературы, они вели повседневную устную пропаганду. Но главное составляли их шпионские функции. Они должны были втереться в доверие к населению, выслеживать «распространителей вредных слухов», подробно знать о каждом шаге жителей подведомственных домов. Такие обязанности вызывали постоянный рост этого звена. К 1938 г. в НСДАП насчитывалось уже 74091 целлени 397030 блоклейтеров, т. е. за три года их число увеличилось почти в 2 раза. Неуклонно возрастало общее число функционеров по пропаганде НСДАП. Так, если в феврале 1934 г. их насчитывалось 373 тыс., то в феврале 1937 г. было уже 824 тыс. [98]

НСДАП строилась исключительно по территориальному принципу. Все делалось в приказном порядке. Процветал карьеризм. От своих членов НСДАП требовала «подчинения, готовности к жертвам, фанатичного боевого духа», постоянного «обучения», состоявшего из вдалбливания национал-социалистских доктрин и участия в мероприятиях «на улице». В одном из архивных документов — директиве, разосланной в 1938 г. политическим руководителям, предписывалось «усилить деятельность по организации боевых маршей, поскольку пропаганда не обладает больше той ударной силой, как это имело место до захвата власти» [99]. Эти походы преследовали также цели военной тренировки. В них кроме членов НСДАП участвовали штурмовики, эсэсовцы, «Гитлер-югенд», корпус автомобилистов, члены других военизированных фашистских организаций.

По мере развертывания подготовки войны нацистские заправилы в инструктаже политических руководителей всех звеньев

[96] *Burden H. T.* The Nuremberg Party Rallies: 1923—39. New York — Washington — London, 1967, p. 100—112; *Schäfer W.* Op. cit., S. 50.
[97] *Bracher K. D.* Op. cit., S. 379.
[98] *Weissbecker M.* NSDAP, S. 422.
[99] Ibidem.

НСДАП и ее организаций делали все больший акцент на разжигание реваншизма и воспитание превосходства руководящей верхушки над массой населения. Вот, например, выдержка из секретной речи Гитлера в ноябре 1937 г. перед молодежными руководителями: «Главный принцип руководства народом — помнить, что он в своем большинстве неспособен обозреть свои жизненные проблемы...Германия должна стать вооруженным государством, а это значит — не только от мала до велика уметь владеть оружием, но и воодушевляться воинственными устремлениями» [100].

НСДАП выступала, как основная организующая сила подготовки страны к войне. Военизированные шествия отрядов СС и СА, военные парады и маневры стали неотъемлемыми мероприятиями ежегодных съездов НСДАП. Усилилась военизация всех примыкавших к НСДАП организаций. Особое внимание уделялось «Германскому трудовому фронту». В качестве основной цели ДАФ фашисты открыто декларировали создание «основ и предпосылок для организации немецкого военизированного общества» [101]. Приказом Гитлера от 24 октября 1934 г.[102] ДАФ был поставлен под полный контроль фашистской партии, включая и его обширные денежные средства. С тех пор обязательные членские взносы рабочих шли на покрытие части огромных расходов НСДАП, а также на вооружения, в частности на строительство «западного вала», шефство над которым было возложено на ДАФ. Возглавлял ДАФ руководитель организационно-политического отдела НСДАП Р. Лей.

Но в условиях нацистского варианта государственно-монополистической системы ДАФ выполнял и другие, еще более значительные функции. Он служил одним из основных каналов, через который нацисты осуществляли политику социального маневрирования и демагогии, столь характерную для фашистских движений и режимов. ДАФ открывал нацистам доступ в самые широкие слои главной производительной части немецкого общества — рабочего класса. Через него нацисты смогли помпезно представить снижение, а затем и ликвидацию безработицы в качестве своей заслуги, тогда как на деле это было обусловлено окончанием мирового экономического кризиса и форсированием милитаризации экономики. Самое большое число безработных было зарегистрировано 15 февраля 1933 г.— 6047,3 тыс. человек. На 1 января 1935 г. был уже 2507,9 тыс., на 1 января 1936 г.— 1478,9 тыс., а на 1 января 1937 г.— 994,9 тыс. [103] Ловко манипулируя и организуя фактически на средства самих же рабочих

[100] Ausgewählte Dokumente..., Bd. V, Dok. 23.XI 1937, S. 1—4.
[101] *Schumann H.-G.* Nationalsozialismus und Gewerkschaftsbewegung. Die Vernichtung der deutschen Gewerkschaften und der Aufbau der «Deutschen Arbeitsfront». Hannover — Frankfurt a. M., 1958, S. 45.
[102] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 2, Dok. 58, S. 207—209.
[103] Ibid., Bd. 5, Dok. 62, S. 355.

мероприятия, улучшающие их жилищные условия, досуг и отдых, авансируя закупку в кредит сравнительно недорогих автомобилей «Фольксваген», создавая при ДАФ обширную сеть культурных, спортивных, туристских и прочих организаций, НСДАП изображала эти факты как «успехи» своей политики.

Особая роль принадлежала созданному в ноябре 1933 г. туристско-спортивному обществу «Сила через радость». Именно его деятельности нацисты во многом были обязаны завоеванием на свою сторону немалой части рабочего класса. Умело используя исторические традиции, психологические особенности немецких трудящихся, это общество организовывало народные любительские театры и певческие коллективы, массовые спортивные группы, предоставляло льготные билеты в театры, на концерты, киносеансы, вечера искусства, в танцевальные залы, осуществляло организацию отдыха и туризма. Наряду с социально-демагогическими целями, мероприятия этого общества умело служили военной тренировке населения. Неслучайно в годы войны построенные обществом суда и санатории были быстро превращены в военные транспорты и лазареты.

Не менее ловко в демагогических целях использовали нацисты благотворительность, создавая при ее помощи представления о якобы народной социальной политике фашизма, о социальной общности немцев. Среди ряда нацистских благотворительных организаций наиболее активно действовало созданное по инициативе Геббельса общество «Народное благополучие». С осени 1933 г. оно проводило ежегодные кампании «зимней помощи» — сбор денег и вещей, а затем торжественное вручение их «страждущим соотечественникам», организацию на площадях «обедов из одного блюда» [104] и др. «Зимняя помощь» была призвана воспитывать у населения расовые чувства «замкнутого немецкого общества», «несправедливой обделенности немцев», готовности к жертвам и т. п.

Огромное внимание фашистская клика уделяла военизации молодежи. Законом от 1 декабря 1936 г. [105] «Гитлер-югенд» была объявлена единственной молодежной организацией страны, членство в ней с 1939 г. стало обязательным. Основной ее целью стала подготовка молодежи к захватнической войне германского империализма. В ней велось «мировоззренческое воспитание» молодежи, спортивная подготовка, овладение различными военными специальностями, включая сотрудничество с гестапо по осуществлению слежки за населением и террора [106]. Через нее проводились массовые мобилизации молодежи на работы, связанные с подготовкой войны. Молодежь фактически отрывалась от

[104] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 5, Dok 63[a], S. 357—359.
[105] Ausgewählte Dokumente..., Dok. 1. XII 1936, S. 1.
[106] *Klönne A.* Hitlerjugend. Hannover — Frankfurt a. M., 1956, S. 24; *Broszat M.* Der Nationalsozialismus. Weltanschauung. Programm und Wirklichkeit. Stuttgart, 1960, S. 60.

семьи и воспитывалась тотально. До крайности военизирована была деятельность и других массовых нацистских организаций.

Милитаристский характер носило и одно из главных порождений нацистского варианта государственно-монополистического капитализма — трудовая повинность. Это средство борьбы с безработицей фашистская клика и монополии умело использовали для подготовки военных контингентов и объектов.

Трудовая повинность была впервые установлена для студентов в мае 1933 г. и распространена на остальную молодежь законами о «добровольной» (13 декабря 1934 г.) и обязательной трудовой повинности (26 июня 1935 г.) [107]. В преамбуле к последнему трудовая повинность провозглашалась «фундаментом» национал-социалистского государства. Все немецкие юноши и девушки обязаны были отбывать ее в специальных военизированных лагерях. 16 мая 1933 г. открылись первые лагеря, а к январю 1934 г. они охватили свыше 300 тыс. человек [108].

Рядом распоряжений трудовая повинность была распространена на женщин, а законом от 22 июня 1938 г. была введена всеобщая принудительная трудовая повинность. Этим законом имперскому управлению по обеспечению рабочей силой предоставлялось право посылать на любую работу (на ограниченное время) каждого жителя любой профессии или возраста; при отсутствии специальной подготовки мобилизуемые обязывались пройти соответствующий курс обучения [109].

Следует отметить, что трудовая повинность занимала важное место в общем комплексе фашистского государственно-монополистического регулирования. Вокруг нее создавалась шумиха на съездах НСДАП [110]. Одним из мероприятий съезда 1934 г., например, был марш 52-тысячной колонны молодежи, приехавшей из более чем 1 тыс. трудовых лагерей. Их число неуклонно росло. О трудовой повинности велись «научные» — в фашистском духе — изыскания. Вполне понятно, что вся тяжесть трудовой повинности ложилась на рабочий класс и средние слои населения.

Усиленное внимание уделялось подготовке к войне продовольственной базы, прежде всего достижению полной автаркии в производстве сельскохозяйственных продуктов в целях расширения ввоза важных стратегических материалов. При этом всячески обеспечивались интересы финансового капитала и юнкерства. Создавалась кулацкая опора фашизма в деревне путем на-

[107] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 1, Dok. 86—87; S. 275—283; Bd. 3, Dok. 43, S. 254—261; «Reichsarbeitsblatt», 1934, Teil I, S. 279.

[108] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 1, Dok. 87, S. 279; *Будман Д.* Германия вооружается. М., 1935, с. 46—47.

[109] «Reichsarbeitsblatt», 1933, Teil I, S. 320; 1934, Teil I, S. 34—35; Dokumente der deutschen Politik, Bd. 6, Teil 2. Berlin, 1940, S. 615. *Кучинский Ю.* История условий труда в Германии. М., 1949, с. 461—462.

[110] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 1, Dok. 88, S. 283—286; *Burden H. T.* Op. cit., p. 83—84.

саждения так называемых «наследственных дворов», которые запрещалось делить. Владеть ими могли только «чистокровные арийцы». Уже в сентябре 1933 г. были ликвидированы все ранее существовавшие крестьянские организации. Орудием государственно-монополистического капитализма в деревне стало «имперское продовольственное сословие», куда были объединены сельскохозяйственные рабочие, трудящиеся крестьяне, кулаки, юнкера, торговцы сельскохозяйственными товарами, владельцы предприятий пищевой промышленности.

Организационно это была громоздкая бюрократическая машина из 10 центральных и 4 хозяйственных управлений, 20 союзов, которые включали 515 окружных и 55 тыс. местных органов [111]. Каждое из этих подразделений возглавлялось фюрером большего или меньшего ранга. Во главе всей иерархии стоял руководитель аграрно-политического отдела НСДАП, министр продовольствия и сельского хозяйства В. Дарре. С помощью этой организации проводился учет всех сельскохозяйственных продуктов, регулировались цены, определялись размеры производства. У мелких и средних крестьян государство отторгало земельные наделы для строительства автострад, аэродромов и других военных объектов без компенсации землей. Всего за 1934—1944 гг. у крестьян было отнято около 1 млн. гектаров сельскохозяйственной площади [112]. В то же время юнкера и кулаки получали в подобных случаях компенсацию землей в других районах страны или на оккупируемых территориях.

Все стороны жизни крестьян были подвергнуты не менее строгой регламентации, чем жизнь рабочих. В то же время влияние фашизма в деревне росло сильнее, чем на промышленных предприятиях. Это объяснялось мелкособственнической природой крестьянства. Демагогическими ухищрениями, разжиганием милитаристских устремлений и обещаниями крупных наделов на будущих захваченных территориях, величанием крестьянства «дворянством земли и крови», насаждением фанатизма фашистам удавалось искусственно подгонять развитие сельскохозяйственного производства. Но, обогащая капиталистические слои деревни, политика фашизма вела в конечном итоге к разорению, пролетаризации и обнищанию мелких крестьян.

Переход с весны 1935 г. к открытой подготовке войны вызвал изменения в политической структуре страны. Строительство подлинно полицейского государства осуществлялось ускоренными темпами. Постепенно прекратил свое существование хотя бы как формально коллегиальный орган — имперский кабинет министров. Если в феврале — марте 1933 г. его заседания проходили почти каждые два дня (всего 31), то в апреле — мае 1933 г. их было уже 16. В 1935 г. состоялось 12 заседаний, в 1936 г.—

[111] *Розанов Г. Л.* Указ. соч., с. 135.

[112] *Котов Г. Г.* Аграрные отношения и земельная реформа в Германии. М., 1956, с. 57.

4, в 1937 г.— 6; последнее заседание состоялось 5 февраля 1938 г. Как заявил 15 декабря 1936 г. заместитель начальника рейхсканцелярии, «кабинет не является более кабинетом в старом смысле, где решения принимаются большинством. Это — совет при фюрере, он дает рекомендации фюреру, когда тот решает, и оказывает поддержку его решениям» [113]. Аналогичные изменения произошли в средних и низовых органах управления.

В ходе усиленной фашизации всего государственного аппарата особое внимание уделялось органам местного управления. Законом от 30 января 1935 г. об общинном управлении [114] были значительно расширены права уполномоченных НСДАП в общинах. Без согласования с ними бургомистры практически не могли осуществить ни одно мероприятие. В государственном аппарате усиленно насаждалось «национал-социалистское мировоззрение». В июле 1938 г. было объявлено, что все официально не признавшие его чиновники подлежат немедленному увольнению [115], хотя в то время уже невозможно было и заикнуться о каком-либо непризнании.

Существенные изменения были проведены в управлении полицией. С 1935 г. рейхсфюрер СС Гиммлер занял пост начальника политической полиции, а с июня 1936 г. он стал начальником всей полиции страны. Тогда же он объединил гестапо, политическую полицию и уголовную полицию в так называемую полицию безопасности. Церемония его вступления в должность была приурочена к тысячелетней годовщине смерти Генриха I — ярого поборника германской экспансии на Восток [116]. Сосредоточение в одних руках руководства «черной гвардии» нацизма — СС — и полиции стало серьезным звеном в укреплении фашистской диктатуры.

Постоянно видоизменялась структура и расширялись функции СС. Физически расправляясь с политическими противниками фашизма, подразделения СС одновременно вели непосредственную подготовку к войне. Главное управление СС по расовым и поселенческим вопросам осуществляло на практике «расовые доктрины» нацизма, особенно в области евгеники, проверки «расовой чистоты» членов СС и их невест, разрабатывало планы создания эсэсовских поселений на будущих оккупированных территориях, а также руководило организацией «Лебенсборн», призванной заниматься проблемой «расово чистого» пополнения населения рейха.

---

[113] *Broszat M.* Der Staat Hitlers, S. 755—757.

[114] Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur 1933—1939 (Dokumente und Materialien). Berlin, 1962, Dok. 58, S. 67.

[115] *Broszat M.* Der Staat Hitlers, S. 732.

[116] *Buchheim H.* Die SS — das Herrschaftsinstrument.— In: Anatomie des SS-Staates, Bd. I. Olten — Freiburg, 1965, S. 55; *Wulf J.* Heinrich Himmler. (West) Berlin, 1960, S. 12—13; *Manvell R., Fraenkel H.* Himmler. New York, 1965, p. 56—57.

Подразделения СС обильно финансировались монополиями. Тесная связь осуществлялась через «круг друзей рейхсфюрера СС», основанный еще в 1932 г. В него входила могущественная элита деловых кругов Германии — представители крупнейших концернов, банков, акционерных обществ, страховых компаний, юнкерства, высших чинов СС, министерств экономики, труда, пропаганды, реакционной профессуры [117]. Состав его тщательно отбирал сам Гиммлер. Вначале «круг» насчитывал 12 человек, среди них банкиры Я. Шахт (вступил первым) и К. фон Шредер, промышленник А. Феглер, крупнейший юнкер граф Г. фон Бисмарк и др. [118] Впоследствии в «круг» входило свыше 40 человек, в основном представители монополий.

«Круг» собирался ежемесячно. На встречах членов «круга» знакомили с деятельностью СС, информировали о политическом (обычно это делал личный референт Геббельса), а затем и о военном положении, колонизации захватываемых территорий, о борьбе с антифашистским движением, представляли высших чинов СС и т. п. Совершались «экскурсионные поездки» в концлагеря. В 1943 г. Гиммлер пригласил «круг друзей» в свою ставку, где изложил планы расширения войск СС, с циничной откровенностью назвав себя «кровавой собакой». При этом он выразил радость, что заслужил такую кличку. Кроме регулярных встреч в узком составе, члены «круга» участвовали в качестве почетных гостей на ежегодных съездах НСДАП, военных парадах, различных празднествах Гиммлера и т. д.

Столь близкое сотрудничество опиралось на взаимовыгодную основу. Члены «круга» имели звания генералов СС. Они субсидировали СС путем регулярных взносов, составлявших с 1936 г. по меньшей мере 1 млн. марок в год. Наиболее крупными жертвователями были концерны «Сименс—Шуккерт», «ИГ Фарбен», «Миттельдейче штальверке» (Ф. Флика), «Ферейнигте штальверке» и др. [119] Кроме того, монополисты делали личные подношения рейхсфюреру СС. Так, например, концерн «ИГ Фарбен», внеся в сентябре 1938 г. 600 тыс. марок в фонд СС, затем преподнес еще 100 тыс. в качестве «рождественского подарка» Гиммлеру [120]. Взносы монополий с лихвой покрывались огромными прибылями за счет дарового труда заключенных, предоставляемых из концлагерей эсэсовцами. «Круг друзей» являлся одной из зловещих форм сотрудничества германских монополистов с фашистскими убийцами.

Усиление террора в условиях подготовки войны сопровождалось массовыми судебными процессами над антифашистами.

---

[117] Подробный список см.: *Дробиш К.* Круг друзей Гиммлера.— В кн.: Германский империализм и вторая мировая война, с. 439—444.

[118] *Lochner L. P.* Die Mächtigen und der Tyrann. Darmstadt, 1955, S. 127—129.

[119] *Дробиш К.* Указ. соч., т. 446—447; *Bramstedt E. K.* Dictatorship and Political Police. London, 1945, c. 111—112.

[120] Deutschland in der Zeit..., Dok. 61, S. 68.

Вслед за Вуппертальским процессом весной 1935 г. над 628 профсоюзными деятелями последовали процессы в Гамбурге, Нейкельне и других городах [121]. Массовые смертные приговоры должны были воздействовать устрашающе на население. Многие обвиняемые приговаривались к длительному заключению в каторжных тюрьмах. По заниженным данным нацистской статистики, за 1933—1939 гг. 225 тыс. немецких антифашистов были приговорены в общей сложности к 600 тыс. лет тюремного заключения и каторги [122]. Усилилась слежка на предприятиях и в жилых районах. Все чаще стали проводить специально подготавливаемые кампании террора, волны которого захлестывали всю страну. Избиения антифашистов на улицах, ночные облавы и аресты, угрозы в прессе и по радио и многие другие террористические акции призваны были демонстрировать не только внутри страны, но и за рубежом силу фашистского режима.

Значительным источником финансирования НСДАП и СС являлась конфискуемая собственность евреев и других «врагов государства» в Германии, а в дальнейшем — и на оккупируемых территориях. Жестокое преследование евреев началось уже с марта 1933 г. Созданные тогда антисемитские «комитеты действия» стали постоянными. 1 апреля 1933 г. был организован первый бойкот принадлежавших евреям магазинов, контор, аптек, мастерских и т. п. Вскоре бойкот стал перманентным. Вслед затем начались массовые увольнения евреев из государственных, научных, культурных и общественных учреждений. Осенью 1935 г. преследования были узаконены путем так называемых «нюрнбергских декретов» — об имперском гражданстве и «защите немецкой крови и чести». На их основе евреев лишили немецкого гражданства, права занимать государственные и общинные должности. Запрещались смешанные браки; отныне браки регистрировались только по предъявлении справок о расовом происхождении вплоть до четвертого колена [123]. Была введена масса других ограничений. Самым страшным в истории Германии погромом была заранее подготовленная СС и гестапо акция в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г., названная фашистами «хрустальной ночью». В ту ночь были зверски убиты, замучены и искалечены десятки тысяч людей [124].

Преследование евреев являлось существенным звеном фашистской государственно-монополистической системы. Оно не только избавляло немецкие монополии от лишних конкурентов, но и обогащало их, поскольку немалая часть конфискуемой собственности переходила к ним за бесценок. Преследованием евреев

---

[121] *Paterna E. u. a.* Op. cit., S. 180—181.
[122] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5, S. 235.
[123] Ausgewählte Dokumente..., Bd. III, Dok. 15.IX 1935, S. 1—2.
[124] Dokumentation der Zeit. Berlin, 1953, H. 57, S. 3419; *Krausnick H.* Judenverfolgung.— In: Anatomie des SS-Staates, Bd. II, S. 331—338.

фашисты стремились отвлечь немецких трудящихся от жгучих социальных проблем, локализовать недовольство средних слоев на определенных капиталистических предприятиях и универмагах. Антисемитизм был важным инструментом подготовки и ведения агрессивной войны.

В условиях открытой подготовки войны фашистский пропагандистский аппарат стал расти еще быстрее. Сконцентрировав в своих руках все средства массового влияния, нацисты сравнительно быстро перестроили их. Никогда еще со времени возникновения буржуазного строя эксплуататорским классам не удавалось в такой степени монополизировать формирование общественного мнения, как это было при фашистском режиме в Германии.

В 1933 г. в министерстве пропаганды было 5 больших отделов (радио, прессы, активной пропаганды, фильмов и театра), в 1936 г. их стало 12, в 1939 г.— 15, а в 1942 г.— 17 [125]. Соответственно росло и число чиновников в них. Пропагандистская машина НСДАП включала имперское прессбюро, главное учебное управление, управление А. Розенберга с титулом «уполномоченного фюрера по наблюдению за духовным и мировоззренческим воспитанием НСДАП», комиссию по национал-социалистской литературе, главное управление по воспитанию и т. д. В 1934 г. в НСДАП насчитывалось только «заслуженных» функционеров по пропаганде 14 тыс. человек [126]. Их число, а также и численность рядовых функционеров все время увеличивались. Кроме того, во всех руководимых НСДАП организациях, особенно в СА, СС, «Гитлер-югенд», ДАФ, женской организации, благотворительной организации «Народное благополучие» и других были свои учебные и пропагандистские службы.

Особое место в системе пропаганды занимал ДАФ. Помимо общепринятых в фашистском государстве форм в ДАФ применялись с 1936 г. и такие, как создание на предприятиях «идеологических штурмовых отрядов» («веркшарен»). Они действовали под совместным руководством ДАФ и СА и формировались из работавших на предприятиях штурмовиков и членов других фашистских организаций. Их костяк, как правило, составляли деклассированные продажные элементы. «Веркшарен» — один из наиболее типичных примеров сочетания фашистского террора и пропаганды. Их основная задача состояла в помощи гестапо при подавлении малейшего недовольства рабочих. В то же время они вели пропаганду в цехах, у рабочих мест, в столовых и т. п. В отрядах регулярно проводилась политическая учеба в нацист-

---

[125] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 1, Dok. 90, S. 293; Handbuch für das Deutsche Reich 1936. Berlin, 1936, S. 263—264; «Nachrichtenblatt», 1939, N 8, S. 49.

[126] *Scheel K.* Meinungsmanipulierung im Faschismus.— ZfG, 1969, H. 10, S. 1291—1292.

ско-погромном духе [127]. Отряды находились в полном распоряжении фашистских властей и предпринимателей, обильно субсидировавших их. Нацистское руководство придавало этим отрядам большое значение. Об их формировании и действиях специально докладывалось осенью 1936 г. на съезде НСДАП в Нюрнберге [128].

ДАФ располагал обширным пропагандистским аппаратом. К середине 1939 г. в ДАФ было 12 рейхсшкол, 37 гау- и 28 крейсшкол, а также около 340 тыс. функционеров, ответственных за пропаганду среди рабочих. О том, насколько велика была армия пропагандистов ДАФ, можно судить по тому, что в 1935 г. только инструкторов было 22 тыс. человек. Печатные органы ДАФ и его подопечной организации «Сила через радость» распространялись на предприятиях, где большими тиражами издавалась и пресса самих монополий [129].

С неменьшим рвением осуществлялась пропаганда в войсках. Милитаристское воспитание будущие солдаты получали даже в детских группах, затем в школах, в «Гитлер-югенд», в трудовых лагерях, спортивных клубах, хоровых кружках и т. п. Пропагандой непосредственно в войсках ведали в 1933 г.— бюро информации рейхсвера, с 1934 г.— внутреннее управление рейхсвера (с 1936 г.— вермахта), с весны 1939 г.— управление пропаганды главного штаба сухопутных сил (ОКВ), а с 1943 г.— национал-социалистские руководящие штабы на фронтах и позициях. С 1935 г. в рамках идеологической подготовки войны резко возросло сотрудничество пропагандистских органов государства и НСДАП с участием монополий [130]. В годы войны оно стало еще теснее.

На службу идеологической подготовке войны были поставлены школы, университеты и другие высшие учебные заведения. Центры образования были превращены в центры распространения самых низменных убеждений. Был создан специальный Институт по распространению расового учения, империалистической геополитики. Усиленно внедрялось фашистское понимание истории и другие реакционные воззрения. Помимо пропаганды в рамках многочисленных фашистских организаций, в войсках, на предприятиях, в учреждениях и других местах работы каждого жителя страны подстерегала еще пропаганда в жилом районе, на квартире, в семье, на улице, пропаганда «из уст в уста», как ее называли нацисты.

---

[127] Нюрнбергский процесс..., т. 1, с. 295; *Варнке Г.* Указ. соч., с. 144; *Rühle G.* Das Dritte Reich. Das vierte Jahr 1936. Berlin, 1937, S. 298—299.

[128] Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nurenberg, 1947, v. II, Dok. 2283-PS, p. 198.

[129] *Scheel K.* Meinungsmanipulierung..., S. 1292; *Файнгар И. М.* Очерк развития германского монополистического капитала. М., 1958, с. 349.

[130] *Scheel K.* Der Aufbau der faschistischen PK-Einheiten vor dem zweiten Weltkrieg.— «Zeitschrift für Militärgeschichte», 1965, H. 4, S. 444.

В 1937 г. нацисты раздули шумную кампанию вокруг составления планов строительства «мировой столицы тысячелетнего третьего рейха» — Берлина. Сам Гитлер, выдававший себя за архитектора, участвовал в планировании «монументального зала конгрессов» на 100 тыс. мест, высотой в 350 метров [131]. Подобных бредовых планов было немало. Они выполняли пропагандистские функции.

Идеологически политика экспансии, наряду с другими доводами, обосновывалась лозунгом «народ без пространства». Отсюда делался вывод, что немецкий народ, для того чтобы жить лучше, должен завоевать «пространство без народа», т. е. истреблять население захваченных территорий [132]. Этот экспансионистский лозунг оказывал роковое воздействие на миллионы немцев.

Фашистская верхушка отрабатывала скрупулезные, с точностью до минут, сценарии различных массовых мероприятий и тщательно их осуществляла. Сюда входили помпезные военные парады, праздничные шествия, шумные митинги, различные государственные акты, съезды НСДАП, прослушивание речей фюрера, военизированные сборища по профессиям и т. п. Упор при этом делался на максимальное психологическое воздействие, на то, чтобы заставить каждого участника почувствовать себя «частицей» как можно более крупной общей акции [133]. Организаторы этих почти ритуальных фашистских инсценировок стремились вызвать у населения массовый фанатизм и готовность к жертвам. И это им в основном удавалось.

Политика открытой подготовки войны вызвала изменения и в структуре германской хозяйственной жизни, на что влияло также менявшееся соотношение сил соперничавших монополистических группировок. 27 ноября 1934 г. распоряжением Шахта о проведении закона о подготовке органического построения германской экономики [134] был ликвидирован пост «фюрера германского хозяйства», который занимал Кесслер. Тем самым группа «ИГ Фарбен» была оттеснена с руководящих позиций. Но принцип фюрерства в экономике остался незыблемым. Была создана общеимперская экономическая палата, которой подчинялись 6 имперских хозяйственных групп (промышленность, банки, торговля, энергетика, страхование и ремесло). Кроме того, было 18 экономических территориальных палат и многочисленные группы и подгруппы. Во главе каждой из единиц этой громоздкой системы были поставлены фюреры — крупные монополисты, наделенные неограниченной властью в области форсирования вооружений, распределения заказов, сырья, установления цен. Шахт был

---

[131] *Bracher K. D.* Op. cit., S. 377.

[132] Weltherrschaft im Visier. Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertwende bis Mai 1945. Berlin, 1975, Dok. 91, S. 239—241.

[133] *Broszat M.* Der Nationalsozialismus, S. 60—61.

[134] «Reichsgesetzblatt», 1934, Teil I, S. 1194—1195.

назначен генеральным уполномоченным в области военной экономики [135]. В последующие годы созданная в 1933—1934 гг. структура управления экономикой неоднократно изменялась, что было характерно и для других сфер фашистского режима. Но непреложным законом оставалось одно: расширение и упрочение власти монополистического капитала и подготовка, а затем ведение агрессивной войны.

В мае 1935 г. производство средств производства, которое прежде всего включало отрасли военной промышленности, перешагнуло уровень 1928 г. В то же время производство средств потребления составило 90% этого уровня [136]. Номинальная заработная плата квалифицированного промышленного рабочего в 1935 г. составляла 81,7% уровня 1928 г., вспомогательного рабочего — 82,7%. По мере роста военных приготовлений и увеличения в связи с этим объема сверхурочных работ, а в годы войны — и доплат военного времени, она составила в 1939 г. для квалифицированных рабочих 82,5%, достигнув в 1943 г. наивысшей точки — 84,2%. Для вспомогательных рабочих соответственно в 1935 г.— 82,7%, в 1939 г.— 83,5 и в 1943 г.— 85,4% [137].

В результате подготовки войны росли цены, снижалась калорийность продуктов, усиленно внедрялись всякого рода заменители, уменьшались пособия и пенсии. Сократились фонды социального обеспечения, составлявшие в 1932 г. на одного жителя 32,78 марки, в 1935 г.— 17,56, в 1939 г.— 6,68, в 1943 г.— 4,72 марки [138]. На протяжении всех лет фашистского господства росла стоимость жизни. Если принять уровень 1933 г. за 100, то в 1938 г. индекс стоимости жизни составлял уже 106,4, в 1939 г.— 107. В годы войны он рос еще быстрее [139].

В то же время ускоренная милитаризация экономики приносила баснословный рост прибылей, в особенности военно-промышленным концернам. Так, валовая прибыль концерна Круппа составила в 1933 г. 118 млн., в 1934 г.— 147 млн. и в 1935 г.— 232 млн. марок. Сам Крупп получил в 1935 г. 57 млн. марок чистой прибыли. Прибыли «Стального треста» увеличились со 120 млн. в 1934 г. до 226 млн. марок в 1935 г. [140] В дальнейшем прибыли увеличивались до баснословных размеров.

Со второй половины 1934 г. вновь обострились противоречия между двумя монополистическими группировками [141]. В конце

---

[135] *Paterna E. u. a.* Op. cit., S. 161.

[136] *Кучинский Ю.* История условий труда в Германии, с. 328.

[137] Statistisches Handbuch von Deutschland 1928—1944, S. 472. Подробные данные о снижении почасовой заработной платы рабочих в годы фашистского режима по сравнению с 1928 г. см.: *Галкин А. А.* Указ. соч., с. 220.

[138] Statistisches Handbuch von Deutschland 1928—1944, S. 611.

[139] См.: *Галкин А. А.* Указ. соч., с. 221.

[140] *Размеров В. В.* Экономическая подготовка гитлеровской агрессии (1933—1935 гг.). М., 1958, с. 27.

[141] Подробно см.: *Чихон Э.* Указ. соч., с. 254—263.

лета 1935 г. возник кризис политики гонки вооружений, выразившийся в серьезной диспропорции между резким расширением производства (за счет милитаризации) и общими возможностями экономики страны. Одновременно резко обострилась нехватка горючего, также угрожавшая дальнейшей форсированной подготовке войны.

Непосредственным поводом для кризиса политики вооружений стала необходимость расходования осенью 1935 г. 3 млн. марок в валюте для дополнительного импорта масла. Это нарушало валютный баланс рейхсбанка и грозило замедлением роста военной промышленности. Тогда-то «ИГ Фарбен» через Геринга и добился рассмотрения своих проектов о производстве синтетического горючего, что коренным образом улучшило бы положение с валютой [142]. Тем самым химические концерны сделали значительный шаг в борьбе за ведущие позиции в экономике, а в дальнейшем и закрепились на них.

Кризис государственно-монополистической политики вооружений осенью 1935 — летом 1936 г. был решен введением «четырехлетнего плана», основы которого были разработаны монополистами из «ИГ Фарбен». План предусматривал крупные капитальные вложения в производство синтетического бензина, а следовательно перераспределение прибылей и руководящих позиций в пользу химических монополий. А это было дополнительным фактором дальнейшей, еще более ускоренной и развернутой подготовки войны. Документы свидетельствуют, что руководство «ИГ Фарбен» особенно активно настаивало на такой политике. Уже в 1934 г. оно создало специальный аппарат по военизации своих предприятий под кодовым названием «Вермахт». В 1935 г. «ИГ Фарбен» представил меморандум военному министру о милитаризации германской экономики. А к 1936 г. почти во все ведомства, связанные с подготовкой войны, включая министерство пропаганды, были прикомандированы сотрудники химических концернов [143]. Концерн «ИГ Фарбен» играл ведущую роль среди монополий в использовании достижений науки и техники для подготовки войны. Применение научных изысканий в военных целях характерно и для других отраслей экономики на протяжении всех лет фашистской диктатуры.

Цели «четырехлетнего плана» были изложены в секретном меморандуме Гитлера 26 августа 1936 г. Начав, как обычно, с «угрозы большевизма», Гитлер пытался доказать «неизбежность» войны для Германии. Он выдвигал перед немецким народом следующую альтернативу: «Если нам не удастся в кратчайший срок превратить наши вооруженные силы в смысле боевой подготовки, количества соединений, технического оснащения и в

---

[142] Там же, с. 256.

[143] Анатомия войны, док. 38, 46, с. 118—120, 125—128; Deutschland in der Zeit..., Dok. 55, S. 64—65.

первую очередь идейного воспитания в самую сильную армию в мире, то Германия погибнет»[144]. В заключение формулировались две задачи «четырехлетнего плана»: через четыре года иметь боеспособную армию и за тот же срок подготовить экономику Германии к войне. Таковы были цели нового зловещего заговора немецких монополий.

«Четырехлетний план» был утвержден 18 октября 1936 г.[145] Для руководства его осуществлением возник еще один государственно-монополистический институт — генеральный совет по четырехлетнему плану во главе с Герингом. Это был своеобразный узкий кабинет по экономике[146]. Фактическое же руководство в нем осуществлял один из директоров концерна «ИГ Фарбен» К. Краух. Это означало победу группы монополий во главе с «ИГ Фарбен» над своим соперником — Рейнско-Вестфальской группировкой магнатов угля и стали. Важным последствием резкого обострения межмонополистической борьбы середины 30-х годов был не только захват руководящих позиций монополиями во главе с «ИГ Фарбен», но и упрочение самостоятельности фашистского государства, поскольку стоявшая у власти нацистская клика закрепила за собой, а в дальнейшем расширила те функции, которые оказались в руках государства в период наиболее острого соперничества монополий[147].

Введением «четырехлетнего плана» фашистская Германия получила новые импульсы в наращивании военно-экономического потенциала. Важную роль в увеличении военной мощи германского империализма играл и быстрый рост государственного сектора экономики, выступавшего главным образом в виде государственных концернов. Их образование началось в Германии еще в ходе первой мировой войны. В годы фашистского режима этот процесс значительно ускорился. Если в 1932 г. государственный акционерный капитал составлял 13,2 млрд. марок, то в 1939 г. он достиг 17 млрд.[148] Наиболее мощным среди государственных предприятий стал созданный в 1937 г. концерн «Герман Геринг-верке». К началу второй мировой войны годовая мощность его доменных печей составляла 6,35 млн. т, а сталеплавильных агрегатов — 7,29 млн. В нем работало 600 тыс. человек[149]. Государственные концерны являлись составной частью государственно-монополистической системы, и им, естественно, обладая частичными прерогативами государственной власти, было легче маневрировать с заказами, сырьем, рабочей силой и т. д.

Разработанный монополиями «четырехлетний план» был последней фазой подготовки к войне. Начало его осуществления

---

[144] Анатомия войны, док. 48, с. 130—137.
[145] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 4, Dok. 45, S. 268—269.
[146] *Broszat M.* Der Staat Hitlers, S. 754.
[147] См.: *Гинцберг Л. И.* Фашизм и история новейшего времени, с. 46.
[148] Монополии и государство в ФРГ. М., 1962, с. 195.
[149] *Файнгар И. М.* Указ. соч., с. 67.

совпало с первыми агрессивными действиями Германии в Европе и созданием блока фашистских держав. В июле 1936 г. германо-фашистский империализм ввязался в войну без ее объявления. Германия направила самолеты, танки и солдат для удушения Испанской республики. Германский фашизм предстал перед миром как действенный ударный кулак международной реакции. Следует напомнить, что в интернациональных бригадах против испанского фашизма сражались около 5 тыс. немецких коммунистов, социал-демократов и других антифашистов. Почти 3 тыс. из них отдали свои жизни в борьбе за свободу испанского народа. В самой Германии в условиях террора антифашисты организовывали акции помощи сражающейся Испании [150].

В октябре 1936 г. оформился военно-политический союз Германии и Италии, а в ноябре был подписан германо-японский «антикоминтерновский пакт», к которому через год присоединилась и Италия.

Быстрое развитие государственно-монополистической системы, расширение фашистского аппарата террора, укрепление и сращивание государственных органов с аппаратом монополий и НСДАП, продуманное социальное маневрирование и умелое внедрение фашистской идеологии в сознание большинства немецкого народа существенно изменили начиная с 1936 г. соотношение классовых сил в Германии в пользу нацистской диктатуры. В то же время политика умиротворения и попустительства империалистических держав, рост военной мощи фашистских государств и создание их единого агрессивного фронта укрепили силы реакции и войны не только в Европе, но и во всем мире.

В создавшейся ситуации еще более повышалась роль и ответственность КПГ в борьбе против фашистского режима и развязывания войны. Руководствуясь ленинской революционной теорией и решениями VII конгресса Коминтерна, КПГ на своей Брюссельской конференции (октябрь 1935 г.) разработала стратегию и тактику свержения фашистского режима и создания демократического германского государства. На конференции была обоснована и выработана программа осуществления политики единого фронта, который объединил бы для совместной антифашистской борьбы независимо от политических и мировоззренческих убеждений все части рабочего класса и его организации, а также всех других противников фашистского режима, включая и буржуазные круги. Конференция выдвинула задачу создания единой партии рабочего класса и ориентировала на использование любых легальных возможностей в борьбе за интересы рабочего класса и всех трудящихся. В качестве стратегической цели конференция определила ликвидацию нацистской диктатуры и образование правительства антифашистского Народного фронта. На этой основе конференция разработала новую тактику и формы

[150] Klassenkampf..., S. 460.

работы партии среди масс. Конференция обратилась с Манифестом к трудящемуся германскому народу [151]. Председателем партии был избран Вильгельм Пик.

Выполняя решения конференции, ЦК КПГ 10 ноября 1935 г. вновь обратился к правлению СДПГ в Праге с предложением создать единый фронт. Но правые лидеры СДПГ вновь ответили отказом. В то же время движение и действия единого фронта развертывались на местах: в Вуппертале, Штутгарте, Вюртемберге, Берлине, Бадене и др. Выпускались совместные листовки, проводились помощь жертвам фашизма, борьба против шпионов и провокаторов, против усиления эксплуатации. Под руководством КПГ имели место акты саботажа, замедленной работы, пассивного сопротивления, работали подпольные организации и группы. Самой крупной из них была берлинская организация под руководством Р. Урига, в которой объединились коммунисты, социал-демократы и профсоюзные активисты. По инициативе КПГ в Париже под председательством Г. Манна в 1935 г. был создан подготовительный комитет Немецкого народного фронта, который в конце 1936 г. обратился ко всем немецким противникам фашизма с призывом объединиться в борьбе за свержение нацистского режима и создание государства мира и демократии [152].

К концу 1937 г. экономическая конъюнктура в Германии поднялась до наиболее высокого уровня. Германия обогнала Англию и Францию по валовому объему промышленного производства и вышла на первое место в Европе и на второе (после США) в мире среди капиталистических стран. Участие Германии в мировой торговле в 1937 г. составляло 7,3% (по сравнению с 6,9% в 1936 г.). Рост военного производства наглядно раскрывают следующие цифры: на него из 15,5 млрд. марок, инвестированных в 1937 г. в экономику в целом, было израсходовано 10,9 млрд. [153] Огромные средства были затрачены на ремилитаризацию Рейнской зоны, укрепление о. Гельголанда, моторизацию армии и флота, создание ударных танковых подразделений, увеличение скорости и грузоподъемности самолетов, строительство автострад, укреплений и на другие военные цели.

Все это создало условия для непосредственной разработки оперативных планов агрессии германо-фашистского империализма. Их первые варианты были рассмотрены на узком совещании нацистской верхушки с руководителями трех родов войск 5 нояб-

---

[151] Zur Geschichte der KPD, S. 368; *Pieck W.* Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitlerdiktatur. Referat und Schlusswort auf der Brüsseler Parteikonferenz der KPD. Berlin, 1957.

[152] Подробно см.: Klassenkampf..., S. 456—457; *Горошкова Г. Н.* Из истории забастовочного движения в фашистской Германии (1935—1936 гг.).— В кн.: Германское рабочее движение в новейшее время. М., 1962, с. 158—201.

[153] *Paterna E. u. a.* Op. cit., S. 251—253.

ря 1937 г. Сохранившийся протокол этого заседания [154] раскрывает кровавые замыслы германо-фашистского империализма. Были намечены основные линии борьбы за мировое господство, которую решили начать с нападения на основных империалистических соперников — Англию и Францию, а затем на Советский Союз. Здесь же были рассмотрены планы захвата, еще до развертывания основных военных действий, Австрии и Чехословакии.

В ходе выработки этих планов возникли некоторые разногласия, что привело к ряду перемен в военном, экономическом и дипломатическом руководстве фашистского государства. Разногласия касались не основного вопроса — воевать или не воевать, а того, как скорее и надежнее подготовить войну. Вместо Шахта министром экономики был назначен ставленник химических монополий В. Функ, министром иностранных дел — И. Риббентроп, военное министерство было упразднено, а функции его бывшего руководителя взял на себя сам Гитлер. Произошли замены и на некоторых других постах. Все перемещения диктовались целями организации более оперативных действий во всех областях.

В начале 1938 г. были произведены новые назначения в командовании вооруженных сил. Браухич назначен командующим сухопутных войск, Кейтель — начальником штаба верховного командования вермахта. В тот же день был сформирован тайный кабинет по вопросам внешней политики. Наряду с дипломатами (Риббентропом, Нейратом) и нацистской верхушкой (Герингом, Гессом, Геббельсом), туда вошло и руководство вермахта (Кейтель, Браухич, Редер) [155]. Этот орган сыграл значительную роль в осуществлении внешнеполитических акций 1938—1939 гг. Завершив подготовку, германо-фашистский империализм перешел к выполнению своих захватнических планов.

АГРЕССИВНЫЕ АКЦИИ В ЕВРОПЕ

В их осуществлении немалая роль принадлежала действовавшим в других странах «пятым колоннам», которые НСДАП готовила давно. В основном они состояли из лиц немецкой национальности. В мае 1931 г., т. е. еще задолго до прихода к власти НСДАП, был создан Отдел по работе за границей. Уже тогда нацисты начали насаждать резидентов в тех странах, которые намеревались впоследствии захватить. С апреля 1935 г. отдел стал самостоятельной организацией — «Ауслandсорганизацион», а ее руководитель В. Боле в 1937 г. был назначен статс-секретарем министерства иностранных дел, где почти полностью сли-

[154] Совершенно секретно!, док. 3, с. 52—62.
[155] Dokumente der deutschen Politik, Bd. 6, Teil I, Dok. 1[a] S. 4—5; Teil II, Dok. 127[b], S. 616—617.

лись аппараты государства и НСДАП. В 1937 г. около 700 сотрудников «Ауслandс» руководили подпольной деятельностью местных групп, куда входило до 3 млн. немцев, живущих во многих странах мира [156].

После установления фашистской диктатуры возникли и развернули бурную деятельность внешнеполитические и колониально-пропагандистские организации монополистического капитала: Лига восточных немцев, Союз защиты немцев за границей, Имперский колониальный союз и др. [157]

Непосредственное участие в руководстве «пятыми колоннами», в организации и финансировании зарубежной пропаганды принимали крупные монополистические концерны. Уже в апреле 1933 г. Крупп начал среди промышленников сбор 1 млн. марок на эти цели. Представители «ИГ Фарбен» вели фашистскую пропаганду за рубежом, в частности, через организацию «Сила через радость»: подчеркивались «дружественные отношения, существующие в Германии между работодателями и рабочими», распространялся вымысел, будто «германский рабочий отнюдь не является объектом эксплуатации со стороны капитализма...» [158]

Монополии вели также широкий шпионаж. Тесно сотрудничая с военной разведкой (абвером), они через представителей и посредников собирали в других странах планы и подробные данные о предприятиях, использовали соответствующие каналы аэрофотосъемки [159].

Особую роль в захватнических планах германских империалистов играла Австрия, в которой они в силу ее военно-стратегического положения видели плацдарм для агрессии против других стран. Немаловажное значение имели австрийские запасы дефицитного сырья, рабочей силы, развитая промышленность. Поэтому первой жертвой немецко-фашистской агрессии стала эта страна.

Захват Австрии 12 марта 1938 г. существенно улучшил экономическое, политическое и военно-стратегическое положение фашистской Германии. К ней, в частности, перешел австрийский золотой запас, оценивавшийся в 230 млн. марок [160]. Как жадные хищники, вслед за германскими войсками туда двинулись представители немецких монополий. Имперский концерн «Герман Геринг» установил полный контроль над горнорудной и металлургической промышленностью, «ИГ Фарбен» захватил химические предприятия, «Стальной трест» — заводы «Альпина монтан», фирма Круппа — заводы по производству оружия и т. д. Немецкие «Дейче банк» и «Дрезденер банк» установили контроль над

[156] *Иоиг Л. де.* Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958, с. 60; *Weissbecker M.* NSDAP, S. 426—427.
[157] *Weissbecker M.* NSDAP, S. 426—427.
[158] Анатомия войны, док. 25, 68, с. 98, 162—164.
[159] Там же, док. 45, 96, с. 124, 196—197.
[160] *Розанов Г. Л.* Указ. соч., с. 398.

австрийскими банками. Через неделю после захвата вся австрийская промышленность получила задания по «четырехлетнему плану»[161]. Австрия была включена в состав германского рейха. Единственной страной, протестовавшей против захвата Австрии, был Советский Союз.

Во второй половине 1938 г. германская экономика испытала первые удары нового мирового экономического кризиса. Захват Австрии помог оттянуть и существенно ослабить его воздействие на Германию. Успех нацистской дипломатии в Мюнхене в сентябре 1938 г., когда Англия и Франция вступили в позорнейшую сделку с германским фашизмом и выдали ему Чехословакию, еще более окрылил его. В Мюнхене был оформлен единый антисоветский фронт. Империалисты западных стран, санкционируя дальнейшие агрессивные действия фашистской Германии, открыли ей путь на Восток. В восторге от мюнхенской сделки «ИГ Фарбен» в тот же день выделил правительству 500 тыс. марок «для использования в Судетской области». Концерн еще в мае 1938 г. разработал детальный план грабежа чехословацкой промышленности.

После захвата 15 марта 1939 г. Чехословакии началась вакханалия раздела чехословацкой экономики между германскими монополиями. «ИГ Фарбен» захватил химические предприятия. Не зевали и другие концерны. 21 марта в Праге заседал монополистический синклит, собравшийся для дележа чехословацких банков[162]. Всего немецкие монополии в той или иной форме захватили свыше 3 тыс. металлургических заводов и электротехнических предприятий, более 100 шахт, свыше 400 химических, 600 текстильных, большое число кожевенных, пищевых и других предприятий. Была захвачена масса вооружения и военного снаряжения новейших образцов, пригодного для оснащения многих дивизий[163]. 16 марта значительная часть Чехословакии была включена в состав рейха в качестве «протектората Богемии и Моравии», а из Словакии создано «независимое государство». Вместе с ростом территории и экономической мощи возрастали и алчные устремления германо-фашистского империализма.

Захват Австрии и Чехословакии резко повысил политический престиж нацистского государства в капиталистическом мире. Захват произошел без потерь для фашистской Германии, значительно увеличив ее военно-экономический потенциал. Расширились территория и людские резервы, возникли дополнительные стратегические плацдармы. Облегчились условия «мирного» проникновения в страны Центральной и Юго-Восточной Европы для выкачивания из них сырья на основе клиринговых и иных вы-

---

[161] Анатомия войны, док. 63, 65—67, с. 154, 158—162; *Paterna E. u. a.* Op. cit., S. 270—272.

[162] Анатомия войны, док. 69, 77, 79, 92, с. 164—167, 176, 178—180, 189—190.

[163] *Розанов Г. Л.* Указ. соч., с. 442; *Paterna E. u. a.* Op. cit., S. 318.

годных для Германии соглашений. Усилилось влияние нацистской партии на мелкобуржуазные слои внутри Германии. В то же время захват этих стран явился тяжелым ударом по немецким антифашистам. Все это создало благоприятные возможности для перехода германо-фашистского империализма к большой войне, и германские монополии усилили непосредственную подготовку к ней.

Возросла тенденция к росту концентрации и централизации государственно-монополистического регулирования, что прежде всего воплотилось в «четырехлетнем плане». Захватившие еще с конца 1937 г. сильные позиции в военных управлениях ведущие промышленники, так называемые вервиртшафтсфюреры, все настойчивее вмешивались в осуществление задач военной подготовки. Они планировали производство оружия, определяли его боевые качества, участвовали в распределении и контролировали накопление военных материалов [164]. Особенно были насыщены представителями монополий экономический отдел штаба верховного командования (ОКВ) и управление вооружения вермахта. К началу войны все руководящие концерны крупной промышленности и банки были прочно объединены в государственно-монополистическом механизме, руководившем производством вооружений и военной экономикой в целом. Повсюду на ключевых позициях хозяйственного, политического и военного аппарата власти находились представители монополий, имперских хозяйственных групп и экономических палат. При их непосредственном участии министерство экономики заканчивало перестройку на военный лад всего хозяйства страны [165].

Ведущие монополисты участвовали в планировании политического переустройства мира после победы Германии. На протяжении 1938—1939 гг. они вместе с военными разрабатывали планы агрессии против Советского Союза [166]. При этом обсуждалось: не вернуться ли к политике генерала Гофмана и попытаться «создать фронт европейских великих держав против большевистской России» или «пойти на риск экспансионистской войны против Востока, даже если и возникнет противодействие западных держав» [167]. Именно так говорилось в памятной записке от 18 ноября 1938 г. А. Рехберга (брата крупного промышленника Ф. Рехберга, на имя начальника имперской канцелярии Т. Ламмерса) склонялись к последнему варианту с тем, чтобы потом единовластно захватить богатства Советской страны.

В обстановке надвигавшейся войны КПГ еще более усилила борьбу по сплочению антифашистских сил. С 30 января по

---

[164] *Thomas G.* Op. cit., S. 148—149.

[165] Анатомия войны, док. 57, 75—76, с. 145—146, 174—176, с. 33—34; *Schweitzer A.* Big Business in the Third Reich. Bloomington, 1964, p. 545—547.

[166] Анатомия войны, док. 80, 82, 88, 93, 95, с. 180—181, 183—184, 186—188, 191—196.

[167] См. там же, док. 80, с. 180—181.

1 февраля 1939 г. в Берне состоялась конференция КПГ. Она призвала к борьбе против военной угрозы, за свержение нацистского режима, разработала детальные контуры будущего германского демократического государства. Конференция подчеркнула, что немецкий народ никогда не должен воевать против Советского Союза, подтвердила важность создания единой социалистической партии рабочего класса, что являлось настоятельным требованием классово сознательных рабочих[168]. Несмотря на героическую борьбу, компартии не удалось сплотить массы в широком Народном фронте, поднять их на свержение фашистского режима и предотвратить развязывание войны.

Начиная с весны 1939 г. подготовка к большой войне усилилась во всех областях. Напряженно шла работа в штабе верховного командования. Заранее были тщательно разработаны и подготовлены планы тотальной «молниеносной» войны, отмобилизована и обучена армия, накоплено вооружение, воздвигнуты укрепления, автострады, аэродромы. К осени Германия уже имела 103 отмобилизованных дивизии, из них 5 танковых и 8 моторизованных, 2700 боевых самолетов самой современной конструкции и около 160 боевых судов[169]. Неизмеримо возросли расходы на вооружение. Д. Айххольц оценивает их общую сумму с февраля 1933 г. по август 1939 г. в 78 млрд. марок. Для сравнения можно сказать, что в первый год фашистской диктатуры (февраль—декабрь 1933 г.) было израсходовано 1,5 млрд., а в 1939 г. (январь — август) — 16,3 млрд. марок. Военные расходы в 1938/39 бюджетном году составляли 58% (в 1933/34 — 24%) всех расходов[170]. Гонка вооружений резко увеличила доходы монополий. Прибыли «ИГ Фарбен», например, с 48 млн. марок в 1932 г. возросли до 363 млн. в 1939 г.; «Стального треста» — с 120 млн. в 1934 г. до 250 млн. в 1939 г. В целом по стране процент дивидендов монополий по отношению к основному капиталу вырос с 2,78% в 1932/33 г. до 5,23 в 1938/39 г.[171]

Но, несмотря на огромный рост вооружений и тщательную подготовку во всех областях, анализ состояния предвоенной германской экономики показывает, что фашистская Германия не была способна к ведению длительной войны. Поэтому все расчеты строились на быстрых завоеваниях путем осуществления последовательных «молниеносных» кампаний, на разгром противников поодиночке.

В течение лета 1939 г. представители военщины осмотрели 180 тыс. предприятий для установления их пригодности к исполь-

---

[168] Zur Geschichte der KPD, S. 383—400.
[169] Совершенно секретно!, док. 5, с. 75—83; *Paterna E. u. a.* Op. cit., S. 320.
[170] Промышленность Германии..., с. 23; *Eichholz D.* Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939—1945, Bd. I: 1939—1941. Berlin, 1969, с. 31—32.
[171] Statistisches Handbuch von Deutschland 1928—1944, S. 529; *Файнгар И. М.* Указ. соч., с. 312; *Сесюли Р.* ИГ Фарбениндустри. М., 1948, с. 16.

зованию в военных целях; была перепроверена система военных заказов; разработаны планы переброски квалифицированных рабочих и военных материалов в нужные районы; отпечатаны и разосланы на места 80 млн. продовольственных карточек; составлена особая картотека на квалифицированных рабочих с указанием их профессии. Таким образом, более чем за год до начала войны были проведены мероприятия, превращавшие Германию в огромный лагерь принудительного труда.

С 1 января 1939 г. было разрешено увеличение рабочего дня с 10 до 14 часов. Специальная система «рационализации» значительно повысила темпы роста производительности труда. Расширился охват населения принудительной трудовой повинностью.

Накануне войны командование непрерывно вело военный и политический инструктаж офицерского корпуса. В 1939 г. был утвержден «устав вермахта и его права в Великой Германии» [172]. Особый упор делался на возвеличивание Гитлера и повышение роли НСДАП в строительстве вермахта. В закрытых выступлениях перед генералитетом, высшими чинами вермахта, офицерами — выпускниками военных учебных заведений Гитлер всесторонне обосновывал «необходимость» завоевания мирового господства для Германии. Он заклинал их применять при этом любые средства: «уговоры, коварство, ловкость, настойчивость, благоразумие, хитрость, но прежде всего — жестокость» [173]. В конце августа 1939 г. ведущие монополии и фашистское руководство решили, что наступило наиболее выгодное время для начала большой агрессии.

1 сентября 1939 г. вооруженные до зубов немецкие войска обрушили на польские города и села свой смертоносный огонь. Фашистская Германия развязала вторую мировую войну.

РЫВОК К МИРОВОМУ ГОСПОДСТВУ

Германский империализм преследовал в войне захватнические и классовые цели, осуществление которых привело бы к установлению его мирового господства. Как справедливо пишут историки ГДР Д. Айххольц и В. Шуман, «речь шла не о «жизненном пространстве» для германского народа, как это пыталась представить фашистская пропаганда, а о «жизненном пространстве» для финансового капитала в виде полезных ископаемых и заводов, патентов и изобретений, рынков сбыта, сфер приложения капитала, экономических и политических сфер влияния, сырья и дешевой рабочей силы» [174]. Установление мирового господства германо-фашистского империализма привело бы, по его замыслам, к уничтожению единственной страны социализма — Советского Союза и

[172] Ausgewählte Dokumente..., Bd. III, Dok. 1939, S. 1.
[173] Ausgewählte Dokumente..., Bd. I, Dok. 25.I 1939, S. 1—10; Bd. II, Dok. 23.V 1939, S. 1—5.
[174] Анатомия войны, с. 34.

разгрому революционного движения во всем мире. Черная пелена реакции окутала бы нашу планету на долгие, долгие годы.

Сначала казалось, что зловещий замысел начинает сбываться. Первый период войны (1 сентября 1939 г.— 21 июня 1941 г.) принес фашистской Германии быстрые и крупные завоевания. В капиталистическом мире не нашлось силы, способной остановить немецко-фашистские армии.

Захватив полностью или частично 12 европейских стран, германо-фашистские империалисты перекроили политическую карту Европы. Непосредственно в состав Германии были целиком включены Австрия, Люксембург, Судетская область Чехословакии, литовская Клайпеда, важные промышленные районы Польши (Познань, Поморье, Верхняя Силезия, Лодзь и др.), отторгнутые от Бельгии области Эйпен и Мальмеди и от Франции — Эльзас и Лотарингия, отрезанная от Югославии северо-восточная часть Словении. На немецких монополистов работали все народы остальных частей названных стран, а также Албании, Голландии, Греции, Дании, Норвегии. К лету 1941 г. население Германии и оккупированных ею стран составляло 290 млн. человек, в том числе собственно Германии (в границах 1937 г.) — 70,2 млн. человек, или 24,2% [175].

На службу интересам фашистской Германии были поставлены экономика, внешняя и внутренняя политика ее союзников-сателлитов: Италии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Финляндии. Фашистская свастика распростерлась почти над всей Европой. На Дальнем Востоке у Германии был не менее хищный союзник — милитаристская Япония, связанная с ней узами агрессии и договорными отношениями. Фашистский рейх «молниеносно» обогатился, неимоверно раздулся и превратился в грозную архиреакционную силу, подобно которой еще не было в истории человечества.

Война внесла существенные изменения в развитие государственно-монополистической системы в Германии. Не только ускорились основные внутренние процессы, характерные для предвоенных лет, но и возникли и развивались новые явления: приток в страну огромного количества сырья, дешевой рабочей силы, готовых изделий и ценностей; скачкообразный рост военно-экономического потенциала, перераспределение капиталов, изменения в структуре промышленности и сельского хозяйства, освоение и грабеж завоеванных территорий и богатств.

Неизмеримо возрос военно-экономический потенциал Германии. Большое количество вооружения и боевой техники, накопленное за довоенные годы, не было растрачено в первый, «молниеносный» период войны. Захваченные военные трофеи еще более уси-

---

[175] Проценты высчитаны автором на основе данных: Германская история в новое и новейшее время, т. 2. М., 1970, с. 280; Statistisches Handbuch von Deutschland 1928—1944, S. 18.

лили фашистский вермахт. Германское командование стало хозяином вооружения, военных объектов, снаряжения, транспортных средств почти всей Европы. В германскую военно-монополистическую систему включились огромные производительные силы. Многие из влившихся в нее производственных мощностей и объектов обладали оборудованием новейших конструкций.

Помимо расширения объекта производства, германская экономика пополнилась значительными запасами военно-стратегического сырья: угля, нефти, цветных металлов и т. д. На оккупированных территориях добывалось 400 млн. т угля, 7,5 млн. т нефти, производилось почти 32 млн. т стали. Кроме того, немецкие войска захватили 9 млн. т нефтепродуктов, 5 тыс. паровозов, автотранспорт для оснащения 88 дивизий [176] и т. д. Фашистская Германия взяла под свой контроль не только сырье, промышленное производство, вооружение, продовольствие оккупированных стран, но и ресурсы, которые обеспечивали Германии кредит в нейтральных государствах: движимое имущество, драгоценности, предметы роскоши, произведения искусства и т. д.

Народы всех оккупированных стран обязаны были в тяжелых условиях за крайне низкую плату работать на захватчиков, оплачивать расходы по содержанию оккупационных войск, а также значительную часть других военных расходов Германии, выполнять огромные сырьевые и продовольственные поставки. Самыми жестокими методами осуществляли оккупанты германизацию захваченных территорий: коренное население угонялось на принудительные работы в Германию или уничтожалось, а на его месте поселялись немецкие колонисты. Беспощадно разрушались памятники культуры, увозились произведения искусства. Специальное ведомство во главе с Розенбергом имело для этой цели в своем распоряжении команды. Перечень награбленных только этим ведомством предметов искусства состоял из 39 объемистых томов. Общая сумма материальных ценностей, награбленных Германией в оккупированных странах, составляла в 1941 г. 9 млрд. ф. ст., что вдвое превышало ее довоенный годовой национальный доход [177].

Режим, установленный германо-фашистскими империалистами на оккупированных территориях, они назвали «новым порядком в Европе». Национальное и социальное угнетение, беспощадный террор, полное бесправие и произвол, жестокое и изощренное глумление над человеческой личностью — вот что принес народам фашистский «новый порядок». В городах и селениях проводились непрерывные аресты и массовые облавы. Были созданы многочисленные тюрьмы и концлагеря, снабженные орудиями пыток, газовыми камерами и другими средствами массового истребления людей.

[176] Германская история..., с. 280.

[177] Новейшая история стран Западной Европы и Америки 1939—1945. М., 1966, с. 155.

С первых же дней войны нацисты перенесли за пределы Германии систему концлагерей. Они превратили их в чудовищные «фабрики смерти». Наиболее страшные возвели на территории Польши — Майданек, Освенцим, Собибур, Треблинка. Сюда свозились жертвы из всех захваченных стран Европы; после издевательств и пыток их зверски уничтожали в газовых камерах. Так были истреблены миллионы узников разных национальностей.

В то же время в обращении оккупационных властей с различными народами имелись нюансы в зависимости от роли, которую германский империализм навязывал отдельным странам в рамках «нового порядка». Точно установлено, что массовые истребления людей применялись прежде всего по отношению к еврейскому и славянскому населению. Жесточайший террор, беспощадные грабежи, полное уничтожение суверенитета были характерны для оккупации Польши, а затем — и захваченных территорий СССР. Что касается Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии и оккупированной части Франции, то здесь в первый период войны использовалось сотрудничество с частью местной буржуазии, а также демагогические методы для маскировки агрессивного характера своей политики и непрерывных грабежей [178].

Но, несмотря на региональные различия, «новый порядок» был направлен против жизненных интересов всех народов. Уже в начале июля 1940 г. ЦК КПГ разъяснял, что ««новая Европа» означает не что иное, как распространение господства германского империализма на весь континент ... Такая «новая Европа» является Европой бесправных, порабощенных рабочих и крестьян, Европой нужды, нищеты и голода для трудящихся масс» [179].

Активное участие в осуществлении «нового порядка» принимали германские монополии. Они осуществляли в оккупированных странах прямой грабеж, обращаясь с заявками непосредственно к немецким властям и учреждениям вермахта. Представители концернов имелись в штабах и командах, проводивших реквизиции [180]. Продолжая практику ограбления Австрии и Чехословакии, представители монополий следовали по пятам фашистских армий. Уже 7 сентября 1939 г. «ИГ Фарбен» начал грабить Польшу, затем Норвегию и другие оккупированные страны. Металлургические концерны присоединили к своим владениям многие предприятия железоделательной и сталелитейной промышленности Франции и Люксембурга [181]. Ограблением занимались и другие промышленные монополии и банки.

---

[178] Подробно см.: Der zweite Weltkrieg (Dokumente und Materialien). Berlin, 1961, Dok. 21, S. 56; *Блейер В., Дрехслер К., Ферстер Г., Хасс Г.* Германия во второй мировой войне (1939—1945). М., 1971, с. 63—78.

[179] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5, S. 277.

[180] Анатомия войны, док. 105—106, 123, 128, 133, 137, 203—204, 246—254, 262—268, 275—278, 286.

[181] Анатомия войны, док. 118, 120, с. 237, 240—243; Der zweite Weltkrieg, Dok. 20, S. 53—56.

Характерны те изощренные формы, которые при этом применяли империалистические хищники. Грабеж осуществлялся под видом «арианизации», «системы опеки», «шефства», «участия в капитале» и в прочих видах присвоения богатств Европы. Применялись такие методы нажима, как шантаж, угрозы, закрытие предприятий, отказ в предоставлении сырья [182] и т. п. На полях Европы свирепствовали немецкие юнкера и кулаки. Они присваивали себе земли, инвентарь, скот и сельскохозяйственную продукцию порабощенных народов.

Неимоверный рост богатств крупных монополий еще более усилил процесс концентрации производства и капитала в Германии. Этому всячески содействовало и фашистское государство. Закон о военной экономике от 4 сентября 1939 г. сыграл значительную роль в дальнейшем перераспределении сырья, рабочей силы и денежных средств в интересах военных концернов. Принудительному картелированию подверглись даже такие отрасли промышленности, как текстильная, обувная и др. К лету 1941 г. 0,5% общего числа предприятий сосредоточили 42% всех рабочих и служащих страны. На предприятиях шести крупнейших германских концернов: Сименса, АЭГ, «ИГ Фарбен», Круппа, «Стального треста» и государственного концерна «Герман Геринг» — работало 2 млн. из 6 млн. занятых в тяжелой промышленности [183]. Число промышленных магнатов пополнилось сумевшими извлечь выгоды из режима путем грабежа, спекулятивных и других махинаций. Разбогатели и нацистские заправилы — Гитлер, Геринг, Гесс, Геббельс, Гиммлер, Риббентроп, Борман и проч. Тесно спаянная группа из монополистических воротил и нацистской верхушки правила теперь не только немецким народом, но и многими европейскими народами, над которыми установилось господство немецко-фашистских захватчиков.

Однако, захватив огромные производительные силы, фашистская Германия даже в условиях головокружительных военных успехов не смогла преодолеть те явления, которые неизбежны для любой капиталистической страны. Созданные в довоенное время органы государственно-монополистического регулирования были не в состоянии устранить соперничество монополий или организовать эффективное планирование военной экономики. А это прежде всего сказалось на производстве вооружений, которое и обеспечивало осуществление агрессивных замыслов.

Для исправления положения 17 марта 1940 г. было создано министерство вооружения и боеприпасов во главе с руководителем отдела техники НСДАП Ф. Тодтом. Создание министерства явилось значительным событием в развитии государственно-монополистической системы. Оно стало руководящим органом не

---

[182] Анатомия войны, док. 131, 134, 154, 157, 183, с. 272—273, 278—282, 311—315, 318, 357—358.

[183] *Файнгар И. М.* Указ. соч., с. 83.

только военного производства, но и экономики в целом [184]. В ходе войны его прерогативы и власть возрастали.

В связи с войной значительные изменения произошли в социальной структуре населения. Резко сократилась общая численность немецкой рабочей силы: с 39,1 млн. человек в конце мая 1939 г. до 33,1 млн. в конце мая 1941 г. За это время было призвано в армию 7,4 млн. человек. Убыль рабочей силы пополнялась прежде всего за счет военнопленных и насильственно угнанных жителей оккупированных стран. В конце мая 1941 г. их работало в Германии уже 3 млн. человек [185].

Большие потери в рабочей силе понесли ремесло и торговля. Около 500 тыс. ремесленных предприятий были закрыты уже в начале войны из-за призыва рабочей силы в армию [186]. Война ускорила разорение мелких предприятий, принявшее в Германии небывалый в истории капиталистических стран размах. В интересах монополий фашистское государство насильственно закрывало мелкие промышленные и ремесленные предприятия, владельцам которых выдавалась крайне ничтожная компенсация из средств созданного в демагогических целях фонда «помощи в нужде». Число занятых в ремесле сократилось к маю 1941 г., по сравнению с маем 1939 г., с 5,3 млн. до 4 млн., а в торговле, банках и страховых обществах — с 4,6 млн. до 3,4 млн. [187]

В годы войны было запрещено малейшее повышение заработной платы. Крестьянству были навязаны очень высокие обязательства по поставкам государству. Усилилось расслоение германской деревни, где обогащались юнкеры и кулаки, пользовавшиеся дешевым трудом иностранных рабочих и продававшие сельскохозяйственную продукцию по спекулятивным ценам.

С началом войны в Германии была введена всеобъемлющая система нормирования. Она распространялась на продовольствие и все предметы первой необходимости. Но в целом жизненный уровень населения не снизился, прежде всего потому, что не хватало рабочих для военной промышленности и там действовали более высокие расценки. Кроме того, из оккупированных стран и стран-сателлитов ввозилось большое количество ненормированных продуктов и товаров. Существенным дополнением являлись посылки, направляемые немецкими солдатами из захваченных стран. В целом во время первого периода войны большинство населения Германии не только хорошо питалось и одевалось, но и делало запасы.

Усилилась полицейско-пропагандистская деятельность НСДАП и ее подразделений. Ее главная функция — сохранение и упрочение господствовавшей в Германии государственно-монополисти-

---

[184] «Reichsgesetzblatt», 1940, Teil I, S. 513; *Eichholz D.* Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft, S. 119—122; *Thomas G.* Op. cit., S. 508, 511.
[185] Промышленность Германии..., с. 189.
[186] *Блейер В.* и др. Указ. соч., с. 94.
[187] Промышленность Германии..., с. 190—191.

ческой системы — обрела теперь давно вынашиваемые нацистами аспекты. Открылись пути распространения этой системы в форме «нового порядка» на Европу, а затем — превращения его в фундамент мирового господства германского империализма.

Гитлеровское правительство могло вести грабительскую, захватническую войну лишь при условии жестокого подавления любых проявлений недовольства режимом внутри страны. Вот почему нацистские бонзы еще туже затягивали петлю на шее немецкого народа. В первые же дни войны новая волна террора захлестнула Германию. Он проводился на базе «Основ внутренней безопасности государства во время войны», опубликованных 3 сентября 1939 г. Первый пункт гласил: «Каждая попытка дезорганизовать сплоченность и готовность немецкого народа к борьбе должна беспощадно подавляться. Особенно срочно следует принять меры к аресту лиц, сомневающихся в победе немецкого народа или в справедливости войны»[188]. 26 сентября 1939 г. вошел в силу заготовленный еще 17 августа 1938 г. закон об особых наказаниях в военное время[189]. Характерно, что в этом законе впервые официально определялись меры наказания за «разложение войск»[190].

Для организации жизни страны в условиях военного времени еще 27 августа 1939 г. во всех областях были назначены так называемые «комиссары по защите рейха», наделенные чрезвычайными полномочиями. 30 августа был образован «совет министров по защите рейха» во главе с Герингом[191]. В целях централизации карательных органов 27 сентября Гиммлер объединил управления полиции безопасности с полицией национал-социалистской партии (СД) в одно главное управление имперской безопасности под руководством отъявленного садиста Р. Гейдриха[192]. Так было организационно оформлено окончательное слияние карательных органов НСДАП и государства.

В эти особенно тяжелые для прогрессивных сил Германии дни террористические приказы издавались один за другим. Историки ГДР подсчитали, что только за две недели, с 27 августа по 9 сентября 1939 г., подобные приказы заполнили около 200 страниц сборника государственных законов[193]. И это было характерно для всех лет войны. Число «проступков», которые карались смертной казнью, возросло на протяжении 1939—1944 гг. с 3 до 46[194]. Смертная казнь распространялась, например, на

---

[188] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5, Dok. 60, S. 525.
[189] «Reichsgesetzblatt», 1939, Teil I, S. 1455.
[190] *Rösler I.* Die faschistische Gesetzgebung und Rechtsprechung gegen «Wehrkraftzersetzung» als Mittel der zwangsweisen Erhaltung der Kampfmoral von Truppe und Bevölkerung im zweiten Weltkrieg.— «Zeitschrift für Militärgeschichte», 1971, H. 5, S. 564.
[191] *Lochner L. P.* Op. cit., S. 270.
[192] *Manvell R., Fraenkel H.* Himmler, S. 84.
[193] *Блейер В.* и др. Указ. соч., с. 37.
[194] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5, S. 250.

такие действия, как повреждение оборонительных средств или скрытие металлолома.

Детально разработанные в законах меры были направлены на то, чтобы держать в постоянном страхе не только население, но и функционеров государственного, военного и даже партийного аппарата. Структура специальной службы тайной полиции в годы войны стала столь разветвленной, что взаимная и перекрестная слежка еще более усилилась. Был создан ореол «вездесущности» учреждений террора.

Но одни они никогда не смогли бы так внедриться в повседневную жизнь народа, если бы не организованная на полицейских принципах нацистская партия. В обязанность ее членов прежде всего входило под видом «опеки» вести повседневную слежку за населением. При этом «права» членов НСДАП в выполнении шпионско-полицейских функций в годы войны продолжали расширяться, пока, наконец, согласно распоряжению начальника партийной канцелярии, «каждый член НСДАП мог арестовать любого жителя» [195].

С первых дней войны члены НСДАП должны были также организовывать приток рабочей силы в военную промышленность; изолировать от немецкого населения насильственно угнанных из оккупированных стран и наблюдать за ними; следить за посевными кампаниями и сбором урожая; контролировать затемнение городов; организовывать команду воздушной обороны; следить за настроениями в убежищах и т. д. Вместе с карательными органами члены НСДАП участвовали в выслеживании, арестах и облавах на антифашистов.

НСДАП и ее подопечная благотворительная организация «Народное благополучие» проводили «добровольный» сбор средств с населения в фонд так называемой «зимней помощи». Во время первой военной зимы 1939/40 г. было собрано 602,5 млн. марок. Фашистскому руководству показалось этого мало. Летом 1940 г. провели еще один сбор в фонд немецкого Красного Креста. Призывая жертвовать больше, нацистские пропагандисты обещали, что, если война быстро закончится, деньги будут использованы на социальные нужды. В результате нажима и пропаганды собрали 1026,5 млн. марок [196]. В последующие годы войны подобные поборы стали еще чаще, а нажим переходил в угрозы и преследования.

Наряду с террором во время войны возрос политико-идеологический нажим НСДАП. Идеологическая обработка населения и армии, пропаганда антикоммунизма, расизма, шовинизма — вся милитаристская шумиха опиралась на первоначальные военные успехи Германии. В связи с победами на Западе по всей Германии в течение 10 дней висели государственные флаги и звонили

[195] *Weissbecker M.* NSDAP, S. 428.

[196] Schulthess' Europäischer Geschichtskalender 1940. München, 1942, S. 90, 191.

во все колокола. «Непобедимость германской армии» и «полководческий гений» Гитлера стали основным лейтмотивом фашистской пропаганды. Фигляр Геббельс похвалялся, что его основная заслуга состоит в том, что он создал Гитлеру «венец непогрешимости» и внушил немцам безграничное доверие к нему [197].

Усилилась социальная демагогия, изображавшая нацистскую Германию как «народное государство», которое якобы в силу преимуществ самой системы одерживает победы над «плутократическим Западом». Многие немцы чувствовали себя в то время хозяевами Европы и во имя «жизненного пространства» оправдывали захватническую войну. Легкие победы кружили головы даже части рабочих. Разорившиеся ремесленники, мелкие торговцы, согнанные с земли крестьяне, да и мобилизованные рабочие, пополняя ряды армии, обретали сытую жизнь и приобщались к грабежу. В первый период войны основная масса населения Германии не проявляла недовольства фашистским режимом.

В годы войны активизировалась идеологическая работа не только самой НСДАП, но и всех примыкавших к ней организаций, а также государственных органов. Министерство пропаганды имело в своем распоряжении около 200 тыс. журналистов, писателей, издателей, работников искусств [198]. Вышколенный и усвоивший до деталей специфику и тонкости пропагандистской работы, этот аппарат служил пока безотказно и выполнял все инструкции [199] нацистской верхушки по формированию общественного мнения в стране и на фронте.

В этих усложнившихся, жестоких условиях КПГ с первых военных дней продолжала вести героическую борьбу. Она оставалась единственной политической силой страны, которая на основе глубокого марксистско-ленинского классового анализа разоблачала фашистскую агрессию, организовывала движение Сопротивления и руководила им. 2 сентября 1939 г. Политбюро ЦК КПГ направило письмо местным ячейкам и функционерам партии, в котором ориентировало их на развертывание активной борьбы против фашизма, создание новых ячеек партии и стабильного руководства, повседневную работу внутри массовых фашистских организаций, расширение выпуска антифашистских листовок и брошюр [200].

Победы на Западе значительно укрепили позиции фашистского режима на международной арене. После первых 21 месяца захватнической войны германо-фашистские империалисты решили начать агрессию против Советского Союза. Классово-полити-

---

[197] *Fraenkel H., Manvell R.* Goebbels. Eine Biographie. Köln, 1960, S. 249; Dokumente der deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart, Bd. 5. [West] Berlin, o. J., S. 213.

[198] *Scheel K.* Meinungsmanipulierung im Faschismus, S. 1290.

[199] *Odermann H.* Die vertraulichen Presseanweisungen aus den Konferenzen des Nazi-Propagandaministerium.— ZfG, 1965, H. 8, S. 1365—1377.

[200] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5, S. 247.

ческие устремления толкали их на эту авантюру. Они жаждали быстрее уничтожить страну социализма. Советский Союз был главным препятствием на их пути к мировому господству. В то же время они рвались к богатейшим экономическим ресурсам Советской страны. Ведь несмотря на высокую степень государственно-монополистического регулирования и значительное напряжение немецкой экономики, германскому империализму даже в итоге быстрых военных успехов не удалось преодолеть значительные противоречия между своими целями и возможностями в военно-экономической области.

Подготовка к войне против СССР полным ходом развернулась в середине 1940 г. Она велась в четырех основных направлениях: политическом, экономическом, военном и идеологическом. Самое непосредственное и активное участие во всех сферах подготовки принимали германские монополии.

Политическая подготовка включала в себя планирование мероприятий по полному уничтожению Советского государства и социалистического общественного строя, по истреблению большинства советского народа и порабощению тех, кому удастся выжить. Экономика СССР должна была управляться и эксплуатироваться колониальными методами. О том, насколько детально планировалось осуществление этих зловещих целей, достаточно ясно свидетельствует речь Гитлера перед высшим командным составом 30 марта 1941 г. Он сказал тогда, что предстоит «война двух противоположных мировоззрений», «война на уничтожение советских народов» [201]. Пресловутая «зеленая папка» Геринга, а также протоколы специально созданных для ограбления СССР центральных государственно-монополистических учреждений также документально свидетельствуют об этом [202]. В протоколе от 2 мая 1941 г. одного из таких органов — экономического штаба особого назначения «Ольденбург», состоявшего из представителей ведущих концернов, говорилось: «1. Войну следует продолжать лишь в том случае, если вермахт на третий год после начала войны (считая с 1 сентября 1939 г.— *Г. Г.*) будет полностью обеспечиваться продовольствием из России. 2. При этом, несомненно, будут голодать десятки миллионов людей, если мы вывезем из страны все нам необходимое...» [203] Так хладнокровно и расчетливо изуверы XX века обрекали на голодную смерть десятки миллионов советских мужчин, женщин, стариков и детей. Ведущие концерны и государственно-монополистические органы задолго до нападения разработали зверские планы разграбления Советской страны [204].

[201] Der zweite Weltkrieg, Dok. 45, S. 69.

[202] Анатомия войны, док. 150, 152, 158, 159, 163, с. 306—307, 309, 319—320, 325—327.

[203] Там же, док. 159, с. 320—321.

[204] *Загорулько М. М., Юденков А. Ф.* Крах плана «Ольденбург». О срыве планов фашистской Германии на оккупированной территории СССР. М., 1974, с. 31—117.

Экономическая подготовка состояла в наращивании военно-экономического потенциала, обеспечении непрерывного увеличения военного производства, в перестройке отдельных участков хозяйства применительно к условиям предстоявшей войны. Учитывая, например, протяженность и глубину театра военных действий против СССР, а также планируя ограбление Советской страны, Германия накапливала железнодорожный подвижной состав, расширяла производство паровозов и вагонов, а также усиленно вывозила их из оккупированных стран.

Летом 1940 г. началась детальная разработка оперативных планов нападения на СССР. 2 июня 1940 г. в присутствии высших военных чинов Гитлер заявил, что скоро он приступит к выполнению своей «большой и настоящей задачи: столкновению с большевизмом». 21 июля был отдан приказ о подготовке оперативного плана. 18 декабря 1940 г. план нападения на СССР под кодом «Барбаросса» был утвержден [205]. Он опирался на концепцию «молниеносной» войны и предусматривал, что военные действия продлятся от пяти недель до нескольких месяцев.

К моменту нападения на СССР вермахт имел около 8,5 млн. солдат. Из 214 германских дивизий 153 (а всего с сателлитами 190 дивизий, или 5,5 млн. человек) были сосредоточены на советской границе. Фашистская Германия располагала 3712 танками, 4950 боевыми самолетами, 42260 орудиями и минометами и 193 боевыми кораблями [206]. Это была огромная военная сила.

Большое место в подготовке нападения на СССР отводилось идеологической работе среди войск и населения. Начиная с 20-х годов фашисты изо дня в день твердили о «необходимости» войны против СССР. Но конкретная подготовка проводилась втайне от населения Германии, хотя устная пропаганда среди солдат всячески разжигала у каждого из них ненависть к советским народам и стремление обогатиться в предстоявшей войне.

В статье, опубликованной в мае 1942 г. в журнале «Дас рейх» под заголовком «За что?», Геббельс цинично раскрыл подлинные цели агрессии против СССР: «Это война не за трон и не за алтарь. Это война за зерно и хлеб, за обильные завтраки, обеды и ужины, война за завоевание материальных условий для решения социальных проблем — строительство квартир и благоустройство улиц, строительство военных, торговых и пассажирских судов, производство автомобилей и тракторов, строительство театров и кино для народа повсюду, вплоть до последней деревни. Это — война за сырье, за каучук, за железо и различные руды...» [207].

В течение зимы 1940/41 г. фашистский режим осуществил серию мер по переводу всех предприятий, прямо или косвенно связанных с военным производством, на режим «спецпредприя-

[205] *Блейер В.* и др. Указ. соч., с. 108; *Безыменский Л.* Особая папка «Барбаросса». М., 1972, с. 10—20, 195—208.
[206] 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968, с. 248—249, 251.
[207] Weltherrschaft im Visier, Dok. 136, S. 327.

тий». Это означало установление крайне тяжелых условий труда рабочих. Любого из работавших, подозреваемых в недостаточной преданности фашизму, отправляли на фронт. Еще более усилился террор, были проведены облавы и аресты антифашистов. За два дня до нападения на СССР полиция и гестапо арестовали всех, кто подозревался в сочувствии или имел ранее контакты с коммунистами.

22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. На советскую землю вторгся грозный и страшный враг, располагавший мощной военной техникой и вымуштрованной до фанатизма армией. Серьезная опасность нависла над страной социализма, опасность, угрожавшая самому существованию советского народа.

ВОЙНА ПРОТИВ СССР И КРАХ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

Нападение на СССР было тягчайшим преступлением германского империализма против первого в мире социалистического государства, против коренных интересов самого немецкого народа, против будущего всего человечества. Вторжение на советскую землю явилось началом закономерного поражения германо-фашистского империализма, началом краха всех его замыслов по установлению мирового господства. События на советско-германском фронте стали основными факторами, определявшими до конца войны весь ход развития экономики, внешней и внутренней политики Германии, все стороны жизни страны и народа.

С первых же дней вторжения на территорию СССР немецко-фашистские захватчики начали ограбление городов и сел, фабрик и заводов, колхозов и совхозов, электростанций и железных дорог, культурных учреждений, музеев, исторических памятников, школ и больниц. Советских людей оккупанты заставляли работать на нацистский рейх или угоняли в фашистскую неволю. Ведущую роль в осуществлении политики германо-фашистского империализма по ограблению Советской страны и порабощению народа играли монополии [208]. На территории СССР были созданы специальные объединения, образовавшие широко разветвленную государственно-монополистическую грабительскую систему. Специальный военно-хозяйственный штаб «Ост» под руководством Геринга ставил перед собой задачу тотального разграбления оккупированных советских территорий. Под теми же названиями действовали торговое общество сельскохозяйственного спроса и сбыта и горнометаллургическое общество.

Особенно активно советское имущество расхищали концерны Круппа, Ф. Флика, государственный концерн «Герман Геринг», «Сименс—Шуккерт», «ИГ Фарбен», горнометаллургическое обще-

[208] *Czollek R., Eichholz D.* Die deutsche Monopole und der 22. Juni 1941. Dokumente zu Kriegszielen und Kriegsplannung führender Konzerne beim Überfall auf die Sowjetunion.— ZfG, 1967, H. 1, S. 64—76.

ство «Ост», акционерное общество «Норд» и др. Их представители, чаще всего в качестве офицеров хозяйственных команд, проникали вместе с передовыми частями в советские промышленные центры и захватывали там предприятия, сырье, готовую продукцию. Представители монополий выполняли основные функции в различных восточных грабительских объединениях и на их филиалах, в военно-хозяйственном штабе «Ост» и сети его организаций, в «шефстве» над предприятиями захваченных областей, в сотнях вновь создаваемых филиалов германских концернов, оптовых торговых фирм и крупных банков. Большое число представителей монополий работало в имперском министерстве оккупированных восточных территорий [209]. Агенты монополий обычно наделялись не только государственными, но и военными полномочиями, что облегчало им задачи эксплуатации и грабежа. Так, в процессе ограбления все теснее срастались военные, государственные и монополистические функции оккупантов, что не исключало острых противоречий и ожесточенной борьбы между ними из-за награбленной добычи.

Уже первые месяцы боев на советско-германском фронте показали, что стратегия «молниеносной» войны терпит провал. Несмотря на первоначальные военные успехи, более дальновидные генералы вермахта видели это. Начальник штаба сухопутных войск Ф. Гальдер уже 11 августа 1941 г. писал в дневнике: «Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс — Россия... был нами недооценен. Это относится и к его организаторской и экономической силе, и к оценке транспорта, но самое главное — к оценке его чисто военной мощи» [210]. Но пока осечки немецко-фашистской военной машины, а следовательно и нереальность всего безумного плана завоевания СССР и установления мирового господства, были заметны еще немногим и заглушались победным ревом фанфар.

Сразу же после нападения гитлеровцев на СССР КПГ резко осудила этот преступный акт и призвала к усилению антифашистской борьбы. В опубликованном 24 июня 1941 г. воззвании к немецкому народу говорилось: «Наш враг находится в нашей стране... Победа Красной Армии и борющихся за свою национальную свободу угнетенных народов будет победой и немецкого народа» [211]. Участие СССР в освободительной войне открыло перед немецкими миролюбивыми силами реальные перспективы ликвидации господства германо-фашистского империализма.

Борьба немецких антифашистов активизировалась. Об этом можно судить, например, по таким важным в тех условиях акциям, как распространение подпольной литературы. Если с января по май 1941 г., по данным гестапо, число обнаруженных лис-

[209] Анатомия войны, док. 165—167, 187, 217, 223, с. 330—333, 364—366, 408—409, 418—419; Der zweite Weltkrieg, Dok. 60, S. 81—82.
[210] *Гальдер Ф.* Военный дневник, т. 3, книга первая. М., 1971, с. 264.
[211] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5, S. 293.

товок, брошюр и плакатов составляло за один месяц от 62 до 519, то со второй половины года оно резко выросло: в июле — 3797, а в октябре — 10277 [212].

Во всех частях Германии усилилась совместная работа коммунистов, социал-демократов, профсоюзных активистов, студентов, буржуазной интеллигенции, церковных кругов в антифашистских организациях и группах. Под руководством коммунистов все большее число борцов вели мужественную повседневную работу по организации актов саботажа и замедленной работы, особенно на военных предприятиях, по разоблачению нацистской лжи о Советском Союзе, по оказанию помощи жертвам террора и их семьям, военнопленным, узникам концлагерей и насильственно пригнанным рабочим. В этот период, до осени 1942 г., наиболее активно действовала антифашистская организация, руководимая Х. Шульце-Бойзеном и А. Харнаком; ведущую роль в ней играли представители КПГ.

В конце мая 1942 г. удалось провести конференцию организаций КПГ важных промышленных округов Рура и Нижнего Рейна. Она призвала коммунистов шире разъяснять неизбежность поражения фашистской Германии, не выжидать, пока Красная Армия нанесет последний удар, а действовать [213].

Наряду с ранее боровшимися антифашистскими организациями в Берлине в первой половине 1942 г. возникли две новые активно действовавшие: «Внутренний фронт» и группа Г. Баума. Состоявшая в основном из молодых коммунистов-евреев эта группа в мае 1942 г. среди бела дня сожгла в центре фашистской столицы клеветническую антисоветскую выставку [214].

Борьба проходила в обстановке усилившегося после нападения на СССР террора. По заниженным нацистским данным, в июне 1941 г. было брошено в тюрьмы 8817 немецких антифашистов, в сентябре — 11609, в октябре — 10776. В 1940 г. было казнено 306 человек, в 1941 г.— 1146, а в 1942 г.— 3393. Гестапо удалось в 1942 г. выследить организации Урига (Берлин), Лехлейтера (Мангейм), «Внутренний фронт» (Берлин) и группу Баума. Мужественные антифашисты были подвергнуты ужасным пыткам, большинство их них —казнены [215]. Но остальные и возникавшие вновь организации продолжали борьбу.

Разгром под Москвой явился первым крупным поражением немецко-фашистских войск во второй мировой войне. Немецкая армия понесла огромные потери. Фашистская Германия встала перед неизбежностью затяжной войны.

Впервые за военные годы страна переживала тяжелое потрясение. Суровая война ворвалась теперь в жизнь самой Германии.

[212] Zur Geschlichte der antifaschistischen Widerstandsbewegung 1933—1945. Berlin, 1958, S. 195.
[213] Zur Geschichte der KPD, S. 410—414.
[214] *Бланк А. С.* КПГ в борьбе против фашистской диктатуры (1933—1945). М., 1964, с. 220.
[215] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5, S. 299—300.

Вместо посылок и веселых снимков в немецкие семьи все чаще стали приходить траурные извещения об убитых. Эшелоны раненых двигались по дорогам. На улицах появились инвалиды. Все, на что фашистские лидеры рассчитывали, надеясь достигнуть победы: внезапность, заблаговременная мобилизация военного потенциала, накопленный опыт, миф о непобедимости — рушилось под ударом советских войск.

В условиях зимнего 1941/42 г. наступления Красной Армии потери немцев возрастали. Всего с 22 июня 1941 г. по 31 марта 1942 г. немецкая армия потеряла 1 107 830 человек убитыми, пропавшими без вести и ранеными, не считая больных, что составило 34,61% всех сил, введенных в войну против СССР [216]. Монополисты, военщина и фашистская верхушка с лихорадочной поспешностью и еще большей жестокостью провели ряд мер по укреплению фронта и тыла. Против СССР были брошены свежие дивизии, были мобилизованы новые людские контингенты, главным образом из промышленности. Был издан приказ судить и расстреливать всех, кто попытается сдаться в плен. Фашистские генералы, чьи соединения отступали под мощными ударами советских войск, безоговорочно устранялись. Всего с декабря 1941 г. по апрель 1942 г. было отстранено свыше 30 генералов, в том числе и главнокомандующий сухопутными войсками фельдмаршал Браухич [217]. Гитлер взял этот пост себе.

Крутой поворот был осуществлен и в экономике. Ведь производство вооружений ориентировалось на концепцию «молниеносной» войны. С ее провалом резервы вооружений были быстро израсходованы. Возникшая в начале декабря 1941 г. перспектива затяжной войны потребовала быстрого расширения военного производства. На основе приказа Гитлера от 3 декабря 1941 г. о так называемой «рационализации», означавшей резкое перераспределение заказов, сырья и рабочей силы в пользу военной промышленности [218], усилилась гонка в самолетостроении, танкостроении и других видах вооружения.

Ранее созданная военная организация экономики была объявлена несостоятельной и перестроена. 15 февраля 1942 г. министром вооружения и боеприпасов был назначен А. Шпеер. Связанное с ним развитие не только военной, но и всей экономики фашистской Германии и завоеванных стран вошло в историю как «эра Шпеера». Она была последней фазой развития государственно-монополистической системы Германии в условиях фашистского режима. Для основной тенденции «эры Шпеера» характерно дальнейшее форсированное создание условий, при помощи которых верхушка монополистов усилила непосредственное руководство военной экономикой страны.

---

[216] *Гальдер Ф.* Указ. соч., книга вторая, с. 225.
[217] *Блейер В.* и др. Указ. соч., с. 170.
[218] *Millward A.* Die deutsche Kriegswirtschaft 1939—1945. Stuttgart, 1968, S. 110, 115—116.

Коренная реорганизация началась с марта 1942 г., когда Шпеер был назначен «военным уполномоченным по четырехлетнему плану». Он получил право приказывать всем министерствам, высшим имперским органам власти и экономики. Под флагом «самоответственности» промышленников [219] планирование военного производства и руководство им было передано группам предпринимателей. С этой целью были созданы по отраслям промышленности главные комитеты, центры, объединения, специальные комиссии. В результате создания более сложной и запутанной экономической иерархии ведущим военно-промышленным монополиям были предоставлены еще большие права и преимущества, включая и некоторые прерогативы государственной власти, регулирование цен, льготы по отчислениям от военных прибылей. При штабе верховного командования вермахта были созданы промышленные советы. С их помощью ведущие представители соответствующих отраслей промышленности решали вопросы о видах и количестве вооружения. Так осуществлялось прямое воздействие заправил монополий на фашистский вермахт. В итоге этих мероприятий по реорганизации еще более возросло влияние ведущих монополий на весь комплекс военно-политического руководства страной.

В то же время не следует забывать, что отношения монополий и государственной власти определялись не подчинением какой-либо из сторон. В лице монополий и государства выступали две силы. «Государственно-монополистический капитализм,— говорится в Программе КПСС,— соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм с целью обогащения монополий, подавления рабочего движения и национально-освободительной борьбы, спасения капиталистического строя, развязывания агрессивных войн» [220]. Известная самостоятельность сил, лежащих в основе государственно-монополистического капитализма, несмотря на их соединение в единый механизм, в годы фашистского режима проявилась особенно рельефно, и прерогативы империалистического государства, действовавшего в интересах крупного капитала, в этих условиях значительно расширились. В политической области многие решения тактического характера принимались нацистскими главарями самостоятельно. Но в конечном счете эти решения определялись не желанием того или иного из них, а политикой финансовой олигархии в целом [221].

Курс на максимальное обеспечение советско-германского фронта оружием, боевой техникой и боеприпасами к 1 мая 1942 г., а также на повышение мобильности вермахта [222] предусматри-

---

[219] *Speer A.* Erinnerungen. Frankfurt a. M., 1969, S. 223.

[220] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961, с. 26—27.

[221] См.: *Гинцберг Л. И.* Фашизм и история новейшего времени, с. 47.

[222] Deutschlands Rüstung im zweiten Weltkrieg. Frankfurt a. M., 1969, S. 68—69.

вал резкое сокращение производства товаров широкого потребления. Максимум рабочей силы было переключено из других отраслей в военную промышленность. Приказом руководителя «Гитлер-югенд» от 5 февраля 1942 г. немецкая молодежь обязывалась работать принудительно в военном производстве. Усилилось массовое насильственное поступление рабочей силы с оккупированных территорий. На конец мая 1942 г. в Германии работало уже 4,2 млн. насильственно пригнанных и военнопленных [223], т. е. каждый седьмой рабочий был иностранцем. Централизованное государственно-монополистическое руководство было распространено и на экономику оккупированных стран, где еще в большей степени сокращалось производство предметов потребления и увеличивалось изготовление военной продукции.

Этот общий комплекс мероприятий, имевший целью рост производства вооружения, базировался на сверхэксплуатации как трудящихся оккупированных стран, так и немецких трудящихся. В итоге в декабре 1942 г. индекс военного производства Германии составлял 181% по отношению к январю — февралю того же года; в декабре 1943 г. он был равен 222%. Максимальный рост был достигнут в июле 1944 г.— 322% [224], после чего началось резкое падение. Так путем крайнего перенапряжения производительных сил и рабочей силы немецкая монополистическая буржуазия обеспечивала рост военного производства начиная с 1942 г. и вплоть до середины 1944 г. Но и эти сверхтемпы не смогли предотвратить все возраставшее отставание по сравнению с общим объемом и уровнем выпуска продукции Советским Союзом и другими странами антифашистской коалиции.

Величайшая в истории победа советских войск под Сталинградом вызвала продолжительный и катастрофически углублявшийся кризис фашистского режима в Германии. Кризис охватил все стороны экономической, политической и общественной жизни страны, до крайности обострил ее военное положение, а также политические и социальные противоречия. Ведущие монополисты и нацистская верхушка искали выход в «тотальной войне».

«Тотальная война» — одно из наиболее мрачных порождений фашистского режима в Германии. Она являлась попыткой германского империализма в ходе затяжной и кровопролитной войны привести в соответствие свой недостаточный военно-экономический потенциал с грабительско-захватническими целями и любой ценой добиться победы. «Тотальная война» осуществлялась путем безмерного усиления государственно-монополистической системы господства во всех сферах и областях, и прежде всего путем жестокого фашистского террора против народных масс Германии и почти всей Европы [225].

---

[223] Промышленность Германии..., с. 189.

[224] Там же, с. 94.

[225] Подробно см.: *Bleyer W.* Staat und Monopole im totalen Krieg. Berlin, 1970, S. 9—22.

Германские монополии являлись главной движущей силой «тотальной войны». Основной базой их действий стало министерство вооружения, опираясь на которое они фактически взяли под свой контроль экономические аспекты ведения войны. Монополии распределяли заказы, транспорт, сырье, электроэнергию, рабочую силу, устанавливали цены и т. д. Такая система обеспечивала им колоссальные прибыли во всех отраслях промышленности [226]. Через министерство вооружения они постепенно оттеснили экономические организации вермахта, а также имперские министерства экономики и труда.

Документы свидетельствуют, что германские монополии прилагали максимум усилий, чтобы продлить войну и добиться достижения мирового господства. Они делали это за счет миллионов жизней и неимоверных страданий трудящихся своей страны и многих государств мира, за счет гибели величайших материальных ценностей, созданных трудом целых поколений.

Сигналом к началу тотальной войны послужил секретный приказ Гитлера от 13 января 1943 г. «о ведении тотальной войны». Еще не закончилась Сталинградская битва, а фашистское руководство уже готовило пополнения для фронта и для военной промышленности. Все немецкие мужчины в возрасте от 16 до 65 лет и женщины от 17 до 50 лет должны были встать в ряды армии или к станкам, производящим оружие [227].

А через 20 дней потрясенное население Германии из специальной сводки узнало о полном разгроме немецких войск на Волге. В Германии и во всех странах фашистского блока был объявлен траур по разгромленной и частично плененной 6-й армии. Звучали погребальный звон колоколов и траурная музыка оркестров. После бурного упоения военными победами и помпезной шумихи нацистские заправилы призывали теперь к скромности, подтянутости, ограничениям, а Геббельс даже придумал и объявил так называемую кампанию вежливости для «поднятия настроения масс». Но рядовые немцы все более отрицательно относились к подобным кампаниям. Сорвалась и еще одна пропагандистская затея — издание брошюры с письмами «борцов Сталинграда». Когда ортсгруппы НСДАП собрали эти письма без подписей, то оказалось, что только 2,1% авторов писем надеялись на положительный исход войны, 4,4% — колебались в оценке, зато 51,1% — не верили, что война кончится победой Германии, 3,4% — осуждали войну и 33% — не высказали своего отношения [228].

---

[226] *Хмельницкая Е. Л.* Развитие государственно-монополистического капитализма в Германии во время второй мировой войны.— В кн.: Германский империализм и вторая мировая война. с. 197—201.

[227] Анатомия войны, док. 196, 204, 207, 221, 247, с. 378—379, 392—393, 395—397, 415—417, 444—445.

[228] *Steinert M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. Düsseldorf — Wien, 1970, S. 327—328.

Поражения под Москвой и Сталинградом дали толчок развитию объективно существовавшей тенденции деморализации фашистского фронта и тыла и обнаружили ее проявления. Коренной перелом в войне и крах фашизма в Италии ускорили этот процесс. Большинство немецкого народа охватило чувство страха — страха перед неизмеримо возросшим террором, страха перед последствиями поражения, который всячески использовали нацисты. Росли равнодушие, апатия, переутомление. В полицейских отчетах уже зимой 1942/43 г. во всех частях рейха отмечались «настроения безнадежности и отчаяния» [229]. Кризисные явления нарастали и в фашистском вермахте. В конце февраля 1943 г. был издан приказ «О поведении при отступлении». На основе его солдаты, не выполнявшие «приказы фюрера» — обязательно удерживать каждый клочок земли, подлежали расстрелу на месте [230].

Начавшийся перелом в настроениях населения и вермахта являлся выражением внутреннего кризиса фашистского режима. Мероприятия тотальной войны, особенно ухудшив положение средних слоев, сузили его массовую социальную базу. У многих немцев начался процесс переосмысления обстановки и отрезвления. По мере победоносных ударов Советской Армии процесс этот развивался.

Победы советских войск несли мощные стимулы активизации борьбы немецких антифашистских сил. Стремления к их единению воплощались в действия. По инициативе КПГ и при поддержке Советского правительства в июле 1943 г. на территории СССР был образован Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ). В него вошли 38 человек самых различных политических убеждений и социальных слоев. Президентом был избран писатель Э. Вайнерт.

С возникновением НКСГ начался новый этап немецкого антифашистского движения. За короткое время комитет стал политическим и организационным центром немецких антифашистов. Деятельность комитета получила широкий размах. Работала радиостанция «Свободная Германия». Ее передачи тайно слушали многие десятки тысяч немцев на фронте и в тылу. С 19 июля выходила широко распространявшаяся еженедельная газета. Передавались из рук в руки в Германии и на фронте различные пропагандистские материалы. Велась разъяснительная работа в лагерях военнопленных. В сентябре 1943 г. к НКСГ присоединился возникший также на территории СССР Союз немецких офицеров. Движение «Свободная Германия» росло и ши-

---

[229] *Popiolek K.* Der Einfluss der Stalingrader Niederlage auf die Stimmung in Deutschland im Lichte der polizeilichen Berichte.— In: Der deutsche Imperialismus und der zweite Weltkrieg, Bd. 3. Berlin, 1962, S. 320.

[230] *Блейер В.* и др. Указ. соч., с. 230.

рилось также внутри Германии и в эмиграции — в странах Западной Европы и Америки [231].

Оно стало базой, на которую опирались антифашистские организации, боровшиеся под руководством КПГ на немецкой земле. Наиболее активно в то время действовали организации А. Зефкова — Ф. Якоба — Б. Бестлейна (Берлин), Г. Шумана — О. Энгерта — А. Гоффмана — К. Крессе — В. Циппера (Саксония), М. Швантеса (Саксония — Ангальт), Т. Нейбауэра — М. Позера (Тюрингия). Ведущие представители этих организаций возобновили деятельность оперативного руководства КПГ в Германии, прекратившуюся было после арестов первого и второго его составов [232].

Осенью 1943 г. коммунисты Лейпцига сплотили несколько антифашистских групп в крупную организацию «Свободная Германия», установив контакт с насильственно пригнанными советскими рабочими. Был создан совместный Интернациональный антифашистский комитет. На платформе НКСГ объединялись антифашистские группы в других городах Германии. В тюрьмах, концлагерях, на крупных предприятиях возникали международные комитеты узников разных стран, немецких и насильственно пригнанных рабочих. Ими руководили члены КПГ и других коммунистических партий. Немецкие коммунисты и антифашисты сражались в рядах Советской Армии и в вооруженных отрядах во многих оккупированных странах. Интернациональный характер немецкого антифашистского движения имел существенное значение для послевоенного развития.

Весной 1944 г., по инициативе коммунистов, состоялись встречи руководителей антифашистских подпольных организаций и групп. Была разработана платформа «Коммунисты и НКСГ», в которой оперативное руководство КПГ и антифашистского движения в Германии принимало к действию политическую линию НКСГ. Особое внимание при этом было уделено совместным действиям с насильственно пригнанными рабочими, военнопленными и узниками концлагерей. В связи с ростом антифашистской борьбы гитлеровцы в 1944 г. усилили репрессии. Последовали массовые аресты и казни. Только в первой половине 1944 г. было арестовано 310686 немецких и иностранных антифашистов [233].

Но, несмотря на мужественную борьбу антифашистов, «бо́льшая часть немецкого населения, не взирая на военные поражения в 1943 и 1944 гг., в условиях террора, ненависти и изощренной демагогии, все еще надеялась на обещанное фашистами чудо — поворот в ходе войны»,— справедливо пишут историки ГДР — авторы коллективного труда «Классовая борьба. Тради-

---

[231] Подробно см.: *Weinert E.* Das Nationalkomitee «Freies Deutschland» 1943—1945. Berlin, 1957; Die Front war überall. Erlebnisse und Berichte vom Kampf des Nationalkomitees «Freies Deutschland». Berlin, 1968.

[232] Klassenkampf..., S. 474—475.

[233] *Блейер В.* и др. Указ. соч., с. 335.

ции. Социализм»[234]. Антисоветская пропаганда, всячески раздувавшая страх перед поражением, продолжала оказывать свое отравляющее воздействие.

В результате поражений на советско-германском фронте страх проник и в фашистскую верхушку. Вот как выглядела летом 1944 г. главная ставка вермахта — бункер фюрера «Вольфшанце» («Волчье логово»), скрытый среди Мазурских озер (Польша): «Страх, ненависть и подозрения господствовали здесь. Не доверяли никому: ни пришедшим извне, ни постоянно находившимся внутри этого отделенного от окружающего мира «круга зла». Вожак и его шайка целые недели и месяцы являлись пленниками собственного страха в этом огромном и мрачном лесу»[235].

Во время тотальной войны еще более возросли военно-полицейские и военно-управленческие функции НСДАП. Уже 16 ноября 1942 г. гаулейтеры НСДАП были назначены «комиссарами по защите рейха» и наделены особыми полномочиями. С 22 декабря 1943 г. во все соединения вермахта были направлены «офицеры по осуществлению национал-социалистского руководства». Их задача состояла в том, чтобы усиленной фашистской пропагандой и с помощью разветвленной шпионской сети противодействовать падению боевого духа в вермахте[236]. Введение института таких офицеров означало, что фашистская верхушка перестала доверять командованию. Росли взаимные подозрения и распри. Контролируя командование соединений и получая директивы непосредственно из рейхсканцелярии НСДАП, эти офицеры сыграли известную роль в том, что, несмотря на углубление кризиса фашистского режима, масса немецких солдат продолжала следовать за нацистским руководством и приносить бессмысленные жертвы.

Начавшееся было в годы военных побед сокращение аппарата НСДАП было приостановлено. Назначенный после полета Гесса в Англию в мае 1941 г. начальником партийной канцелярии НСДАП М. Борман с 1943 г. был возведен в ранг заместителя фюрера. Борман — одна из наиболее мрачных фигур кровавой фашистской элиты, воплощение самой изощренной жестокости, какую когда-либо знала история. Его пресмыкательство перед Гитлером и патологическая страсть к доносам поражали даже самых подлейших из «старых борцов» нацизма[237]. Он забрал в свои руки значительную власть в партии, деятельность которой все более связывалась с его именем.

В условиях поражений немецко-фашистских войск на советско-германском фронте кризис охватил и НСДАП. Это видно, например, из предписания Бормана от 19 августа 1944 г.: «В связи с продвижением фронта к границам Германии задачи партии возрастают. Еще теснее нужно держать связь с населением. Подраз-

[234] Klassenkampf..., S. 474.
[235] *Wheeler-Bennet J. W.* Die Nemesis der Macht. Düsseldorf, 1954, S. 656.
[236] Ausgewählte Dokumente..., Bd. III, Dok. 28.III 1944, S. 1—2.
[237] *Peterson E. N.* The Limits of Hitler's Power. Princeton, 1969, p. 23—24, 439,

деления партии, которые должны укреплять единство и дух населения, поддерживать его волю и готовность к наступлению, не должны сокращаться. Их повседневное укрепление имеет теперь решающее значение» [238]. Этот документ — одно из многих свидетельств развала сердцевины фашистского режима — самой национал-социалистской партии. Тем не менее фашистской клике почти до последних недель удалось держать в повиновении низовых руководителей НСДАП, а через них — и немалую часть населения.

Неумолимое приближение разгрома понимали и многие представители монополистической буржуазии и военщины и лихорадочно искали пути к сохранению власти германского империализма. Эти поиски нашли выражение в заговоре, когда представители тех же кругов, которые привели Гитлера к власти, ценой устранения фюрера вместе с его окружением пытались спасти основы существования монополистического капитала. Заговорщики надеялись заключить сепаратный мир с западными державами против Советского Союза. Неудавшееся покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. повлекло за собой расправу не только с большинством заговорщиков, но и с тысячами немецких антифашистов. Всего их было казнено до 50 тыс. человек. Были выслежены и казнены члены оперативного руководства КПГ в Германии и руководители основных партийных и антифашистских организаций [239]. 18 августа 1944 г. в Бухенвальде был казнен вождь КПГ Эрнст Тельман. Так незадолго до краха режима фашистским заправилам удалось серьезно ослабить антифашистское движение.

Характерно, что после подавления заговора 20 июля нацистская верхушка сама начала зондировать возможности соглашения с западными державами. Надежды возлагались на антисоветские силы в США и Англии и на развал антифашистской коалиции. С другой стороны, предпринимались лихорадочные усилия по изысканию дополнительных резервов для вермахта. 25 июля 1944 г. Геббельс был назначен «имперским уполномоченным по ведению тотальной войны». Он распорядился закрыть многие гражданские учреждения, десятки тысяч магазинов, мелких предприятий, мастерских. Сырье, рабочая сила, продукция были переданы министерству вооружения. Еще усиленнее использовался труд насильственно угнанных, число которых на конец сентября 1944 г. составило 7,5 млн. человек [240], т. е. каждый пятый рабочий был иностранцем. Из числа немцев больше половины составляли женщины.

Германские монополии все шире использовали труд узников «лагерей смерти». Десятки их филиалов были созданы вблизи

---

[238] Цит. по: *Weissbecker M.* NSDAP, S. 429.

[239] Подробно см.: *Мельников Д.* Заговор 20 июля 1944 года в Германии. М., 1962; *Финкер К.* Заговор 20 июля 1944 года. М., 1976.

[240] «Reichsgesetzblatt», 1944, Teil I, S. 159; Промышленность Германии..., с. 189.

предприятий крупнейших концернов, производивших вооружения. К 1944 г. только концерн Круппа имел 138 собственных концлагерей на территории Германии, Австрии, Польши. В годы войны на крупповских заводах было убито и погибло от голода и побоев свыше 10 тыс. мужчин, женщин и детей. Недалеко от заводов Круппа и Сименса находился концлагерь Освенцим, где люди работали до полного изнеможения. Несколько тысяч военнопленных и узников подвергались жесточайшей эксплуатации и жили под открытым небом в собственном концлагере фирмы «Сименс» у Хазельхорста. На ряде военных предприятий в страшных условиях работали узницы Равенсбрюка [241].

С июня 1944 г. фашистская Германия была вынуждена вести войну на два фронта. Несмотря на всеобъемлющие мобилизационные меры, огромные потери на советско-германском фронте все более увеличивали разрыв между наличием людей и техники и требованиями вермахта. Только с августа по октябрь 1944 г. потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили 1189 тыс. человек, а пополнение — всего 289 тыс. [242]

Фашистское руководство осуществляло мобилизацию последних резервов через так называемый фольксштурм, созданный по указу от 25 сентября 1944 г. В него было призвано все способное носить оружие мужское население в возрасте от 16 до 60 лет. Фольксштурм опекался нацистской партией. Его формирование и обучение проходило под руководством гаулейтеров НСДАП. Ее члены, а также отряды СА, СС, национал-социалистского автокорпуса и «Гитлер-югенд» разыскивали и приводили фольксштурмистов в мобилизационные пункты. Ответственным за обмундирование, обучение и вооружение был рейхсфюрер СС Гиммлер. По призыву Бормана вспомогательную службу должны были нести девушки и женщины [243]. Но боевой потенциал фольксштурма не оправдал надежд нацистов. Не хватало оружия, а главное — «боевого духа» даже у частей, посылаемых на фронт. Лишь там, где части фольксштурма состояли в основном из функционеров НСДАП, они проявляли нацистский фанатизм в боях с наступавшими советскими войсками. Не удалась и попытка создать в оккупированных немецких районах диверсионные банды из подростков под названием «Вервольф» («Оборотень»).

К началу 1945 г. фашистская Германия оказалась почти в полной международной изоляции. Выбывали из строя сателлиты, прекращали отношения и поставки нейтральные страны. Борьба народов против фашизма сливалась с наступлением Советской Армии и войск союзников. Советские воины освобождали одну за

---

[241] *Микульский К.* Концерн Круппа. М., 1959, с. 49; *Manchester W.* Arms of Krupp 1587—1968. Boston — Toronto, 1968, p. 483, 491—493; Siemens-Rüstung-Krieg-Profite. Berlin, 1962, S. 47, 49, 52.

[242] *Блейер В.* и др. Указ. соч., с. 377.

[243] Dokumentation der Zeit, 1955, H. 90, S. 6747; Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945, Dok. 147, S. 252—253.

другой оккупированные страны. 27 января 1945 г. Советская Армия перешла границы рейха. Ожесточенные, кровопролитные бои развернулись на немецкой земле. Началась смертельная агония фашистского режима.

Народы всех стран жаждали мира. Вопрос о войне и мире, который, по определению Ленина, перерастает в «вопрос жизни и смерти десятков миллионов людей»[244], стал особенно настоятельным. Дальнейшее сопротивление фашистской Германии уже давно стало бессмысленным. Оно вело к гибели людей и материальных ценностей. Но германские монополии и фашистская клика упорно продолжали войну. В то время они спекулировали на ожидаемом ими «чуде» — развале антифашистской коалиции. Разжигая антисоветскую истерию, они все настойчивее и настойчивее понуждали немецкий народ к сопротивлению.

В условиях ожесточенных бомбардировок, при скудных пайках и катастрофической нехватке жилищ трудились немецкие рабочие. Особенно непосильным был труд 7,5 млн. военнопленных и насильственно угнанных. Самая опасная и сверхтяжелая работа взваливалась на узников концлагерей. Всего за время войны в них находилось 18 млн. людей разных национальностей. 11 млн. из них были зверски уничтожены. В последние дни войны эсэсовцы умерщвляли их десятками тысяч. На 15 января 1945 г. только на территории рейха было 715 тыс. заключенных в концлагерях[245]. Фашистская тюрьма народов продолжала функционировать, заглатывая новые и новые жертвы. Вместе с тем она выдавала смертоносное оружие.

Руководящие круги монополистического капитала прилагали максимум усилий, чтобы сохранить военное производство на высоком уровне. Но с середины 1944 г. оно начало катастрофически падать. И хотя по сравнению с 1939—1940 гг. оно все еще составляло значительный объем, разрыв между производством и потребностями стал резко возрастать, причем военное производство сокращалось значительно медленнее, чем производство страны в целом. Это одно из основных доказательств того, что немецкие монополии вместе с фашистской верхушкой форсировали явно проигранную Германией войну.

Германо-фашистский империализм ценой жизни миллионов людей многих стран мира, в том числе и немецкого народа, все еще стремился добиться поворота в уже проигранной войне. Он надеялся, что антисоветские круги возьмут верх в западных странах. Нацистские эмиссары в разных точках Европы вели в то время переговоры с представителями западных держав, взывая к их классовым интересам в борьбе против Советского Союза.

Основные силы Германии были по-прежнему сосредоточены на советско-германском фронте. Все города между Одером и Бер-

---

[244] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 148.
[245] *Broszat M.* Nationalsozialistische Konzentrationslager 1933—1945, S. 159.

лином фашистское руководство объявило «крепостями». Они должны были «обороняться до последнего и удерживаться, невзирая на обещания или угрозы, которые могли бы последовать через парламентариев или передачи вражеского радио». Эсэсовские отряды и полевая жандармерия с автоматами наизготовку возвращали отступавшие войска обратно. В немецких городах и селах на фонарных столбах и придорожных деревьях появились группы повешенных солдат и офицеров с надписями «Я изменил фюреру», «Я — пораженец», «Я здесь, потому что я — трус» [246] и т. п. Устрашенные террором, годами пичкавшиеся антисоветской пропагандой солдаты вермахта вели бои за каждый город, улицу и дом. Нацизм все еще продолжал держать большинство немцев в подчинении. В тяжелых кровопролитных сражениях советские воины-освободители ломали хребет фашистскому зверю в его собственной берлоге.

Фашистское руководство, отлично зная истинную обстановку на фронте, продолжало обманывать немецкий народ. 24 февраля 1945 г. оно организовало жалкий маскарад по случаю 25-летия принятия программы НСДАП. Этот день стал поистине символическим, хотя нацистские любители символов на этот раз не пытались сделать его таковым. Ведь было уже очевидно, что за четверть века НСДАП привела немецкий народ к катастрофе, а фашистская пропаганда все еще твердила о «триумфе». В тот день состоялось последнее публичное выступление Гитлера [247]. Обращаясь по радио к немецкому народу, он призвал его «преодолеть слабость Германии», обещал наступление «исторического поворота» и «предсказал» «победу германского рейха».

В это время НСДАП находилась в состоянии распада. Кризис охватил не только членскую массу, но и руководство. В марте 1945 г. начальник главного управления имперской безопасности Э. Кальтенбруннер информировал Бормана о полном развале аппарата нацистской партии. Сотни и тысячи приказов рейхспартканцелярии о мобилизации людских резервов, об организации самообороны, эвакуации населения из разбомбленных городов, о подавлении попыток сопротивления и др. часто не доходили до адресатов и уже в пути теряли силу [248].

19 марта 1945 г. германский фашизм окончательно сбросил маску и открыто предстал перед немецким народом в своем подлинно зверином обличье. В этот день был обнародован приказ Гитлера [249] о разрушениях при отступлении промышленных и транспортных сооружений, гражданских объектов, складов и т. д.

---

[246] Цит. по: *Розанов Г. Л.* Крушение фашистской Германии. М., 1963, с. 99, 103.

[247] Ausgewählte Dokumente..., Bd. III, Dok. 24.II 1945, S. 1—3.

[248] *Weissbecker M.* NSDAP, S. 429.

[249] *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма, т. 2. М., 1973, док. 177, с. 604.

Тактика «выжженной земли» была распространена теперь и на Германию. Фашистская клика решила подорвать самые основы существования немецкого народа и увлечь его за собой в небытие.

Но этот документ, вошедший в историю как «приказ Нерона», подрывал также экономическую базу германского империализма. Впервые за время существования фашистского режима действия нацистского руководства вступили в противоречие с интересами монополий. Шпеер через министерство вооружений и Гудериан через командование вермахта внесли изменения, значительно ослаблявшие приказ Гитлера. В Восточной Германии начавшие было его выполнение фанатичные офицеры и функционеры НСДАП натолкнулись на прямое сопротивление монополистов. 30 марта Гитлер пошел на уступки и предоставил Шпееру право производить разрушения по своему усмотрению [250].

Наряду со спасением своих богатств финансовая олигархия развернула разработку всеобъемлющих «планов на послевоенный период», которую монополии вели в централизованном порядке начиная с 1943—1944 гг. [251] Они стремились восстановить экономические контакты с фирмами западных держав, а также быстрее замаскировать свои связи с издыхавшим нацизмом гитлеровского толка. На это был направлен приказ от 8 апреля 1945 г. о разграничении функций партийного и государственного аппарата. Согласно приказу, высших нацистских функционеров следовало освобождать от государственных постов, с тем чтобы они ограничивались выполнением лишь партийных обязанностей. Это была попытка поставить у ключевых позиций управленческого аппарата людей, менее известных как ведущие нацисты.

Но, спешно порывая с нацизмом гитлеровского толка, монополисты отнюдь не намеревались похоронить нацизм навсегда. Наоборот, уже тогда они заботились о его дальнейшей судьбе. Особенно убедительно это доказывает состоявшееся еще 10 августа 1944 г. в Страсбурге секретное совещание крупнейших промышленников и финансистов, а также ведущих сотрудников министерств экономики, вооружения и военного производства, на котором была согласована программа проведения гигантской политико-экономической операции по переводу в нейтральные страны исследований и разработок, а также валютных фондов рейха и последующее их использование для возрождения нацистской партии после войны [252]. В этих целях 500 млн. долл. были тайно переведены в банки Швейцарии, Лихтенштейна, Португалии, Испании, Аргентины и других стран. Именно эти доллары являют-

---

[250] Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945. Dok. 150a — b, S. 258—260; *Thorwald J.* Das Ende an der Elbe. Stuttgart, 1959, S. 59—60.

[251] Анатомия войны, док. 258, 266, 271, с. 457—458, 467—469, 482—483.

[252] *Förster G.* Die antikommunistische Grundlinie in konzeptionellen Vorstellungen des deutschen Imperialismus und Militarismus für ein imperialistisches Nachkriegsdeutschlands.— «Zeitschrift für Militärgeschichte», 1970, H. 3, S. 294.

ся прочной финансовой базой для реакционных действий «черного интернационала» и других неофашистских организаций [253].

Путем кровавого террора и лживой антисоветской пропаганды нацисты вынудили население восточных районов Германии к эвакуации. Миллионы людей двинулись на запад. В то время как старики, женщины и дети умирали на дорогах от голода и холода, нацистские бонзы уходили в укрытия и готовились к подпольной деятельности или бежали, захватывая награбленные богатства [254].

Эвакуацию населения и разрушения пытались приостановить антифашисты. Жесточайший террор не сломил их. И в самые последние месяцы войны они проявили мужество и героизм. В январе 1945 г. возобновил работу берлинский комитет «Свободная Германия». Весной коммунисты города распространили листовку: «Берлинцы! Советская Армия у ворот Берлина!» Они призвали жителей препятствовать возведению баррикад и разрушению столицы. Антифашисты Лейпцига оказали содействие наступавшим американским частям. При поддержке местной группы «Свободная Германия» комендант г. Грейфсвальда сдал город советским войскам без боя. Антифашисты г. Гарциш-Партенкирхена разоружили местный отряд фольксштурма. Рабочие танкового завода Потсдама совместно с советскими военнопленными создали отряды самообороны и удерживали завод до подхода советских войск [255]. Но в целом, как пишут историки ГДР, «масса населения Германии оставалась до конца войны неактивной» [256].

Несмотря на успешное наступление советских войск по всему фронту, фашистская клика продолжала обманывать немецкий народ, уверяя, что «большевизм стоит перед решающим поражением в своей истории». А 20 апреля, в день рождения фюрера, громовые залпы советской артиллерии потрясли столицу рейха. Вечером в бункере имперской канцелярии состоялось последнее совещание политического и военного фашистского руководства. Было решено разделиться на три группы. Гитлер, Геббельс и Борман остались в бункере. Гиммлер и Риббентроп поехали в Шлезвиг для продолжения ранее начатых ими переговоров с западными державами. С этой же целью уехал в Берхтесгаден Геринг. Как крысы с тонущего корабля, тем же вечером разбежались из Берлина многочисленные нацистские функционеры.

Переговоры Гиммлера и Геринга скоро вышли из-под контроля Гитлера. Они пытались спасти свои шкуры, пожертвовав фюрером. Узнав об этом, Гитлер исключил Геринга из НСДАП и лишил всех чинов и званий. Так еще до окончательного краха фашистского режима развалилась нацистская верхушка. Характер-

---

[253] «Правда», 1974, 17 августа.
[254] *Блейер В.* и др. Указ. соч., с. 406—407.
[255] *Блейер В.* и др. Указ. соч., с. 407—412; *Бланк А. С.* Указ. соч., с. 341.
[256] Klassenkampf..., S. 479.

но, что монополистическая буржуазия через Гиммлера сделала последнюю попытку сохранить НСДАП под другим названием. В переговорах, которые с представителями западных держав вел Гиммлер через шведского графа Бернадотта, предусматривался роспуск НСДАП, включая СС, и замена ее новой «партией национального единства» [257].

Мощным и быстрым продвижением Советская Армия положила конец всем сепаратным переговорам и нацистским спекуляциям, рассчитанным на развал антифашистской коалиции. Огненное кольцо вокруг бункера имперской канцелярии сжималось. 30 апреля советские воины водрузили красное знамя над рейхстагом. В тот же день в страхе перед неминуемой грядущей расплатой покончил жизнь самоубийством Гитлер. Накануне кровавый маньяк написал политическое завещание [258], в котором все еще твердил о «победе» и призывал командование вермахта «усилить дух сопротивления солдат в национал-социалистском смысле». Своим «преемником» он назначил гросс-адмирала К. Деница. Назначенный министром по делам НСДАП Борман не смог приступить к своим обязанностям. 2 мая фашистские войска в Берлине капитулировали.

Дениц сформировал новое правительство во Флепсбурге. 2 мая он объявил об отмене закона о единстве партии и государства и заявил, что он создал «надпартийное правительство чиновников» [259]. Это было камуфляжем, поскольку в правительство вошли почти все бывшие нацистские министры, включая и ставленника монополий Шпеера. Решили пока не включать Гиммлера и Риббентропа, как «наиболее» скомпрометированных, хотя их и вызвали в Фленсбург.

2 мая 1945 г. приказом советского коменданта Берлина генерала Берзарина деятельность НСДАП была запрещена. 8 мая 1945 г. был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. Фашистский режим потерпел позорный крах. 4 июня 1945 г. уже переставшая существовать НСДАП была формально распущена. 1 октября 1946 г. Международный Военный Трибунал в Нюрнберге признал ее руководящий состав преступной организацией. Те из нацистской верхушки, которые не кончили жизнь самоубийством, были повешены или осуждены на пожизненное или длительное тюремное заключение.

Двадцатипятилетняя история национал-социалистской партии на службе монополистического капитала наполнена неисчислимыми страданиями и гибелью миллионов людей. Германо-фашистский вариант господства государственно-монополистического капитализма показал народам всего мира, к каким страшным и кровавым методам прибегает империализм во имя получения при-

[257] *Bullock A.* Hitler. Eine Studie über Tyrannei. Düsseldorf, 1954, S. 835.
[258] Ausgewählte Dokumente..., Bd. III, Dok. 29.IV 1945, S. 1—2; *Безыменский Л.* Конец одной легенды. М., 1972, с. 75—127.
[259] *Dönitz K.* Zehn Jahre und zwanzig Tage. Bonn, 1958, S. 445.

былей и достижения мирового господства. По подсчетам историков ГДР, только во время второй мировой войны германские монополии получили чистых прибылей 60—70 млрд. рейхсмарок [260]. На этих суммах кровь 55 млн. убитых, 35 млн. раненых, 11 млн. замученных в концлагерях — людей разных стран и народов. На них кровь 6,5 млн. немцев, погибших на фронтах войны [261], а также сотен тысяч замученных в тюрьмах, концлагерях, во время террористических акций. На них кровь 6 млн. убитых и замученных евреев. На них пот и кровь 14 млн. насильственно угнанных со всей Европы и работавших в каторжных условиях фашистской Германии людей [262].

В годы второй мировой войны германо-фашистский империализм обнажил перед всем миром свой звериный облик. Никогда еще в истории человечества так цинично и хладнокровно не планировалось уничтожение целых народов и никогда еще так методично и скрупулезно зловещие планы не приводились в исполнение. Самые страшные, самые изуверские методы истребления людей применяли немецкие фашисты. Бесчеловечные пытки, газовые камеры, массовые расстрелы у специально вырытых рвов, сжигание вместе с людьми целых деревень, зверское истребление военнопленных, уничтожение людей голодом и «посредством работы» на предприятиях немецких военных и других концернов, сооружение рассчитанных на определенную «мощность» фабрик смерти, впрыскивание специальных препаратов для лишения людей воли, разума, всевозможные иные садистские опыты над людьми и многие, многие другие страшные изуверские акции принес миру свирепый германский фашизм. Особенно изощренные зверства нацисты осуществляли на временно оккупированной территории СССР. С особым садизмом истребляли они славянское и еврейское население. Реками человеческой крови, слез, страданий и горя, уничтожением огромных материальных ценностей, созданных трудом многих поколений, заплатило человечество за прибыли германо-фашистского империализма, за его алчные притязания на мировое господство. Германо-фашистский вариант государственно-монополистического капитализма — наиболее страшное проявление сущности загнивания империализма и тех форм, к которым оно приводит в условиях общего кризиса капиталистической системы.

Фашистский режим в Германии не выдержал военно-политического и идеологического столкновения с могучей страной социализма, поддержанной народами и правительствами союзных государств, свободолюбивыми народами всей планеты.

---

[260] Анатомия войны, с. 52.
[261] Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945. Dok. 151, S. 263.
[262] *Блейер В.* и др. Указ. соч., с. 185, 188.

Глава седьмая

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ УТВЕРЖДЕНИЯ ФАШИЗМА В ИСПАНИИ

ЗАРОЖДЕНИЕ ИСПАНСКОГО ФАШИЗМА

Испания вступила в эпоху империализма экономически отсталой, с грузом пережитков феодализма, и это прошлое предопределило особую остроту проявления здесь общего кризиса капитализма.

Весь XIX в. в Испании прошел под знаком борьбы за упрочение капиталистического строя, тем не менее после пяти революций важнейшие буржуазно-демократические преобразования не были завершены, сохранились латифундии, и землевладельческая олигархия продолжала играть доминирующую роль в политике. Государственный аппарат, церковь и армия пополнялись в основном выходцами из этого социального слоя.

В начале XX в. появились первые монополистические объединения. Испанское государство, заинтересованное в сохранении экономических и политических позиций латифундистов, в своих попытках вырвать страну из тисков отсталости прибегло к политике «приручения» и покровительства крупной буржуазии, заключавшейся в размещении заказов, предоставлении субсидий и иных льгот. Это предопределило своеобразный политический компромисс между латифундистами и крупной буржуазией и наложило специфический отпечаток на взаимоотношения между монополистами и теми капиталистами, на которых не распространялась система государственного покровительства. Однако противоречия внутри господствующих классов затухали, а порой и отступали на задний план перед лицом движения народных масс за политические и социальные преобразования.

1917 год положил начало невиданному в истории страны подъему рабочего и крестьянского движения, усилившемуся под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции. Испанская монархия оказалась не в состоянии справиться с революционным движением. Поиски путей спасения монархии привели реакционные силы к военной диктатуре.

На протяжении XIX в. армия неоднократно вмешивалась в общественную и политическую жизнь страны; в эпоху же общего кризиса капитализма неограниченная власть военных представлялась помещичьей олигархии и испанскому монополистическому

капиталу спасением. 13 сентября 1923 г. в результате переворота, совершенного под руководством генерала Мигеля Примо де Ривера, была установлена военно-монархическая диктатура.

По образному выражению американского историка Д. Рэтклифа, генерал пытался остановить часы политической истории Испании [1]. Но уже к концу 20-х годов стало очевидным, что эта попытка не удалась: диктатура оказалась не в состоянии справиться с глубоким недовольством, охватившим широкие слои испанского общества. Начавшийся тогда экономический кризис способствовал падению и без того невысокого жизненного уровня трудящихся, массовому разорению мелкой буржуазии. «Примо де Ривера продержался у власти семь лет благодаря чудесам эквилибристики: он пугал короля армией и армию королем и их, вместе взятых, политической и социальной революцией» [2]. И когда на горизонте появились первые грозные признаки приближения революции, механизм политической эквилибристики стал разлаживаться. Даже те классы, которые находились у власти в период диктатуры — финансовая олигархия и помещики, давно уже недовольные тем, что режим Примо де Ривера углублял социальные противоречия, в страхе перед дальнейшим ростом массового протеста решили пожертвовать диктатурой и вернуться к конституционной монархии. Диктатура Примо де Ривера вызвала гнев и неприязнь в самых широких слоях населения. Падение Примо де Ривера 28 января 1930 г. усилило движение за политические свободы и буржуазно-демократические преобразования. Если до этого испанский народ причиной своих бед считал диктатуру, то с ее ликвидацией все возрастающая ненависть народных масс обратилась против монархии: в грядущей республике они видели избавление ото всех зол.

12 апреля в большинстве крупных городов Испании до 70% избирателей проголосовало на муниципальных выборах за республиканский блок, в стране была провозглашена республика. Испанская монархия пала без единого выстрела, республиканский переворот свершился без насилия. Вечером 14 апреля было образовано временное правительство, в которое вошли правые республиканцы Н. Алькала Самора и М. Маура, радикалы А. Леррус и Д. Мартинес Барриос, радикал-социалисты М. Доминго и А. де Альборнос, социалисты Ф. Ларго Кабальеро, И. Прието, Ф. де лос Риос и представители национальных партий Каталонии и Галисии Н. д'Ольвер и С. Касерес Кирога [3]. Однако после бескровного свержения монархии Испания знала очень немного мирных дней. Рождение республики не только вызвало к жизни, небыва-

---

[1] *Ratcliff D.* Prelude to Franco. New York, 1957. p. 2.

[2] «Boletin decenal Estado Mayor central del Ministerio de Defensa nacional», 1938, N 37.

[3] Подробнее о падении монархии см.: Испания. 1918—1972. Исторический очерк. М., 1975, с. 56—66.

лую политическую активность народных масс, но и побудило к консолидации правые реакционные силы.

Первые фашистские группы в Испании, возникшие после установления республики, были одними из многих, и притом не самыми сильными, в числе прочих организаций испанской контрреволюции. Их предшественниками были группы литераторов крайне националистического толка, проявлявшие откровенный интерес к теории и практике германского и итальянского фашизма. Они группировались в первую очередь вокруг «Ла Насьон» и «Ла конкиста дель Эстадо», издававшихся Рамиро Ледесма Рамосом, 26-летним философом, сыном школьного учителя из Саморы.

14 марта 1931 г. в первом номере «Ла конкиста дель Эстадо» был опубликован политический манифест, где единомышленники Ледесмы Рамоса впервые публично объявили о своих целях. Положения этого манифеста легли в основу всех последующих программных документов испанского фашизма: «Государство должно быть облечено всей полнотой власти... Искоренение теории и практики марксизма — веление нашей эпохи. Коммунистическому обществу и государству мы противопоставляем ценности общества, построенного по принципу иерархии, национальную идею и эффективную экономику. Утверждение ценностей испанизма. Синдикальная структура экономики... Применение методов прямого действия (acción directa) против старого государства и старых политико-социальных групп старого режима» [4].

На страницах газеты «Либертад» 13 июня 1931 г. заявила о своем существовании Кастильская хунта испанского действия, созданная Онесимо Редондо. Хунта обратилась с призывом бороться за «Испанию великую и действительно свободную». О. Редондо незадолго до апрельской революции провел год в университете Маннгейма в качестве ассистента его испанского отделения и находился под влиянием немецких национал-социалистов. Со сторонниками Ледесма Рамоса Кастильскую хунту объединяли антимарксизм, крайний национализм и стремление создать надежную преграду революции [5]. Несмотря на существенные расхождения в отношении к католической церкви и месту христианской религии в системе общественных ценностей (Р. Ледесма Рамос был антиклерикал, а О. Редондо — ревностный католик), обе группы приняли решение о слиянии, о чем и было объявлено на страницах «Ла конкиста дель Эстадо» 10 октября 1931 г. Вновь созданная организация стала называться Хунта наступления национал-синдикализма (ХОНС). Как было объявлено в одном из первых программных документов, так называемых «16 пунктах Вальядолида», ХОНС видела свою цель в достижении полного единства Испании (имелось в виду подавление всех тенденций к

[4] Цит. по: *Alvarez Puga E.* Historia de la Falange. Barcelona, 1969, p. 18—19.

[5] *Alvarez Puga E.* Op. cit., p. 24—25.

автономии, прежде всего в Каталонии.— *Авт.*), в замене парламентского режима авторитарным, уважении религиозных традиций, во внешней экспансии, уничтожении марксизма, и, наконец, давалось туманное обещание «передать богатства в пользу нации, что будет осуществлено синдикатами под покровительством государства» [6].

Ячейки ХОНС были двух родов — синдикалистские и политические. Первые состояли из 10 членов и строились по профессиональному принципу, вторые насчитывали до 100 представителей разных профессий.

Многое в пропаганде и символике ХОНС объединяло эту организацию с прочими испанскими правыми: идеализация традиционных «испанских ценностей», восхищение Испанией времен католических королей Изабеллы и Фердинанда, призывы к «национальному единству», ненависть к «либерализму», апрельской республике и рабочим организациям марксистской ориентации. Но были и определенные отличия. Ледесма Рамос, ярый приверженец Гитлера и Муссолини, рвался перенести идеи и практику германского и итальянского фашизма на испанскую почву. Это не помешало «первому фашисту» заимствовать некоторые программные установки и у испанского анархизма и анархо-синдикализма. В своих работах, прежде всего в книге «Фашизм ли в Испании?» [7], он выдавал себя за сторонника передачи средств производства синдикатам производителей, выразив при этом надежду, что рабочие, объединенные в синдикаты, «возродят страну». Приемлемыми для ХОНС оказались методы прямого действия, включая индивидуальный террор и некоторые иные тактические установки анархистов и анархо-синдикалистов. Однако в отличие от анархо-синдикализма хонсисты превозносили беспрекословное повиновение государственной власти. Именно государство должно было осуществлять верховное руководство синдикатами производителей, что, по мнению хонсистов, не могло не привести к окончательному искоренению классовой борьбы, которую хонсисты объявили «незаконной». Не свойственны были испанскому анархо-синдикализму и крайний национализм, и восхищение имперским прошлым Испании [8].

ХОНС избрала для себя знамя из трех полос — красно-черно-красное. Символом ХОНС были изображенные в виде креста стрелы и ярмо (знак был заимствован из герба католических королей). Символика ХОНС, а также лозунги — «Арриба» («Возвысься») и «Испания — единая, великая и свободная» — позднее прочно вошли в арсенал испанского фашизма.

По признанию Ледесма Рамоса, «на протяжении всего 1932 г.

---

[6] Цит. по: *Alvarez Puga E.* Op. cit., p. 26.

[7] *Lanzas P.* ¿ Fascismo en España? (Sus origines, su desarrollo, sus hombres). Madrid, 1935. Роберто Ланзас — псевдоним Р. Ледесма Рамоса.

[8] На последнее обращает внимание Э. Нольте.— *Nolte E.* Der Faschismus von Mussolini zu Hitler. München, 1968, S. 225.

активность ХОНС была равна нулю» [9]. Первые испанские фашистские группы оказались в политическом вакууме. Им не удалось заинтересовать своей программой те слои, во имя сохранения экономических и политических позиций которых они действовали.

Провозглашением республики революция в Испании не окончилась, а скорее началась. Надежды правых республиканцев, выражавших интересы известной части крупной буржуазии и латифундистов, на то, что им удастся, используя Учредительные кортесы, контролировать и направлять политические процессы, не оправдались.

Возраставшая день ото дня политическая активность самых широких масс, прежде всего пролетариата, придавала силы депутатам Учредительных кортесов от левореспубликанских и социалистических партий, располагавших 53% мандатов, не только в борьбе с монархистами, но и в борьбе с правыми республиканцами и радикалами. Испанские банкиры и аграрии-латифундисты, экономическая мощь которых не была сколько-нибудь серьезно поколеблена революцией, с беспокойством взирали на бурную законодательную деятельность республиканских кортесов, опасаясь, как бы за весьма решительными словами не последовали в будущем столь же решительные действия.

Конституция 1931 г., о которой Алкалá Самора, правый республиканец, еще недавно признанный лидер республиканской коалиции, сказал, что она «призывает к гражданской войне» [10], особенно ее 44-я статья, казалось, оправдывала тревогу воротил финансового капитала и землевладельческой аристократии. В этой статье речь шла о том, что «имущество всякого рода может быть объектом принудительной экспроприации ради общественного блага за справедливое вознаграждение, если только не будет постановлено иначе законом, одобренным кортесами абсолютным большинством голосов» [11].

Саботируя законодательство республики, латифундисты и финансовые магнаты готовились к сокрушению республиканского строя. Однако на первых порах испанская реакция игнорировала немногочисленных хонсистов, предпочитая правые партии, не отвергавшие принципа парламентаризма. Еще не было предано забвению бесславное крушение диктатуры Примо де Ривера, ликвидировавшей парламентские учреждения и систему политических партий. К тому же антикапиталистическая фразеология, экстравагантная, нарочито плебейская манера поведения хонсистов не укладывались в представления испанских правых о том, как должны выглядеть те, кто призван обеспечить столь желанный для них «порядок».

---

[9] Цит. по: *Payne S.* Falange. A History of Spanish Fascism. Oxford, 1962, p. 19.

[10] Цит. по: *Pla J.* Historia de la Segunda Republica Española, v. 2. Barcelona, 1940—1941, p. 6.

[11] Constitución de la Republica Española. Madrid, 1931, art. 44.

Большим престижем в стане врагов республики пользовалась правая клерикальная организация «Народное действие», основанная издателем католической газеты «Эль Дебате» А. Эррерой, впоследствии епископом Малаги. «Национальное действие» не было политической партией в прямом смысле. Подобно бельгийскому Союзу католиков, служившему А. Эррере моделью, это был скорее блок разного рода организаций буржуазии, аграриев, профсоюзов и католических ассоциаций. Х. М. Хиль Роблесу, профессору Саламанкского университета и депутату кортесов, к которому осенью 1931 г. с согласия А. Эрреры перешло лидерство в «Народном действии», так и не удалось придать организации характер политической партии с единой программой. Не было единомыслия даже по вопросу о характере будущей государственной власти. Сам А. Эррера считал вопрос о монархической или республиканской форме правления несвоевременным, рассматривая в качестве основных целей движения ревизию конституции, роспуск Учредительных кортесов, новые выборы, предполагаемые итоги которых должны были покончить с «диктатурой» социалистов и масонов.

Знамя «Национального действия», по образному выражению самого Эрреры, было «знаменем негативных постулатов» [12]. Но основной объединяющей этот разнородный блок «идеей» был призыв защитить церковь и Испанию от «безбожников». И призыв находил отклик. Воинствующий антиклерикализм, пронизывавший всю политическую программу левых республиканцев и воплотившийся в 26-ю статью конституции, провозгласившую отделение церкви от государства, роспуск иезуитского ордена, запрещение всем религиозным орденам заниматься промышленностью, торговлей и преподаванием, не мог не привести к отрицательным для судеб республики последствиям в такой стране, как Испания, большинство крестьянского и часть городского населения которой были глубоко верующими, веками воспитанными в сознании того, что католическая церковь является опорой страны.

Сменив название «Национальное действие» на «Народное действие», блок клерикальных организаций, возглавляемый Х. М. Хиль Роблесом, пройдя серию реорганизационных мероприятий, после мадридского съезда в марте 1933 г. стал называться Испанской конфедерацией автономных правых — СЭДА. Организации, вошедшие в СЭДА, провозгласили своей задачей защиту чувств и интересов католиков от антиклерикальных намерений кортесов. Конкретная экономическая программа у СЭДА практически отсутствовала, поскольку трудно было найти нечто общее в экономических идеалах крупных помещиков Кастилии, мелких крестьян-собственников Севера и немногочисленных в то время католических профсоюзов и кооперативов, также преиму-

[12] Подробнее см.: *Пономарева Л. В.* Апрельская республика (1931—1933 гг.).— В кн.: Испания. 1918—1972, с. 104—105.

щественно северных провинций. Хиль Роблес и другие руководители СЭДА в своих публичных выступлениях ограничивались, как правило, пропагандой общих принципов, встречавшихся почти в любых течениях социал-католицизма 30-х годов,— защиты религии, отечества, семьи, порядка и собственности. В то же время аморфный характер СЭДА способствовал тому, что со временем она обросла большим числом фашиствующих организаций.

В отличие от СЭДА, не отрицавшей принципов парламентарно-представительной системы и придерживавшейся легальных методов борьбы, в лагере правых все возраставшим влиянием в тот период пользовались партии и организации с ярко выраженными авторитарными тенденциями. Наиболее архаичной среди них была «Коммунион традиционалиста», объединявшая сторонников карлистского претендента, для которой даже форма монархии, существовавшая до апреля 1931 г., была неприемлемой, так как была «осквернена» парламентаризмом. В начале 1933 г. монархисты создали партию «Испанское обновление», и хотя формально руководителем ее был А. Гойкоэчеа, фактическое лидерство принадлежало находившемуся в эмиграции Х. Кальво Сотело, министру экономики Примо де Ривера. Весьма примечально, что в рядах этой организации был Э. Аунас, признанный основатель корпоративной системы периода диктатуры. «Испанское обновление», будучи элитарной организацией, не ставившей перед собой цели завоевания на свою сторону масс, была одной из первых, кто установил тесный контакт с реакционными группировками в армии, тем более что армия оказалась той силой в лагере реакции, которая первой вступила на путь внепарламентской борьбы с республикой.

К моменту установления республики испанская армия по технической оснащенности была одной из самых отсталых в Европе. Выступая в кортесах 30 июля 1931 г., военный министр временного правительства Асанья разъяснил суть военной реформы и объявил, что армия должна быть модернизирована, а ее офицерский состав сокращен. Это дало бы немалую экономию и свело бы к нулю преторианский характер армии, который начал складываться еще в эпоху наполеоновских войн. В континентальной Испании согласно реформе должны были остаться 7600 офицеров (на 105 тыс. солдат), в марокканских войсках — 1700 офицеров (на 42 тыс. легионеров). Число генерал-майоров было сокращено до 20, бригадных генералов — до 64, а чин генерал-лейтенанта упразднен [13]. Асанье не удалось полностью осуществить задуманное. Он успел только частично сократить офицерский корпус. Умелая агитация среди почитающих себя ущемленными офицеров и давняя преторианская традиция способствовали быстрому созреванию антиреспубликанского заговора, во главе которого вста-

[13] См.: *Hills G.* Franco. The Man and his Nation. New York, 1967, p. 170, 192.

ли представители высшей военщины: Баррера и Кавальканти — в Мадриде, Санхурхо — в Севилье, Понте — в Вальядолиде, Гонсалес Карраско — в Гренаде, Варела — в Кадисе [14]. Душой заговора был Санхурхо. Мятеж начался рано утром 10 августа 1932 г. в Мадриде и Севилье. В Мадриде мятежники были рассеяны несколькими залпами штурмовой гвардии, и уже в 7 часов утра в столице было спокойно. Лишь в Севилье, где весь гарнизон перешел на сторону Санхурхо, мятежникам удалось продержаться два дня. Санхурхо надеялся найти спасение в Португалии, но был арестован между Кадисом и Уэльвой.

Руководители мятежа, полагаясь только на армию, не имели конструктивной программы. Не заботясь о каком-либо идеологическом прикрытии заговора, Санхурхо в манифесте к жителям Севильи ограничился обещанием «покончить с тревогой, которая за один год принесла такой огромный моральный и материальный ущерб стране» [15].

Неудача верхушечного пронунсиаменто заставила те реакционные силы, которые стояли за внепарламентские методы борьбы с революционным и демократическим движением, обратить внимание на необходимость поиска идеологического прикрытия и путей обеспечения поддержки более или менее значительных слоев населения.

Приход Гитлера к власти пробудил интерес испанских правых к сущности и целям фашизма. Особое впечатление производило на них подавление германского рабочего движения и разрушение структуры буржуазно-парламентского строя. О пристальном внимании правых к опыту германского и итальянского фашизма свидетельствуют публичные выступления, статьи и книги Р. Маэсту, Э. Аунаса, Х. Кальво Сотело, А. Гойкоэчеа и др.[16] Весной 1933 г. за организацию фашистской партии взялся Хосе Антонио Примо де Ривера, старший сын покойного диктатора. Свою политическую карьеру он начал в мае 1930 г. на посту вице-секретаря Национального союза монархистов. В этой организации было немало соратников и единомышленников его отца, да и сам он в политическом манифесте, с которым выступил как «независимый кандидат» на частичных выборах в октябре 1931 г., объявил: «У меня только одна цель, во имя которой я хочу быть в Учредительных кортесах: защищать священную память моего отца» [17]. Примо де Ривера очень скоро разочаровался в идеалах и образе действия своей организации, результатом был конфликт и последующий разрыв.

Переговоры о создании и финансировании фашистской партии Х. А. Примо де Ривера вел с последователями своего отца, дея-

[14] «El Socialista», 11, 16.VIII 1932.
[15] Цит. по: *Alvarez Puga E.* Op. cit., p. 30.
[16] См.: *Robinson R.* The Origins of Franco's Spain. The Right, the Republic and Revolution, 1931—1936. London, 1970, p. 222, 366—367.
[17] Цит. по: *Alvarez Puga E.* Op. cit., p. 30.

телями испанского финансового мира, с приверженцами крайних направлений националистической идеологии и откровенными почитателями Гитлера и Муссолини. Однако у представителей испанского делового мира, интересовавшихся фашистским движением, которое, впрочем, они предпочитали именовать «националистическим», личность самого Примо де Ривера вызывала мало энтузиазма [18]. Они полагали, что фашистский лидер должен быть «человеком из народа», каким пропаганда правых представляла Муссолини, или «бывшим фронтовиком», как Гитлер. Хосе Антонио Примо де Ривера — маркиз, выходец из традиционной офицерской семьи, журналист и юрист (он был членом коллегии адвокатов Мадрида), человек «чересчур интеллектуальных занятий», по их мнению, явно не годился в лидеры, хотя ни у кого не вызывало сомнения, что сын бывшего диктатора был яростным врагом апрельской республики.

16 марта 1933 г. Примо де Ривера выпускает первый и последний номер газеты с примечательным названием «Эль Фасцио». В подготовке этого номера принимал участие и лидер ХОНС Р. Ледесма Рамос. После запрещения «Эль Фасцио» Примо де Ривера продолжал пропаганду своих взглядов: на страницах «АВС» была опубликована его «дружеская полемика» с издателем газеты Лука де Тена. Уже в первом «письме» прослеживается симпатия к германскому нацизму и содержатся положения, характерные для всей последующей пропаганды испанского фашизма: «В противоположность марксизму, который признает как догму борьбу классов, и в противоположность либерализму, который неизбежно связан с борьбой партий, фашизм утверждает, что есть нечто выше партий и выше классов, нечто изначально неизменное, трансцендентное, высшее: историческая общность, называемая родиной» [19].

Социальный адрес обращения Примо де Ривера сомнения не вызывает — это прежде всего буржуазные и мелкобуржуазные слои, напуганные размахом классовой борьбы в первые годы республики. Хотя конституция 1931 г. и вытекавшее из нее рабочее законодательство подняли правовое положение испанского пролетариата до статуса рабочего класса развитых буржуазно-демократических стран Европы, жизненный уровень трудящихся города и деревни продолжал оставаться низким. Из-за саботажа предпринимателей социальное законодательство в значительной степени оставалось на бумаге. Министерство труда, по собственному признанию возглавлявшего это министерство социалиста Ф. Ларго Кабальеро, зачастую оказывалось бессильным «заставить власти на местах выполнять социальное законодательство» [20].

Тяжелое положение рабочего класса усугублялось последствиями экономического кризиса, достигшего в Испании наибольшей

[18] См.: *Payne S.* Op. cit., p. 32.
[19] Цит. по: *Alvarez Puga E.* Op. cit., p. 33.
[20] XIII Congreso del partido socialista obrero español. Madrid, 1934, p. 287.

глубины в конце 1932 и в первой половине 1933 г. Общий индекс промышленной продукции упал до 84,4% уровня 1929 г.[21] Особенно тяжело были поражены кризисом отрасли, тесно связанные с мировым рынком,— горное дело и угольная промышленность. В Астурии в ноябре 1932 г. из 50 тыс. шахтеров без работы остались 30 тыс.[22] Все это вело к росту забастовочной борьбы. По далеко не полным данным официальной статистики, общая численность бастующих увеличилась с 269 104 человек в 1932 г. до 843 303 — в 1933 г. В забастовках все более активное участие принимали организации Всеобщего союза трудящихся, руководимого социалистами, несмотря на то что центральное руководство партии и союза по-прежнему отрицательно относилось к стачечной борьбе и пыталось убедить находившихся под их влиянием рабочих возложить все свои надежды на законодательство, на деятельность министерства труда и смешанных арбитражных комиссий.

Известную роль в усилении стачечной активности сыграл рост влияния на рабочий класс коммунистической партии, прежде всего в Севилье и Басконии. Вопреки воле лидеров анархосиндикалистской Национальной конфедерации труда и Всеобщего союза трудящихся к концу 1932 г. забастовки, проводимые на основе единства действий, становятся заметным явлением: 14 ноября 1932 г. во всеобщей забастовке в Астурии и Севилье приняли участие коммунисты, члены НКТ и ВСТ [23]. Обещание исключить классовую борьбу и порожденные ею тревоги из жизни общества должно было, по замыслу Примо де Ривера, привлечь к фашизму внимание буржуазных кругов, жаждущих политической и социальной стабильности. Этой же цели служила и критика «либерализма и порожденной им борьбы партий», иными словами, парламентской системы и буржуазно-демократических институтов.

Надежды правых республиканцев, представлявших интересы буржуазии и либеральных помещиков, на создание республики, приемлемой для так называемых элементов порядка, оказались тщетными. Нарастание волны политической активности широких народных масс и средних слоев города и деревни, их дальнейшая радикализация обеспечили относительно демократический состав Учредительных кортесов, избранных в июне 1931 г.

Обсуждение проекта конституции выявило острые разногласия во временном правительстве. 14 октября 1931 г., на следующий день после принятия 26-й статьи конституции, провозгласившей отделение церкви от государства, Алькалà Самора и Мигель Маура, убежденные католики, подали в отставку, вызвав тем самым правительственный кризис.

Новое правительство, куда не вошел ни один представитель правой республиканской партии и в котором 6 портфелей из 11

[21] «España economica y financiera», 13.I 1934.
[22] «El Socialista», 15.XI 1933.
[23] «El Socialista», 15.XI 1932.

принадлежали левым республиканцам и социалистам, возглавил левый республиканец М. Асанья. Позже, уже на основе конституции, 13 декабря 1931 г. Асанья сформировал первое «нормальное» правительство, куда не были включены не только правые республиканцы, но и радикалы, представлявшие среднюю промышленную буржуазию. И хотя материальная база экономической олигархии — крупной финансовой и промышленной буржуазии и помещиков — практически осталась нетронутой законодательством республики, что позволило безнаказанно осуществлять экономический саботаж [24] и тормозить выполнение законодательства республики, прежде всего социального, деятельность кортесов, характер создаваемых на основе конституции 1931 г. республиканских учреждений вызывали резкое недовольство правых, а в ряде случаев привели к девальвации всей системы парламентских институтов в их глазах.

Вскоре после подавления мятежа Санхурхо, когда новый подъем рабочего движения парализовал на какой-то срок оппозицию правых, в кортесах 9 и 10 сентября 1932 г. были приняты закон об аграрной реформе и «Каталонский статут», предоставивший Каталонии права автономной области [25]. И хотя эти законы не привели к полному и удовлетворительному разрешению аграрной и национальной проблем, они способствовали дальнейшему усилению недовольства правых. Установленная в апреле 1931 г. республика не обеспечила политической устойчивости, как ее понимали буржуазия и помещичья олигархия. СЭДА и радикалы усилили борьбу за изменение состава кортесов в целях придания республике и ее учреждениям более консервативного характера. Те силы в лагере правых, которые пришли к отрицанию самой системы парламентаризма, в начале 1933 г. были относительно немногочисленны, но их ряды росли, и именно к ним апеллировал Хосе Антонио Примо де Ривера.

Еще в таком раннем документе, как письмо к Лука де Тена, Примо де Ривера показал себя убежденным врагом марксизма. По признанию его последователей, антимарксизм был «определяющим аспектом в системе мышления хосеантонионизма» [26].

К моменту установления республики Коммунистическая партия Испании, только что вышедшая из подполья, насчитывала всего 800 человек. И хотя после IV съезда партии (март 1932 г.) в результате последующей перестройки работы начался значительный рост ее рядов, в рассматриваемый период влияние компартии и ее идеологии на рабочее движение Испании не было определяющим. Враждебность к марксизму Примо де Ривера, как

---

[24] Как следует из выступления С. Альба в кортесах, к началу осени 1931 г. большинство банков потеряло свыше 50% своих авуаров.— «El Socialista», 18.IX 1931.

[25] «El Socialista», 9, 10.IX 1932.

[26] Breve Antologia de Jose Antonio Primo de Rivera. Libro azul. Barcelona, 1971, p. 10.

и основателей ХОНС, была реакцией не столько на события в Испании, сколько на процессы в мире, порожденные общим кризисом капитализма. В воинствующем антимарксизме Примо де Ривера явно прослеживается попытка предвосхитить события и предотвратить рост влияния революционной идеологии на широкие массы испанского пролетариата.

23 апреля 1933 г. состоялись муниципальные выборы, на которых партии правительственной коалиции получили всего 5048, а монархисты-аграрии — 4029 мандатов из 19 068; 2479 мест досталось радикалам [27]. Результат выборов в известной степени отразил недовольство значительных слоев населения антиклерикальным законодательством, умело использованное правыми, а также крушение надежд деревни на коренное изменение порядка землепользования в интересах низов. Вскоре после муниципальных выборов фашистские группки усилили свою активность. 14 июля 1933 г. был совершен налет на помещение Общества друзей Советского Союза в Мадриде. Погромщики оставили на стене циркуляр ХОНС [28]. Это был не единственный случай нападения хонсистов на помещения демократических организаций, однако он, по-видимому, был той каплей, которая переполнила чашу терпения. В ответ на требования многочисленных рабочих и демократических организаций Главное управление безопасности республики арестовало несколько десятков лиц, подозреваемых в симпатиях к фашизму, в том числе и Хосе Антонио Примо де Ривера. После выхода из тюрьмы Примо де Ривера и его единомышленники продолжили работу по вербовке своих сторонников. В октябре 1933 г. он посетил Муссолини, который весьма одобрительно отнесся к планам создания фашистской организации в Испании. По возвращении из Рима Примо де Ривера заявил, что фашизм является по существу традиционалистским движением, и если в Италии он обращен к традициям Римской империи, то в Испании он будет взывать к традициям Испанской империи [29].

ИСПАНСКАЯ ФАЛАНГА В ДЕЙСТВИИ

На совещании в Сан-Хуан де Лус, в котором участвовали Руис де Альда и Ансальдо, Примо де Ривера окончательно договорился о создании партии испанского фашизма. Начало деятельности этой партии относится к 29 октября 1933 г. В этот день в мадридском театре «Комедиа» собрались на митинг желающие вступить в фашистскую партию, а также сочувствующие движению члены правых партий — всего 2 тыс. человек.

---

[27] Anuario estadistico de España. Ano 1934. Madrid, 1935, p. 651; «El Socialista», 25.IV 1933.
[28] «El Sol», 15.VII 1933.
[29] См.: *Primo de Rivera J. A.* Textos inedites y epistolario. Madrid, 1956, p. 140—149.

Официально сборище в театре «Комедиа» называлось «национальное утверждение». Во вступительной речи, произнесенной Примо де Ривера в привычном для него тоне возвышенной риторики, содержался набор весьма поддержанных «откровений», заимствованных у разного рода фашистских идеологов Германии и Италии. Всю речь Примо де Ривера пронизывали воинствующий национализм, превозношение «традиционных» испанских ценностей, да и сама система его классификации явлений и событий была более типична для традиционализма, нежели для фашизма. И хотя оратор претендовал на то, что создаваемая им партия, которую он определил как антипартию, не будет ни левой, ни правой, многие высказанные им положения, прежде всего постулат антипарламентаризма, совпадали с программными установками крайне правых течений антиреспубликанского лагеря. Примо де Ривера разъяснил присутствовавшим, что политические партии — нечто чуждое самой природе человека и что создаваемая им организация полна решимости их отменить [30]. Оратор, хотя и обвинил «экономический либерализм» во многих бедах, не злоупотреблял антикапиталистической фразеологией, как это было свойственно лидерам ХОНС, что обеспечило его речи благосклонный прием и в тех кругах консервативного лагеря, которые с некоторым недоверием относились к псевдорадикальной демагогии хонсистов.

«Аксьон Эспаньола», крайне реакционный журнал монархического толка, восторженно откликнулся на речь Примо де Ривера, назвав оратора «тем, кто поднял знамя». Но монархисты, прежде всего сторонники Альфонса XIII, оказали фашистскому движению не только моральную поддержку. «Испанское возрождение» ассигновало из партийных фондов 100 тыс. песет на создание фаланги [31].

На первом заседании исполнительного комитета 2 ноября 1933 г. новая фашистская партия получила название «Испанская фаланга». Первоначальное предложение Примо де Ривера дать партии название «Испанский фашизм» было отвергнуто под тем предлогом, что оно взято из «вторых рук». Однако, несомненно, истинная причина отказа заключалась в том, что в Испании осенью 1933 г. само слово «фашизм» было одиозным и вызывало ненависть масс.

Лидеры ХОНС присутствовали на митинге в театре «Комедиа», и хотя уклон Примо де Ривера в сторону традиционализма вызвал у них отрицательную реакцию, они в течение ноября — декабря 1933 г. продолжали укреплять контакты с фалангой, установившиеся еще во время личной встречи Примо де Ривера и Ледесмы Рамоса весной того же года в Сан-Себастьяне. Немногочисленность, отсутствие влияния среди более или менее

[30] *Primo de Rivera J. A.* Obras completas. Madrid, 1942, p. 17—28.
[31] *Robinson R.* Op. cit., p. 331.

значительных слоев населения толкали лидеров фашистских групп к объединению.

13 февраля 1934 г. Национальный совет ХОНС принял решение о слиянии с фалангой. Само слияние произошло 4 марта того же года, объединенная партия стала называться «Испанская фаланга и ХОНС». Все эмблемы, изобретенные в свое время Ледесмой, были официально приняты новой организацией: красно-черный флаг, знак ярма и стрел, девизы «Арриба» и др. Билет с номером первым был, по предложению Примо де Ривера, выдан Ледесме Рамосу [32]. Вновь созданную организацию возглавлял триумвират — Х. А. Примо де Ривера, Р. де Альда, Р. Ледесма Рамос. Цели и методы «Испанской фаланги и ХОНС» были опубликованы в апрельском номере журнала ХОНС и определялись следующим образом: «Единение родины. Прямое действие. Антимарксизм. Антипарламентаризм». И, наконец, весьма туманное намерение произвести «экономическую революцию, которая даст избавление крестьянам, рабочим и всем мелким производителям» [33].

Но «идиллия» продолжалась недолго. Среди руководителей объединенной фаланги не было полного единомыслия. Псевдорадикальная и антиклерикальная фразеология бывших лидеров ХОНС не встречала одобрения у Примо де Ривера. Для многих бывших хонсистов, выходцев из мелкобуржуазных и люмпенпролетарских слоев, новая фаланга представлялась «чрезмерно насыщенной «сеньоритос» (барчуками)». Примечательно, что именно социальный состав фаланги, особенно окружение Примо де Ривера, вызывал недоверие к фашистскому движению в Испании даже у Хиль Роблеса. В статье, опубликованной в «Эль Эральдо де Мадрид», он заявил, что «не верит в фашизм, по крайней мере в то, что сегодня хотят ... представить как фашизм. Фашизм ни в Испании, ни в каком-либо другом месте не должен привлекать к себе сеньоритос... Сеньоритос не смогут никогда ничего сделать» [34].

Монархисты — сторонники свергнутого короля Альфонса XIII — проявили к фаланге больше интереса. Известный летчик — монархист Х. Ансальдо [35] даже вступил в фалангу и вместе с Р. де Альда, участником одного из первых перелетов из Испании в Южную Америку, создал фалангистскую милицию. Очень скоро выяснилось, что многие видные монархисты рассматривали фалангу не более как послушное орудие в их грядущей вооруженной борьбе с республикой, и создаваемым Ансальдо от-

---

[32] *Arraras J.* Historia de la Cruzada Española. Madrid, 1940, p. 20—23.

[33] *Alvarez Puga E.* Op. cit., p. 49.

[34] Цит. по: *Alvarez Puga E.* Op. cit., p. 49.

[35] Накануне мятежа Санхурхо, в августе 1932 г., Ансальдо был послан в Италию, где заручился обещанием маршала Бальбо оказать поддержку антиреспубликанскому перевороту, однако мятеж был подавлен прежде, чем эта помощь была оказана.— См.: *Гарсиа Х.* Испания XX в. М., 1967, с. 187.

рядам отводилась в этой борьбе определенная, но все же вспомогательная роль [36].

Примо де Ривера был решительным сторонником кровавого террора. Ему принадлежит получившее широкую огласку высказывание: «Нам не нужно иной диалектики, кроме диалектики кулака и пистолета» [37]. Достоверно известно, что он активно скупал оружие, и оно отнюдь не оставалось без употребления: на совести Примо де Ривера и его последователей уже к 1933—1934 гг. было немало кровавых преступлений.

Примо де Ривера не имел ничего против штурмовых отрядов фаланги, но ему не нравились планы истинных властителей Испании — воротил финансового капитала и латифундистов — отвести фалангистам второстепенную роль боевиков реакции, а затем лишить их политической власти.

Именно нежеланием смириться с отводимой фаланге вспомогательной ролью объясняется отсутствие ощутимого результата встречи Х. А. Примо де Ривера с Кальво Сотело, тесно связанным с финансовым миром Испании, в Париже в марте 1934 г. Скудость денежных субсидий фалангистам, оказываемых время от времени деятелями испанского финансового мира, в первую очередь банкирами-традиционалистами Бильбао, мультимиллионером Хуаном Марчем и маркизом Элиседа, также объясняется второстепенной ролью фаланги. Этих субсидий едва хватало на приобретение оружия и экипировку, издание пропагандистской литературы, оплату налогов [38].

В августе 1934 г. Примо де Ривера заключил с Гойкоэчеа пакт и принял на себя обязательство не нападать на «Испанское возрождение», а монархисты, в свою очередь,— «уважать фалангу» [39].

В мае 1934 г. Примо де Ривера отправился в нацистский Берлин. Историк испанского фашизма С. Пейн, ссылаясь на воспоминания «ветеранов» фаланги, утверждает, что Хосе Антонио не понравились в Германии ни язык (имеется в виду стиль пропаганды), ни народ, ни национал-социалистская партия, которую он назвал «дурно демагогичной» [40]. Однако именно вскоре после посещения Берлина Примо де Ривера порвал с теми фалангистами, которые хотели ограничить функции фаланги только «боевыми» действиями против рабочих, оставляя поле битвы за власть другим правым силам. Сын диктатора уверовал в возможность завоевания фалангистами абсолютной власти в стране.

К 1933 г. обстановка в стране стала тревожной. Успех, достигнутый левыми республиканцами и социалистами в деле консолидации демократической республики, был односторонен и не-

---

[36] *Robinson R.* Op. cit., p. 180.
[37] *Primo de Rivera J. A.* Obras completas, p. 25—28.
[38] «La actualidad española», 18—25.XI 1971, p. 449.
[39] *Alvarez Puga E.* Op. cit., p. 58.
[40] *Payne S.* Op. cit., p. 78.

прочен. Не были осуществлены коренные социально-экономические преобразования. Правые реакционные силы вступили на путь открытой борьбы с республиканцами, спекулируя на трудностях, переживаемых Испанией, а организации рабочего класса — основного защитника республики — находились в состоянии глубокого раскола.

Руководители Испанской социалистической рабочей партии явно недооценивали силы реакции и опасность фашизма. Переоценив устойчивость республики и прочность своих позиций в кортесах и местном самоуправлении, лидеры социалистов были убеждены, что им не угрожает участь немецких социал-демократов.

Эта политическая слепота имела весьма пагубные последствия для судеб страны. На выборах в кортесы в ноябре и декабре (второй тур) 1933 г. левые республиканцы и социалисты потерпели поражение [41], было введено чрезвычайное положение, в период действия которого правительства радикалов Лерруса и Сампера объявили забастовки всех видов незаконными. Закрывались рабочие центры, распускались муниципалитеты, запрещалась рабочая пресса. Но рабочее движение Испании не было парализовано чрезвычайными мерами правительства. Это было время экономических и политических выступлений испанского пролетариата, в ходе которых выковывалось единство антифашистских сил. Застрельщиком антифашистских демонстраций выступала коммунистическая партия, влияние которой росло день ото дня.

Испанская весна 1934 г. была «жаркой». Начало марта прошло под знаком солидарности с антифашистами Австрии. В апреле рабочие всех политических течений упорно боролись против попыток амнистировать участников мятежа Санхурхо. В течение многих недель компартия вела широкую кампанию против слета молодежной организации СЭДА, в котором намеревались принять участие и фалангисты.

Молодежная организация СЭДА, так называемая «Молодежь народного действия», разделявшая многие идеи Хиль Роблеса, в отличие от лидеров СЭДА проявляла большой интерес к фашизму. Их многое объединяло с фалангистами: антимарксизм, антипарламентаризм, требование отмены «социалистического и антииспанского законодательства» (речь шла о законах первых лет республики, которые на деле не носили ни социалистического, ни антииспанского характера), национализм. Однако в лозунг фалангистов «Испания превыше всего» программа молодежи СЭДА в духе ее основной доктрины, утверждавшей ценности католицизма, вносила коррективы: «Превыше всего Испания, и пре-

[41] Из 473 мандатов СЭДА получила 98, радикалы — 100, аграрии — 51. От левореспубликанских партий было избрано всего 70 депутатов, от социалистов — 60 (вместо 116 в кортесах предыдущего созыва). См.: «El Socialista», 12.XI, 5.XII 1933.

выше Испании бог»[42]. Объединяло «Молодежь народного действия» с фалангистами и пристрастие к военным парадам, полувоенной дисциплине и форме.

Конгресс «Молодежи народного действия» СЭДА был назначен на 22 апреля на территории Эскориала; со всей Испании съехались 30 тыс. человек. Х. М. Хиль Роблес, закрывая конгресс, подчеркнул, что, если революция выйдет на улицы, СЭДА сделает то же самое[43]. По инициативе левых социалистов и коммунистов в Мадриде прошли бурные антифашистские демонстрации, поскольку в глазах пролетариата и СЭДА, и ее молодежные организации были фашистами.

Фаланга, число членов которой едва превышало 3 тыс. человек, яростью и жестокостью в борьбе с рабочим движением пыталась компенсировать свою относительную немногочисленность. Террор фалангистской милиции нарастал, его жертвами становились многие коммунисты и социалисты. Правительство радикалов с беспокойством взирало на вооруженные до зубов отряды фалангистских молодчиков, сам вид которых и вызывающая манера поведения не укладывались в привычный образ защитников «порядка». Надеясь справиться с растущим рабочим движением с помощью традиционных средств подавления — армии и полиции, правительство время от времени давало указания об изъятии оружия у фалангистов. Нельзя недооценивать и того факта, что победа нацизма в Германии заставила лидеров испанских республиканских партий, в том числе радикалов, с опасением относиться к фаланге, преследовавшей сходные с германским и итальянским фашизмом цели. После ряда кровавых инцидентов в годовщину республики, в апреле 1934 г., по распоряжению правительства были закрыты многие местные центры фаланги. 10 июня 1934 г. полиция произвела очередной рейд по ее штаб-квартирам. Несколько десятков фалангистов, в том числе сам Примо де Ривера, были арестованы, последний, впрочем, как депутат кортесов, вскоре был освобожден[44]. Но уже 14 июля 1934 г. фалангисты ранили нескольких левых. 9 августа фалангисты попытались сорвать проведение антифашистской выставки в мадридском клубе «Атенео». 29 августа умер смертельно раненный накануне фалангистами директор «Радио Севера», принадлежавшего районному комитету компартии.

8 сентября 1934 г. в Кавадонге должен был состояться слет «Молодежи народного действия». Для предупреждения этой акции руководство комсомола и социалистической молодежи Астурии заключило соглашение о совместных действиях. 7 сентября три профсоюзных центра Астурии: Унитарная конфедерация тру-

[42] См.: *Robinson R.* Op. cit., p. 167—168.

[43] См.: *Пономарева Л. В.* Республика контрреформ (конец 1933—1935 г.).— В кн.: Испания. 1918—1974, с. 171—172.

[44] Примо де Ривера был избран в кортесы в ноябре 1933 г. по списку правых организаций Кадиса.

да, руководимая коммунистами, Всеобщий союз трудящихся, Национальная конфедерация труда — опубликовали совместное решение об объявлении 8 сентября днем всеобщей политической забастовки. И пролетариат Астурии сорвал слет в Кавадонге.

Хиль Роблес, выступая на следующий день в кортесах, обвинил правительство радикала Сампера в неспособности обеспечить порядок и объявил о намерении СЭДА взять власть в свои руки [45]. 1 октября правительство Сампера ушло в отставку; 2 октября было сформировано новое правительство с участием трех членов СЭДА. В знак протеста в ночь на 5 октября в стране началась всеобщая политическая забастовка, переросшая в Астурии в вооруженное восстание.

6 октября президент Каталонии Л. Компанес объявил о разрыве с правительством Мадрида. Два часа спустя мадридское правительство ввело по всей стране военное положение.

За несколько часов до начала восстания в Астурии в Мадриде впервые собрался Национальный совет региональных и национальных лидеров фаланги. Предполагалось договориться о стратегии и тактике организации, о месте, которое ей предстоит занять в грядущих событиях. Вождем «Испанской фаланги и ХОНС» был избран Примо де Ривера. Вопрос об отношении к восстанию разногласий не вызывал: местные лидеры получили указание подключить отряды фалангистской милиции к действиям правительственных войск, а сам Примо де Ривера в 12 часов ночи отправился в министерство внутренних дел и предложил услуги своей организации для борьбы с восставшими рабочими. И хотя правительство отказалось от этого, всецело полагаясь на армию, тем не менее фалангисты приняли участие в подавлении восстания, проявив особое рвение в расправах над побежденными антифашистами.

В ноябре 1934 г. политическая хунта фаланги, назначенная Примо де Ривера, разработала проект программы фаланги. Согласно версии члена политической хунты Браво, ведущая роль в ее составлении принадлежала Примо де Ривера. Согласно версии Ледесмы Рамоса, изложенной им в книге «Фашизм ли в Испании?», автором программы был он сам, а Примо де Ривера лишь корректировал документ, внеся некоторые изменения в форму изложения, «придал многим положениям более абстрактный характер, подсластил, дерадикализировал некоторые пункты» [46]. И хотя в программе осталось многое, заимствованное из арсенала ХОНС, псевдорадикальная и антикапиталистическая фразеология национал-синдикализма по воле Примо де Ривера уступила формулировкам традиционалистского и националистического толка.

Всего в программе 27 пунктов. Всю ее пронизывали мистический национализм и претензии на мессианскую роль Испании

[45] «El Socialista», 10.XI 1934.
[46] *Lanzas R.* Op. cit., p 213.

в судьбах мира. Именно национализм и был, по замыслу единомышленников Примо де Ривера, тем цементом, который должен был соединить распавшееся на враждующие классы испанское общество и обеспечить столь желанные как для господствующих классов, помещиков и крупной буржуазии, так и для испуганной мелкобуржуазной массы политическую стабильность и мир. На формирование программы некоторое влияние оказали документы итальянского фашизма. «Мы верим в высшую, подлинную сущность Испании. Укреплять ее, поднять — вот неотложная коллективная задача всех испанцев. Достижению этой цели должны быть безоговорочно подчинены личные, групповые и классовые интересы» (пункт 1) [47]. Несмотря на то что многие фалангисты были неверующими или во всяком случае индифферентными в вопросах религии, авторы программы придавали большое значение «историческим ценностям католицизма». Католической вере из-за ее «славной традиции и ее первенствующей роли в Испании» отводилось особое место в «национальной реконструкции» (пункт 25). На включение этого пункта оказали влияние не только личные пристрастия самого Примо де Ривера, который, по свидетельству друзей и близких, был «добрым католиком», но и реакция мелкобуржуазных слоев города и деревни на антиклерикальное законодательство республики.

Многие пункты программы представляли собой призыв к борьбе с институтами и законодательством республики, прежде всего «Каталонским статутом»: «Единство Испании предначертано судьбой. Всякий сепаратизм является преступлением, которого мы не потерпим. Действующая конституция, положившая начало разобщенности, посягает на предопределенное судьбой единство Испании. Поэтому мы требуем ее немедленного аннулирования» (пункт 2). «Наше государство будет тоталитарным орудием, служащим делу единства нации. Все испанцы примут участие в государственной жизни, выступая как члены семьи, муниципии и профсоюза. Никто не будет участвовать в ней через посредство политических партий. Система политических партий должна быть безжалостно уничтожена вместе со всеми связанными с ней явлениями — неорганическими выборами, представительством соперничающих клик и парламентом известного типа» (пункт 6). Программа, отражая озабоченность буржуазных и мелкобуржуазных кругов размахом классовой борьбы, выдвигала проект «интеграции» профсоюзов в государственную систему: вся Испания, согласно пункту 9, превратится в гигантский профсоюз производителей, государственная система вертикальных профсоюзов должна была стать основой корпоративной организации общества.

В пункте 12 говорилось о «недопустимости жалкого существования широких масс, в то время как небольшая кучка людей

[47] Здесь и далее см.: Textos de Jose Antonio Primo de Rivera. Madrid, 1957, p. 3—10.

пользуется всеми благами роскоши»; однако предложенное программой решение важнейших социальных и экономических проблем отличалось крайней расплывчатостью и неконкретностью. Даже автор «Истории фаланги», опубликованной в Испании в 1969 г., отмечает нереалистический характер статей 17—21, касающихся аграрной реформы, как и пункта, касающегося национализации банков [48].

Примо де Ривера стремился быть единственным и непререкаемым лидером организации. Видя в Ледесме Рамосе своего основного соперника, он добился того, что 16 января 1935 г. политическая хунта исключила Р. Ледесма Рамоса из фаланги. Желание избавиться от конкурента подогревалось стремлением отсечь «синдикалистскую» линию.

Дионисио Ридруехо, в то время друг и единомышленник Примо де Ривера, 37 лет спустя, в ноябре 1971 г., заявил, что вся концепция Примо де Ривера ныне представляется ему глубоко ошибочной. По его словам, основоположник фалангизма разделял «самые крайние положения фашистской доктрины: антимарксизм буржуазии и антидемократизм аристократии, воинствующий национализм, стратегию меньшинства и, наконец, насилие... персонализацию власти» [49].

Примерно к этому времени окончательно оформилась организационная структура фаланги. Члены ее делились на две категории, именуемые «шеренгами». В первую входили активные члены, внесенные в официальные списки. Они составляли отряды фашистской милиции, терроризировали активистов рабочего движения, вели все более ожесточенную борьбу против демократических институтов, используя прессу и улицы. Вторая «шеренга» состояла из тех, кто сотрудничал с фалангой, оказывал ей финансовую помощь, но по тем или иным причинам предпочитал оставаться в тени — на «нелегальном положении». Активных членов фаланги в начале 1935 г. насчитывалось уже до 5 тыс. человек [50]. О численности фалангистов второй «линии» можно лишь гадать; $^2/_3$ активных фалангистов были моложе 21 года.

Идеологическая подготовка большинства фалангистов была весьма примитивна и сводилась к ультранационализму, ненависти к «левым» и «сепаратистам», т. е. сторонникам автономии Каталонии, Страны басков и Галисии. К этому следует прибавить душевную опустошенность одних, авантюризм и бешеное честолюбие других, считавших, что победа фалангистского движения сделает все посты в государстве легко доступными для них. Что касается социального состава первой «линии», то, например, в феврале 1936 г. в мадридскую фалангу входили главным образом представители мелкобуржуазных слоев: разнорабочие и работники сферы обслуживания — 431, конторские

[48] *Alvarez Puga E.* Op. cit., p. 68.
[49] «La actualidad española», 18—25.XI 1971.
[50] *Alvarez Puga E.* Op. cit., p. 76.

служащие — 315, чиновники — 106, студенты — 38, мелкие предприниматели — 19, квалифицированные рабочие — 114, офицеры и летчики — 17 и 63 женщины [51].

В других городах картина была несколько иной: в университетских центрах в состав фаланги входило немало студентов из буржуазных и мелкобуржуазных кругов. В промышленных центрах, все еще не оправившихся от последствий экономического кризиса, фалангистами чаще становились люмпены и опустившиеся безработные. В фалангу входила и весьма значительная группа офицеров, в том числе подполковник Ягуэ. Наиболее крупными были организации Мадрида и Вальядолида. В Каталонии, Стране басков и на Балеарских островах фалангистские группы были крайне немногочисленными. Во время парадов, демонстраций и других публичных акций фалангисты надевали синие рубашки.

Первая «шеренга» надежно прикрывала вторую. И лишь только принимая во внимание последующий ход событий — установление диктатуры Франко, внезапное появление на политическом горизонте деятелей, связанных с крупным капиталом, можно предположить, что именно они входили в эту «тайную» фалангу. Возглавлял фалангу Национальный совет, который избирал свой исполнительный орган — политическую хунту. Во главе территориальных подразделений фаланги стояли «хефес локалес» и «хефес провинсиалес». Первым генеральным секретарем фаланги был избран Фернандес Куэста.

В литературе об испанском фашизме часто можно встретить утверждение, будто лидеры фаланги отвергали любые коалиции [52]. Этого требовала 27-я статья программы фаланги. На деле фаланга не была против союзов и союзников, но при непременном условии, что лидерство останется за нею.

Х. А. Примо де Ривера действительно отверг предложение Х. Кальво Сотело вступить в созданный им в декабре 1934 г. монархический Национальный блок, хотя многие положения манифеста этого объединения не противоречили постулатам фаланги [53]. Так, авторы манифеста объявляли парламентарно-конституционную систему «антииспанской по духу и букве», высказывались за корпоративный принцип организации экономической жизни, провозглашали своим идеалом «новое интегральное государство», основанное на принципах «единства, преемственности, иерархии, компетенции, корпоративизма и религиозности», способное покончить со стачками, локаутами и «антигосударственным тред-юнионизмом» [54]. В статьях и публичных выступлениях Х. Кальво Сотело постоянно призывал к борьбе с «сепаратиз-

[51] *Payne S.* Op. cit., p. 87.
[52] *Nellessen B.* Die verbotene Revolution. Hamburg, 1963, S. 198—201.
[53] См.: *Arraras I.* Historia de la Segunda Republica Española, v. III. Madrid, 1956, p. 61.
[54] Цит. по: *Robinson R.* Op. cit., p. 216—217.

мом и марксизмом. Или марксизм будет уничтожен,— демагогически возвещал он,— или марксизм уничтожит Испанию»[55] — иной альтернативы, по его мнению, не было.

Объединяло Национальный блок и фалангу то место, которое их идеологи отводили «традиционным испанским ценностям». Сходными были и пути к достижению цели: Кальво Сотело неоднократно высказывался против того, чтобы будущее Испании решалось «по прихоти» избирателей. Лидеры Национального блока были первыми, кто установил связь с созданным в 1934 г. подпольным Испанским военным союзом. Основанный капитаном Б. Эрнандесом, Испанский военный союз со временем стал «подлинно политической организацией командных кадров армии, политической партией генералов»[56]. Х. А. Примо де Ривера охотно принимал денежные субсидии от Национального блока, но упорно отвергал предложения о более тесном союзе. В этой связи исследователи обычно обращают внимание на сопротивление тех лидеров фаланги, для которых была неприемлема сугубо монархическая и католическая ориентация Национального блока[57]. Но в еще большей степени отталкивало фалангу от союза с Кальво Сотело опасение утраты лидерства и возможность поглощения. Однако Примо де Ривера видел, что сфера влияния фаланги весьма ограничена, практически она находилась в политическом вакууме. Приходилось вносить некоторые коррективы в «теоретические построения».

НА ПУТИ К МЯТЕЖУ

Подавление астурийского восстания против всех ожиданий реакции повернуло события в противоположном направлении. И хотя в мае 1935 г. в правительство вновь вошла СЭДА, а Хиль Роблес стал военным министром, состав правительства уже не отражал соотношения сил в стране. Испания была на пороге нового революционного подъема, признаки которого ощущались повсеместно. Активное участие компартии в борьбе прогрессивных сил страны за спасение осужденных на смерть астурийских повстанцев, за амнистию 30 тыс. арестованных до известной степени нейтрализовало в глазах широких демократических кругов плоды многолетней антикоммунистической пропаганды. Компартия показала себя выразительницей общенациональных интересов.

1 июня 1935 г. правительство отменило чрезвычайное положение в стране и разрешило деятельность левых партий. На другой день на митинге в мадридском кинотеатре «Монументаль» генеральный секретарь КПИ Хосе Диас обратился с призывом создать Народный фронт. Тем временем контрреволюционные

[55] Цит. по: *Robinson R.* Op. cit., p. 219.
[56] *Modesto J.* Soy del Quinto Regimento. Paris, 1969, p. 11.
[57] См.: *Robinson R.* Op. cit., p. 224—225.

силы торопились с ликвидацией апрельской республики. Но в лагере реакции не было полного единства. Те силы, которые стояли за СЭДА, предпочитали идти к намеченной цели конституционным путем. Военные высказывались за вооруженный мятеж.

Когда Примо де Ривера стало известно о планах вооруженного переворота, вынашиваемых Испанским военным союзом, он попытался войти в контакт с его руководителями. Как видно из его писем того времени, Примо де Ривера считал, что мятеж против республики и свержение республиканского правительства руками военных заговорщиков расчистят фаланге путь к власти. Франсиско Браво, член первой политической хунты фаланги, отмечал, что 16 июня 1935 г. на заседании в Парадор де Гредос лидеры фаланги приняли решение поднять мятеж, считая, что это единственное средство спасти Испанию от коммунизма [58]. Был намечен список будущего правительства на тот случай, если действия военного союза и фаланги будут успешными. Министром национальной обороны должен был стать Ф. Франко [59].

В июле — августе 1935 г. состоялся исторический VII конгресс Коминтерна, знаменовавший новый этап в международном коммунистическом движении. Обобщая опыт коммунистических партий Европы и Америки, участники конгресса пришли к выводу о том, что преградить путь фашизму можно лишь путем создания коалиции всех классов и групп, интересам которых угрожал фашизм. Успех антифашистского движения зависел от степени единства рабочего класса, а поэтому вопросы, связанные с единым рабочим фронтом, приобрели особое значение. Решения VII конгресса произвели большое впечатление в Испании. Левые социалисты в их органе «Кларидад» положительно оценили конгресс. Левореспубликанская пресса подхватила термин «Народный фронт» применительно к разного рода коалициям, прежде всего к складывающейся летом — осенью коалиции левых сил.

30 декабря 1935 г. разразился очередной правительственный кризис. Несколько дней спустя президент республики Н. Алькалá Самора распустил кортесы и назначил новые выборы на 16 февраля 1936 г. Избирательная кампания началась в напряженной обстановке, а невиданная с первых лет республики атмосфера легальности предельно обнажила страсти. Выборы должны были сыграть роль плебисцита. 15 января был подписан Избирательный пакт левых партий — так официально назывался документ, который вошел в историю как Пакт о Народном фронте.

До этого все попытки добиться ревизии конституции кортесами, избранными в ноябре 1933 г., кончались неудачей, так как правые не имели в них абсолютного большинства [60]. На выборы 16 февраля Хиль Роблес, в то время общепризнанный духовный лидер реакции, шел с лозунгом: «Не менее 300 депутатов!»

[58] «Occidente», 25.I 1938.
[59] Textos de Jose Antonio Primo de Rivera, p. 199.
[60] «El Sol», 20.IX, 3.X 1935.

В те дни, когда только начинались переговоры о пакте левых сил, 15 и 16 ноября 1935 г., в Мадриде заседал II Национальный конгресс фаланги. Повестка дня конгресса предусматривала обсуждение «возможности создания Национального испанского фронта» как антипода образованного в те дни Народного фронта. Отвечая тем, кто предлагал ограничиться бойкотом выборов, Примо де Ривера и Руис де Альда настаивали на предвыборном союзе с правыми, но не с Национальным блоком, а с СЭДА. Выступая за создание единого лагеря правых против Народного фронта, Примо де Ривера видел в этом единственную возможность для кандидатов от фаланги быть избранными в кортесы.

24 декабря 1935 г. политическая хунта фаланги вновь подтвердила решение принять участие в выборах на стороне правых партий, сохраняя при этом независимость идеологии. Единственный пункт, который фалангисты нашли возможным признать, как совпадающий с их точкой зрения, был «антимарксизм и антисепаратизм» [61].

Однако правые не горели желанием включать фалангистов в свои избирательные списки: фаланга, по мнению руководителей СЭДА, обладала ограниченным политическим влиянием в массах, и вряд ли можно было ждать существенного прибавления голосов за ее счет. И хотя сам Примо де Ривера не только не скрывал, но и, напротив, широко рекламировал свои антикоммунистические взгляды, демагогические приемы и псевдорадикальная фразеология фалангистских идеологов продолжали шокировать консерваторов из СЭДА. Переговоры фалангистов с Хилем Роблесом начались в декабре 1935 г. и закончились безрезультатно. Много лет спустя, в мае 1959 г., Хиль Роблес так объяснил свое негативное отношение к предложению Примо де Ривера: было бы нелогичным для такой откровенно антипарламентской группы, как фаланга, претендовать на значительное представительство на выборах [62].

Фаланга завела свои собственные избирательные списки.

Предвыборная пропаганда фаланги представляла образец самой безответственной демагогии: избирателям были обещаны немедленная аграрная реформа, поощрение мелкой промышленности, полная занятость для всех рабочих и служащих [63].

Лидеры фаланги заверяли избирателей, что ее первым правительственным актом, если она придет к власти, будет повешение мультимиллионера и архиреакционера Хуана Марча [64]. Известно, что именно Хуан Марч финансировал фалангу с самого начала. Но избирателей не ввели в заблуждение демагогия и псевдора-

---

[61] *Alvarez Puga E.* Op. cit., p. 85—86.
[62] Интервью Х. Мариа Хиля Роблеса от 14 мая 1959 г. (цит. по: *Payne S.* Op. cit., p. 280).
[63] *Bravo F.* Op. cit., p. 280.
[64] *Primo de Rivera J. A.* Obras completas, p. 84.

дикализм фалангистов. Фаланга получила всего 40 тыс. голосов. Даже Примо де Ривера, внесенный, помимо Мадрида, в списки еще шести избирательных округов, не собрал достаточного числа голосов, чтобы пройти в кортесы [65]. 16 февраля победил Народный фронт. Революционная активность испанского рабочего класса, сумевшего накануне выборов в кортесы объединить в антифашистской борьбе трудовой народ и мелкую, а также часть средней буржуазии, закрыла перед правыми возможность завоевания власти парламентским путем.

Руководство фаланги, как и прочие правые, в первые часы после выборов находилось в крайней растерянности. Обстановка вынуждала к осторожности. 21 февраля Примо де Ривера рассылает циркуляр местным руководителям фаланги, предлагая им воздерживаться от проявления открытой враждебности к новому правительству и от демонстрации солидарности с потерпевшими поражение правыми [66]. Одновременно лидеры фаланги лихорадочно ищут союзников. В те же дни фаланга начала издавать ежедневную газету «Арриба», и, если судить по терминологии ее статей, фалангисты пытались предстать перед своими читателями не меньшими социалистами, чем деятели социалистической рабочей партии.

Но вскоре фалангисты оправились от замешательства. И когда западногерманский историк К. Меркес отмечает, что «после выборов 16 февраля экстремисты побежденных партий апеллируют к оружию» [67], то это прежде всего нужно отнести к действиям фалангистских боевиков начиная с первых дней марта 1936 г. 13 марта группа фалангистов организовала покушение на видного социалиста, одного из авторов конституции 1931 г.— Хименеса де Асуа. Сам он остался жив, но был убит охранявший его полицейский. Вечером того же дня газета «Эль Сосиалиста» закономерно задала вопрос: «Действительно ли у власти левые? Перевороты без счета, покушения, инциденты». 14 марта фаланга была запрещена, а на следующий день премьер-министр М. Асанья отдал приказ об аресте Примо де Ривера как руководителя организации, совершившей покушение. С ним были арестованы и помещены в тюрьму «Модело» члены политической хунты фаланги, находившиеся в то время в Мадриде.

Тюрьма «Модело» славилась своим либеральным режимом и была широко открыта для посетителей. Не составляли исключения и многочисленные визитеры Примо де Ривера и других фалангистов. Члены политической хунты фаланги, находясь в тюрьме, цепко держали в руках все нити управления своей организацией. Как только Примо де Ривера получил возможность

---

[65] Война и революция в Испании 1936—1939, т. I. М., 1968, с. 82.
[66] *Primo de Rivera J. A.* Obras completas, p. 896.
[67] *Merkes M.* Die deutsche Politik gegenüber dem spanischen Burgerkrieg 1936—1939. Bonn, 1961, S. 14.

общения с внешним миром, он отдал указание ячейкам фаланги уйти в подполье и перестроить свою деятельность [68]. Фаланге удалось издать несколько номеров подпольной газеты «Но импорта» («Все равно»). Для настроений лидеров фаланги и редакторов этого листка весьма характерна статья члена политической хунты, «узника» «Модело» Руиса де Альда «Оправдание насилия», с восторгом встреченная всеми правыми: автор ее призывал совершить государственный переворот [69].

16 июня, в день открытия кортесов, глава СЭДА Хиль Роблес, обратившись к правительству республики с внеочередным запросом, повторил тезис Руиса де Альды: «Мы скоро будем присутствовать на заупокойной мессе по демократии» [70]. Правые, весьма скептически относившиеся до этого к фаланге, встав после победы Народного фронта окончательно на путь внепарламентской борьбы, рассматривали ее как одно из орудий фашистского переворота. По свидетельству Фернандеса Куэсты, после выборов в феврале 1936 г. правые изменили свою позицию. «Деньги потекли рекой». Субсидии фаланге, по его словам, составили 300 тыс. песет [71]. Однако и эта цифра представляется нам заниженной. Щедрые пожертвования позволили довести в мае — июне 1936 г. численность фалангистской милиции (это была зеленая молодежь, преимущественно из мелкобуржуазных кругов) до нескольких тысяч [72]. Вооруженные отряды фаланги контрреволюционная буржуазия была склонна рассматривать как свою собственную милицию. В акциях фалангистских «пистолерос» принимали активное участие отряды фашиствующей «Молодежи народного действия», организационно примыкавшей к СЭДА. Лидер этой организации Рамон Серрано Суньер поддерживал весьма тесные отношения с Примо де Ривера. Многие члены «Молодежи народного действия» в те дни вступили в фалангу.

Было время, когда фалангисты с притворным негодованием отвергали сам термин «фашизм», которым коммунисты заклеймили их организацию. «Испанская фаланга и ХОНС» не являются фашистским движением»,— утверждал Примо де Ривера на страницах монархической газеты «АВС» 19 декабря 1934 г. Но времена изменились. 16 июня 1936 г. Кальво Сотело заявил в кортесах, что если его концепция нового государства является фашистской, как об этом говорят, то он сам объявляет себя фашистом [73]. Отныне многие консерваторы изъявляли готовность маршировать в одном ряду с фалангистами. Антиреспубликанская Испания фашизировалась.

---

[68] *Primo de Rivera J. A.* Textos ineditos, p. 358.
[69] *Payne S.* Op. cit., p. 104.
[70] «Diario de Sesiones de las cortes españoles», 16.VI 1936.
[71] «La actualidad española», 18—24.XI 1971, p. 450.
[72] *Jackson G.* The Spanish Republic and the Civil War. 1931—1939. Princeton, 1965, p. 418.
[73] «Diario de Sesiones de las cortes españoles», 16.VI 1936.

Активность фалангистов и усиление натиска правых вызывали тревогу и беспокойство демократических сил Испании. Широкие массы, прежде всего пролетариат, требовали от правительства решительных действий. Отвечая на запросы депутатов — коммунистов и социалистов, глава правительства Касерес Кирога дважды — 6 и 14 мая — выступил с заявлением, что правительство рассматривает фалангу, объявленную вне закона, главным врагом государства и собирается принять против нее самые решительные меры. По словам Кироги, в распоряжении полиции находились секретные досье фаланги, и полиция будто бы намеревалась арестовать вслед за активными ее членами и тех архиреакционеров, которые втайне помогали ей [74]. Но пока давались эти обещания, лидеры фаланги укрепляли связи с реакционными силами.

Примо де Ривера использовал либеральные условия своего пребывания в тюрьме, чтобы сговориться с лидером традиционалистов (карлистов) Фалем Конде и военными заговорщиками [75], которые в те дни вплотную приступили к подготовке вооруженного мятежа. 29 мая агент Примо де Ривера Р. Гарсеран передал послание своего шефа генералу Мола, затем генералу была переслана секретная информация о членах и структуре фаланги. В обмен на свое сотрудничество с военными фалангисты требовали политических гарантий, обеспечивающих участие в будущем правительстве [76].

В отличие от фалангистов и других отрядов испанской реакции, открыто взявших после 16 февраля курс на мятеж, Мола и другие военные заговорщики предпочитали не афишировать свою деятельность. Франко, Мола и Годед взяли под свое покровительство членов реакционного Испанского военного союза и приложили немало усилий, чтобы превратить аморфный до тех пор конгломерат в сплоченную и разветвленную организацию, связанную с карлистами и фалангистами. Еще ранее генерал Мола представил на рассмотрение руководителей Испанского военного союза проект создания всевластной военной директории [77]. План установления власти военной директории поддерживал и находившийся в Португалии генерал Санхурхо, который по предварительной договоренности должен был стать главнокомандующим вооруженными силами мятежников. Мола не возражал против привлечения фалангистов к готовившемуся мятежу, хотя и весьма скептически относился к фалангистской милиции, крайне недисциплинированной и плохо вооруженной. По твердому убеждению генерала, возглавлять и контролировать мятеж могли только военные. Тем не менее лидер фаланги Примо де Ривера в секретном циркуляре от 29 июня предписал всем провинциальным лидерам

[74] «El Sol», 7, 15.V 1936.
[75] «La actualidad española», 18—25.XI 1971.
[76] *Payne S.* Op. cit., p. 102, 110—111.
[77] *Vigon J.* General Mola. Barcelona, 1957, p. 98—100.

ее принять участие в военном мятеже [78]. Это опровергает легенды о якобы отрицательном отношении Примо де Ривера к союзу с наиболее консервативным крылом реакционного лагеря — военными заговорщиками и монархистами. На деле речь шла лишь о цене сотрудничества. Впрочем, на него пошли даже и тогда, когда цена была неимоверно низкой.

Примо де Ривера продолжал тесный контакт с Молой до начала мятежа. В последнем письме — от 14 июля, переданном через Гарсерана, лидер фаланги поставил в известность генерала: если военные заговорщики не начнут решительных действий через 72 часа, фаланга сама начнет мятеж в Аликанте [79].

МЯТЕЖ. УТВЕРЖДЕНИЕ ФРАНКИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

17 июля 1936 г. вспыхнул военный мятеж в испанском Марокко, этой ахиллесовой пяте республики, а затем он охватил всю Испанию. Так началась одна из самых трагических и вместе с тем героических страниц в истории Испании. На протяжении 32 месяцев испанский народ вел великую битву за демократию. Испания стала передовым рубежом борьбы с международным фашизмом [80]. Фалангисты приняли в мятеже самое деятельное участие. По жестокости, с которой они расправлялись с республиканцами, они не имели себе равных в лагере мятежников. «Фаланга превратилась в организацию специалистов по пыткам и убийствам» [81]. Наиболее тесное сотрудничество между фалангистами и военными сложилось на Севере, где командующим армией был генерал Мола, сыгравший ведущую роль в подготовке путча. Даже по признанию западногерманского буржуазного историка Э. Нольте с его явной тенденцией к идеализации ранней фаланги, мятеж 18 июля 1936 г. не был заурядным армейским пронунсиаменто: «Повсюду на улицы (наряду с карлистами) выходили также фалангисты» [82].

Руководство мятежом тем не менее принадлежало исключительно военным. Фалангисты не вошли ни в первую военную хунту, сформированную в Бургосе 24 июля 1936 г. генералом М. Кабанельясом в составе генералов Саликета, Понте, Давила и Мола, ни во второй состав, куда были дополнительно включены Франко и Кейпо де Льяно.

К началу мятежа фаланга осталась без лидеров: Примо де Ривера, Х. Руис де Альда и Фернандес Куэста находились в

[78] Неизданные мемуары члена фаланги Андино (цит. по: *Payne S.* Op. cit., p. 113).
[79] Ibidem.
[80] О национально-революционной войне написано свыше 15 тыс. книг и статей. В разработку этой темы внесли свой вклад и советские историки. Одно из последних исследований этой темы — глава «Национально-революционная война (1936—1939 гг.)» в кн.: Испания. 1918—1972.
[81] Война и революция в Испании, с. 130.
[82] *Nolte E.* Op. cit., S. 254.

тюрьмах. Республика, в целом недооценивавшая опасность военного мятежа, в отношении верхушки фаланги проявила необходимую бдительность. В мятежной зоне ряды фалангистов продолжали быстро расти. В какой-то степени это было связано с тем, что практически лишь «Коммунион традиционалиста» и фаланга были единственными гражданскими группами, имевшими в лагере мятежников право на существование. Лидеры правореспубликанских партий и даже таких консервативных групп, как СЭДА, стоявших за парламентский легальный путь, не смели и показаться там, потому что в глазах развязавших неслыханный террор фанатиков-фалангистов и многих военных они все были «презренными политиками», которые довели Испанию до катастрофы. Как утверждал генерал Монастерио, в рядах милиции к 1937 г. было 126 тыс. фалангистов [83]. Особенно усердствовали фалангисты, состоявшие в рядах сельской милиции. Именно они в первую очередь и явились орудием кровавого террора, развязанного националистами. Руками «тыловых» фалангистов был убит великий испанский поэт Федерико Гарсиа Лорка.

Особое покровительство оказывал фаланге Франко. Один из руководителей заговора против республики — Франко был переброшен самолетом 19 июля с Канарских островов в Тетуан, где принял командование всеми войсками Испанского Марокко, составившими основу вооруженных сил мятежников. 29 сентября 1936 г. военная хунта провозгласила его главой «правительства» и командующим вооруженными силами. 1 октября Франко стал главой государства.

Было немало причин, способствовавших победе Франко над его менее удачливыми соперниками. Среди них не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что в глазах своего окружения Франко был тем лицом, кому удалось через фалангу установить связь с Гитлером и Муссолини. С самого начала мятежа его руководителям было ясно, что без вооруженной поддержки фашистских государств успех невозможен.

22 июля А. Лангенхайм, руководитель нацистской партии в Марокко, вылетел в Берлин с личным посланием Франко. Вечером 25 июля после совещания, на котором кроме Гитлера присутствовали Геринг, адмирал Канарис и генерал-полковник Бломберг, было принято решение удовлетворить просьбу Франко о помощи [84]. Уже 27 июля первые 20 транспортных самолетов «Юнкерс-52» вылетели в Тетуан. То обстоятельство, что прямой контакт с руководителями третьего рейха, принесший ощутимый результат, был установлен при прямом посредничестве фалангистов, резко подняло их престиж в глазах Франко.

«Самый ловкий среди военных» (так характеризовал его в свое время мультимиллионер Хуан Марч), Франко не был профессиональным политиком. Бравируя своей непричастностью к

[83] *Alvarez Puga E.* Op. cit., p. 141.
[84] *Merkes M.* Op. cit., S. 20.

«безответственным» политикам, «доведшим страну до катастрофы», генерал утверждал, что все его помыслы направлены на возрождение «национальной славы» и на «единение» испанской нации. Франко неустанно повторял, что Испания будто бы всегда страдала из-за заблуждений «интеллектуалов» и подражания иностранному. В то же время он отдавал себе отчет, что времена верхушечных переворотов прошли, понимал, что необходимо обрести массовую базу, сцементированную приемлемой для его сторонников идеологией.

В его окружении идея создания блока всех консервативно-националистических групп не вызывала сомнений. Разногласия возникли по поводу идеологической ориентации этого блока. Офицерский корпус противился любой невоенной политической силе. Для настроений военщины было весьма типично заявление ярого приверженца Франко полковника Кастеха. На вопрос, кого он предпочитает — фалангистов или рекете (традиционалистов), полковник ответил: «Франкистов» [85].

Высшая иерархия испанской церкви с самого начала оказала мятежникам поддержку. 24 июля 1936 г., в день учреждения военной хунты, архиепископ Бургоса приказал звонить в колокола. Кардинал Гомá убедил епископа Памплоны подписать пасторское послание, призывавшее не оказывать содействия «этому современному чудовищу — марксизму и коммунизму, семиглавой гидре, воплощению всяческой ереси» [86]. Кардинал не выступил с осуждением резни в Бадахосе и Толедо, где фалангисты добивали раненых на койках госпиталей, зато он обратился по радио Наварры с призывом оказать поддержку мятежникам. В конце сентября архиепископ Пла-и Даниэль, уступивший свой дворец штабу генерала Франко, опубликовал пасторское послание «Два города», в котором выступил в защиту развязанной мятежниками гражданской войны, заявив, что «в действительности это крестовый поход». По его разумению, мятеж был «не нарушением, а восстановлением порядка» [87]. В коллективном пасторском послании испанских прелатов, опубликованном 1 июля 1937 г., определение гражданской войны как «крестового похода» было принято почти всеми представителями испанской церковной иерархии. Правда, существовали и такие, как кардинал Видаль-и Баррайера, епископы Виттории и Ориуэлы, отказавшиеся подписать этот документ.

Церковь дала мятежникам весьма эффективное идеологическое оружие. Вместе с тем в окружении Франко опасались предоставить церкви абсолютную идеологическую монополию. Помимо всего прочего, франкистов настораживали определенные тео-

---

[85] *Payne S.* Op. cit., p. 148.
[86] Цит. по: *Туньон де Лара М.* Испанская церковь и война 1936—1939 гг.— В кн.: Проблемы испанской истории. М., 1971, с. 124.
[87] Там же, с. 125.

кратические тенденции испанской церкви, иными словами, стремление к власти.

Николас Франко, брат диктатора, был одним из первых, кто увидел в фаланге основополагающий компонент будущей федерации всех реакционных сил мятежной зоны страны. Обращение Франко к фашистской фаланге часто объясняют как попытку укрепить союз мятежников с Германией и Италией и в политическом, и в идеологическом аспектах. Однако это вызывалось не только надеждой на дальнейшее укрепление союза с державами «оси». Франко и те, кто за ним стоял, пытаясь упрочить свои позиции, возлагали большие надежды на фашистское движение с его системой централизованного подчинения массовых организаций, с его безудержной демагогией и воинствующим национализмом, способными, как свидетельствовал опыт Германии, развратить неискушенные в политике умы и сердца, прежде всего молодежи. Франко, кроме всего прочего, привлекал в фашизме принцип «фюрерства». Человек консервативных убеждений и ревностный католик, Франко тем не менее при выборе основополагающей доктрины отдал предпочтение не карлистам и не приверженцам Кальво Сотело и Хиль Роблеса, хотя и взял многие элементы из их идеологии, а фалангистам.

Определенное давление оказала и фашистская Германия. Посол Германии Фаупель не скрывал, что хотел бы видеть «националистическую» Испанию «политически унифицированной» на фашистской основе. По его мнению, «националистическому правительству явно недоставало ярко выраженной идеологической ориентации» [88]. Он поддерживал регулярную связь с руководителем фаланги М. Эдильей. Фаупель убеждал его не противиться созданию единой государственной фашистской партии, куда бы вошли все сторонники режима, соблазняя его перспективой партийного лидерства. Однако Эдилья и его окружение, уповая на поддержку фашистской Германии, надеялись получить всю полноту власти. Между тем позиции самого Эдильи в фаланге в то время были весьма шаткие, против него активно интриговали различные группы внутри нее.

В марте 1937 г. в Саламанку из республиканской зоны прибыл Р. Серрано Суньер, бывший лидер «Молодежи народного действия», освобожденный из тюрьмы неделей ранее. Он находил признание у членов монархического «Испанского обновления», был своим человеком и в СЭДА, хотя и считал их идеи архаичными, обращенными лишь к прошлому Испании. Программа фаланги представлялась ему более приспособленной к новой эпохе. Но в то же время многие идеи национал-социализма он находил слишком демагогичными и посему неприемлемыми для испанских бизнесменов и землевладельцев. По его представле-

[88] Documents on German Foreign Policy (DGFP), Series D, v. III. London, 1959, p. 277—279.

нию, фаланга должна была стать государственной партией националистической Испании, пройдя реорганизацию на твердой консервативной основе [89].

20 ноября 1936 г. Хосе Антонио Примо де Ривера был расстрелян республиканцами в Аликанте. О. Редондо, Х. Руис де Альда тоже были расстреляны, а Ф. Куэста все еще находился в мадридской тюрьме (был выпущен оттуда в октябре 1937 г.). М. Эдилья не представлял для Франко серьезной опасности в борьбе за власть [90]. Таким образом, в распоряжении Франко и Суньера была организация с готовой программой, многие положения которой импонировали им (например, доктрины об «империалистической миссии» Испании, о диктаторской власти как орудии пресловутого «национального единства», о корпоративной системе национальных профсоюзов, призванной держать под контролем экономическую и социальную сферу). Что же касается участи Эдильи, то для его смещения Франко счел необходимым заручиться согласием послов Италии и Германии, которые оказывали Эдилье поддержку.

11 апреля 1937 г. Франко встретился с Фаупелем. Темой беседы были предстоявшие 18 апреля выборы национального «вождя» фаланги. Серьезных претендентов, кроме Эдильи, на этот пост не было. Франко объявил себя самым горячим приверженцем идей фаланги. Он хорошо был осведомлен о том, что гитлеровцев не устраивает его тесная связь с монархистами и католической иерархией. Тем не менее он сообщил Фаупелю о своем намерении слить фалангу с монархическими группами и лично возглавить эту «объединенную партию» [91]. Армия была всесильна в мятежной зоне, и Франко был уверен, что это обстоятельство подскажет Фаупелю «здравое» решение. И он не ошибся.

13 апреля Фаупель встретился с представителем зарубежной организации нацистской партии и представителем итальянской фашистской партии Данци, и они решили, что, «несмотря на все их расположение к фаланге... в конфликте между Франко и фалангой они поддержат Франко» [92]. События последующих дней ускорили развязку: 16 апреля на внеочередном заседании политической хунты притязания Эдильи на пост национального лидера фаланги, по его собственным словам, поддержали только три члена политической хунты из семи [93]. 18 апреля участь его была решена окончательно: из 22 членов Национального совета фаланги за Эдилью проголосовали только 10, 8 предпочли бросить пустые бюллетени, 4 проголосовали против. Для Франко не оставалось сомнений в том, что в фаланге царит разброд. Настало время действовать без промедления.

[89] *Serrano Suñer R.* Entre Hendaya y Gibraltar. Madrid, 1948, p. 19—32.
[90] DGFP, v. III, p. 269; *Serrano Suñer R.* Op. cit., p. 130—131.
[91] DGFP, v. III, p. 267—269.
[92] Ibidem.
[93] Один из членов хунты утверждал, что Эдилья получил всего лишь один голос — свой собственный (*Payne S.* Op. cit., p. 166).

На другой день с балкона епископского дворца в Саламанке, где находился тогда генеральный штаб мятежников, Франко провозгласил декрет о слиянии всех реакционных партий в единую «Испанскую традиционалистскую фалангу и ХОНС». При этом каудильо дал понять, что речь идет не о передаче власти фаланге, а о подчинении ее государственным целям.

«Национальным шефом» фаланги Франко назначил самого себя. Милиция фаланги и рекете сливались в единую национальную милицию, выполнявшую роль вспомогательных воинских частей. Много лет спустя Эдилья обвинил Суньера, одного из авторов декрета, в том, что тот-де «продал фалангу Франко» [94]. Однако в тот день он сам стоял на балконе рядом с каудильо и как будто с удовлетворением принял назначение на пост председателя политической хунты новой фаланги.

Между тем Эдилья не мог не разделять недовольства большинства членов «старой» фаланги: власть над страной, как им казалось, такая близкая, ускользнула из их рук. Особое недовольство у фанатичной и разнузданной фалангистской «вольницы» вызывало подчинение милиции армейскому командованию. Франко и Суньер не принимали всерьез эту первую отрицательную реакцию «старых» фалангистов. В дальнейшем же для предупреждения каких-либо эксцессов были приняты превентивные меры: в ночь с 24 на 25 апреля Эдилья и 20 ведущих фалангистов были арестованы и по обвинению в заговоре против каудильо предстали перед военным судом. Эдилью и еще троих фалангистов осудили на смертную казнь, которую затем заменили на длительное тюремное заключение. Остальных Франко и его окружение рассчитывали подкупить, включив их в бюрократическую иерархию создаваемого фашистского государства.

Определяя основную «миссию» фаланги, как прочное соединение всех политических сил «нового государства», Франко в выступлении, опубликованном 19 июля на страницах «АВС», обратил особое внимание на существование в Испании громадной нейтральной массы, не испытывавшей до того времени привязанности к какой-либо партии, как на основной резерв фаланги [95]. Но приходилось до поры до времени считаться и со «старыми» фалангистами, которых поддерживала Германия.

Дом сестры основателя фаланги Пилар Примо де Ривера в Саламанке стал своего рода штаб-квартирой «старой» фаланги. Именно здесь состоялись переговоры между посланцем Франко Серрано Суньером и представителем фалангистов Д. Ридруехо, 24-летним «хефе» («вождем») провинции Вальядолид. Фалангистам были обещаны партийные посты и «теплые» места в административном аппарате, а также сохранение принципов фалангистского движения, которые были «священными» для Примо де

[94] Переписка между Суньером и Эдильей нелегально издана в 1947 г. (цит. по: *Nellessen B.* Op. cit., S. 200—201).

[95] Цит. по: *Alvarez Puga E.* Op. cit., p. 179.

Ривера [96]. Взамен фалангисты обещали свою поддержку. 4 августа 1937 г. был опубликован декрет о структуре руководящих органов фаланги. Ее прежняя структура в целом сохранялась, за одним весьма существенным исключением: вновь было подтверждено положение декрета 19 апреля, что принцип выборности «национального шефа» отменяется. Этот пост Франко, который уже был и главнокомандующим, и «главой» государства, предпочел оставить за собой.

Новая фаланга не была прочным блоком. Мадридский корреспондент берлинской газеты «Националь Цайтунг» даже в июле 1940 г. обращал внимание на то, что «монархо-теократическая программа рекете находится в резком противоречии с идеалами фашистов» [97]. Генерал Аранда в беседе с полковником германского генерального штаба Крамером в июне 1939 г. заметил: «Проведенное Франко объединение национальных партий не дало желаемых результатов, так как здесь столкнулись друг с другом огонь и вода, получилось объединение, в целом представляющее компромисс бесспорно плохого свойства». В январе 1939 г. правительственным декретом была введена обязательная форма для новой фаланги — голубые рубашки, которые носили «старые» фалангисты, и красные береты — принадлежность официальной формы рекете. Аранда, смеясь, рассказывал Крамеру, «как одни ходят с поднятым воротником пиджака, дабы спрятать форменную рубашку другой партии, а другие, наоборот, выставляют напоказ рубашку, но зато носят под мышкой красный берет, чтобы его не заметили. Уже по одним этим внешним мелочам убеждаешься, что о каком бы то ни было единстве не может быть и речи» [98].

Среди членов новой фаланги не было единства и в вопросе о месте католической церкви. Хотя большинство «старых» фалангистов выступали как антиклерикалы [99], в фаланге было немало и тех, кто в свое время с удовлетворением воспринял интервью М. Эдильи, опубликованное в «Арриба» 6 января 1937 г., где он противопоставлял «языческий культ отечества и расы» в иностранных фашистских движениях «религиозному духу, который так хорошо согласуется с нашими традициями». Однако и те и другие твердо были убеждены, что «националистическая Испания» должна стать «идеологически ориентированным обществом», где определяющей формой идеологии призван быть фашизм. Франко и его ближайшее окружение, возлагая большие надежды на фалангу в будущем, напротив, полагали, что пока «только католическая церковь является в какой-то мере объединяющей

[96] *Serrano Suñer R.* Op. cit., p. 42.
[97] «National Zeitung», 9.VII 1940.
[98] Документы министерства иностранных дел Германии, вып. III. Германская политика и Испания (1936—1943 гг.). М., 1946, с. 63.
[99] См.: *Rama C. M.* Ideologia, regiones y clases sociales en la Espana contemporanea. Montevideo, 1963, p. 38.

связью»[100] и что новые институты должны быть проникнуты специфическим духом католицизма, а сама Испания может быть только католическим государством.

Католическая церковь вновь получила огромные привилегии. В школу было «возвращено» распятие, иными словами, восстановлено церковное преподавание. Первым франкистским министром просвещения стал карлист Педро Саенс Родригес, а с 1939 по 1951 г. этот пост неизменно занимал Хосе Ибаньес Мартин, в прошлом депутат кортесов от СЭДА и ревностный католик. И фаланге пришлось смириться с тем, что ей не была дана монополия на «духовную жизнь» и идейное воспитание молодого поколения.

Не было единомыслия и в отношении к монархии. Многие «старые» фалангисты отрицательно относились к восстановлению монархии, в то время как карлисты и прочие монархисты противились созданию корпоративного авторитарного немонархического государства. И все же объединенная фаланга не была лишь искусственным соединением абсолютно разнородных элементов, как считает весьма влиятельный либеральный испанский историк С. Мадарьяга[101].

В течение всей гражданской войны и последующего десятилетия центробежные тенденции отдельных компонентов новой фаланги проявлялись весьма незначительно. Ее члены были едины в своей ненависти к республиканской Испании. Эта ненависть, умело подогреваемая теми, кто желал всеми средствами отстоять классовые привилегии землевладельческой аристократии и финансовой олигархии, цементировали эту партию сторонников диктаторского режима. В равной степени всем им были свойственны воинствующий антикоммунизм, отрицание конституционно-демократических институтов вплоть до ликвидации самой системы политических партий. А к большей унификации руководители франкистского государства и не стремились, полагая, что соперничество между фалангистами и монархистами должно сохраниться как необходимое условие политики «баланса сил».

Отдавая должное поддержке монархистов всех тенденций и принимая во внимание их влияние в мире землевладельческой аристократии, в армии и на верхних ступенях церковной иерархии, глава государства вместе с тем пытался уравновесить их «старыми» фалангистами как в высших органах фаланги, так и в системе государственного управления. Из 50 членов первого Национального совета, назначенного Франко 19 октября 1937 г., лишь 20 были в прошлом фалангистами. Остальные места в этом органе распределялись так: 11 карлистов, 5 военных высшего ранга, 14 монархистов и других бывших членов консервативных группировок[102]. В сформированный 30 января 1938 г. первый ка-

[100] Документы министерства иностранных дел Германии, с. 64.
[101] *Madariaga S.* Spain. London, 1947, p. 394.
[102] «Arriba», 22.X 1937.

бинет вошли два монархиста, два карлиста и два фалангиста. Но функции фаланги далеко не исчерпывались ролью необходимого компонента в политике «баланса сил». Проводя политику физического уничтожения последовательных противников франкистского режима, строго изолируя всех недовольных, франкисты возлагали большие надежды на фашизм с его изощренной социальной и националистической демагогией.

Шла гражданская война, ожесточенность, размах и продолжительность которой обусловливались беспрецедентной иностранной интервенцией держав «оси». В то же время на республиканской территории свершалась глубокая демократическая революция. Испания «превратилась в течение войны в народную республику без крупных капиталистов, без помещиков, без реакционеров, республику, которая опиралась на народные массы и на регулярную народную армию»[103]. 7 октября 1936 г. декрет об аграрной реформе, предусматривавший конфискацию земли у врагов республики, покончил практически с крупным помещичьим землевладением: 380 тыс. крестьянских семей получили почти 5,5 млн. га земли[104]. Промышленные предприятия и основные виды транспорта фактически находились под контролем рабочего класса. Развертывалась культурная революция. И тем силам, которые стояли за Франко, приходилось учитывать эти факторы.

В ближайшем окружении каудильо господствовало убеждение, что в условиях гражданской войны надо делать ставку только на «традиционно правящие элементы» в политической и экономической сфере, т. е. на финансовую и промышленную олигархию, земельную аристократию, армию и епископат. Вместе с тем советники Франко типа Серрано Суньера, разделяя в общем эти убеждения, пытались внести некоторые коррективы, касающиеся скорее формы, нежели существа дела, полагая, что новым временам больше соответствуют «новые формы» авторитарного государства, образцом которого они считали государство фашистского типа, и такое правительство, где бы фалангисты играли видную роль. В этом франкисты, подобные Серрано Суньеру, видели также залог благосклонного отношения к «националистической Испании» Германии и Италии, без помощи которых победа в гражданской войне была невозможной. В итоге законодательство, определившее основы франкистского государства, представляло собой своего рода компромисс между этими точками зрения.

Поверенный в делах хортистской Венгрии при правительстве Франко Водианер в 1938 г. неоднократно отмечал в донесениях, что в правящих верхах ощущается скрытая напряженность. Сторонники фаланги считали, что Франко «в социальной области

---

[103] *Диас Х.* Об уроках войны испанского народа (1936—1939).— «Большевик», 1940, № 4.

[104] La reforma agraria en España. Valencia, 1937, p. 61—65.

недостаточно радикален»[105]. Мелкобуржуазные и люмпенпролетарские слои, составлявшие массовую базу фаланги[106], всерьез принимали обещание провести социальные реформы, которым уделялось немало места в программе и других документах фаланги. Однако осуществление этих реформ ни в коей мере не входило в планы Франко и тех, кто за ним стоял: латифундистов, представителей финансовой олигархии, церкви и генералитета.

Весной 1938 г. в кабинет министров были внесены два «проекта решения социальных проблем». Авторами первого были министр труда фалангист Гонсалес Буэно и «клика консерваторов-технократов», как именовали ветераны-фалангисты экономических экспертов финансового мира. Второй проект разработали профессор экономики Вальядолидского университета Хоакин Гарригес, известный экономист Франсиско Ксавьер Конде и фалангист Ридруехо. Этот проект, в котором предлагалось ввести контроль синдикалистской системы над национальной экономикой, кабинет министров признал негодным. Министры полагали, что демагогические приемы уместны в пропаганде, но не в реальной политике. Первый проект, более консервативный и патерналистско-капиталистический по своей природе, направили для дальнейшего обсуждения в Национальный совет фаланги. Но там военные и карлисты оценили его как «излишне радикальный»[107].

Вообще все проекты, относившиеся к социально-экономической сфере, подвергались самой придирчивой редакции в министерствах и руководящих органах фаланги. Национал-синдикалистская фразеология, которой еще грешили контролируемые Д. Ридруехо пресса и радиопередачи, заменялась в официальных документах формулировками консервативного толка. В полной мере это относится и к декрету от 19 марта 1938 г., утвердившему «Хартию труда», документ, подготовленный Гонсалесом Буэно и отредактированный в Национальном совете фаланги. Основой корпоративизма объявлялась система синдикатов производителей, своего рода модернизованный вариант средневековых цехов, изображавшийся фалангистской пропагандой как панацея от всех социальных бед. Эта система была поднята до уровня государственной политики. Вертикальные синдикаты, объединявшие рабочих и предпринимателей по отраслям производства, наделялись правами государственных организаций. Рабочие теряли право на забастовку, а все вопросы, связанные с регулированием трудовых отношений, объявлялись прерогативой государства[108].

[105] Цит. по: *Емнец Я.* Венгерские дипломаты о развитии испанского фашизма.— Проблемы испанской истории. М., 1971, с. 78.

[106] По данным, опубликованным в газете «Arriba» от 6 января 1937 г., 50 тыс. фалангистов находились в отрядах милиции на фронте и 30 тыс.— в тылу.

[107] *Payne S.* Op. cit., p. 197.

[108] Конституции буржуазных государств Европы. М., 1957, с. 506—507.

К практическому созданию вертикальных синдикатов франкисты приступили уже после поражения республики. Фалангисты-«старорубашечники» осуществляли контроль не только над социальными службами «Испанской традиционалистской фаланги», но и над таковыми в различных министерствах. Аппарат функционеров объединенной фаланги составляли исключительно фалангисты-«старорубашечники». Незначительно представленные в высших звеньях государственного аппарата, они вместе с тем буквально заполнили провинциальный аппарат. Со временем, однако, многие фалангисты получили посты и в высшей администрации. Это надежно привязывало их к франкистскому государству. К тому же «старорубашечники» вскоре перестали составлять большинство в фаланге, ее наводнили люди, не входившие прежде ни в какую партию.

Генералы и офицеры всех родов войск, например, согласно статье 5 устава фаланги, становились членами фаланги, как и чиновники, занимавшие более или менее ответственные посты. По декрету от 1 октября 1938 г. все, кто был подвергнут тюремному заключению на территории республики по политическим мотивам, автоматически становились членами «Испанской традиционалистской фаланги» [109]. По признанию Серрано Суньера, «подавляющую часть партии составляли не более чем номинальные члены» [110]. Но это, по-видимому, не противоречило взглядам Франко и его окружения на фалангу.

В торжественных случаях каудильо считал целесообразным появляться в фалангистском костюме. Но в государственной политике он неукоснительно соблюдал «баланс сил», широко применяя принцип «разделяй и властвуй». Любопытно, что при решении ключевых проблем внутренней и внешней политики явное предпочтение отдавалось не фалангистским демагогам, а людям, знающим какую-либо отрасль хозяйства или управления,— финансовым дельцам и бизнесменам, генералам, чиновникам высшего ранга различных ведомств. Тем не менее за годы гражданской войны фаланга превратилась из полуоппозиционной партии, соперничавшей с Франко в борьбе за монополию власти, в надежную его опору. Фаланга активно включилась в фашистскую «реконструкцию» страны и была не только деятельным проводником, но и инициатором правительственной политики террора. Именно на нее опиралось в своей деятельности первое правительство националистической Испании, развернувшее лихорадочную деятельность по ликвидации прогрессивного законодательства республики. В начале апреля 1938 г. была создана Национальная служба социально-экономической реформы земли, которая должна была возвратить собственность ее «законным» владельцам. 5 апреля был ликвидирован «Каталонский статут».

---

[109] «Boletin del Movimiento», 10.X 1938.
[110] *Serrano Suñer R.* Op. cit., p. 60.

3 мая иезуиты были официально возвращены в Испанию. Правительство осуществило практические меры по реализации декрета, подписанного Франко еще 15 декабря 1937 г., по которому были восстановлены гражданство бывшего короля Альфонса и права собственности королевской семьи на принадлежавшее ей имущество. Большинство этих распоряжений преследовало цель восстановить дореспубликанские порядки.

Между тем гражданская война приближалась к своей трагической развязке. Решающую роль в таком исходе национально-революционной войны в Испании сыграла германо-итальянская интервенция. 1 апреля 1939 г. Франко объявил испанцам, что война окончена. То был мир могил, как и предупреждала в свое время Компартия Испании. Масштабы репрессий были таковы, что, казалось, франкисты намеревались преодолеть пресловутый «кризис нации» путем физического уничтожения или строгой тюремной изоляции не только своих активных противников, но и всех неподдающихся «единению во франкизме» элементов населения. Против них была направлена система государственного террора. В полной мере использовался опыт фашистской Германии в ее борьбе против демократических, в первую очередь рабочих, организаций. Чиано писал о «200 тысячах красных» в тюрьмах Испании в июле 1939 г.[111] Германский посол Шторер сообщал в Берлин, что к началу 1941 г. в тюрьмах и концлагерях Испании находилось 1—2 млн. «красных»[112].

8 августа 1939 г. стало известно об отставке Фернандеса Куэсты. Был сформирован второй правительственный кабинет. Новым генеральным секретарем фаланги и руководителем милиции назначался генерал Муньос Грандес, принадлежавший к тому большинству в армии и фаланге, которое полагало, что лидерство Франко в период гражданской войны дает ему мандат на управление Испанией в течение ближайшего будущего. Из девяти постоянных членов политической хунты только один Ридруехо представлял «старую» гвардию, остальные либо вступили в фалангу относительно недавно (среди них — младший брат основателя фаланги Мигель), либо числились до недавнего времени монархистами-альфонсистами, карлистами и т. д. Два члена политической хунты, Д. Карсельер и Блас Перес, были известны своими тесными связями с финансовым миром. Но зато фалангисты получили еще один пост в правительстве — Санчес Масас был назначен министром без портфеля, а Мигель Примо де Ривера стал провинциальным «хефе» Мадрида.

Одним из первых мероприятий нового правительства был декрет об учреждении национальных вертикальных синдикатов. Декрет разъяснял, что вертикальный синдикат является корпорацией, создаваемой путем объединения в централизованную организацию

---

[111] *Ciano G.* L'Europa verso la catastrofe. Verona, 1948, p. 444.
[112] DGFP, Series D, v. XII, p. 36.

тех элементов, деятельность которых направлена на выполнение различных функций в одной и той же отрасли экономики, будь то сфера производства или обслуживания. Корпорация управлялась своей иерархией под наблюдением государственных органов. Должности различных степеней в синдикате обязательно замещались активистами «Испанской традиционалистской фаланги и ХОНС». Реализация декрета растянулась на многие месяцы. Всего к середине сентября 1940 г. было создано 26 национальных синдикатов.

Контролируемая фалангой пресса, комментируя декрет, пыталась убедить, что замена понятий «рабочий» и «работодатель» общим понятием «производитель» приведет к отмиранию классов и классовой борьбы: «Национальные синдикаты служат залогом того, что националистический режим объединит производительные элементы в одно целое для того, чтобы совместными усилиями способствовать исчезновению различий, которые между ними проявляются»,— писала 9 августа 1939 г. газета «Арриба Эспанья» (Памплона). Франкисты и те, чьи интересы они отражали,— финансовая и латифундистская олигархия, утвердив свою диктатуру на развалинах республики после трех лет ожесточенной гражданской войны, остро нуждались в широком распространении таких иллюзий в надежде, что они будут способствовать смягчению классовых антагонизмов. Но в ожидании, пока плоды франкистского «просвещения» созреют, власти явно предпочитали методы принуждения методам убеждения.

ИСПАНИЯ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

1 сентября 1939 г. началась вторая мировая война; 4 сентября Франко подписал декрет о нейтралитете.

Руководители фашистской Испании в то время отдавали себе отчет в том, что вовлечение обескровленной и еще не до конца «умиротворенной» Испании в войну неизбежно обернется катастрофой для режима. В то же время франкисты опасались дать отрицательный ответ на настойчивые призывы Берлина вступить в войну: диктатура своим существованием была обязана гитлеровской Германии и фашистской Италии. Державы «оси» в то время были единственной внешнеполитической опорой франкистского режима. Франко поощрял прогерманские демонстрации фалангистов и пронацистскую кампанию в прессе, однако в вопросе о вступлении в войну явно отдавал предпочтение точке зрения военных. «Большинство военных,— доносил в Берлин Шторер,— высказываются против войны главным образом по причине экономической разрухи, а также из-за дефектов в военной подготовке» [113].

В результате гражданской войны в 192 городах и селах было разрушено 60% зданий, 40% подвижного состава железных дорог,

[113] DGFP, v. XII, p. 612—613.

множество мостов и дорожных сооружений [114]. Социальные последствия тяжелого состояния экономики — голод, безработица, отсутствие жилищ — усугубляли недовольство властью, усиливали политическую неустойчивость режима.

Как писал советский экономист Х. Висенс, «чтобы спасти строй, в котором черты развитой капиталистической экономики (монополистический капитал) сочетаются с отсталыми формами полуфеодальных отношений, а также со значительной политической ролью помещичьего класса, франкистская диктатура стала глубоко вмешиваться в экономику» [115].

Серией декретов была создана система правительственного контроля, позволявшая государству, не будучи собственником средств производства, оказывать влияние с помощью административных мер как на сферу производства, так и на сферу распределения и потребления. Регламентация и контроль над экономикой осуществлялись при сохранении частной собственности, инициативы и прибыли. Идеологическим оформлением политики государственного контроля послужили «концепции» экономического национализма, разделяемые как идеологами фаланги, так и традиционалистами. Крайним проявлением экономического национализма были призывы к политике автаркии [116], с которой монополистические круги Испании связывали надежды на полное устранение конкуренции иностранного капитала [117].

Война, деформировавшая все привычные экономические связи, укрепила правительственные круги Испании в их намерении форсировать создание системы самообеспечивающейся экономики. Эту цель преследовала серия так называемых законов о развитии промышленности 1939—1941 гг. Автаркия была вынужденным шагом, обусловленным второй мировой войной и экономической блокадой, которую временами весьма жестко применяли по отношению к Испании западные державы. Но вместе с тем это создавало благоприятные условия для укрепления позиций испанского монополистического капитала. 24 октября 1939 г. был издан закон о покровительстве и защите национальной промышленности. Предприятиями, представляющими «национальный интерес», в первую очередь объявлялись те, которые имели отношение к военной индустрии, в том числе отрасли горнорудной промышленности, поставлявшие для нее сырье.

Среди мер, определявших границы вмешательства государства в экономику в интересах монополистического капитала, особое место занял закон от 25 сентября 1941 г. об образовании Национального института промышленности, призванного «направлять и финансировать создание и воссоздание национальной индуст-

[114] *Висенс Х.* Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965, с. 271.
[115] Там же, с. 312.
[116] См.: «Arriba España», 29.VII 1939.
[117] Подробнее о политике автаркии см.: Испания. 1918—1972, с. 303—312.

рии» [118]. Он был вначале подчинен непосредственно Франко, а затем до 1963 г. его возглавлял Суанчес, инженер, друг отроческих лет Франко, ярый поклонник экономической политики нацизма. Таким образом, при создании государственно-монополистического сектора экономики Франко использовал идеи фаланги, пропуская их сквозь сито прагматизма и реальных интересов правящей элиты.

12 июня 1940 г. статус нейтралитета был заменен статусом «невоюющей стороны». С переходом к нему внешнеполитические задачи стали превалировать над внутриполитическими. По признанию Франко, этот статус означал форму симпатии к странам «оси». Однако это, по мнению молодежного большинства фаланги, было недостаточно действенным шагом: пронацистски настроенные фалангисты рвались к войне. Во время беседы с Риббентропом в Берлине 16 сентября 1940 г. Серрано Суньер обратил внимание своего собеседника на молодых членов фаланги как на наиболее активных сторонников вступления Испании в войну [119].

Во второй половине января 1941 г. Германия усилила нажим на Испанию. 21 января 1941 г. Риббентроп довел до сведения Шторера: «Если каудильо не примет решения немедленно вступить в войну на стороне держав «оси», правительство рейха не может не предвидеть конца националистической Испании» [120]. Но вступить в войну Испания не могла. 6 февраля 1941 г. Шторер доносил в Берлин: «В последние три недели внутреннее положение в Испании стало еще более острым... Не исключены голодные бунты» [121]. К тому же постоянное соперничество между фалангой и армейской верхушкой, которое зимой — весной 1941 г. приняло весьма острые формы, грозило нарушить стабильность власти.

5 мая 1941 г. полковник В. Галарса, противник «старорубашечников», был назначен на пост министра внутренних дел. Галарса попытался дисциплинировать фалангистскую «вольницу», какой до сих пор оставалась фалангистская милиция. В ответ 10 провинциальных «хефе» фаланги демонстративно ушли в отставку. Вслед за тем в «Арриба» появилась статья, содержавшая оскорбительные намеки, касавшиеся Галарсы. Автором статьи был Д. Ридруехо, постоянный член политической хунты, фаворит Суньера, официальный директор отдела пропаганды в министерстве внутренних дел. Санкцию на публикацию статьи дал Тóвар, субсекретарь прессы в фаланге, ответственный за выпуск «Арриба». Франко немедленно уволил в отставку обоих. На пост генерального секретаря фаланги, который в течение нескольких месяцев оставался вакантным, был назначен Хосе Луис Арресе, по профессии архитектор, «хефе» провинции Малага. Это означало своего рода уступку военным, ненавидевшим и завидовавшим

[118] *Tamames R.* Estructura economica de España. Madrid, 1969, p. 230—236
[119] Документы министерства иностранных дел Германии, с. 137—138.
[120] DGFP, v. X, p. 1157—1158.
[121] DGFP, v. XII, p. 36—37.

«куньядисимо» (от испанского слова «куньядо» — шурин; Суньер — муж сестры Франко), который был в то время и президентом политической хунты, и министром иностранных дел, и шефом правительственной и партийной прессы. Франко считал Арресе неспособным к политической интриге и вместе с тем достаточно надежным, чтобы покончить с фрондерством в фаланге.

Арресе оправдал возлагавшиеся на него надежды. Сторонник компромисса, он неустанно крепил связь между фалангой и армией [122]. Фаланга была поставлена на место. Но дальнейшее ее ограничение не входило в намерения Франко. Эта организация должна была стать опорой его режима. Назначение фаланги состояло в том, чтобы держать массы в узде с помощью террора и контролируемых ею вертикальных синдикатов. 19 мая 1941 г. фалангисты получили два новых поста в правительственном кабинете — Хосе Антонио Хирон стал министром труда, Мигель Примо де Ривера — министром сельского хозяйства.

Начиная с марта 1941 г. Берлин ослабил нажим на Испанию, поскольку Германия в то время уже глубоко увязла в подготовке войны против СССР. После нападения на Советский Союз в Берлине полагали, что Испания с минуты на минуту станет активной воюющей стороной. 22 июня 1941 г. Серрано Суньер сообщил Штореру, что нападение Германии на Советский Союз «вызвало величайший энтузиазм в Испании». Суньеру следовало бы уточнить: в рядах фаланги. Он обратился к гитлеровцам с просьбой дать возможность добровольцам-фалангистам принять участие в борьбе против коммунизма в память о той «братской помощи», которую гитлеровская Германия оказывала Франко во время гражданской войны 1936—1939 гг. [123] Два дня спустя Риббентроп известил Шторера, что «германское правительство с радостью и удовлетворением примет формирование добровольцев фаланги» [124]. В тот же день Суньер обратился к членам фаланги с призывом вступить в «голубую дивизию». Была развернута широкая пропагандистская кампания. Правда, с первоначальным замыслом формирования добровольческого соединения исключительно из членов фаланги Суньеру пришлось расстаться. «Из-за соперничества фаланги и армии добровольцы будут набираться не только из фалангистов, но и из легиона, связанного с армией»,— доносил Шторер в Берлин [125].

Испанская «голубая дивизия» (идея создания дивизии принадлежала лидерам фаланги, в этой связи называют чаще всего Д. Ридруехо [126]) была сформирована в самые сжатые сроки: 13 июля первый эшелон добровольцев отбыл в Германию, в ла-

[122] *Arrese J.* Escritos y discursos. Madrid, 1948, p. 41—47, 89—95.
[123] DGFP, v. XII, p. 1080—1081.
[124] Ibid., p. 1081.
[125] DGFP, v. VII, p. 16—17.
[126] *Garriga R.* La España de Franco. Las relaciones con Hitler. Mexico, 1970, p. 280.

герь под Графенвером. 14 октября 1941 г. 250-я пехотная дивизия вермахта — так официально называлась «голубая дивизия» — после 47-дневного перехода прибыла в район Новгорода. Командовал дивизией Муньос Грандес, бывший генеральный секретарь фаланги, в дальнейшем его сменил бригадный генерал Э. Эстебан Инфантес. В октябре 1941 г. на советско-германский фронт, в район Клина, прибыла эскадрилья испанской авиации [127].

Готовясь к штурму Ленинграда, предполагавшемуся в сентябре 1942 г., командование немецкой группы армий «Север» подтянуло к городу ряд новых соединений, в том числе и «голубую дивизию». 5 сентября 1942 г., как раз в те дни, когда дивизия занимала позиции на Колпинском участке Ленинградского фронта, Гитлер отметил: «При первой же возможности я награжу Муньоса Грандеса железным крестом с дубовыми листьями и бриллиантами. Это окупит себя. Солдаты всегда любят мужественного командира. Когда придет время для возвращения легиона в Испанию, мы по-королевски вооружим и снарядим его. Дадим легиону гору трофеев и кучу пленных русских генералов. Легион триумфальным маршем вступит в Мадрид, и его престиж будет недосягаем» [128]. Это «обещание» Гитлера постигла та же участь, что и прочие его «пророчества».

Но почему же Гитлер так заботился о престиже «голубой дивизии» именно в момент возвращения в Испанию? Его настораживало явное тяготение лидеров новой фаланги к реставрации монархии и значительное влияние в Испании католической церкви. А фалангист Муньос Грандес с его дивизией был, по мнению Гитлера, как раз тем человеком, который мог бы «улучшить» ситуацию в Испании. Но напрасно Гитлер возлагал надежды на «голубую дивизию» в том составе, в каком она была к осени 1942 г., как на гранитный бастион фашизма: к этому времени от первоначального состава дивизии остались лишь номер да нарукавный знак [129].

Среди солдат и офицеров первого формирования дивизии действительно было немало фанатиков-фалангистов (до 80% личного состава [130]) и кадровых военнослужащих франкистской армии, сжигаемых ненавистью к республиканцам и их друзьям, прежде всего к СССР. Из них немногие остались в живых, а те, кто уцелел, начали понемногу утрачивать веру в победу гитлеровского оружия. А иные и прозрели. Среди последних был член политической хунты рядовой Д. Ридруехо. После нескольких месяцев

[127] *Salas Larrizabal J.* Aviacion de caza española en Rusia.— «Revista de aeronautica», 1974, deciembre.

[128] Hitler's Secret Conversations. 1941—1944. New York, 1953, p. 64.

[129] Согласно сообщению Э. Эстебан Инфантесу, к августу 1942 г. потери «голубой дивизии» составили 14 тыс. человек.— In: Blaue Division. Spaniens Freiwillige an der Ostfront. Hamburg, 1958, S. 61—95. Подробнее о «голубой дивизии» см.: *Пожарская С. П.* Тайная дипломатия Мадрида. М., 1971, с. 105—142.

[130] Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10183, д. 118, л. 178.

пребывания на фронте он писал: «В моей жизни русская кампания сыграла положительную роль. У меня не только не осталось ненависти, но я испытывал все нарастающее чувство привязанности к народу и земле русской. Многие мои товарищи испытывали те же чувства, что и я. Короче говоря, я вернулся из России очищенным от скверны, свободным поступать по велению своей совести» [131]. Командование и уполномоченные фаланги были крайне обеспокоены подобными настроениями. Фалангистам неустанно разъясняли, что главная задача на фронте — разоблачать бывших республиканцев и бороться с «вредными настроениями» солдат [132].

В то время как «голубая дивизия», созданная по инициативе фаланги, вносила свой кровавый вклад в борьбу объединенных сил европейского фашизма против Советского Союза, фаланга в самой Испании всячески способствовала укреплению террористического, антинародного режима в стране.

Не возлагая особых надежд на «перевоспитание» поколения, пережившего революцию и гражданскую войну, руководители фаланги уделяли повышенное внимание молодежи, которая пришла на фабрики и заводы взамен сотен тысяч кадровых рабочих, погибших на фронтах, расстрелянных «победителями», изолированных от общества в тюрьмах и концлагерях, вынужденных эмигрировать.

При Арресе аппарат фаланги настолько разросся, что функции различных служб фаланги, как правило, дублировали службы большинства министерств. Но на местах начиная с 1941 г. произошло фактическое слияние государственного и партийного аппарата: пост гражданского губернатора занимал обычно «хефе провинциаль» фаланги. В соответствии с декретом от 28 ноября 1941 г. была проведена очередная реорганизация фаланги: возникли четыре главных управления, каждое из которых возглавлялось вице-секретарем фаланги [133].

Арресе, проводя последовательную политику обеспечения «тепленьких местечек» за всеми фалангистами, достиг определенных успехов в консолидации фаланги, в преодолении трений между «старыми» и «новыми» рубашками. «Члены фаланги имеют все необходимое, в то время как население нуждается»,— отмечал 11 июня 1942 г. мадридский корреспондент цюрихской газеты «Ди Вельтвохе».

И тем не менее фалангистские лидеры подозревали всех и каждого в «нелояльном» образе мышления и в «красном» прошлом. Арресе счел нужным принять превентивные меры по очищению организации от «скверны». Основными критериями фалангистской чистоты были признаны безукоризненное, с фашистской точки зрения, прошлое и не вызывающая сомнения преданность

---

[131] *Ridruejo D.* Escrito en España. Buenos Aires, 1964, p. 109.
[132] Архив МО СССР, ф. 411, оп. 10183, д. 12, л. 77.
[133] «Informaciones», 30.XI 1941.

лично каудильо и основным принципам «национального движения» [134].

Эта чистка не коснулась фалангистских «ультра», для которых нацистская Германия была образцом решения всех внутренних и внешних проблем. «В этой группе господствовало представление о том, что все беды и недостатки в Испании, включая нищету и социальную несправедливость, происходят главным образом из-за влияния в прошлом англо-французской ориентации,— отмечал Ридруехо, сам когда-то входивший в эту группу.— С победой держав «оси» связывалось создание единой Европы, независимой и могучей, в которой Испания (неизвестно только каким образом) сможет играть важную роль» [135]. С этой группой постоянно поддерживали тесную связь агенты VI отдела гитлеровского Главного управления имперской безопасности, которые умело подогревали пронацистские настроения ее членов. Именно в этой среде и возник заговор, кульминационным пунктом которого стал инцидент в Бильбао 14 августа 1942 г.

После окончания мессы в церкви св. девы Бегоньи в память традиционалистов, павших во время гражданской войны, ветераны-карлисты устроили своеобразную демонстрацию, выкрикивая: «Да здравствует король!» В ответ фалангист Домингес бросил ручную гранату туда, где стоял военный министр Варела, карлист, старый враг фаланги и к тому же, по твердому убеждению гитлеровских агентов, англофил. Шесть человек из свиты Варелы были ранены, но сам он остался жив. Франко прервал традиционное турне по провинциям, возвратился в Мадрид и потребовал немедленного расследования.

Августовские события оказались для Франко весьма своевременными. Летом 1942 г. правящие круги сочли необходимым перейти к постепенной внешнеполитической переориентации. Именно с Суньером у руководителей США и Англии ассоциировалось проведение открытой прогерманской и пронацистской линии, и Франко, воспользовавшись тем, что во время следствия были выявлены связи Суньера с заговорщиками, дал ему отставку. После этого фаланга утратила возможность оказывать непосредственное воздействие на внешнеполитический курс, но внутри страны ее позиции не были поколеблены. Более того, именно в эти годы возрастает роль фаланги в системе франкистского государства.

17 июля 1942 г. Франко, выступая с традиционной речью перед Национальным советом фаланги, с раздражением говорил о «нечестном и нелояльном поведении некоторых испанцев» [136]. На неизбежность существования «весьма значительного, хотя и скрытого, течения против Франко» [137] неоднократно обращали внимание мадридские корреспонденты западноевропейских газет, аккре-

[134] «El Alcazar» (Madrid), 26.II 1942.
[135] *Ridruejo D.* Op. cit., p. 108—109.
[136] Цит. по: *Hills G.* Franco. The Man and his Nation, p. 356.
[137] «News Chronicle», 19.I 1940.

дитованные в «нейтральной» Испании. «Большинство населения неизменно остается «красным», хотя между отдельными группами «красных» существуют глубокие расхождения»,— отмечал 12 июня 1942 г. корреспондент цюрихской газеты «Ди Вельтвохе». Для автора статьи «красными» были все, кто не смирился с фашизмом.

В горах Андалусии, Астурии и Леона продолжали действовать партизанские отряды, созданные там сразу после захвата франкистами этих областей в годы гражданской войны. Коммунистическая партия Испании поддерживала связь с партизанами. По сравнению с другими запрещенными политическими партиями ей удалось добиться наибольших успехов в создании сети нелегальных организаций. «Испанских коммунистов насчитывалось не очень много, но они были единственной группой в Испании... которую отличала хорошая организованность и дисциплинированность»,— отмечал посол США в Испании К. Хейс [138].

К началу 1942 г. стали возрождаться первые подпольные группы анархо-синдикалистов и социалистов. В конце 1943 г. полиция разгромила одну из подпольных групп каталонских националистов, действовавших с 1940 г.[139]

Старые распри, которые в свое время так существенно ослабили способность республиканцев к сопротивлению в последний период гражданской войны, не были забыты, что в конечном счете снижало эффективность антифранкистской оппозиции. Компартия не оставляла надежды на объединение всех сил, выступавших против франкизма. «Значение переживаемого нами периода обязывает отмести разделявшие нас до сегодняшнего дня разногласия, ненависть и страсти»,— призывал ЦК КПИ в манифесте в сентябре 1942 г.[140] Но даже разобщенная, антифранкистская оппозиция мешала существовавшему в стране режиму обрести ту политическую стабильность, на отсутствие которой обращали внимание послы иностранных держав и мадридские корреспонденты зарубежных газет.

Серьезное беспокойство руководителям франкистского государства внушали и настроения части интеллигенции. К. Хейс пишет о весне и лете 1942 г., как «о времени настоящей эпидемии студенческих бунтов» [141]. Отдавая предпочтение привычным методам подавления силами полиции и армии, правящие круги страны возлагали особую надежду в «сдерживании крамолы» на фалангу: 31 июля 1943 г. франкисты издали особый закон, по которому университет должен был приспособить свою деятельность к программе фалангистского движения. «Не может быть назначен на кафедру тот,— гласил закон,— кто не подчиняется основным принципам фалангистского движения. Все студенты должны входить в

[138] *Hayes C.* Wartime Mission to Spain 1942—1945. New York, 1945, p. 50.
[139] *Villar S.* Protagonistas de la España democratica. Paris, 1969, p. 32.
[140] История Коммунистической партии Испании. М., 1961, с. 219.
[141] *Hayes C.* Op. cit., p. 56.

Единый университетский синдикат» (создан в 1943 г.) [142]. Контрольные функции фаланги расширились: помимо вертикальных синдикатов, фалангисты отныне включили в сферу своего надзора и университеты.

Летом — осенью 1942 г. усилились разногласия в правительственном лагере. Внутри фаланги никогда не прекращались распри между носителями монархической и антимонархической традиции, между карлистами и сторонниками последнего испанского короля Альфонса XIII. На этот раз оживление среди монархистов было вызвано заявлением Хуана Барселонского, сына умершего в феврале 1941 г. Альфонса XIII, о своем праве на престол. Высказывались предположения о готовящемся компромиссе Франко с монархистами. Но Франко не спешил выпускать власть из своих рук, хотя и он, и его ближайшее окружение отдавали себе отчет в том, что реставрация монархии и для монархической Англии, и для республиканской Америки представлялась наиболее приемлемым решением испанской проблемы. Распускаемые самой властью слухи о готовящейся реставрации были своего рода маневром, который стал составной частью правительственного курса на постепенную внешнеполитическую переориентацию. Но вместе с тем порожденные этими слухами надежды стимулировали монархическое движение, которое временами приобретало оппозиционные режиму формы.

Своеобразной реакцией на иное соотношение внешнеполитического «баланса сил» была возрастающая летом — осенью 1942 г. критика представителями высшей церковной иерархии нацизма и расизма [143], вызвавшая широкий отклик среди верующих. Церковь все еще оставалась важнейшей опорой режима, однако среди не только низшего духовенства, но и отдельных представителей высшей иерархии стала проявляться тенденция отмежеваться от наиболее одиозных сторон теории и практики франкизма.

Попыткой консолидировать правящий лагерь было учреждение законом от 17 июля 1942 г. кортесов, не предусмотренных до того ни одним программным документом фаланги. Основная задача кортесов, как следует из статьи первой, заключалась «в подготовке и разработке законов без ущерба для полномочий главы государства». Утверждать законы мог только глава государства. Кортесы были корпоративным учреждением, в его состав входили 438 прокурадоров по должности: министры, члены Национального совета фаланги, представители вертикальных синдикатов, ректоры университетов, алькальды всех провинций Испании, а также Сеуты и Мелильи и лица, которые «в силу своих выдающихся заслуг перед родиной» назначаются главой государства [144]. Кортесы были совещательным органом. И хотя официальная пропаганда пыталась представить этот орган как «имеющий корни в испан-

[142] «Informaciones», 1.VIII 1943.
[143] Foreign Relations of the United States, 1942, v. III. Washington, 1961, p. 298.
[144] Конституции буржуазных государств Европы, с. 508—543.

ском складе ума и традициях» и отличающийся от учреждений нацизма и фашизма не меньше, чем от «плутократических» демократий, моделью для кортесов служили корпоративные учреждения фашистской Италии.

Чем больше укреплялось намерение Франко отойти от держав «оси», тем более явным становился двойной счет по отношению к фаланге и характеру режима для внутреннего и внешнего потребления. Переломным стал 1943 год — год Сталинградской и Курской побед. Под влиянием неблагоприятного для фашистской Германии хода военных событий участились попытки закамуфлировать для внешнего мира франкистский режим, как якобы не имеющий ничего общего с нацистским [145]. Вместе с тем после издания закона об университетах пресса и радио, направляемые фалангой, начали широкую кампанию, требуя подчинить всю идеологическую жизнь страны принципам верности гитлеровской Германии. Президент Рузвельт в письме к послу США в Испании Хейсу обратил внимание на поведение фаланги и испанской прессы, весьма далекое от нейтрального [146].

И все же 10 октября 1943 г., во время ежегодного большого приема, Франко, в отличие от последних лет, определил позицию Испании как нейтральную. Наиболее зримым воплощением новой внешнеполитической линии был приказ от 12 октября 1943 г. об отзыве «голубой дивизии» с советско-германского фронта. За несколько дней до этого пресса получила приказ «сменить тон» а фалангистским лидерам была дана соответствующая инструкция [147]. В то время даже в выступлениях Арресе привычное поношение коммунизма отошло на второй план, уступив место пропаганде тезиса о том, что фаланга — это совершенно оригинальная организация, способная к перестройке своей деятельности в соответствии с новыми условиями. Страшась санкций со стороны держав антигитлеровской коалиции и отдавая себе отчет в том, что именно фаланга в первую очередь послужит поводом для этих санкций, Франко решил, что пришло время на словах отмежеваться от фашистских доктрин. 24 марта 1945 г., принимая нового американского посла М. Армюра, Франко заявил, что фаланга — вовсе не политическая партия, а всего лишь объединение лиц, заинтересованных в поддержании порядка, в благоденствии и развитии Испании [148].

ФРАНКИЗМ ПРИСПОСАБЛИВАЕТСЯ

Обескровленное репрессиями, ослабленное непрекращавшимися раздорами соперничавших группировок, движение антифранкистской оппозиции не добилось какого-либо ощутимого результа-

[145] Foreign Relations of the United States, 1943, v. II. Washington, 1964, p. 611.
[146] Ibid., p. 617.
[147] Ibid., p. 620—621.
[148] Foreign Relations of the United States, 1945, v. V. Washington, 1967, p. 671.

та. И только разгром мирового фашизма в мае 1945 г. положил начало кризису всей системы фашистской диктатуры в Испании.

19 июня 1945 г. на конференции стран — учредительниц ООН в Сан-Франциско Испании было отказано в просьбе о приеме в организацию как стране, политический режим которой был учрежден при помощи вооруженных сил стран «оси». Это решение побудило испанское правительство поспешить с обнародованием 17 июля 1945 г. «Хартии испанцев» — основного закона, который был призван убедить общественное мнение как за рубежом, так и внутри страны, что режим вступил на путь «либерализации».

Согласно хартии, никто отныне не мог быть арестован иначе, как по закону, и вопрос об освобождении или об аресте должен был быть решен в течение 72 часов после задержания. Однако репрессивное законодательство, оставшееся без изменений, превращало «гарантию свободы личности» в фикцию. Хартия обещала испанцам свободу ассоциаций, если они преследуют дозволенные цели, и свободу выражения идей, «если они не являются посягательством на основные устои государства» [149].

Однако предел «дозволенных целей», установленный франкистским режимом после разгрома республики, остался неизменным, равно как и основные устои государства, которое продолжало оставаться репрессивным и антидемократическим. Не были внесены какие-либо коррективы в государственную структуру. Институт национальной промышленности и система вертикальных синдикатов не претерпели изменений, равно как и их роль в системе государства.

В день обнародования хартии, который был приурочен к очередной годовщине мятежа, Франко заявил, «что лучшие законы будут иметь малое значение, если дух... фаланги будет утрачен», и призвал бороться с коммунизмом в Испании и вне [150]. Однако «дух фаланги», который Франко призвал охранять, претерпел к 1945 г. известные изменения. Некоторые компоненты того идеологического комплекса, который был создан основателями испанского фашизма и преследовал цель привести фалангу к власти, оказались ненужным бременем уже к моменту создания «Испанской традиционалистской фаланги и ХОНС», именуемой, как правило, «большой» фалангой, и особенно после утверждения франкизма у власти.

Некоторые из этих компонентов были отсечены вместе с их носителями — группой Эдильи и Аснара, Тóваром и Ридруехо. Немало приверженцев национал-синдикализма было и среди тех фанатиков-фалангистов, которые выразили желание отправиться на советско-германский фронт во имя борьбы с «мировым коммунизмом» и нашли смерть на полях России. Иные положения фалангистской идеологии продолжали кочевать по страницам испанской

---

[149] Конституции буржуазных государств Европы, с. 509.

[150] Цит. по: Foreign Relation of the United States, 1945, v. V, p. 682.

прессы, воспринимаемые большинством читателей как носители пустой риторики и демагогии.

Франкизм взял на вооружение лишь то, что отражало интересы господствующих классов и не противоречило идеологическим устремлениям тех сил, на которые помимо фаланги опирался режим: авторитаризм, антикоммунизм, антипарламентаризм, идеализация «самобытности», тема единой и неделимой Испании. Отсюда обосновывалась необходимость борьбы со всеми национальными и региональными движениями, грозившими нарушить эту целостность.

Утверждение испанского фашизма у власти в результате победы в гражданской войне привнесло в идеологический комплекс франкизма те элементы, которых не было ни у фалангистов, ни у традиционалистов: доктрину «каудильяхе», иными словами, обоснование «миссии» каудильо, ответственного только «перед богом и историей», и фетишизацию армии как гаранта стабильности режима.

В последующие после окончания гражданской войны годы традиционалистский идеологический комплекс, энергично поддерживаемый католической церковью, получил значительное распространение. «Нейтралитет» страны в годы второй мировой войны внес определенные коррективы и в провозглашенную программой фаланги «империалистическую» миссию Испании: требование воссоздания империи интерпретировалось средствами массовой пропаганды как необходимость утверждения принципов паниспанизма.

Законодательные акты, принятые режимом, отражали не только воздействие внешних факторов, но и в какой-то степени те изменения, которые претерпел франкизм за годы второй мировой войны. Декрет о роспуске фалангистской милиции был опубликован еще 12 декабря 1944 г. 27 июля 1945 г. службы прессы и пропаганды были изъяты из ведения вице-секретариата народного образования фаланги и переданы министерству национального образования, шеф которого Х. Ибаньес Мартин был ревностным католиком и в прошлом — член СЭДА. 11 сентября 1945 г. был упразднен фашистский салют. 18 июля 1945 г. во время частичной реорганизации членом кабинета впервые становится лидер «Католического действия» А. Мартин Артахо, получивший портфель министра иностранных дел. И хотя генеральный секретарь фаланги Х. Луис Арресе не вошел в правительство, портфель министра труда получил Хосе Хирон, а портфель министра юстиции — Р. Фернандес Куэста. Оба занимали видное место в фалангистской иерархии. Так было положено начало министерскому симбиозу католических и фалангистских деятелей, превратившемуся со временем в своего рода «двухпартийную систему» в рамках испанского авторитаризма.

26 июня 1947 г. Франко подписал закон, касавшийся поста главы государства. За Франко пожизненно закреплялся титул

«каудильо Испании и крестового похода, генералиссимуса вооруженных сил». Таким образом, «доктрина каудильяхе» получила еще одно законодательное обоснование.

Согласно первой статье закона, «Испания как политическое целое является католическим, социальным и представительным государством, которое в соответствии со своей традицией провозглашает себя конституированным как королевство» [151].

Прежнее определение испанского государства как «национал-синдикалистского, тоталитарного, авторитарного, империалистского и этико-миссионального», носившее явный отпечаток фалангистских программных догм, было отныне упразднено [152]. Многие члены «Испанской традиционалистской фаланги и ХОНС», включенные в нее апрельским декретом 1937 г., сочли возможным вновь открыто объявить себя монархистами, католиками и т. д. Фаланга сохранилась, сократившись, однако, явочным порядком до тех параметров, которые она имела до 1937 г. Эта «малая» фаланга по-прежнему обладала монополией в руководстве вертикальными профсоюзами и пользовалась покровительством властей. Она продолжала оставаться ударной силой в борьбе с демократической оппозицией.

Первые послевоенные годы были периодом оживления деятельности всей антифранкистской оппозиции как в стране, так и в эмиграции. В самой Испании активизировалось руководимое компартией партизанское движение, были отмечены первые забастовки. В ответ на активизацию антифашистского подполья диктатура создала Организацию антипартизанских действий, широкую практику приобрело участие армейских соединений в борьбе против партизан. В конце 1945 — начале 1946 г. были арестованы и казнены несколько групп коммунистов, тайно пересекших границу в Пиренеях, среди них — Кристино Гарсиа, герой французского Сопротивления. В начале 1946 г. полиция разгромила подпольные группы анархо-синдикалистского Фронта либертарного сопротивления, а в ноябре было обнаружено местонахождение подпольного ЦК Коммунистической партии Испании, разгромлены три типографии. Несколько дней спустя барселонская полиция арестовала подпольный региональный комитет Объединенной социалистической партии Каталонии.

В ответ на непрекращавшийся террор, в надежде способствовать отстранению Франко от власти и изменению самого характера испанского правительства Генеральная Ассамблея ООН под давлением прогрессивного общественного мнения 12 декабря 1946 г. приняла резолюцию, рекомендовавшую странам — членам ООН отозвать из Испании послов и не принимать ее ни в ООН, ни в ее специализированные учреждения до тех пор, пока сохраняется существующий режим. Начался период международной изо-

[151] Конституции буржуазных государств Европы, с. 521.

[152] Подробнее об этом см.: *Rama C. M.* La crisis española del siglo XX. Montevideo 1962, cap. VII—VIII.

ляции, который, даже по признанию руководителей страны, был для нее «черной ночью».

Автаркия по-прежнему являлась основой экономической политики франкизма. В специфических условиях франкистской Испании эта политика была тесно связана с задачей укрепления государственно-монополистических структур. В 1946 г. государственный сектор в промышленности составлял всего лишь 3% акционерного капитала, однако система контроля, осуществляемая Национальным институтом промышленности и другими органами экономического регулирования, позволяла франкистскому государству контролировать всю хозяйственную жизнь, не будучи собственником средств производства.

По-прежнему осуществлялся прямой административный контроль над всеми импортными и экспортными операциями.

Прокрустово ложе автаркии предопределило особые черты программы индустриализации, которая стала проводиться форсированными темпами со второй половины 40-х годов. Как отмечал Х. Висенс, «крупная буржуазия рассчитывала развить и усовершенствовать экономическую базу своего господства. Ставилась и более частная задача — создать условия, способствующие достижению страной самообеспеченности» [153].

Франкистское государство, под эгидой которого осуществлялась программа индустриализации, сознательно придало ей националистическую окраску. Пропагандистская кампания, в основу которой был положен призыв «рассчитывать только на собственные силы», приводила к таким уродливым формам, как запрещение вывесок с иностранными словами или объявление патриотическим долгом испанцев потребление продуктов национального производства. Программа индустриализации базировалась на важном факторе — крайней дешевизне рабочей силы. Так антидемократическое законодательство франкизма, запретившее все рабочие организации, ликвидировавшее право на забастовку, стояло на страже не только политических, но и экономических интересов правящей элиты. В условиях полной изоляции от мирового рынка политика автаркии к исходу 40-х годов обнаружила свою несостоятельность. Прекращение притока иностранных капиталов, импортного оборудования, сырья и таких дефицитных для Испании материалов, как цемент, сталь, цветные металлы, привело к снижению темпов промышленного развития. Нехватка электроэнергии вела к систематическому простою предприятий. Постоянные рабочие получали по распоряжению властей половинную ставку за те дни, когда предприятие простаивало, что еще больше снижало общий уровень заработной платы. Продукция сельского хозяйства не обеспечивала потребности страны. Нормы распределения продовольствия по карточкам были низкими, процветал «черный рынок», росла инфляция.

[153] Испания. 1918—1972, с. 327.

Франкистское государство прибегало в эти годы и к мерам социального маневрирования. Запрещение увольнять постоянных рабочих выдавалось за компенсацию запрета забастовок, за свидетельство больших возможностей корпоративизма в установлении гармонии труда и капитала [154]. Жесткие цензурные ограничения и своеобразный «идеологический изоляционизм», выразившийся в запрещении распространения иностранных изданий, создавали в стране определенный психологический климат. Международная изоляция Испании открыла перед франкистским режимом возможности спекулировать на идее национального единства перед лицом враждебного мира. Меры социального маневрпрования не были главными во внутренней политике франкизма. Продолжавшаяся политика массовых репрессий и разъединение сил антифранкистской оппозиции — вот что помогло диктатуре выжить.

«Холодная война» и порожденная ею атмосфера антикоммунистической истерии привели вскоре к ревизии политики западных держав в отношении Испании, завершившейся фактическим примирением с режимом Франко, что в свою очередь способствовало сохранению существовавшего в Испании строя.

[154] *Висенс Х.* Указ. соч., с. 311.

Глава восьмая

ФАШИЗМ ВО ФРАНЦИИ, АНГЛИИ И МАЛЫХ СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В силу неравномерности экономического и политического развития отдельных стран, различия их исторических судеб на западноевропейской почве возникли разнообразные национальные формы фашизма. При этом национально-историческая специфика отдельных стран объясняет не сам генезис фашистского феномена, обусловленный общим кризисом капитализма, а лишь особенности данного процесса в соответствующих странах. Раскрыть эти особенности — значит не только расширить представление о конкретных формах фашизма, но и обогатить представление об исследуемом явлении в целом.

С этой точки зрения характерен французский фашизм, возникший в стране, которая всегда находилась в центре политической и духовной жизни Западной Европы. То обстоятельство, что Франция была одним из первых очагов буржуазной демократии, не гарантировало ей иммунитета по отношению к фашистской угрозе. Корни французского фашизма уходят достаточно глубоко в недра национальной истории, подтверждая его автохтонное, а не импортное происхождение.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ФАШИЗМА И ПЕРВАЯ ЕГО ВОЛНА

В генезисе французского фашизма причудливо переплелись элементы традиционной консервативно-националистической реакции (Э. Дрюмон, М. Баррес, Ш. Моррас) с анархо-синдикалистским революционаризмом (Ж. Сорель, Ж. Валуа), этот последний играл, правда, гораздо менее важную роль. Сказывалось также наследие традиций бонапартизма и буланжизма, реакционных течений, отличавшихся искусством мобилизации масс.

Существенная роль в генезисе французского фашизма принадлежала «Аксьон франсэз», организации, идеология которой представляла собой сплав самых разнообразных реакционных учений. Ее истоки восходят к концу XIX в., когда во Франции кипели политические страсти вокруг «дела Дрейфуса». Ядром идеологии «Аксьон франсэз» являлся так называемый интегральный национализм, который расшифровывался следующим образом: классовый мир, строгая иерархия, корпоративизм; все это под эгидой монархии. Писания лидера «Аксьон франсэз» Морраса проникну-

ты тоской по «старому порядку», сметенному Великой Французской буржуазной революцией. Однако было бы ошибкой видеть в Моррасе чудаковатого реакционного мечтателя. «Краеугольный камень его доктрины — не монархизм, а решительный антидемократизм» [1],— верно подметил американский ученый Э. Тенненбаум. Монархизм в интерпретации Морраса предвосхищал фашистский принцип «вождизма». В борьбе с политическими противниками «Аксьон франсэз» использовала отряды «королевских молодчиков», в которых нетрудно различить прообраз сквадристов или штурмовиков.

«Аксьон франсэз» — важное звено в процессе генезиса фашизма, причем не только французского. Ее история прежде всего обнажает тесную генетическую связь между фашизмом и традиционной консервативной реакцией. Именно поэтому многие историки, интерпретирующие фашизм как явление «революционное» (Ю. Вебер, Э. Тенненбаум и др.), стремятся преувеличить дистанцию между «Аксьон франсэз» и фашистскими движениями. Действительно, в отличие от фашистов она не ставила своей целью «прямое действие», а ограничивалась преимущественно пропагандой. Для нее характерна откровенная элитарность. «Аксьон франсэз» не прилагала энергичных усилий для завоевания масс, выполняя миссию интеллектуального генштаба реакции. Через ее школу прошли представители самых различных течений: анархо-синдикалист Ж. Валуа, лидер французских фашистов — «франсистов» — М. Бюкар, фашиствующие литераторы П. Дриё ля Рошель и Р. Бразийяк, будущие «кагуляры» и вишисты. Петэновская «национальная революция» многое заимствовала из идейного багажа Морраса, который в годы войны вместе со своими сторонниками, естественно, оказался в лагере коллаборационистов.

Идеи «Аксьон франсэз» имели сильный международный резонанс, прежде всего в романоязычных странах. Их влияние испытали бельгийские рексисты, фашистские группы из франкоязычных кантонов Швейцарии, румынские фашисты. Лидер бельгийских рексистов Л. Дегрель называл Ш. Морраса «интеллектуальным отцом всех европейских фашизмов» [2].

В деятельности «Аксьон франсэз» с особой выразительностью прослеживается взаимосвязь между генезисом фашизма и кризисом буржуазной культуры. Интеллектуалы из этой организации осуществляли своеобразный синтез многочисленных реакционных тенденций, разъедавших культуру буржуазного общества. Таким образом, у французского фашизма была собственная идейно-политическая генеалогия. «Если фашизм не достиг успеха во Франции в 20-х и 30-х годах...,— справедливо заметил американский историк Р. Сауси,— то уж во всяком случае не потому, что фа-

[1] *Tennenbaum E. R.* The Action Française. Die-hard Reactionaries in Twentieth Century France. New York, 1962, p. 67.

[2] *Degrelle L.* Hitler pour 1000 ans. Paris, 1969, p. 27.

шистские и профашистские идеи не имели четко различимых корней во французской политической и интеллектуальной традиции» [3].

Автохтонные истоки имел и английский фашизм. Сравнительно высокая степень социальной стабильности, общественная структура с явным преобладанием рабочего класса над мелкобуржуазными слоями, политическое искусство английской буржуазии — все это ограничивало возможности вызревания и распространения фашизма. Появление его эмбрионов было прежде всего обусловлено специфическим колониальным характером британского империализма. Великодержавный имперский национализм и джингоизм создавали подходящие идейные и психологические предпосылки для фашистских тенденций. Даже те буржуазные историки, которые стремятся преуменьшить роль внутренних факторов в развитии английского фашизма, видят его прямых предшественников в ольстерских волонтерах Э. Карсона, взбунтовавшихся в марте 1914 г. против ирландской политики либерального правительства. Акция ольстерцев привлекла внимание В. И. Ленина. «Эти аристократы,— по его словам,— поступили как революционеры *справа* и тем разорвали все и всякие условности, все покровы, мешавшие народу видеть неприятную, но несомненную действительность классовой борьбы...» [4].

К предшественникам английского фашизма, кроме ольстерцев, американский историк Р. Беневик относит основанную в 1902 г. Лигу британских братьев. Выступая под лозунгом «Англия для англичан!», эта организация требовала ограничения иммиграции, вела антисемитскую пропаганду в районе Ист-Энда [5]. В связи с генезисом британского фашизма Беневик упоминает и возникшую в 1915 г. Британскую имперскую лигу.

В ольстерцах видели своих предтеч люди Мосли. Один из ведущих идеологов Британского союза фашистов Аллен писал, что если бы не война, ольстерское движение преодолело бы ограниченность первоначальных целей и превратилось бы в «восстание против всей теории и системы британской демократии. Ольстерское движение фактически было первым фашистским движением в Европе...» [6] В фигурах С. Родса и Э. Карсона Аллен видит прообразы вождей фашистского типа. Он только сожалеет, что эти люди родились слишком рано [7].

Хотя в странах Бенилюкса и Скандинавии и сложились определенные предпосылки для фашизма, но выражены они были не всегда достаточно четко. Острота социальных противоречий смягчалась в большинстве из них искусным маневрированием господ-

---

[3] *Soucy R.* Fascism in France. Berkeley — Los Angeles, 1972, p. 313.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 75.
[5] *Benewick R.* The Fascist Movement in Britain. London, 1972, p. 25—26.
[6] Цит. по: *Drennan J.* B.U.F. Oswald Mosley and British Fascism. London, 1934, p. 292.
[7] Ibid., p. 42.

ствующих классов. За исключением Бельгии эти страны не участвовали в первой мировой войне. А Бельгия находилась среди победителей и сумела довольно быстро восстановить разрушенную экономику. Правда, серьезные возможности для националистической реакции таились в неразрешенных национальных и даже языковых проблемах. Франкоязычные валлонские области были более развитыми, их буржуазия доминировала в Бельгии. Буржуазия фламандских провинций использовала в конкурентной борьбе с валлонскими соперниками накопившееся недовольство широких слоев населения. Не случайно первые организации фашистского типа возникают среди фламандских националистов.

Глубокие корни имел фашизм в Австрии. У него было немало общих предтеч с германским нацизмом (пангерманизм Шенерера, социальный клерикализм Люэгера, национальный социализм Р. Юнга). Следует добавить к этому схожесть политической и социально-психологической ситуации в Германии и Австрии после первой мировой войны. Австрийский национализм был уязвлен утратой былого имперского величия, превращением Австрии по Сен-Жерменскому договору в одну из малых стран Европы.

Приход к власти в Австрии социал-демократов, образование коммунистической партии, революции в Венгрии и Баварии — все это мобилизовало реакцию и способствовало созданию еще в 1919 г. хеймвера, организации фашистского типа. В пограничных провинциях хеймвер, состоявший из зажиточных крестьян, мелких торговцев и предпринимателей, был нацелен на враждебные действия против соседних с Австрией, прежде всего славянских, государств. Австрийские капиталисты щедро финансировали фашистов. Только объединение штирийских промышленников в 1921 г. предоставило в распоряжение хеймвера 5 млн. крон [8].

Между австрийской и германской реакцией существовали постоянные контакты. У истоков австрийского фашизма стоял, например, майор В. Пабст, организатор убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург. После провала капповского путча он надолго обосновался в Австрии, где стал одним из руководителей хеймвера.

Будущий глава этой фашистской организации князь Э.-Р. Штаремберг, находясь в 1923 г. в Баварии, принимал участие в «пивном путче» [9]. Одной из ветвей австрийского фашизма стала нацистская партия, представлявшая собой филиал НСДАП. Другой его ветвью был хеймвер, где наряду с пангерманскими тенденциями сохранилось стремление лавировать между Гитлером и Муссолини.

Первая официально назвавшая себя фашистской организация появилась в Англии в 1923 г. Ее основательницей была Р. Линторн-Ормэн, внучка фельдмаршала. Данные о численности «Британских фашистов» колеблются в больших диапазонах. Ближе к

[8] *Hofmann J.* Der Pfrimer-Putsch. Wien — Graz, 1965, S. 7—8.

[9] *Jagschitz G.* Faschismus und Nationalsozialismus in Österreich bis 1945.— In: Fascismus a Europa. Praha, 1970, S. 68.

истине осторожная оценка Р. Беневика: свыше 1000 членов [10]. Как пишет английский историк К. Кросс, эта организация появилась на свет в психологически подходящий момент: «Приход к власти лейбористской партии в январе 1924 г. казался тысячам изолированных друг от друга представителей среднего и высшего класса прелюдией к красному террору, который положит конец собственности и поставит под угрозу женскую добродетель» [11].

В конце 1924 г. в качестве лидера «Британских фашистов» выдвинулся генерал Блэкни, который был прежде управляющим Египетской государственной железной дороги. Его заместителем стал отставной адмирал Армстронг, специально ездивший в Италию изучать фашистский опыт. И К. Кросс и Э. Нольте характеризуют английских фашистов «первого часа» как «вспомогательный отряд консерваторов» [12]. Во время всеобщей стачки 1926 г. фашисты предложили свои услуги консервативному правительству. Жесткий курс консерваторов в этот период вполне удовлетворял фашистов; основную часть их энергии поглощали внутренние склоки.

Особенно четко прослеживается взаимосвязь подъемов и спадов фашистского движения с колебаниями политического маятника в межвоенной Франции. После вспышки активности экстремистской реакции в 1919 г. вплоть до 1924 г., т. е. во время господства правого Национального блока, наступает затишье. Оживление фашизма совпадает с приходом к власти в 1924 г. правительства картеля левых, базировавшегося на союзе радикалов и социалистической партии. В этом году от Лиги патриотов отделилась «Патриотическая молодежь», лидер которой — правый депутат П. Теттенже был сторонником более решительных действий в фашистском стиле. В ноябре 1925 г. вышедший из «Аксьон франсэз» Ж. Валуа основал собственную организацию «Фэсо» (французский перевод итальянского «фашио»). Он опирался на поддержку мультимиллионера Ф. Коти. В идеологии «Фэсо» были сильны синдикалистские мотивы, отражавшие политическое прошлое ее лидера. Эта организация не нашла сколько-нибудь заметного отзвука и вскоре распалась. Очередной спад сменился новым подъемом после того, как в 1932 г. у власти опять стал картель левых. Подобное совпадение вспышек активности фашизма с попытками прогрессивных сил сдвинуть ось политической жизни влево наблюдается на протяжении всей последующей истории «третьей республики».

Если в Англии и Франции включение социал-демократии в буржуазную политическую систему осуществлялось более или менее эволюционно, то в Австрии этот процесс был скачкообраз-

[10] *Benewick R.* Op. cit., p. 31.
[11] *Cross C.* The Fascists in Britain. London, 1961, p. 5.
[12] *Cross C.* Op. cit., p. 57—58; *Nolte E.* Die Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen. München, 1968, S. 332.

ным. Причем он проходил параллельно с резким изменением политической надстройки от империи к буржуазно-демократической республике. Хотя социал-демократы в немалой мере способствовали стабилизации капиталистических отношений, правый лагерь не доверял им.

Сторонники авторитарного курса из христианско-социальной партии оказывали фашистам многообразную помощь. Со своей стороны хеймвер принял активное участие в подавлении июльской забастовки 1927 г. Как раз в эти дни происходит консолидация рядов хеймвера. Было создано федеральное руководство в составе тирольского фюрера Р. Штейдле и штирийского фюрера В. Пфримера. Канцлер И. Зейпель узаконил видную роль хеймвера в политической жизни, рассматривая его как ценное орудие для проведения авторитарного курса.

В целом годы стабилизации были своеобразным инкубационным периодом в эволюции западноевропейского фашизма. Тенденции к фашизации периодически давали о себе знать в связи с обострениями классовой борьбы в тех или иных странах. Их носителями были реакционные фракции господствующих классов, уповавшие на жесткие методы подавления революционного движения. Европейская буржуазия анализировала итальянский опыт, теоретически, а иногда и практически примеряя его к конкретным условиям тех или иных стран.

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И НАСТУПЛЕНИЕ ФАШИЗМА

Вторая фашистская волна в западноевропейских странах связана с мировым экономическим кризисом 1929—1933 гг. и приходом нацистов к власти в Германии. Мощь социально-экономических потрясений, размах политических боев вызвали обострение противоречий в верхах капиталистических стран между сторонниками альтернативных путей выхода из кризиса. Среди господствующих классов усилились экстремистские тенденции.

Острота борьбы в верхах по вопросу восстановления социальной стабильности привела к оживлению фашизма в Англии. Здесь наиболее взрывоопасной была проблема безработицы. В кризисные годы жертвой безработицы стали 20% (в 1932 г.— 22%) трудящихся. Руководители традиционных партий не решались на какие-то новые энергичные меры. На фоне этой нерешительности сделал попытку выйти на авансцену политики в роли спасителя нации член руководства лейбористской партии О. Мосли.

Для этого аристократа, подлинного баловня судьбы, политические партии и люди были не более чем вспомогательными инструментами. Его карьера была поистине головокружительной. Молодой демобилизовавшийся из армии офицер (1898 г. рождения) уже в 1920 г. был избран членом парламента. В 1924 г. Мосли вступил в лейбористскую партию и сразу же стал в ней

видной фигурой. Политические прорицатели предсказывали ему блестящее будущее, пост премьер-министра. Действительно, в 1929 г. он — член лейбористского кабинета. Как пишет английский историк Р. Скидельский, сам Мосли стал смотреть на себя как на «человека судьбы» [13]. С наступлением экономического кризиса он почувствовал, что пробил его час.

Осенью 1930 г. Мосли предложил свою «национальную программу», включавшую серию мер по борьбе с безработицей. Прежде всего предполагалось значительное увеличение государственных расходов, организация общественных работ большого масштаба. В то же время Мосли был против вторжения в сферу частной собственности, против планов национализации тех или иных отраслей промышленности. Естественно, для проведения в жизнь чрезвычайных мер требовались и чрезвычайные полномочия. Приходилось считаться с возможностью сопротивления рабочих, судьбой которых собирались так бесцеремонно распорядиться. Мосли, по словам его бывшего секретаря Д. Стрэчи, отдавал себе отчет в том, что «его программа могла быть осуществлена только после укрощения рабочих и их организаций» [14]. С точки зрения осторожных лидеров лейбористской партии, эта программа была слишком «смелой». В ней явно ощущались демагогические элементы.

Не найдя поддержки у лейбористов, Мосли доводит дело до разрыва. В марте 1931 г. он основал новую партию, которая стала промежуточным звеном на пути к фашистской организации. Расчеты Мосли строились на том, что его партия станет центром притяжения всех сил, желающих восстановить «твердый порядок» путем значительного расширения прерогатив исполнительной власти, активного вмешательства государства в социально-экономическую жизнь. В основе политической эволюции Мосли в значительной мере лежат те же причины, которые привели французского правого социалиста М. Деа к фашизму, а его бельгийского коллегу А. де Мана — к коллаборационизму. Ставка на «сильное государство», на авторитарные методы сносила отдельных представителей социал-реформистского лагеря в сторону фашизма.

В октябре 1932 г. Мосли основал Британский союз фашистов, в состав которого вошли многие члены Новой партии, остатки ранних фашистских организаций. При этом Мосли опирался на поддержку некоторых видных промышленно-финансовых магнатов, в частности лордов Нэффилда и Ротермира. Сам он тоже был весьма состоятельным человеком. Британский союз фашистов мог содержать целый штат лидеров. Заместитель Мосли Форген получал оклад в 700 ф. ст., тогда как лидер одного из крупнейших тред-юнионов Э. Бевин — 650 [15].

[13] European Fascism. London, 1968, p. 236—237.
[14] Ibid., p. 249.
[15] *Cross C.* Op. cit., p. 88—89.

Формирование английского фашизма представляет значительный интерес с точки зрения анализа явления в целом. Дело в том, что генезис фашистского движения в Англии прямо и непосредственно отражает поиск путей государственно-монополистического регулирования. Сам Мосли разработал подробную программу государственного вмешательства в социально-экономическую сферу. Характерно, что он с большим интересом следил за «новым курсом» Рузвельта. Однако американский эксперимент Мосли считал сомнительным, «потому что он проходил в демократическом контексте и без опоры на дисциплинированную фашистскую партию» [16].

В условиях острого социально-экономического кризиса фашизм распространяется по Западной Европе, причем в еще более экстремистских формах, чем прежде.

В 1930 г. появилась партия нацистского типа в Дании. Произошла известная консолидация крайне разобщенного шведского фашизма: две наиболее значительные группировки объединились в Новый шведский национал-социалистский союз во главе с Б. Фуругордом. В октябре того же 1930 г. возник швейцарский Национальный фронт, который в отличие от родственных ему организаций элитарного характера стремился привлечь широкие слои населения, используя социальную демагогию в сочетании с антисемитскими лозунгами. Подчеркивая «чисто швейцарское» происхождение Национального фронта, его представители признавали, что «в некоторых вопросах он получил ценные импульсы от национал-социализма и итальянского фашизма» [17]. Основанный в 1932 г. в романских кантонах Национальный союз ознаменовал свое рождение «женевской бойней», спровоцировав расстрел рабочей демонстрации [18].

В 1931 г. очаги фашизма появляются во фламандских провинциях Бельгии, а также в Нидерландах. До начала 30-х годов нидерландский фашизм гнездился главным образом в кружках реакционных интеллектуалов, изучавших и пропагандировавших модные идеи итальянского происхождения. Там разрабатывались планы преодоления «кризиса демократии» посредством усиления исполнительной власти. Фашиствующие элементы получали финансовую помощь со стороны некоторых крупных капиталистов, в частности миллионера А. Хайгтона. Мировой экономический кризис тяжело сказался на стране. Экспорт упал с 690 млн. гульденов в 1928 г. до 306 млн. в 1932 г. Число безработных достигло 350—400 тыс. человек [19]. Жаждавшие восстановления «по-

---

[16] *Cross C.* Op. cit., p. 95.

[17] *Glaus B.* Die nationale Front — eine schweizerische faschistische Bewegung. 1930—1940. Zürich, 1969, S. 73.

[18] См., подробно: *Мазохин В. А.* Свастика над Швейцарией.— «Новая и новейшая история», 1971, № 1.

[19] *Kwiet K.* Zur Geschichte der Mussert-Bewegung.— «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», 1970, H. 2, S. 169—170.

рядка» мелкобуржуазные элементы готовы были вверить свои судьбы «сильной власти». В декабре 1931 г. инженер водного хозяйства из Утрехта А. А. Муссерт провозгласил создание «Национал-социалистского движения».

Особенно острая вспышка фашизма наблюдается в Австрии. Правящие круги толкали страну на авторитарный путь. Конституционная реформа 1929 г. привнесла в государственное устройство фашистско-корпоративные черты, но, с точки зрения фашистов, этого было недостаточно. Хеймвер, стремясь ускорить темп фашизации, усиленно консолидируется. В мае 1930 г. была принята программа. Затем был избран федеральный фюрер — князь Э. Р. Штаремберг.

Программные положения хейверовцев не отличались оригинальностью: сословно-корпоративный принцип организации социально-экономической жизни, содействие мелким предпринимателям, повышение пошлин на импорт промышленных и сельскохозяйственных товаров, трудовая повинность для безработных и т. п. Парламентские выборы в ноябре 1930 г. принесли хеймверу разочарование: 8 мест из 165. В хеймвере столкнулись две тактические линии. Одна из них предусматривала «прямое действие», а другая — просачивание в государственный аппарат, постепенное овладение им изнутри. Сторонником последней был Штаремберг, главным глашатаем «похода на Вену» — земельный фюрер из Штирии В. Пфример.

Штирийский хеймвер представлял собой один из наиболее сильных и агрессивных отрядов австрийского фашизма. Он пользовался поддержкой крупнейшего металлургического концерна «Альпине Монтангезельшафт». Ему удалось завербовать сторонников из зажиточного крестьянства и мелкой буржуазии. Как отмечает советский историк В. М. Турок, «штирийский хеймвер объединял в своих рядах фашистов обоих толков и неоднократно переходил, как целое, на позиции нацизма, а затем снова возвращался в лоно хеймвера» [20]. С мая 1931 г. Пфример замещал временно удалившегося от дел Штаремберга и готовил путч. Ему обещали поддержку штирийские промышленники. От венгерских фашистов он получал оружие и снаряжение; были связи с Италией и Германией [21]. Колеблющихся Пфример убеждал в необходимости действовать, ссылаясь, в частности, на пример «лапуаского похода» [22] финских фашиствующих элементов.

В ночь с 12 на 13 сентября 1931 г. в различных пунктах Штирии выступили 14 тыс. путчистов. Сразу же последовали аресты среди левых. Временный конституционный статут, напечатанный в виде листовок, отменял статью конституции, запрещавшую смертную казнь. Под нажимом социал-демократов пра-

---

[20] *Турок В. М.* Очерки истории Австрии. 1929—1939. М., 1962, с. 43.
[21] *Hofmann J.* Op. cit., S. 54.
[22] Ibid., S. 43.

вительство было вынуждено принять меры против путча, но его участникам дали возможность отступить и рассеяться. По мнению лидеров христианско-социальной партии, с провалом оперетточного путча хеймвер отнюдь не перестал быть полезным [23]. На суде Пфример и семь других главарей были оправданы. Штирийский хеймвер вскоре почти полностью перешел к национал-социалистам, что лишний раз подтвердило тесное родство двух течений австрийского фашизма. Опыт пфримеровской акции служит еще одним свидетельством того, что успех фашистского «прямого действия» зависит прежде всего от степени его поддержки верхами. С приходом к власти в мае 1932 г. правительства Дольфуса, в которое вошли и представители хеймвера, в частности венский фюрер Э. Фей, сословно-корпоративный вариант фашизма стал интенсивно насаждаться непосредственно сверху.

Поднявшаяся в связи с мировым экономическим кризисом фашистская волна ускорила процесс трансформации военной диктатуры, установленной в Португалии в результате переворота 1926 г., в режим фашистского типа. Экономические трудности, усугубленные последствиями военного переворота, побудили генерала Кармону предоставить пост министра финансов профессору Коимбрского университета Салазару, наделив его при этом диктаторскими полномочиями. Финансово-экономическая стабилизация достигалась за счет трудового населения, которое находилось под контролем военно-террористического аппарата. Вместе с тем оно подвергалось усиленной пропагандистской обработке. Особенно широкий размах приобрела демагогическая кампания на тему об общественных работах.

Слабость португальской буржуазии, внутренние противоречия в правящей военно-политической верхушке обусловили сравнительно медленный характер фашизации страны: от переворота 1926 г. до принятия фашистской конституции 1933 г. Существенным шагом на этом пути было образование в 1930 г. Национального союза, который стал в соответствии с новым конституционным устройством единственной легальной партией в Португалии.

Мощный импульс процессу фашизации в Западной Европе был дан после прихода к власти нацистов в Германии. Но было бы ошибкой объяснять распространение фашистской угрозы главным образом экспортом фашизма извне. Во многих странах Западной Европы имелись внутренние предпосылки для фашизации. Внешнее воздействие способствовало их усилению и реализации. Кроме того, следует учесть, что в ряде западноевропейских стран (Франции, Бельгии и др.) экономический кризис несколько запоздал и его кульминация совпала по времени с победой нацизма. Тревожные симптомы обнаружились даже в странах с глубокими демократическими традициями. Один из сподвижников О. Мосли Аллен приводил высказывание Муссолини, относящееся

[23] *Hofmann J.* Op. cit., S. 80.

к осени 1933 г.: «То, что можно назвать фашистским ферментом... действует во всех странах, включая Англию. Нет сомнений, что Франция, последний оплот бессмертных принципов (имеются в виду принципы Великой Французской буржуазной революции.— *Авт.*), должна в ближайшее время выбросить белый флаг капитуляции. Америка тоже отказывается от них...» [24] Конечно, дуче явно преувеличивал, выдавая желаемое за действительное. Тем не менее фашистская опасность в ряде стран Западной Европы, особенно во Франции, приобрела серьезный характер.

Исходя из внутриполитической ситуации и учитывая опыт двух соседних фашистских государств, влиятельные политические и финансово-промышленные круги Франции склоняются в пользу авторитарного решения. Это не значит, что они желали полностью перенести на французскую почву фашистские порядки. Но в их планы входило во всяком случае установление авторитарного режима с элементами корпоративизма и даже национал-социализма.

В такой политической атмосфере разгораются старые очаги фашизма, появляются новые организации, ориентирующиеся на итальянские и германские образцы. Прежде всего следует назвать «франсистов» во главе с выходцем из мелкобуржуазной среды бывшим капитаном французской армии М. Бюкаром. В конце 20-х годов он был одним из секретарей мультимиллионера Ф. Коти, щедрого покровителя фашистов. Хотя к 1932 г. отношения между ними охладели, Коти все же выделил Бюкару для старта 2 млн. фр.[25] 29 сентября 1933 г. на митинге у могилы Неизвестного солдата было официально положено начало «франсизму». Бюкар прямо заявлял: «Франсизм по-французски то же самое, что фашизм по-итальянски» [26]. Лидер «франсизма» декларировал разрыв с традиционными принципами демократии. «Наша философия по своей сути противоположна философии наших предков. Наши отцы хотели свободы, мы выступаем за порядок... Они проповедовали братство, мы требуем дисциплины чувств. Они исповедовали равенство, мы утверждаем иерархию ценностей» [27]. «Франсисты» получали субсидии от некоторых французских капиталистов. Важным источником финансовых поступлений была для них фашистская Италия. Деньги шли от итальянского консула Ландини, от КАУР (комитета действия во имя универсальности Рима). Не случайно Бюкар был активным сторонником фашистского интернационала. Мелкие коммерсанты, ремесленники, потерявшие ориентацию в период кризисных потрясений, всякого рода авантюристы, любители уличных драк, часто используемые полицией для провокаций, забитые выходцы

[24] Цит. по: *Drennan J.* Op. cit., p. 237.
[25] *Jacomet A.* Les chefs du fransisme. Marcel Bucard et Paul Guiraud.— «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», 1975, N 97, p. 48.
[26] Ibid., p. 50.
[27] Ibid., p. 55.

из Северной Африки — вот контингент «франсизма». Численность его сторонников не превышала 30 тыс., причем к «активистам» относилось 8 тыс.[28] Из них формировались военизированные отряды «синерубашечников».

Другой откровенно фашистской организацией была «Французская солидарность». Ее создатель — все тот же Ф. Коти, который привлек в качестве лидера бывшего офицера Ж. Рено. Сумев мобилизовать несколько тысяч людей того же сорта, что шли за «франсистами», «солидаристы» в десятки раз преувеличивали число своих приверженцев. Слабость этой организации проявилась в том, что она фактически сошла со сцены после смерти Коти летом 1934 г.

Ни «франсисты», ни «солидаристы» сами по себе не представляли серьезной силы, но как элемент обширного лагеря реакции они выполняли определенную политическую функцию. Своей террористической тактикой, разнузданной социальной демагогией они создавали благоприятный фон для более «умеренных» группировок фашистского типа, выступали в качестве застрельщиков пропагандистских кампаний реакции.

Основная опасность исходила, однако, от иных носителей фашистской тенденции, обязанных своим происхождением собственно французским реакционным традициям. Среди них наибольшую силу обрели так называемые «Боевые кресты» [29]. Истоки этой организации относятся к концу 1927 г., когда литератор М. Ано основал союз бывших фронтовиков, имевших боевые награды и ранения. Организация первоначально носила аполитичный характер. Но вмешательство все того же Ф. Коти, его деньги существенным образом повлияли на судьбу «Боевых крестов». При поддержке Коти в лидеры организации выдвинулся отставной подполковник граф К. де ля Рок, работавший в электротехническом концерне Э. Мерсье. «Боевые кресты» привлекли внимание А. Тардье, возглавлявшего в конце 20-х — начале 30-х годов правительство блока правых партий. Де ля Рок получал от Тардье ежемесячные субсидии. Аристократ, представитель военной касты, он был тесно связан как с крупным капиталом и государственным аппаратом, так и с милитаристской верхушкой (покровителем «Боевых крестов» являлся, в частности, маршал Лиоте).

Примитивный идеолог и посредственный оратор, де ля Рок сумел добиться определенных результатов в организационной сфере. К 1934 г. «Боевые кресты» насчитывали 60 тыс. членов, разбитых на отдельные подразделения, готовые в короткий срок выйти на улицу [30]. Но их политическая тактика была более осторожной по сравнению с тактикой «франсистов» и «солидаристов». Осторожностью отличалась и социальная программа движения.

---

[28] *Jacomet A.* Op. cit., p. 45, 50.
[29] Подробно см.: *Рубинский Ю. И.* Тревожные годы Франции. М., 1973.
[30] Там же, с. 206.

Основной ее мотив — примирение классовых интересов, сотрудничество труда и капитала, участие рабочих в прибылях предприятий. Были весьма неопределенные пункты об ограничении мощи крупных предприятий, о контроле над биржевыми спекуляциями и т. п.[31] Таким образом, ясно прослеживается ориентация на более обеспеченную часть средних слоев, сохранивших во Франции свои позиции и в годы кризиса.

«Аксьон франсэз», «Патриотическая молодежь» и «Боевые кресты» отрицали свою принадлежность к фашизму[32]. Другая их особенность — скромная роль пропаганды государственно-монополистического регулирования. Историки-марксисты К. Виллар и Ю. И. Рубинский отмечают и такую черту рассматриваемых течений: «В то время как в Германии и Италии фашизм в конечном счете порывает с традиционными правобуржуазными партиями, большинство французских группировок опиралось на правые партии и католическую церковь»[33]. Отсюда сравнительно небольшой удельный вес антикапиталистической демагогии.

Французскому фашизму не удалось создать существенный массовый базис. Наиболее поддающиеся воздействию фашистской пропаганды мелкая буржуазия и средние слои во Франции не были поражены кризисом в такой мере, как в Германии. Традиционные партии, прежде всего партия радикалов и радикал-социалистов, сумели удержать эти слои под своим влиянием. Длительные и прочные демократические традиции, эффективная стратегия и тактика коммунистов, наглядный отталкивающий пример фашистских диктатур — все эти факторы обеспечили поворот значительной части промежуточных слоев влево, в направлении антифашистского Народного фронта.

Вместе с тем фашистские тенденции довольно глубоко укоренились в верхах, особенно в аристократической военной касте. «Французский фашизм,— подчеркивал Г. Димитров,— имеет такие сильные позиции в армии, среди офицерского корпуса, каких национал-социалисты до своего прихода к власти не имели в рейхсвере»[34]. И в последующие периоды истории Франции эта профашистская настроенность военщины не раз давала о себе знать.

Масштабы фашистской опасности, назревавшей во Франции, наиболее четко вырисовались во время февральских событий 1934 г.[35] Лишь борьба ФКП и поддержавших ее антифашистских

---

[31] *Machefer Ph.* Ligues et fascismes en France, 1919—1945. Paris, 1974, p. 54—55.

[32] *Егоров Ю. В.* К вопросу о целях фашистского мятежа в феврале 1934 г. во Франции.— Уч. зап. ЛГПИ, т. 307. Л., 1969, с. 55.

[33] *Рубинский Ю. И.* Указ. соч., с. 191.

[34] VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975, с. 197.

[35] Подробно см. в работах советских историков В. П. Антюхиной-Московченко, Е. А. Кравченко, Ю. В. Егорова, Ю. И. Рубинского.

сил сорвала далеко идущие планы реакции, и мятеж 6 февраля 1934 г. имел последствия, противоположные тем, на которые рассчитывали его организаторы.

После победы Народного фронта наблюдается новый приступ активности фашизма. Хотя многие фашистские организации были запрещены, но эта мера не была проведена на практике с должной последовательностью. Некоторые из них продолжали свою деятельность нелегально. Другие сменили вывеску. Так, «Боевые кресты» в 1936 г. преобразовались во Французскую социальную партию (ПСФ). Постоянно происходил перелив членов из одних фашистских организаций в другие. Во времена Народного фронта внутри французского фашизма усиливаются экстремистские тенденции. Ужесточаются методы политической борьбы, в тактике акцент все больше сдвигается на террористические акции, в идеологии сильнее проявляются расистские, особенно антисемитские мотивы. Рост экстремизма, связанный с обострением классовой борьбы в стране, делал французский фашизм более восприимчивым к германскому и итальянскому влияниям.

Выражением этого являлось, в частности, создание широко разветвленной сети заговорщических организаций «кагуляров». Руководство ими осуществлял Секретный комитет революционного действия (КСАР) во главе с морским инженером Э. Делонклем. Главной базой «кагуляров» была реакционная военщина. Они получали средства из фондов армии, от монополий, а также из-за границы, прежде всего от итальянских фашистов. По поручению последних «кагуляры», например, расправились с известными антифашистами братьями Роселли. Тесное сотрудничество связывало «кагуляров» и с франкистами [36]. Целью заговорщиков-террористов было создание во Франции фашистского режима. Один из ведущих «кагуляров» говорил: «Мы полностью согласны с дуче в том, что фашизм — норма не только итальянской, но и европейской политической жизни... Фашистский режим должен быть воспроизведен и во Франции. Это, в сущности, наша программа» [37].

Новым элементом в лагере фашизма стала Французская народная партия (ППФ), которую организовал Ж. Дорио, исключенный в 1934 г. за правый оппортунизм из ФКП. Его путь к фашизму был продиктован логикой антикоммунизма. Начав со своего рода «национального коммунизма», направленного против Коммунистического Интернационала, он кончил тем, что стал самым ревностным приспешником гитлеризма. Идеями и деньгами Дорио щедро снабжали реакционные круги, которые возлагали большие надежды на его демагогические способности.

В кульминационный момент развития ППФ, на рубеже 1937/38 г. численность ее едва ли превышала 100 тыс.; к началу

---

[36] *Bourdrel Ph.* La cagoule. 30 ans de complots. Paris, 1970, p. 87.
[37] European Fascism, p. 270.

1939 г. она упала до 45—50 тыс.[38] Основной контингент ППФ составляли безработные, люмпен-пролетарские элементы. Она стала своеобразным новым ковчегом реакции. К Дорио примкнули, в частности, фашиствующие интеллектуалы, разочарованные нерешительностью де ля Рока и видевшие в Дорио динамичного лидера, сильного «человека из народа». Наряду с такими лицами, как П. Дриё ля Рошель, в окружении Дорио можно было увидеть главаря марсельских гангстеров Сабиани [39].

Дорио претендовал на роль главы французского фашизма, пытаясь создать нечто вроде единого фашистского фронта. Однако главный из предполагаемых партнеров — де ля Рок — отказался от союза с ППФ. Для политической тактики Дорио были характерны шумные пропагандистские кампании, всякого рода погромные акции. Партия Дорио специализировалась на антикапиталистической демагогии. Ее высоко оценивали представители наиболее реакционных группировок монополистического капитала, оказывавшие Дорио большую и разнообразную помощь. Ключевой фигурой в его контактах с деловым миром был П. Пюше, один из магнатов металлургической промышленности [40]. Дорио получал субсидии из секретных фондов фашистской Италии [41]. Лидеры ППФ были связаны с гитлеровским агентом во Франции О. Абецом [42]. Партия открыто придерживалась прогитлеровского и промуссолиниевского курса, выполняя функцию «пятой колонны».

Если поворот Дорио к фашизму в значительной мере объяснялся индивидуально-психологическими факторами, то гораздо сложнее обстояло дело с эволюцией в том же направлении видного правого социалиста М. Деа [43].

В ноябре 1933 г. Деа с группой единомышленников, уже начавших смыкаться с крайне правыми, был исключен из социалистической партии. Эти так называемые неосоциалисты заняли заметное место в лагере реакции. Призывая к заимствованию тактических методов фашистов, Деа довольно скоро воспринял и их цели. Прокламируемый им «планизм», т. е. государственное вмешательство в экономику, по существу был равнозначен фашистскому корпоративизму. Идеалом Деа в конечном счете становится фашистское тоталитарное государство, которое он не стесняется назвать «возрождением истинного гуманизма» [44]. Апогей преступной деятельности М. Деа приходится на годы оккупации, ког-

[38] *Allardayce G.* Jaques Doriot et l'ésprit fasciste en France.— «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», 1975, N 97, p. 42.
[39] *Wolf D.* Die Doriot-Bewegung. Stuttgart, 1967, S. 133.
[40] Ibid., S. 153.
[41] *Allardayce G.* Op. cit., p. 39, 40.
[42] *Рубинский Ю. И.* Указ. соч., с. 371.
[43] Подробно см.: *Салычев С. С.* Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами 1921—1940. М., 1973.
[44] *Grossman S.* L'évolution de Marcel Déat.— «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», 1975, N 97, p. 26.

да созданное им Национально-народное объединение стало послушным орудием нацистов. «Казус Деа» — это не только эпизод из истории французского фашизма; он имеет немало общего с аналогичной эволюцией О. Мосли и А. де Мана, о которой говорилось ранее. В этом отразился глубокий идейный разброд, царивший в международном социал-демократическом движении.

Специфический колорит придавали французскому фашизму присоединившиеся к нему реакционные литераторы и публицисты. Конечно, фашиствующие интеллектуалы — не исключительно французское явление [45]. Однако именно во Франции 30-х годов важной ареной борьбы между силами фашизма и антифашизма, достигшей крайней остроты, стала сфера культуры. Ее представителям нужно было делать четкий и определенный выбор: стать по ту или иную сторону баррикады. Отсюда высокая степень поляризации, прежде всего в литературе и политической публицистике.

Фашиствующие литераторы и публицисты не представляли собой единого целого. Они группировались вокруг тех или иных изданий, главным же их рупором стала газета «Жё сюи парту» [46]. Облаченные в эффектную форму идеи «интеллектуального фашизма» обнаружили исключительную живучесть. Многие из них вошли в идеологический багаж современных фашистов, создавших настоящий культ П. Дриё ля Рошеля, Р. Бразийяка и др. В художественных произведениях, в многочисленных эссе и статьях эти литераторы пытались представить фашизм «третьей силой», отвергающей устаревшие ценности либерального капитализма и марксистского социализма. Неискушенного читателя могли ввести в заблуждение постоянные выпады против одряхлевшего буржуазного мира, навязчивое стремление на словах отмежеваться от него [47].

История французского фашизма демонстрирует значительное разнообразие путей, ведущих в фашистский лагерь, многогранность процесса генезиса фашизма. Отсутствие широкого массового базиса сочеталось у французского фашизма с ярко выраженной элитарной тенденцией и претенциозным интеллектуализмом. Но при всей разрозненности и пестроте фашистского лагеря во Франции в нем просматривается комплекс политических, идеологических и индивидуальных связей, придающих ему известную цельность.

Все многочисленные разновидности французского фашизма несут ответственность за трагедию 1940 г. Они проповедовали капитуляцию перед фашистскими агрессорами. «Умирать за негу-

---

[45] О взаимоотношениях деятелей культуры Запада с фашизмом см.: *Harrison J. R.* The Reactionaries. New York, 1967; *Hamilton A.* The Appeal of Fascism. A Study of Intellectuals and Fascism 1919—1945. London, 1971.

[46] См.: *Diodonnait P.-M.* Je suis partout 1930—1944. Les maurrasiens devant la tentation fascists. Paris, 1973.

[47] *Serant P.* Romantismo fascista. Milano, 1961, p. 238.

са?» — возмущенно вопрошал фашиствующий публицист и историк П. Гаксотт [48], когда антифашистская общественность требовала помочь ставшей жертвой муссолиниевской агрессии Эфиопии. «Зачем умирать за Данциг?» [49] — заявлял М. Деа, когда гитлеровцы угрожали Польше. Этими лозунгами прочерчена линия национального предательства. Французские фашисты не только способствовали моральному разоружению своей страны, но и нередко подвизались в качестве платной агентуры итало-германского фашизма.

В отличие от крайне расчлененного французского фашизма английский фашизм был предельно унифицированным. В 30-х годах его единственно серьезным проявлением стала партия О. Мосли. Первоначально у Британского союза фашистов (БСФ) довольно четко проступали специфические английские черты, вытекавшие из особенностей идейно-политических традиций страны. У британских фашистов еще ощущался определенный налет респектабельности. В их пропаганде центральное место занимает проблематика корпоративизма. Их аргументация рассчитана на «практический» британский склад ума, насыщена всякого рода статистическими выкладками. Учитывая глубоко укоренившееся в сознании англичан уважение к конституционно-парламентарным нормам, Мосли делал акцент на мирный переход к корпоративным порядкам. В 1933 г. он говорил: «Мы надеемся осуществить фашистскую революцию мирными и конституционными средствами» [50] — и обещал, что конституционные нормы сохранятся и в рамках корпоративного государства [51]. В первом издании манифеста Мосли «Великая Британия» (1932 г.) говорилось даже о подчинении корпоративного государства парламенту. Но второе издание этой библии британского фашизма, относящееся к 1939 г., уже отражает приближение Мосли к канонам «классического» фашизма и резко ограничивает прерогативы парламента.

Организация Мосли нашла благосклонный прием у правоконсервативных кругов, видевших в ней естественного партнера. «Ура чернорубашечникам!»,— под таким заголовком 15 января 1934 г. была опубликована статья в принадлежавшей лорду Ротермиру «Дейли мейл». Представители делового мира и правоконсервативных аристократических кругов щедро финансировали фашистов, причем субсидии поступали не только от магнатов. «Поддержка промышленников и коммерсантов меньшего калибра, чем Нэффилды, Ротермиры и Хаустоны, тоже была полезна нашей главной квартире» [52],— пишет Мосли.

В своих мемуарах Мосли отрицает получение денег из-за гра-

---

[48] Цит. по: *Weber E.* L'Action Française. Paris, 1964, p. 323.
[49] *Grossman S.* Op. cit., p. 24.
[50] *Benewick R.* Op. cit., p. 141.
[51] Ibid., p. 91.
[52] *Mosley O.* My Life. London, 1968, p. 348.

ницы. Однако есть достаточно доказательств, подтверждающих субсидирование британских фашистов из итальянских источников. В письме Муссолини от 31 июля 1933 г. итальянский посол в Лондоне Д. Гранди сообщал: «Мосли через меня выражает тебе глубокую благодарность за ценную помощь, которую ты ему периодически высылаешь. Мы с Мосли также договорились, что лучшим методом является следующий: деньги в любой валюте (кроме итальянской и английской) присылать мне обычным дипломатическим багажом, а доктор Эндерле получит их для передачи в руки лично Мосли» [53]. В другом письме Гранди, от 1 марта 1935 г. говорилось, что Мосли получил от Муссолини за год 60 тыс. ф. ст.[54]

Несмотря на все усилия и помощь внутренней и внешней реакции, БСФ не смог стать массовой организацией. По оценкам прессы, в нем состояло от 17 тыс. до 35 тыс. членов. Бывший заместитель Мосли Р. Форген утверждает, что максимальная численность союза достигала 40 тыс. членов [55]. Социальный состав приверженцев был чрезвычайно пестрым, особенно много было всякого рода отщепенцев, выбитых из социальной колеи. Фашистам удалось завербовать некоторое число сторонников среди безработных [56]. Среди фашистской элиты было много бывших офицеров, прошедших первую мировую войну, имевших за плечами опыт колониальной службы. В БСФ входили генерал-майор Д. Фуллер, известный военный публицист и историк, а также отставной вице-адмирал Р. Перри.

Сравнительно «умеренный» курс не принес фашистам желаемых результатов и с лета 1934 г. основная ставка делалась на погромные акции. Росла роль военизированных отрядов чернорубашечников. Эволюция британского фашизма в экстремистском направлении подстегивалась так же, как и во Франции, влиянием нацизма. Еще в начале 1934 г. в документе историко-дипломатической службы итальянского МИД британский фашизм безоговорочно включался в орбиту Рима; но уже во второй половине года картина меняется. Сохраняя близкие отношения с Муссолини, Мосли начинает переориентироваться на Гитлера. Журнал БСФ, который еще незадолго, как отмечалось в вышеупомянутом итальянском документе, «не обращал на Гитлера никакого внимания» [57], стал его безудержно восхвалять. Сам Мосли называл германских нацистов «кровными братьями» и «от глубины сердца» возглашал на страницах своего журнала «Хайль Гитлер!» [58]. В начале 1936 г. было изменено название организации. Оно стало звучать так: Британский союз фашистов и национал-социалистов [59].

[53] *De Felice R.* Mussolini il duce. Torino, 1974, p. 592.
[54] См.: *Benewick R.* Op. cit., p. 200.
[55] Ibid., p. 110.
[56] Ibid., p. 112.
[57] *De Felice R.* Op. cit., p. 894.
[58] *Benewick R.* Op. cit., p. 162.
[59] *Cross C.* Op. cit., p. 139.

Пропаганда корпоративного государства становится глуше. Наряду с антикоммунизмом на первый план выдвигается политический антисемитизм. Центр активности английских фашистов смещается в Ист-Энд. Его завоевание должно было, по замыслу Мосли, стать отправным пунктом для наступления в национальном масштабе. Полиция, как обычно, попустительствовала фашистам. Решительный отпор им был дан по инициативе коммунистической партии. 4 октября 1936 г. под лозунгом «Мосли не пройдет!» компартия и Независимая рабочая партия организовали стотысячную демонстрацию в Ист-Энде. Столкнувшись с таким мощным отпором, Мосли ограничился смотром своих чернорубашечников и дал отбой готовившемуся маршу [60].

После этой победы антифашистов начинается спад фашистского движения. Отчаянный экстремизм фашистов тревожил их консервативных покровителей, так как вызывал мощную антифашистскую волну, которая могла иметь не поддающиеся контролю последствия. Нужно также учитывать, что правительство Болдуина сумело нащупать такой путь государственно-монополистического регулирования, который соответствовал интересам могущественных монополий. Это лишило в их глазах былой привлекательности программу, разработанную Мосли.

Во внешнеполитической сфере, на которую с 1937 г. переключили основное внимание фашисты, позиция Мосли в такой мере совпадала с правительственным мюнхенским курсом [61], что это лишь компрометировало Чемберлена и К°. Придерживаясь принципа «империя прежде всего», Мосли ратовал за то, чтобы предоставить Германии неограниченную свободу рук в Восточной Европе, что означало войну против СССР [62]. Это отнюдь не способствовало росту популярности фашистской партии. К 1940 г. ее численность упала до 9000 членов, причем лишь 1000 из них считалась активистами [63]. В трудные для Англии дни 1940 г. правительство У. Черчилля приняло превентивные меры против фашистов как потенциальной вражеской агентуры. 23 мая 1940 г. был арестован Мосли, проведший годы войны в заключении, правда, в сравнительно комфортабельных условиях. Всего было задержано 700 членов фашистской партии. Насколько оправдана была эта мера, свидетельствует пример одного из английских фашистских лидеров У. Джойса, который приобрел позорную известность под именем лорда Хау-Хау, ведя по немецкому радио пропаганду против собственной страны.

Процесс формирования фашизма в Бельгии шел несколько замедленными темпами. В октябре 1931 г. парламентарий от фламандских националистов И. Ван Северен основал Национал-солидаристскую лигу, выступавшую за создание корпоративного го-

[60] *Benewick R.* Op. cit., p. 228.
[61] *Skidelsky R.* Oswald Mosley. London, 1975, p. 436.
[62] Ibid., p. 425.
[63] *Benewick R.* Op. cit., p. 110.

сударства. После 1933 г. у Национал-солидаристской лиги четко обозначились фашистские черты. В конце 30-х годов она насчитывала до 15 тыс. приверженцев и 5 тыс. «зеленорубашечников» [64]. 8 апреля 1933 г. бывший учитель С. де Клерк основал Фламандскую национальную лигу. Ее численность достигала 25—30 тыс. человек [65]. Организация С. де Клерка с середины 30-х годов прочно вошла в сферу влияния нацистской Германии, а ее лидер стал работать на гитлеровский абвер [66]. В Бельгии значительный, как и во Франции, экономический кризис несколько запоздал и вместе с тем принял затяжной характер. Главной сенсацией парламентских выборов в мае 1936 г. явился успех (11,49% голосов) созданной лишь в конце 1935 г. партии рексистов во главе с Л. Дегрелем (в 1933 г. Дегрель стал владельцем издательства «Рекс»; отсюда и название основанной им партии). Ни одно фашистское движение в Западной Европе середины 30-х годов не добивалось таких результатов. Чтобы представить масштаб фашистской угрозы в Бельгии, нужно учесть и 7,12% голосов, полученных фламандскими националистами. Правда, стремление обоих течений фашизма к лидерству было настолько сильно, что дальше кратковременных соглашений между ними дело не пошло. Л. Дегрель был одним из самых молодых фашистских вождей (1906 г. рождения). С юных лет он участвовал в католическом движении: глубокое воздействие оказали на него идеи Ш. Морраса. Дегрелю с его «вождистскими» устремлениями было тесно в рядах традиционной клерикальной организации, которая в кризисной ситуации казалась старомодной и не эффективной.

Идеология рексистов представляла собой сочетание идей «Аксьон франсэз», социального клерикализма и корпоративизма, что сближало их с пиренейскими разновидностями фашизма, а также с австро-фашизмом. Не случайно внимание и симпатии рексистов привлекала корпоративистская модель салазаровской Португалии. Так же как их английские и французские коллеги, рексисты были вынуждены считаться с прочными традициями парламентаризма, поэтому они говорили не о ликвидации парламента, а только об ограничении его прерогатив. Видное место в идейно-пропагандистском багаже бельгийских фашистов было отведено антикоммунистической демагогии. Следуя по стопам нацистов, они сосредоточили основной огонь на «паразитическом» банковском капитале, восхваляя «индустриальный капитал», как носителя «трудового и экономического капитализма» [67].

В орбиту рексистского движения было втянуто до 100 тыс. человек, но лишь 16 тыс. были действительно активны [68]. Из-

[64] *Williquet J.* Les fascismes belges et la seconde guerre mondiale.— «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», 1967, N 66, p. 90.
[65] Ibid., p. 93.
[66] *Milza P., Benteli M.* Le fascisme au XXe siècle. Paris, 1973, p. 244.
[67] *Etienne J.-M.* Le mouvement rexiste jusqu'en 1940. Paris, 1968, p. 92.
[68] Ibid., p. 79—80.

вестное представление о социальном составе партии дает анализ списков выдвигавшихся ею кандидатов на парламентских выборах. Из 233 кандидатов (1936 г.) 90 — предприниматели и коммерсанты, 89 — лица свободных профессий, служащие, ИТР, 17 — ремесленники. Рабочих в списке насчитывалось 13 человек [69].

Дегрель и его люди имели широкие связи в деловом мире. Сам лидер рексистов был женат на дочери промышленника из Северной Франции. Бельгийские фашисты пользовались помощью со стороны крупного капитала. Конечно, ее масштабы были скромнее, чем в тех странах, где монополии делали на фашизм основную ставку. Рексисты регулярно получали деньги из Италии. В письме итальянского министра иностранных дел Г. Чиано от 8 сентября 1937 г. говорилось о ежемесячных субсидиях в 250 тыс. фр. Общая сумма итальянских субсидий достигала 19 млн. фр. [70]

Упоенные успехом на выборах 1936 г., рексисты планируют «поход на Брюссель». Однако Дегрель явно переоценил возможности руководимого им движения. В воскресенье 25 октября 1936 г. вместо предполагавшихся 250 тыс. собралось около 4 тыс. человек [71]. Впоследствии Дегрель пытался представить дело таким образом, что поход якобы не планировался и что тактика путчей и мятежей вообще была чужда рексистам [72].

Частичные выборы 11 апреля 1937 г. закончились поражением рексистов, а на парламентских выборах 1939 г. они собрали всего 4,44% голосов. Это в значительной мере объяснялось мощным сопротивлением антифашистских сил, в организации и сплочении которых видная роль принадлежала компартии, на выборах 1936 г. утроившей свое представительство в парламенте. Господствующие классы Бельгии отдали предпочтение буржуазно-демократическому варианту государственно-монополистического регулирования; этому также способствовала дальнейшая эволюция социалистов, зарекомендовавших себя подходящими партнерами для буржуазных партий. В конце 30-х годов рексисты, как и ранее рассмотренные разновидности западноевропейского фашизма, все более сближаются с германским фашизмом. Именно от гитлеровской Германии Дегрель ожидал импульса для фашизации своей страны и Европы в целом.

На середину 30-х годов приходится также подъем фашистского движения в Нидерландах. Наряду с влиянием победы нацистов нужно учитывать тот факт, что именно в то время здесь с большой силой сказывались последствия кризиса. Кульминационным моментом предвоенной истории национал-социалистского движения в Нидерландах явились парламентские выборы 1935 г., которые принесли фашистам 7,9% голосов: они вышли на пятое место

---

[69] Ibid., p. 64.
[70] *Williquet J.* Op. cit., p. 96.
[71] *Etienne J.-M.* Op. cit., p. 120.
[72] *Degrelle L.* Op. cit., p. 66.

среди политических партий страны [73]. Лидер движения А. А. Муссерт был человеком, лишенным «вождистских» задатков, но при этом упрямым догматиком-доктринером.

Участники фашистского движения рекрутировались в основном из националистически и антисоциалистически настроенных кругов мелкой буржуазии, средних слоев. В фашистах они видели силу, способную создать «твердую власть» в метрополии и железной рукой поддерживать в неприкосновенности колониальную империю. Национал-социалистское движение пользовалось определенным успехом среди голландского населения колоний. Колонизаторы оказывали фашистам материальную помощь [74]. Нидерландский историк А. Паап отмечает полную неудачу вербовки фашистами сторонников в среде рабочего класса [75]. В погоне за популярностью Муссерт и его люди взывали к традициям «золотого века», «века величия», т. е. XVII столетия. Фашисты пропагандировали идею воссоздания «государства 17 провинций», включая фламандские земли Бельгии. В качестве «приданого» к фламандским провинциям они рассматривали Бельгийское Конго.

Хотя движение Муссерта положило в основу своей программы 25 пунктов НСДАП, первоначально оно находилось под сильным итальянским влиянием. Еще в 1934 г. итальянские фашисты подчеркивали, что муссертовское движение «фашистское, но не гитлеровское» [76]. При этом ссылались на отсутствие у нидерландских фашистов воинствующего антисемитизма. Однако с 1935 г. они втягиваются в сферу нацистского влияния, что отражало общую тенденцию в фашистском лагере.

Подъем фашизма вызвал решительное противодействие антифашистских сил. Традиционные партии были встревожены успехом движения, ориентировавшегося на зарубежные образцы, и сделали значительный шаг в либерально-реформистском направлении. Улучшение экономической конъюнктуры несколько успокоило мелкую буржуазию. На майских выборах 1937 г. фашисты, выступавшие под лозунгом «Муссерт или Москва», вместо предполагавшихся 10—15% голосов получили только 4,2%. Численность движения упала. К началу второй мировой войны нидерландские фашисты возлагали свои надежды главным образом на вмешательство извне.

Еще бо́льшую роль играл внешний фактор в планах норвежского фашизма. Его эволюция не знала даже тех кратковременных относительных подъемов, которые переживали аналогичные движения в Бельгии и Нидерландах. В мае 1933 г. бывший военный министр В. Квислинг создал фашистскую партию «Нацио-

[73] *Paape A. H.* Le mouvement National Socialiste en Hollande. Aspects politiques et historiques.— «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», 1967, N 66, p. 40, 43.
[74] Ibid., p. 43.
[75] Ibid., p. 42.
[76] *De Felice R.* Op. cit., p. 906.

нальное единение»; на этот шаг его подтолкнул провал честолюбивых планов завоевания крестьянской партии. К «Национальному единению» примкнули кадры из ранее сложившихся организаций фашистского типа, а также всякого рода правые экстремисты. Финансировать новую партию выразили желание реакционные капиталисты Троне-Хольст, Шюберг и др.[77] Ее появление вызвало благожелательный отклик у реакционных буржуазных политиков, военщины, среди националистически настроенного студенчества.

Программа Квислинга базировалась на идее классового сотрудничества в рамках корпоративного государства. Но по сравнению с социально-экономической проблематикой гораздо большее место отводилось расизму. Идея превосходства «нордической расы» пронизывала всю квислинговскую пропаганду. Его расистское кредо было весьма созвучно взглядам Розенберга, с которым фюрер норвежских фашистов был в самых тесных отношениях.

Куцые социальные требования, сочетавшиеся с откровенным расизмом и антисемитизмом, нашли мало сочувствующих среди норвежцев. На парламентских выборах 1933 г. «Национальное единение» собрало всего 2,2% голосов. Важнейшую роль здесь сыграла активная антифашистская борьба рабочего класса. Норвежская рабочая партия получила 22 новых мандата по сравнению с прошлыми выборами. Увеличилось и число голосов, поданных за коммунистов. Неожиданное для Квислинга поражение (он рассчитывал на 15—20 мест в стортинге) существенным образом повлияло на его последующую тактику. Теперь путь к власти мыслился только через государственный переворот. В начале 1934 г. было организовано некое подобие «СС», военизированная организация «Хирд», состоявшая примерно из 500 молодчиков[78]. Всего, по данным самого Квислинга, его партия в середине 1935 г. насчитывала 15 тыс. членов[79]. Результаты выборов 1936 г., во время которых количество голосов, отданных за «Национальное единение», сократилось до 1,84%, еще более укрепили курс норвежских фашистов на государственный переворот при поддержке внешних сил.

Контакты Квислинга с нацистами имели давнюю историю. С самого начала «Национальное единение» тяготело к германскому нацизму. Но гитлеровцы не сразу обратили благосклонное внимание на своих слабых норвежских собратьев. Они заинтересовались ими лишь накануне войны, учитывая важное стратегическое значение Норвегии. В июле 1939 г. Квислинг посетил Германию. Кроме встречи с Розенбергом, который увидел в нем наиболее подходящую фигуру для распространения нацистского вли-

---

[77] *Hayes P. M.* Quisling. The Career and Political Ideas of Vidkun Quisling 1887—1945. Bloomington, 1972, p. 97.
[78] Ibid., p. 107.
[79] *Самотейкин Е. М.* Растоптанный нейтралитет. М., 1971, с. 36.

яния в Скандинавии, лидер норвежских фашистов встречался с представителями абвера. Он получил тогда от них деньги для деятельности своей партии [80]. Ультрареакционное мировоззрение, непомерные политические амбиции, патологический антикоммунизм побудили Квислинга стать на путь национального предательства, который он прошел до позорного конца уже в годы войны.

По идейно-программным установкам шведский фашизм имел много общего с норвежским, но отличался от него крайней организационной разобщенностью. В 20—30-х годах более или менее продолжительное время существовали 90 организаций фашистского типа [81]. Постоянно происходили расколы и слияния. Так, наиболее заметные фашистские группировки Фуругорда и Линдхольма, объединившиеся в 1930 г., снова разошлись в 1933 г. На выборах в риксдаг 1936 г. партия Фуругорда собрала 3 тыс. голосов, а партия Линдхольма — 17 тыс. (из 2,9 млн.). Жестокое фиаско побудило их к новому объединению. В фашистский лагерь входил и Национальный союз молодежи, выделившийся в мае 1934 г. из консервативной Правой партии. До выборов 1936 г. он был представлен в риксдаге, так как среди отколовшихся были три депутата. Однако после выборов, на которых союз собрал всего 26 тыс. голосов, мандаты были потеряны.

Шведские фашисты находились под сильнейшим влиянием НСДАП. Этого не могли скрыть и некоторые меры маскировки, предпринятые в 1938 г., когда партия Линдхольма — Фуругорда стала называться «Шведское социалистское единение», вместо свастики ее эмблемой стал «сноп Вазы» — знак в гербе шведского короля Густава Вазы (1523—1560) — и была отменена коричневая униформа. Расизм являлся ядром идеологии и пропаганды шведских фашистов, хотя они отдавали большую дань и антикапиталистической социальной демагогии. Идеологи шведского фашизма буквально лезли из кожи вон, доказывая, что именно Швеция является «колыбелью арийской расы» [82]. Они претендовали на приоритет и в разработке расистских положений фашистской теории. Сочетание расизма и антикоммунизма привлекало к фашистам симпатии влиятельных реакционных политиков и капиталистов; особенно много сочувствующих было в рядах офицерства и генералитета. Хотя фашизм в Швеции не смог стать существенным фактором национальной жизни, однако он был в состоянии отравлять политическую атмосферу в стране.

Основная фашистская партия Дании заимствовала у германских нацистов и название, и программу. В 1933 г. Национал-социалистскую рабочую партию Дании (ДНСАП) возглавлял Ф. Клаусен, которого в фашистской Италии считали «длинной ру-

[80] *Самотейкин Е. М.* Указ. соч., с. 36.
[81] *Чернышева О. В.* Рабочее движение в Швеции (1929—1939 гг.). М., 1971, с. 137.
[82] Там же, с. 141.

кой Гитлера в Дании»[83]. К осени 1939 г. ДНСАП насчитывала 5 тыс. членов и имела три места в фолькетинге[84]. Значительная часть датских нацистов вербовалась из немецкого национального меньшинства.

Распространению фашизма в скандинавских странах препятствовало то обстоятельство, что социальные противоречия в этом регионе смягчались вследствие относительной прочности общественной структуры, особенно по сравнению с Германией или Италией. То обстоятельство, что скандинавская буржуазия избрала в конечном счете либерально-реформистскую альтернативу фашизму, объяснялось не только ее политическим опытом и дальновидностью, учетом эволюции вправо реформистских лидеров, но и силой сопротивления рабочего класса любым попыткам сдвига в сторону реакции.

Вирус фашизма поразил и «старейшую демократию Европы» — Швейцарию. Установление нацистской диктатуры нашло здесь, особенно в немецкоязычных кантонах, где проживало $^3/_4$ населения страны, сильный отзвук. Газета Национального фронта «Железная метла» восторженно приветствовала приход Гитлера к власти: «Национальное и социальное возрождение европейских народов неудержимо. Вчера была победа фашизма. Сегодня — национал-социализма. Завтра победы добьется Национальный фронт»[85]. Под знаменем Национального фронта сплачивались прочие родственные группировки. Численность организации возросла с 700 до 10 тыс. человек. У нее были и штурмовые отряды, и символика по фашистскому образцу. Правда, федералистские традиции, враждебность ко всяким проявлениям централизации ослабляли у швейцарских фашистов действенность принципа фюрерства. Кроме того, преподаватель физкультуры Э. Бидерман, юрист Р. Хенне, адвокат Р. Тоблер, сменявшие друг друга на лидерском посту, не обладали «вождистским» ореолом. Программные документы Национального фронта во многом напоминали нацистские, но в них сильнее звучали антикапиталистические ноты. Особенно много говорилось о «государственном надзоре над банками», «устранении биржевой спекуляции» и т. п.[86] Федералистским представлениям швейцарских фашистов более соответствовало сословно-корпоративное устройство, чем предельно централизованная система нацистской диктатуры. Вообще Национальный фронт старался выпятить «швейцарскую самобытность». Ценности нацизма и итальянского фашизма, говорил Р. Тоблер, могут быть внедрены в национальную почву, «если это будет сделано на швейцарский лад»[87]. Тем не менее и для фронтистов

---

[83] *Ledeen M. A.* Universal Fascism. The Theory and Practice of Fascist International, 1928—1936. New York, 1972, p. 125.
[84] *Кудрина Ю. В.* Дания в годы второй мировой войны. М., 1975, с. 26.
[85] *Glaus B.* Op. cit., S. 93.
[86] Ibid., S. 111.
[87] Ibid., S. 220—221.

нацистская Германия была «вождем в мировой борьбе против большевизма» [88].

Тактика швейцарских фашистов учитывала прочность демократических традиций в стране. Поэтому первоначально они сделали ставку на легальную фашизацию путем «тотальной ревизии» конституции. Им удалось добиться проведения референдума осенью 1935 г.; из 703 тыс. участников за перемены высказались 193 тыс. [89] Если результаты референдума свидетельствовали о наличии серьезного антидемократического потенциала, то итоги кантональных и парламентских выборов были для фашистов разочаровывающими. Доля голосов, полученных ими на кантональных выборах в 1935 г., составляла 4,8%, в 1939 — 1,8, а на парламентских выборах 1935 г.— 2,9%.

Для швейцарского фашизма была характерна организационная пестрота, обусловленная особенностями национальной и языковой структуры страны. В романских кантонах фашисты в большей мере ориентировались на итальянский образец. Примером может служить организация «Швейцарский фашизм» во главе с полковником А. Фоньялацем. В конце 1933 г. он удостоился приема у Муссолини [90]. Впрочем, вскоре после начала второй мировой войны выяснилось, что Фоньялац уже занимался шпионажем в пользу нацистской Германии [91]. Несмотря на внутренние противоречия, швейцарским фашистам различного толка периодически удавалось организовывать совместные антидемократические и антикоммунистические кампании. Они пользовались благожелательной поддержкой реакционных группировок буржуазии, рассматривавших фашистские организации как ценное вспомогательное орудие против левых сил. Это создавало серьезные предпосылки для усиления фашистской опасности в Швейцарии, и если эти предпосылки не были реализованы, то только благодаря энергичному отпору антифашистских сил, во главе которых шли коммунисты и левые социалисты.

Самое сильное и непосредственное воздействие приход Гитлера к власти оказал на процесс фашизации в Австрии. Страна была зажата в тиски между двумя фашистскими государствами: Германией и Италией. Единственный путь к спасению пролегал через глубокую демократизацию социально-политической жизни, самостоятельный внешнеполитический курс. Однако реакционная буржуазия, клерикально-политические круги расценили германские события как сигнал к решительному сдвигу вправо. Позорная капитуляция германской социал-демократии укрепила их уверенность в том, что австрийские социал-демократы не рискнут призвать рабочий класс к борьбе. В марте 1933 г. канцлер Доль-

[88] *Claus B.* Op. cit., S. 271.
[89] *Мазохин В. А.* Указ. соч., с. 114.
[90] *De Felice R.* Op. cit., p. 915.
[91] *Glaus B.* Op. cit., S. 140.

фус разогнал парламент и стал править на основе чрезвычайных декретов. Последовал роспуск боевой организации рабочих — республиканского шуцбунда, была запрещена коммунистическая партия. Назначенный в сентябре 1933 г. вице-канцлером хеймверовец Э. Фей подписал декрет о создании концлагерей. В ноябре 1933 г. была введена смертная казнь. Различные элементы, на которые опирался режим Дольфуса, объединились в «Отечественный фронт»; фюрером стал Дольфус, его заместителем — глава хеймвера Штаремберг. Выступая 15 сентября 1933 г., Дольфус разъяснял, что Австрия должна стать «христианским и социальным государством на базе корпоративной системы и под руководством авторитарного правительства» [92].

Для того чтобы закрепить процесс фашизации, правительство Дольфуса в феврале 1934 г. приступило к разоружению шуцбунда, организации которого продолжали функционировать подпольно. Героическое сопротивление шуцбундовцев, поддержанное коммунистами, было подавлено. Лидеры социал-демократии и шуцбунда в очередной раз заняли капитулянтские позиции, покинув на произвол судьбы рабочих, сражавшихся в Линце, Вене и других городах. Февральские события, как отмечалось в документе историко-дипломатической службы итальянского МИД, открыли путь к фашистским «реформам»: «Конституционная реформа должна сделать государство фашистским» [93]. С 1 мая 1934 г. корпоративистско-фашистская конституция вступила в силу. Намечалось создание восьми корпораций по итальянскому образцу. Усиление роли хеймвера выразилось в том, что князь Штаремберг занял пост вице-канцлера.

Фашизм в Австрии имел существенные особенности. Здесь в фашистском лагере первостепенную роль играла традиционная клерикальная реакция. Напряженная междоусобная борьба разделяла собственно фашистские организации. Фашисты не смогли создать широкий массовый базис. В результате террористическая система господства была не столь всеобъемлющей и последовательной, как нацистский тоталитарный режим.

У австро-фашизма было больше сходства с фашистским устройством в Италии до середины 30-х годов, а особенно с пиренейскими диктатурами. Вместе с ними он относится к тому типу режимов, которые можно определить, как авторитарно-фашистские в отличие от тоталитарно-фашистских в гитлеровской Германии, а также в муссолиниевской Италии, которая в процессе эволюции приблизилась к нацистскому образцу.

Несостоятельны попытки буржуазных авторов представить австро-фашизм врагом нацистской Германии. Действительно, распри между австро-фашистской и нацистской группировками в Австрии принимали острые формы. Дело дошло даже до нацистского путча

---

[92] *De Felice R.* Op. cit. p. 873.
[93] Ibid., p. 874.

25 июля 1934 г., жертвой которого пал Дольфус [94]. С оформлением «оси» Берлин — Рим аншлюсс Австрии стал вопросом ближайшего времени. Национальное предательство австрийских фашистов разного толка значительно облегчило Гитлеру решение этой задачи.

С 1933 г. ускоренным темпом происходит фашизация всех сфер жизни в Португалии. Конституция, принятая в марте 1933 г., рекламировалась как «первая корпоративная конституция в мире» [95]. Дополнением к ней явилась провозглашенная в том же году «Хартия труда», которая в значительной мере имитировала аналогичный итальянский документ. Рабочие и служащие загонялись в национальные синдикаты, предприниматели и коммерсанты входили в гильдии; врачи, адвокаты и инженеры — в ордена. Для крестьян формой корпоративной организации стали «народные дома», где тон задавали землевладельцы [96]. В рамках корпоративного устройства рабочие организации, как отмечается в книге «Европейский фашизм», были не более «чем инструментами правительственной политики, диктовавшими распорядок и условия трудовых договоров» [97]. Неудивительно, что рабочий класс Португалии ответил на «Хартию труда» в январе 1934 г. грандиозной всеобщей забастовкой, которая была подавлена силами армии и полиции. В ходе забастовки были заложены традиции единства действий коммунистов, социалистов, анархо-синдикалистов. Результатом корпоративного переустройства Португалии стала еще бóльшая концентрация производства и капитала. В государственно-монополистической системе, которая начала формироваться, видное место занял иностранный капитал.

По сравнению с фашистским законодательством в Германии и Италии португальская конституция сохраняла больше внешних атрибутов легальности. Но, как подчеркивает советский историк Ю. М. Кукушкин, в распоряжении диктатора были «десятки декретов, дополнявших конституцию и дававших ему «законное» основание действовать, когда это было необходимо, с иезуитской жестокостью...» [98] Толчком для дальнейшей фашизации Португалии стали испанские события 1936—1939 гг. Американский посол в Лиссабоне сообщал своему правительству в августе 1936 г., что для португальских властей успех франкистов — «почти что дело жизни и смерти» [99]. Осенью 1936 г. появились «Португальский легион» и «Португальская молодежь», одетые в униформу и воспринявшие фашистскую символику. Активизировалась политическая полиция (ПИДЕ), организованная с помощью на-

[94] См.: *Турок В. М.* Фашистский путч в Австрии в июле 1934 г. и убийство канцлера Дольфуса.— «Вопросы истории», 1965, № 11, 12; 1966, № 1.
[95] European Fascism, p. 315.
[96] *Коломиец Г. Н.* Очерки новейшей истории Португалии. М., 1966, с. 25, 26.
[97] European Fascism, p. 318.
[98] *Кукушкин Ю. М.* Особенности португальского фашизма.— «Вопросы истории», 1973, № 2, с. 59.
[99] European Fascism, p. 322.

цистских инструкторов. Кроме тюрем и лагерей на территории метрополии, стал функционировать лагерь на островах Зеленого мыса. При всей специфике португальского фашизма в этот период в нем наиболее четко обнаруживаются общие признаки данного явления. Португалия относится к той группе стран, где фашизм, по словам Г. Димитрова, «не имея широкой массовой базы, все же приходил к власти, опираясь на вооруженные силы государства, а потом пытался расширить свою базу путем использования государственного аппарата»[100]. Действительно, те слои, из которых обычно формируется массовый базис фашизма, в аграрной Португалии были еще весьма незначительны, социально-экономическая структура оставалась архаичной. Но в то же время ее архаизм и относительная неподвижность создавали возможность для долгого существования фашистских порядков. Другим важным обстоятельством, обусловившим живучесть португальского фашизма, явилась поддержка зарубежных реакционных политических кругов и монополий.

В основной группе западноевропейских стран фашизм не смог прорваться к власти, не сумев создать широкую и прочную социальную опору, но было бы ошибкой недооценивать степень угрозы, исходившей от сравнительно слабых фашистских движений, поскольку фашисты, как показал исторический опыт, могли с помощью влиятельных профашистских фракций господствующих классов создавать массовую базу после прорыва к власти. Из этого вытекала необходимость активной и последовательной борьбы против фашизма во всех странах. Такого принципа придерживались коммунисты, шедшие в авангарде антифашистских сил. Спад наиболее опасной фашистской волны, поднявшейся во второй половине 30-х годов, был в значительной мере обусловлен силой антифашистского сопротивления; сказались результаты стратегического курса, разработанного VII конгрессом Коминтерна.

Препятствием для фашизма явились глубокие и прочные демократические традиции, наиболее последовательными защитниками и продолжателями которых выступили коммунисты. Это было тем более важно, что даже в тех странах, где господствующие классы не делали главную ставку на фашизм, они рассматривали его как политический резерв, как благоприятный фон, на котором традиционные правые элементы выглядели меньшим злом.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА ПОД ПЯТОЙ ФАШИЗМА

Третья фашистская волна приходится на годы второй мировой войны. Она поднялась в силу главным образом внешних обстоятельств, будучи прямым следствием агрессии стран «оси». Отсю-

[100] VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны, с. 197.

да ее тесная взаимосвязь с ходом военных действий, зависимость ее перепадов от успехов и поражений немецко-фашистского вермахта.

Накануне войны большинство фашистских движений, исчерпав свои внутренние возможности, уповали на внешний фактор, прежде всего в лице гитлеровской Германии. Они выполняли роль «пятой колонны», вместе с профашистскими кругами подрывая волю своих народов к сопротивлению, а нередко занимались и агентурной работой в пользу стран «оси».

Как далеко заходили фашисты по этому пути, можно судить на примере В. Квислинга. Помимо пронацистской агитации и шпионажа, лидер норвежских фашистов выступал в качестве «наводчика», призывая нацистов скорее вторгнуться в Норвегию. В связи с подготовкой операции против Норвегии гитлеровцы в декабре 1939 г. пригласили Квислинга и его ближайшего помощника Хагелина в Германию. Находясь там, Квислинг безудержно фантазировал насчет сил и возможностей собственной партии, гарантируя немцам легкий успех. В разговоре с Розенбергом он, в частности, сообщил о 200 или 300 тыс. своих приверженцев [101]. Норвежский фюрер был принят самим Гитлером. Наряду с прочими вопросами они обсуждали проблему «нордического единства». Квислинг убеждал собеседника, что Норвегия сможет сыграть видную роль в системе нацистского «нового порядка», попутно выдвинув притязания на Фарерские острова, Исландию и Гренландию [102].

Из визита в Германию Квислинг извлек ощутимые материальные выгоды. Сотрудник внешнеполитического отдела НСДАП Шейдт вручил ему в английских фунтах стерлингов сумму, эквивалентную 100 тыс. марок [103]. Через ведомства Риббентропа и Розенберга Квислингу решено было выдать 200—300 тыс. марок и, кроме того, выплачивать еще по 10 тыс. ф. ст. ежемесячно [104]. На немецкие деньги норвежские фашисты обзавелись большой, технически оснащенной главной квартирой в центре Осло. Их партийный орган из захудалого листка превратился в газету полного формата с солидным тиражом. Из новой штаб-квартиры протянулась разведывательная сеть к постам на побережье, откуда велось наблюдение за военными и торговыми судами. По утверждению германского военно-морского атташе капитана 3 ранга Шрайбера, норвежские нацисты доставляли ценную информацию [105]. Своим немецким покровителям Квислинг предлагал обучить в Германии специальный контингент из норвежских нацистов, которые должны были бы совершить переворот и от-

[101] Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками, т. 2. М., 1958, с. 458.
[102] *Hayes P. M.* Op. cit., p. 163.
[103] Ibid., p. 192.
[104] Нюрнбергский процесс, т. 2, с. 783, 784.
[105] *Hayes P. M.* Op. cit., p. 192.

крыть вермахту путь в Норвегию [106]. Квислинг вел кампанию по вербовке сторонников среди офицерского корпуса. Ему удалось привлечь на свою сторону коменданта Нарвика и полковника Сунло. Впоследствии тот без боя сдал порт гитлеровским войскам.

Безусловно, не следует преувеличивать степень влияния Квислинга и его людей на принятие гитлеровской верхушкой важного военно-политического решения. Хвастливые заверения Квислинга и особенно сообщаемые им сведения служили для сторонников операции «Везерюбунг» лишь дополнительными аргументами в пользу их замыслов. Хотя германский посланник в Осло К. Бройер и резидент абвера Б. Бенеке скептически относились и к самому Квислингу, и к исходившей от него информации [107], тем не менее накануне вторжения для встречи с главой норвежских фашистов в Копенгаген отправился начальник отдела абвера полковник Пикенброк. 3 апреля состоялась беседа между ним и Квислингом. Об ее итогах генерал Йодль писал на другой день: «Пикенброк вернулся после совещания с Квислингом с хорошими результатами» [108].

В Дании — второй жертве операции «Везерюбунг» — гитлеровцы тоже нашли пособников среди местных фашистов, которые, в частности, помогли им организовать скрытую высадку десанта в Копенгагене [109]. Нидерландские фашисты входили в состав специальных отрядов, захватывавших приграничные мосты, чтобы облегчить наступавшему вермахту продвижение [110]. Фламандская национальная лига, чей лидер Стаф де Клерк еще до войны работал на абвер, вела пораженческую пропаганду в бельгийской армии, призывала фламандцев к дезертирству, к проведению актов саботажа; значительная часть пропагандистских материалов доставлялась германской разведкой. В официальном немецком документе того времени подчеркивалось, что лига «добилась определенных успехов» [111].

После оккупации гитлеровцами значительной части Западной Европы местные фашисты стали подручными захватчиков. В полной мере раскрылся фашистский потенциал тех движений и организаций, которые прежде на фоне германского нацизма казались более «умеренными». Они не только послушно выполняли волю оккупантов, но и проявляли собственную инициативу в террористических акциях против движения Сопротивления, «расово чуждых» элементов, а затем и в агрессии против Советского Союза, в военных действиях против союзных войск.

Для нацистов «малые» фашистские движения были вспомогательными инструментами в деле формирования «нового порядка».

[106] Нюрнбергский процесс, т. 2, с. 459—460.
[107] См.: *Хартман С.* В сетях шпионажа. М., 1965.
[108] *Hayes P. M.* Op. cit., p. 208.
[109] *Йонг Л. де.* Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958, с. 263.
[110] Там же, с. 290, 303—304.
[111] Там же, с. 310.

В свою очередь, местные фашисты рассматривали Германию как силу, способную помочь им в достижении собственных целей. Германская помощь была нужна относительно слабым западноевропейским фашистским движениям для того, чтобы навязать народам своих стран режимы террора и насилия, заставить их пройти через процесс фашизации. Как известно, практически каждое фашистское движение вынашивало националистические экспансионистские планы. «Великая Бургундия», «Государство 17 провинций», «Великая Норвегия» и т. п.— все эти националистические программы фашистские движения соответствующих стран рассчитывали осуществить при помощи нацистов, надеясь в то же время сохранить относительную самостоятельность под германской эгидой. Подобные расчеты были иллюзорны. Так, Геббельс в дневнике высмеивал Квислинга за наивность. Тот надеялся стать фюрером Норвегии, союзной с Германией и другими «нордическими» государствами в рамках пангерманского содружества, тогда как нацисты видели в Норвегии всего лишь провинцию «третьего рейха» [112].

Фашизация для них была неотделима от германизации, когда речь шла о странах с населением, относящимся к «нордической расе». «Великое европейское хозяйственное пространство», экономически, политически и расово унифицированное, — вот цель гитлеровской верхушки и реакционных магнатов германского монополистического капитала [113]. Характерно, что даже португальский диктатор Салазар высказывал опасения, что следствием победы нацистов может стать «германизация всей Европы» [114]. Отсюда коллизии в фашистском лагере между гитлеровцами и теми группировками, которые претендовали на известную автономию. Попытки добиться каких-то политических, экономических или территориальных преимуществ под эгидой гитлеровского «нового порядка» в конечном счете вели к полному и безоговорочному подчинению фашистов оккупированных западноевропейских стран нацистскому рейху. Следовательно, сама логика фашистского национализма неизбежно толкала западноевропейских фашистов на путь национального предательства.

Отношения гитлеровцев с фашистами оккупированной Западной Европы зависели, в частности, от их удельного веса в политической жизни соответствующих стран, от их реальной силы. Не случайно относительную самостоятельность смогли временно сохранить фашистские круги во Франции, имевшие на руках такие козыри, как флот и колониальные владения. Именно это

---

[112] См.: *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма, т. I. М., 1973, с. 56.

[113] См.: Анатомия войны. М., 1972; Анатомия агрессии. М., 1974.

[114] *Drechsler K., Dress H., Hass G.* Europapläne des deutschen Imperialismus im zweiten Weltkrieg.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1971, H. 7, S. 919.

обстоятельство заставило нацистов на какой-то период считаться со своими французскими партнерами.

Вишистский режим, возникший на руинах Третьей республики, занимал специфическое место в контролируемой немцами Западной Европе. В соответствии с условиями перемирия, под его управлением находились $^2/_5$ французской территории к югу от Луары с центром в курортном городе Виши. Немцам было удобно грабить Францию руками французских приспешников. Это избавляло их от необходимости содержать специальный аппарат, обеспечивало более гладкое и бесперебойное поступление ресурсов, а, кроме того, создавало определенный камуфляж для их хищнической политики. Об этом весьма откровенно писал Геббельс в 1940 г.: «Если бы французы знали, что фюрер потребует от них, когда настанет время, у них, наверное, выскочили бы глаза из орбит, поэтому хорошо, что мы пока не раскрываем своих замыслов и пытаемся выбить из покорности французов все, что вообще возможно» [115].

По сравнению, например, с квислинговским правительством режим Виши имел определенные корни в довоенной Франции. За ним стояли многочисленные и могущественные фракции господствующего класса: монополисты, представители военной касты и высшего чиновничества. Петэновская клика, спекулируя на престиже престарелого маршала, временно сумела добиться поддержки мелкой буржуазии, зажиточного крестьянства. В пользу Виши сложилась и психологическая ситуация непосредственно после поражения Франции. «Ощущение беспомощности и безнадежности,— пишет советский ученый В. П. Смирнов,— способствовало росту «мессианских» настроений, характерных для периодов народных бедствий. В поисках спасителя многие французы обратили взоры к маршалу Петэну, который представлялся им человеком, прекратившим войну и обеспечившим мир» [116]. Тем более велика заслуга французских коммунистов, с самого начала разоблачавших петэновскую легенду, характеризовавших Виши как режим «нищеты, рабства и измены» [117].

В диктатуре Петэна видели воплощение своих давних замыслов прежде всего те группировки, которые претендовали на создание самобытного, «чисто французского» режима фашистского типа. Ради этого они способствовали разгрому своей страны. «Он стоил военного поражения» [118],— говорили о режиме Виши его приверженцы. Вишисты рассчитывали обеспечить Франции определенную автономию по отношению к победителям. Экстремистские группировки, имитировавшие нацистов и готовые растворить Фран-

---

[115] Цит. по: *Дашичев В. И.* Указ. соч., т. I, с. 54.
[116] *Смирнов В. П.* Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М., 1974, с. 29—30.
[117] *Вилар Ж.* «Странная война» и предательство Виши. М., 1962, с. 148.
[118] См.: *Верт А.* Франция. 1940—1955. М., 1959, с. 61.

цию без остатка в гитлеровской Европе, были оттеснены на второй план.

Их лидеры предлагали Петэну свои услуги. В частности, М. Деа обратился к нему с проектом создания единой фашистской партии, которая стала бы костяком режима. Такая партия, уверял Деа, необходима для борьбы с «большевистской угрозой». Кроме того, победители будут серьезнее относиться к Франции, «если возникнет большая партия, аналогичная тем, которые являются инструментами национальных революций в Германии, Италии, Испании и других странах» [119]. Маршал не поддержал Деа. Вместо партии был организован «Легион ветеранов» в стиле «Боевых крестов».

Прохладно отнесся к идее объединения сил французского фашизма и германский резидент О. Абец. Чтобы крепче держать в руках свою агентуру, нацисты придерживались принципа «разделяй и властвуй». Причем именно во Франции, самой крупной и сильной стране, попавшей под пяту германского господства, этот принцип проводился наиболее последовательно. В качестве известного противовеса Виши гитлеровцы поддерживали «парижских фашистов», выразителей ультраколлаборационистской тенденции. Здесь, в Париже, подвизались Дорио со своей ППФ, Деа, в 1941 г. организовавший Национально-народное объединение (РНП), лидер кагуляров Делонкль. По свидетельству сотрудника германского посольства в Париже фон Шлейера, Э. Делонкль ежемесячно получал от О. Абеца по 300 тыс. франков, а Дорио и Деа — по 250 тыс. каждый [120].

Бешеный антикоммунизм объединял все течения французского фашизма. Дорио осенью 1941 г. отправился на Восточный фронт с первым контингентом «волонтеров» антибольшевистского легиона. «Участвуя в том крестовом походе, который возглавила Германия, тем самым по справедливости обретая признание в мире, вы вносите свой вклад в устранение большевистской угрозы» [121],— напутствовал легионеров Петэн. С 1941 по август 1944 г. в легион удалось завербовать лишь 5800 человек, из них 3000 в 1941 г. [122]

Распри между вишистами и «парижанами» дополнялись грызней внутри каждого из этих лагерей. Довольно острыми коллизиями сопровождались отношения между Петэном и Лавалем, непримиримая вражда разделяла Дорио и Деа, причем все эти линии противоречий взаимопереплетались. Внутренняя борьба в лагере французского фашизма вытекала из его особенностей и усугублялась политикой оккупантов. Когда речь идет об этих

---

[119] *Cointet J.-P.* Marcel Déat et la parti unique (été 1940).— «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», 1973, N 91, p. 18.

[120] *Bourdrel Ph.* Op. cit., p. 260.

[121] *Azema J. P.* La collaboration (1940—1944). Paris, 1975, p. 101.

[122] *Киссельгоф И. С.* История Франции в годы второй мировой войны. М., 1975, с. 163—164.

распрях, кроме столкновения личных амбиций вождей нужно учитывать и определенные разногласия по вопросу о путях фашизации Франции.

С точки зрения анализа особенного и общего в западноевропейском фашизме наибольший интерес представляет режим Виши до ноября 1942 г., т. е. до тех пор, пока его эволюция во многом зависела от внутренних факторов. По формальным признакам он представлял собой режим авторитарно-фашистского типа, напоминавший пиренейские диктатуры. Его становление проходило псевдолегальным путем. 10 июля 1940 г. бежавшие в Бордо запуганные парламентарии приняли закон, фактически похоронивший конституцию 1875 г. и предоставивший маршалу Петэну неограниченную личную власть.

Первоначально на идеологии Виши сказывалось сильное влияние традиционной консервативной реакции и клерикализма. Определенный отпечаток наложили на вишистское государство архаические взгляды Петэна, ставшего не просто его главой, но и символом. «Многие из его идей были заимствованы у Жозефа де Местра, Ле Пле, Тэна... Морраса и Салазара»[123],— так характеризует взгляды Петэна один из его приближенных Дю Мулен де Лабартет. Корпоративизм в петэновской интерпретации носил оттенок патриархальности, так как на словах он был более созвучен корпоративным порядкам «старого режима» до 1789 г., чем итальянскому образцу. Сходство с пиренейскими диктатурами усугублялось благодаря той роли, которая была отведена в вишистском государстве церкви. Если парижские фашисты специализировались на антикапиталистической демагогии под псевдосоциалистическими лозунгами, то вишисты предпочитали демагогию патерналистского характера, проповедуя сотрудничество всех классов в единой патриархальной семье, возглавляемой справедливым отцом-маршалом[124].

Субъективно Петэн и часть его окружения склонялись к иберийской модели фашизма. Но то, что было естественным на архаичной социально-экономической почве Португалии и Испании, не могло привиться в одной из самых развитых стран Западной Европы. Традиционалистско-консервативная обшивка не могла скрыть непосредственное господство могущественных группировок монополистического капитала, которые имели широкое представительство во всех вишистских кабинетах, независимо от того, кто возглавлял их — Лаваль или Дарлан. Индокитайский, Парижско-Нидерландский банки, банк Вормс, «Комите де форж», концерн Мерсье и другие крупнейшие монополистические объединения имели своих людей на ключевых правительственных постах.

---

[123] *Верт А.* Указ. соч., с. 64.

[124] *Зильберфарб И. И.* Идеи и традиции Великой французской революции в борьбе идей демократии и фашизма. М., 1971, с. 68 и сл.

«Никогда еще «личная уния» между трестами и государством не афишировалась с таким цинизмом» [125], — подчеркивал М. Торез.

Корпоративистская фразеология служила весьма прозрачной маскировкой для расширения власти монополистического капитала. В качестве практического осуществления идеи корпоративизма рекламировались «организационные комитеты» в отдельных отраслях промышленности, наделенные широкими полномочиями как в экономической, так и социальной сфере. Во главе правления «оргкомитетов» стоял зять автомобильного магната Л. Рено и директор его заводов Ф. Леиде. Отдельные комитеты возглавляли лидеры крупнейших монополий соответствующих отраслей: в автомобильной — Рено, Пежо, Мишлен, в электротехнической — Мерсье, в химической — представитель фирмы Кюльмана и т. п. Крупным землевладельцам принадлежало господство в «сельскохозяйственных корпорациях», по своей сути идентичным «оргкомитетам» в промышленности.

Когда, наконец, появилась разрекламированная вишистами «Хартия труда» (26 октября 1941 г.), то ее целью стало заменить прежние профсоюзы отраслевыми «социальными комитетами», которые ставились в зависимость от «оргкомитетов» [126]. Как писал А. Верт, во Франции Виши «тресты, финансовая олигархия и крупные дельцы были теперь хозяевами более чем когда-либо прежде» [127]. Французским монополиям петэновский режим принес ощутимые материальные выгоды. Их прибыли в 1943 г. выросли более чем в 5 раз по сравнению с уровнем 1939 г. [128] Осуществлявшее их волю правительство обеспечивало великолепные возможности для эксплуатации трудящихся, немецкие военные заказы гарантировали устойчивую конъюнктуру.

В вишистской Франции формируется вариант государственно-монополистического капитализма, весьма напоминавший германский и итальянский образцы. Американский историк Р. Пэкстон отмечает, что с точки зрения методов государственного вмешательства в экономическую жизнь Виши «ближе к Германии и Италии, чем к Франко и Салазару» [129]. Об этом же говорит французский историк Р. Бурдерон; сходство обнаруживается прежде всего в однотипности отношений между деловым миром и государственным аппаратом [130].

Для вишистского режима характерна эволюция от авторитаризма к тоталитаризму. Наряду с концентрацией власти в руках государства шел процесс ликвидации выборности местных органов

---

[125] *Торез М.* Избранные произведения, т. I. М., 1952, с. 500.
[126] Подробно см.: *Киссельгоф И. С.* Указ. соч., с. 114—116.
[127] *Верт А.* Указ. соч., с. 77.
[128] *Киссельгоф И. С.* Указ. соч., с. 82.
[129] *Paxton R. O.* Vichy France. New Order, 1940—1944. New York, 1972, p. 232—233.
[130] *Bourderon R.* Le régime de Vichy était-il fasciste? — «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», 1973, N 91, p. 42—43.

власти. Предельно расширялись права префектов. Эквивалентом массовой партии фашистского типа в значительной мере являлся «Легион ветеранов», позднее переименованный во «Французский легион борцов и добровольцев национальной революции»; из отборных головорезов сложилась «легионерская служба порядка», по своим функциям близкая к гестапо. В начале 1943 г. она была преобразована в специальную милицию во главе с Дарнаном. Этот палач являлся связующим звеном между вишистами и парижскими ультраколлаборационистами; соперничающие фашистские клики объединили свои усилия для расправы с французскими патриотами. Летом 1942 г. вишисты подписали соглашение о сотрудничестве с гестапо. Перманентный массовый террор стал нормой жизни в вишистской Франции.

Правительство Виши взяло на вооружение и расистскую доктрину. Специальное законодательство определяло круг должностей и профессий, доступ к которым был закрыт для лиц нефранцузского происхождения. В марте 1941 г. появился на свет «генеральный комиссариат по еврейским вопросам», летом 1942 г. начались массовые аресты евреев, которых вишисты передавали в руки гитлеровцев.

Несостоятельность расчетов вишистских лидеров, надеявшихся обеспечить своему режиму привилегированное место в системе «нового порядка», со всей ясностью обнаружилась после высадки союзных войск в Северной Африке. Лишившись колоний и флота, вишистское государство не сохранило и видимости суверенитета. По требованию немцев, оккупировавших всю территорию Франции, в правительство вошли их парижские марионетки. Правда, и Петэн, и Лаваль предпринимали неуклюжие попытки дать «задний ход», надеясь сыграть на антикоммунистических тенденциях в политике западных держав. Их запоздалые маневры были обречены на неудачу не только из-за внешних обстоятельств — полного немецкого контроля,— но и вследствие далеко зашедшей фашизации Виши.

Позорный эпилог предательской политики французских фашистов был дописан так называемым французским «правительством» во главе со старым германским агентом де Бринoном. Оно обосновалось в немецком городе Зигмарингене, куда бежали, спасаясь от справедливого возмездия, представители всех течений французского фашизма от вишистов до Дорио. Некоторым из них, например Деа, укрывшемуся за стенами одного из итальянских монастырей, удалось уйти от заслуженной кары. Другие, в их числе Лаваль, Дарнан, де Бринон, были казнены. Маршалу Петэну смертный приговор генерал де Голль заменил пожизненным заключением.

В оккупированных скандинавских странах и государствах Бенилюкса местные фашисты были слишком слабы, чтобы гитлеровцы серьезно считались с ними. Только в Норвегии Квислингу удалось возглавить правительство, и то оно функционировало под

жестким контролем рейхскомиссара Тербовена. Причем срок существования первого квислинговского кабинета исчислялся несколькими днями. У немцев быстро рассеялись гиперболизированные представления о силе влияния норвежских фашистов. На пятый день после вторжения, 14 апреля 1940 г., Квислинг был отстранен. Оккупанты сочли, что практичнее использовать коллаборационистски настроенные круги крупного капитала и бюрократии; из их представителей был сформирован административный совет. Норвежский прогрессивный публицист Х. Крог с полным основанием писал, что «норвежские крупные капиталисты сослужили Германии гораздо бо́льшую службу, чем Квислинг, Хагелин и вся банда «норвежских» министров, судей, доверенных лиц, доносчиков, хирдов-штурмовиков Квислинга и «легионеров» на Восточном фронте, вместе взятых» [131].

Осуществляя грабеж национальных богатств Норвегии, захватчики не упускали из виду и задачу фашизации страны. Декретом рейхскомиссара от 25 сентября 1940 г. в стране разрешалось существование одной партии — «Национального единения». Но семена нацизма не дали в Норвегии сколько-нибудь значительных всходов. Пик количественного роста «Национального единения» был достигнут к началу 1943 г.— 43 тыс. человек [132]. В отрядах карателей-хирдов насчитывалось 1,5 тыс. всякого рода подонков; в составе норвежского легиона на советско-германский фронт было отправлено около 2 тыс. фашистов [133].

В феврале 1942 г. Квислинг вновь был поставлен во главе марионеточного правительства с целью усилить репрессии против патриотов. Квислинга, имя которого стало синонимом национального предательства, постигла справедливая кара. Тем не менее находятся буржуазные авторы, пытающиеся в той или иной мере реабилитировать фюрера норвежских нацистов, изображая его оторванным от реальности мечтателем-идеалистом, которого якобы обманули гитлеровцы [134].

Реально оценивая слабые возможности датских нацистов, учитывая неудачный опыт с Квислингом, гитлеровцы с самого начала предпочли более спокойный путь эксплуатации Дании через посредство легального правительства Стаунинга. Контроль над ним осуществляли имперские уполномоченные и военные власти. Такой «правительственный коллаборационизм» был выгоден и датским капиталистам, наживавшимся на германских военных заказах.

Вместе с тем оккупационные власти оказывали поддержку и местным фашистам, рассматривая их как средство давления на правительство, а также как вспомогательный пропагандистско-

[131] Цит. по: *Носков А. М.* Норвегия во второй мировой войне. 1940—1945. М., 1973, с. 96.
[132] European Fascism, p. 228.
[133] *Самотейкин Е. М.* Указ. соч., с. 210.
[134] См., например: *Hewins R.* Quisling. Prophet without Honour. London, 1965; *Loock H.-D.* Quisling, Rosenberg und Terboven. Stuttgart, 1970.

террористический инструмент. В апреле 1942 г. датские фашисты, ободренные недавним назначением Квислинга на пост главы кабинета в соседней Норвегии, сделали попытку захватить власть. Она оказалась неудачной. Несмотря на благоприятные внешние обстоятельства, ДНСРП не смогла стать массовой партией; ее численность составила в 1942 г. 16 тыс. человек [135].

Роль датских нацистов возросла в глазах оккупантов, когда во второй половине 1943 г. вместо «правительственного коллаборационизма» был введен военно-полицейский режим. Немецким карателям рьяно помогали 2000 датских нацистов, объединенных в несколько специальных отрядов, например, «Шальбургский корпус», «Хипо», «Соммер», «СС-вагтбатальон Шелланд» [136]. Из членов ДНСРП вербовались волонтеры в подразделения «СС» под названиями «Дания» и «Нордланд» для участия в военных действиях на Восточном фронте.

После оккупации Нидерландов местные фашисты также пошли в услужение захватчикам. Муссерт при этом пытался выторговать у Гитлера санкцию на воссоздание под германской эгидой «Великой Голландии» в границах XVII века. Но подобные планы не нашли отклика у немцев, которые предпочли править оккупированной страной, опираясь на собственный военно-полицейский аппарат. Это упрощало грабеж Нидерландов, тем более что «правительственного коллаборационализма» здесь не вышло, а местные фашисты были недостаточно сильны, чтобы обеспечить решение подобной задачи. Даже в условиях оккупации, создававших своеобразный политический вакуум, «Национал-социалистское движение» не смогло превратиться в подлинно массовую партию. Муссерт во время судебного процесса говорил о 80 тыс. членов партии. Американский историк В. Вармбрун считает более достоверной цифру в 50 тыс. [137]

Местные нацисты не только поддерживали террористические акты германского фашизма в Нидерландах, но и воевали в составе легиона войск СС «Голландия». Общее число членов НСБ, принимавших участие в военных действиях, достигало 25 тыс. [138]

В Нидерландах, как и в других оккупированных странах, можно проследить применение излюбленного нацистского метода «разделяй и властвуй». Так, немцы сталкивали между собой Муссерта и Роста ван Тоннингена. Одновременно в распрях сателлитов находила отражение борьба между самими нацистскими главарями и ведомствами, характерная для тоталитарного нацистского государства. Муссерт опирался на поддержку верховного комиссара А. Зейсс-Инкварта, представлявшего верхушку НСДАП,

---

[135] *Кудрина Ю. В.* Указ. соч., с. 59.
[136] Там же, с. 132—133.
[137] *Warmbrunn W.* The Dutch under German Occupation, 1940—1945. Stanford, 1963, p. 89.
[138] Ibid., p. 91.

Р. ван Тоннингену покровительствовал глава СС и полиции на нидерландской территории А. Раутер, за которым стоял Гиммлер.

Определенные разногласия между главарями нидерландского фашизма не дают оснований для противопоставления их друг другу, как это делают некоторые буржуазные историки, стремящиеся представить Муссерта в более выгодном свете, чем ван Тоннингена [139]. В буржуазной историографии можно встретить и попытки реабилитации предателя нидерландского народа [140]. Между тем национальная измена Муссерта и других западноевропейских фашистов была закономерным итогом реализации их политических и идеологических установок.

Обе основные группировки бельгийского фашизма (Фламандская национальная лига и рексисты) активно включились в создание «нового порядка» под контролем германской военной администрации. Тот факт, что против них было по меньшей мере 95% населения страны [141], еще более ожесточал фашистских отщепенцев. Предел мобилизационных возможностей фламандских фашистов исчислялся 50 тыс. приверженцев [142]; 15—20 тыс. из них входили в состав полицейских формирований, помогавших оккупантам проводить политику террора. В войсках СС сражался легион «Фландрия». Фламандским националистам пришлось смириться с решением гитлеровцев об «интеграции» их земли в состав третьего рейха. После смерти С. де Клерка (1943 г.) его преемником стал Элиас, но в конце декабря 1944 г., когда немецкие войска уже были изгнаны из Фландрии, «фюрером фламандского народа» провозгласили Ван де Виеле, который, как и Рост ван Тоннинген, был противником даже самых робких автономистских тенденций.

В рядах рексистов насчитывалось до 20 тыс. членов. Из них Дегрель вербовал волонтеров для Восточного фронта в легион СС «Валлония», который он сам и возглавил; 6000 рексистов осуществляли террористические функции внутри страны [143]. Гитлер не лишал Дегреля надежды на создание «Великой Бургундии». После войны бежавший в Испанию бывший рексистский фюрер стал одной из ведущих фигур неофашистского лагеря, олицетворяя преемственную связь между «традиционным» и новым фашизмом [144].

В период успехов гитлеровского вермахта фашисты активизировались и в нейтральных странах Западной Европы. В Швеции это выразилось, в частности, в возникновении новых организаций, отпочковавшихся от ранее существовавших. Таким образом появились в 1941 г. «Шведская оппозиция» Пер Энгдаля и

---

[139] См. например, работы А. Паана, В. Вармбрунна.
[140] *Littlejohn D.* The Patriotic Traitors. London, 1972, p. 129.
[141] *Williquet J.* Op. cit., p. 100.
[142] Ibid., p. 105.
[143] *Milza P., Benteli M.* Op. cit., p. 321.
[144] *Degrelle L.* Op. cit., p. 109.

«Коричневая гвардия» А. Энгстрема. Члены этой последней ездили в оккупированную Норвегию, чтобы пройти там под руководством немецких инструкторов курс военно-политического обучения [145]. «Коричневые гвардейцы» формировали вооруженные подразделения, которые могли бы прийти на помощь немцам в случае их вторжения в Швецию. Шведские фашисты сами призывали гитлеровцев к нападению на свою страну, указывая, что наиболее удобный путь проходит через слабо защищенную шведско-норвежскую границу. К моменту предполагаемой оккупации они приготовили списки антифашистов, с которыми предполагалось немедленно расправиться. После нападения гитлеровской Германии на СССР фашисты настаивали на вступлении Швеции в войну на стороне стран «оси». Фашистские лидеры неоднократно обращались к королю Густаву V с требованиями присоединиться к антикоминтерновскому пакту [146]; 800 шведских фашистов в годы войны присоединились в качестве добровольцев к гитлеровской армии [147]. Антинациональная антидемократическая политика фашистов усугубила разрыв между ними и шведским народом. На парламентских выборах 1944 г. основные фашистские группировки получили всего 8023 голоса [148]. Шведские власти только в конце войны стали принимать некоторые меры по пресечению деятельности фашистов. Учитывая изменившуюся внутреннюю и международную обстановку, руководство фашистских организаций рекомендовало своим членам уходить в подполье, менять имена и ждать лучших времен.

Нейтралитетом тяготились в первые годы войны и швейцарские фашисты. Под влиянием побед гитлеровского вермахта происходит вторая «фронтистская весна». Фронтисты и представители прочих фашистских организаций заявили, что швейцарский нейтралитет устарел. Подобные настроения еще более усилились, когда Германия напала на Советский Союз. Около тысячи швейцарских фашистов приняли участие в военных действиях на стороне нацистской Германии [149]. В идеологии и пропаганде швейцарского фашизма усилились расистские антисемитские мотивы, которые в довоенное время звучали гораздо слабее. Все течения швейцарского фашизма активно обсуждали проблему «совместной работы», надеясь найти себе подходящее место в гитлеровской Европе. Они были готовы перейти на сторону врага в случае нацистской агрессии против их страны. Как и в Швеции, меры против фашистов были приняты в Швейцарии только в последний период войны.

---

[145] *Tschernischewa O. W.* Faschistische Strömungen und Organisationen in Schweden bis zum Ende des zweiten Weltkrieges.— «Nordeuropa», 1974, H. 7, S. 55.
[146] Ibid., S. 56.
[147] Ibid., S. 55.
[148] Ibid., S. 57.
[149] *Glaus B.* Op. cit., S. 349.

История рассмотренных разновидностей западноевропейского фашизма в период второй мировой войны — это история национального предательства. Преступные действия в качестве «пятой колонны» стран «оси», террор против соотечественников для поддержания гитлеровского «нового порядка», кровавые злодеяния под знаменами СС — таков позорный послужной список западноевропейских фашистских движений.

Фашистская волна в годы второй мировой войны разбилась о непреклонную волю народов антигитлеровской коалиции. Гитлеровская агрессия была главной движущей силой этой волны, поэтому победа над нацистской Германией и ее союзниками, достигнутая при решающей роли СССР и активном участии движения Сопротивления, была победой и над международным фашизмом.

Глава девятая

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ФАШИЗМА (ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

БОРЬБА РАБОЧЕГО КЛАССА И КОМПАРТИЙ ПРОТИВ ФАШИЗМА в 1919—1923 гг.

Появление в 1919—1920 гг. фашизма на арене общественной борьбы, террористический поход итальянских фашистских отрядов против рабочего класса, их подготовка к захвату власти, возникновение фашистских организаций в Германии и ряде других стран, проявление профашистских тенденций в буржуазных партиях означали, что перед рабочим и коммунистическим движением встал враг, во многом отличавшийся от прежних реакционных буржуазных организаций. Несомненно, что познание этого врага и разработка эффективной политики, направленной против него, не могли быть достигнуты рабочим и коммунистическим движением сразу, а выковывались на опыте классовых боев и по мере того, как фашизм в своем развитии все яснее раскрывал свои черты, обнажал свои истинные цели.

Из всех политических партий рабочего движения только коммунисты сразу указали на то, что фашизм является террористическим орудием буржуазной реакции. В конце 1920 г. А. Грамши писал, что фашизм порожден кризисом буржуазного режима, ибо в ряде стран капитализм потерял надежду на то, что ему удастся с помощью прежних форм господства обеспечить свою социально-политическую и экономическую устойчивость [1].

Коммунистическое движение, основываясь на ленинской теории империализма, рассматривало фашизм с момента его появления как тенденцию империализма ко все большей реакционности и открытому насилию в условиях новой исторической эпохи — эпохи крушения капитализма и пролетарских революций. В обстановке общего кризиса капитализма, резкого обострения

[1] А. Грамши писал: «Требуются сильные средства: буржуазное господство должно становиться все более реакционным, должно все более прямым и насильственным путем вмешиваться в классовую борьбу, чтобы подавить попытки пролетариата сделать этот или иной шаг навстречу своему освобождению... Фашизм — это не санкционированное законом насилие со стороны класса капиталистов» (*Грамши А.* Избранные произведения в 3-х томах, т. 1. М., 1957, с. 471—472).

классовой борьбы в ряде стран и усиливающейся неустойчивости господства капитала буржуазия все больше ориентируется на репрессии и террор, на методы вооруженного подавления рабочего и демократического движения. Уже I конгресс Коммунистического Интернационала (март 1919 г.) указывал на эту тенденцию, отмечая, что «в борьбе за сохранение капиталистического строя буржуазия прибегает к неслыханным приемам, перед которыми бледнеют все жестокости средневековья, инквизиции, колониального грабежа» [2].

Кровавым примером, подтверждавшим эти слова, был контрреволюционный режим, установленный в Венгрии с помощью иностранных империалистов военными силами во главе с Хорти вскоре после поражения Советской республики. В Италии чернорубашечники, начав бандитский поход против революционных рабочих, в то же время выступали и против буржуазно-демократических свобод, против парламентской системы.

Коминтерн сразу обратил внимание на фашизм и определил задачи борьбы трудящихся с ним. Во время III конгресса Коминтерна Ленин, получив сведения о том, что трудящиеся Рима общим фронтом вышли на демонстрацию против фашизма, подчеркнул, что это выступление является хорошим образцом [3]. Через месяц, 11 августа, Ленин попросил прислать ему подробную информацию «о событиях в Риме, когда рабочие всех партий объединились вокруг коммунистов в демонстрации против фашистов в июле текущего года» [4]. 14 августа в «Письме к немецким коммунистам» он вновь говорил о необходимости отпора наступающему фашизму объединенным фронтом рабочих. Он цитировал из решений III конгресса Коминтерна то место, где указывалось, что Компартия Италии должна «связаться с массами пролетариата в профсоюзах, в стачках, в сражениях против контрреволюционных организаций фашистов, слить вместе движения всех организаций рабочего класса, превратить его самопроизвольные выступления в тщательно подготовленные сражения». Эти положения Ленин назвал существеннейшими местами тактической резолюции III конгресса [5].

В это же время Ленин поставил ряд вопросов перед советским полпредом в Италии В. В. Воровским, который ответил из Рима 26 сентября 1921 г. большим письмом. Наблюдая рост политической реакции в Италии, В. В. Воровский отмечал, что «характерной формой этой реакции явились... боевые организации буржуазии, так называемые союзы, или «фаши» борьбы, набранные из сынков фабрикантов и помещиков, националистически настроенной учащейся молодежи и всяких послевоенных авантюристов, вплоть до уголовных типов. Правительство негласно дало воз-

[2] В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал. М., 1970, с. 147.
[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 59, 458.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 53, с. 112.
[5] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 98.

можность вооружить эти организации и предоставило местным полицейским властям свободу действий, выразившуюся во всемерной поддержке погромной деятельности фашистов»[6]. В. Воровский разоблачал роль фашизма как внегосударственного террористического орудия буржуазии против пролетариата.

Развитие фашизма в Италии стало предметом пристального внимания Исполкома Коминтерна. В журнале «Коммунистический Интернационал» были опубликованы первые материалы, содержавшие попытку дать анализ фашистского движения, вскрыть его цели и тенденции развития. В статье Россо Ардито (Витторио Амброзини) движение Муссолини оценивалось как «выражение международной реакции в итальянских условиях»[7]. Обращалось внимание на то, что фашизм имеет массовую базу в лице средних слоев, частично повернувшихся в сторону реакции. Автор статьи отмечал, что фашизм ловко использует чувство национального недовольства, а также разочарование трудящихся масс после поражения выступлений за захват фабрик и заводов. В то же время выражалось мнение, что мелкобуржуазная масса, хлынувшая в ряды фашизма, неизбежно приведет его к внутреннему кризису, к тому, что движение начнет борьбу против буржуазных партий.

Естественно, что в подобных оценках некоторые важные черты фашизма оставались еще не выясненными. Это относилось прежде всего к антидемократической направленности фашизма. Преувеличивалось воздействие мелкобуржуазной массы на цели фашизма. В целом же коммунисты верно определили контрреволюционную роль фашизма как террористического орудия буржуазии в условиях глубокого кризиса ее строя. Они указали на своеобразие фашизма как движения, опирающегося на вооруженные отряды, состоящие в основном из мелкой буржуазии, отметили роль террора, национализма и демагогии в практике фашизма. Против этого врага коммунисты повели активную бескомпромиссную борьбу.

В Италии в ответ на террор фашистских банд в 1921 г. во многих городах страны происходили демонстрации, забастовки протеста, а в ряде случаев и вооруженные столкновения рабочих с фашистами[8]. Итальянская коммунистическая партия, образовавшаяся в январе 1921 г., призывала рабочих к борьбе против фашизма. Ряд местных организаций ИКП пытался создать объединенный фронт с социалистами против отрядов Муссолини. А. Грамши и некоторые другие деятели ИКП призывали коммунистов к поддержке движения «народных смельчаков», предлагая вступить в эти отряды и координировать их действия под общим

[6] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 2, оп. 1, д. 2109, л. 2.

[7] «Коммунистический Интернационал», 1921, № 18, с. 4649.

[8] См.: *Spriano P.* Storia del Partito comunista italiano, v. I. Da Bordiga a Gramsci. Torino, 1967, p. 123—151; *Лопухов Б. Р.* Фашизм и рабочее движение в Италии. М., 1968, с. 121.

руководством партии [9]. Однако в силу ряда причин, в том числе капитулянтской позиции социалистов и сектантских ошибок руководства ИКП, возглавлявшегося группой А. Бордиги, антифашистская борьба в Италии не получила размаха, необходимого для того, чтобы остановить фашизм.

Итальянская социалистическая партия (ИСП) придерживалась тактики «пассивного сопротивления» фашизму, призывала защищаться от банд Муссолини лишь «методами демократии». Противоположную позицию занимала ИКП, которая рассматривала фашизм как злейшего врага трудящихся, вела мужественную борьбу против него. Но Бордига и его сторонники недооценивали опасности фашизма, считая, что близится контрнаступление пролетариата. Руководство ИКП отвергало какие-либо союзы и блоки с другими партиями против фашизма. Оно выступило с директивой формировать исключительно коммунистические боевые отряды для оборонительной и наступательной пролетарской борьбы, а в августе 1921 г. потребовало от коммунистов ухода из отрядов «народных смельчаков» [10]. Это указание мотивировалось тем, что они ставят перед собой очень ограниченные цели — защиту трудящихся от фашистской опасности, в то время как ИКП должна вести пролетариат к победе революции. Никакого сотрудничества с теми, кто не стремится к немедленному разрушению буржуазного государства, бороться против фашизма только силами компартии и революционных рабочих — такова была позиция бордигианцев.

Э. Тельман говорил на V конгрессе Коминтерна: «Во время народного движения arditi del popolo в 1921 г. итальянская партия отказалась от использования этого народного движения, в то время как Ленин требовал использовать его в борьбе против фашизма. Уже тогда Ленин смотрел на дело правильно, а Бордига неправильно» [11].

В. И. Ленин и Коминтерн делали все, чтобы помочь ИКП преодолеть сектантские ошибки. Так, на заседании ИККИ 24 января 1922 г. указывалось, что ИКП «сделала крупную ошибку» в вопросе об отношении к «народным смельчакам». Движение предоставляло благоприятный случай объединить под коммунистическим руководством большие массы, но компартия не использовала этого. То, что во главе движения стояли радикально-буржуазные, авантюристически настроенные элементы, отнюдь не могло служить основанием для его игнорирования. На заседании ИККИ говорилось, что самое существенное заключается не в том, чтобы размахивать всегда партийным знаменем, а в том, чтобы занять позиции в подлинно массовом движении, направлять это

---

[9] «L'Ordine Nuovo», 15.VII 1921.

[10] См.: *Лопухов Б. Р.* Указ. соч., с. 133.

[11] Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, ч. 1. М.— Л., 1925, с. 576—577.

движение [12]. В течение всего 1922 г. Коминтерн добивался, чтобы ИКП проводила в борьбе против фашизма широкую и гибкую политику единого фронта, способную сплотить пролетарские массы.

В ответ на усиление реакции и фашизма в Италии в феврале 1922 г. был создан координационный профсоюзный центр борьбы пролетариата — Союз труда, провозгласивший своей целью восстановление и защиту экономических и политических завоеваний трудящихся. Поскольку в Союзе труда большинство принадлежало реформистской ВКТ, трудно было ожидать от нового объединения решительных антифашистских действий. Тем не менее возникновение нового объединения расширяло возможности для активизации и сплочения демократических сил. На насилия чернорубашечников рабочие отвечали демонстрациями и забастовками. После выступления фашистов в начале июля в Новаре, после занятия ими муниципалитета и разрушения палаты труда в среде рабочих возникла мысль о проведении всеобщей антифашистской забастовки. Союз труда принял решение о подготовке к ней [13].

Коммунисты были самыми горячими сторонниками организации всеобщего выступления итальянского пролетариата против фашистской угрозы и за разоружение фашистов. Через Союз труда они вновь и вновь предлагали рабочим, принадлежавшим к другим организациям, встать на путь активной революционной борьбы с фашизмом [14].

В июне 1922 г. ИККИ в решении по итальянскому вопросу предлагал, чтобы ИКП «взяла на себя инициативу организации единого пролетарского фронта борьбы против фашизма». В этих целях ИКП должна была «смело и решительно выступить с предложением об организации местных рабочих комитетов борьбы против фашизма и привлечь в эти комитеты рабочих всех партий, а также беспартийных». Исполком Коминтерна нацеливал Итальянскую коммунистическую партию на развертывание антифашистской борьбы широким союзом сил. В письме В. И. Ленину Е. Ярославский в октябре 1922 г. писал: «...фашисты явно идут к захвату власти не только на местах, но и в государственном масштабе... Фашисты являются уже сейчас второй государственной властью в стране, законы которой не менее обязательны, чем законы королевского правительства» [15]. Однако, отмечал Е. Ярославский, у руководства партии нет ясной линии в борьбе с фашизмом [16].

---

[12] Деятельность Исполнительного Комитета и Президиума ИК Коммунистического Интернационала от 13 июля 1921 г. до 1 февраля 1922 г. Пг., 1922, с. 443—444.

[13] *Spriano P.* Op. cit., v. I, p. 203—204.

[14] «Internationale Pressekorrespondenz» (далее — «Inprekorr»), 1922, N 145, S. 932.

[15] ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, д. 32111, лл. 3—4.

[16] Там же, д. 32113, л. 1.

Уроки событий в Италии рассматривались на IV конгрессе Коминтерна, состоявшемся 5 ноября — 5 декабря 1922 г. В. И. Ленин, выступая 13 ноября с докладом «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции», подчеркивал, что коммунистическое движение должно научиться правильно действовать не только в условиях революционного наступления, но и в условиях наступления буржуазной реакции. Подготовка возможности отступления, говорил Ленин, «имеет очень важное значение, и не только с теоретической точки зрения» [17]. Коммунистам следует извлечь уроки из победы фашизма в Италии. Сам фашизм, говорил Ленин, может быть, разъяснит итальянским рабочим, «что они еще недостаточно просвещены и что их страна еще не гарантирована от черной сотни» [18].

По воспоминаниям Камиллы Раверы, В. И. Ленин, беседуя накануне IV конгресса Коминтерна с делегатами от ИКП, высказался против недооценки фашистской опасности и заявил: рабочий класс всегда борется за то, чтобы завоевать и отстоять демократические права, даже если они ограничены буржуазной властью. А когда он теряет их, он борется за то, чтобы вернуть их, вместе с этим ищет себе союзников [19]. Ленин подводил итальянских коммунистов к пониманию того, что фашизм противостоит демократическим свободам и в борьбе с ним необходимо защищать эти свободы, находить союзников.

Эти мысли нашли отражение в решениях IV конгресса Коминтерна, что явилось важным шагом вперед в разработке стратегии и тактики антифашистской борьбы. В «Тезисах о тактике Коммунистического Интернационала» отмечалось, что в современных условиях для буржуазии, стремящейся отстоять свое господство, оказывается уже недостаточно легальных методов подавления. «Поэтому она всюду переходит к созданию особой белой гвардии, которая специально направлена против всех революционных стремлений пролетариата и все более и более служит для насильственного подавления всякой попытки рабочего класса улучшить свое положение» [20]. Конгресс ясно указал на то, что фашизм, это открытое господство белой гвардии направляется одновременно против основ буржуазной демократии вообще» [21]. Это важнейшее обобщение давало ключ к пониманию реакционной, антидемократической природы фашизма и могло стать исходным пунктом для нового вывода — о необходимости сплочения против фашизма всех революционных и демократических сил. Однако к этому выводу еще предстояло прийти.

Конгресс оценил фашизм как явление международного характера, отмечая, что его опасность существует в ряде стран. На

---

[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 281.
[18] Там же, с. 293.
[19] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 5. М., 1969, с. 468.
[20] В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал, с. 463.
[21] Там же.

основе анализа итальянского опыта конгресс отметил, что особенностью фашизма является не только наличие вооруженных контрреволюционных организаций, но и попытки «путем социальной демагогии создать себе почву в массах: в крестьянстве, в мелкой буржуазии, даже в известной части пролетариата»[22]. Конгресс обязал компартии «идти во главе рабочего класса против фашистских банд, энергично применяя и здесь тактику единого фронта и обязательно прибегая к нелегальным методам организации» [23]. В резолюции по итальянскому вопросу еще раз подчеркивалось, что положение, сложившееся после победы фашистской реакции, требует скорейшего объединения всех революционных сил пролетариата [24].

Коминтерн, таким образом, наметил верный курс антифашистской борьбы, подчеркивая решающую роль в ней объединенного рабочего класса. Однако не все аспекты этой политики были выяснены до конца, в частности вопрос об отношении к социал-демократии в антифашистской борьбе. Коммунисты видели, что капитулянтская позиция реформистских вождей служит громадным препятствием для борьбы с фашизмом.

Видный деятель ИКП У. Терначини писал в июле 1922 г.: «Ни одна буржуазная партия не осмеливается честно сказать о необходимости открытой антифашистской политики. Даже социалисты, несмотря на то что многие из их товарищей пали жертвами фашистского террора, заявляют, что они хотят лишь правительства, которое могло бы вернуть уважение к закону и авторитету государства» [25]. Чуждые целям новой демократии, которая расширила бы завоевания трудящихся, социалисты оказались несостоятельными в борьбе против первых же атак фашизма [26].

Коммунисты вели борьбу против фашизма с позиций будущего, связывая ее с движением к конечной цели — социалистической революции и понимая, что корни фашизма будут окончательно вырваны лишь с уничтожением капитализма. Однако эта связь трактовалась вначале слишком прямолинейно, исключалась возможность переходных этапов борьбы, способных объединить широкие антифашистские силы. Считая, что против фашизма может действовать лишь фронт пролетариата, коммунисты тем самым сужали круг сил, которые можно привлечь к антифашистскому сопротивлению.

Из событий в Италии коммунисты стремились извлечь уроки, касающиеся как понимания природы и особенностей фашизма, так и путей борьбы с ним. В изданиях Коминтерна подчеркива-

---

[22] Там же.
[23] Там же.
[24] Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932. М., 1933, с. 358.
[25] «Inprekorr», 1922, N 148, S. 950.
[26] См.: *Тольятти П.* Итальянская коммунистическая партия. М., 1959, с. 26—27.

лось, что фашизм — это стремление самых реакционных слоев капитализма задержать вооруженным насилием рост пролетарской революции и укрепить капиталистические отношения. Коммунисты ясно видели также, что участие широких мелкобуржуазных масс есть специфическое отличие фашистского движения от других контрреволюционных движений; это как бы маскирует истинную природу фашизма. Более глубоким становилось понимание противоречий между фашизмом и буржуазной демократией. Джулио Аквила (Дьюла Шаш) писал в первой половине 1923 г.: «...буржуазия плюет на «верховный принцип демократизма», на «правовое», «демократическое» государство и заменяет все это незаконными и террористическими средствами, вступая в вооруженную политическую борьбу против пролетариата, чтобы сломить его мощь, чтобы поставить его на колени...» [27]. В книге отмечалось, что фашизм взваливает тяготы не только на рабочий класс, но и на мелкую буржуазию, и для борьбы с ним нужна не только мобилизация всех сил пролетариата, но и защита интересов пролетаризирующейся мелкой буржуазии от крупного капитала, освобождение ее из-под влияния фашизма [28].

В 1923 г. начинает свою деятельность под председательством К. Цеткин Временный международный комитет борьбы против фашизма. В одном из своих первых документов он призвал рабочих всех стран к поддержке жертв итальянского фашизма и к решительному отпору бандам чернорубашечников. «Задача всех пролетарских организаций без различия их политической направленности,— говорилось в воззвании,— выполнить этот интернациональный долг чести» [29]. Вскоре был основан боевой фонд международных действий против фашизма с местопребыванием в Берлине [30].

Временный международный комитет борьбы против фашизма вместе с фабзавкомами Германии был организатором состоявшейся 17—21 марта 1923 г. во Франкфурте-на-Майне международной конференции, обсудившей вопросы борьбы против фашизма и угрозы войны (такая угроза усилилась в связи с оккупацией французскими войсками Рура). На конференции кроме коммунистов были представлены независимые социалисты Германии, Франции, Англии, а также синдикалисты [31]. Конференция наметила конкретные мероприятия и предложила созданному ею Международному комитету действия (во главе с К. Цеткин и А. Барбюсом) «обратиться к Амстердамскому, II и Венскому интернационалам с требованием организовать в духе решений конгресса

---

[27] *Аквила Д.* Фашизм в Италии. М., 1923, с. 11—12.
[28] Там же, с. 11.
[29] «Inprekorr», 1923, N 46, S. 357.
[30] «Inprekorr», 1923, N 48, S. 378.
[31] Der internationale Kampf des Proletariats gegen Kriegsgefahr und Faschismus. Protokoll der Verhandlungen der internationalen Konferenz in Frankfurt am Main vom 17. bis 21. Marz 1923. Berlin, 1923.

единый фронт борьбы в национальном и международном масштабах против оккупации Рура и против фашизма» [32]. 15—22 апреля была проведена неделя пропаганды против войны и фашизма. 3 мая делегация, избранная конференцией, вела переговоры с лидерами Амстердамского интернационала профсоюзов. Заявив о согласии с целями борьбы комитета, реформистские вожди тем не менее отвергли единство действий [33].

Важным этапом в разработке антифашистской политики Коминтерна был III расширенный пленум ИККИ, состоявшийся в июне 1923 г. В обстоятельном докладе К. Цеткин говорилось о дальнейшем росте фашизма в ряде стран и подчеркивалось, что «борьба против фашизма есть дело всего пролетариата» [34]. В докладе и в прениях отмечалось, что фашизм — это орудие контрреволюционной буржуазии в эпоху кризиса и распада капитализма; особенность его заключается в том, что он имеет массовую базу; наряду с террором он ловко применяет методы демагогии, спекулирует национальными лозунгами, разжигает антисемитизм, использует разорение и неустойчивое положение средних слоев, разочарование части рабочих. Не осталось незамеченным и то, что фашизм выдвигает идею «сильного» тотального государства, а также стремится создать разветвленную систему организаций: не только вооруженные банды, но и фашистские профсоюзы, призванные занять место прежних классовых организаций пролетариата.

Коммунисты указывали, что фашизм, проводя политику крупного капитала, не может выполнить демагогические обещания, которые он дает различным группам трудящихся и средним слоям населения. Фашизм ведет и к противоречиям с линией «остатков либеральной и демократической буржуазии» [35]. На пленуме говорилось, что фашизм обращен и против социал-демократии, которая «получает свое возмездие» [36].

Пленум ИККИ выступил против социал-демократических взглядов на фашизм как на простое насилие буржуазии, являющееся якобы лишь ответом на направленное против буржуазного общества насилие, исходящее из рядов пролетариата. Коминтерн разоблачал тезис реформистов: «Не будь никакого коммунизма, не было бы и никакого фашизма, взваливавший вину за фашистское наступление на революционный рабочий класс.

На пленуме были сделаны полезные выводы, касающиеся массовой базы фашизма и его внутренних противоречий. Однако здесь были допущены и определенные ошибки. Указывая на мелкобуржуазный состав фашистских массовых формирований, на ох-

---

[32] «Inprekorr», 1923, N 52, S. 424.
[33] «Inprekorr», 1923, N 75, S. 651—652.
[34] Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (12—23 июня 1923 г.). Отчет. М., 1923, с. 207.
[35] Расширенный пленум ИККИ (12—23 июня 1923 г.), с. 297.
[36] Там же, с. 233.

ват этими формированиями и некоторой части пролетариата, пленум считал возможным говорить о двойственном характере фашизма и даже о присутствии в его массовой базе «революционных тенденций», которые могут заостриться против капитализма; переоценивались внутренние противоречия фашизма, которые рассматривались как элементы его разложения. Полагали, что фашизм сможет лишь временно играть роль боевого орудия в руках буржуазии, что сам социальный состав фашистского движения приведет его к неминуемому внутреннему разложению [37]. Формула — фашизм есть наказание за неудавшуюся пролетарскую революцию — была неверной в той части, которая объясняла наличие отдельных пролетариев в рядах фашистского движения их разочарованием в неудаче пролетарской революции. В действительности же к фашизму примкнули наиболее отсталые группы рабочих, отравленные национализмом или обманутые демагогическими посулами. Наличие в рядах фашистского движения людей, которых можно было условно назвать романтиками, верившими, что фашизм стремится к перевороту во имя национальных интересов, не давало никаких оснований говорить о «революционных тенденциях», якобы присущих этому движению. «Революционность» здесь относилась лишь к внешней форме действий, реакционных по своему содержанию.

Несомненно, что коммунисты должны были апеллировать и к тем, кто был обманут фашизмом, кто считал его выразителем интересов всей нации, выводить их из заблуждений. Обосновывая эту линию на пленуме, К. Радек призывал привлечь соответствующие элементы в Германии к общей борьбе против антантовского империализма. Но при этом он допускал преувеличение противоречивости фашистского движения, возможностей развития его пролетарских и мелкобуржуазных участников в антикапиталистическом направлении.

Несмотря на отдельные ошибочные положения, III расширенный пленум ИККИ наметил программу борьбы против фашистского движения. Сознательный революционный авангард рабочего класса, говорилось в резолюции, «должен политически разоружить и одолеть фашизм и организовать рабочих для успешной и сильной самообороны против его насилия» [38]. ИККИ призывал, чтобы во всех странах рабочие партии и организации образовали единый фронт против фашизма и особые совместные органы для руководства общей борьбой. Эти органы должны были создать отряды антифашистской самообороны.

Курс на сплочение рабочих всех политических направлений для борьбы против фашизма был органически связан с разработкой Коминтерном лозунга рабоче-крестьянского правительства; III расширенный пленум ИККИ понимал этот лозунг как средство

---

[37] Расширенный пленум ИККИ (12—23 июня 1923 г.), с. 225, 226.
[38] Там же, с. 299.

мобилизации широких масс на борьбу за общенародные цели, за революционно-демократические преобразования и в то же время как средство подхода к борьбе за социалистические преобразования. Под лозунгом рабоче-крестьянского правительства нужно и можно было сплотить вокруг рабочего класса его союзников. Установки Коминтерна, открывавшие перспективу движения рабочего класса к конечной цели через переходные ступени, через борьбу за переходные политические лозунги, создавали и необходимую идейно-политическую базу для сплочения всех трудящихся против наступающего фашизма.

В практической борьбе эта связь воплощалась далеко не одинаково. В странах, где фашизм не стал серьезной опасностью, компартии рассматривали борьбу с ним лишь как один из многих элементов продвижения к рабоче-крестьянскому правительству. Для условий фашистской Италии лозунг рабоче-крестьянского правительства не мог быть политическим лозунгом дня. Здесь необходима была более широкая переходная политическая цель, способная объединить все силы, оппозиционные фашизму. Жизнь дала в это время яркий пример мобилизующей силы лозунга рабоче-крестьянского правительства для организации антифашистской борьбы. Этим примером стало Сентябрьское антифашистское вооруженное восстание 1923 г. в Болгарии.

9 июня 1923 г. в стране произошел военно-фашистский переворот. Болгарская коммунистическая партия, преодолевая с помощью Коминтерна ошибочную, «нейтралистскую» позицию, занятую в момент переворота, взяла курс на создание единого фронта против фашизма, вовлекая в этот фронт Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) — массовую политическую крестьянскую организацию, находившуюся у власти до переворота. Г. Димитров обосновал необходимость широкого единого фронта труда против фашизма. Фашизм, писал он тогда, «является полным отрицанием всякого демократизма и всех политических прав и свобод для народных масс ... Фашизм вовсе не только антикоммунистичен, он в то же время и антинароден» [89]. Приводя в пример Италию, Димитров говорил, что удары фашизма не менее свирепо, чем на головы коммунистов, сыплются также на социалистов и других радикалов. Поэтому необходимо сплотить всех трудящихся для отпора фашизму. Сентябрьское восстание 1923 г. в Болгарии было первым в мире массовым антифашистским вооруженным восстанием. Главным лозунгом восставших было свержение фашистской диктатуры и создание рабоче-крестьянского правительства.

Несмотря на поражение, Сентябрьское восстание 1923 г. в Болгарии имело большое значение для последующей борьбы против фашизма, обогатило эту борьбу. Исполком Коминтерна подчеркивал, что опыт Сентября 1923 г. «должен быть использован не

[39] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 1. М., 1957, с. 100.

только Болгарской коммунистической партией, но и всеми секциями Коминтерна»[40].

Рост фашистской опасности в 1923 г. был в известной мере отражением поляризации классовых сил, приведшей к острым битвам в ряде стран. В Германии мюнхенский путч 8 ноября 1923 г. свидетельствовал об усилении фашистской угрозы. Коммунисты указывали массам на этот тревожный факт. Компартия Германии разоблачала реакционные планы не только гитлеровцев, которые тогда еще не были крупной силой, но и контрреволюционных организаций — «Стального шлема», «Консула», «Оргеша», «Викинга» и других, справедливо расценивая их как профашистские формирования. Компартия Франции предупреждала трудящихся о росте фашистских тенденций в стране. Она указывала, что носителями фашизма и поставщиками кадров для него являются организации «Аксьон франсэз», «Королевские молодчики» и другие, на которые опирается наиболее реакционная прослойка финансовой олигархии. Международный комитет действия против войны и фашизма издавал книги и брошюры, разоблачавшие фашизм, его организации, его зверства.

Жизнь показывала, что рабочему классу предстоит длительная и острая борьба как против фашизма, захватившего власть в ряде стран, так и против фашистских движений, только вышедших на политическую арену и игравших пока роль вспомогательного орудия империалистической реакции.

ПРОБЛЕМЫ АНТИФАШИСТСКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ В ГОДЫ ЧАСТИЧНОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ КАПИТАЛИЗМА (1924—1928 гг.)

Изменение условий борьбы рабочего класса в связи с наступлением периода частичной стабилизации капитализма не могло не отразиться и на постановке многих проблем антифашистской политики. Большое внимание вопросам антифашистской борьбы было уделено на V конгрессе Коминтерна (июнь — июль 1924 г.): коммунисты стремились извлечь уроки из событий в Италии и Болгарии, чтобы успешнее выступать против фашизма в предстоявших сражениях. При этом, естественно, возникала необходимость вернуться и к общим его оценкам, сверить прежнюю характеристику этого явления с данными общественной практики. В этом смысле важным было в резолюции V конгресса подчеркивание различия между классовой сущностью и социальным составом фашистского движения. «Фашизм,— говорилось в резолюции,— представляет из себя боевое оружие крупной буржуазии в борьбе с пролетариатом, который она не в силах сломить путем законных мер; он — внелегальное средство борьбы, которым она пользуется

[40] Bulletin der Erweiterten Exekutive der Kommunistischen Internationale. Moskau, 12. Juli 1924.

для установления и укрепления своей диктатуры. Однако по социальному составу фашизм должен быть признан мелкобуржуазным движением» [41]. Конгресс не закрывал глаза на то, что мелкая буржуазия активно участвовала в ряде стран в фашистском движении и пыталась использовать его в своих интересах; но политическое лицо фашизма определяла крупная реакционная буржуазия.

Конгресс вновь призвал «к единому фронту всех рабочих масс против фашизма» [42], рекомендовал компартиям усиливать антифашистскую агитацию, создавать дружины обороны, проводить контрдемонстрации в ответ на фашистские акции террора, использовать и такое оружие, как всеобщая забастовка. Однако на V конгрессе под давлением левосектантских элементов были приняты некоторые установки, сужавшие политику единого фронта. Лозунг рабоче-крестьянского правительства был истолкован как синоним диктатуры пролетариата, и тем самым перспектива мобилизации широких антифашистских сил вокруг промежуточных и переходных лозунгов не получила развития, а, наоборот, заменялась одной перспективой: борьба с фашизмом ведется фронтом, выступающим за пролетарскую революцию. И хотя в конкретных рекомендациях ИККИ отдельным партиям предлагалась более гибкая линия, это решение не могло не сказаться на постановке компартиями важнейших вопросов тактики антифашистской борьбы.

На V конгрессе Коминтерна Бордига [43] и представитель КПГ Фреймут защищали тезис о том, что борьбу против фашизма можно вести только на почве коммунистической программы и соглашения с социал-демократией здесь недопустимы. «Социал-демократия и фашизм,— говорил Фреймут,— два средства, два орудия одной и той же общественной функции» [44]. На основе подобных взглядов, разделявшихся и тогдашним председателем ИККИ Г. Зиновьевым, в резолюции было записано, что «фашизм и социал-демократия составляют два острия одного и того же оружия диктатуры крупного капитала. Социал-демократия поэтому никогда не может быть надежной союзницей в борьбе пролетариата с фашизмом» [45]. Эти оценки, поддержанные затем авторитетом И. Сталина, явились основой тезиса о «социал-фашизме», исключавшего возможность сотрудничества компартий с социал-демократическими партиями в борьбе против фашизма.

В то время когда работал V конгресс Коминтерна, в Италии начали развертываться события, связанные с убийством депутата парламента социалиста Дж. Маттеотти.

---

[41] Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Тезисы, резолюции и постановления. М., 1924, с. 132.
[42] Там же, с. 133.
[43] Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет, ч. 1. М.— Л., 1925, с. 689, 691.
[44] Там же, с. 736.
[45] Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Тезисы, резолюции и постановления, с. 132.

ИКП стремилась использовать обстановку политического кризиса для развязывания массовой борьбы против фашистского режима вплоть до объявления национальной забастовки. V конгресс Коминтерна не поддержал мнения Бордиги, будто в Италии надо стремиться к ликвидации всех видов антифашистской оппозиции и замене ее прямыми действиями только коммунистической партии. В специальной Программе действия Итальянской компартии конгресс предлагал ИКП «объединить массы для борьбы против фашизма, вырвать из-под фашистского влияния недовольные и разочарованные пролетарские и мелкобуржуазные круги...» [46] В то же время конгресс советовал, чтобы ИКП, используя действия конституционной оппозиции в деле ослабления и поражения фашизма, не довольствовалась ролью крайней левой в антифашистском блоке, а старалась или принудить оппозицию к активным выступлениям, или заставить ее сбросить маску; партии предлагалось «выявить классовый антагонизм и в самой оппозиции».

Несомненно, что против Муссолини необходимо было поднять прежде всего рабочий класс; немаловажную роль могло сыграть разоблачение непоследовательности и колебаний большинства партий и групп Авентинского блока. Однако советы, направленные на то, чтобы выявить классовый антагонизм в самой оппозиции, можно было истолковать как рекомендацию усилить все, что разъединяет антифашистскую оппозицию по классовому признаку.

На практике Исполком Коминтерна предупреждал против углубления разрыва с Авентинским блоком. Так, в письме от 24 сентября 1924 г. «В Центральный Комитет Коммунистической партии Италии» ИККИ подчеркивал необходимость давления на «блок оппозиции», чтобы толкать его к решительному осуществлению его программы. ИККИ рекомендовал создание антифашистских рабоче-крестьянских комитетов. Для руководства этой работой предлагалось создать Центральную комиссию, в которую вместе с коммунистами вошли бы максималисты, унитарные и беспартийные рабочие, крестьяне, представители реформистских профсоюзов, а в дальнейшем, если это окажется возможным, и представители оппозиции в фашистских профсоюзах. Коминтерн обращал внимание на важность выдвижения программы действий, «в которой наряду с призывом к борьбе против фашизма должен содержаться ряд экономических и политических требований, затрагивающих неотложные интересы рабочих (рабочий день, зарплата, свобода собраний и т. д.), крестьян, мелкой буржуазии, солдат». Но инертность Авентинского блока, его боязнь опереться на массовое антифашистское движение и отсутствие единого фронта

[46] Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Тезисы, резолюции, постановления, с. 168.

рабочих партий позволили правительству Муссолини перейти в наступление. Фашисты начали в Италии окончательную ликвидацию буржуазно-парламентских форм правления.

Частичная стабилизация капитализма привела к тому, что во многих странах фашистские движения, активизировавшиеся в 1919—1923 гг., стали отходить на задний план. Экономические основы существования мелкой буржуазии во многих странах в это время несколько улучшились, и она вновь обрела надежды на сносную жизнь в условиях парламентского строя. Мелкобуржуазные слои стали покидать фашистские формирования. Коммунисты видели, что в условиях частичной стабилизации капитализма в большинстве буржуазных государств фашизм, как писал П. Тольятти, «не соответствует цели наступления против пролетариата... Борьба в этих странах ведется по другому плану, более «экономическими» средствами» [47].

Однако именно в эти годы режимы фашистского типа были установлены в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы, где острые классовые противоречия переплетались с национальными. Поэтому в противовес взглядам социал-демократии, объявившей фашизм страницей прошлого, движением, от которого осталась якобы только накипь, коммунисты заявляли, что фашизм нельзя рассматривать как нечто отжившее. Фашистская опасность, предупреждали компартии, таится в присущей империализму тенденции ко все большей реакционности; угроза фашизма вновь станет актуальной и в крупных странах, как только буржуазия окажется перед новым подъемом революционного движения трудящихся и ослаблением устоев своей власти. Поэтому компартии продолжали разоблачать деятельность фашистских организаций в Германии, Франции, Австрии, США и других странах, требовали разоружения и запрещения фашистских банд, строгого наказания фашистских террористов.

Об актуальности фашистской угрозы свидетельствовал переворот Пилсудского в Польше, совершенный в мае 1926 г. Компартия Польши в момент переворота ошибочно оценивала движение Пилсудского как бунт мелкой буржуазии, наносящей удар по крупному капиталу и помещикам. С помощью Коминтерна эта ошибка в сравнительно короткий срок была исправлена. В июне 1926 г. ЦК КПП призвал рабочий класс к борьбе против режима «санации». IV съезд КПП наметил соответствующую программу действий [48].

Крупным событием явилось антифашистское выступление австрийских рабочих летом 1927 г. Вооруженные нападения фашистских бандитов на рабочих в Шаттендорфе (январь 1927 г.) вызвали возмущение в стране, стихийные забастовки протеста. Компартия Австрии потребовала запрещения фашистских органи-

[47] *Тольятти П.* Фашизм и стабилизация.— «Коммунистический Интернационал», 1926, № 10-11, с. 67.

[48] «Коммунистический Интернационал», 1926, № 8, с. 17.

заций — хеймвера и национал-социалистской партии. 15 июля 1927 г., на следующий день после оправдания фашистских убийц, в Вене началась стихийная массовая демонстрация рабочих, вылившаяся в вооруженное столкновение с полицией. Около 20 тыс. рабочих, большинство которых принадлежало к социалистической партии, в том числе к ее боевым отрядам — шуцбунду, в течение двух дней вели героическую борьбу против полиции и вооруженных фашистов. Развертывалась всеобщая забастовка. Однако лидеры СПА, возглавившие ее, сумели быстро погасить порыв рабочих [49]. События 15—16 июля показали решимость австрийских рабочих отвечать ударами на фашистские убийства и бесчинства.

Коминтерн и компартии сделали в этот период значительный шаг вперед в анализе фашизма. Дискуссии, которые развернулись в компартиях Италии, Польши, в руководящих органах Коминтерна, послужили толчком к новым важным выводам, помогли преодолеть некоторые неверные взгляды, в частности тезис о сравнительно небольших шансах для фашизма в странах, где мелкобуржуазная прослойка менее значительна. Разъяснению этого и других вопросов были посвящены выводы IV съезда Компартии Польши, подготовленные при участии представителей Коминтерна [50].

Те же проблемы встали и на VI конгрессе Коминтерна, прежде всего при выработке Программы Коммунистического Интернационала. В программной комиссии, в работу которой решающий вклад внесли представители ВКП(б), и в выступлениях на пленарных заседаниях указывалось, что фашизм порожден эпохой общего кризиса капитализма, однако его нельзя рассматривать как адекватную политическую надстройку, соответствующую монополистическому капитализму. Это означало бы выводить фашизм с автоматической неизбежностью непосредственно из экономических отношений империализма, отрывая проблему от социально-политических условий [51]. Фашизмом нельзя называть любую форму буржуазной реакции.

В Программе Коминтерна, принятой конгрессом, говорилось, что «процесс наступления буржуазно-империалистической реакции приобретает при особых исторических условиях форму фашизма. Такими условиями являются неустойчивость капиталистических отношений, наличие значительных деклассированных социальных элементов, обнищание широких слоев городской мелкой буржуазии и интеллигенции, недовольство деревенской мелкой буржуазии, наконец, постоянная угроза массовых выступлений пролетариата. Чтобы обеспечить себе большую устойчивость власти, ее твердость и постоянство, буржуазия все более вынужда-

---

[49] *Турок В. М.* Очерки истории Австрии 1918—1929. М., 1955, с. 433—438.
[50] *Ryng J.* Wybor pism. Warszawa, 1957, s. 518.
[51] VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет, вып. III. М.— Л., 1929, с. 60.

ется переходить от парламентской системы к не зависимому от межпартийных отношений и комбинаций фашистскому методу» [52]. Коммунисты отвергли мысль, будто фашизм не может стать крупной силой в развитых капиталистических странах.

С особой силой на конгрессе подчеркивалось, что своеобразие фашистского механизма заключается в том, что фашизм стремится создать себе массовую базу, опереться на мелкую буржуазию городов и крестьянство; но эти слои не играют в фашистском движении самостоятельной роли, а являются орудием в руках буржуазной реакции.

Коминтерн отвергал узкое понимание фашизма как течения, заключенного в рамки «чисто» фашистской партии. Он глубоко вскрыл фашистские и профашистские устремления крупного капитала, проявляющиеся во всей общественно-политической жизни. В то же время на конгрессе звучали предупреждения против той ошибки, когда любое реакционное политическое течение объявлялось фашизмом [53]. Конгресс не отрицал возможности обращения к рабочим социал-демократам и к низовым организациям социалистических партий с предложениями о совместной борьбе против фашизма.

Но конкретный политический курс коммунистического движения в этой борьбе в силу ряда причин был отягощен в последующие годы серьезными сектантскими ошибками. Одна из причин этих ошибок коренилась в характере взаимоотношений компартий и социал-демократических партий. Лидеры социал-демократии, пропагандируя теорию «организованного капитализма», проводя политику классового сотрудничества с буржуазией, преуменьшали опасность фашизма, распространяли среди трудящихся взгляд на фашизм как на мелкобуржуазное движение, направленное якобы и против капитализма [54]. Германский социал-демократический журнал «Социалистише монатсхефте» писал в 1928 г.: «Применение силы не относится к элементам, определяющим существо фашизма; суть фашизма... антилиберализм и антикапитализм». Пропаганда таких тезисов вела к дезорганизации рабочих, примыкавших к реформистским организациям, объективно служила затушевыванию опасности.

Курс социал-демократии на ожесточенную борьбу против коммунистов и фактический отказ от активной борьбы с фашизмом во многом содействовали тому, что значительная часть коммунистов укреплялась в своих воззрениях на социал-демократию как пособницу фашизма.

---

[52] Там же, вып. VI, с. 17—18.
[53] См.: VI конгресс Коминтерна, вып. III, с. 93.
[54] См.: «Sozialistische Monatshefte». Berlin, 1928, Heft 6, S. 492—493.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ФАШИЗМА В МИРОВУЮ ОПАСНОСТЬ. НАЧАЛО РАЗРАБОТКИ КОМИНТЕРНОМ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТИРОВКИ

Коммунистическое движение, опираясь на выработанную им научную концепцию общего кризиса капитализма, предсказало неизбежность краха капиталистической стабилизации и наступления глубокого экономического кризиса, в связи с которым, указывали компартии, следует ожидать резкого возрастания угрозы фашизма.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. привел к поляризации классовых сил, резкому росту недовольства в массах и к обострению классовой борьбы. Оно происходило в условиях растущего влияния на сознание людей примера Советского Союза, единственной страны, не знавшей кризиса и успешно осуществлявшей величественную программу социалистического строительства. В ряде стран, прежде всего в Германии, стал назревать глубокий политический кризис, возникла неустойчивость буржуазной власти. Методы маневрирования и буржуазной демократии уже не могли остановить подъема классовой борьбы. Поэтому империалистическая реакция проявляла все бóльшую склонность к открытому насилию и сделала в ряде стран основную ставку на фашизм. Она видела теперь в лице фашизма единственное средство для подавления нараставших выступлений рабочего класса и других трудящихся. Планы фашизации переплетались со стремлением реакционной буржуазии установить жесткое государственно-монополистическое регулирование экономики. В фашизме воплощались как историческая слабость буржуазии, так и бешеное желание любой ценой преодолеть эту слабость, установить открыто террористические режимы, не допускавшие ни малейшей оппозиции существовавшему строю.

В международном отношении фашизм был ярко выраженной реакцией империалистической буржуазии на укрепление СССР. На фашизм монополисты возлагали надежды как на ударный кулак в борьбе против Советского Союза, как на силу, которая должна была в истребительной войне уничтожить мир социализма и закрыть социалистическую перспективу для человечества.

Так в годы мирового экономического кризиса поднялась вторая волна фашистского движения. Как и прежде, но теперь в несравненно бóльших масштабах, фашизм улавливал в свои ряды охваченных чувством отчаяния разорявшихся мелких собственников, искавших виновников своего разорения.

Особенно опасные размеры приняло фашистское движение в Германии. Быстро усиливался фашизм во Франции. Росло фашистское движение в Испании, где в ответ на углубление буржуазно-демократической революции шла перегруппировка

классовых сил. В Австрии национал-социалистская партия, выступавшая как филиал гитлеровской партии, укрепляла свои вооруженные отряды. Другая военизированная фашистская организация — хеймвер, опираясь на денежную поддержку Муссолини, завоевывала все новые позиции в государственном аппарате. Фашизм активизируется в эти годы во многих районах земного шара — США, Латинской Америке, Японии, Южной Африке. Общая картина мирового фашизма складывалась из стран фашистской диктатуры и режимов фашистского типа и быстро набиравших силу и рвавшихся к власти движений в ряде крупнейших капиталистических стран Европы. Фашизм стал всемирной опасностью.

Жизнь ставила перед рабочим классом необычайно насущную задачу — объединиться, а также сплотить все демократические слои, чтобы широким фронтом выступить против фашизма и разгромить его. Многое решала здесь политика рабочих партий, в частности социал-демократии, имевшей значительное влияние в массах.

Но в опасной ситуации, созданной наступлением фашизма, международная социал-демократия шла все дальше по пути классового сотрудничества с буржуазией, и это сделало ее неспособной оказать фашизму активный отпор. Обилие словесных заявлений против фашизма, протестов против фашистских расправ над социалистами не меняли сути дела. Свой главный удар лидеры социал-демократии направляли против компартий.

Наиболее законченно антикоммунизм и антисоветизм правой социал-демократии выразил К. Каутский, открыто объявивший белогвардейскую контрреволюцию и фашизм менее опасными, чем большевизм, и призывавший «убрать большевизм с дороги» [55]. Лидеры социал-демократии повсюду призывали спасти капитализм от крушения, не стесняясь, заявляли, что они хотят быть врачами у постели больного капитализма, и т. д.[56] Решения IV конгресса Социалистического рабочего Интернационала в Вене (август 1931 г.) ставили фашистов и коммунистов на одну доску, причем основной удар был направлен против опасности «коммунистической революции» [57]. Поэтому социал-демократические лидеры фактически бездействовали перед наступающим фашизмом.

Дальше всех по этому пагубному пути пошла германская социал-демократия (СДПГ). В критическое время, когда в

[55] *Каутский К.* Большевизм в тупике. Берлин, 1930, с. 152.

[56] См.: *Лейбзон Б. М., Шириня К. К.* Поворот в политике Коминтерна. М., 1975, с. 34—35.

[57] Vierter Kongress der Sozialistischen Arbeiterinternationale 1931. Wien, 1931, S. 632. Видный деятель международной социал-демократии и историк Ю. Брауналь позже писал, что всех их пугал призрак борьбы коммунистов за власть, идея гражданской войны, которая-де для социал-демократии была «просто немыслимой» (*Braunthal J.* Geschichte der Internationale, Bd. II. Hannover, 1963, S. 384).

стране развертывалось яростное наступление фашизма, шла фашизация буржуазного режима, лидеры социал-демократии, ведя главный огонь против компартии и революционных рабочих, не выдвинули никакой программы эффективной защиты Веймарской республики от фашистских посягательств. С осени 1930 г. лидеры СДПГ, заявляя, что они стремятся не допустить гитлеровцев к власти, стали проводить тактику «меньшего зла», т. е. поддержки реакционных буржуазных правительств [58]. Эта тактика означала на деле содействие тем силам, которые расчищали дорогу фашистам.

Социал-демократия вводила своих сторонников в заблуждение и относительно характера фашизма, преуменьшала его опасность, его человеконенавистнические черты. В журналах СДПГ публиковались статьи, в которых оспаривалась или преуменьшалась связь фашизма с монополистическим капиталом. При этом утверждалось, что в тех странах, где буржуазно-парламентский строй укрепился до первой мировой войны, общественная борьба развертывается-де в рамках демократии и не существует серьезной опасности фашизма и что вообще «демократическая зона» обладает иммунитетом к нему [59].

В кругах социал-демократии широко распространялась также выдвинутая исключенным из КПГ А. Тальгеймером теория, что фашизм — это бонапартизм, т. е. промежуточная диктаторская власть, стоящая над классами и возникающая в тех исторических условиях, когда буржуазия уже не в состоянии сохранять свое господство, а пролетариат еще не в состоянии установить свою власть [60]. Фашизм, по мнению Тальгеймера, во имя сохранения социального господства буржуазии отстранял эту буржуазию от политического господства. В рядах социал-демократии стала расти оппозиция против такой трактовки. Однако левые социал-демократы, призывавшие открыть глаза на то, что фашизм есть наемное войско крупного капитала, и повести против него решительную борьбу, не сумели добиться перелома.

Коммунистическое движение являлось той единственной общественной силой, которая непримиримо и решительно выступала против фашизма, поднимала массы на борьбу против империалистической политики фашизации, разъясняла трудящимся истинную природу фашизма, его реакционные цели.

XI пленум ИККИ (март — апрель 1931 г.) указывал, что в связи с кризисом и его последствиями буржуазия все больше встает на путь усиления политической реакции, на путь фа-

---

[58] См.: *Гинцберг Л. И.* На пути в имперскую канцелярию. М., 1972, с. 136—139.

[59] См.: «Die Gesellschaft», 1931, N 1, S. 4, 6; N 6, S. 481—488; 1932, N 11, S. 398—400.

[60] См.: «Arbeiterpolitik» (Berlin), 1930, N 14; «Gegen den Strom», 1931, N 27, S. 320.

шизации. Она «организует террористические фашистские банды, громит рабочие и все другие революционные организации, лишает рабочих и трудящихся крестьян права собрания и печати, душит стачки принудительным арбитражем и насилием, расстреливает демонстрации безработных и бастующих рабочих, беспощадно подавляет революционные крестьянские движения» [61].

Определяя пути мобилизации масс против наступления реакции, против подготовки империалистической войны и антисоветской военной интервенции, пленум уделил большое внимание конкретным вопросам антифашистской борьбы. Он осудил социал-демократические оценки фашизма и в то же время отверг отдельные неверные взгляды на фашизм, распространенные среди некоторой части коммунистов. В заключительном слове Д. Мануильский осудил упрощенческую оценку, согласно которой фашизм есть-де неизбежная историческая ступень в разложении капитализма, что он быстро ведет-де к развалу последнего [62]. На пленуме отмечалось, что «фашизм есть и офензива и оборона капитала» [63]. Установление фашистской диктатуры означало бы временное поражение пролетариата. Перед компартиями ставилась поэтому задача всеми силами бороться не только против фашистских диктатур, но и против всяких наступательных акций фашизма, против всех мероприятий реакционных правительств, расчищающих дорогу фашизму. Пленум обратил внимание коммунистов на особую опасность гитлеровского движения.

В сложной обстановке того времени в коммунистических партиях имела место переоценка темпов назревания революционного кризиса. Учитывая настроения только передовых рабочих, а не всей пролетарской массы, коммунисты считали, без достаточных на то оснований, что трудящиеся уже теряют интерес к защите буржуазно-демократических свобод и вскоре перейдут на позиции борьбы за социалистическую революцию. Исходя из этого компартии стремились поднять массы на свержение всех форм власти буржуазии, как фашистской, так и буржуазно-демократической. Определяя эту цель как непосредственную задачу, Коминтерн и его секции полагали, что в сложившихся условиях есть еще больше, чем прежде, оснований рассматривать социал-демократию, защищающую буржуазно-демократические режимы, в качестве основной социальной опоры буржуазии. XI пленум ИККИ заявлял, что процесс фашизации социал-демократии идет все глубже [64] и необходимо усилить удары против нее.

[61] Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932, с. 954—955.
[62] XI пленум ИККИ, вып. 1. Компартии и кризис капитализма. М., 1932, с. 607.
[63] Там же, с. 606.
[64] Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932, с. 961.

Эти установки, однако, не отвечали той весьма сложной и противоречивой конкретной ситуации, которая возникла в капиталистическом мире. Лозунг социалистической революции верный как конечная цель движения, еще не имел достаточной поддержки масс. К тому же сама объективная обстановка развивалась таким образом, что росло и углублялось противоречие империализма и его ударного отряда — фашизма — не только с рабочим классом, но и со всеми демократическими силами. И чем дальше наступал фашизм, тем сильнее пробуждалась в широких массах воля к защите общедемократических свобод. Сама жизнь все больше выдвигала на первый план общедемократические, антифашистские задачи. Их нельзя было решить силами одних сторонников пролетарской власти. Ясно, что и тезис о «социал-фашизме», несмотря на глубоко позорное, даже предательское поведение некоторых вождей социал-демократии, был ошибочным [65]. Он мешал коммунистам вовремя заметить, что в рядах социал-демократии растут антифашистские настроения и в условиях фашистского наступления социал-демократия, за исключением ее правых лидеров, способна принять участие в борьбе с фашизмом.

XII пленум ИККИ (август — сентябрь 1932 г.), стремясь нащупать путь к объединению рабочих-антифашистов, сделал известный шаг вперед: он осудил взгляд, согласно которому фашизация захватила якобы и низовые звенья реформистских партий и профсоюзов, и поэтому-де невозможны никакие обращения к ним с предложениями о единстве действий. Напротив, в решениях пленума указывалось на необходимость таких обращений, на обязанность компартий вести самым активным образом борьбу за частичные требования, против насилия и террора, вовлекая в нее и социал-демократических рабочих. Однако этот шаг затрагивал лишь область тактики и пока еще связывался с прежними установками о заострении удара против социал-демократических партий. Существовала, как позже критически отметил VII конгресс Коминтерна, недооценка всей глубины фашистской опасности.

В отдельных компартиях левосектантские группы серьезно мешали созданию антифашистского единства рабочих. В компартии Франции группа А. Барбе — П. Селора, в компартии Германии группа Г. Неймана — Г. Реммеле, в компартии Испании группа Х. Бульехоса — Г. Трилья и некоторые группы в других партиях выдвигали левацко-сектантские лозунги, препятствовавшие организации широкой борьбы против фашизма. Компартии с помощью Коминтерна идейно-политически разгромили эти группы, что открывало возможность развивать более действенную антифашистскую политику.

---

[65] См.: *Пономарев Б. Н.* Славная годовщина в истории коммунистического движения.— «Проблемы мира и социализма», 1969, № 2, с. 120.

Самая большая тяжесть в борьбе против фашизма лежала на плечах компартии Германии, страны, где гитлеровцы бешено рвались к власти, прикрываясь социальной демагогией и выдвигая националистические лозунги. КПГ еще в Программе национального и социального освобождения германского народа, принятой летом 1930 г., показывала, что спекуляции гитлеровцев на национальных чувствах германского народа лживы, что цели фашистов не имеют ничего общего с действительными национальными интересами, а, наоборот, выражают устремления самых реакционных и агрессивных монополистических кругов. Пленум ЦК КПГ, состоявшийся в начале 1932 г., указывая на угрозу разгрома рабочего класса, призывал к объединению пролетарских сил в едином рабочем фронте. Политика единого фронта рассматривалась как главное звено политики партий, как средство, способное остановить фашизм [66].

Французская коммунистическая партия, обновившая и укрепившая в 1930 г. свое руководство, организуя борьбу против нищеты, реакции и войны, разъясняла массам, что реакционные круги проводят политику фашизации, ведут атаки на права рабочего класса. Избирательную кампанию 1932 г. ФКП вела под лозунгами борьбы против войны, нищеты и фашизма. Партия энергично поддержала движение за созыв международного конгресса против фашизма и войны. На этом конгрессе в Амстердаме (август 1932 г.) французскую делегацию представляли не только коммунисты, но и многие социалисты, значительные силы прогрессивной интеллигенции [67]. ФКП и КПГ выступили 26 октября 1932 г. с совместным воззванием против подготовки войны, против фашизма, за пролетарскую солидарность [68]. По инициативе коммунистов 31 октября в Париже был проведен большой митинг, на котором М. Торез и Э. Тельман призвали трудящихся Франции и Германии к совместной борьбе против шовинистического натравливания народов друг на друга, против угрозы империалистической войны и фашизма [69].

В Австрии компартия говорила трудящимся о растущей фашистской опасности и призывала рабочих к единому фронту защиты пролетарских свобод и требований. На конференции КПА 8 августа 1932 г. И. Копленинг заявлял: «Отныне самым важным является борьба против фашизма... Мы не ставим никаких условий, кроме одного,— ведения борьбы» [70]. Но Социал-демократическая партия Австрии, влиявшая на большинство рабочего класса, проводила политику выжидания.

Антифашистская борьба достигла в ряде европейских стран значительного размаха. Однако силами только своих сторон-

[66] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 4. Berlin, 1964, S. 326.
[67] «La Correspondance Internationale», 1935, N 15, p. 212.
[68] «L'Humanité», 26.X 1932.
[69] «L'Humanité», 1.XI 1932.
[70] «Kommunist» (Wien), 1932, Juli — August, S. 4.

ников компартии не могли организовать отпор международному наступлению фашизма.

С приходом гитлеровцев к власти в Германии началась самая мрачная страница ее истории. Германия превратилась в центр мировой реакции. Здесь стал возникать главный очаг войны в Европе.

Победа гитлеровцев подхлестнула все реакционные силы в мире; одновременно она была тревожным сигналом, призывавшим противников фашизма к сплочению. Большинство лидеров социал-демократии, оставаясь на позициях антикоммунизма и в этот чрезвычайно ответственный час истории, не встали, однако, на путь решительной борьбы против фашизма. Лидеры СДПГ в момент прихода Гитлера к власти сорвали попытки компартии объявить всеобщую забастовку в целях свержения фашистского правительства. Они продолжали слепо верить в возможность борьбы на конституционной основе, некоторые из них даже пытались приспособиться к условиям фашистского режима, надеясь в то же время, что нацисты быстро «отхозяйничают». Такая преступная пассивность позволила Гитлеру укрепиться у власти.

Теоретики социал-демократии — Г. Брейлсфорд в Англии, Скотт Ниринг в США, Отто Бауэр в Австрии и другие — продолжали оценивать фашизм и его диктатуру как «бунт среднего класса»[71], а некоторые, например Л. Лора во Франции, даже пытались изобразить фашизм в виде своеобразной переходной стадии от капитализма к социализму[72]. Такие оценки обескураживали рабочих, вносили в их ряды замешательство, притупляли бдительность по отношению к фашистской опасности. Позже социал-демократические деятели оправдывались, что социал-демократия с ее гуманистическим мировоззрением не могла и думать, что фашизм несет с собой такие злодеяния. «...Мы сами являлись порождением гуманизма,— пишет австрийский социалист Н. Лезер,— и в своей ошибочной вере предполагали, что и противник стоит на той же высоте, а не является темной силой догуманистических времен»[73]. Но этот наивный аргумент лишь подтверждает, что социал-демократия не видела грозной опасности фашизма, жила иллюзиями относительно «гуманности» финансового капитала и капитализма вообще.

Однако германские события вызвали и в рядах международной социал-демократии, прежде всего в ее низах, стремление извлечь уроки из поражения. Там все громче раздавались требования перейти к активной борьбе с фашизмом. В такой си-

[71] См.: *Nearing S.* Fascism. New York, 1933, p. 42; «New Clarion», 8.VII 1933; «Der Kampf» (Wien), 1933, N 8/9, S. 312—313.

[72] См.: *Салычев С. С.* Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами 1921—1940 гг. М., 1973, с. 205.

[73] *Leser N.* Begegnung und Auftrag. Beiträge zur Orientierung im zeitgenossischen Sozialismus. Wien, 1963, S. 34.

туации предложения коммунистов о едином рабочем фронте стали находить у социал-демократических рабочих широкий отклик, что заставило руководство ряда социал-демократических партий заговорить о необходимости переговоров с Коминтерном. Бюро Исполкома Социалистического рабочего Интернационала выступило 19 февраля 1933 г. с воззванием к рабочим всего мира, в котором говорилось о согласии вести такие переговоры и о необходимости прекратить взаимные нападки. Воззвание не содержало боевой конкретной платформы, в то время как жизнь властно требовала реальных шагов, способствующих сближению пролетариев-антифашистов [74].

Такой шаг был сделан Коминтерном. 5 марта 1933 г. ИККИ обратился к рабочим с воззванием, выдвигавшим конкретную программу совместной антифашистской борьбы обоих рабочих объединений. Новым моментом было то, что ИККИ призывал коммунистические партии к установлению «единого фронта с социал-демократическими рабочими массами при посредстве социал-демократических партий» [75], т. е. предлагал соглашения на уровне руководства партий. Осуществление этого предложения было бы серьезным шагом вперед к более широкой тактике единого рабочего фронта, к сплочению антифашистов.

Но руководство Социалистического рабочего Интернационала ответило на предложения Коминтерна отказом, заявляя, что они могут оказаться лишь маневром [76]. Социал-демократические партии, к которым компартии обратились с соответствующими предложениями, также отвергли их. Лидеры социал-демократии требовали от компартий отказаться от своих принципиальных программных положений и только в этом случае соглашались вести переговоры о единстве действий [77]. Тем не менее настроения в пользу антифашистского единства неуклонно росли и в рядах социал-демократии.

Немаловажную роль в сближении рабочих — коммунистов и социал-демократов сыграл Европейский антифашистский рабочий конгресс, состоявшийся в июне 1933 г. в парижском зале Плейель. Созванный по инициативе коммунистов, этот конгресс представлял более 3 млн. трудящихся различных политических направлений. Выработанная им программа, несмотря на наличие в ряде пунктов устаревших установок, в целом давала основу для совместных действий всех антифашистов, независимо от их партийной, профсоюзной или религиозной принадлежности. Созданный конгрессом Антифашистский централь-

---

[74] См.: Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 351.

[75] «Правда», 1933, 6 марта.

[76] См.: Internationale Information für Pressezwecke herausgegeben vom Sekretariat der Sozialistischen Arbeiterinternationale (далее — Internationale Information). Zürich, 1933, N 16, 6 März.

[77] См. об этом: *Лейбзон Б. М., Шириня К. К.* Указ. соч., с. 58—59.

ный комитет стал организатором ряда крупных политических кампаний.

В августе 1933 г. Антифашистский ЦК и Всемирный комитет борьбы за мир, созданный на Амстердамском конгрессе в 1932 г., объединились. Был образован Всемирный комитет борьбы против войны и фашизма. Он возглавил движение, известное под названием Амстердам-плейельского, которое играло важную роль в разоблачении внутренней и внешней политики германского фашизма, в мобилизации трудящихся Европы на борьбу с фашистской опасностью, в сближении пролетариев с другими антифашистскими силами.

Сплочению всех противников фашизма способствовали международная кампания в защиту пламенного революционера Г. Димитрова и других обвиняемых-коммунистов по делу о поджоге рейхстага (сентябрь — декабрь 1933 г.) и выступления Г. Димитрова на Лейпцигском процессе. Гитлеровцы, организуя этот процесс, рассчитывали доказать, что коммунисты готовили гражданскую войну в стране и, пытаясь дать сигнал к восстанию, подожгли рейхстаг. Г. Димитров на процессе мужественно выступил как обличитель зверств и террористической политики фашизма. В своих выступлениях на суде Димитров показал, что суть тактики коммунистов состоит в установлении единства действий коммунистических и социал-демократических рабочих для отпора фашизму и защиты завоеваний рабочего движения [78].

В месяцы, когда шел Лейпцигский процесс, в большинстве стран прокатилась мощная волна собраний, митингов и демонстраций протеста против гитлеровского террора, за освобождение узников фашизма. В таких условиях в международной социал-демократии стали усиливаться левые течения, требовавшие единства действий с коммунистами в борьбе против фашизма. На парижской сессии Исполкома Социалистического рабочего Интернационала (август 1933 г.), где его лидеры еще раз настояли на том, чтобы «изо всех сил сопротивляться любым маневрам единого фронта, проводимым Москвой» [79], уже громко заявило о себе течение, представленное группами левых социалистов Франции, Италии, Австрии, молодежных социалистических организаций Испании и Бельгии.

Осознавая свою роль в борьбе против фашизма и войны, коммунисты настойчиво искали пути к сплочению антифашистов, к активизации антифашистской и антивоенной борьбы. На XIII пленуме ИККИ (ноябрь — декабрь 1933 г.), как уже отмечалось, было дано марксистское определение классовой сущности фашистской власти: это — открытая террористическая диктатура

---

[78] Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения. М., 1972, с. 313.

[79] «Le Populaire», 22.VIII 1933.

наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических кругов финансового капитала [80]. Это определение, глубоко вскрывшее подлинную природу фашизма, указание на то, что монополистический капитал переходит к ликвидации парламентаризма и буржуазной демократии вообще, что существует противоречие между классовой сущностью фашизма и действительными интересами слоев, составляющих его массовую базу,— все это было исходным пунктом для будущих шагов к максимально широкому объединению всех антифашистских, демократических сил. Пленум ИККИ сделал ряд важных выводов для развертывания антивоенной борьбы, выдвинул положение о том, что пролетариат своей борьбой может задержать войну, опасность которой резко усилилась после установления фашистской диктатуры в Германии.

Однако в ряде вопросов пленум исходил из установок, которые нуждались в пересмотре; недооценивались, в частности, размеры наступления фашизма. По-прежнему социал-демократия рассматривалась как главная социальная опора буржуазии даже в фашистских странах. Как и раньше, схематически противопоставлялась тактика единства снизу тактике единого фронта сверху. Это мешало поискам широкой антифашистской политики, которые уже вело коммунистическое движение.

Перед компартиями стоял жгучий практический вопрос: как объединить против фашизма и империалистической реакции не только сторонников социалистического переворота, но и всех рабочих, отвергающих фашизм. Найти ответ на этот вопрос означало разрешить противоречие между потребностями борьбы и устаревшими политическими установками, выработать новую ориентировку. Поворот к новой ориентировке, ее разработка пошли быстрыми темпами в 1934 г. При этом Коминтерн и компартии опирались на богатый и во многом новаторский опыт антифашистской борьбы в ряде стран.

В февральские дни 1934 г., когда французские фашисты попытались захватить власть, единые выступления рабочего класса свели эти попытки на нет. Опираясь на поддержку и советы Коминтерна, ФКП разработала политику защиты демократических свобод, борьбы за ближайшие экономические требования не только рабочих, но и широких масс трудового крестьянства, мелкой буржуазии, интеллигенции. Компартия увидела благоприятные возможности сплочения всех противников фашизма и войны на основе общедемократической платформы. Благодаря настойчивым стремлениям ФКП и ее умелому подходу к рабочим-социалистам в июле 1934 г. был заключен пакт единства между ФКП и социалистической партией (СФИО); обе партии обязывались применять действенные методы классовой борьбы против фашизма и реакции. Создание единого фрон-

[80] См.: XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1934, с. 589.

та во Франции открыло путь для дальнейших успехов политики объединения демократических сил не только в этой стране, но и в других странах.

Серьезным уроком для международного рабочего движения послужили события в Австрии. Когда в феврале 1934 г. дело дошло до острого столкновения с фашистами и передовая часть рабочих, в том числе многие шуцбундовцы, поднялась на вооруженную борьбу, социал-демократия оказалась не в состоянии организовать сопротивление наступавшему фашизму [81]. Если на примере Франции рабочие всего мира увидели возможность успешного отпора фашизму путем создания единого фронта, то пример Австрии еще раз убедил в том, насколько пагубна реформистская политика уклонения от решительной борьбы. События в Австрии в то же время показали, что низы социал-демократии идут влево, все более сознают, что необходимо единство действий с коммунистами для защиты буржуазно-демократических свобод и для борьбы за ближайшие экономические требования трудящихся.

Важный опыт проделала Компартия Испании, рассматривавшая разгром фашистских элементов как необходимое условие развития демократической революции в стране. Уже в 1933 г. компартия выдвинула лозунг антифашистского фронта, призывая в него всех демократов. Удалось добиться ряда совместных выступлений с социалистами, анархистами и левыми республиканцами. Вступление компартии в сентябре 1934 г. в «рабочие альянсы», созданные социалистами, и борьба за широкое представительство в альянсах крестьян были новыми шагами коммунистов на пути к созданию в стране антифашистского единства.

В октябре 1934 г., когда испанские рабочие поднялись на всеобщую забастовку, временная победа была достигнута лишь в Астурии, где социалисты, анархисты и коммунисты шли вместе. Несмотря на кровавую расправу реакции над рабочими, октябрьские события в Испании подтвердили важный урок: для победы над фашизмом жизненно необходимо единство действий рабочих всех политических направлений, необходимо преодоление сектантства, цеховщины и претензий на монопольное руководство движением, характерных для анархистов и для социалистической партии. Вместе с тем была практически доказана возможность единства коммунистов, социалистов и анархистов.

Поворот к политике единого рабочего фронта на антифашистской платформе совершала и Компартия Италии, на плечах которой лежала основная тяжесть борьбы в подполье. В марте 1933 г. ИКП призвала все антифашистские группы объединить свои усилия в борьбе за неотложные требования трудящихся. И хотя это предложение не нашло тогда широкого от-

[81] Попытки реформистских идеологов создать легенду о «борющейся социал-демократии» не выдерживают серьезной критики. См. об этом: *Райсберг А.* Австрия, февраль 1934. Причины и следствия. М., 1975.

клика, компартия продолжала курс на достижение антифашистского единства, способствуя тем самым процессам полевения в Итальянской социалистической партии (ИСП) и в группе «Справедливость и свобода». В августе 1934 г. было достигнуто соглашение между ИКП и ИСП о единстве действий. И хотя в нем еще не была определена общая платформа борьбы за свержение фашизма, обе партии брали на себя обязательство действовать совместно как в эмиграции, так и в самой Италии, в повседневной борьбе за экономические требования рабочего класса, против фашистского террора [82].

Огромное значение имело выдвижение коммунистами лозунга Народного фронта, ускорившее разработку новой ориентировки. В октябре 1934 г. с этим лозунгом выступила ФКП, предлагая создать во Франции боевой союз народа, всех пролетарских и демократических сил для обуздания и роспуска фашистских лиг, для борьбы за удовлетворение насущных экономических интересов всех, кого угнетали «200 семейств» [83].

Лозунг сплочения антифашистских сил становится главным в политике компартий Германии, Польши, Чехословакии, Великобритании, Греции, Румынии и ряда других стран. Найденные компартиями новые решения касались области тактики. Но они, и особенно лозунг Народного фронта, требовали ответа на вопрос о содержании и характере целой фазы борьбы международного пролетариата, связанной с отпором фашизму.

В руководящих органах Коминтерна, в подготовительных комиссиях по основным вопросам повестки дня предстоящего VII конгресса шли обсуждения, в ходе которых глубоко анализировались уроки событий во Франции, Испании, Австрии и других странах, обобщались новые идеи, связывались в единую концепцию. Из синтеза новаторского опыта антифашистской борьбы компартий и теоретических выводов Коминтерна рождалась новая политическая ориентировка. В ее разработку большой вклад внес Г. Димитров. Его письмо в ЦК ВКП(б) от 1 июля 1934 г. и речь 2 июля на заседании подготовительной комиссии явились теми документами, в которых были впервые поставлены не единично, а в широком объеме вопросы о смелом пересмотре устаревших и неправильных установок, мешавших действительному развитию единого рабочего фронта и развертыванию антифашистской борьбы [84]. В обсуждении и разработке новых предложений ИККИ опирался на широкую поддержку ВКП(б). 14 июня 1934 г. представитель ВКП(б) в ИККИ Д. Мануильский на заседании подготовительной комиссии высказал мысль, что лозунг непосредственной борьбы за диктатуру пролетариата не отвечает услови-

[82] См.: Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953, с. 361—362.
[83] «L'Humanité», 25.X 1934.
[84] См.: Документы Г. М. Димитрова к VII конгрессу Коммунистического Интернационала.— «Вопросы истории КПСС», 1965, № 7, с. 83—88.

ям, сложившимся в данный момент во многих капиталистических странах, что, провозглашая социализм конечной целью движения, коммунисты должны иметь более конкретную программу борьбы: не пролетарская диктатура, не социализм, но программу, которая подводит массы к борьбе за пролетарскую диктатуру и социализм[85]. Это было важное высказывание, свидетельствовавшее о том, что в руководстве Коминтерна созревало представление о неизбежности в капиталистических странах общедемократической антифашистской фазы борьбы.

В ходе обсуждений в ИККИ, в которых активное участие принимали Г. Димитров, Д. Мануильский, О. Куусинен, В. Пик, О. Пятницкий и др., формулировались новые выводы, касавшиеся антифашистской платформы единого рабочего фронта. Коминтерн по-новому оценил антифашистские потенции социал-демократии, в рядах которой усилилась дифференциация и началось значительное полевение, указал на необходимость расширения антифашистского фронта путем союза с непролетарскими слоями, развертывания борьбы против левацко-сектантских ошибок в компартиях и т. д. В середине октября 1934 г. руководство ИККИ рекомендовало Компартии Франции и ряда других стран выдвинуть лозунг создания широкого фронта трудящихся. Так накануне VII конгресса Коминтерна коммунистическое движение выработало важнейшие положения новой политической ориентировки.

VII КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА

VII конгресс Коминтерна, состоявшийся в июле—августе 1935 г. в Москве, рассматривал как центральный вопрос задачи борьбы против фашизма и войны. Он дал глубокий анализ положения в мире, отметил историческое значение победы социализма в СССР для укрепления всех сил, борющихся против фашизма и войны. Победа социализма в СССР, отмечалось в резолюции, означает «новый крупнейший сдвиг в соотношении классовых сил в мировом масштабе в пользу социализма, в ущерб капитализму»[86].

Огромное внимание конгресс уделил фашистской опасности и характеристике фашистской диктатуры. Определяя классовую сущность фашизма, Г. Димитров повторил в своем докладе формулу XIII пленума ИККИ, заостренную против любых попыток затушевать тот факт, что фашизм является порождением монополистического капитала. При этом конгресс предупреждал против схематического понимания этой формулы, указал на определенные национальные различия фашистского движения, на заметную роль в нем в ряде стран помещичьих кругов, военной и церковной верхушки. Подчеркивалась поэтому необходимость кон-

[85] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 1, д. 1, лл. 7—8.

[86] Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1935, с. 41.

кретного изучения и учета своеобразия развития фашизма и различных форм фашистской диктатуры в отдельных странах.

Принципиально важным был вывод о том, что приход фашизма к власти есть смена одной государственной формы классового господства буржуазии, буржуазной демократии, другой его формой — открытой террористической диктатурой. Этот вывод положил конец вредному приравниванию буржуазных парламентских режимов к фашизму, дал научную основу для понимания противоречий между фашизмом и буржуазной демократией.

Коммунисты подвергли резкой критике всякую недооценку фашистской угрозы, указали на опасность «иллюзий автоматического краха фашистской диктатуры» [87], подчеркнули, что фашизм стремится установить свою диктатуру до решающего поворота масс к революции. Подробно и детально проанализировал VII конгресс массовую базу фашизма, методы националистической и социальной демагогии, с помощью которых фашизму удавалось одурманить значительные слои мелких собственников и другие группы населения. Была разоблачена идеология фашизма с ее шовинизмом, расизмом, культом фюрера и тезисом о всесилии государства. Коммунисты рассмотрели на конгрессе также причины победы фашизма в Германии и некоторых других странах. Всесторонняя и глубокая оценка фашизма VII конгрессом Коминтерна показала трудящимся, какой жестокий и коварный враг стоит перед ними, какая предстоит решительная схватка.

На конгрессе подчеркивалась особая роль германского фашизма, в котором воплотились самые реакционные и самые человеконенавистнические черты фашистского движения вообще. Германский фашизм выступал как ударный кулак международной контрреволюции, как главная сила мировой фашистской реакции, главный поджигатель новой империалистической войны [88].

Фашизм, указал конгресс,— это огромный шаг назад по сравнению с буржуазной демократией; в условиях наступления фашизма «трудящимся массам в ряде капиталистических стран приходится выбирать конкретно на сегодняшний день не между пролетарской диктатурой и буржуазной демократией, а между буржуазной демократией и фашизмом» [89]. Расширение объема общедемократических задач рабочего движения конгресс связывал прежде всего с наступлением фашизма, пытавшегося уничтожить не только классовые организации рабочих, но и все демократические права и свободы.

Конгресс ориентировал все силы международного пролетариата и трудящихся на борьбу против фашизма как главного врага. Важнейшая задача коммунистических партий состояла в создании единого рабочего и широкого народного фронта против фа-

[87] Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала, с. 13.
[88] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 1, с. 377.
[89] Там же, с. 468.

шизма и войны, который должен был стать центром сплочения всех антифашистских сил. По-новому было истолковано и его содержание. Прежде политика единого фронта связывалась главным образом с задачей вовлечения большинства рабочего класса в подготовку непосредственно социалистической революции. В новых условиях содержанием единого рабочего фронта, его платформой становилась преимущественно антифашистская борьба. Указывая на роковые последствия социал-демократической политики классового сотрудничества с буржуазией, что привело к капитулянтству перед фашизмом, конгресс в то же время отмечал, что в новых условиях позиции социал-демократии стали изменяться. Разгром фашизмом рабочих организаций, в том числе и социал-демократических, угроза фашистской агрессии ряду стран — все это, как говорил Г. Димитров, делало более затруднительным, а в некоторых странах прямо невозможным для социал-демократии дальнейшее сохранение ею прежней роли опоры буржуазии. Социал-демократия силой самих событий была поставлена в условия, когда она должна была выступать против фашизма. Коммунисты, не прекращая критики социал-реформизма как идеологии и практики, считали своей первостепенной задачей вовлечение социал-демократии в борьбу против фашизма и войны. Важную роль отводил конгресс созданию единых профсоюзов на платформе классовой борьбы, а также работе коммунистов в тех фашистских организациях, которые охватывали своими рамками значительные слои трудящихся. Конгресс рекомендовал коммунистам входить в эти массовые организации, использовать легальные и полулегальные возможности работы в них для разложения массовой базы фашизма.

Политика единого рабочего фронта рассматривалась на конгрессе в неразрывной взаимосвязи с задачей создания широкого межклассового антифашистского союза — Народного фронта. Развивая ленинское учение о союзе рабочего класса с другими слоями трудящихся, ленинские идеи о взаимоотношении борьбы за демократию с борьбой за социализм, конгресс всесторонне обосновал политику Народного фронта. Он обобщил живой, поучительный опыт ряда компартий, особенно французской. Конгресс показал, что Народный фронт может и должен объединить пролетариат, крестьянство, мелкую буржуазию города, трудовую интеллигенцию — всех, кто готов бороться против фашистского варварства. Была определена примерная платформа Народного фронта, ее содержание составляли общедемократические требования.

Конгресс с полным основанием полагал, что последовательная борьба широких масс, объединенных в Народном фронте, приведет к такой ситуации, когда старые реакционные правительства будут устранены и в порядок дня встанет вопрос о создании правительства единого рабочего или антифашистского Народного фронта, которое должно взять на себя проведение решительных мероприятий против фашизма и реакции, стать силой, подрубаю-

щей корни могущества монополистического капитала. Компартии должны были, постановил конгресс, поддерживать правительства Народного фронта в их борьбе против фашизма и войны, а при определенных условиях и участвовать в них.

VII конгресс Коминтерна, указав, насколько велика опасность развязывания фашистскими агрессорами грабительской истребительной войны, развил коммунистическое учение о борьбе против империалистических войн. Он сделал вывод, что в Европе возможны национально-освободительные войны против фашистского агрессора. В таких случаях рабочий класс и коммунисты должны встать в первые ряды борцов за национальную независимость и свободу, сочетая эту борьбу с защитой классовых интересов пролетариата и других слоев трудящихся. Провозглашая задачу защиты мира, Коминтерн выдвинул лозунг создания широкого фронта мира, охватывавшего СССР, рабочий класс и демократические слои всех стран, а также государства, которым угрожала фашистская агрессия. Борьба за мир рассматривалась как важнейшая составная часть борьбы против фашизма, за укрепление и расширение демократии, за социальный прогресс. Возможность отсрочить войну, предотвратить ее взрыв конгресс связывал прежде всего с ростом политического, экономического и военного могущества СССР на мировой арене, а также с усилением других отрядов международного революционного движения и всех демократических движений. Подчеркивая взаимозависимость судьбы первой страны социализма с борьбой против фашизма и войны, конгресс провозглашал священным долгом коммунистов решительную защиту СССР.

Решения VII конгресса Коминтерна имели всемирно-историческое значение для развития антифашистской борьбы. Они ясно определили новую стратегическую ориентировку компартий на сплочение всех революционных и демократических сил для разгрома фашизма и установления антифашистских демократических режимов, которые в дальнейшем проложат дорогу к социалистическому этапу борьбы. Конгресс четко очертил важнейшие задачи сил, выступавших против фашизма и войны, отбросил сектантские установки, мешавшие эффективному объединению противников фашизма. Эти решения касались не только коммунистов, они указали всем трудящимся ясный путь к выходу из кризиса, в котором очутилось человечество в результате наступления империализма и фашистской реакции.

ЕДИНЫЙ РАБОЧИЙ И ШИРОКИЙ НАРОДНЫЙ ФРОНТ ПРОТИВ ФАШИЗМА (1936—1937 гг.)

Решения VII конгресса Коминтерна отвечали властному требованию времени — объединить все силы против фашизма и войны, поэтому они встретили самый широкий отклик во всем мире, в различных слоях населения.

То, что Коминтерн сумел разработать в середине 30-х годов глубоко верную политику, быстро сказалось на развитии антифашистской борьбы. 1936—1937 гг. становятся периодом подъема антифашистского движения, его больших успехов в таких странах, как Франция, Испания, Англия, Чехословакия и др. Важнейшую роль в развитии этого движения, в его победах играла политика единого рабочего и антифашистского Народного фронта.

Осуществление выработанной VII конгрессом политики встречало на своем пути немалые трудности. Против него ополчилась реакция, призывая противопоставить единому фронту сплочение сил господствующих классов стран капитала. Против единства антифашистов продолжала выступать правая социал-демократия [90]. Существовала также реальная опасность правооппортунистического извращения тактики антифашистского единства, которая могла привести к беспринципным соглашениям и в конечном итоге к ослаблению антифашистской борьбы. Поэтому ИККИ, ломая сектантские предубеждения против новой ориентировки, в то же время выступил и против правооппортунистических шатаний. Но при этом ИККИ подчеркивал, что исправление правых ошибок, борьба против них ни в коей мере не должны стать препятствием для смелого проведения в жизнь политики антифашистского единства [91].

На заседаниях Президиума ИККИ в марте—апреле 1936 г. были развиты решения VII конгресса о борьбе против фашистских поджигателей войны. Президиум потребовал от компартий тех стран, которым угрожала агрессия, разработки позитивной программы в области внешней политики, правильного отношения к оборонительным мероприятиям своих правительств. В решении Президиума ИККИ от 1 апреля 1936 г. указывалось, что компартии не могут поддерживать военную политику буржуазных правительств и военный бюджет в целом, поскольку буржуазия использует армию как инструмент подавления трудящихся. Однако они должны, исходя из интересов защиты трудящихся и всей нации от фашистской агрессии, поддержать меры по защите населения от ужасов войны, по укреплению обороноспособности народа, требуя одновременно демократизации всей общественно-политической жизни, особенно демократизации армии, ее чистки от фашистских и реакционных генералов и офицеров, удовлетворения насущных нужд рабочих и крестьянских масс.

Эти и другие решения ИККИ способствовали творческому усвоению компартиями новой стратегии, ориентировали их на объ-

---

[90] См.: *Braunthal J.* Op. cit., S. 500—502; «Zeitschrift für Sozialismus», 1935, H. 26/27, S. 832—836.

[91] См.: Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 431—432.

единение всех революционных и демократических сил против фашизма и войны. Политика Народного фронта дала возможность трудящимся нанести серьезные удары по фашизму и реакции, заставить их на ряде участков отступить.

Особенно больших успехов достигло движение Народного фронта во Франции. Здесь в Народное объединение, оформившееся в 1935 г., вошли партии коммунистов, социалистов, радикалов, республиканских социалистов, профцентры — ВКТ и УВКТ, Национальный комитет борьбы против войны и фашизма и другие — всего около 100 организаций и групп, выражавших волю большинства французов. Реакционные круги надеялись на то, что начавшееся движение — лишь волна энтузиазма, которая быстро спадет [92]. Однако Народный фронт набирал силу. Терпеливая и настойчивая работа ФКП, ее гибкая тактика позволили преодолеть различные препятствия и в рядах СФИО (многие лидеры которой требовали для себя права «первой перчатки»), и в радикальной партии. Опубликованная в январе 1936 г. программа Народного объединения содержала требования разоружения и роспуска фашистских лиг, обеспечения демократических и профсоюзных свобод, отмены чрезвычайного законодательства, обеспечения коллективной безопасности и расширения системы пактов типа франко-советского, проведения ряда социально-экономических реформ для улучшения положения рабочих, крестьян, мелких торговцев, служащих, в частности установления 40-часовой рабочей недели, осуществления демократической налоговой реформы, предоставления рабочих мест молодежи, введения пенсий престарелым; выдвигалось также требование национализации французского банка и введения контроля за экспортом капиталов [93]. Это была общедемократическая антифашистская программа, осуществимая в условиях капиталистического строя, но ставившая рамки хозяйничанию финансового капитала. Цель программы, как писал М. Торез, состояла в том, чтобы «облегчить нужду масс, преградить путь фашизму, обеспечить мир» [94].

Борясь за укрепление Народного фронта, коммунисты стремились сплотить его ядро — единый рабочий фронт. При поддержке Коминтерна ФКП вырабатывает смелый план объединения революционных и реформистских профсоюзов на базе признания классовой борьбы [95]. Руководствуясь этой линией, коммунисты Франции добились весной 1936 г. объединения УВКТ и ВКТ и создания единой Всеобщей конфедерации труда; ряд ответственных постов в ней был предоставлен коммунистам. Этот шаг открыл широкий путь для сплочения рабочего класса и бурного роста единых профсоюзов.

---

[92] См.: *Кравченко Е. А.* Народный фронт во Франции. М., 1972, с. 115.
[93] «L'Humanité», 11.I 1936.
[94] *Торез М.* Современная Франция и Народный фронт. М., 1937, с. 111.
[95] См.: Из истории Коминтерна. М., 1970, с. 149—151.

Создание Народного фронта, укрепление единого рабочего фронта изменили соотношение политических сил в стране. На очередных парламентских выборах в апреле—мае 1936 г. партии Народного фронта, выступив в едином строю, одержали большую победу. Они собрали 5,6 млн. голосов против 4,2 млн., полученных правыми партиями [96]. Число депутатов ФКП увеличилось с 10 до 72, СФИО — с 97 до 146. Выборы показали, что партии Народного фронта опираются на большинство рабочего класса, крестьянства и городских средних слоев. На основе этих выборов было сформировано первое правительство, опиравшееся на Народный фронт, во главе с лидером СФИО Леоном Блюмом. В правительство наряду с социалистами вошли радикалы. ФКП заявила, что она будет честно и лояльно сотрудничать с правительством в осуществлении программы Народного фронта. Что же касается вхождения в правительство, то большинство членов Политбюро ЦК ФКП, вопреки мнению М. Тореза, сочло это нецелесообразным. Можно полагать, что, будучи в правительстве, ФКП приобрела бы важные рычаги прямого воздействия на осуществление программы Народного фронта [97]. Отказываясь от этого, ФКП руководствовалась стремлением не допустить возникновения ситуаций, грозящих ослаблением и расколом Народного фронта. Эта позиция была одобрена Исполкомом Коминтерна.

Создание правительства Л. Блюма совпало с грандиозной волной забастовок, охвативших всю страну [98]. Мощь забастовочного движения была такова, что предпринимателям пришлось идти на значительные, еще не виданные в истории капиталистических стран уступки. В ходе переговоров между ВКТ и предпринимателями, в которых в качестве третьей стороны выступали Л. Блюм и другие члены правительства, было достигнуто соглашение, удовлетворяющее большинство требований рабочих. Были удовлетворены также некоторые требования крестьянства и городских средних слоев. Так, политика Народного фронта, провозглашенная коммунистами, принесла трудящимся Франции важные социальные завоевания.

Укрепление организаций рабочего класса и демократических слоев населения, их единство, наличие правительства, опирающегося на Народный фронт, позволили народу Франции расстроить планы фашистских лиг и дать фашизму решительный отпор. 18 июня 1936 г. был издан декрет о роспуске фашистских лиг. Правда, правительство Блюма, а затем правительство Шотана не приняли необходимых мер для полного осуществления этого декрета. Это позволило фашистским лигам перекраситься, сменить вывески, перейти к полулегальной деятельности. Фашизм во

---

[96] *Lachapelle G.* Elections legislatives de 1936. Paris, 1936, p. X.

[97] См.: «Cahiers du communisme», 1966, N 9, p. 70.

[98] Bulletin du Ministère du Travail, t. 43. Paris. 1937, p. 354—357. Стачечное движение в июне 1936 г. подробно анализируется в кн.: *Егоров Ю. В.* Народный фронт во Франции. Л., 1972, с. 121—127.

Франции не был искоренен. Он пользовался тайной, а нередко и явной поддержкой представителей «200 семейств». В 1937 г. готовился заговор кагуляров — «тайного комитета революционных действий» [99]. Компартия повела энергичную кампанию за наказание фашистов, назвала имена главных заговорщиков — маршала Петэна, которого кагуляры прочили в диктаторы, миллиардера Ванделя, реакционного политического деятеля Тардье, генерала Вейгана и др. Но никто из них не подвергся преследованию.

В сентябре 1937 г. Политбюро ЦК ФКП заявило о необходимости срочных мер для полного пресечения деятельности фашистских террористов и действительной ликвидации всех фашистских лиг [100]. Хотя реакция сумела спустить на тормозах расследование дела кагуляров, борьба народных масс Франции во главе с ФКП привела к тому, что фашизму не удалось широко распространить здесь свое влияние, не удалось установить во Франции фашистский режим. Это означало, что фашизм не смог в то время сделать всю Западную Европу своим бастионом.

В борьбе за требования Народного фронта французский рабочий класс все более утверждал себя как ведущая сила общедемократической антифашистской борьбы, как наиболее активная прогрессивная сила нации, последовательно защищающая интересы народа против монополистической верхушки. Пример Народного фронта во Франции имел огромное международное значение, вдохновляя на борьбу антифашистов других стран.

Чрезвычайно важным участком борьбы против наступающего фашизма стала в эти годы Испания. Создание Народного фронта, его блестящая победа в феврале 1936 г. на выборах в кортесы, приход к власти левореспубликанского правительства, подъем народного движения открывали широкие возможности для завершения буржуазно-демократической революции в стране и разгрома фашизма. ИККИ предупреждал испанских коммунистов против забегания вперед, нацеливал их на то, чтобы они сосредоточили все силы на завершении демократической революции [101].

Компартия Испании (КПИ) придавала чрезвычайное значение налаживанию постоянного сотрудничества с социалистами и анархистами, поиску подходов к рабочим-католикам. Коминтерн одобрял эту линию — лояльно поддерживать левореспубликанское правительство, не отказываясь от критики его непоследовательности, и ориентироваться на возможность создания в будущем правительства Народного фронта [102].

В марте — июне 1936 г. одной из основных задач рабочего движения Испании стало предотвращение реакционного заговора против революции и республики, для чего коммунисты требовали

---

[99] Название кагуляры происходит от французского слова «кагуль» — балахон.

[100] «L'Humanité», 17.IX 1937.

[101] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 18, д. 1092, л. 6.

[102] Там же, лл. 7—12.

уволить из армии реакционных генералов, демократизировать армию [103]. Они призывали к бдительности и хотели, используя давление масс, побудить правительство осуществить энергичные меры против фашистских врагов республики. Однако большинство представителей левореспубликанской партии и республиканского союза в правительстве придерживались политики «умеренности и равновесия», что на деле помогало фашистским заговорщикам.

На вспыхнувший 18 июля военно-фашистский мятеж трудящиеся, получившие в руки оружие, республиканская милиция и часть армии, оставшаяся верной республике, ответили решительными действиями. Народный фронт стал в эти дни боевым объединяющим центром. Он руководил раздачей оружия трудящимся и созданием народной антифашистской милиции, координировал боевые операции. Опасность заставила коммунистов, социалистов, анархистов, республиканцев действовать согласованно. К антифашистскому лагерю примкнули националисты Каталонии и Страны басков.

Однако оказавшемуся на грани поражения мятежу пришли на помощь фашистские державы — Германия и Италия. Революционная борьба против мятежников, сопровождавшаяся глубокими общедемократическими преобразованиями: аграрной реформой, национализацией крупных предприятий, демократизацией общественно-политической жизни,— переплелась с борьбой против германо-итальянских фашистских интервентов. Революционная война в Испании превратилась в национально-революционную. Она была самым крупным вооруженным сражением с фашизмом накануне второй мировой войны. Сотни тысяч трудящихся Испании с оружием в руках шли в бой во имя антифашистских целей. Этот факт свидетельствовал о широком размахе борьбы против фашизма в международном масштабе.

В испанских событиях, как в фокусе, сконцентрировались все важнейшие проблемы антифашистского движения рабочего класса и демократических сил.

На основе испанского опыта было развито дальше учение о Народном фронте и обоснована концепция антифашистской, народно-демократической революции и антифашистско-демократического режима, осуществляющего гораздо более глубокие преобразования, чем любая буржуазно-демократическая революция.

Считая необходимым разделить с социалистами и республиканцами ответственность за руководство государством, вооруженной борьбой, компартия вошла в сентябре 1936 г. в состав правительства, возглавлявшегося левым социалистом Ф. Ларго Кабальеро. «Вопросом вопросов» антифашистской борьбы в Испании в то время была проблема армии, ее строительства и укрепления. На преодоление разногласий в этой сфере ушло немало

[103] Война и революция в Испании 1936—1939, т. I. М., 1968, с. 91, 97.

времени, но победила идея регулярной армии [104]. Создание новой армии дало возможность республике противопоставить наступлению генерала Франко и итало-германских интервентов организованную военную мощь, поднять народ на вооруженную борьбу. Это был один из кульминационных моментов борьбы против фашизма в масштабах всей Европы.

В самой армии рабочий класс Испании являлся главной социальной силой, своей стойкостью и героизмом увлекавшей на борьбу союзников. И в первых рядах сражавшихся находились коммунисты. Компартия последовательно добивалась укрепления и сплочения армии как военного орудия правительства Народного фронта. Благодаря героизму и энергичной работе компартия имела под своим влиянием значительные и хорошо вооруженные военные силы. Антикоммунистические подголоски пытались распространять слухи, будто КПИ тем самым готовится к захвату власти. В действительности же компартия ставила в центр своей работы укрепление Народного фронта, видя в этом главную предпосылку победы. Она выступала против любых действий, ослаблявших единство сил республики, особенно единство армии. Американский буржуазный историк Д. Кэтэл признавал, что «ближайшая задача — выиграть войну — была самой главной целью для коммунистов» [105].

Добиваясь сплочения всех сил Народного фронта против фашистских мятежников и интервентов, компартия выступала за проведение такой политики, которая отвечала бы этой задаче. Особенно трудной оказалась проблема взаимоотношений с анархистами. КПИ, энергично поддерживаемая Коминтерном, выступила против безответственных действий анархистов, против перегибов в национализации промышленности и конфискации средней и мелкой собственности [106] и особенно против насилий, творимых бесконтрольными анархистскими отрядами. Однако то была лишь одна сторона взаимоотношений коммунистов с анархистами. Другая, не менее важная и в перспективе выходившая на первый план, заключалась в укреплении сотрудничества с анархистами, в постоянном и кропотливом воздействии на них с тем, чтобы они извлекали уроки из событий и отказывались от своих пагубных установок, экстремистских замашек и антикоммунистических предубеждений. Генеральный секретарь ЦК КПИ Хосе Диас говорил, что компартия стремится сотрудничать постоянно с товарищами анархистами не только в ходе войны, но и после того, как она будет выиграна [107]. Эту линию компартия проводила весьма гибко и последовательно, способствуя превращению анархистских отрядов в настоящие боевые части, воюющие против фашистов.

[104] См.: *Пожарская С. П.* Социалистическая рабочая партия Испании. М., 1971, с. 148.
[105] *Cattel D.* Communism and the Spanish Civil War. New York, 1965, p. 59.
[106] См.: «Коммунистический Интернационал», 1937, № 1, с. 61.
[107] *Diaz J.* Tres años de lucha. Paris, 1970, p. 382.

В вооруженной борьбе против фашизма происходило сближение коммунистов и социалистов, быстро рос авторитет КПИ. Несмотря на то, что многие лидеры ИСРП, защищая узкопартийные интересы, стремились ограничить влияние компартии, обвиняли ее в интригах и стремлении к власти, КПИ вела последовательную линию на укрепление братских отношений с ИСРП. Был поставлен вопрос об объединении двух рабочих партий. Сначала объединились профсоюзы, находившиеся под влиянием коммунистов и социалистов, затем молодежные организации. В Каталонии путем слияния рабочих партий возникла Социалистическая единая партия. В 1937 г. компартия и социалисты Испании образовали Национальный комитет связи и выработали совместную программу. Коммунистический Интернационал внимательно следил за этим процессом, подчеркивая, что на данном этапе главное — «единое действие обеих партий в правительстве, во всех органах власти, в профсоюзах, в армии, в руководстве промышленностью, равно как и совместное выступление на парламентских и муниципальных выборах» [108].

Политика Народного фронта, единства действий всех пролетарских и демократических республиканских организаций сыграла решающую роль в мобилизации миллионов людей против мятежников и интервентов на фронте и в тылу. В течение нескольких лет они оказывали героическое вооруженное сопротивление наступающему фашизму, срывая сроки осуществления его планов в других районах Европы и побуждая антифашистов всего мира к активности.

Международный резонанс борьбы в Испании был чрезвычайно велик. Коминтерн и компартии организовали международную антифашистскую кампанию солидарности с Испанской республикой против итало-германской интервенции, за оказание испанскому народу всевозможной помощи. В сентябре 1936 г. Коминтерн начал всемирную кампанию со следующими целями: разоблачить нарушение нейтралитета фашистскими правительствами Германии, Италии и Португалии; бороться за недопущение поставок оружия мятежникам; организовать кампанию в защиту испанского народа; требовать свободы перевозок любых грузов для Испанской республики и «повести среди рабочих разных стран вербовку добровольцев, имеющих военную подготовку, чтобы послать их в Испанию» [109].

ИККИ считал необходимым добиться согласия Социалистического рабочего Интернационала на проведение международной конференции рабочих организаций для обсуждения вопроса об оказании совместной практической помощи Испанской республике. Он рекомендовал организовать давление трудящихся на правительства ряда стран и Лигу наций, чтобы заставить фашист-

[108] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 257, л. 77.
[109] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 18, д. 1135, л. 2.

ские державы прекратить поставку оружия мятежникам и обеспечить законное правительство Испании необходимыми средствами обороны.

По призыву коммунистов в Испанию стали прибывать добровольцы-антифашисты, из которых там формировались интернациональные бригады. И хотя в организации интернациональных бригад, в руководстве их боевыми действиями главную роль играли коммунисты (среди них П. Тольятти, Л. Лонго, Дж. ди Витторио, В. Кодовилья, М. Залка, Г. Баймлер, Ф. Далем, К. Сверчевский и др.), эти бригады объединяли антифашистов различных политических направлений. Президиум ИККИ в решении от 28 декабря 1936 г. подчеркивал, что интернациональные бригады являются «составной частью единой народной армии Испании, целиком подчиненной правительству и военному командованию Испанской республики» [110], и не имеют каких-либо своих целей, отличных от целей правительства Народного фронта. В интернациональных бригадах боролись свыше 42 тыс. добровольцев из разных стран. В военном отношении они не могли идти в сравнение с огромной итало-германской армией интервентов. Но они олицетворяли дух солидарности всех трудящихся мира с борющимся испанским народом. На полях сражений в Испании реально возник международный антифашистский фронт, здесь была настоящая школа антифашистской войны и политики; ее прошли многие партии, политические и государственные деятели.

Активно выступал на стороне испанских трудящихся Советский Союз, рассматривавший их борьбу как часть общей борьбы с международным фашизмом. СССР оказал Испанской республике значительную помощь, отправил в Испанию десятки пароходов с продовольствием, медикаментами, танками, самолетами, артиллерийскими орудиями. На фронтах Испании воевали советские летчики, танкисты, артиллеристы, моряки, инженерно-технические работники. И хотя их было не очень много, они сыграли огромную роль и как бойцы, и как помощники республиканского командования.

«В ходе войны испанского народа против фашистского мятежа и против сил, объединившихся с фашизмом и международной реакцией,— писала Д. Ибаррури,— солидарность народов Советского Союза с испанским народом, его эффективная материальная помощь республиканскому правительству и испанским бойцам играли исключительно важную роль. Испанские трудящиеся во время своей освободительной борьбы узнали на собственном опыте, что такое пролетарский интернационализм, поняли, какое значение для освободительной борьбы рабочего класса и всех народов имеет существование Советского Союза» [111].

Кампания международной солидарности с Испанской республикой охватила большинство стран мира. В августе 1936 г. в Па-

[110] «Коммунистический Интернационал», 1937, № 1, с. 62.
[111] Международное значение Октябрьской революции. М., 1957, с. 10.

риже состоялась европейская конференция в защиту Испанской республики, демократии и мира, созванная Всемирным комитетом борьбы против войны и фашизма. В воззвании конференции говорилось, что Испанская республика защищает дело мира и демократии в Европе, что путь фашистов на Париж идет через Мадрид. Конференция создала Международный комитет координации помощи Испании [112]. Под его руководством во многих странах развернулся сбор средств, продовольствия и медикаментов в помощь Испанской республике, проходили митинги и демонстрации солидарности. Возникшие в ряде стран комитеты защиты Испанской республики и комитеты бдительности следили за тем, чтобы не допускать погрузки военных материалов для мятежников и интервентов. Вторая международная конференция в защиту Испанской республики (октябрь 1936 г.) заклеймила политику «невмешательства» как инструмент блокады Испанской республики и потребовала обеспечения законному испанскому правительству возможности покупать все необходимое для защиты республики.

Коминтерн и компартии стремились придать движению солидарности самые широкие рамки, вовлекая в него всех антифашистов, всех демократов. Но еще более важным они считали создание международного единства рабочего класса против фашизма, совместные действия с Социалистическим рабочим Интернационалом. В сентябре—декабре 1936 г. ИККИ неоднократно обращался к лидерам последнего с предложениями наладить совместную помощь испанскому народу [113]. Но реформистские вожди не приняли этих предложений. Они ограничились сбором средств и общей моральной поддержкой Испанской республики, не сделав ничего практически, чтобы добиться снятия блокады с республиканской Испании.

Антифашизм большинства реформистских вождей не шел дальше признания буржуазно-парламентского строя альтернативой фашизму. Эти вожди боялись новой демократии, возникающей в борьбе масс против фашизма, страшились того, что она пойдет по пути, о котором говорили коммунисты. Отвергая из-за своего антикоммунизма единство действий в помощь республике, лидеры социал-демократии наносили тем самым удар и по всей антифашистской политике.

В странах тотальной фашистской диктатуры (Германия, Италия, Португалия) и в странах, где господствовали режимы фашистского типа (Греция, Австрия, Венгрия, Болгария, Югославия и др.), рабочее движение вело борьбу за создание Народного фронта в невероятно трудных условиях. Германскому и итальянскому фашизму путем социальной демагогии, внешнеполитических успехов, непрестанной идеологической обработки населения

---

[112] «Rundschau», 1936, N 37, S. 1504.
[113] «Коммунистический Интернационал», 1937, № 1, с. 62.

удалось одурманить значительные массы, а недовольных подавить жесточайшим террором. Но и в этой, казавшейся беспросветной, ночи фашистского господства компартии не прекращали борьбы за объединение усилий антифашистов.

Состоявшаяся в октябре 1935 г. под Москвой IV конференция Коммунистической партии Германии (названная в целях конспирации Брюссельской), конкретизируя новую стратегию Коминтерна в соответствии с условиями своей страны, указывала: «Мы, коммунисты, хотим... создать антифашистский Народный фронт всех трудящихся, мы хотим создать этот боевой союз всех слоев и всех организаций трудящегося народа для свержения фашистской диктатуры, мы хотим далее, чтобы антифашистский Народный фронт согласовал свою борьбу с активностью оппозиционных групп буржуазии (в рядах немецких националистов, вермахта и т. д.). Все силы, враждебные гитлеровской диктатуре, должны быть использованы для ее свержения» [114]. При этом германские коммунисты придавали особое значение объединению действий КПГ и социал-демократии.

Представитель Итальянской коммунистической партии Р. Грието на конгрессе итальянских антифашистов-эмигрантов в октябре 1935 г. в Брюсселе заявил, что коммунисты считают необходимым объединить для свержения режима Муссолини не только революционные антифашистские силы, но и всех, кто находится в оппозиции фашизму [115]. ИКП удалось убедить социалистов в необходимости расширения рядов Народного фронта, вовлечения в него трудящихся-католиков и антифашистов из буржуазных кругов. Летом 1936 г. в эмиграции был создан Итальянский народный союз, объединивший около 50 тыс. антифашистов.

Уже первые шаги борьбы за сплочение всех антифашистов показали, что лозунг свержения фашистской диктатуры недостаточен, что необходима позитивная программа, отвечающая на вопрос, что будет после устранения фашистов от власти. Некоторые коммунисты полагали, что в странах фашистской диктатуры, особенно в тех, где пролетариат стал большинством самодеятельного населения, противоречия в ходе борьбы будут настолько острыми, что победа трудящихся произойдет под лозунгами пролетарской власти или рабоче-крестьянского правительства. Такие мнения выражали и некоторые левые социал-демократы. Поэтому антифашисты из мелкобуржуазных и левобуржуазных группировок с известной настороженностью относились к лозунгам единого фронта с коммунистами и левыми социалистами.

Вопрос о будущем послефашистском режиме стал одной из основных политических проблем, от решения которой зависела консолидация антифашистских сил. Коминтерн и компартии

---

[114] Revolutionäre deutsche Parteiprogramme. Vom Kommunistischen Manifest zum Programm des Sozialismus. Berlin, 1964, S. 150.

[115] *Spriano P.* Storia del Partito comunista italiano, v. III. Torino, 1970, p. 48.

стран фашистской диктатуры в мае—июне 1936 г. ясно определили главную цель борьбы в этих странах — установление антифашистских демократических республик. При решении этого вопроса Г. Димитров говорил в мае 1936 г., что если некоторые товарищи и социал-демократическая левая «очень радикально настроены и не хотят лозунга борьбы за демократическую республику, то это значит, что люди не понимают самых элементарных вещей и не хотят их понимать». Только выдвигая требование демократической республики, коммунисты сумеют завоевать широкий круг союзников и сплотить антифашистов [116].

ЦК КПГ предложил в июне Директивы для выработки политической платформы немецкого Народного фронта, в которых выдвигался лозунг «создания и обеспечения демократической республики». КПГ призывала партии и группы Народного фронта заявить, что «новое государство будет демократической республикой, в которой народ будет свободно решать все вопросы хозяйства, внутренней и внешней политики, а правительство будет создано решением трудящегося народа на основе всеобщего, равного, тайного и прямого голосования... Новое государство должно быть сильной и могущественной демократией, опирающейся на волю народных масс, завоеванной в победоносной борьбе с фашистской реакцией» [117].

Политбюро ЦК Компартии Австрии подчеркнуло, что лозунг демократической республики не является маневром или пропагандой, а определяет всю стратегическую ориентировку партии [118].

В Италии вопрос о характере режима, который должен был быть установлен после свержения Муссолини, вызывал значительные дискуссии между коммунистами и социалистами. Если многие социалисты и группа «Справедливость и свобода» считали, что нужно создать такую политическую демократию, которая обеспечит переход к социализму, т. е. забегали вперед в постановке задач, то компартия в первое время после VII конгресса Коминтерна рассматривала Народный фронт несколько узко, лишь как оборонительный союз. Р. Гриеко в переписке с ИСП по поводу обновления пакта о единстве действий настаивал в феврале 1936 г., чтобы в общей платформе были определены задачи свержения фашизма и не ставились проблемы последующего развития, по которым между партиями существовали расхождения. Однако жизнь требовала решения вопроса о будущем режиме. Опыт борьбы во Франции и Испании заставил взглянуть на эти проблемы глубже, увидеть взаимосвязь демократической республики с перспективами создания народной демократии и движения к социализму. В возобновленном в июне 1937 г. пакте единст-

[116] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 18, д. 1086, л. 12.
[117] «Die Internationale» (Prag), 1937, N 1, S. 80.
[118] См.: Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения, с. 247.

ва действий ИКП и ИСП говорилось, что в современной фазе классовой борьбы обе партии ставят своей целью завоевание демократической республики, которая уничтожит экономические основы фашизма: осуществит национализацию промышленного и банковского капитала, ликвидирует феодальные пережитки в деревне и тем самым откроет путь продвижения к социализму [119].

В ряде стран, где установилась фашистская диктатура, компартии считали необходимым поставить в качестве ближайшей политической цели задачу восстановления буржуазно-демократических свобод, возвращения к парламентско-конституционному режиму. Вокруг такой цели могли объединиться все силы, оппозиционные фашизму, вплоть до отдельных буржуазных групп, католических кругов и т. д. Естественно, что борьба за восстановление буржуазно-демократических свобод в случае успеха означала бы крушение фашизма, что открыло бы путь к широким действиям масс.

В европейских странах буржуазно-демократического строя в 1936—1937 гг. рабочий класс усилил борьбу против угрозы фашизма, дал отпор поднимавшим голову фашистским организациям, развернул широкое движение солидарности с народами, страдавшими под гнетом фашизма, с героической борьбой Испанской республики.

Важное значение имело развитие антифашистского движения в Англии; ведь действовавшая здесь сильная лейбористская партия задавала тон всему реформистскому Интернационалу. Массовое движение английских рабочих, отпор населения Лондона в октябре 1936 г. походу отрядов Мосли остановили наступление фашистов в этой стране.

В Англии образование Народного фронта больше, чем в любой стране, зависело от установления единства действий компартии с лейбористской партией. В конце 1936 г. было достигнуто соглашение Коммунистической партии Великобритании с Независимой рабочей партией и Социалистической лигой о единстве действий [120]. Вскоре Компартия Великобритании повела борьбу за вступление в лейбористскую партию в качестве коллективного члена. Коммунисты были уверены, что осуществление единства рабочего движения приведет к большим прогрессивным изменениям и в самой лейбористской партии, а это дало бы возможность повести успешное наступление против реакционной внутренней и внешней политики правительства Чемберлена.

Антифашистская борьба, кампания помощи Испанской республике вызвали определенный сдвиг влево в тред-юнионах и лейбористской партии. Под давлением низов весной и летом 1937 г. конференции английских тред-юнионов высказались за поддерж-

---

[119] Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии, с. 363.

[120] «Коммунистический Интернационал», 1937, № 1, с. 112—113.

ку и помощь Испании [121]. В такой ситуации конференция лейбористской партии в октябре 1937 г. вынуждена была отказаться от своего прежнего решения в поддержку политики «невмешательства» и принять решение развернуть кампанию в защиту Испании. Однако в то же время лидеры лейбористов отвергали единство действий с коммунистами и тем самым ослабляли общие усилия антифашистов.

Политика Народного фронта в Чехословакии, Бельгии, Дании, Голландии имела ту особенность, что здесь она должна была объединить силы народа не только против внутренней реакции и фашизма, но и главным образом против угрозы гитлеровской агрессии. Все более реальной была угроза нападения фашистской Германии на Чехословакию. Коминтерн и КПЧ разоблачали планы Гитлера, призывали народ Чехословакии к бдительности, к антифашистскому единению. VII съезд КПЧ, состоявшийся 11—14 апреля 1936 г., т. е. сразу после известных решений Президиума ИККИ от 1 апреля, выработал такую программу Народного фронта, которая могла сплотить рабочий класс, крестьянство, мелкую буржуазию, интеллигенцию, все демократические и патриотические слои нации для спасения от внешней и внутренней угрозы фашизма [122]. КПЧ выдвигала лозунг создания правительства Народного фронта, организующего действенную защиту республики от фашистского порабощения.

Коммунисты призывали: «Ударить по рукам каждого, кто хочет связать Чехословакию с Гитлером!»

Борьба трудящихся Чехословакии привела к тому, что в 1937 г. фашистские и профашистские силы были в определенной мере оттеснены [123]. Однако отсутствие прочного единства действий рабочего класса, чему была виной политика лидеров социал-демократии, помешало развить этот успех.

Коммунисты неразрывно связывали борьбу против фашизма с борьбой против угрозы войны. Они ясно видели, что фашизм — это главный поджигатель войны; создание единого фронта защиты мира означало бы громадный успех в борьбе против агрессивных планов фашистских поработителей. Возможности воздействия миролюбивых сил на международные события зависели от сплоченности этих сил с СССР, от международного единства рабочего класса, от того, насколько широкие демократические массы встанут на путь активной борьбы за мир, от влияния масс на политику буржуазных правительств. Коммунисты добивались активизации действий Всемирного комитета борьбы против войны и фашизма.

В 1936 г. возникает новая, более широкая организация движения сторонников мира, которая окончательно оформляется на

[121] *Гурович П. В.* Английское рабочее движение накануне второй мировой войны. М., 1967, с. 235.
[122] *Готвальд К.* Избранные произведения, т. 1. М., 1959, с. 447—449.
[123] *Gottwald R.* Spisy, v. VIII, s. 70.

международном конгрессе мира в Брюсселе (3—6 сентября 1936 г.). Это — Всемирное объединение за мир [124]. Оно вобрало в себя широкие круги трудящихся, интеллигенции, либеральной буржуазии, пацифистов, членов обществ друзей Лиги наций и т. д. Платформа, принятая конгрессом в Брюсселе, была минимумом того, что следовало сделать против войны. Многие члены движения ВОМ еще не поднялись до понимания взаимосвязи между фашизмом и войной, поэтому, несмотря на существование ВОМ, коммунисты считали необходимым сохранить Всемирный комитет борьбы против войны и фашизма. Он должен был выступать и в рамках ВОМ как наиболее сознательная и целеустремленная сила и способствовать тому, чтобы Всемирное объединение за мир заняло более определенную позицию в отношении фашизма. Благодаря активному участию рабочего класса, особенно коммунистов, движение сторонников мира все больше поддерживало советскую идею коллективного отпора фашистским агрессорам.

АНТИФАШИСТСКАЯ БОРЬБА РАБОЧЕГО КЛАССА НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 1938—1939 гг. условия антифашистской борьбы европейского рабочего класса существенно ухудшились. Силы фашизма, империалистической реакции и войны, в течение двух-трех лет вынужденные в ряде стран отступать, вновь стали заметно теснить рабочее и демократическое движение. Это было прежде всего результатом перегруппировки сил реакции на основе антисоветского сговора фашистских государств и монополистических кругов держав англо-французского блока.

Боязнь растущей мощи СССР, движения Народного фронта, подъема революционного движения, страх перед возможностью победы народной власти в Испании — все это толкало крупную буржуазию нефашистских стран на путь соглашения с Гитлером. Перед лицом надвигающегося мирового столкновения империалистическая буржуазия ряда стран предпочитала быть вместе с гитлеровцами против СССР, против мирового революционного и демократического движения.

Антисоветский империалистический сговор достиг своего кульминационного пункта в Мюнхенском соглашении, заключенном в сентябре 1938 г. правительствами четырех держав — Германии, Англии, Франции и Италии. Это соглашение отдавало Чехословакию на растерзание немецко-фашистским агрессорам и поощряло их к нападению на СССР, к развязыванию второй мировой войны. Компартии 10 европейских стран, США и Канады в совместном обращении сразу же заявили народам мира, что «мюнхенское предательство не спасло мир, а лишь поставило его под

---

[124] Движение получило название RUP — «Rassemblement universel pour la Paix» (русское сокращение — ВОМ).

угрозу, ибо оно нанесло удар союзу сил мира во всех странах и поощрило фашистов...» [125]

Другой важной чертой изменившейся ситуации был поворот социал-демократии вправо, несмотря на то, что в ее рядах сохранялись стремления к активной, совместной с коммунистами борьбе против фашизма. Правые лидеры Социалистического рабочего интернационала, руководство подавляющего большинства социал-демократических партий, связанные с буржуазией политикой классового сотрудничества и напуганные перспективами развития Народного фронта, возможностями перерастания его в режим новой демократии, стали усиливать антикоммунистическую направленность своих действий. Социал-демократия по существу начинает свертывать свои антифашистские выступления и все больше склоняется к поддержке империалистической политики «умиротворения» фашистских агрессоров, надеясь таким путем сохранить мир. Она помогает разрушать Народный фронт там, где он существовал.

Так случилось во Франции, где пришедшее к власти в апреле 1938 г. правительство радикала Даладье стало наносить удары по компартии и Народному фронту, взяло курс на соглашение с фашистской Германией и Италией. Компартия Франции стремилась к сохранению Народного фронта, разъясняла массам, что только он может спасти страну от коричневой чумы, от порабощения. В конце мая 1938 г. ЦК ФКП обратился к социалистам с призывом продолжить единство действий в интересах борьбы за претворение в жизнь программы Народного фронта и проведение политики коллективной безопасности [126]. Но социалистическая партия, раздираемая глубокими противоречиями, на своем съезде в начале июня 1938 г. приняла решение о поддержке правительства Даладье и, таким образом, отказалась от борьбы против курса попустительства агрессорам, против реакционной политики. Вслед за радикалами, которые в ноябре 1938 г. приняли решение о разрыве с Народным фронтом, руководство СФИО углубляет раскол в нем и в мае 1939 г. на съезде в Нанте запрещает социалистам входить в массовые организации Народного фронта под тем предлогом, что они якобы находятся под коммунистическим контролем [127]. Народный фронт был разрушен, что значительно ослабило антифашистское движение в стране.

Трагический оборот принимало развитие событий в Испании, где фашистские мятежники и интервенты начали весной 1938 г. большое наступление, которое завершилось расчленением территории республики на две части. В это время Компартия Испании, опираясь на советы Коминтерна, провозгласила политику на-

---

[125] «Коммунистический Интернационал», 1938, № 10, с. 126.
[126] «Les cahiers du bolshevisme», 1938, N 7, p. 345.
[127] «Rundschau», 1939, N 32, S. 905; *Егоров Ю. В.* Указ. соч., с. 274—276; 287—288.

ционального единения, т. е. сплочения всех слоев нации, которые не хотели быть рабами фашистской диктатуры и интервентов. Однако политика национального фронта не смогла развернуться в полную силу в трудных условиях продолжавшегося наступления войск генерала Франко и итало-германских частей. В республиканском лагере все шире распространялись капитулянтские настроения, которые поддерживались многими анархистами и некоторыми социалистами.

Чрезвычайно затруднили антифашистскую борьбу в Испании и внешнеполитические условия, в особенности Мюнхенское соглашение. После него германо-итальянские фашисты получили не только полную свободу действий для удушения Испанской республики, но и непосредственную поддержку со стороны правящих кругов Англии, Франции, США. Так называемые демократические правительства ряда стран и правые лидеры социал-демократии фактически помогли задушить Испанскую республику.

Мюнхенское соглашение было тяжелым ударом по международному рабочему движению, по антивоенному движению главным образом. Мюнхенское соглашение не только открыло семафор фашистской агрессии, но и подхлестнуло все реакционные силы в их борьбе против пролетариата и демократических сил.

В 1938—1939 гг. борьба против военной агрессии фашизма, за сохранение мира стала в еще большей степени, чем прежде, главным и определяющим содержанием политики единого рабочего и широкого Народного фронта. Коминтерн и компартии разъясняли массам, что агрессивные акции фашистских держав приобрели такой опасный характер, когда новый шаг агрессоров может означать начало второй мировой войны, начало осуществления кровавых планов порабощения и уничтожения фашистами целых народов.

Коммунистическое движение добивалось осуществления курса на решительный отпор фашизму и войне сплоченным фронтом всех трудящихся, всех демократов и патриотов. Компартии капиталистических стран выступили с платформой объединения тех, кто готов защищать мир, свободу и независимость своих стран перед опасностью фашистского нападения.

За сплочение всех миролюбивых сил вели постоянную борьбу компартии Франции, Англии, Чехословакии и многих других европейских стран. Лозунг национального фронта провозгласили также компартии малых стран Европы, стремясь в политической практике наполнить этот лозунг конкретным содержанием, отвечающим специфике данной страны. Что касается Балканских стран, то он сочетался с лозунгом Балканского оборонительного блока для защиты национальной и государственной независимости, против агрессии германского и итальянского фашизма [128]. Этот блок должен был действовать в союзе с СССР.

---

[128] «Коммунистический Интернационал», 1939, № 7, с. 24—25.

В фашистских странах компартии, несмотря на непрекращающийся кровавый террор, продолжали работу в массах, призывая их воспрепятствовать планам поджигателей войны. Компартия Германии, ведя неимоверно трудную борьбу за существование своих организаций в стране, стремилась донести до немецкого народа, большинство которого было отравлено шовинистической фашистской демагогией, правду о политике Гитлера, ведшего страну к национальной катастрофе. На конференции 30 января — 1 февраля 1939 г., состоявшейся в Дравейле, близ Парижа (названной в целях конспирации Бернской), КПГ провозгласила программу объединения всех немецких антифашистов, всех свободолюбивых и миролюбивых немцев для свержения гитлеровской диктатуры и спасения немецкой нации от войны и краха [129].

Компартии предпринимали все новые и новые усилия, чтобы мобилизовать трудящихся, всех патриотов против угрозы со стороны фашистской Германии. В связи с интервенцией в Испании, захватом Австрии, расчленением Чехословакии коммунисты вели активную кампанию в защиту жертв агрессии, разоблачали сговор правящих кругов своих стран с Гитлером. Коминтерн стремился мобилизовать все организации, примыкавшие к нему, все силы, на которые он мог оказать влияние, против военной угрозы фашизма.

Компартии повсюду стремились активизировать движение сторонников мира. Петиционная кампания за альянс мира в Англии, за национальный фронт в Чехословакии, Франции, Балканских странах, за подъем студенческого движения за мир, проведение в августе 1938 г. II Всемирного конгресса молодежи за мир, а в июле 1939 г.— II конгресса Международного студенческого альянса борьбы за социализм, широкая кампания во всем мире с целью заставить правительства Англии и Франции отказаться на переговорах в Москве от тактики затягивания и проволочек — все эти выступления проходили при активном участии коммунистов, левых социалистов, беспартийных рабочих, передовой интеллигенции и части мелкой буржуазии, антифашистов и демократов, примыкавших к движению Всемирного комитета борьбы против войны и фашизма.

В условиях, когда империалистическая реакция и фашизм на всех парах шли к мировой войне, а антифашистская и антивоенная борьба в капиталистических странах не была достаточно сильной, чтобы отвратить страшную угрозу истребительной войны и фашистского порабощения, еще более возрастала роль СССР как оплота всех антифашистских, миролюбивых сил. От всестороннего укрепления Советского Союза в большей мере, чем прежде, зависели теперь судьбы антифашистской борьбы.

Упрочение социализма в СССР, индустриализация страны, по-

---

[129] Die Berner Konferenz der KPD (30. Januar — 1. Februar 1939). Berlin, 1974, S. 116—150.

вышение ее военной мощи, коллективизация сельского хозяйства, создание морально-политического единства трудящихся СССР — т. е. внутреннее укрепление первой страны социализма — было великим вкладом ВКП(б) в дело международного коммунистического движения, в дело будущих побед революционных и демократических сил всего мира.

Коминтерн и компартии в своей политике неразрывно связывали борьбу против фашистской агрессии с борьбой в защиту СССР. Они разъясняли народам своих стран, что внешняя политика Советского Союза, направленная на обеспечение интересов страны социализма, всего мирового социализма, отвечает в то же время не только стремлениям международного пролетариата, но и чаяниям всех демократических сил, всех честных сторонников мира. Активная борьба СССР за коллективную безопасность, подчеркивали компартии, есть в то же время битва за будущее всего человечества, против фашистского варварства и войны. Весной и летом 1939 г. компартии Франции и Англии организовали массовые выступления антифашистов и сторонников мира за заключение соглашения этих стран с Советским Союзом о совместных действиях против все более наглевшего фашистского агрессора. Всемирный комитет борьбы против войны и фашизма провел в мае 1939 г. в Париже международную конференцию в защиту мира, демократии и прав человека. В ее резолюции подчеркивалось, что «все враждебные агрессии страны стоят перед настоятельной задачей безоговорочно и безотлагательно объединить свои материальные и моральные силы»[130]. Конференция требовала заключения договора на основе равенства между Англией, Францией, Польшей и Советским Союзом.

Добиваясь сплочения всех миролюбивых сил, Коминтерн и компартии поставили перед Социалистическим рабочим Интернационалом и его партиями вопрос о возобновлении единства действий против фашизма и войны[131].

В воззвании ИККИ к 1 мая 1939 г. Коминтерн предлагал Социалистическому рабочему Интернационалу и Международному объединению профсоюзов (МОП) в соответствии с волей рабочих всех стран начать немедленные переговоры о создании единого фронта борьбы против фашизма и поджигателей войны. ИККИ предлагал следующую платформу единства действий: защита мира на основе решительного сопротивления фашистской агрессии; организация коллективной безопасности; борьба в каждой капиталистической стране против предательской политики реакционной буржуазии, которая стремится к соглашению с фашистскими агрессорами за счет свободы и независимости своих собственных народов.

---

[130] «The Labour Monthly» (London), 1939, N 6, p. 375.

[131] См.: Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения, с. 271.

ИККИ предлагал провести на основе этой платформы конференцию рабочих организаций всего мира [132]. Однако Исполком Социалистического рабочего Интернационала, заседавший 14—15 мая 1939 г., не дал на это предложение никакого ответа [133]. Конгресс Международного объединения профсоюзов в Цюрихе (июль 1939 г.) высказался против единства действий с советскими профсоюзами [134]. Амстердамское объединение профсоюзов, подобно II Интернационалу, оказалось неспособным решительно противостоять фашизму и войне и шло к своему распаду.

Ряд трудностей возник в тот период в самом коммунистическом движении. «Негативные последствия культа личности Сталина коснулись и Коммунистического Интернационала, его кадров, ряда аспектов его политики» [135]. Все это было использовано врагами социализма для нападок на социалистический строй; правые социалисты усилили раскольническую деятельность в рабочем и антифашистском движении, в рядах сторонников мира.

Сговор империалистических кругов ставит СССР к концу лета 1939 г. перед вынужденным выбором: или изоляция перед лицом всемирного фронта империализма, угрожающего советскому народу войной и с Запада, и с Востока, или временная передышка путем согласия на предложение германского правительства заключить договор о ненападении. Такой пакт был подписан. Несмотря на то что пакт вызвал первоначально некоторое замешательство в рядах компартий и временно осложнил положение коммунистов, так как дал основу для новых яростных нападок буржуазных партий и правой социал-демократии на коммунистов и СССР, в целом он имел важное значение для судеб будущей борьбы с фашизмом. Этот пакт помешал образованию единого фронта империалистических держав против СССР, отодвинул на некоторое время гитлеровское нападение на СССР, что позволило советскому народу использовать это время для дальнейшего укрепления страны. Все эти факторы сыграли затем свою роль во всемирной военной схватке с фашизмом, обеспечили, следовательно, более выгодные позиции рабочему и коммунистическому движению в годы второй мировой войны.

* * *

Борьба европейского рабочего класса и компартий против фашизма в период между двумя мировыми войнами составляет одну из важнейших страниц истории международного рабочего движения. В ходе этой борьбы, прошедшей ряд этапов, рабочий класс нанес сильные удары по фашизму — головному отряду империалистической реакции, сумел задержать его наступление в

[132] «Коммунистический Интернационал», 1939, № 5, с. 101.
[133] «Rundschau», 1939, N 31, S. 849.
[134] «Rundschau», 1939, N 38, S. 1069—1070, 1077.
[135] Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 473.

ряде стран, что имело большое значение для расстановки политических сил в годы второй мировой войны. Хотя в Германии и Италии фашизму удалось укрепиться, а затем он победил и в Испании, борьба рабочего класса против фашизма не была бесплодной и здесь. Она вооружила коммунистов и всех антифашистов опытом, который оказался полезным на последующих стадиях антифашистской борьбы.

Рабочий класс выступал в антифашистской борьбе как ведущая социальная и политическая сила, сплачивающая вокруг себя народные массы. В сложной и трудной обстановке того периода компартии действовали как боевой авангард рабочего класса, разрабатывали политику антифашистской борьбы. Коминтерну и компартиям принадлежит заслуга глубокого анализа фашизма, его классовой сущности, характерных черт, его тактики и идеологии. Этот анализ все время обогащался на основе опыта борьбы, и компартии постоянно учили рабочий класс и трудящихся быть бдительными по отношению к фашистской угрозе. В противоположность социал-демократии, выступавшей против фашизма с позиций защиты буржуазно-парламентского строя, коммунисты связывали борьбу против фашизма с исторической миссией пролетариата — свержением капиталистического строя. Первоначально эта связь понималась слишком прямолинейно, и некоторые компартии считали, что против фашизма могут выступить лишь те социальные силы, которые идут под лозунгом пролетарской революции. Но, вскрывая антидемократический характер фашизма, преодолевая допущенные ранее ошибки, Коминтерн и компартии пришли к выводу о необходимости мобилизации против этого врага широкого фронта революционных и демократических сил. Эта политика нашла наиболее полное воплощение в решениях VII конгресса Коминтерна, обосновавшего новый стратегический курс — курс на создание правительств Народного фронта как правительств, подрубающих корни фашизма и открывающих перед трудящимися капиталистических стран перспективу движения — через борьбу за антифашистскую демократию к социализму. Понимание этой перспективы вооружало коммунистическое и рабочее движение на целый исторический период.

Политика единого рабочего и широкого Народного фронта явилась действенным оружием коммунистов в борьбе против фашизма и империалистической реакции, за интересы рабочего класса, всех трудящихся, всех сторонников мира. Борьба за единый рабочий и Народный фронт в большой мере повысила роль рабочего класса как ведущей силы в борьбе за общедемократические требования, за общенациональные интересы своих народов. Компартии ряда стран становятся в это время крупным политическим фактором в жизни своих стран, завоевывают большую поддержку масс. Они накопили ценный опыт сотрудничества с демократическими, антифашистскими силами, с широкими кругами сторонников мира, в практической борьбе проверили и обогатили свою

стратегию и тактику антифашистской борьбы. Все это стало одной из главных основ будущей политики сплочения рабочего класса, всех антифашистов и патриотов в антифашистском движении Сопротивления.

Курс Коминтерна и компартий на сплочение всех революционных и демократических движений против фашизма и войны имел огромное значение не только для итогов общественной борьбы в капиталистических странах. Он явился глубокой подготовкой международного рабочего класса и угнетенных народов к вооруженной схватке с фашизмом и империализмом, к сотрудничеству народов с Советским Союзом в этой исторической битве.

В антифашистской борьбе ярко подтвердилась историческая правота выработанной коммунистами ориентировки на создание единого рабочего и широкого Народного фронта, на союз всех антифашистских и антивоенных сил. Эта ориентировка обогатила стратегию и тактику международного рабочего движения, содействовала новым всемирно-историческим завоеваниям рабочего класса в последующие периоды.

Глава десятая

АНТИФАШИСТСКАЯ БОРЬБА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(1939—1945 гг.)

Вторая мировая война была временем бурного подъема антифашистской борьбы, которая приобрела огромный размах и массовость. Широкое народное движение, охватившее практически всю Европу и вошедшее в историю под названием движения Сопротивления, наложило отпечаток на политическую сущность, развитие и исход мирового конфликта. Движение Сопротивления стало одним из важнейших факторов, определивших справедливый характер войны. Общность опасности, часто потеря независимости, а в ряде случаев и угроза физическому существованию народов обусловили основные черты Сопротивления, что не исключало существенных различий, зависевших от конкретных национальных условий, в которых развертывалась борьба.

Эти различия касались не только тактики или форм борьбы, но и самого характера движения. В государствах фашистского блока Сопротивление было направлено на свержение фашистского режима и установление нового общественного и политического строя, т. е. явилось по преимуществу социальным. В оккупированных фашистами странах Европы оно прежде всего преследовало цель изгнания захватчиков и восстановления национальной независимости. Идея национального освобождения послужила мощным рычагом, позволившим сплотить различные классы и слои населения под знаменем Сопротивления.

При всей его правомерности такое разграничение не является абсолютным. В большинстве стран, охваченных антифашистской борьбой, национальные и социальные цели тесно переплетались между собой. В Италии, например, во второй половине войны боевой поход против «отечественного» фашизма сочетался с национально-освободительной войной против немецко-фашистских оккупантов. В свою очередь, в захваченной фашистами части Европы освободительная борьба с самого начала содержала социальный элемент, обусловленный главным образом тем, что она была направлена также против сил внутренней реакции как социально-политической опоры оккупантов.

В ряде стран, прежде всего в Восточной Европе, социальная струя в движении Сопротивления, разрастаясь, вылилась в поток народно-демократической революции. Но и в западноевропейских странах, где послевоенные преобразования в итоге не вышли за

рамки капитализма, в освободительной борьбе, наряду с преобладавшим национально-патриотическим началом, присутствовала и более или менее явственная социальная тенденция.

Сопротивление объединяло в своих рядах как трудящихся, так и патриотически настроенную мелкую и частично среднюю буржуазию, т. е. являлось в полном смысле слова движением общенациональным. Однако вклад, внесенный тем или иным классом в освободительную борьбу, не был равноценным. Главной движущей силой Сопротивления был рабочий класс, являвшийся наиболее последовательным выразителем и стойким защитником коренных национальных интересов. Ему принадлежала главенствующая роль на таком важном участке фронта Сопротивления, как забастовочная борьба и борьба против введенной фашистскими властями обязательной трудовой повинности. Наконец, пролетариат стал костяком вооруженных сил Сопротивления, основой и опорой партизанского движения и антифашистских восстаний, вспыхнувших на завершающем этапе войны.

По мере того как национально-освободительная борьба набирала размах и силу, в нее втягивались крестьянство и мелкая буржуазия города. Так, в Италии массовое вступление крестьян в ряды антифашистских борцов началось с середины 1944 г. Во Франции поворот крестьянских масс к Сопротивлению произошел в 1943 г., когда борьба рабочего класса против фашистской оккупации уже была в полном разгаре. Со второй половины войны Сопротивление в большинстве европейских стран приняло действительно всенародный характер, и крестьянство вкупе с пролетариатом составляло основную массу бойцов освободительных армий, активно участвовало в других формах антифашистской борьбы.

Правое крыло Сопротивления образовала либеральная буржуазия. Ее участие в освободительном движении в общем сыграло позитивную роль, прежде всего позволило расширить его массовую базу. Однако буржуазное Сопротивление по самому своему существу было противоречивым и непоследовательным. Стремясь к восстановлению национальной независимости своих стран, оно вместе с тем не было заинтересовано в активном участии в борьбе широких народных масс. Боязнь масс, желание не допустить радикализации Сопротивления приводили на практике к «аттантизму», тактике выжидания, ограничивавшей размах и интенсивность борьбы. Это в первую очередь проявилось в ограничении наиболее действенной формы Сопротивления — вооруженной борьбы, в попытках отложить ее развертывание до высадки англо-американских войск на европейском континенте. До той поры основными формами буржуазного Сопротивления оставались сбор сведений для разведки союзных государств, пропаганда, организация помощи военнопленным, бежавшим из фашистских концлагерей.

Неравнозначным было и участие в Сопротивлении различных политических партий. В ходе его наглядно выявилась авангард-

ная роль коммунистических партий, ставших организаторами и вдохновителями антифашистской борьбы. Они были подготовлены к этому своим последовательным антифашизмом, всем опытом работы в массах, а в некоторых случаях и опытом нелегальной деятельности в условиях наступления реакции и обострения классовой борьбы.

Авангардная роль была завоевана коммунистами ценой упорной систематической работы. Она явилась плодом их самоотверженной борьбы, огромного числа жертв, принесенных во имя коренных интересов народа, дела национального освобождения. Раньше и глубже других партий осознав необходимость национального единства в антифашистской борьбе, коммунисты полностью подчинили свою деятельность первоочередной задаче национального освобождения. Они повсеместно выступили инициаторами создания национальных фронтов, которые должны были способствовать сплочению широких масс для решения этой задачи.

Будучи прежде всего движением национально-освободительным, апеллируя к национальному самосознанию и традициям борьбы за независимость, Сопротивление вместе с тем носило интернациональный характер. По самой своей сути оно являлось отрицанием националистической, расистской идеологии фашизма, поборником идеи равенства наций. Конкретно эта интернациональная сущность проявилась в участии представителей различных национальностей в антифашистском движении каждой отдельной страны, в совместных действиях партизанских отрядов различных стран (например, Франции и Италии, Франции и Бельгии, Италии и Югославии и др.), в коллективной борьбе узников фашистских концлагерей.

Движение Сопротивления прошло несколько периодов, рамки которых в общем определяются переломными событиями войны. Не последнюю роль сыграл и тот факт, что освободительное движение стало неотъемлемой частью более широкого фронта борьбы государств антигитлеровской коалиции против фашистской агрессии. При этом особую важность для развития Сопротивления имело положение на основном, советско-германском, фронте. Одновременно в периодизации Сопротивления нашли отражение и национально-конкретные особенности развития различных стран.

ЗАРОЖДЕНИЕ АНТИФАШИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Первый большой период в истории западноевропейского движения Сопротивления охватывает около года: со времени оккупации немецко-фашистскими войсками стран Западной Европы (в основном весна — лето 1940 г.) до начала Великой Отечественной войны Советского Союза. В целом период характеризовался нарастанием антифашистских настроений масс, постепенным сло-

чением их вокруг демократических требований. Это был период накапливания сил, организационной и пропагандистской подготовки широкой борьбы против немецко-фашистской оккупации и марионеточных режимов. Существенной его особенностью было то, что формирование сил Сопротивления происходило в условиях, когда страны фашистского блока одерживали одну легкую победу за другой. Это не могло не вызвать растерянности у немалой части населения оккупированных стран, без ее преодоления Сопротивление не стало бы общенародным. Для некоторых стран время собирания сил затянулось, для других оно было более коротким, что зависело всякий раз от внутренних условий, в частности от расстановки классовых сил, от организованности и активности рабочего класса и его партии.

В позиции компартий в первые годы войны отразились объективные трудности обстановки, в которой им приходилось действовать: сложность международного положения, разобщенность антифашистских сил, усиление антикоммунистической пропаганды и преследований.

Начавшаяся мировая война потребовала от коммунистов выработки тактического курса, отвечающего ее характеру. На базе анализа ее истоков и целей коммунистическое движение во главе с Коминтерном пришло к выводу, что война, возникшая в результате обострения межимпериалистических противоречий, являлась по своему характеру войной несправедливой, захватнической с обеих сторон [1]. Тактически эта оценка претворилась в лозунг борьбы за мир, против империалистических устремлений обоих воюющих лагерей.

Коминтерн признал также невозможным сотрудничество с социал-демократическими верхами. Тем самым лозунг Народного и Национального фронта временно был снят с повестки дня. Но в то же время подчеркивалась необходимость продолжать борьбу за создание единого рабочего фронта снизу, за вовлечение широких слоев трудящихся, в первую очередь рядовых социалистов, в антивоенное, антиимпериалистическое движение.

Лозунг борьбы за мир, однако, не получил реального тактического наполнения. Быстрый рост фашистской агрессии, превращение ее в угрозу национальной независимости все большего числа стран побудили компартии, Коминтерн «на ходу» вносить существенные коррективы в свою тактику. Этот процесс, интенсивно протекавший на протяжении первого периода Сопротивления, завершился весной 1941 г. возвратом к лозунгу Национального фронта.

В коминтерновских документах общего характера, опубликованных в первые месяцы войны, еще ощущалась недооценка освободительной тенденции, присущей с самого начала борьбе жертв

---

[1] См.: Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 483.

гитлеровской агрессии, наиболее ярким воплощением чего был отпор польского и чешского народов немецко-фашистским оккупантам. Но в конкретных рекомендациях и указаниях Исполкома Коминтерна отмечались закономерности этой тенденции и неизбежность ее усиления [2]. Особый упор руководство Коминтерна делало на необходимость для компартий отправляться в своей тактике от условий, сложившихся в их странах. Показательный пример тому — решение, принятое Секретариатом ИККИ [3] в конце ноября 1939 г. по докладам представителей коммунистических партий Германии, Австрии и Чехословакии. Проанализировав деятельность этих партий, руководство Коминтерна указало, что каждая из них «должна приспособить свою тактику к конкретным условиям, существующим в стране» [4]. По отношению к Компартии Германии это означало ориентацию на усиление борьбы с нацизмом, по отношению к австрийской и чехословацкой партиям — курс на мобилизацию патриотических сил для отпора гитлеровской агрессии.

Этой линии на действенную помощь компартиям в разработке тактики, наиболее полно отвечающей особенностям обстановки, Коминтерн придерживался в течение всего завершающего периода его существования.

В государствах фашистского блока Сопротивление в годы войны было непосредственным продолжением и развитием борьбы, которую прогрессивные силы этих стран вели против фашизма с момента его возникновения. Вместе с тем война потребовала проверки и пересмотра ряда установок и позиций применительно к новым условиям.

В антифашистском движении Германии во время войны, как и прежде, главенствующее место принадлежало компартии. Коммунистическая партия была единственной в стране политической силой, которая «с первых дней войны разоблачала агрессию гитлеровской Германии как империалистический захват и организовывала сопротивление гитлеровскому режиму и его грабительской политике» [5]. В ряде заявлений и директивных писем за сентябрь — декабрь 1939 г. КПГ определила свою позицию в условиях войны, развязанной гитлеровским режимом. «В этой реакционной войне,— говорилось в тезисах ЦК КПГ, принятых в сентябре,—

---

[2] См.: Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения. М., 1972, с. 372—374; Антивоенные традиции международного рабочего движения. М., 1972, с. 350—351.

[3] С начала войны Секретариат ИККИ работал в следующем составе: Г. Димитров (генеральный секретарь), Х. Диас, К. Готвальд, Д. Ибаррури, О. Куусинен, А. Марти, Д. З. Мануильский, В. Пик, П. Тольятти (прибыл в Москву весной 1940 г.), В. Флорин. Кроме того, активное участие в работе Секретариата принимали члены ИККИ Й. Копленит, М. Торез, В. Ульбрихт, Я. Шверма и др.

[4] Цит. по: Георгий Димитров — выдающийся революционер-ленинец. М., 1974, с. 263.

[5] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5. Berlin, 1966, S. 278—279.

главный враг немецкого рабочего класса находится в собственной стране... Только свержение правительства и ликвидация существующей системы принесут мир...» [6]

Партия взяла курс на поражение империалистического правительства Германии с тем, чтобы ускорить освобождение германского народа от ига фашистской диктатуры. Поэтому КПГ выдвинула в качестве одной из задач организацию саботажа и диверсий для подрыва военного потенциала фашизма.

В развитие решений ИККИ и программных установок, намеченных Бернской конференцией, руководство КПГ подчеркивало необходимость организационного укрепления коммунистических групп, прежде всего на промышленных предприятиях, расширения агитации и пропаганды, установления эффективного сотрудничества с некоммунистическими антифашистскими группами. В письме от 21 октября 1939 г. упор делался на развертывание работы в массах, на подготовку к сопротивлению в различных формах. Следовало бы, говорилось в письме, постепенно переходить от устной пропаганды и единичных актов саботажа к более действенным формам борьбы [7].

Однако для непосредственного выполнения этой задачи еще не было условий. Коммунисты Германии работали в нечеловечески сложной обстановке. С началом войны страну захлестнула новая волна террора, нанесшая дальнейший урон кадрам партии. Условия осложнялись и тем, что действовать приходилось среди враждебно настроенного населения, находившегося в большей своей части под влиянием националистической пропаганды и первоначальных успехов фашистского вермахта.

Несмотря на огромные трудности и опасности, коммунистическое подполье жило и боролось. Организации компартии были численно невелики, но некоторые из них, например организация Р. Урига, насчитывали до 200 человек и имели свои ячейки даже на военных заводах [8]. Хотя большинство из них просуществовало недолго, их деятельность имела большое позитивное значение: она помогла сохранить преемственность сопротивления, показала, что гитлеризму не удалось сломить мужество передовых слоев немецкого рабочего класса, способствовала вовлечению новых бойцов в антифашистскую борьбу.

Линия КПГ на создание антифашистского Народного фронта нашла практическое воплощение в деятельности организации Шульце-Бойзена — Харнака, сложившейся в 1938—1939 гг. в Берлине в результате объединения различных групп КПГ с другими антифашистскими группами. Наряду с коммунистами в нее входили социал-демократы, беспартийные рабочие, представители интеллигенции. После начала войны организация продолжала рас-

[6] ZPA IML (Berlin), 3/455, Bl. 27.
[7] См.: *Бланк А. С.* Коммунистическая партия Германии в борьбе против фашистской диктатуры (1939—1945). М., 1964, с. 172.
[8] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5, S. 279.

ширять и укреплять свои связи с другими антигитлеровскими группами, создала опорные пункты в ряде городов. Она вела многообразную агитационно-пропагандистскую работу, в частности выпускала газету «Иннере фронт» («Внутренний фронт»), оказывала помощь семьям заключенных антифашистов, поддерживала в целях совместной борьбы связи с иностранными рабочими и военнопленными [9].

Позиция социал-демократической партии Германии по отношению к войне и предложениям КПГ о единстве действий не была единой. Заграничное правление СДПГ декларировало свою готовность добиваться свержения гитлеровского режима в союзе со всеми демократическими силами. На деле же оно по-прежнему отвергало единый фронт с КПГ. Напротив, в самой Германии яснее обозначилось тяготение социал-демократов к совместным действиям с коммунистами. Отражением этой тенденции явилось, в частности, возникновение в сентябре 1939 г. Комитета действия немецких социал-демократов и коммунистов, который вел антифашистскую агитацию в Берлине.

Такого рода факты важны как свидетельство того, что идеи Народного фронта продолжали жить в среде немецких антифашистов и что делались шаги для их практического осуществления.

Важным аспектом политики КПГ был ее последовательный интернационализм. Уже в начале войны партия провозгласила свою солидарность с народами порабощенных фашизмом стран. В совместном заявлении германской, австрийской и чехословацкой компартий от 2 ноября 1939 г. подчеркивалось, что их целью является слияние борьбы немецкого рабочего класса против фашизма с «национально-освободительной борьбой чехов, словаков, австрийцев и поляков» [10]. В дальнейшем КПГ не раз подтверждала неизменность своей интернационалистской позиции, поднимая голос в защиту народов, ставших жертвами нацистской агрессии [11].

Критическое время переживало антифашистское движение Италии. Нараставшее в стране недовольство режимом Муссолини, которое проникло даже в ряды фашистской партии, не сразу вылилось в активное сопротивление. Деятельность антифашистской оппозиции ослаблялась ее раздробленностью, негативным отношением социалистов к сотрудничеству с коммунистами. К тому же эти организации, в особенности компартия, испытывали серьезные трудности организационного порядка, вызванные, с одной стороны, отсутствием руководящего центра в стране, а с другой —

---

[9] См.: *Бирнат К. Г., Краусхаар Л.* Организация Шульце-Бойзена — Харнака в антифашистской борьбе. М., 1974, с. 7—43.

[10] Цит. по: *Ульбрихт В.* К истории новейшего времени. М., 1957, с. 278.

[11] КПГ, в частности, расценила «компьенский диктат» (перемирие, навязанное гитлеровским правительством побежденной Франции), как «чудовищный акт насилия над французским народом» (Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5, S. 539—540).

усилением полицейских преследований. После начала войны репрессии обрушились и на организации компартии за границей, главным образом во Франции, где были сосредоточены ее руководящие органы. Арест в сентябре 1939 г. французскими властями ряда руководителей ИКП, в том числе П. Тольятти и Л. Лонго, вынудил партию образовать новый руководящий центр узкого состава, в задачу которого входило налаживание руководства местными организациями партии внутри страны.

В ходе преодоления многочисленных трудностей Компартия Италии доказала свою жизнеспособность, умение быстро и гибко приноравливать свою тактику к меняющимся условиям. В 1939—1940 гг. ИКП выступила с рядом заявлений, в которых попыталась наметить конкретные пути ликвидации фашистского режима. Партия призвала массы трудящихся в случае, если Муссолини втянет страну в войну, добиваться ее превращения в войну антифашистскую [12]. На коммунистах, указывала коммунистическая печать, «лежит долг нанести в благоприятный момент удар по одному из самых реакционных режимов в Европе и во всем мире» [13].

С весны 1940 г. партия предпринимает попытки найти общий язык с другими антифашистскими течениями. Еще в 1934 г. между компартией и социалистической партией Италии был заключен Пакт о единстве действий, подтвержденный и дополненный летом 1937 г. так называемой «Новой хартией единства действий». Осенью 1939 г. эти соглашения были расторгнуты по инициативе ИСП. Теперь на смену резкой полемике с социалистами приходят поиски путей сближения на единой антифашистской платформе [14]. При деятельной помощи руководства ИККИ итальянские коммунисты разрабатывают принципиальные положения такой платформы. Заметный поворот в этом отношении наметился в связи с вступлением Италии в войну против Франции в июне 1940 г. В декларации по поводу этой чудовищной авантюры фашистского режима компартия предложила демократическим силам объединиться на базе программы, которая предусматривала выход Италии из войны, арест фашистской верхушки, восстановление демократических свобод [15].

Основные положения декларации были развиты и конкретизированы совместными усилиями компартии и руководства Коминтерна. Каждый последующий документ, разработанный ими, представлял шаг вперед по пути создания платформы, которая могла обеспечить мобилизацию всех противников фашизма на борьбу с ним.

7 марта 1941 г. Секретариат ИККИ обсудил доклад представителя ИКП о положении в Италии и задачах коммунистов. В до-

[12] См.: «Lettere di Spartaco», 1939, N 1.
[13] «Lettere di Spartaco», 1940, N 9.
[14] См.: *Massola U.* Dall'unita d'azione al fronte nazionale.— «Critica marxista», 1971, N 5—6, p. 301.
[15] См.: Боевой авангард трудящихся Италии. М., 1971, с. 129.

кладе указывалось, что компартия настойчиво ищет пути к массам, стремится установить связи с членами легальных массовых организаций, включая фашистскую партию и профсоюзы. В качестве основного тактического лозунга ИКП выдвинула требование образования «правительства, опирающегося на народные массы и обладающего полномочиями ликвидировать создавшуюся ситуацию» [16]. Постановка вопроса о демократическом правительстве антифашистского единства имела большое политическое значение. Она лишний раз подтвердила решимость компартии сделать свою платформу максимально приемлемой для антифашистов всех политических направлений и оттенков, от социалистов до либералов. На основе обсуждения итальянского вопроса Секретариат ИККИ разработал директиву, в которой одобрялось решение компартии придерживаться тактики, способной облегчить «образование блока всех оппозиционных фашизму и его политике сил, ориентирующихся на разрыв союза с державами оси и на выход Италии из войны» [17].

В мае того же года компартия приняла еще один важный документ — обращение к итальянскому народу, вскрывавшее антинациональный характер политики фашистского правительства и призывавшее итальянский народ к сплочению вокруг лозунгов борьбы за демократическое преобразование общества [18].

Идейно-теоретическая работа Итальянской компартии и руководства Коминтерна, результаты которой были зафиксированы в приведенных документах, подготовила почву для подъема антифашистского движения в Италии в последующие годы.

Лето 1940 г. стало важной вехой в развитии антифашистской борьбы в ряде стран Западной Европы. Захват гитлеровской Германией Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии, Люксембурга, в особенности поражение и оккупация Франции поставили коммунистическое и демократическое движение в целом перед кругом новых проблем и задач. Режим национального угнетения и грабежа, который фашисты установили в оккупированных ими странах, толкал патриотические слои народа к сопротивлению захватчикам. Однако как организованное движение Сопротивление возникло не сразу. Оно явилось в значительной мере плодом настойчивой агитационно-пропагандистской деятельности коммунистических партий и некоторых других антифашистских сил (левых социалистов, радикалов).

Кризис, вызванный иноземной оккупацией, яснее, чем когда-либо, вскрыл несостоятельность социал-демократической политики. В большинстве случаев социалистические партии практиче-

---

[16] Цит. по: Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения, с. 384.

[17] Там же, с. 385.

[18] См.: Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953, с. 482.

ски перестали существовать и были восстановлены лишь позднее, в ходе войны [19].

В условиях оккупации коммунистические партии выработали новую тактику с учетом изменившегося соотношения сил. Вновь начала облекаться в конкретную форму идея Национального фронта. Это особенно ясно прослеживается на примере Франции.

В октябре 1939 г. ЦК ФКП в обращении к французскому народу заявил, что «коммунисты ненавидят Гитлера и представляемый им режим антирабочего насилия... Французская компартия гордится тем, что она неустанно вела борьбу против гитлеризма» [20]. Эта принципиальная установка, однако, не сразу воплотилась в тактику национального единения для борьбы с фашистской опасностью. До лета 1940 г., уже находясь на нелегальном положении, ФКП вела работу под лозунгами борьбы за мир, против империалистической политики «своего» правительства. Но на протяжении первого года оккупации акцент политической деятельности коммунистов все больше перемещался на борьбу за национальное освобождение. Только компартия выступила против откровенно пораженческой политики французских правящих кругов. Когда над Парижем нависла угроза фашистского вторжения, ФКП предложила создать всенародное ополчение для отпора агрессору. Партия считала, что вооружение народа и решительные меры против пораженцев и прямых агентов врага позволили бы «изменить характер войны, превратить ее в национальную войну за независимость и свободу» [21].

В течение последующих месяцев компартия выработала линию на то, чтобы преодолеть растерянность и уныние, охватившие значительную часть народа перед лицом постигших Францию бедствий, подвести массы к активному сопротивлению оккупантам и их политической опоре — коллаборационистскому режиму Виши. Руководство ФКП широко использовало для этой цели агитацию и пропаганду [22].

10 июля 1940 г. ФКП выступила с программным заявлением, подписанным М. Торезом и Ж. Дюкло. В этом важнейшем документе раскрывалось основное направление деятельности компартии, взятый ею курс на объединение народных масс вокруг общедемократических лозунгов. Партия подчеркивала, что великой миссией рабочего класса Франции в тот момент являлось сплоче-

---

[19] Разительный пример политического банкротства явила датская социал-демократия. Возглавляемое правым социал-демократом Стаунингом коалиционное правительство призвало население «воздерживаться от какого бы то ни было сопротивления» оккупантам (Besattelstidens Fakta, udgivet af Sagfor raadet. 1. Bind. 1. Del. København, 1945, s. 147).

[20] «L'Humanité», octobre 1939, numéro spécial.

[21] Le Parti communiste français dans la Résistance. Paris, 1967, p. 49.

[22] О размахе этой деятельности говорит тот факт, что с июня 1940 по июнь 1941 г. ФКП выпустила и распространила 2696 тыс. листовок и других пропагандистских материалов (см.: Histoire du Parti communiste français. Paris, 1964, p. 391).

ние патриотических сил для борьбы за национальное освобождение. «Народ — вот с кем связывается великая надежда на национальное и социальное освобождение. И лишь вокруг рабочего класса... может быть создан фронт свободы, независимости и возрождения Франции [23].

Наряду с развертыванием пропагандистской деятельности ФКП приступила к организации первых актов открытого неповиновения оккупантам — демонстраций и забастовок, проходивших под экономическими лозунгами. Однако в условиях фашистской оккупации всякое экономическое выступление неизбежно приобретало политическое звучание. Венцом усилий ФКП в тот период явилась стачка шахтеров северных департаментов страны в конце мая — начале июня 1941 г., в которой участвовало более 100 тыс. человек. Местное население поддержало бастующих митингами и демонстрациями [24].

Забастовка шахтеров стала для ФКП своего рода пробой сил, проверкой настроений рабочих масс. Опираясь на накопленный опыт борьбы, растущее недовольство широких кругов населения, их стремление к активному сопротивлению, компартия поставила в порядок дня задачу образования Национального фронта. 15 мая 1941 г. ФКП обратилась к народу с призывом создать фронт борьбы за свободу и независимость Франции.

Важная роль в разработке политики антифашистского Национального фронта принадлежала руководству Коминтерна. Уже 22 июня 1940 г. Секретариат ИККИ направил нелегальной ФКП письмо, в котором формулировалась задача «разъяснять и доказывать на фактах, что только рабочий класс, руководимый коммунистической партией, способен добиться сплочения нации в могущественном фронте защиты ее жизненных интересов и борьбы против чужеземного ига, за независимую, подлинно свободную Францию» [25]. А в письме от 20 июля ИККИ одобрил принятую компартией линию на то, чтобы направить недовольство масс против режима Виши с целью нанести тем самым удар «по его покровителям» — немецко-фашистским оккупантам.

С июля 1940 по май 1941 г. руководство Коминтерна неоднократно возвращалось к обсуждению положения во Франции. Так, 8 января 1941 г. Секретариат ИККИ, рассмотрев предложение ЦК ФКП по дальнейшему развертыванию Сопротивления, подчеркнул, что пока не созрели условия для освобождения французского народа из-под ига оккупантов, главное внимание компартии «должно быть сосредоточено на собирании сил» [26].

---

[23] Цит. по: *Торез М.* Сын народа. М., 1960, с. 163.

[24] См.: *Смирнов В. П.* Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М., 1974, с. 67—68.

[25] Цит. по: Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения, с. 378.

[26] См. там же.

Окончательный вывод о первоочередности задачи восстановления независимости был сформулирован руководством Коминтерна весной 1941 г. В апреле Секретариат ИККИ писал ФКП, что «борьбу за мир следует подчинить борьбе за национальную независимость» [27].

Выдвигая на первый план требования общенационального характера, коммунисты не теряли из виду и социальных целей. Компартия выступала как выразитель коренных нужд нации и последовательная защитница прав трудящихся. Партия, пишет в своих воспоминаниях Ж. Дюкло, исходила из того факта, что «народ Франции, задыхавшийся под бременем национального угнетения, все больше жаждал своего освобождения. Следовательно, необходим был широкий союз, направленный одновременно на национально-освободительную и социальную борьбу против оккупантов и против вишистских предателей, которые грабили страну в интересах гитлеровских захватчиков» [28].

В 1940 г. во Франции появился и ряд некоммунистических организаций Сопротивления, весьма разнившихся между собой по социально-политическому характеру и тактике. Ближе всего к коммунистам стояли некоторые группы и организации, объединявшие часть членов бывшей социалистической партии, социалистических и христианских профсоюзов. Эти организации не имели единого руководства, так как социалистическая партия и ее профсоюзы распались в первый же месяц оккупации, но в общем они отражали настроения ее левого крыла. Впоследствии на основе этих организаций была воссоздана Французская социалистическая партия.

В 1940 — начале 1941 г. делает свои первые шаги и буржуазное Сопротивление. Большинство буржуазных патриотических групп формировалось вокруг какого-нибудь нелегального издания, которые уже в первой половине 1941 г. исчислялись десятками.

Эти буржуазные организации не были последовательно антифашистскими. Их деятельность, во всяком случае на первом этапе, была направлена против гитлеризма, но не против фашистского режима Виши. Некоторые из них даже готовы были договориться с вишистами о сотрудничестве. Но объективно они оказались на стороне антифашистов, и их борьба образовала составную часть движения Сопротивления. Активность буржуазных организаций на первых порах была невысока, но их возникновение служило показательным симптомом глубинных процессов, происходящих в сознании широких слоев народа, признаком пробуждавшейся тяги к борьбе.

---

[27] Цит. по: Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения, с. 391.

[28] *Duclos J.* Mémoires, v. 3. Dans la bataille clandestine. Première partie 1940—1942. Paris, 1970, p. 134—135 (*Дюкло Ж.* Мемуары, т. 1. М., 1974, с. 331—332).

К 1940 г. восходит своими истоками и движение «Свободная Франция», возглавляемое генералом Ш. де Голлем. Как известно, 18 июня 1940 г. де Голль в выступлении по Лондонскому радио призвал французский народ не признавать поражения Франции, а всех французов, способных носить оружие, пробираться в Англию для вступления в английские войска или в формирующиеся там французские части. Таким образом, в первый период войны движение «Свободная Франция» развертывалось по преимуществу за пределами страны, главным образом в Англии и французских колониях в Африке. Для политики руководства «Свободной Франции» характерно, что вначале оно отнюдь не призывало к активизации внутреннего Сопротивления, считая, что выступления против оккупантов лишь вызовут бесполезные жертвы. Практически в этот период еще не были установлены связи между «Свободной Францией» и зарождавшимся в стране Сопротивлением. Вместе с тем само существование этого движения, его призыв к французскому народу не признавать себя побежденным имели большое моральное значение [29].

При всей буржуазной ограниченности деголлевского движения, проявлявшейся главным образом в недоверии к массам, в страхе перед их активным участием в борьбе, оно было несомненным свидетельством того, что в специфических условиях национального порабощения патриотическая часть буржуазии развитых капиталистических стран может стать одной из сил, борющихся за восстановление суверенитета своей нации.

Крупными выступлениями пролетариата отмечен первый период Сопротивления и в некоторых других западноевропейских странах. Массовые стачки, по преимуществу экономические, имели место в Голландии, Бельгии, Норвегии. Но, как и во Франции, экономические требования зачастую прикрывали политический протест против оккупационного режима. Вместе с тем уже в то время состоялись и первые чисто политические забастовки. Особый интерес представляла забастовка рабочих Амстердама и некоторых других городов Голландии в феврале 1941 г. По призыву компартии пролетариат голландской столицы бросил работу в знак протеста против расистской политики оккупантов. Жестоко подавленная властями, стачка, однако, показала готовность голландского рабочего класса к борьбе, продемонстрировала провал расчетов оккупантов на то, что им удастся склонить к коллаборационизму значительную часть населения страны.

Забастовки первых лет немецко-фашистской оккупации имели огромное морально-политическое значение. В них проявились колоссальные боевые потенции европейского рабочего класса, отказ

[29] Руководство Коминтерна в январе 1941 г. рекомендовало ФКП воздерживаться от критики де Голля и указало на необходимость учитывать, что деголлевское движение играет объективно положительную роль (см.: Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения, с. 378).

примириться с навязанным ему режимом социального и национального угнетения. В час тяжелейшего испытания, выпавшего на долю всей нации, пролетариат первым поднялся на массовую организованную борьбу с фашистским врагом, показал себя глубоко национальной, последовательно антифашистской силой.

В остальном для таких западноевропейских стран, как Норвегия, Дания, Голландия, Бельгия, начальный период фашистской оккупации характеризовался преимущественно так называемым пассивным сопротивлением — отказом большинства населения сотрудничать с оккупантами, саботажем их мероприятий и т. п. Между пассивным и активным Сопротивлением не было глухой стены. Пассивное Сопротивление создавало общую атмосферу ненависти к фашистским захватчикам и их пособникам, питало почву, на которой вырастало активное Сопротивление.

К лету 1941 г. сопротивление в западноевропейских странах уже накопило значительный опыт. Большую подготовительную работу по формированию антифашистских национальных фронтов и организации вооруженной борьбы с захватчиками проделали компартии Франции и Бельгии. В других странах были предприняты первые шаги в этом направлении. Но повсюду параллельно расширению агрессии фашистских держав шел процесс усиления освободительных элементов в войне, а вместе с тем крепло Сопротивление национальному порабощению.

ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ ПОСЛЕ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Переломным моментом, открывшим второй период в истории движения Сопротивления, явилось начало Великой Отечественной войны Советского Союза. Этот период, продолжавшийся с 22 июня 1941 г. по конец 1942 г., отмечен рядом существенных сдвигов в ходе войны и, соответственно, в освободительной антифашистской борьбе европейских народов. Важнейшими вехами, обозначившими эти сдвиги, были срыв планов «молниеносной войны», вынашиваемых немецко-фашистским командованием, и наступление Красной Армии под Москвой в декабре 1941 г., показавшее, что в мире есть сила, способная остановить фашистскую агрессию.

Важную стимулирующую роль в развитии движения Сопротивления сыграло образование антигитлеровской коалиции. Оно явилось одной из важнейших причин, побудивших многие буржуазные организации Сопротивления пересмотреть свое отрицательное отношение к сотрудничеству с коммунистами. Возникновение антигитлеровской коалиции увеличило надежды на победу над фашизмом среди антифашистов Италии и Германии, в самых различных слоях населения оккупированных стран, вызвало приток новых сил в ряды антифашистских борцов.

Участие в войне столь могучей силы, как Советский Союз, который в ходе сопротивления фашистским захватчикам провозгласил своей целью не только их изгнание с советской земли, но и освобождение народов Европы от фашистского ига, прояснило перспективу борьбы за восстановление национальной независимости, демократических прав и свобод, попранных фашизмом. Война против фашистских агрессоров окончательно приобрела справедливый, освободительный характер.

Влияние Отечественной войны советского народа на развитие европейского Сопротивления проявлялось различными путями. С первых же дней войны советско-германский фронт оттягивал на себя бо́льшую часть гитлеровских вооруженных сил, вынуждал фашистское командование перебрасывать туда войска из оккупированных стран. Тем самым ослаблялись позиции фашистских захватчиков в европейском тылу, что в свою очередь облегчало задачу Сопротивления.

Трудно переоценить громадное моральное воздействие Отечественной войны Советского Союза на антифашистскую борьбу в Европе. С момента вероломного нападения фашистской Германии на СССР взгляды порабощенных народов были прикованы к советско-германскому фронту. В глазах людей самых различных политических убеждений СССР был опорой и надеждой, единственной силой, активно противостоявшей фашизму и способной его разгромить [30].

После 22 июня 1941 г. Сопротивление во всех оккупированных гитлеровцами странах пережило бурный подъем. С этим очевидным фактом было вынуждено считаться и немецко-фашистское командование. Уже в середине сентября 1941 г. начальник штаба верховного командования вооруженных сил Германии Кейтель издал директиву, в которой подчеркивалась тесная связь между началом Великой Отечественной войны Советского Союза и усилением освободительного движения: «С начала войны против Советской России на оккупированных Германией территориях повсеместно вспыхнуло коммунистическое повстанческое движение. Формы действий варьируются от пропагандистских мероприятий и нападений на отдельных служащих вермахта до открытых восстаний и широкой войны силами банд» [31].

Эта характеристика в большей мере относилась к странам Восточной и Юго-Восточной Европы — Югославии, Польше, Гре-

[30] Примечательна характеристика настроений французов в связи с нападением Германии на Советский Союз, данная в донесении полицейского чиновника префекту департамента Эр 29 июня 1941 г. У большинства населения, указывается в документе, «весть о вступлении в войну России вызвала огромные надежды, и приходится констатировать, как это ни удивительно, что в стране далеко не одни только коммунисты верят в Москву и связывают с ней надежды на освобождение» (*Baudot M.* L'opinion publique sous l'occupation. Paris, 1960, p. 224).

[31] *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы, т. II. М., 1973, с. 431.

ции. Но она в достаточной степени отражала и положение в Западной Европе, прежде всего во Франции.

Французская коммунистическая партия использовала изменившуюся международную обстановку для усиления борьбы против фашистских захватчиков во всех ее формах. В первые же дни после нападения гитлеровских армий на Советский Союз компартия обратилась к трудящимся с призывом всеми силами и средствами вредить врагу, чтобы приблизить час освобождения. ФКП указывала, что для максимальной действенности борьбы патриоты должны выступать единым фронтом. «Французская коммунистическая партия, выражая сокровенные мысли трудящихся масс нашей родины,— писала «Юманите» — призывает всех французов, всех француженок создать Национальный фронт борьбы за независимость Франции» [32]. В июле на состоявшемся в Париже учредительном собрании Национального фронта был создан организационный комитет, который разработал программу действий против германского и отечественного фашизма. На местах создавались комитеты Национального фронта, объединявшие людей по признаку профессии и развернувшие активную антифашистскую деятельность [33].

Коммунистическая партия поставила своей ближайшей задачей развертывание вооруженной борьбы с врагом. Лето 1941 г. ознаменовалось массовым возникновением партизанских групп и отрядов, образовавших затем под названием Французских франтиреров и партизан военную организацию Национального фронта [34].

Другой тактики придерживались буржуазные группы и организации Сопротивления, считавшие вооруженную борьбу преждевременной. Они также создавали свои отряды, которые, однако, в этот период почти не участвовали в партизанской борьбе. Главные усилия буржуазных организаций, как и прежде, направлялись на пропаганду и сбор разведывательных данных. В 1941 г. эти организации были еще разрозненными и из-за отсутствия опыта нелегальной деятельности часто терпели провал. Все же в конце 1941 — начале 1942 г. число их заметно возросло. Наметилась тенденция к слиянию отдельных групп.

Сплочение основных буржуазных организаций Сопротивления происходило под эгидой комитета «Свободная Франция»,

---

[32] «L'Humanité», 1941, N 119, édition spéciale.

[33] Как указывалось в одном из донесений гестапо весной 1942 г., «исключительно возросшей агитации Национального фронта следует приписать тот факт, что акты саботажа и нападения на германских военнослужащих принимают все более опасные формы» (цит. по: Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения, с. 396; см. также: *Зильберфарб И. И.* Идеи и традиции Великой французской революции в борьбе сил демократии и фашизма. М., 1971, с. 119—145).

[34] Первые вооруженные отряды, так называемые группы «специальной организации», создавались еще летом 1940 г., но в то время вооруженная борьба еще не носила массового характера.

влияние которого в стране усилилось. В немалой степени это объяснялось укреплением международных позиций комитета, в особенности установлением отношений между ним и союзными державами — СССР и Англией, которые признали де Голля руководителем свободных французов.

В конце 1941 г. «Свободная Франция» завязала отношения с рядом крупнейших буржуазных организаций Сопротивления. В 1942 г. по инициативе комитета произошло слияние трех основных организаций южной зоны Франции — «Комба», «Либерасьон» и «Франтирер».

Коммунистическая партия, неизменно следуя линии на единство патриотических сил в борьбе с фашистским врагом, заявила о своей готовности сотрудничать с деголлевским движением. В ноябре 1942 г. между ФКП и комитетом «Сражающаяся Франция» [35] была достигнута договоренность, предусматривавшая «тесное сотрудничество между компартией и силами «Сражающейся Франции» с целью подготовки всенародного восстания» [36].

Соглашение явилось несомненным успехом антифашистских сил. Оно свидетельствовало о признании буржуазным Сопротивлением растущего влияния компартии. Решение о подготовке национального восстания также говорило об определенном преодолении аттантистской тактики. В нем нашло выражение усиление тяги к сплочению патриотических сил и к активизации борьбы, проявлявшееся и среди участников буржуазных организаций.

Так был сделан первый важный шаг по пути координации действий левого и правого крыла движения Сопротивления. При всех разногласиях между ними в вопросах тактики антифашистской борьбы это создало условия для последующего более тесного взаимодействия, которое было осуществлено в 1943 г.

Подъем антифашистского движения отмечался и в других оккупированных странах. Так, в Норвегии, по свидетельству оккупационных властей, «враждебность... населения приняла нетерпимые формы» [37]. Наиболее ярким проявлением этой враждебности был рост партизанского движения, охватившего в течение 1942 г. значительную часть территории страны [38].

Аналогичные процессы наблюдались в Бельгии, где существовали два вида антифашистских вооруженных формирований: Бельгийская армия партизан, созданная по инициативе компартии, и «Тайная армия», подчинявшаяся эмигрантскому правительству и придерживавшаяся в основном аттантистской тактики.

---

[35] Комитет «Свободная Франция» был переименован в комитет «Сражающаяся Франция» в июле 1942 г.

[36] Цит. по: *Торез М.* Указ. соч., с. 173.

[37] Trial of Major German War Criminals. IMT, v. XXV. New York, p. 530.

[38] *Носков А. М.* Норвегия во второй мировой войне. М., 1973, с. 159—168.

К началу 1942 г. относится возникновение в Бельгии, по почину коммунистов, Фронта независимости, главными задачами которого были всемерная активизация Сопротивления, объединение «различных партий и организаций, намеревающихся бороться за освобождение страны» [39].

В развертывании вооруженной борьбы и создании национальных фронтов проявился рост активности трудящихся слоев населения, в первую очередь пролетариата, составлявшего костяк массовых демократических организаций Сопротивления и их вооруженных сил. Воодушевленные примером героического советского рабочего класса, пролетарии оккупированных стран все решительнее высказывали свою непримиримую ненависть к фашистским угнетателям. Мысли и чувства, владевшие большинством рабочих в захваченных фашистами странах, хорошо выразила датская подпольная газета «Кампен», издаваемая группой антифашистов. 1 января 1942 г. она писала: «Датский народ, рабочие, эксплуатируемые всех стран уже давно осознали, что несет им фашизм. Но ни штыки, ни зверства фашистов более не страшат нас. Союз народов угнетенных стран становится все теснее. А могучий русский народ и его героическая Красная Армия, советские рабочие и работницы сейчас служат примером пролетариям всего мира» [40].

В оккупированных странах Европы второй период Сопротивления прошел под знаком неуклонного количественного и качественного роста антифашистской борьбы. Были достигнуты существенные успехи в области сплочения национальных сил. Почти повсеместно развернулось партизанское движение. В первых рядах этой борьбы шли коммунисты. «Коммунистические партии в самых широких масштабах стали осуществлять стратегические и тактические установки, выработанные VII конгрессом Коммунистического Интернационала» [41].

Сопротивление в фашистских странах в этот период еще не вступило в стадию массовых выступлений и открытой борьбы с фашизмом. Тем не менее и здесь движение значительно активизировалось.

В Италии усилия коммунистической партии по сплочению антифашистских сил принесли первый зримый результат. В октябре 1941 г. был образован Комитет действия по объединению итальянского народа, разъяснивший свои цели в так называемой Тулузской декларации (по месту подписания). В декларации, подписанной ИКП, ИСП и мелкобуржуазной антифашистской организацией «Справедливость и свобода», говорилось, что антифашисты готовы объединиться для совместных действий «со всеми социальными, политическими, религиозными и культурными движениями», стремящимися по той или другой причине покон-

[39] Цит. по: Антифашистское движение Сопротивления. М., 1962, с. 487.
[40] Den illegale presse 1940—1945. En antologi. København, 1965.
[41] Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 516.

чить с войной, которую фашизм развязал в интересах Гитлера и хищнической муссолиниевской плутократии[42]. Выдвигая на первый план лозунг борьбы с войной, антифашисты исходили из реальной ситуации. Это была почва, на которой легче всего было мобилизовать недовольство масс, направить его против виновника войны — фашизма.

Восстановление единства левого крыла антифашистского движения значительно подняло авторитет коммунистической партии, влияние которой стало быстро расти. В крупнейших промышленных центрах страны организации ИКП развернули работу по дальнейшему сплочению антифашистской оппозиции. Первым результатом этого явилось образование в Турине в ноябре 1942 г. Комитета национального фронта, куда, наряду с коммунистами, социалистами и представителями группы «Справедливость и свобода», вошли члены некоторых антифашистских католических групп. Это был прообраз многих других аналогичных органов руководства антифашистской борьбой, которые начали возникать по всей Италии. Внутри этих комитетов сохранялись существенные противоречия в отношении методов, средств и даже целей борьбы. Представители буржуазных группировок возражали против превращения комитетов Национального фронта в центры, возглавляющие антифашистское движение масс. Они предпочли бы ограничиться подготовкой верхушечного государственного переворота для замены режима Муссолини буржуазно-демократическим строем, возможно и при сохранении монархии. Однако и эти организации начинали отдавать себе отчет в невозможности отстранить массы от непосредственного участия в борьбе. Правые (христианские демократы) шли на союз с компартией из опасения, что развитие движения Сопротивления оставит их в конечном счете за бортом.

К концу 1942 г. в Италии отмечался быстрый рост радикализации населения. Атмосфера в стране настолько накалилась, что достаточно было искры, чтобы вызвать пожар антифашистской войны.

С гневом и болью встретили весть о нападении Германии на Советский Союз немецкие антифашисты. Свою позицию коммунистическая партия изложила в воззвании ЦК КПГ от 24 июня 1941 г., в котором подчеркивалось, что «совместная победа Красной Армии и борющихся за свою свободу угнетенных народов будет также победой немецкого народа»[43]. Партия призвала немецких трудящихся, всех честных немцев любыми средствами саботировать преступную войну, развязанную нацистами. 6 октября 1941 г. ЦК КПГ обратился к народу и армии с разъяснением антинационального характера гитлеровского режима и его новой военной авантюры. «У немецкого народа иной, свой собст-

[42] Цит. по: «Critica marxista», 1971, N 5—6, p. 302.
[43] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5, S. 547.

венный путь,— говорилось в обращении.— Это путь освобождения немецкого народа от гитлеровских угнетателей...» [44]

Свои решения и другие материалы ЦК КПГ доводил до сведения партийных организаций через уполномоченных, посылаемых в Германию, а с сентября 1941 г. и при помощи регулярных радиопередач. Как и прежде, в центре политико-организационной работы заграничного руководства компартии стояла помощь нелегальным коммунистическим организациям, продолжавшим свою мужественную борьбу в условиях неслыханного фашистского террора.

В 1941—1942 гг. были достигнуты серьезные успехи в области централизации руководства деятельностью коммунистического подполья. В Берлине, Южной Германии, Саксонии и Тюрингии возникли партийные центры. КПГ упорно шла к образованию единого общегерманского руководства.

В течение всего второго периода войны деятельность Коминтерна была направлена на всемерную теоретическую и практическую помощь коммунистическим партиям европейских стран в организации антифашистской борьбы. 24 июня 1941 г. Секретариат ИККИ разослал компартиям директивные письма, в которых указывалось, что «вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР является ударом не только против страны социализма, но и против свободы и независимости всех народов» [45]. ИККИ подчеркивал важность развертывания массового движения солидарности с советским народом, противодействия антисоветским планам реакции в различных странах.

Коминтерн организовал регулярные радиопередачи, из которых компартии оккупированных стран и государств фашистского блока черпали информацию о положении на фронтах и в тылу гитлеровских армий, советы и директивные указания. Коминтерн всячески поддерживал курс коммунистических партий на объединение всех сил, способных и готовых вести борьбу за освобождение своих стран, восстановление демократии и суверенных прав народа.

Однако по мере развития войны становилось все очевиднее, что централизованное руководство коммунистическим движением практически изжило себя, что компартии больше чем когда-либо нуждались в самостоятельности. К тому же в условиях войны, когда главной стратегической целью являлось национальное освобождение, создалось положение, при котором дальнейшее существование Коминтерна задерживало сплочение разнородных сил Сопротивления. Это объяснялось тем, что не все слои населения, стремившиеся участвовать в антифашистском движении, одобрительно относились к международным обязательствам и связям компартий. «В интересах достижения победы над фашиз-

[44] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5, S. 552—553.

[45] Цит. по: Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения, с. 394.

мом необходимо было устранить все преграды на пути к объединению и активизации антифашистских и патриотических сил»[46].

На этих основаниях было принято решение о роспуске Коминтерна, осуществленное в мае 1943 г. Но его опыт, выработанные им за четверть века стратегические и тактические принципы сыграли величайшую роль в успешном развитии движения Сопротивления в годы второй мировой войны.

АНТИФАШИСТСКАЯ БОРЬБА ПОСЛЕ КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ВОЙНЕ

Коренной перелом в войне, явившийся результатом побед Советской Армии под Сталинградом и Курском, ознаменовал также начало третьего периода антифашистской освободительной борьбы (1943 — начало 1944 г.). Как пишет один из организаторов движения Сопротивления в Турени (Западная Франция) П. Делану, отклик на сталинградскую победу Советской Армии «был огромным. Германская армия отныне не непобедима. Все более широкие слои народных масс в порабощенных странах проникаются уверенностью» в близком освобождении[47]. Характерными особенностями этого этапа были дальнейшее расширение и интенсификация борьбы, в особенности вооруженной, формирование освободительных армий, окончательное складывание общенациональных фронтов и разработка их политико-экономических платформ.

Большим стимулом для развития Сопротивления во Франции явилась высадка англо-американских войск в Северной Африке, осуществленная в начале ноября 1942 г. Освобождение союзническими армиями Алжира и Марокко сделало «возможным создание центра руководства и организации всех французских сил с тем, чтобы вести национально-освободительную войну и способствовать поражению гитлеровской Германии»[48].

Грозные для фашизма события произошли в Италии, где антифашистское Сопротивление неуклонно набирало силу. В марте 1943 г. под непосредственным воздействием разгрома фашистских войск под Сталинградом, состоялось первое за два десятилетия власти фашизма массовое выступление итальянского пролетариата: всеобщая забастовка рабочих Северной Италии, организованная коммунистами. Забастовка превратилась в важную пробу сил, ясно показавшую, с одной стороны, политическую зрелость пролетариата, его готовность к борьбе, а с другой — растущую растерянность правящих кругов, неспособность фашистского режима сдерживать усилившееся возмущение масс.

---

[46] Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, с. 543.

[47] *Delanoue P.* La lutte syndicale du Front populaire à la Liberation. Paris, 1973, p. 191.

[48] *Thorez M.* La France depuis la capitulation de Rethondes.— In: Oeuvres complètes, t. 19, p. 231—232.

Назревавшая в стране революционная ситуация побудила правое крыло антифашистского Сопротивления изменить тактику из опасения, что в противном случае руководство антифашистским восстанием окажется всецело в руках левых организаций. В июне в Милане и Риме были образованы первые комитеты национального освобождения (КНО), принявшие по инициативе коммунистов и социалистов решение о подготовке восстания. Его целью миланский КНО провозгласил разрыв с фашистской Германией, наказание виновников войны, восстановление демократических прав и свобод [49].

Консолидации Сопротивления в немалой степени способствовали организационное укрепление компартии и образование в августе 1943 г. Комитета по восстановлению социалистической партии. Заметную роль в Сопротивлении также стала играть образованная летом 1942 г. на базе движения «Справедливость и свобода» мелкобуржуазная Партия действия, которая выступала за революционные методы борьбы с фашизмом.

Подготовленный и осуществленный в верхах «дворцовый переворот» 25 июля 1943 г., результатом которого явилось свержение правительства Муссолини, не разрешил полностью глубокого политического кризиса, в тисках которого оказалась Италия. На другой же день в стране вспыхнули массовые антифашистские волнения. Антифашистские организации образовали в Милане Комитет антифашистской оппозиции, объединившей наряду с левыми партиями также представителей христианско-демократической партии и некоторых других консервативных организаций. Комитет потребовал от правительства немедленного выхода из войны, принятия суровых мер против фашистской верхушки, осуществления важнейших демократических преобразований. Под напором масс, чьи чаяния и надежды выражала антифашистская оппозиция, правительство было вынуждено запретить фашистскую партию. Вместе с тем оно тянуло с выполнением других требований народа, проводило политику лавирования и выжидания.

Обстановка в стране изменилась осенью 1943 г. в связи с высадкой английских и американских войск в Южной Италии. 3 сентября между командованием союзных войск и правительством Бадольо было заключено соглашение о перемирии — акт, который повлек за собой оккупацию немецко-фашистскими войсками всей Северной и Центральной Италии, включая Рим.

Инициатором организации отпора захватчикам выступила компартия, руководство которой уже 31 августа представило Комитету антифашистской оппозиции «Памятную записку о неотложной необходимости организовать национальную оборону про-

---

[49] См.: *Комолова Н. П.* Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии 1943—1947 гг. М., 1972, с. 234—235.

тив оккупации и угрозы нападения со стороны немцев» [50]. Записка представляла собой важный программный документ, который лег в основу последующей деятельности ИКП по развертыванию национальной антифашистской войны итальянского народа.

9 сентября антифашистские партии образовали в Риме Комитет национального освобождения (КНО) — орган политического руководства борьбой за изгнание оккупантов, за то, чтобы «вернуть Италии место, по праву принадлежащее ей в содружестве свободных наций» [51].

Образование КНО не устранило противоречий между оппозиционными фашизму течениями. Это касалось в первую очередь политических перспектив движения. Если левое крыло антифашистской оппозиции провозгласило своей целью установление строя народной демократии и в перспективе — переход к социализму, то правое не шло в своих планах дальше восстановления буржуазно-демократических порядков.

На этом этапе борьбы объединяющие моменты — заинтересованность в изгнании захватчиков и ликвидации фашизма — перевешивали разногласия. Однако для сохранения союза от левых партий, в особенности от компартии, требовалось проявить максимум политической гибкости, не оставлять поисков политических формул и тактики, приемлемых для всей антифашистской оппозиции.

С осени 1943 г. компартия приступила к организации гарибальдийских партизанских отрядов для ведения вооруженной борьбы с фашистами и для подготовки национального антифашистского восстания. Такая задача с очевидностью назрела, о чем свидетельствовали стихийные выступления масс против гитлеровской армии вторжения, в частности четырехдневное сентябрьское восстание в Неаполе. Эти выступления продемонстрировали готовность широких слоев населения, прежде всего трудящихся, с оружием в руках отстаивать независимость и свободу.

С созданием партизанских отрядов антифашистская борьба начала перерастать во всенародную войну против нацизма и фашизма. Действия отрядов, сформированных различными партиями, координировались комитетами национального освобождения во главе с КНО Северной Италии, выполнявшим функции штаба вооруженных сил движения Сопротивления.

Поражение немецко-фашистских войск в битве на Волге вызвало углубление внутриполитического кризиса также в Германии. В этих условиях важное значение приобретало уточнение политических преспектив антифашистского движения. ЦК КПГ еще в декабре 1942 г. принял обращение к немецкому народу —

---

[50] *Secchia P.* Il Partito comunista italiano e la guerra di Liberazione 1943—1945. Ricordi, documenti inediti e testimonianze.— In: Istituto Giangiacomo Feltrinelli. Annali, 1971, p. 99.

[51] Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale. Roma, 1963, p. 200.

Манифест мира [52], содержавший оценку военно-политического положения Германии. Руководство компартии констатировало, что продолжение войны приведет страну к катастрофе. Единственный выход, еще остававшийся у немецкого народа,— своими силами покончить с гитлеровским режимом.

Манифест мира предлагал программу из девяти пунктов, предусматривавшую свержение фашистского режима и образование национально-демократического правительства, которое должно провести коренные демократические преобразования. «Цели и требования Манифеста представляли собой... широкую политическую платформу, на основе которой противники Гитлера из самых различных слоев населения, принадлежащие к разным политическим течениям и вероисповеданиям, могли сплотиться и договориться о совместной борьбе» [53].

В 1943 г. коммунистическому подполью в основном удалось преодолеть территориальную разобщенность. Было создано центральное оперативное руководство КПГ, в которое вошли представители крупнейших антифашистских организаций. В своей работе центральное руководство следовало политической линии, определенной ЦК КПГ. Укрепилось также сотрудничество в подполье между коммунистами и социал-демократами. Коммунистические и социал-демократические группы действовали совместно на предприятиях, в том числе на военных заводах. Окрепли связи немецких антифашистов с иностранными рабочими. Все это говорило о развитии процесса объединения подлинно национальных патриотических сил.

В том же году в Германии оформилась буржуазная оппозиция, что также было очевидным проявлением нараставшего внутриполитического кризиса. Она стремилась вывести страну из войны «наименьшей ценой», сохранив нетронутыми основы господства монополистического капитала. При этом фактически обходился молчанием вопрос о гарантиях против возрождения фашизма.

Сознавая ограниченность буржуазного антигитлеровского движения, компартия, однако, искала с ним связи, чтобы сделать базу борьбы с нацистским режимом возможно более широкой, отражавшей интересы самых различных слоев населения, в том числе и части буржуазии. Шаги, предпринятые коммунистическим подпольем в этом направлении, не встретили отклика со стороны правого крыла буржуазной оппозиции. Однако на левом ее крыле имелась группа (полковник Штауфенберг и др.), стоявшая за сотрудничество с коммунистами.

Таким образом, к исходу третьего периода войны в Германии созрели условия для перехода к более координированной и активной борьбе с фашизмом.

---

[52] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5, S. 569—570.
[53] Ibid., S. 348.

Большой вклад в антигитлеровское Сопротивление внесло движение «Свободная Германия», зародившееся среди немецких военнопленных на территории СССР. Возникшее по инициативе КПГ, движение вобрало в себя оппозиционные гитлеровскому режиму элементы, принадлежавшие к различным классам и слоям населения. Массовый характер движение «Свободная Германия», преследовавшее антифашистские и антивоенные цели, начало приобретать под влиянием тяжелых поражений, понесенных гитлеровской Германией под Сталинградом и Курском. Летом 1943 г. на конференции представителей военнопленных и немецких общественных деятелей-антифашистов был избран руководящий орган движения — Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ). Первым его политическим актом был выпуск манифеста к германской армии и германскому народу. Движение «Свободная Германия», подчеркивалось в документе, ставит своей целью сплочение всех немецких антифашистов независимо от их партийной принадлежности для борьбы за прекращение войны, освобождение немецкого народа и Европы от гитлеровского ига, создание подлинно демократической Германии. НКСГ развернул большую агитационно-пропагандистскую работу по вовлечению немецких военнопленных в движение против войны и фашизма. Он также внес существенный вклад в антифашистскую пропаганду, обращенную к германской армии. На ряде участков фронта активно действовали боевые группы немецких антифашистов — уполномоченных комитета «Свободная Германия».

Движение «Свободная Германия» сыграло заметную роль не только в сплочении антифашистских и патриотических сил за пределами Германии, но и в активизации борьбы против гитлеровского режима внутри страны [54].

Значительно продвинулось по пути сплочения сил и согласованности их действий антифашистское движение Сопротивления в оккупированных странах Западной Европы.

Во Франции в мае 1943 г. начал свою деятельность Национальный совет Сопротивления (НСС), объединивший как левые организации (Национальный фронт, восстановленную в том же году Всеобщую конфедерацию труда, коммунистическую и социалистическую партии), так и основные буржуазные организации, связанные с комитетом «Сражающаяся Франция» [55].

Национальный совет Сопротивления, полномочия которого распространялись на всю страну, провел большую работу по обеспечению единства вооруженных формирований различных анти-

---

[54] См.: *Лёвель Б.* Национальный комитет «Свободная Германия» и движение Сопротивления в Германии.— В кн.: Вторая мировая война, кн. 3. Движение Сопротивления в Европе. М., 1966, с. 185—190.

[55] Летом 1943 г. вместо Комитета «Сражающаяся Франция» в Северной Африке был образован Французский комитет национального освобождения (ФКНО), признанный Советским Союзом в качестве представителя государственных интересов Франции.

фашистских организаций. Эта задача в основном была решена с созданием в феврале 1944 г. Внутренних сил Сопротивления (ФФИ). В их состав вошли в качестве самостоятельной единицы и французские франтиреры и партизаны. Во главе ФФИ, численность которых достигала 500 тыс. человек, стояла подчиненная НСС Комиссия военных действий (КОМАК), председателем которой был коммунист Пьер Вийон.

Образование внутренней армии позволило значительно расширить область действий против оккупантов и вишистской жандармерии, очистить от них отдельные пункты и даже районы.

15 марта 1944 г. Национальный совет Сопротивления принял развернутую программу, в основу которой лег проект, разработанный Национальным фронтом. Рассматривая освобождение Франции как первейшую задачу, необходимое условие последующих демократических преобразований, программа вместе с тем выдвигала далеко идущие социально-политические требования: национализацию банков, основных отраслей промышленности и транспорта; глубокую демократизацию всей жизни страны; осуществление крупных социальных реформ в пользу трудящихся. В числе важнейших из них были право на труд и отдых, твердый минимум заработной платы, гарантирующий достойное человека существование, широкая система социального обеспечения. Специальным пунктом программы предлагалось оказать помощь трудовому крестьянству (установление справедливых цен на сельскохозяйственную продукцию), распространить на сельскохозяйственных рабочих льготы по системе социального обеспечения (оплачиваемые отпуска, пенсии). Много внимания уделялось в программе наказанию военных преступников и пособников немецко-фашистских оккупантов (конфискация их имущества, прибылей и др.).

«Таким образом,— подытоживалось в документе,— будет основана новая республика, которая сметет гнусный реакционный режим, установленный Виши, и придаст эффективность демократическим и народным институтам... Единство действий представителей Сопротивления в интересах Родины должно в настоящем и будущем служить стимулом для всех французов...» [56]

Иными словами, НСС своей программой стремился закрепить и развить завоевания антифашистского движения Сопротивления, сделать ее выполнение гарантией против рецидива фашизма, исходной позицией не только для восстановления, но и для углубления демократии, ее фактического перерастания в народную демократию.

Новые успехи в области сплочения антифашистских сил были достигнуты и в других оккупированных странах Западной Европы. В Дании, например, в сентябре 1943 г. был создан руководящий центр Сопротивления — Совет свободы. Его образование

[56] Les idées politiques et sociales de la Résistance. Paris, 1954, p. 217—218.

в большой степени явилось заслугой датской компартии, которая на протяжении двух предшествующих лет оккупации настойчиво проводила линию на всемерное расширение и укрепление союза патриотических сил. «Совет свободы» поставил своей целью создать возможно более широкий национальный фронт борьбы против гитлеровских захватчиков. Задача такого фронта, говорилось в информационном сообщении об образовании Совета,— «организовать сопротивление немцам во всех областях и всеми средствами, имеющимися в распоряжении народа» [57]. Совет также принял программу «Когда Дания будет свободной», предусматривавшую восстановление демократических прав и свобод [58].

Для всех оккупированных стран Западной Европы 1943 год был временем расширения партизанской борьбы, роста диверсий и саботажа, что вынуждало гитлеровское командование держать в тылу значительные силы для подавления освободительного движения. Однако никакими репрессиями и зверствами нельзя было сдержать народную борьбу, вступившую в стадию неуклонно развивавшегося наступления.

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ПЕРИОД ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Последний, завершающий период Сопротивления продолжался около года — с лета 1944 г. до конца войны. Основными вехами, обозначившими начало этого периода, были, во-первых, вступление Советской Армии на территорию Польши и Румынии и, во-вторых, высадка англо-американских войск на побережье Нормандии. Период характеризовался массовой вооруженной борьбой, перешедшей в ряде стран в вооруженные восстания. Эти восстания явились высшей точкой освободительной борьбы, заключительным аккордом героической эпопеи Сопротивления.

Восстания вспыхнули на завершающем этапе войны, в разгар наступления войск антигитлеровской коалиции, прежде всего Советской Армии, оттягивавшей на себя основные силы гитлеровцев. Они начались на гребне широкого партизанского движения, в течение значительного времени размывавшего устои немецко-фашистского оккупационного режима. Эти восстания большей частью не носили стихийного характера, а были подготовлены руководящими органами Сопротивления.

Основной силой восстаний были вооруженные формирования Сопротивления, поддержанные широкими народными массами. Зачинателем восстаний повсеместно выступил рабочий класс, поднявшийся на массовую забастовочную борьбу.

В ходе антифашистских восстаний получила яркое подтверждение плодотворность политики национального единства, прово-

[57] Цит. по: Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны, с. 524.

[58] *Кудрина Ю. В.* Дания в годы второй мировой войны. М., 1975, с. 122.

димой левыми силами Сопротивления, в первую очередь коммунистическими партиями.

В Италии с середины 1944 г. народной войной была охвачена бо́льшая часть северных и центральных районов. В июне 1944 г. Комитет национального освобождения Северной Италии, объявивший себя правительственным органом, начал подготовку всеобщего восстания. КНО выдвинул ряд задач, которые было необходимо решить для успешного подвода масс итальянского народа к решающей схватке. КНО указал, что восстание будет представлять собой ряд непрерывно нарастающих боев, которые выльются в координированный удар по опорным пунктам фашистского режима и его вооруженным силам, поддержанный массовой стачечной борьбой [59]. Первоочередной задачей на первом этапе подготовки восстания КНО считал вовлечение в борьбу наиболее многочисленного класса — крестьянства. Поворот крестьянства к Сопротивлению позволил значительно расширить ряды антифашистских вооруженных сил, сделать их подлинно всенародными.

В том же июне 1944 г. многочисленные партизанские отряды, созданные различными партиями, слились в единую партизанскую армию — Корпус добровольцев свободы. Непосредственным результатом его образования явилось увеличение размаха партизанской борьбы, придание ей более планомерного характера. «Партизанская война превратилась в реальную опасность»,— писал впоследствии бывший командующий гитлеровской армией в Италии Кессельринг [60].

В течение лета и осени 1944 г. партизаны собственными силами освободили большое число населенных пунктов и ряд районов. В тылу врага образовались партизанские республики, во главе которых стояли джунты — комитеты из представителей различных политических течений. В освобожденных районах энергично ликвидировалась фашистская система во всех ее проявлениях, устанавливались демократические порядки. Левые партии, до конца игравшие решающую роль в итальянском Сопротивлении, видели в партизанских республиках зародыш народной демократии, строя, который должен был возникнуть на обломках фашизма.

Сдвиги, которые произошли во внутриполитической жизни Италии [61], сила народной войны, мощное забастовочное движение в городах, еще находившихся под властью фашизма,— все это стимулировало подготовку национального восстания, окончательный план которого был принят Комитетом национального освобождения Северной Италии в марте 1945 г.

[59] См.: *Филатов Г. С.* Крах итальянского фашизма. М., 1973, с. 417.
[60] *Kesselring A.* Soldat bis zum letzten Tag. Bonn, 1953, S. 324.
[61] В апреле 1944 г. в Южной Италии было сформировано коалиционное правительство, в состав которого вошли представители ИКП, социалистической партии, ХДП, либералов и др. Своей основной задачей правительство объявило всемерное содействие полному освобождению страны.

Восстанию предшествовала волна забастовок и антифашистских выступлений в Турине, Болонье, Генуе и других городах итальянского Севера.

25 апреля КНО дал сигнал к общему восстанию, в котором приняли участие до 150 тыс. бойцов партизанской армии, поддержанной значительной частью населения городов и сел. В Милане сопротивление фашистов было сломлено к концу первого дня восстания, а 27 апреля оно победило во всей северной части страны. «Северная Италия освобождена всеобщим народным восстанием,— указывалось в телеграмме руководства ИКП, адресованной П. Тольятти.— Все наши товарищи и организации в полном единстве с антифашистскими силами были во главе борьбы. Повсюду власть находится в руках народа, руководимого Комитетом национального освобождения» [62].

Восстание победило благодаря своему народному характеру, мужеству и самоотверженности итальянских партизан, действенной поддержке, которую оказали им широчайшие слои населения.

В Германии движение Сопротивления не приобрело массового характера и на своем завершающем этапе. В июле 1944 г. буржуазная оппозиция предприняла попытку привести в исполнение свой план устранения Гитлера и сформирования нового правительства, которое могло бы вступить в переговоры с Англией и США. Однако «генеральский заговор» был обречен на провал, так как он не опирался на движение масс. После его разгрома буржуазная оппозиция как организованная сила практически перестала существовать.

Одновременно с подавлением заговора гитлеровцам удалось раскрыть крупнейшие антифашистские организации, в том числе берлинскую организацию Зефкова — Якоба — Бестлейна, насчитывавшую в своих рядах более тысячи человек. Но, несмотря на огромные жертвы, движение Сопротивления в Германии не прекращалось до конца войны.

Компартия Германии продолжала свою интенсивную идейно-теоретическую деятельность в предвидении близившегося часа окончательного поражения гитлеровской Германии. КПГ разработала Программу действия борющейся демократии, наметившую систему мероприятий по денацификации страны. К числу важнейших из них относились немедленный арест военных преступников и конфискация их имущества; роспуск всех фашистских организаций; запрещение фашистской и милитаристской пропаганды; демократизация государственного аппарата и восстановление демократических свобод [63].

Антифашистское сопротивление в гитлеровской Германии не выросло в такую силу, какую оно представляло во многих дру-

[62] Цит. по: Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны, с. 641.

[63] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 5, S. 119—121.

тих европейских странах. Но своей самоотверженной борьбой немецкие антифашисты показали миру, что подлинно передовая, демократическая Германия не умерла. Они заложили основы первого на немецкой земле рабоче-крестьянского государства — Германской Демократической Республики, которая воплотила чаяния мужественных антифашистских борцов, продолжив начатое ими дело построения новой Германии.

Антифашистскими восстаниями и массовыми политическими забастовками ознаменовался последний год войны во Франции, Бельгии, Норвегии, Дании, Голландии. Победоносное наступление Советской Армии, военные действия англо-американских войск в Нормандии и на юге Франции создали благоприятные условия для развертывания широкого повстанческого движения.

Во Франции всенародное восстание, начавшееся летом 1944 г., охватило всю территорию между Сеной и Луарой, обширные области на юге страны. Части Французской внутренней армии, не ожидая подхода войск союзников, поднимали восстания в городах, изгоняя оттуда немецко-фашистские гарнизоны или принуждая их к капитуляции.

19 августа по приказу штаба ФФИ началось восстание в Париже, которому предшествовала забастовка рабочих и служащих столицы. Тяжесть подготовки и проведения восстания легла в основном на коммунистическую партию, которой пришлось действовать вопреки сопротивлению большинства деголлевцев, считавших, что выступление преждевременно, что следует подождать подхода союзников. Напротив, у Компартии Франции имелась четкая концепция вооруженного восстания, выработанная за четыре года антифашистской борьбы в условиях гитлеровской оккупации. Партия рассматривала его не как чисто вспомогательную операцию по отношению к действиям войск союзников, а как самостоятельную силу, способную увлечь на борьбу широкие массы и привести к частичному или даже полному освобождению страны.

События подтвердили правильность линии коммунистов: победоносный исход восстания предотвратил разрушение Парижа, подготовленное оккупационными властями, ускорил и облегчил освобождение всей страны, завершившееся в конце 1944 г.[64]

В начале 1945 г. соединенными усилиями союзных армий и сил внутреннего Сопротивления были освобождены и другие западноевропейские страны.

* * *

Антифашистское движение Сопротивления внесло огромный вклад в освобождение Западной Европы, наглядно раскрыв правоту марксистско-ленинского учения о возрастающей роли народ-

[64] *Смирнов В. П.* Указ. соч., с. 285—302; *Киссельгоф И. С.* История Франции в годы второй мировой войны. М., 1975, с. 182—195.

ных масс в истории. Это было подлинно общенародное движение, отражавшее насущные национальные интересы самых широких слоев народа.

В ряде западноевропейских стран (Италии, Франции) движение Сопротивления фактически начало перерастать в народно-демократические революции. Несмотря на то что они не были доведены до конца, их историческое значение велико. Они помогли решить задачу ликвидации национального гнета, уничтожения власти фашизма, обеспечив трудящимся, большинству населения исходные позиции для борьбы за углубление демократии, за свои жизненные права.

Движение Сопротивления раскрыло тесную связь между решением национальных и социальных задач, между обеспечением национальной независимости и демократией. Оно показало, что только единство народа в состоянии сорвать упорные попытки реакции лишить демократические силы завоеванных ими позиций.

В ходе антифашистской борьбы была убедительно продемонстрирована огромная прогрессивная роль коммунистических партий в жизни всех стран. Движение Сопротивления еще раз доказало, что коммунистические партии являются партиями подлинно национальными, выражающими интересы подавляющего большинства нации.

Вся послевоенная история стран, находившихся в 30—40-х годах под властью фашизма, подтверждает, что коммунисты — достойные преемники и продолжатели дела антифашистского Сопротивления в современных условиях, передовые борцы против фашизма во всех его формах и проявлениях.

Глава одиннадцатая

ЭВОЛЮЦИЯ ФРАНКИСТСКОГО РЕЖИМА

(1950—1975 гг.)

История Испании послевоенных лет являла миру уникальный пример приспособляемости, выживаемости и эволюции одного из тоталитарных режимов, порожденных фашизмом в 30-е годы. Такая приспособляемость оказалась возможной в первую очередь в силу гетерогенности и эклектизма франкистов, соединивших воедино идеи «фалангистской революции» и военной диктатуры, католицизма и монархической реставрации.

Франкизм как характерная государственная система просуществовал еще два с половиной десятилетия. За это время в Испании многое изменилось. По масштабу происходивших изменений история франкистского режима 1950—1975 гг. распадается на два основных периода. Первый из них охватывает 50-е годы вплоть до хозяйственной реформы 1959 г., покончившей с системой автаркии. Второй период открывается с начала 60-х годов, когда ускоренное экономическое развитие и ликвидация прежней замкнутости привели к модернизации и заметному преображению облика страны. В 60-х и начале 70-х годов правящими кругами были предприняты попытки проведения умеренных политических реформ с тем, чтобы «либерализировать режим, не выходя из границ Национального движения». Важнейшей чертой этого периода было становление независимого гражданского общества и его нараставшая антифранкистская политизация.

Потребности экономического развития, внешнеполитическая обстановка, давление сил оппозиции, противоречивые внутренние тенденции в правящих кругах, смена поколений и некоторые другие факторы предопределили постепенную эволюцию франкистского режима в послевоенные годы. Сфера действия тоталитарных, фашистских, форм государственного контроля сужалась. Общество выходило из того состояния внешней неподвижности и несвободы, которое является характерной особенностью фашистских государств. Совершался замедленный переход от государственного тоталитаризма к авторитарному, диктаторскому режиму, на вершине которого по-прежнему находился генералиссимус Франко.

Франкистская диктатура 60 — начала 70-х годов существенно отличалась от франкистской диктатуры двух предшествующих

десятилетий. Обращаясь к более отдаленному прошлому, следует признать, что в политической действительности Испании 60-х годов возрождались многие черты военно-монархической диктатуры М. Примо де Ривера, отца основателя фаланги. Тем не менее франкистский режим последнего времени не был простым возвращением к типу «обычных» военных диктатур. Идеологи франкизма представляли его как «органическую демократию», как самобытный путь Испании, хранящей национальные традиции и «открытой в направлении перемен». Утратив прежнюю тоталитарность, отказавшись от автаркии и некоторых других принципиальных положений своей идеологии и политики, франкистский режим частично обновил свою политическую платформу. Заметное место в ней стала занимать тема «правового государства», соединенная в единый комплекс с развитием идей корпоративизма и Национального движения. Оппозиционные силы противопоставили этому идеи «демократической альтернативы» для Испании.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ ИСПАНИИ В 50-е ГОДЫ

В начале 50-х годов франкистское «королевство» по-прежнему обладало существенными чертами государств фашистского образца. Политическая конструкция «нового государства» (в той мере, в какой ее успели возвести в Испании в конце 30 — начале 40-х годов) полностью сохранилась. Система хозяйственной автаркии ограничивала социально-экономические сдвиги и этим способствовала политической стабильности режима. Изменения, принесенные послевоенным пятилетием, сказались не столько на структуре франкистской государственной машины, сколько на ее функционировании. Создание таких новых политических институтов, как совет королевства (1947 г.), не оказало заметного воздействия на внутриполитическую жизнь страны. Несравненно более важные последствия имел процесс постепенного оттеснения «старых» фалангистов политическими деятелями нового типа, представлявшими в основном правое крыло католического движения. Но и этот процесс шел медленно, время от времени прерываясь активным контрнаступлением фалангистов.

К 1951 г. в экономике Испании закончился так называемый восстановительный период. Несмотря на то что с 1940 г. правительство принимало меры для форсирования индустриализации, промышленное производство до начала 50-х годов росло медленными темпами. Сельское хозяйство только в 1951 г. достигло уровня начала 30-х годов. В том же году была отменена карточная система на основные виды продуктов питания, существовавшая в Испании со времени второй мировой войны.

Накопленные ресурсы и смягчение международной изоляции сделали возможным более быстрое экономическое развитие Испании в 50-х годах. Прирост промышленной продукции состав-

лял в 1951—1958 гг. уже 8—10% годовых [1]. Валовой национальный продукт возрастал в среднем на 4,5% в год. Испания вошла в ритм европейского промышленного развития, хотя и продолжала отставать по уровню достигнутого производства от других крупных западноевропейских стран.

Наиболее быстро росли такие отрасли промышленности, как машиностроение, металлургия, металлообработка, химия и электроэнергетика. С 1950 по 1960 г. выплавка стали увеличилась в 2,5 раза, выработка электроэнергии — в 2,7 раза. Удельный вес производства средств производства достиг 53—55% [2]. В результате было наконец ликвидировано прежнее преобладание отраслей легкой и добывающей промышленности, а испанская промышленная структура приобрела черты, характерные для современной индустриальной экономики. Испания становилась индустриально-аграрной страной.

Франкистская система государственного регулирования играла активную роль в экономическом развитии 50-х годов. Строительство тяжелой индустрии, отвечавшее интересам государства, поощрялось при посредстве Национального института промышленности (НИП). Предприятия НИП, государственные или смешанные, с участием частного капитала, пользовались государственной дотацией. Кроме того, франкистское государство регулировало хозяйственную деятельность с помощью административного контроля над ценами, заработной платой, над созданием и ликвидацией частных предприятий и т. п.

Индустриализация в условиях автаркии сопровождалась отрицательными последствиями в различных сферах хозяйственной жизни, в том числе финансовой. Во второй половине 50-х годов в Испании начался валютно-финансовый кризис. Его показателями служили инфляция и дефицит государственного бюджета [3]. Многие государственные предприятия были нерентабельными. В частном промышленном секторе существовало множество неэффективных предприятий с устаревшим оборудованием. Испанская экономика в этот период развивалась в большей мере за счет увеличения числа занятых, чем за счет роста производительности труда.

Тем не менее успехи индустриализации в целом укрепляли режим. Официальная пропаганда широко использовала данные о промышленном строительстве и росте производственных мощностей. Акционерные компании и банки получали относительно высокую и стабильную прибыль. Повышение заработной платы — по расценкам министерства труда — совершалось неравномерно и медленно, но все же являлось реальным фактором социальной жизни того времени. Более сложное влияние на поли-

[1] España es asi. Madrid, 1965, p. 78.
[2] Испания. 1918—1972 гг. Исторический очерк. М., 1975, с. 342.
[3] Capitalismo español: De la autarquia a la estabilizacion (1939—1959), v. II. Madrid, 1973, p. 179, 189—192.

тическую стабильность режима оказывали вызванные индустриализацией социальные сдвиги: возрастание численности рабочего класса, рост региональных диспропорций, усиление миграции населения внутри страны и т. п. Но деструктивные для режима стороны этих процессов проявились в основном позже, в последующее десятилетие.

Сельское хозяйство развивалось медленнее. Значительные сдвиги произошли лишь в производстве технических культур; хлопководство стало полностью обеспечивать текстильную промышленность национальным сырьем. Продуктивность зернового хозяйства оставалась низкой, и Испания была вынуждена ввозить в 1951 — 1960 гг. в среднем 469 тыс. т зерна в год (против 337 тыс. т в год за 1926—1935 гг.) [4]. Виноградарство оставалось на довоенном уровне.

Государственное вмешательство в сельское хозяйство было также активным. Цены на сельскохозяйственные продукты регулировались. Существовало Национальное управление по пшенице, которое скупало часть урожая, выступая как посредник между производителями, мукомольными и консервными фабриками и потребителями. Государство владело собственными элеваторами и зернохранилищами.

В первой половине 50-х годов были приняты законы, касавшиеся системы землепользования. Закон о концентрации парцелл (1952 г.) создавал условия для перераспределения земель в селениях, страдавших от чересполосицы. Изданный в 1953 г. закон о хозяйствах, которые «явно могут лучше обрабатываться», был новой попыткой добиться интенсификации сельскохозяйственного производства в латифундиях. Собственники экстенсивно эксплуатируемых хозяйств должны были в срок от пяти до десяти лет осуществить по плану необходимые улучшения, иначе им грозила «экспроприация земель» за выкуп. Законом 1955 г. были установлены привилегии на получение ссуд и приобретение инвентаря для «образцовых сельских хозяйств». Пропагандировалась программа внутренней колонизации, которую осуществлял Национальный институт колонизации, созданный в 1939 г. Институт проводил ирригационные работы на территории латифундий, оставляя 75% орошенной земли владельцу, а 25% передавая колонам на условии постепенной оплаты стоимости этой земли в рассрочку. К началу 1960 г. число землеустроенных колонов определялось всего в 41 тыс. человек [5].

Экономическое развитие Испании в 50-х годах (ускоренная индустриализация, отставание сельского хозяйства, нараставшие финансовые трудности) ставило режим перед необходимостью расширения внешних экономических связей, поисков иностран-

---

[4] Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965, с. 268.
[5] Capitalismo español: De la autarquia a la estabilizacion (1939—1959), v. II, p. 109.

ных кредитов, пересмотра установившейся системы жестких форм государственного регулирования экономики.

В первой половине 50-х годов обеспечение внешнеполитического статуса продолжало оставаться первостепенной проблемой для франкистского режима. В ноябре 1952 г. Испания была принята в ЮНЕСКО. В 1951—1953 гг. параллельно велись переговоры Испании с Ватиканом и США. Конкордат с Ватиканом был нужен франкизму для укрепления его положения в послевоенном западном мире и гарантии сохранения альянса с церковью внутри страны. Однако главное внимание правительства Испании было сосредоточено на переговорах с США. На первой их стадии, летом 1951 г., во время поездки по США испанского министра авиации Галарса и визита в Испанию американского адмирала Шермана, было достигнуто принципиальное согласие об использовании испанских военных баз вооруженными силами США. Франкистское правительство использовало заинтересованность США в укреплении стратегических позиций НАТО, противопоставив американцам свои собственные требования. Оно настаивало, в частности, на том, чтобы соглашение приняло вид военного союза, связывающего США и Испанию.

26 сентября 1953 г. испанский министр иностранных дел А. Мартин Артахо и посол США в Испании Дж. Данн подписали соглашение о создании на испанской территории американских военных баз, а также соглашения об экономической помощи и о помощи «в целях взаимной обороны» [6]. США получили право в течение 10 лет использовать под военные базы ряд стратегических пунктов в Испании, «размещать и расквартировывать в них военный и гражданский персонал» [7]. Взамен для Испании гарантировалась американская помощь военным снаряжением, кредитами и техническим оборудованием «в соответствии с существующими законами США». Испанская армия рассматривалась в этих документах как часть «оборонной мощи Запада», хотя соглашения и не заключали в себе прямых обязательств по обеспечению взаимной защиты. Пакт с США предопределил последующее улучшение отношений Испании с Францией, Англией и ФРГ.

Поставив внешнеполитический престиж Испании под покровительство США, пакт в какой-то мере упрочил положение франкистского режима и наряду с этим положил начало новым противоречиям и новым общественным процессам, этот режим расшатывающим. Разрешение американского военного присутствия в Испании порождало настороженность и недовольство в самых различных слоях испанского общества. Постепенно сказалось и другое последствие испано-американского пакта — некоторое расширение культурного обмена Испании с США и другими дер-

[6] US Department of State. Press Release, September 26, 1953.
[7] Ibidem.

жавами, известное ослабление духовной изоляции испанского общества по сравнению с предшествующим периодом существования франкистского режима.

Почти одновременно с пактом был подписан конкордат между Испанией и Ватиканом (27 августа 1953 г.). По условиям конкордата испанское государство признавало за католической церковью духовный суверенитет и широкие юридические права. Церковь и связанные с ней религиозные ассоциации обладали согласно конкордату «полным правом приобретать все виды имущества, владеть и управлять ими» [8]. Была специально оговорена государственная дотация на дела культа и духовенства; церковные строения, резиденции священнослужителей, помещения церковных университетов, коллежей, семинарий и религиозных орденов не облагались налогами. Национальная хунта католической печати получила отныне некоторые автономные прерогативы.

Заключение конкордата оказало двоякое влияние на внутриполитическую обстановку в стране.

С одной стороны, конкордат вновь фиксировал монопольное положение католичества «как единственной религии испанской нации», соединив религиозное духовное воздействие со сферой государственного приказа. «В учебных заведениях всех ступеней, государственных или частных, образование будет согласовываться с догматическими принципами и моралью католической церкви»,— говорилось в 26-й статье конкордата. Там же указывалось, что церковные инстанции могли требовать изъятия из школьных библиотек книг, «противоречащих католическим догмам и морали». Церковная иерархия не раз использовала свои права для вмешательства в университетскую жизнь, препятствуя расширению круга дозволенных тем и имен. Как обязательство поддерживать франкистский режим звучала 6-я статья конкордата: «Испанские священники будут ежедневно молиться за Испанию и главу государства согласно традиционным формам и предписаниям святой литургии».

С другой стороны, конкордат значительно расширил возможности для развития светского католического движения, отличавшегося, как известно, в прошлом большой политической активностью. 34-я статья конкордата была посвящена организации «Католическое действие», которая получила право более независимой деятельности. Под защиту конкордата были поставлены и связанные с ней организации — «Рабочие братства Католического действия», «Рабочая молодежь Католического действия», женские католические ассоциации. После заключения конкордата наблюдался внутренний подъем движения «Католическое действие». Католические организации росли, «Рабочие братства Католического действия» к середине 50-х годов обнаружили себя как сила, противостоящая монополии вертикальных синдикатов. В широком

[8] *Diaz Plaja F.* La posguerra española en sus documentos. Barcelona, 1970, p. 307.

потоке этого движения стали обнаруживаться политически оппозиционные течения.

В декабре 1955 г. Испания вступила в ООН [9], что повлекло за собой новое расширение международных контактов и дальнейшее ослабление «идеологического изоляционизма» испанского общества.

Избегая международных осложнений и возможной колониальной войны, Ф. Франко пошел на отказ от Марокко, важнейшей области испанского колониального влияния, традиционного источника воинской амбиции, воспитанной двумя поколениями «африканистов». В апреле 1956 г. между Испанией и марокканским султаном было подписано соглашение о независимости Марокко, которое через несколько месяцев после этого было принято в качестве суверенного государства в ООН. У Испании остались на африканском берегу города Сеута и Мелилья, территории Ифни, Испанской Сахары и Рио Муни, а с ними и соответствующие проблемы, но непосредственная угроза колониальной войны отпала вместе с отказом от испанского протектората над Марокко.

Адаптация франкистской Испании к послевоенному западному миру потребовала от диктатуры весьма явственной смены акцентов в сфере официальной идеологии, а с течением времени — и ряда внутриполитических перемен. В своем новогоднем послании испанцам от 31 декабря 1954 г. Ф. Франко пытался следующим образом обозначить разрешенные границы новых поисков: «Выходом из Национального движения является само Национальное движение, находящееся в процессе развития своих больших исторических возможностей» [10]. Фактически для Ф. Франко и связанных с ним кругов финансовой и земельной олигархии в 50-х годах стоял вопрос о выборе ведущей внутриполитической программы, тогда как в проправительственных сферах обнаружились по крайней мере три различных варианта будущей политики. Один из них принадлежал идеологам «старой» фаланги (последователям Хосе Антонио Примо де Ривера), два других — католикам.

В правительстве, сформированном Ф. Франко 10 июля 1951 г., посты министров были, как и прежде, распределены среди фалангистов, католиков, монархистов и военных. На вакантный с 1945 г. пост министра — генерального секретаря фаланги — был назначен Фернандес Куэста. Видные деятели «Католического действия» А. Мартин Артахо и Х. Руис Хименес вошли в правительство соответственно в качестве министров иностранных дел и просвещения.

---

[9] Вместе с Испанией в ООН были приняты Австрия, Албания, Болгария Венгрия, Иордания, Ирландия, Италия, Камбоджа, Лаос, Ливия, Непал, Португалия, Румыния, Финляндия и Цейлон.

[10] *Franco F.* Discursos y Mensajes del Jefe del Estado. 1951—1954. Madrid, 1955, p. 554.

Правительство 1951 г. очередной раз отразило существующее соотношение сил между различными группировками, поддерживавшими режим. Фалангисты нейтрализовали католиков и монархистов, тогда как те в свою очередь составили в новом правительстве сильный противовес вновь возросшему с приходом Ф. Куэсты влиянию «старых» фалангистов.

В первой половине 50-х годов пребывание представителей «Католического действия» в правительстве воспринималось как свидетельство возможного смягчения режима; с ними связывались надежды на либерализацию страны [11]. Эти настроения поддерживались в первую очередь деятельностью министра просвещения Х. Руис Хименеса, бывшего посла Испании в Ватикане. Х. Руис Хименес привлек на университетские кафедры профессоров, с некоторого времени известных своей неортодоксальностью. Ректором Саламанкского университета был назначен А. Товар, ректором Мадридского — П. Лаин Энтральго, автор нашумевшей книги «Испания как проблема». В этой книге и в своих лекциях Лаин Энтральго развивал мысль о необходимости примирения и синтеза двух враждующих традиций в истории испанской культуры, определяя их как «традиционализм» и «прогрессизм». «Все интеллектуально ценное в истории Испании, будь то плод католической или свободомыслящей культуры, составляет наше достояние»,— писал он [12]. Среди студентов особой популярностью пользовались выступления П. Лаин Энтральго против «духовного касикизма», за изучение культурного наследия крупнейших представителей либеральной и демократической мысли.

Оценивая впоследствии свою деятельность в качестве министра просвещения, Х. Руис Хименес отмечал, что его первоначальные намерения были весьма скромными: «Мне казалось, что в изменении нуждается линия поведения, стиль: надо сделать просвещение более содержательным, выйти за пределы очень узких, догматических схем, привлечь новых людей» [13]. Однако с первых же шагов он столкнулся с препятствиями, порожденными самой государственной структурой. Х. Руис Хименес не смог получить из бюджета средства для строительства новых школ, потерпел неудачу в попытке изменить положение в области среднего образования (сделать его доступнее для низших социальных слоев), а своей университетской политикой вызвал сильное недовольство фалангистских руководителей университетского профсоюза. В своем стремлении расширить границы официально признанной культуры Х. Руис Хименес планировал привлечь к сотрудничеству ученых-эмигрантов, покинувших родину после поражения республики. Этот план, однако, осуществить не удалось.

---

[11] *Ridruejo D.* Escrito en España. Buenos Aires, 1964, p. 118.
[12] *Lain Entralgo P.* España como problema. Madrid.
[13] Цит. по: *Vilar S.* Protagonistas de la España democratica. Paris, 1969, p. 452.

Начиная с 1952—1953 гг., по позднейшему признанию Х. Руис Хименеса, он стал пересматривать свои политические убеждения, постепенно теряя веру в Национальное движение и режим [14]. Проявившиеся в деятельности министра-католика либерализаторские веяния подхватывались и развивались снизу: в университетской среде уже насчитывалось большое число недовольных существующим положением вещей. К середине 50-х годов в университетских центрах создалась напряженная обстановка, усиливался конфликт между сторонниками свободомыслящих профессоров и фалангистами.

Личная эволюция Х. Руис Хименеса, занимавшего одно из ответственных мест на вершине государственной иерархии, при всей своей исключительности повторяла путь, пройденный до него некоторыми прежними приверженцами режима. Д. Ридруехо и другие бывшие фалангисты каждый по-своему освободились от былой веры в «моральные ценности национал-синдикалистского государства». В испанскую литературу этого времени («тремендизм», «объективная проза») входит тема «аполитичной» интеллигенции, скрывающая под собой разочарование в официальной политике или изначальное неприятие ее.

В начале 50-х годов в Испании наблюдался, однако, и встречный процесс политической концентрации, тесно связанный с деятельностью католической организации «Опус деи» («Божеское дело»). До этого времени в мире было мало известно об «Опус деи», основанном в Мадриде еще в 1928 г. Только во франкистской Испании «Опус деи» стал влиятельным католическим центром. Постепенно устанавливался и официальный церковный статус «Опус деи» [15]. Энцикликой папы Пия XII от 2 февраля 1947 г., провозгласившей создание в рамках католической церкви так называемых «мирских институтов», деятельность опусдеистов была одобрена во всем ее своеобразии.

По сравнению с «Католическим действием» «Опус деи» был организацией менее гласной, чуждавшейся всякого рода публичных кампаний, не допускавшей от своего имени никаких деклараций по политическим, социальным или экономическим проблемам. ««Опус деи» никогда не вмешивается в политику и абсолютно чужд каких-либо политических, экономических, культурных или идеологических тенденций. Его цели исключительно духовные и апостольские»,— говорил основатель организации священник Х. М. Эскрива де Балагер [16]. Посвященные «мирским институтам» постановления Ватикана устанавливали в качестве их цели «рехристианизацию мира» и «распространение во всех классах общества духа евангельского совершенствования» [17]. Тем не менее

---

[14] *Vilar S.* Op. cit., p. 457—458.
[15] Conversaciones con Monseñor Escrivá de Balaguer. Madrid, 1970, p. 88.
[16] Ibid., p. 63.
[17] *Artigues D.* El Opus Dei en España. Paris, 1968, p. 60, 63.

это новое направление в католицизме оказало сильнейшее воздействие на политическое развитие Испании 50—60-х годов.

Не будучи сам по себе организацией политической, «Опус деи» не запрещал своим членам заниматься политикой и, более того, всецело поощрял такого рода деятельность, равно как и всякий иной профессиональный труд. Католицизм утверждался опусдеистами в виде современной динамичной доктрины, импонирующей деятельной натуре ученого, экономиста, политика, администратора. «Вера, радость, оптимизм. Но не глупость закрывания глаз перед действительностью»,— писал Х. М. Эскрива де Балагер в своей книге «Путь» [18], «Всякий честный человеческий труд, интеллектуальный или физический, должен выполняться христианином с наибольшим совершенством: человеческим (профессиональным) и христианским (с любовью к божественной воле и для пользы людей) ... Таким образом труд возвышается и очищается, превращаясь в божеское дело, опус деи»,— проповедовал Х. М. Эскрива де Балагер [19]. Члены «Опус деи» оставались в миру, занимались каждый своей профессией и должны были вести свою «апостольскую миссию» «сдержанно», «безо всяких признаков фанатизма».

Ряд особенностей опусдеистской доктрины привлекал к ней людей консервативного мышления, правых идеологических устремлений. В 999 максимах, составляющих содержание книги «Путь», Х. М. Эскрива де Балагер возрождал средневековый дух религиозного горения, противопоставленный атеизму и равнодушию к вопросам веры. Терминология и направленность этих максим, не затрагивавших непосредственно политические темы, органически совпадала с лексиконом и традициями правых политических сил. «Воля.— Энергия.— Пример. То, что надо делать, делается... Без колебания... Без осмотрительности... Без этого Сиснерос не стал бы Сиснеросом, Тереса Аумада Святой Тересой... Иньиго де Лойола Святым Игнасио... Бог и доблесть! Да будет воля бога!» — гласила одна из заповедей этой книги [20]. А повторявшееся время от времени указание — «ввысь» («арриба») [21] не могло не соединяться в сознании современника с официальным лозунгом франкистской Испании. Сам Х. М. Эскрива де Балагер во время гражданской войны сначала скрывался в гондурасском посольстве в Мадриде, а затем через Францию перебрался во франкистскую зону, где и восстановил свою организацию. В историю «Опус деи» вошел тогда факт прямого политического выбора — присоединения к одному из сражавшихся лагерей. Однако проблема «опусдеистской политики» возникла в Испании позднее — в 50-х годах.

---

[18] *Escriva J. M.* Camino. Madrid, 1965, p. 25.
[19] Conversaciones con Monseñor Escrivá de Balaguer, p. 31.
[20] *Escriva J. M.* Camino, p. 19.
[21] Ibid., p. 26, 28.

Именно тогда среди сторонников режима появляется политическая фракция «Опус деи» — клан лиц, действовавших каждое от собственного имени, но фактически связанных между собой незримыми узами своей организации. Опусдеисты занимали сильные позиции в промышленных и банковских кругах. Под их контролем находился, в частности, Народный банк, созданный в 1947 г. Влияние «Опус деи» распространилось также среди университетской профессуры, в государственном аппарате. Подобно другим религиозным организациям, «Опус деи» имел свои собственные школы, технические училища, коллежи, а также основанный в 1952 г. университет Наварры, дипломы которого были впоследствии приравнены к государственным. Определение действительного масштаба влияния опусдеистской организации не было возможным вследствие закрытого характера ее внутренней жизни, позволявшего даже сравнивать опусдеистов с масонами [22].

В середине 50-х годов в Испании стали сказываться политические результаты того, что влияние «Опус деи» распространилось на новую элиту управляющих государственными и частными секторами экономики. Опусдеисты-менеджеры и связанные с ними представители наиболее динамичной части испанской крупной буржуазии проявляли склонность к отказу от системы экономической автаркии и ослаблению административного вмешательства франкистского государства в экономику страны. Они считали необходимым «выравнять испанскую экономику с экономикой стран Запада», имея при этом в виду и установление более тесных связей с иностранным капиталом. Религиозная организация «Опус деи» в силу своего своеобразного «мирского» характера, своей малой гласности, своего легального статуса в рамках тоталитаристского государства сыграла роль группирующей силы для этих социальных слоев и представляемых ими политических тенденций.

Одним из первых проявлений опусдеизма как политического направления было выступление профессора-опусдеиста Р. Кальво Серера, потребовавшего в своих статьях изменения правительственного курса. Отстаивая в идеологической области позиции правого католицизма, Р. Кальво Серер обвинял фалангистов в «левизне», республиканизме и недооценке значения церкви, в том, что они «овладели Национальным движением». Представители «Католического действия», также входившие в правительство 1951 г., осуждались за терпимость к нехристианской идеологии.

В противовес им Р. Кальво Серер предлагал создать «третью национальную силу», которая бы соединила в области государственной политики следование по пути испанской католической традиции и обеспечение технического прогресса. Среди опусдеистов была популярна формула «испанизация по целям и европеизация по средствам». Р. Кальво Серер предсказывал эпоху новой

[22] *Artigues D.* Op. cit., p. 94.

всемирной контрреформации, в ходе которой католическая Испания сыграет выдающуюся роль [23].

В конкретную программу действий «третьей национальной силы» должны были войти установление режима «народной и представительной монархии», проведение курса «экономической либерализации» и отказ от автаркии, административная децентрализация. Критика не касалась непосредственно самого каудильо, ему предлагалось лишь расширить и изменить круг лиц, стоящих у управления. Политические статьи Р. Кальво Серера [24] получили широкую известность и сразу же вызвали негодующие отклики среди фалангистов.

«Испанская традиционалистская фаланга и ХОНС» (называвшаяся также официально Национальным движением) была ослаблена внутренними противоречиями, растущим обособлением вошедших в нее в 1937 г. монархистских групп. Вместе с тем в первой половине 50-х годов в рамках этой государственной партии наблюдалась возрастающая активность фалангистов — последователей фаланги 1933—1936 гг.

В начале 1956 г. произошли студенческие волнения в Мадридском университете, направленные против фалангистского контроля над университетским профсоюзом. Подавление волнения сопровождалось экстремистскими выходками фалангистов, опубликовавших, в частности, листовки с угрозой физической расправы над группой «либеральных профессоров». 16—19 февраля 1956 г. Франко реорганизовал правительство, дав отставку министру просвещения Х. Руис Хименесу. «Удаление Руис Хименеса из министерства просвещения имело символическое значение,— писал впоследствии Д. Ридруехо,— оно подразумевало ответ правительства и всех его опорных сил на предложение постепенного эволюционного реформизма, который многие из нас тогда поддерживали» [25]. В качестве министра — генерального секретаря фаланги — Франко назначил Х. Л. Арресе, одного из главных теоретиков испанского национал-синдикализма. Х. Л. Арресе было поручено подготовить проект «основного закона», определяющего место Национального движения в государственной системе страны [26].

Все это отвечало стремлениям «старой» фалангистской гвардии и той части фалангистской молодежи, которая верила, что идеа-

---

[23] Эта идея подробно развивалась в опубликованных в 1949—1952 гг. книгах Р. Кальво Серера «Испания без проблемы» и «Теория реставрации».

[24] Наиболее резкие из них были опубликованы во Франции, часть — в монархистской газете «АВС».

[25] *Ridruejo D.* Op. cit., p. 29.

[26] Во франкистском законодательстве в число «основных законов» были включены: «Хартия труда» (1938 г.), закон о создании кортесов (1942 г.), «Хартия испанцев» (1945 г.), закон о национальном референдуме (1945 г.), закон о наследовании поста главы государства (1947 г.). Готовившийся закон о Национальном движении должен был стать шестым «основным законом» страны.

лы «истинного фалангизма» еще не осуществлены. В выступлениях самого Х. Л. Арресе звучала та же нота. «Хосе Антонио, ты не можешь быть доволен нами,— говорил он.— В двадцатую годовщину твоей смерти мы достойны лишь твоей печали и презрения» [27]. Подготовка «основного закона» представлялась в этой связи долгожданным возвращением к построению той Испании, которую хотел бы видеть Х. А. Примо де Ривера. Демагогическая пропаганда «истинных» фалангистов имела известный успех, и в течение года, пока Х. Л. Арресе занимал пост генерального секретаря фаланги (до февраля 1957 г.), число членов партии стало возрастать — первый заметный прирост со времен гражданской войны [28].

В пропаганде «основного закона» центральное место стала занимать идея об усилении роли фалангистской партии в руководстве страной. «Испанская традиционалистская фаланга и ХОНС» деидеологизировалась, слилась с государственными институтами и потеряла свое особое значение, утверждали «истинные» фалангисты. Х. Л. Арресе в публичных выступлениях упрекал членов партии в утрате «возвышенного духа» фаланги 30-х годов.

Подготовка «основного закона» и сопровождавшая ее активизация фалангистов привели к тому, что в государственной партии с небывалой отчетливостью проступили контуры испанской фаланги 1933—1936 гг. Группировавшиеся вокруг Х. Л. Арресе ветераны фаланги сами произвели подсчет своих сторонников, и в конце 1956 г. генеральный секретарь официально объявил на Национальном совете «большой» фаланги, что «первоначальная» фаланга занимает приблизительно 5% руководящих постов в государственных и партийных органах страны. К фалангистской «старой гвардии» принадлежали 2 из 16 министров, 1 из 17 заместителей министров, 8 из 102 генеральных директоров, 18 из 50 гражданских губернаторов, 8 из 50 президентов провинциальных депутаций, 65 из 151 члена Национального совета фаланги, 137 из 575 депутатов кортесов, 133 из 738 провинциальных депутатов, 766 из 9155 мэров, 2226 из 55 960 муниципальных советников [29]. Это было мало, с точки зрения самих фалангистов, и много, по мнению монархистов и католиков. Усиления роли партии требовала в первую очередь именно эта «малая» фаланга, претендовавшая также на обновление самой партии.

В наиболее резкой и откровенной форме о претензиях «малой» фаланги заявил в 1956 г. Л. Гонсалес Висен, старый фалангист, вошедший в комиссию по выработке «основного закона». Он предлагал освободить Национальный совет фаланги от влияния армии, церкви и «правых политических сил». Все они, по мнению фалангиста, должны были занять подобающее место в государственной жизни, но не руководить партией. Местные орга-

[27] *Payne S. G.* Falange. Stanford, 1962, p. 259—260.
[28] Ibid., p. 251.
[29] Ibid., p. 260—261.

низации фаланги предполагалось «усилить», активизировать и очистить от номинальных владельцев партийных билетов. Эта обновленная фаланга («истинные» фалангисты предпочитали использовать данный термин, а не символизирующее гетерогенность наименование «Национальное движение») должна была осуществлять действенный контроль над правительственными учреждениями. В довершение всего Л. Гонсалес Висен рискнул поставить прямой вопрос о замене личной диктатуры Ф. Франко властью фалангистской партии. По существу же его предложения вели к тому, чтобы разнородную, уже разложенную внутренними противоречиями франкистскую партию превратить в монолитную политическую силу; за идеологическими требованиями «истинных» фалангистов скрывался идеал еще более тоталитарного типа диктатуры фашистского образца.

Фалангисты утверждали, что важнейшие противоречия режима вызваны неполным проведением в жизнь их социально-экономической программы. Х. А. Примо де Ривера обещал ликвидировать борьбу классов в результате создания общества «органической целостности», благоприятного якобы для всех социальных слоев. «Богатство в качестве своего первого назначения — и так его будет направлять наше государство — должно улучшать условия жизни народа,— говорилось в 12-м пункте программы фаланги.— Нельзя терпеть, чтобы огромные массы жили в нищете, в то время как другие располагают всеми плодами роскоши» [30]. В письме, которое Л. Гонсалес Висен направил летом 1956 г. Х. Л. Арресе, признавалось, что испанское общество не только не приобрело искомого единения, но и всецело пронизано еще духом гражданской войны. «В наше время,— писал Л. Гонсалес Висен,— различие между бывшими красными и некрасными, между теми, кто поддерживал и не поддерживал движение, или, иначе говоря, между победителями и побежденными, является реальностью национальной жизни и административной политики правительства» [31].

«Истинные» фалангисты вновь обещали единение нации, неосуществленное франкизмом за 17-летний период его владычества. В фалангистских кругах предлагались при этом и некоторые сравнительно радикальные меры социального плана: говорилось о необходимости улучшить экономическое положение рабочих и увеличить налоговое обложение на капитал [32]. Однако демагогические социальные проекты фалангистов, соединенные с откровенно выраженным намерением «завоевания улицы», сведенные в единую обойму с планами всемерного укрепления национал-синдикалистской структуры, напоминали слишком многое из пер-

---

[30] Textos de Jose Antonio Primo de Rivera. Madrid, 1957, p. 3—10.
[31] *Payne S. G.* Op. cit., p. 253.
[32] *Ricardo de la Cierva.* Historia básica de la España actual. Barcelona, 1974, p. 508.

вого тура «фалангизации Испании», чтобы увлечь за собой народные массы в середине 50-х годов.

Фалангистская реклама сопровождала деятельность министра труда Х. А. Хирона (второго представителя «малой» фаланги в правительстве февраля 1956 г.). Инфляция, а также вспышки забастовочного движения заставили правительство принять 3 марта 1956 г. решение о повышении заработной платы рабочих в два этапа — 1 апреля и 1 октября. Разработанные министерством труда новые расценки дали довольно значительное увеличение заработной платы, хотя за этим вскоре последовал и новый скачок инфляции.

Активизация сил фаланги была допущена Франко в условиях всеобщего общественного сдвига, сделавшего 1956 год переломным в развитии франкистской Испании. Уничижительная критика «достигнутого» не помешала фаланге, как и ранее, оставаться опорой режима в противовес движению либеральных и демократических сил.

Неизменность официальных запретов не могла уже в это время помешать оживлению общественной жизни, проявившемуся, в частности, в возникновении разнообразных оппозиционных групп. Эти группы (называвшие себя обществами, ассоциациями, иногда — партиями) были в большинстве своем недолговечны, но они эффективно способствовали формированию независимого общественного мнения. Среди них было несколько групп христианских демократов. Д. Ридруехо с группой молодежи создал Социальную партию демократического действия. «Это не было по существу ни партией, ни интеллигентским кружком,— отмечал Д. Ридруехо в своей книге.— Соединяя отдельные элементы и того и другого, это был центр движения, который ни в коей мере не стеснял будущие решения своих участников (одни были более либералами, другие — более социалистами), но все же содействовал оформлению особого, недогматического, сектора общественной мысли» [33].

Ощутимых сдвигов в распространении своего влияния добилась КПИ. В июне 1956 г. партия взяла курс на «национальное примирение» всех социальных сил, выступавших против франкизма, и, следовательно, за создание условий «мирной смены режима... без насилия, без восстания, без гражданской войны». «Увеличение активности масс и согласие между различными силами оппозиции может создать — еще до полного исчезновения диктатуры генерала Франко — более благоприятные условия для демократического решения испанских проблем»,— говорилось в декларации КПИ [34]. Разработанная КПИ тактика «национального согласия» привела к установлению политических контактов

---

[33] *Ridruejo D.* Op. cit., p. 29.

[34] Por la Reconciliacion Nacional, por una Solucion Democratica y Pacifica del Problema Español. S. l., 1956, p. 22, 26.

между компартией и некоторыми из новых группировок, нелегально возникших внутри страны. Определенное сближение наметилось между КПИ и частью «Рабочих братств Католического действия».

В сентябре 1956 г. Х. Л. Арресе передал членам Национального совета фаланги проекты, выработанные комиссией по подготовке «основного закона». Один из них предусматривал, что Национальный совет фаланги должен быть по крайней мере наполовину составлен из советников, избранных всей совокупностью членов партии. Функции совета расширялись: он, по проекту, избирал генерального секретаря Национального движения, надзирал за прохождением новых законов, мог наложить вето на законопроекты, подготовленные комиссией кортесов, и т. п. Специальный проект пересматривал «принципы» Национального движения, очищая «26 пунктов» от наиболее явных несоответствий политическому лексикону франкизма 50-х годов. Прославление империи заменялось фразами о международном сотрудничестве, замаскировывался дух насилия, смягчался социальный радикализм. Говорилось о том, что фаланга в соответствии с духом католичества отвергает тоталитарную форму государства. В своем окончательном варианте предложения Х. Л. Арресе звучали весьма отлично от стиля основоположника фаланги, культ которого разжигали «истинные» фалангисты (как, впрочем, и вся официальная пропаганда).

Против Х. Л. Арресе решительно выступили монархисты; к Франко поступило большое число протестов со стороны епископов, военных губернаторов и банкиров, встревоженных планами «рефалангизации Испании». Основное внимание оппонентов Х. Л. Арресе было при этом приковано к положениям о Национальном совете, за которыми угадывались претензии фалангистов на власть.

Существенную роль в последовавших вслед за тем политических изменениях сыграли экономические проблемы. Идеологи фалангизма выступали за продолжение политики автаркии, за сохранение и даже усиление государственного контроля над экономикой страны. Фалангисты называли себя принципиальными противниками «либерального капитализма». Они ориентировались на усиление экономической роли Национального института промышленности и связанных с ним предприятий, многие из которых оказались малорентабельными. Опусдеистское стремление к проведению хозяйственной реформы вызывало у них самое резкое осуждение.

Между тем продолжавшийся около года период фалангистской активизации совпал с непрерывным нарастанием валютно-финансового кризиса. В феврале 1957 г. министр торговли М. Арбуруа представил правительству сенсационный доклад о росте инфляции, цен, о возможном возвращении к карточной системе и о росте народного недовольства.

25 февраля 1957 г. было сформировано новое франкистское правительство, в которое впервые вошли члены «Опус деи». Министром торговли стал А. Ульястрес — «нумерарио», министром финансов назначили М. Наварро Рубио — «супернумерарио» из «Опус деи» [35]. Во главе других хозяйственных министерств также оказались лица, в большей или меньшей степени связанные с этой организацией. С другой стороны, представительство «старой» фаланги было заметно ослаблено. Ф. Франко дал отставку Х. Л. Арресе и Х. А. Хирону. Генеральным секретарем фаланги стал Х. Солис, занимавшийся в основном вопросами профсоюзной политики.

Образованием этого правительства был положен конец расчетам фалангистов на осуществление сверху второго тура фалангизации Испании. Проекты Х. Л. Арресе — в той своей части, где они отвечали этому стремлению,— были отвергнуты. Представители «малой» фаланги сохранили за собой сравнительно сильные позиции в правительстве, вертикальных профсоюзах и Национальном движении. Но в целом влияние фалангистов упало. Самый термин «фаланга», представлявший с 1937 г. единую государственную партию, через 20 лет сузил свое значение, и им стало принято называть только «малую» фалангу, одну из составных частей Национального движения. Л. Гонсалес Висен и группа его сторонников перешли в оппозицию.

В противоположность фалангистам министры-опусдеисты избегали политических деклараций. Пресса определила их как технических специалистов, впоследствии — как технократов. «Мой опыт в области частного предпринимательства всегда возвращает меня к чувству конкретной реальности и практической жизни»,— заявил А. Ульястрес, принимая полномочия министра. «Не ожидайте от своего министра и от этого правительства спектаклей или чудес»,— сказал в той же ситуации Г. Вильяльви, министр без портфеля, ведавший вопросами координации экономики [36]. Эти первые министры «третьей силы» в сфере своей непосредственной деятельности — торговле, финансах, экономической политике в целом — стали следовать определенному курсу, сущность которого сводилась к либерализации экономики, хозяйственной реформе, отказу от автаркии.

Совершившееся таким образом вступление опусдеистов в правительство положило начало длительному периоду их непосредственного «участия» во франкистской системе государственной власти. Выдвижение опусдеистов изменило прежнее соотношение сил между различными группировками, поддерживавшими режим. Наиболее важным сдвигом было оттеснение фалангистов и представителей «Католического действия», претендовавших ранее на ведущую политическую роль. Укрепление опусдеистского влия-

[35] «Нумерарио» и «супернумерарио» — различные категории членов «Опус деи».

[36] *Fernandez de Castro J., Martinez J.* España hoy. S. l., 1963, p. 32.

ния было связано в первую очередь с благоприятными для испанской буржуазии результатами экономической политики министров из «Опус деи».

Решительно преодолевая сопротивление сторонников автаркии, министры-опусдеисты подготовили проведение глубокой хозяйственной реформы, получившей наименование Плана стабилизации экономики. «Уже в 1957 г. началось применение первых мер, предназначенных для стабилизации экономического положения, хотя они и не были полностью утверждены до 1959 г.»,— писал впоследствии Х. А. Суансес Фернандес, президент Национального института промышленности, добавляя, что среди этих мер было и правительственное решение о снятии возглавляемого им института с государственной дотации. Предприятия института, переведенные на хозрасчет, должны были изыскивать средства, торгуя на бирже своими акциями [37]. Вслед за тем в 1958 г. было принято важное решение о переходе к системе коллективных договоров на предприятиях. В том же году Испания присоединилась к Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международному валютному фонду (МВФ) и Банку реконструкции и развития.

Основная хозяйственная реформа — План стабилизации экономики — стала проводиться в жизнь с лета 1959 г. Она была обеспечена крупным международным займом и разработана совместно с представителями ОЭСР и МВФ. Рядом правительственных декретов в Испании было покончено с автаркией в той мере, в какой она поддерживалась самой государственной системой. Правительство постепенно отменило существовавшие количественные ограничения во внешней торговле и установило более льготные условия для иностранных инвестиций в испанскую промышленность. Эти энергичные, рвущие с фалангистской традицией мероприятия в хозяйственной области соединялись у правительства с жестким политическим курсом, чуждым каких-либо либерализаторских тенденций. В том, в чем это зависело от действий самого правительства, диктатура сохранялась и поддерживалась, хотя пробуждавшаяся общественная жизнь исподволь ослабляла государственные запреты.

В июле 1957 г. был издан закон о юридическом режиме государственной администрации, суть которого состояла в более тщательном юридическом оформлении существующего положения дел. В качестве высших органов администрации в нем были названы глава государства, совет министров, государственные комитеты, председатель правительства и министры. Глава государства Франко вновь объявлялся также председателем правительства, генералиссимусом армии, «представителем нации и высшей главой исполнительной власти» [38]. Закон впервые определил

[37] *Suanzes Fernandez J. A.* L'Institut Nacional d'Industrie.— «Syntheses», 1962, N 199, p. 227, 236.

[38] España es asi, p. 19.

функции председателя правительства, отделив их, пока чисто формально, от прерогатив главы государства. Но неизменность фактической концентрации власти в руках Ф. Франко обесценивала подобного рода юридические сдвиги, равно как и совершавшийся в это время постепенный отход от национал-синдикалистской терминологии в законодательстве.

17 мая 1958 г. был принят закон о принципах Национального движения, вошедший в число «основных законов» франкистского государства. Провозглашенные в законе принципы имели значение программных и фактически заменяли собой «26 пунктов» Х. А. Примо де Ривера. «Испанский народ,— говорилось в законе,— соединенный правовыми узами и вдохновленный постулатами власти, свободы и служения, образует национальное государство, политической формой которого — в соответствии с незыблемыми принципами Национального движения, законом о наследовании и другими основными законами — является традиционная, католическая, социальная и представительная монархия». Вновь подтверждался принцип «органического представительства народа» через посредство «таких правовых институтов, как семья, муниципалитет и профсоюз» [39]. Для поступления на административные должности требовалась обязательная рекомендация информационного отдела Национального движения. Обновленная программа «большой» фаланги была отныне прочно соединена с реальной конструкцией франкистского государства и его политикой. Со времени издания этого закона в государственной практике франкистской Испании укоренилось наименование партии как Национального движения.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ГРАНИЦАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Начало 60-х годов открыло новый период существования режима. Отличительными чертами нового периода были мощные экономические и социальные сдвиги, вызванные отказом от устоявшейся системы автаркии, подъем общественного движения, добившегося определенного ограничения государственного вмешательства в гражданскую жизнь, важные изменения в функционировании и отчасти в структуре франкистской государственной машины.

В течение первых двух лет осуществления Плана стабилизации и перехода Испании на положение страны с «открытой экономикой» наметился спад промышленного производства в ряде отраслей. Многие предприятия оказались неплатежеспособными. Сократилась занятость, что послужило толчком для начала массовой эмиграции испанских рабочих на заработки в страны Западной Европы.

---

[39] *Díaz Plaja F.* Op. cit., p. 330—333.

С середины 1961 г. Испания вступила в полосу длительного промышленного подъема, который позволил говорить об «испанском экономическом чуде». Промышленное развитие в 60-х годах шло по пути интенсификации производства. Темпы роста промышленной продукции в 1963—1972 гг. держались на уровне 10,7% годовых. Валовой национальный продукт возрастал в 1961—1971 гг. в среднем на 7,6% в год. В первой половине 60-х годов производительность труда в расчете на одного занятого в промышленности выросла на 52%, т. е. почти в 2 раза больше, чем за предшествующее десятилетие [40]. Выросли валютные запасы, обновился основной капитал предприятий, появились новые отрасли промышленности, использовались последние достижения научно-технической революции.

Экономическое развитие 60-х годов существенно изменило структуру самодеятельного населения. В 1960 г. доля занятых в сельском хозяйстве еще составляла 39,7%, в промышленности — 32,9, в сфере услуг — 27,3%. В 1970 г. в сельском хозяйстве было занято всего 29,1% самодеятельного населения — меньше, чем в промышленности (37,2%) и в сфере услуг (33,6%) [41]. Промышленный бум и урбанизация сопровождались массовой миграцией населения внутри страны. В течение 1961—1965 гг. около 877 тыс. жителей переселились со всех концов страны в области интенсивного промышленного развития [42]. Начиная с 50-х годов испанская статистика зафиксировала существование ярко выраженных «провинций эмиграции» (Эстремадура, Андалусия, Кастилия, Галисия) и «провинций иммиграции» — Барселона, Мадрид, Валенсия, Бискайя и др. В рамках общего процесса индустриализации происходила дальнейшая аграризация экономики ряда провинций Испании [43].

В 60-х годах государственное вмешательство в развитие испанской экономики приняло формы, более соответствующие практике других западноевропейских государств. Господствовавшая в предшествующий период система жесткого административного контроля была ликвидирована. Декретом, изданным 26 января 1963 г., устанавливалось «свободное основание, расширение и перемещение промышленных предприятий на национальной территории». Крупные частные компании получили чрезвычайно благоприятные условия государственного кредитования. Соответственно упала экономическая роль Национального института промышленности. В смешанных, государственно-частных компаниях вновь усилилась активность частного капитала.

Министры-опусдеисты пытались компенсировать этот процесс переходом к политике экономического программирования. После

[40] Испания. 1918—1972 гг. Исторический очерк, с. 390; «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 7, с. 46.
[41] *Tamames R.* La Republica. La Era de Franco, Madrid, 1974, p. 410.
[42] Ibid., p. 412.
[43] Проблемы испанской истории. 1971. М., 1971, с. 399.

прекращения действия Плана стабилизации экономики был принят первый План развития (1964—1967 гг.), за ним последовали второй (1968—1971 гг.) и третий (1972—1975 гг.) планы. Франкистские экономические программы предусматривали согласованные действия государственной администрации и предпринимателей для достижения установленных показателей продуктивности и строительства намеченных объектов. Для предпринимателей, участвовавших в осуществлении правительственных программ, были установлены преимущества в получении кредитов, уменьшалось налогообложение и т. п. Определенные обязательства по выполнению четырехлетних планов возлагались на предприятия Национального института промышленности.

Оценивая франкистскую политику экономического программирования, испанский экономист Рамон Тамамес писал, что государственные планы «не носили характера действительных предписаний для частного сектора»: «фактически экономическая активность во многих направлениях так отличалась от намеченной программы, что ее нельзя было рассматривать как запланированную» [44].

Восстановление открытой рыночной экономики противоречило как фалангистской доктрине, так и практической политике франкистского государства на протяжении 40—50 годов. Испания перестала быть страной «контролируемой экономики» фашистского образца. Вертикальные профсоюзы в 60-х годах утратили свое былое влияние в хозяйственной сфере, где режим уже не в состоянии был осуществлять «политику диктата». Тем самым функции испанской корпоративной системы были значительно сужены. Все это непосредственно отразилось на политической системе в целом. Тоталитарные структуры франкизма не были приспособлены к динамизму, который в этот период стал характерным для экономической и социально-политической жизни страны [45].

Социальные сдвиги, происходившие в результате экономического развития 60-х годов, в свою очередь воздействовали на политическую систему франкистской Испании. Развитие индустриализации привело к возрастанию численности рабочего класса (3850 тыс. промышленных рабочих в 1970 г. сравнительно с менее 2 млн. в 1939 г.), вобравшего в себя значительную часть населения, мигрировавшего из сельских областей. Одним из социальных последствий реформы и промышленного бума был кризис малорентабельных предприятий и крестьянских хозяйств. В начале 60-х годов разорилось примерно 100 тыс. крестьянских хозяйств [46]. Численность сельскохозяйственных рабочих сократилась до 700 тыс. человек в 1970 г. (2 млн.— в 1939 г.) [47]. Ис-

[44] *Tamames R.* Op. cit., p. 417—472.
[45] Подробнее см.: *Висенс Х.* Тернистый путь модернизации.— В кн.: Испания. 1918—1972 гг. Исторический очерк.
[46] «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 7, с. 48.
[47] *Tamames R.* Op. cit., p. 389—391.

панская промышленность и сфера услуг при всей интенсивности своего развития не успевали поглощать этот исход населения из деревни. Чтобы избежать нарастания безработицы, франкизм стал поощрять практику временной эмиграции испанцев в страны Западной Европы.

Особенностью испанского индустриального развития 60-х годов была его тесная взаимосвязь с такими явлениями, как массовая эмиграция испанской рабочей силы за границу и развитие иностранного туризма. Оба эти процесса, не входившие в первоначальные расчеты авторов Плана стабилизации, сыграли самую существенную роль в его проведении.

В сентябре 1963 г. франкистское правительство объявило об отмене выездных виз для испанских граждан; в первую очередь для того, чтобы облегчить поездки испанских рабочих на заработки в страны Западной Европы. С 1960 по 1972 г. из Испании выехало в общей сложности около 2,5 млн. человек [48]; большая часть из них, сохраняя испанское подданство, осела в качестве наемных рабочих в ФРГ, Франции, Швейцарии и других странах. Денежные переводы эмигрантов способствовали улучшению платежного баланса Испании.

С начала 60-х годов Испания стала страной массового иностранного туризма. Поступления от туризма (856 млн. дол. в одном только 1965 г.) также превратились в существенный источник промышленного финансирования. В 1963 г. Испанию посетило 11 млн., в 1965 г.— 14 млн., в 1972 г.— 32 млн. человек. С обслуживанием иностранных туристов оказались связанными большие массы людей торговых, промышленных, строительных предприятий, банков и т. п.— возвращение к национальной изоляции было бы теперь крайне затруднено.

Таким образом, с началом 60-х годов испанское общество освободилось от прежней замкнутости, как экономической, так — частично — и политической. Отказ от автаркии, от жестких форм административного контроля над экономикой, переход к системе коллективных договоров на предприятиях и, наконец, «открытие границ» — все это были изменения, подрывавшие самые основания национал-синдикалистской государственности 40—50-х годов.

Одновременно произошли значительные перемены в положении и формах деятельности антифранкистской оппозиции.

Социально-политическое воздействие рабочего движения резко возросло. В состав рабочего класса влилось молодое поколение, выросшее после окончания гражданской войны. Значительная часть этой молодежи играла активную роль в промышленных конфликтах и антифранкистских выступлениях 60-х годов.

«Незаконное» стачечное движение превратилось теперь в повседневное явление испанской действительности. Весной 1962 г.

---

[48] Informe sociologico sobre la situacion social de España (FOESSA). Madrid, 1970, p. 576; «Cuadernos para el dialogo» (Madrid), 1974, mayo, p. 23.

волна забастовочного движения, начавшаяся в Астурии и Стране басков, охватила 24 из 50 провинций. Власти были вынуждены вступить в переговоры с бастующими, и требования рабочих были частично удовлетворены. С этого времени стачечная борьба приняла более уверенный, наступательный характер. Используя благоприятную экономическую конъюнктуру, испанские трудящиеся добились в 60-х годах повышения своего жизненного уровня. Реальная заработная плата возрастала в среднем на 5,8% в год [49]. Трудовые отношения на предприятиях определялись системой коллективных договоров, которые получили широкое распространение с 1962 г. (в 1958—1961 гг. было заключено всего 828 коллективных договоров, в 1962—1967 гг.— 6698) [50].

Во второй половине 60-х годов средняя численность участников испанских забастовок составляла 284 тыс. человек в год, в результате чего Испания прочно заняла четвертое место по числу бастующих среди западноевропейских стран (после Италии, Великобритании и Франции).

В ходе массового забастовочного движения возникли новые рабочие объединения — так называемые «рабочие комиссии», превратившиеся в оппозиционный противовес официальным франкистским профсоюзам. «Рабочие комиссии» создавались как представительства рабочих отдельных предприятий и целых отраслей промышленности, городов и провинций. В 1967 г. состоялась Национальная ассамблея «рабочих комиссий» всей страны. Оставаясь нелегальными организациями, «рабочие комиссии» время от времени добивались своего фактического признания властями и предпринимателями. У руководства вертикальных профсоюзов первоначально были иллюзии, что оно сможет подчинить своему контролю «рабочие комиссии» и использовать их для духовного возрождения официального синдикализма [51]. Эти иллюзии вскоре исчезли. «Рабочие комиссии» стали преследоваться как «подрывные ассоциации». Но движение «рабочих комиссий» продолжало расширяться.

На профсоюзных выборах 1966 г. представители «рабочих комиссий» впервые добились заметного успеха, закрепив за собой определенные позиции на нижних ступенях аппарата вертикальных профсоюзов. Деятельность «рабочих комиссий», построенных на классовой основе, взламывала корпоративную структуру франкистских синдикатов. С середины 60-х годов комиссии стали основной организующей силой стачечной борьбы и антифранкистских рабочих манифестаций. Ведущую роль в развитии этой новой формы испанского рабочего движения играла компартия. «Рабочие комиссии представляют социально-политическое, открытое и объективно революционное движение, которое в настоящих

[49] Испания 1918—1972. Исторический очерк, с. 396.
[50] Annario politico español 1969. Madrid, 1970, p. 466.
[51] «Nuestra Bandera», 1975, N 82, p. 22.

условиях приняло на себя функции, соответствующие в иной исторической обстановке классовым профсоюзам»,— говорил член Координационного комитета «рабочих комиссий» Марселино Камачо [52]. Появились также «крестьянские комиссии», аналогичные объединения инженеров, врачей, адвокатов и т. п.

Активно действовали в 60-х годах «Рабочие братства Католического действия», требовавшие от властей признания своего права выступать в качестве профсоюзов.

Характерной чертой антифранкистского движения в 60-х годах было формирование внутри страны относительно устойчивых секторов оппозиционного общественного мнения и соответствующих им нелегальных политических организаций.

В 60-х и начале 70-х годов в Испании действовали две партии христианских демократов и несколько независимых групп «левых католиков», либерально-монархическая партия Испанский союз, Социальная партия демократического действия, группы «новых социалистов» (сохранявшие фактическую независимость по отношению к эмигрантскому руководству ИСРП), националистические организации каталонцев, басков и галисийцев, а также сильно увеличившая свое влияние КПИ. Те эмигрантские центры, которые не сумели в изменившихся условиях получить новую массовую поддержку внутри самой Испании, потеряли свое былое значение среди оппозиционных сил. Большой активностью отличались перешедшие в оппозицию группировки «левых фалангистов» и карлистов.

Этот многоликий политический спектр, полностью отстраненный в силу франкистского законодательства от участия в институтах государственного управления, был тем не менее уже достаточно ясно различим на страницах испанской прессы. Под покровительством аббатства Монсеррат издавался журнал каталонских «прогрессистов» «Сэрра д'Ор»; либеральные взгляды отражались в «Ревиста де Оксиденте», «Инсула», «Дестино»; «левые фалангисты» издавали «Индисе», прогрессивные католики — «Эль Сиерво» и т. д. В 1963 г. бывший министр Х. Руис Хименес основал в Мадриде левокатолический журнал «Куадернос пара эль диалого», предоставивший свои страницы представителям различных левых направлений, в том числе компартии. В 60-х годах наметилось также выделение группы левых опусдеистских политиков, которые стали издавать оппозиционную газету «Мадрид». В более или менее замаскированном и смягченном виде эти легальные органы печати доносили до читателей существо своей политической концепции и критиковали режим. В то же время резко возросла циркуляция в стране нелегальных печатных изданий левых оппозиционных сил.

Возрождение гражданского общества, восстановление в нем внутренних связей, оборванных в период жесткой диктатуры, яв-

[52] *Camacho M.* Charlas en la prisien. Paris, 1974, p. 82.

лялись сами по себе важным свидетельством перемен, происходивших в Испании.

В поисках политической стабильности франкизм был вынужден в 60-х годах осуществлять политику умеренной либерализации. В правительственных декларациях того времени подчеркивалось, что «процесс институционализации (конституирования) режима» еще не завершен, и вновь принимавшиеся законы трактовались как естественный путь развития этого режима, «открытого в направлении перемен» [53]. В проведении политики либерализации большую роль играли министры-опусдеисты, последовательно усиливавшие свои позиции в правительствах 1962, 1965, 1969 гг. В кабинете, сформированном 29 октября 1969 г., влияние опусдеистов было уже столь значительным, что его называли «одноцветным». Ф. Франко объявил 60-е годы периодом «величайших свершений» [54].

Политическая идеология франкизма в тот период была составлена из нескольких основных элементов (принципов): 1) сохранение и преемственность исключительной власти главы государства (каудильо, короля); 2) сохранение и «совершенствование» Национального движения и профсоюзов; 3) осуждение как неприемлемых для Испании «крайностей» — многопартийности и парламентаризма; 4) превращение Испании в «правовое государство» посредством модернизации и упорядочения франкистского законодательства, с одной стороны, и предоставления испанцам ряда контролируемых свобод — с другой. Идеологическая несовместимость этих постулатов с желаниями оппозиции не помешала тому, что последняя использовала каждое расширение гражданских прав для дальнейшей активизации политической жизни.

В 1965 г. был изменен текст 222-й статьи уголовного кодекса с тем, чтобы исключить экономические забастовки из числа уголовных преступлений. Политические стачки по-прежнему рассматривались как мятеж. С этого времени в Испании впервые после длительного перерыва стали публиковаться официальные статистические данные о трудовых конфликтах. Вынужденная уступка принципиально противоречила первоначальной догматике фаланги, определявшей стачки как «угрозу нации».

Затем 18 марта 1966 г. последовал закон о прессе, ликвидировавший предварительную цензуру. Закон сопровождался серией декретов, которые определили категории санкций против органов печати, публикующих «подрывную, ложную или секретную» информацию. Наиболее серьезные меры в отношении печати проводились законом от 5 апреля 1968 г. о государственной секретности, запрещавшим публикацию многих важных тем общественного значения. За один только год (с апреля 1968 по апрель

[53] Anuario politico español 1969, p. 192.
[54] Ibid., p. 216.

1969 г.) было возбуждено 200 дел и наложено 118 штрафов и других наказаний на испанскую печать [55]. Но по сравнению с периодом до 1966 г. положение прессы стало намного свободнее. Об этом свидетельствовал и значительный рост числа издававшихся газет и журналов.

Франкизм был вынужден также пойти навстречу обновленческому движению в католической церкви, принявшей во втором Ватиканском соборе 7 декабря 1965 г. декларацию о церковной свободе. 28 июня 1967 г. в Испании был опубликован закон о гражданском праве в сфере религиозной свободы. В нем говорилось, что «религиозные верования не дают основания для неравенства испанцев перед законом». Большое значение для испанского общества имело содержавшееся в законе освобождение инакомыслящих от обязанности присутствовать на всех религиозных церемониях — в армии и школах.

Кульминационным моментом во франкистском политическом законодательстве 60-х годов было принятие «органического закона государства», ставшего седьмым «основным законом» страны. 22 ноября 1966 г. кортесы без обсуждения одобрили представленный самим Франко проект этого закона, а 14 декабря 1966 г. состоялся второй в истории франкистской Испании референдум, итогом которого было окончательное принятие «органического закона». За него проголосовали 18 643 тыс. человек, что составляло 85,5% избирателей и 95,86% участвовавших в голосовании [56]. Официальная пропаганда расценивала результаты референдума как красноречивое свидетельство народной поддержки режима. Однако в действительности причины массового голосования «за» нельзя было оценивать столь однозначно. Известный писатель Хосе Мариа Пеман в остроумной статье сравнил «органический закон» с головкой сыра: некоторые, писал он, голосовали за сыр, а некоторые — за дырки в сыре. Многие избиратели видели в новом «основном законе» хоть какие-то либерализаторские просветы, за которые они и отдали свои голоса.

«Органический закон государства», введенный в силу 10 января 1967 г., предусматривал среди прочего расширение избираемой части кортесов. Создавалось так называемое «семейное представительство» — 108 депутатов (прокурадоров), избранных прямым голосованием главами семей и замужними женщинами. Увеличился удельный вес группы депутатов, прошедших в кортесы на основе многоступенчатой системы голосования от профсоюзов, профессиональных и культурных корпораций. Но и группа назначенных или прошедших «по положению» депутатов оставалась весьма большой (153 из общего числа 564 депутатов кортесов) [57].

---

[55] Ibid., p. 290.
[56] *Georgel J.* Le Franquisme. Paris, 1970, p. 194; *Tamames R.* Op. cit., p. 490.
[57] «Cuadernos para el dialogo», 1967, N 50, p. 28.

Общественное брожение отразилось на букве «органического закона» глухим упоминанием о «политических ассоциациях». Допускалась возможность создания в будущем — в рамках Национального движения — организаций, представляющих «различные мнения в вопросах политического действия». Выражение — «будущий политический плюрализм» — стало употребительным не только в среде оппозиции, но и в официальных кругах, вкладывавших в него свой, ограниченный смысл.

Третье, привлекавшее к себе внимание положение «органического закона» касалось функций главы правительства, определенных под углом зрения подчиненности его полномочий прерогативам главы государства. Это рассматривалось как показатель скорого создания правительства во главе с премьер-министром и сосредоточения Франко на обязанностях главы государства.

Ожидания тех, кто поверил в быстрые политические сдвиги, были обмануты: Франко еще в течение шести с лишним лет отказывался назначить главу правительства, а в отношении политических свобод у франкистских властей наблюдался в конце 60-х годов определенный откат назад. В 1962 г. Франко создал пост вице-президента — своего заместителя как главы правительства. В сентябре 1967 г. этот пост занял адмирал Л. Карреро Бланко, в течение долгих лет бывший членом кабинета в более скромной должности министра-помощника. Лично близкий диктатору, по оценке оппозиционной прессы его «второе я», Л. Карреро Бланко постепенно определился в качестве единственно возможного кандидата на пост премьера и заместителя Франко «во время его отпуска, отсутствия или болезни». В 60-х годах Карреро Бланко покровительствовал политикам из «Опус деи» и был тем самым причастен к эволюционистскому курсу в экономике, одновременно выступая инициатором жестких мер для поддержания «порядка и права». Своим выдвижением Карреро Бланко был в первую очередь обязан выбору самого диктатора. Таким образом, Франко стремился продлить на будущее систему личной власти, рассчитывая на определенных людей, которым он собирался доверить, частично или полностью, свои исключительные полномочия.

22—23 июля 1969 г. чрезвычайная сессия кортесов одобрила по предложению Ф. Франко кандидатуру его преемника на посту главы государства. Им стал внук Альфонса XIII принц Хуан Карлос Бурбон-и-Бурбон, уже давно предназначенный Франко для этой роли, в обход «склонного к либерализму» его отца дон Хуана, жившего в эмиграции. Хуан Карлос, по словам Франко, должен был стать королем «монархии Национального движения» [58].

На протяжении 60-х годов было объявлено шесть частичных амнистий, и в результате общая численность заключенных в испанских тюрьмах уменьшилась. По данным на 1 декабря 1966 г.,

[58] Anuario politico español 1969, p. 197.

в Испании сидело в тюрьмах 20,7 тыс. человек, из них 1,3 тыс. относились к категории политических[59]. Декретами 12 ноября 1966 г. и 29 марта 1969 г. была уничтожена сначала политическая, а затем уголовная ответственность за события, связанные с гражданской войной. Так, через 30 лет после войны 1936—1939 гг. вступил в действие франкистский «срок давности». Но вопрос об амнистии продолжал оставаться одной из самых животрепещущих проблем страны: каждый год приносил с собой новые аресты и новые судебные преследования лиц, обвиненных властями в «незаконных политических акциях».

Многие представители либеральной профессуры были лишены права преподавания в университетах; другие участники оппозиционного движения высылались на определенный срок из страны; трибуналы общественного порядка выносили по политическим обвинениям приговоры — от нескольких месяцев тюремного заключения до 20 с лишним лет; наконец, имели место редкие, но потрясавшие страну случаи вынесения смертных приговоров. В 1963 г. по приговору суда были казнены два анархиста и коммунист Х. Гримау. В 1970 г. были приговорены к смертной казни шесть членов баскской националистической организации ЭТА[60]. Под давлением общественного движения протеста Франко заменил для них смертную казнь 30-летним тюремным заключением.

Режим многократно использовал такую меру, как введение чрезвычайного положения, во время которого вновь восстанавливалась предварительная цензура, прекращалось действие части статей из «Хартии испанцев». В 1969 г. чрезвычайное положение было установлено на два месяца во всех районах страны.

Повороты в сторону более жесткой политики были проявлением политического кризиса режима, неспособного справиться с развитием центробежных общественных сил. Подготовка закона о политических ассоциациях растянулась на долгие годы, а принятый в 1970 г. закон о профсоюзах не внес принципиальных изменений в систему вертикальных синдикатов. Идеологи Национального движения заговорили о том, что дальнейшее продвижение страны «по пути либерализации» невозможно, пока не будет создана «цивилизованная левая» — под этим, в частности, имелось в виду ограничение оппозиционных выступлений предусмотренными сверху границами легальности.

Общественное движение постоянно преступало эти границы. Не только левые, но и умеренные, и правые оппозиционные силы стремились к формированию открыто действующих политических организаций, то и дело выходя на поверхность общественной жизни со своими «незаконными» совещаниями, протестами, демонстрациями. В своих репрессивных акциях режим диффе-

[59] *Georgel J.* Op. cit., p. 205.

[60] «Euzkadi Ta Azkatasuna» — «Страна басков и ее свобода». Подробнее см. Рапп-Лантерон Э. Национальный вопрос в современной Испании.— В кн.: Расы и народы. М., 1976.

ренцировал оппозиционные силы. Высшая степень обвинения — в подрывной деятельности — распространялась в первую очередь на компартию, различные организации социалистов и на организации, применявшие индивидуальный террор (анархистскую «Либертарную молодежь Иберийской федерации», баскскую ЭТА и др.).

Конец 60-х и начало 70-х годов были отмечены в Испании радикализацией общественно-политических взглядов значительной части населения страны. Влияние компартии заметно возросло в «рабочих комиссиях», среди представителей левой интеллигенции. Отражением этого процесса был выдвинутый компартией лозунг — «альянс сил труда и культуры». Ряд снискавших популярность писателей, кинематографистов, художников, историков, экономистов стали марксистами. Обнаружилось левое течение в испанском клире, сотрудничавшее с нелегальными рабочими организациями. В то же время усилилась террористическая деятельность ЭТА и других левоэкстремистских группировок.

О политическом кризисе франкистского «корпоративно-правового» государства свидетельствовали также новые противоречия и перегруппировки в правящих кругах страны.

Несмотря на то что ведущую роль в правительстве вплоть до конца 1973 г. играли опусдеисты, церковь в целом переставала быть одной из опор франкизма. Обновленческое движение, поддержанное теперь значительной частью высшего испанского клира, отстаивало «принцип политического плюрализма» в понимании, близком оппозиции. Влияние обновленчества стало особенно сильным после того, как в 1968 г. главой испанской церкви стал В. Энрике Таранкон, сторонник активного участия духовенства в разрешении «проблем социальной справедливости и прав человека». Правое крыло испанской церковной иерархии возглавлял епископ Х. Герра Кампос, выступавший за сохранение прежних отношений между церковью и франкизмом. На регулярно созывавшихся ассамблеях испанских епископов правые иерархи часто оказывались в меньшинстве. В начале 1973 г., протестуя против обновленческой декларации XVII ассамблеи испанских епископов, они провели сепаратную ассамблею, тем самым продемонстрировав невольно свое положение внутрицерковной оппозиции.

Политическая фракция «Опус деи» обладала в 1969—1973 гг. максимальным влиянием в правительстве страны; но именно эти годы характеризовались падением ее авторитета среди других франкистских групп. Слева обозначились неопределенные контуры стоявшей вне правительства «эволюционистской группы», недовольной приостановкой в проведении планировавшихся реформ. Среди «эволюционистов» в то время были бывшие министры М. Фрага Ирибарне и Х. А. Хирон, дипломат Х. М. де Арейльса и некоторые другие франкистские деятели различных идеологических оттенков. Справа сформировалось движение так называемых «ультра», обвинявших опусдеистов в расшатывании режима путем его либерализации. В 1969 г. лидер крайне правых, депу-

тат кортесов Блас Пиньяр Лопес организовал «национально-христианскую» группировку, связанную с журналом «Фуэрса нуэва». Крайне правые проявили особое недовольство положением в церкви, требуя принятия политических мер против «красных священников». В мае 1973 г. убийство полицейского одной из групп левоэкстремистской молодежи вызвало демонстрации правых, направленные на отстранение от власти «слабого» правительства. Лозунгами «ультра» были «Да здравствует Франко!», «Власть — армии!», «Франко — да, Опус деи — нет!»

В июне 1973 г. Франко наконец решился передать Л. Карреро Бланко полномочия главы правительства, сохранив за собой посты главы государства и каудильо Национального движения. Но 20 декабря 1973 г. премьер был убит террористической группой баскской ЭТА, руководство которой подтвердило свою ответственность за этот акт. Похороны Л. Карреро Бланко сопровождались массовыми манифестациями правых сил.

Активизация «ультра», прямо не поддерживавшаяся властями, создала для Франко новые возможности маневрирования. Образованное 30 декабря правительство во главе с К. Ариас Наварро снова объявило программу либерализации, которую стали называть преимущественно «апертуризмом» (открытостью). Выступая 12 февраля 1974 г. с программной речью в кортесах, Ариас Наварро говорил о необходимости «продолжать политическую эволюцию с тем, чтобы достигнуть соответствия с реальным настоящим своей страны»[61]. В кабинет Ариас Наварро не вошел ни один из явных членов «Опус деи»: их уход с официальной авансцены отвел от правительства волну народного недовольства, связанного с длительным пребыванием у власти лиц из закрытой религиозной организации; кроме того, этим были частично удовлетворены и «ультра». Общественно-политическое влияние опусдеизма сохранилось, но проявлялось в менее заметной форме.

Политика «апертуризма», осуществлявшаяся в 1974—1975 гг., отличалась той же замедленностью и нерешительностью, что и либерализаторская политика 60-х годов. Эти черты только усилились под влиянием таких неблагоприятных для режима факторов, как свержение фашистского режима в соседней Португалии, снижение экономических показателей в связи с воздействием европейского экономического спада, болезнь старого каудильо. Главным шагом по пути «апертуризма» было издание в декабре 1974 г. закона о политических ассоциациях. Создание таких объединений разрешалось лишь в границах Национального движения и с подчинением его Национальному совету. Каждая ассоциация должна была иметь по крайней мере 25 тыс. членов, распределенных не менее чем в 15 провинциях страны. Она могла соответственно организовывать свои провинциальные и мест-

[61] «ABC», 3.XII 1974.

ные отделения. Оговаривалась возможность участия политических ассоциаций в выборах при условии сохранения «органического характера политического представительства» в кортесах [62]. Практическое применение этого закона было заторможено. В январе 1975 г. получил отказ М. Фрага Ирибарне, попытавшийся создать политическую ассоциацию умеренного либерализаторского толка. Закон об ассоциациях оказался безжизненным. Его издание было встречено резкой критикой со стороны оппозиции.

Запоздалым и в значительной степени формальным мероприятием выглядел следующий шаг апертуристской политики — принятие декрета о регулировании трудовых конфликтов (май 1975 г.), разрешавшего экономические забастовки [63].

Одновременно усилились преследования левых антифранкистских сил. Представители центрального руководства «рабочих комиссий» во главе с Марселино Камачо были приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Летом 1975 г. был утвержден чрезвычайный закон о борьбе с терроризмом, рассматривавшийся оппозицией как возвращение к репрессивному законодательству 40—50-х годов. Смертная казнь была применена вновь сначала к убийцам Карреро Бланко, затем, 27 сентября 1975 г., к пяти другим террористам из левоэкстремистских организаций. Эта казнь вызвала дипломатические демарши многих государств, отозвавших своих послов из Испании [64].

В развитии левой оппозиции, отрицательно расценивавшей возможности правительственного «апертуризма», возобладала тенденция к объединению. Образовались коалиционные центры «Демократическая хунта» (с участием КПИ, ряда социалистических и либеральных групп) и «Платформа демократической конвергенции» (социалистическая рабочая партия, группы левых демохристиан и т. п.), заключившие между собой соглашение о совместных действиях. В декларации от 30 октября 1975 г. они объявляли о своей решимости «более чем когда-либо развертывать политическое действие, мирное по своему характеру, для построения испанского государства демократической плюралистской системы, основанной на народном суверенитете» [65].

20 ноября 1975 г.— день смерти Ф. Франко — отграничил начало нового этапа в развитии режима. Главой государства, соответственно законам, стал Хуан Карлос Бурбон-и-Бурбон, получивший титул короля. Однако практически Хуан Карлос I оказался лишенным многих элементов того, что определяло личную власть Ф. Франко. Со сменой правителя изменился и связанный с личностью диктатора негласный механизм балансирования между генералитетом и партийной бюрократией, между «ультра» и

[62] «ABC», 4.XII 1974.
[63] Уголовное преследование за экономические стачки было прекращено, как известно, в 1965 г.
[64] ГДР, Мексика, Голландия и др.
[65] «Mundo Obrero», 4.XI 1975.

«эволюционистами» и т. п. Звание каудильо после смерти Франко не унаследовал никто. Главой Национального движения с наименованием «хефе» стал не король, а премьер-министр Ариас Наварро — существенное нововведение в структуре власти франкистской Испании. С другой стороны, король не был лично ответствен за прошлое франкистского режима и, следовательно, был более пригоден для политического маневрирования, чем Франко. В новое правительство К. Ариас Наварро были включены «эволюционисты», провозгласившие курс расширенного «апертуризма».

Происшедший сдвиг был зафиксирован в изменении политического климата в стране. Оппозиционные группировки и партии стали функционировать более открыто, созывая пресс-конференции, проводя нелегализованные, но и не запрещенные совещания и съезды. В марте 1976 г. изменением уголовного кодекса было наконец разрешено легальное существование некоторых, относительно умеренных, политических партий. Открывался давно подготавливаемый оппозицией период «выхода на поверхность» различных политических сил; специфические черты этого периода были во многом отличны от тех, что характеризовали историю Испании предшествующих десятилетий.

Итак, рассмотрение длительной эволюции франкистского режима в послевоенные годы обнаруживает процесс постепенного размывания его первоначальных фашистских черт. Западные прогнозисты неоднократно пытались вести начало «послефранкизма» от той или иной вехи в истории франкистской Испании (конкордат 1953 г., правительство февраля 1957 г. с первыми министрами из «Опус деи», план стабилизации 1959 г., отмена предварительной цензуры в 1966 г., «органический закон государства» 1967 г., назначение главы правительства в 1973 г. и т. п.). Со своей стороны, франкистские официальные инстанции настойчиво проводили мысль как об органической преемственности всех фаз развития этого режима, так и о дальнейшей его жизнеспособности. Однако в реальности эволюция испанского режима была определенно вынужденной; франкистская политика отличалась прагматизмом, постоянным приспособлением к внутренней и внешней обстановке. Общественная жизнь в 60—70-х годах приобрела самостоятельный ритм развития и формировалась вопреки ограничительным усилиям франкистских властей. Это подтвердил и дальнейший ход политических событий в стране.

Наследники Ф. Франко сумели удержать власть, лишь уступая требованиям оппозиции, влияние которой резко возросло. Темп «контролируемых перемен» ускорился. Новое правительство, сформированное 3 июля 1976 г. А. Суарес Гонсалесом, объявило в августе широкую политическую амнистию. Правительство разрешило легализацию политических партий и организаций посредством соответствующей регистрации в министерстве внутренних дел, сняв при этом выдвигавшееся прежде условие об обязательном признании ими принципов Национального движе-

ния. Принятый кортесами законопроект «политической реформы», предусматривавший создание двухпалатного парламента, избранного на основе всеобщих и прямых выборов, был одобрен референдумом 15 декабря. В январе 1977 г. правительство ликвидировало Трибунал общественного порядка.

Вплоть до весны 1977 г. испанский режим сохранял такие особенности своей структуры, как Национальное движение и вертикальные профсоюзы. Однако их реальное значение стремительно падало. В новых условиях социальные силы, поддерживающие режим, пошли по пути создания новых политических организаций и блоков правоцентристского направления, тогда как частично легализованные силы левой оппозиции требовали дальнейшего «разрыва» с франкистской государственной традицией. 2 апреля 1977 г. правительством А. Суарес Гонсалеса был принят закондекрет о ликвидации Национального движения. За этим последовали декреты о легализации рабочих профсоюзов и компартии. Идеология и практика франкистской государственности 60-х годов, основанной на «совершенствовании и развитии» в рамках Национального движения, были тем самым также отодвинуты в прошлое.

Глава двенадцатая

НЕОФАШИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В результате второй мировой войны фашизм потерпел жестокое поражение. Благодаря совместным усилиям народов мира, прежде всего Советского Союза, были свергнуты фашистские режимы в Германии, Италии и других странах Европы. Правда, он в течение долгого времени еще существовал на самой западной оконечности европейского континента — в Испании, но и там он несколько трансформировался, а потом сошел на нет. Пример того, что народ в состоянии свергнуть фашистскую тиранию — события в Португалии и Греции.

Фашизм был разгромлен, но не были ликвидированы возможности его возрождения, классовые корни для его возникновения. Об этом свидетельствует тот факт, что в ряде стран Западной Европы вскоре после 1945 г. стали появляться неофашистские группы и даже партии.

Участники международного научного симпозиума «Новые формы фашистской опасности, усиление реакции и пути борьбы с ними», организованного редакцией журнала «Проблемы мира и социализма» в феврале 1973 г., обратили внимание на то, что если до войны фашизм играл роль главного контрреволюционного орудия капитала, главного поджигателя второй мировой войны, то в послевоенные годы неофашизм является политическим резервом империалистической буржуазии, к помощи которого она прибегает ныне крайне редко [1].

Неофашизм остается значительной потенциальной угрозой, поскольку существует постоянная опасность трансформации буржуазно-демократических режимов в фашистские. Представители коммунистических и рабочих партий на международном Совещании 1969 г. в Москве отмечали, что «империализм породил фашизм — режим политического террора и лагерей смерти. Всюду, где зто ему удается, империализм ведет наступление на демократические права и свободы, ущемляет человеческое достоинство, культивирует расизм» [2]. Опасность неофашизма резко возрастает в период острых политических кризисных ситуаций или в тот

---

[1] См.: «Проблемы мира и социализма», 1973, № 4.

[2] Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969 г. Прага, 1969, с. 20.

момент, когда рабочий класс добивается определенных успехов в осуществлении своих демократических и социальных требований. История знает немало примеров, подтверждающих, что фашизм активизируется как реакция на пролетарское движение.

В капиталистическом мире продолжают действовать факторы, способствующие возникновению неофашизма. Один из важнейших — это сдвиги в социальной структуре буржуазного общества под влиянием развития государственно-монополистического капитализма и научно-технической революции. Ослабление позиций городской мелкой буржуазии, растущее разорение и ухудшение условий жизни сравнительно массовых групп населения, таких как крестьянство, порождают не только антимонополистические настроения, но и иллюзии о возможности возврата к прежнему миру «свободной конкуренции». Подобные настроения делают эту социальную группу при определенных условиях весьма подверженной влиянию неофашистской демагогии [3]. Тем более что неофашисты хитроумно апеллируют к наболевшим нуждам и запросам масс, не останавливаются перед критикой политики буржуазных правительств и монополий [4].

Немалую роль играют и националистические настроения. Известно, что спекуляция на национальных предрассудках была типичной для фашистских движений и в прошлом. Экономическое неравенство часто преобразуется в национальные и экономические противоречия, в национальную рознь [5].

Неофашистские организации и партии в отдельных странах капиталистической Европы имеют далеко не «безобидный» характер, и фашизм на нашем континенте продолжает жить и ждет своего часа. Несмотря на последние серьезные поражения фашизма в Португалии, Греции, Испании, масштабы фашистской опасности достаточно велики.

НЕОНАЦИЗМ В ФРГ

Первые неонацистские организации в Западной Германии возникли вскоре после окончания войны. В западных оккупационных зонах, где не выполнялись основные положения Потсдамского соглашения, в частности, о денацификации, создавались благоприятные возможности для возникновения различных неонацистских организаций. Часто эти организации носили региональный характер, но иногда выходили за рамки той или иной западногерманской провинции.

Например, в 1945 г. возникла так называемая Нижнесаксонская земельная партия. В программных документах этой партии содержались националистические требования. С 1947 г. партия стала называться Немецкой партией. Во главе ее оказались быв-

[3] См.: *Галкин А. А.* Социология неофашизма. М., 1971.
[4] Современный фашизм: его обличье и борьба с ним. Прага, 1975, с. 9.
[5] См.: Критика идеологии неофашизма. М., 1976.

шие эсэсовцы и нацисты. Партия в основном действовала на севере Западной Германии. Порой численность ее членов достигала 40 тыс. человек.

Играя на националистических настроениях части западногерманского населения, Немецкая партия сумела на выборах в бундестаг в 1949 и 1953 гг. набрать необходимое число голосов для получения нескольких депутатских мандатов. Но, несмотря на то, что к Немецкой партии примкнули различные мелкие националистические группки (Немецкая партия Баварии, Свободная народная партия), влияние ее к концу 50-х годов заметно упало. Руководители партии произвели перегруппировку сил: в апреле 1961 г. на федеральном съезде Немецкой партии принимается решение о ее слиянии с Общегерманским блоком — Союзом изгнанных и бесправных и о создании новой Общегерманской партии.

Откуда же взялся этот блок? Это партия переселенцев из восточных областей бывшего третьего рейха. До начала 50-х годов существовали лишь отдельные местные организации в Баварии, Нижней Саксонии, Шлезвиг-Гольштейне и других западногерманских провинциях. Требования их носили открыто реваншистский характер, и западные оккупационные державы до поры до времени не разрешали им объединиться в одну партию. В январе 1950 г. в Шлезвиг-Гольштейне возник Комитет действия, который добился от военных властей разрешения образовать Блок изгнанных и бесправных. В первые годы своего существования этот блок добивается некоторых успехов на выборах, что позволило ему в начале 1951 г. оформиться в общефедеральную партию: в сентябре 1952 г. в Госларе состоялся ее первый съезд.

Руководство партии начинает ориентироваться не только на переселенцев, но и на ту часть западногерманского населения, которая не сделала соответствующих выводов из недалекого прошлого. Один из основных лозунгов — призыв к немецкому народу «перейти к активному сопротивлению коммунизму». Лидеры партии в 1952 г. придумывают для своей организации новое название — Общегерманский блок — Союз изгнанных и бесправных. С помощью социальной демагогии, националистических лозунгов на выборах в бундестаг 1953 г. ей удалось набрать 5,9% голосов избирателей и получить ряд депутатских мест. Но это был первый и последний успех партии на федеральном уровне. Уже на следующих выборах она начала терять своих сторонников. Многие из них предпочли отдавать голоса крупной партии монополистического капитала — ХДС/ХСС. Часть членов блока в 1961 г. решила объединиться с Немецкой партией, другие — перешли в различные неонацистские и реваншистские организации.

Одной из первых крайне правых партий, появившихся в Западной Германии, была и Немецкая правая партия, созданная уже в 1946 г.[6] Возглавили ее старые нацисты Дорлс и Рих-

[6] *Kühnl R. u. a.* Die NPD. [West] Berlin, 1967, S. 10.

тер. В первое время лидеры партии пытались как-то скрывать свою нацистскую сущность. В 1947 г. Немецкая правая партия слилась с Консервативной партией, действовавшей главным образом на территории Северного Рейна-Вестфалии. С 1949 г. ее председателем становится Адольф фон Тадден — будущий фюрер Национал-демократической партии.

Вскоре в партии происходит раскол. Один из ее руководителей — Дорлс вместе с бывшим генерал-майором гитлеровской армии Ремером и старым нацистом Крюгером в 1949 г. создает Социалистскую имперскую партию, программа действий которой носила открыто неонацистский характер [7]. Это была попытка перехода от выжидания к перегруппировке сил, к активным действиям.

Однако открыто неонацистский характер партии, выступившей в качестве «законной преемницы» НСДАП, пришелся не по вкусу правительству ФРГ. Это, в частности, подрывало авторитет нового государства на международной арене. Боннские власти обратились в федеральный конституционный суд с предложением запретить Социалистскую имперскую партию, и решение о ее запрете было вынесено в октябре 1952 г. Члены этой партии перешли в другие организации и партии, более хитроумно скрывавшие свой неонацистский характер.

Одной из таких партий была Немецкая имперская партия, созданная в 1950 г. В нее вошла часть членов Немецкой правой партии, не пожелавших вступить в Социалистскую имперскую партию. Объединившись с так называемой Национал-демократической партией Гессена, они образовали новую партию — Немецкую имперскую партию. Впоследствии к ней примкнули различные неонацистские группки. К середине 1956 г. она насчитывала в своих рядах около 12 тыс. членов. Программа ее, принятая в 1958 г. на съезде в Мюнхене, перепевала демагогические лозунги нацистов. В ней, в частности, говорилось: «Высший долг — это верность рейху... Немецкая имперская партия выступает за демократию свободы и порядка: каждому свое — все для Германии» [8]. Если внутриполитические требования Немецкой имперской партии мало чем отличались от политики правящих партий — ХДС/ХСС, то во внешнеполитических лозунгах неонацисты ратовали за открытый реваншизм и политику аннексий.

С 1961 г. партию возглавил Адольф фон Тадден, поставивший перед собой цель объединить в одной организации как можно больше сторонников «национального возрождения» — бывших эсэсовцев, военных преступников, нацистов. Однако добиться поддержки со стороны значительных слоев населения ФРГ не удалось: на выборах в бундестаг в 1961 г. за нее проголосовало всего 0,8% избирателей.

---

[7] См.: Die westdeutschen Parteien 1945—1965. Berlin, 1966, S. 496—497.
[8] Ibid., S. 256.

В начале 60-х годов неонацисты пошли на новую перегруппировку сил. Дело в том, что не смогла расширить своего влияния и другая неонацистская партия — Общегерманская партия, стремившаяся объединить силы, стоявшие справа от ХДС/ХСС. Часть ее членов высказалась за создание новой партии. Такая партия была создана в ноябре 1964 г. в Ганновере и названа Национал-демократической партией Германии. Инициаторами ее создания были представители в первую очередь Немецкой имперской партии, а также Немецкой партии и Общегерманской партии. Председателем новой партии был избран бывший член ХДС, а затем Немецкой партии Ф. Тилен. Одним из заместителей, фактическим руководителем партии и редактором еженедельной газеты «Дойче нахрихтен» стал бывший председатель Немецкой имперской партии А. фон Тадден (председателем НДП он стал позже).

Была предпринята попытка объединенными усилиями добиться политического влияния неонацизма на жизнь страны. О том, что эта партия носит откровенно неонацистский характер, говорил не только состав ее членов (бывшие нацисты, эсэсовцы, бывшие члены других неонацистских и реваншистских организаций ФРГ). Западногерманский юрист В. Смойдзин обращает внимание на явное совпадение многих программных требований гитлеровской партии и лозунгов «национал-демократов» [9].

Неонацисты выступили за открытую реабилитацию преступлений фашистского режима. Они потребовали больше не преследовать военных преступников, снять с Германии ответственность за развязывание второй мировой войны. «Довольно лжи о вине одних только немцев, благодаря которой продолжается выжимание миллиардных сумм из нашего народа. Славное и мужественное поведение немецких солдат всех времен должно стать примером для бундесвера... До тех пор, пока отцы открыто и безнаказанно будут причисляться к преступникам, сыновья не смогут стать хорошими солдатами»,— говорилось в манифесте, принятом на учредительном съезде [10].

За первые месяцы своего существования НДП удалось создать организации во всех землях и в большинстве округов ФРГ. К апрелю 1965 г. в ее рядах насчитывалось 7,5 тыс. членов [11]. Неонацисты активно включились в предвыборную борьбу, не скрывая своих намерений заполучить места в бундестаге ФРГ.

Примечательно, как неонацисты начали предвыборную борьбу 1965 г. Главари совершили турне по ФРГ, избрав первым объектом своего посещения город Кобург, известный тем, что в нем в 1929 г. фашистская партия получила большинство голосов избирателей. Затем они посетили Ландсберг, где Гитлер писал

[9] *Smoydzin W.* NPD. Geschichte und Umwelt einer Partei. Ilmgau, 1967, S. 260.
[10] Die westdeutschen Parteien 1945—1965, S. 424.
[11] *Smoydzin W.* Op. cit., S. 125.

«Майн Кампф» и где на тюремном кладбище похоронены военные преступники. Председатель баварской организации НДП Винтер заявил на предвыборном митинге в Ландсберге: «Мы здесь вспоминаем всех тех, кто безвинно погиб из-за произвола и жажды власти. В то время как о подобных жертвах в Дахау и Берген-Бельзене говорит весь мир, эти могилы не посещает никто».

Когда были подсчитаны голоса и объявлено, что за НДП проголосовало свыше 660 тыс. граждан ФРГ (2%), то многие считали этот результат случайным и предрекали новой партии такую же судьбу, какая постигла большинство неонацистских партий в недалеком прошлом: сокращение численности членов и резкое падение влияния. Однако события развивались иным образом. Стало расти число членов НДП, а также увеличилось число избирателей, голосовавших за неонацистскую партию на выборах в земельные парламенты (ландтаги). В декабре 1966 г. в НДП насчитывалось свыше 25 тыс. членов [12], а к середине 1968 г.— 40 тыс.[13] Анализ социального состава НДП показал, что хребет партии составляли представители средней буржуазии — около 50%. Однако постепенно росло и число рабочих. Если в 1966 г. их было 27%, то в 1967 г.— 32%. Средний возраст членов партии к концу 1967 г. составлял 41—42 года. Половина членов партии — моложе 35 лет [14].

В 1966—1968 гг. национал-демократы получили на выборах в ландтаги следующее число голосов: в Гамбурге — 3,9%, Шлезвиг-Гольштейне — 5,9, Рейнланд-Пфальце — 6,9, Нижней Саксонии — 7, Баварии — 7,4, Гессене — 7,9, Бремене — 8,8, Баден-Вюртемберге — 9,8 [15]. На очередных выборах в бундестаг в 1969 г. НДП набрала 4,3% голосов избирателей (свыше 1,42 млн.). В политической жизни ФРГ национал-демократы стали таким фактором, который нельзя было просто сбрасывать со счетов.

Чем же объяснить рост влияния неонацистской партии в эти годы? Налицо был кризис как внешней, так и внутренней политики ФРГ. В 1966—1967 гг. о ФРГ перестали говорить, как о государстве «экономического чуда». В Программном заявлении, принятом на Эссенском съезде в 1969 г., Германская коммунистическая партия следующим образом охарактеризовала НДП: «Задача этой партии, орудующей с помощью национальной и социальной демагогии, состоит в том, чтобы служить прибежищем для недовольных и политическим резервом монополий в борьбе против трудящихся. Ее влияние в аппарате носит, в особенности в бундесвере, угрожающие размеры. Питательную среду для

---

[12] Graubuch. Expansionspolitik und Neofaschismus in Westdeutschland. Berlin, 1967, S. 344.
[13] «Neues Deutschland», 17.VII 1968.
[14] «Das Parlament», 10.IV 1968.
[15] «Die Welt», 25.IV 1972.

НДП создают официальный национализм правительства и антикоммунизм»[16]. Западногерманские коммунисты указали также и на то, что неонацистская опасность исходит не только от национал-демократической партии. Эту опасность порождает сама государственно-монополистическая система и агрессивные цели правящих кругов.

Неонацисты выступили против внешнеполитических шагов правительства Брандта—Шееля, учитывавших реальную обстановку, сложившуюся в Европе. Они нападали на договоры, заключенные ФРГ с СССР и ПНР, обвиняя правительство Федеративной Республики в «предательстве немецкой нации». Здесь они все больше солидаризировались с христианскими демократами, выступавшими против разрядки напряженности на европейском континенте.

Постепенно влияние НДП начинает падать. Сказывалось улучшение экономической конъюнктуры, а также результаты той широкой антифашистской кампании, в которую включились различные отряды западногерманских трудящихся, в первую очередь профсоюзы. Значительный вклад в разоблачение неонацизма внесла Германская коммунистическая партия.

К началу 70-х годов в рядах Национал-демократической партии наметился раскол. Многие ее сторонники предпочитали отдавать свои голоса ХДС/ХСС. На выборах в бундестаг в 1972 г. НДП получила лишь 0,6% голосов избирателей (чуть больше 207 тыс. человек). Эта партия на данном этапе перестала играть роль организации, объединяющей вокруг себя большинство западногерманских неонацистов. В ноябре 1971 г. фон Тадден ушел в отставку. Председателем партии был избран адвокат М. Мусгнуг.

В конце 60 — начале 70-х годов в ФРГ возникают новые неонацистские организации. В 1969 г. создается так называемая «Акция сопротивления». Летом 1971 г. в Дюссельдорфе состоялся учредительный съезд Немецкого союза[17]. Создаются Немецкий народный союз, Немецкое сообщество граждан и др.

НДП и по сей день остается наиболее крупной и организованной неонацистской партией. Члены ее предприняли попытку как-то консолидировать свои силы в связи с седьмым федеральным съездом, состоявшимся в октябре 1973 г. в Дюссельдорфе. Его делегаты призывали организовать и поддержать «наступление справа». Председатель партии М. Мусгнуг сообщил делегатам, что в рядах НДП насчитывается 20 600 членов[18]. На седьмом съезде НДП главным объектом борьбы провозглашались договоры, заключенные правительством Брандта с СССР и Польшей. Проводя кампанию против договоров, на выборах в ланд-

---

[16] Эссенский (12—13 апреля 1969 г.) и Дюссельдорфский (25—28 ноября 1971 г.) съезды Германской коммунистической партии. М., 1973, с. 81.
[17] Neofaschismus in der BRD. Frankfurt a. M., 1971, S. 5.
[18] «Deutsche Nachrichten», 19.IX 1973.

таг земли Баден-Вюртемберг, состоявшихся весной 1972 г., НДП призвала своих избирателей голосовать за ХДС, как за наиболее сильного противника этих договоров. После вступления договоров в силу, НДП высказалась за то, чтобы воспрепятствовать их претворению в жизнь. Несмотря на попытки активизации, к 1975 г. НДП потеряла значительное число своих членов и стала насчитывать 11,5 тыс. человек [19]. Всего в 1975 г. в ФРГ действовало 113 неонацистских организаций [20].

Одна часть из вновь появившихся правоэкстремистских движений группируется вокруг так называемых «новых правых», другая — вокруг «Национал-революционной организации возрождения за дело народа». В Федеративной Республике возникает новый вид правого экстремизма. В отличие от неонацизма первых послевоенных лет его нынешние сторонники все реже маскируют свои истинные цели и порой открыто возрождают даже символику гитлеровских времен. Так, в ноябре 1974 г. в Гамбурге на одном из очередных неонацистских сборищ зал был украшен свастикой, фашистскими знаменами старого образца, распевались старые нацистские песни. Участники встречи приветствовали друг друга «старым» способом — выбрасыванием вверх правой руки. В январе 1975 г. во Франкфурте-на-Майне, обращаясь к толпе неонацистов, главный оратор на этой уличной сходке открыто провозгласил: «Долой демократию! Да здравствует германский рейх!» [21]. В обоих случаях полиция не мешала проведению сборищ, никто не был привлечен к ответственности за открытую пропаганду нацизма.

Западногерманский книжный рынок буквально заполнен литературой о нацизме, о его руководителях. Большим тиражом издаются апологетические биографии Гитлера. Говоря о «теневых сторонах» нацистского периода, авторы этих «произведений» находят и «положительные черты», идеализируют личную жизнь фюрера и т. д.

Обращая внимание на эти явления, уместно привести слова одного из руководителей западногерманских коммунистов, М. Шефера: «Одно из опасных заблуждений состоит в том, будто предпосылкой для возникновения конкретной фашистской угрозы всегда служит наличие массовой фашистской партии. Таким заблуждением объясняется существующая в ФРГ недооценка ультраправой и неофашистской угрозы. Из факта сокращения числа голосов, отданных неонацистской Национал-демократической партии (НДП) на выборах в ноябре 1972 г., делают, например, ошибочный вывод, будто ФРГ обладает иммунитетом от правого экстремизма и неофашизма» [22].

---

[19] «Der Spiegel», 1975, N 35, S. 28.
[20] Современный фашизм: его обличье и борьба с ним, с. 190.
[21] «Marxistische Blätter», 1975, N 3, S. 36.
[22] Современный фашизм: его обличье и борьба с ним, с. 96.

Вскоре после окончания второй мировой войны возникают неофашистские организации и в Италии. Итальянский фашизм потерпел сокрушительный военный, политический и моральный крах, но демократическим силам Италии не удалось выкорчевать социально-экономические корни фашизма. Сохранили и упрочили свои позиции промышленные и финансовые группировки, поддерживавшие фашизм; многим активным фашистам удалось уйти от возмездия, воспользовавшись, в частности, тем, что судебные органы нередко весьма расширительно толковали в их пользу объявленную в 1946 г. амнистию [23]; наконец, что не менее важно, симпатии к фашистскому режиму сохранялись в Италии не только среди военных и чиновников, занимавших привилегированное положение при Муссолини, но и среди более широкой, в основном мелкобуржуазной, прослойки лиц, одурманенных националистической пропагандой и сожалевших о потере былого «имперского величия» Италии.

Уже в конце 1945 г. в Италии возникает крайне правая группировка — так называемый «Фронт рядового человека» («Фронте дель уомо квалюнквэ»), созданная неаполитанским журналистом Гульельмо Джаннини и открыто выступившая против создания республики и против идеалов антифашистского движения Сопротивления [24]. На выборах в Учредительное собрание в июне 1946 г. «квалюнквистам», как называли сторонников Джаннини, удалось собрать голоса 1200 тыс. избирателей (5,28% от общего числа лиц, принявших участие в голосовании) [25]. Бесспорно, что успех «Фронта рядового человека» во многом был обусловлен тем, что его поддержали профашистски настроенные избиратели.

В этот период среди сторонников фашизма в Италии намечаются три течения, между которыми шла борьба по вопросу о формах и методах дальнейшей деятельности: одно из них предлагало сделать ставку на создание подпольных организаций и развертывание нелегальной деятельности, второе выступало за тактику проникновения фашистов в существующие буржуазные партии с целью завоевать в них командные посты и третье отстаивало необходимость создания самостоятельной партии, которая использовала бы легальные возможности, «не отказываясь от фашистских идей и фашистской доктрины» [26].

Верх в этой борьбе одержали сторонники третьего течения, представители которого во главе с Артуро Микелини, Джорджо Альмиранте и Пино Ромуальди 26 декабря 1946 г. основали в Риме политическую партию, названную ими Итальянским соци-

[23] См.: *Ghini C.* Le elezioni in Italia (1946—1968). Milano, 1968, p. 97.
[24] См.: *Комолова Н. П.* Новейшая история Италии. М., 1970, с. 203.
[25] См.: *Ghini C.* Op. cit., p. 67.
[26] *Almirante G.* e *Palamenghi-Crispi F.* Il movimento sociale italiano (Цит. по: *Ghini C.* Op. cit., p. 97).

альным движением (ИСД) [27]. Несмотря на то что в послевоенной конституции Италии содержится запрет «воссоздавать в какой бы то ни было форме распущенную фашистскую партию», а также вести фашистскую пропаганду [28], ИСД с самого начала положило в основу своей деятельности фашистскую идеологию и политику с особым упором на программные установки фашизма времен так называемой «Итальянской социальной республики» [29]. Центральное место в программе Итальянского социального движения, в самом названии которого отражена преемственность по отношению к «социальной республике» Муссолини, заняли призывы к «крестовому походу» против марксизма и коммунизма (неофашисты всячески рекламируют свою партию как «единственно надежную антикоммунистическую силу» в Италии), разнузданная социальная демагогия, требования замены «традиционного капитализма» фашистской корпоративной системой, националистические позиции по вопросам внешней политики.

На всем протяжении существования Итальянского социального движения для него характерны ожесточенная борьба фракций, схватки между деятелями, опиравшимися на «старые фашистские заслуги», и «новой волной» неофашистов, между сторонниками более «жесткой» и более «мягкой», так называемой «поссибилистской» линии. Первые три года секретарем ИСД был представитель «жесткой линии» Джорджо Альмиранте, однако затем на длительный период — вплоть до середины 1969 г.— национальный секретариат ИСД попадает в руки «поссибилистов» — де Марсанича, а затем Микелини, делающих основной упор на легальные средства борьбы и на сближение всех крайне правых сил Италии, включая монархистов, либералов и правое крыло христианско-демократической партии. Внутренние распри в ИСД в эти годы не раз доходили до физических стычек между сторонниками различных фракций, как это было, например, на пятом съезде неофашистской партии, состоявшемся в 1956 г. в Милане [30]. Именно в тот период от Итальянского социального движения откалывается ряд группировок, выступающих за «более решительные», в том числе террористические, действия.

Весной 1960 г. «легальная тактика» руководства ИСД, рассчитанная на «включение в систему власти», казалось, увенчалась определенным успехом: именно неофашисты, поддержав однопартийное христианско-демократическое правительство Ф. Тамброни, обеспечили ему вотум доверия в парламенте. Вслед за этим лидеры Итальянского социального движения задумали такой провокационный шаг, как проведение своего очередного,—

[27] *Del Boca A.* e *Giovana M.* I figli del sole. Mezzo secolo del nazifascismo nel mondo. Milano, 1965, p. 179.

[28] Конституции буржуазных государств Европы. М., 1957, с. 576.

[29] О программе итальянского фашизма этого периода, отличавшейся особой демагогией в области социальной политики, см.: *Филатов Г. С.* Демократические силы Италии против неофашизма. М., 1977, с. 368, 472—473.

[30] «Rinascita», 5.I 1973, p. 30.

шестого, съезда в Генуе — одном из главных центров антифашистской борьбы, городе, награжденном золотой медалью Сопротивления. Проведение съезда ИСД в городе, изгнавшем фашистов во время апрельского восстания 1945 г., не только послужило бы для неофашистской партии своего рода «моральным реваншем», но и еще крепче связало бы ее с правительственным лагерем [31].

Однако лидеры ИСД явно просчитались, недооценив глубину антифашистских настроений итальянских трудящихся. В стране поднялась мощная волна антифашистского протеста. Попытка разогнать стотысячную антифашистскую демонстрацию в Генуе привела 30 июня 1960 г. к ожесточенным столкновениям, в ходе которых получили ранения 40 демонстрантов и 162 полицейских [32]. В течение следующей недели ареной массовых антифашистских выступлений стали многие другие районы страны. В ряде случаев полиция пускала в ход огнестрельное оружие — было убито пять рабочих-коммунистов в г. Реджо-Эмилия, еще пять демонстрантов погибло в Сицилии и Апулии, однако это не сломило воли трудящихся к борьбе. По призыву профсоюзов и антифашистских партий в стране была проведена общенациональная забастовка протеста. Всего в июльских антифашистских демонстрациях и забастовках приняло участие около 2,5 млн. человек [33]. Важным итогом этого движения было то, что оно не только сорвало проведение неофашистского съезда в Генуе, но и привело к отставке кабинета Ф. Тамброни.

На парламентских выборах в апреле 1948 г. Итальянское социальное движение получило 526 тыс. голосов (2% от общего числа голосов). В последующем влияние ИСД среди избирательного корпуса увеличивается, стабилизируясь на уровне 1,4—1,5 млн. голосов, но не превышая 6% от общего числа голосов (5,8% на парламентских выборах 1953 г., 4,8 — в 1958 г., 5,1 — в 1963 г., 4,4% — в 1968 г.) [34]. Именно эти, довольно скромные показатели давали основание в те годы многим политическим обозревателям относить ИСД к числу малых партий, обреченных уже в ближайшем будущем на исчезновение с политической сцены страны.

Однако с 1969 г. в Италии начинается период явного оживления неофашистского движения, что проявилось как в усилении организационной и пропагандистской деятельности Итальянского социального движения, добившегося к тому же заметных успехов на выборах, так и в активизации многочисленных неофашистских группировок, действующих за рамками ИСД. Итальянская печать того времени насчитывала до 30 групп профашистского толка [35].

---

[31] См.: *Холодковский К. Г.* Рабочее движение в Италии. М., 1969, с. 85.
[32] См.: *Parodi A. G.* Le giornate di Genova. Roma, 1960, p. 140.
[33] *Комолова Н. П.* Указ. соч., с. 279.
[34] См.: История Италии, т. III. М., 1971, Приложение II.
[35] См.: Almanacco PCI — 1970. Roma, 1969, p. 169—172; «Politica», 27.XII 1970, p. 7—8; «Panorama», 25.II 1971, p. 20—21.

Часть из них — крайне эфемерные местные формирования, возникающие и распадающиеся с необычайной быстротой и подчас скрывающие под громким названием («Черные орлы», «Трехцветная фаланга» или «Рыцари нации») несколько десятков юнцов, попавших под влияние правоэкстремистских идей. Но есть среди них и группировки, обладающие более солидной организационной структурой и осуществляющие свою деятельность, как правило провокационного и террористического характера, нередко в масштабах всей страны.

К числу наиболее крупных организаций такого рода в конце 60 — начале 70-х годов относились такие группировки, как «Новый порядок» («Ордине нуово»), «Национальный авангард» («Авангуардиа национале») и «Национальный фронт» («Фронте национале»). Первую из них создали молодые неофашисты, вышедшие в 1957 г. из рядов Итальянского социального движения в знак несогласия с его «чересчур легальным курсом». В соответствии со своими откровенно пронацистскими симпатиями они украсили римскую штаб-квартиру «Нового порядка» портретами Гитлера и расистскими плакатами из ЮАР. Общая численность членов этой организации колебалась от 2 до 3 тыс. В 1969 г. «Новый порядок» во главе со своим лидером журналистом Пино Раути восстановил контакт с ИСД, сохраняя при этом организационную автономию.

«Национальный авангард», который за активное участие в актах террора и насилия называют «дубинкой черного экстремизма», был создан в 1972 г. страховым агентом Стефано Делле Кьяйе. В своей деятельности организация вдохновляется идеологией нацизма, призывает к борьбе с парламентской демократией, в области международной политики отстаивает идею «укрепления европейского империализма». С организационной точки зрения «национальный авангард» отличается жесткой иерархической структурой и строжайшей внутренней дисциплиной [36].

Группировка «Национальный фронт» была основана в 1967 г. князем Юнио Валерио Боргезе — известным фашистским военным преступником, возглавлявшим в свое время карательные операции против итальянских партизан. Боргезе довольно долго активно сотрудничал с Итальянским социальным движением и даже был избран его почетным президентом. Однако затем отношения «черного князя», как называли Боргезе в Италии, с ИСД испортились. Насчитывая всего несколько тысяч членов, «Национальный фронт» располагает большими финансовыми средствами, что позволяет ему открыть свои отделения во многих провинциальных центрах. Главный лозунг «фронта» — создание «сильного государства», способного предотвратить сдвиг влево в политической жизни Италии [37].

---

[36] См.: «Panorama», 25.II 1971, p. 20.
[37] См.: «Unità», 15.II 1970, p. 7.

Из других неофашистских организаций Италии следует упомянуть студенческое объединение ФУАН («Университетский фронт национального действия»), «Группы национального возрождения», в газете которых был опубликован призыв «использовать пулеметы» против бастующих рабочих, и организацию с претенциозным названием «Европа-цивилизация» («Эуропа-чивильтá»), которая специализируется на отправке своих представителей под видом туристов в социалистические страны для организации там провокационных действий [38].

Провокационные вылазки правых экстремистов, в той или иной степени организационно связанных с Итальянским социальным движением, начиная с 1969 г. приняли особенно широкие масштабы. Резко участились налеты неофашистских молодчиков на местные отделения левых партий и организаций, нападения на активистов демократического и антифашистского движения, взрывы бомб, поджоги, уличные провокации.

Одна из наиболее крупных провокаций была организована 12 декабря 1969 г., когда раздались взрывы бомб в переполненных залах банков Милана и Рима. Расследование этих террористических актов, в результате которых 16 человек было убито и более 100 человек ранено [39], затянулось главным образом по вине влиятельных полицейских и судебных кругов, пытавшихся направить следствие по ложному пути, но с течением времени становилось все яснее, что нити подготовки этого преступления вели к неофашистам [40].

В июне 1970 г. вспыхнул реакционный мятеж в одном из крупнейших центров Южной Италии — Реджо-ди-Калабрия, где правым силам удалось добиться массовой поддержки своего местнического лозунга превращения этого города в центр области. На улицах города появились баррикады, столкновения с полицией и войсками продолжались здесь вплоть до первых месяцев 1971 г.[41]

Не успела общественность Италии до конца разобраться в причинах, позволивших реакционным силам, решающую роль среди которых играли неофашисты, повести за собой столь значительную часть населения Реджо-ди-Калабрия, как в начале марта 1971 г. происходит новый конфликт, на сей раз в области Абруцци, где тоже возник спор о местопребывании областного центра. Здесь в городе Аквила толпы, возглавляемые правыми экстремистами, разгромили помещения всех политических партий, кроме Итальянского социального движения [42].

---

[38] См.: «Правда», 1970, 12 февраля.

[39] *Del Bosco M.* Da Pinelli a Valpreda. Roma, 1972, p. 27—29.

[40] См.: Италия. Экономика и политика стран современного капитализма. М., 1973, с. 368.

[41] Подробнее об этих событиях см.: *Иваницкий О. Ю.* Проба сил в Реджо-ди-Калабрия.— «Новое время», 1971, № 11, с. 27—29; *Лисовский Ю. П.* Социальная напряженность на Юге Италии.— «Международная жизнь», 1972, № 1, с. 114—116.

[42] См.: Италия, с. 301.

В середине марта того же года на первых страницах итальянских газет появляется сообщение о раскрытии планов реакционного путча, готовившегося неофашистами из «Национального фронта», руководимого князем Боргезе. Планы заговорщиков предусматривали ликвидацию в стране республики и установление «сильной власти» по образцу греческих полковников.

И, наконец, неофашистам удалось добиться заметного успеха в избирательном плане. На частичных выборах в местные органы власти, состоявшихся в июне 1971 г., за кандидатов Итальянского социального движения проголосовало почти вдвое больше избирателей, чем во время предыдущих муниципальных выборов (особенно сильный рывок вперед неофашистам удалось сделать в Сицилии, где в некоторых районах они получили до 16% от общего числа голосов) [43]. Этот успех им удалось в известной степени закрепить и на досрочных парламентских выборах в мае 1972 г., когда за списки ИСД, включавшие на этот раз и монархистов (окончательно захиревшая монархическая партия за несколько месяцев до выборов влилась в ряды неофашистов), проголосовало 8,7% всего избирательного корпуса. Крайне правые силы получили 56 мандатов в палате депутатов и 26 мандатов в сенате [44].

Все это в совокупности заставило итальянскую общественность по-новому взглянуть на проблему неофашизма в стране. Еще в середине 60-х годов в Италии довольно широко было распространено мнение, что неофашистов не стоит принимать всерьез. Подобные настроения активно пропагандировались, в частности, большинством буржуазных политических обозревателей, придерживающихся антифашистских позиций. В крупнейших газетах и журналах зачастую можно было встретить рассуждения о том, что заявления коммунистов о необходимости бдительно следить за происками неофашистских сил в Италии — это всего навсего «пропаганда», а сама деятельность неофашистов якобы не представляет сколько-нибудь серьезной угрозы.

Однако активизация неофашистов, наглость и масштабы их провокационной и террористической деятельности привели к тому, что итальянская общественность стала все более настойчиво задавать себе вопрос как о силах, стоящих за неофашистским движением, так и о путях борьбы с фашистской опасностью.

Наиболее полный и четкий ответ на эти вопросы дается в материалах Итальянской коммунистической партии — в решениях ее съездов и пленумов ЦК, в выступлениях руководящих деятелей ИКП.

Коммунисты прежде всего обращают внимание на то, что под активизацию неофашистских сил в Италии, отмечающуюся в течение последних лет, была подведена прочная материальная ба-

[43] Международный ежегодник. Политика и экономика. М., 1972, с. 179—180.

[44] См.: «Unità», 10.V 1972, p. 1—2.

за: резко возросло финансирование ИСД и других неофашистских организаций как из итальянских, так и из зарубежных источников. Сами лидеры ИСД утверждают, что их партию поддерживают главным образом мелкие и средние промышленники и торговцы, однако, безусловно, что основной поток финансирования идет от наиболее реакционных слоев крупного капитала. Из итальянских монополистов в этом плане итальянская печать не раз называла, например, имена владельца концерна «Италчементи» Карло Пезенти и нефтяного магната Аттилио Монти [45]. Показательно, что принадлежащие этим промышленникам внешне «беспартийные» газеты «Джорнале д'Италиа», «Ла Нотте», «Иль Рома» и «Ла Гадзетта дель суд» изо дня в день ведут по существу неприкрытую неофашистскую пропаганду.

Но источники финансирования итальянских неофашистов, по общему мнению, находятся и за пределами Италии. Так, например, журналы «Вие нуове» и «Панорама» сообщали, что часть денег в кассы ИСД поступает из США через «Континентал Иллинойс бэнк» и связанного с ним крупного американского финансиста итальянского происхождения М. Спидона. Немалые средства поступают также из таких европейских источников, как французский «Банк де Пари э де Пеи-Ба», через который в свое время осуществлялось финансирование деятельности ОАС в Алжире и наемников-колонизаторов в Конго. Другие органы печати не раз писали о соответствующих поступлениях из Испании и Португалии [46].

Чем же объясняется то обстоятельство, что в конце 60 — начале 70-х годов весь этот финансовый поток столь заметно возрос? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить о социально-политической обстановке, сложившейся в это время в Италии.

Италия начала 70-х годов — одна из тех развитых капиталистических стран, где социально-экономические противоречия проявились с особой остротой, а борьба трудящихся против засилия монополий, за социальный и политический прогресс отличалась высоким уровнем организованности, наступательным духом и широким размахом. Этот период ознаменовался в Италии серьезным обострением социально-политического кризиса и новым значительным подъемом рабочего и демократического движения. В стране все более накапливались признаки кризиса правящих кругов, что проявилось прежде всего в провале так называемого левоцентристского правительственного курса — курса социального маневрирования, рассчитанного в первую очередь на ослабление позиций компартии. Что же касается подъема демократического движения, то он выразился и в крупном успехе коммунистов на парламентских выборах в мае 1968 г., когда кандидаты ИКП собра-

[45] «Panorama», 26.IV 1973, p. 41—42; «Unità», 28.IV 1973, p. 3; 9.II 1974, p. 7.
[46] «Vie nuove», 3.III 1971, p. 8; «Panorama», 26.IV 1973, p. 42—45; «Unità», 26.IV 1973, p. 5.

ли более 8,5 млн. голосов (26%, или на 800 тыс. голосов больше, чем на предыдущих выборах) [47], и в небывалом размахе забастовочной борьбы, кульминационным моментом которого стали массовые стачки «жаркой осени» 1969 г., в осуществлении под нажимом массовой борьбы таких важных завоеваний, как создание системы областного самоуправления и принятие некоторых важных законов: реформы пенсионного обеспечения, устава прав трудящихся, закона о новой системе земельной аренды в сельском хозяйстве.

В этих условиях, когда итальянское рабочее движение не только добивается успехов в борьбе за жизненные интересы и права трудящихся, но и активно выступает за радикальное преобразование экономической и социальной структуры, наиболее консервативные группировки монополистического капитала Италии при поддержке международной реакции предприняли попытку перейти в контрнаступление. Стремясь овладеть положением и обеспечить укрепление буржуазного строя путем резкого сдвига вправо, они взяли курс на всемерное нагнетание политической напряженности, стремясь создать в стране обстановку, в которой было бы легче нанести удар по рабочему и демократическому движению и отбросить его назад. В этой стратегии напряженности нашлось место и для неофашистов. Именно в создавшихся условиях правые монополистические круги Италии и других стран, часть итальянского государственного аппарата и наиболее консервативные круги христианско-демократической партии увидели в итальянских неофашистах удобное орудие. Террористическая и провокационная деятельность наследников Муссолини не только получила особенно щедрую поддержку части крупного капитала, но и одновременно, как подчеркивал это в журнале «Ринашита» член Политбюро ИКП А. Коссутта, нашла «прикрытие и попустительство в государственном аппарате, в том числе и его самых ответственных и деликатных механизмах» [48].

Неофашизм получил, таким образом, в Италии новые возможности для развертывания своей деятельности. Новый этап потребовал и других людей: не случайно летом 1969 г., после смерти А. Микелини, национальным секретарем Итальянского социального движения вновь избирается Джорджо Альмиранте, известный одновременно как опытный социальный демагог и человек, склонный делать ставку на провокации и насилия.

Придя к руководству ИСД, Альмиранте, в течение многих лет возглавлявший внутрипартийную оппозицию, выступавшую с жестких, непримиримых позиций, в известной мере был вынужден воспринять некоторые тактические приемы Микелини. Так, например, на съезде ИСД, состоявшемся в Риме в январе 1973 г., он произнес речь, в которой преобладало то, что на итальянском

[47] См.: История Италии, т. III, Приложение II.
[48] «Rinascita», 8.XII 1972, p. 1.

политическом жаргоне называют «линией двубортного пиджака» — т. е. линия подчеркнутой буржуазной добропорядочности. Эту показную благообразность и добропорядочность новый лидер ИСД умеет сочетать с откровенными призывами к насилию, «к физическому столкновению с красными». «Все средства хороши в борьбе против коммунизма,— заявил Альмиранте в интервью западногерманскому журналу «Шпигель».— Политические и военные меры здесь неразделимы» [49].

Немалую гибкость главная организованная сила итальянского неофашизма — ИСД, насчитывающая по официальным данным около 400 тыс. членов [50], проявляет во взаимоотношениях с нелегальными и полулегальными неофашистскими организациями. После смены руководства ИСД в 1969 г. некоторые из этих организаций (например, возглавляемая Раути группа «Ордине нуово») вернулись в ряды неофашистской партии. Ряд правоэкстремистских молодежных организаций новому руководству ИСД удалось объединить в созданном под контролем неофашистской партии «Молодежном фронте». Что же касается тех организаций, которые остались вне рамок ИСД, то в определенных случаях представители этих подрывных организаций находят со стороны ИСД защиту и покровительство. Показательно, в частности, что, отмежевавшись на словах от таких актов насилия и террора, как события в Реджо-ди-Калабрии, попытка путча Валерио Боргезе и взрывы бомб в Милане и Риме в декабре 1969 г., Итальянское социальное движение позаботилось о том, чтобы вознаградить и обезопасить ряд видных участников этих событий, выдвинув их в качестве своих кандидатов в члены парламента [51].

Сочетая подрывные провокационные действия и разнузданную социальную демагогию, неофашисты настойчиво стремятся создать себе массовую базу, пытаясь направить по ложному пути те настроения социального недовольства и протеста, которые накопились сегодня среди многих категорий населения Италии, особенно в ее наиболее отсталых южных областях. Обращаясь к представителям средних слоев — мелким торговцам, ремесленникам, крестьянам-собственникам, мелким домовладельцам, страдающим от засилия крупного капитала и в то же время запуганным реформами, провозглашенными, но не осуществленными левоцентристским правительством, неофашисты стремятся разжечь среди них антирабочие и антипрофсоюзные настроения. Массам безработных и люмпен-пролетарским слоям неофашистская пропаганда старается внушить, что главный виновник их бедствий — те трудящиеся, которые имеют работу и выдвигают в своей борьбе с капиталистами якобы непомерные требования. Неофашисты умело подогревают местнические настроения, как это было, например, во время событий в Реджо-ди-Калабрии, где

[49] Цит. по: La crisi e l'avventura. Roma, 1972, p. 5.
[50] «Secolo d'Italia», 18.I 1973, p. 1.
[51] «Unità», 18.I 1973, p. 3; 16.V 1974, p. 5.

значительная часть населения видела панацею от многочисленных бед в том, чтобы добиться провозглашения именно этого города административным центром области. На Юге страны они стараются отвести гнев обездоленных масс от истинных виновников отсталости этих районов — аграриев Юга и монополистов Севера — и настроить их против абстрактного Севера вообще, против рабочего и демократического движения. Неофашизм изображает себя в качестве единственного гаранта «порядка» и «спокойствия» и призывает к созданию «сильной власти», способной защитить итальянское общество от коммунистов. Маскируя свои антинародные цели, главари неофашизма охотно изображают себя в качестве решительных противников «существующей ныне в Италии государственной системы», однако на поверку оказывается, что в этой системе их не устраивают «чрезмерная демократия» и «уступки левым».

Одним из главных элементов идеологии неофашизма является националистическая пропаганда. В центральном печатном органе ИСД газете «Секоло д'Италиа» не редкость установочные статьи, развивающие мысль о том, что «национализм — это надежда для Европы» [52], а в докладе Альмиранте на съезде неофашистской партии в январе 1973 г., когда она получила новое, более развернутое название — «Итальянское социальное движение — национальные правые силы» (ИСД-НПС), прямо подчеркивалось, что члены этой партии «не отказываются от своего национализма» [53].

Большое место в деятельности итальянских неофашистов занимают проводимая ими милитаристская пропаганда и настойчивые попытки расширить влияние в армии и полиции. Неофашисты активно работают в так называемой «Ассоциации друзей вооруженных сил», а газета «Секоло д'Италиа» ввела специальную рубрику «Защитим вооруженные силы», в которой регулярно публикуются материалы о необходимости укреплять армию и увеличивать ассигнования на военные нужды [54]. В неофашистскую партию вступили лица, занимавшие в прошлом видные посты в итальянской военной иерархии. Специальный отдел ИСД по работе в армии в течение нескольких лет (вплоть до своей смерти в 1973 г.) возглавлял генерал Джованни де Лоренцо, один из организаторов реакционного заговора, готовившегося в Италии в 1964 г. В демократической печати Италии сообщалось, что де Лоренцо, который был в прошлом руководителем военной контрразведки, составлявшей досье на всех ведущих политических деятелей Италии, вступив в ряды ИСД, принес с собой в качестве своеобразного приданого копии этих досье. Они хранятся в одном из швейцарских банков и активно используют-

[52] «Secolo d'Italia», 26.IX 1971, p. 3.
[53] «Secolo d'Italia», 19.I 1973, p. 3.
[54] «Secolo d'Italia», 4.IV 1974, p. 5; 18.IV 1974, p. 5; 4.V 1974, p. 5.

ся неофашистами как орудие шантажа против партий правительственной коалиции [55].

Преступные действия неофашистов в Италии в известной степени облегчаются в связи с тем, что в стране существуют немногочисленные и не имеющие реальных связей с массами, но весьма «шумные» левацкие группы. Авантюристическая, антикоммунистическая деятельность этих групп открывает широкие возможности для проникновения в их ряды фашистских и полицейских провокаторов, дает удобный предлог тем силам в правительственном лагере, которые берут под защиту неофашистов, выдвигая для их оправдания теорию «борьбы двух противоположных экстремизмов» [56]. «Для того чтобы победить и сорвать происки фашистов,— подчеркивалось в этой связи в резолюции Руководства ИКП от 9 мая 1973 г.,— необходимы также предельная ясность и непримиримость по отношению к безответственным позициям левого экстремизма, оказывающего поддержку различного рода провокационным и отвлекающим маневрам» [57].

Левые силы Италии, в первую очередь коммунисты, считают необходимым вести повседневную, настойчивую работу по разоблачению неофашистов, показывая, как подчеркивалось на XIII съезде ИКП, истинное лицо этих элементов, «сеющих беспорядок и замышляющих реакционный мятеж», политиканов, которые «предаются шумной социальной демагогии, но на деле состоят на службе у предпринимателей и самых паразитических сил, заклятых врагов единства трудящихся» [58]. В центральной печати ИКП (например, в виде специальных вкладок в журнале «Ринашита»), изданиях местных партийных федераций [59], а также в брошюрах, выпущенных рядом местных органов самоуправления [60], были опубликованы подробные документальные материалы о преступной террористической деятельности неофашистов.

Важным условием успешной борьбы с неофашистской угрозой Итальянская коммунистическая партия считает укрепление и расширение единства всех антифашистских сил, сохранение и развитие традиций Сопротивления. При этом борьба против неофашизма не отрывается от общей борьбы за демократическое обновление общества, против засилья монополий. Напротив, коммунисты исходят из того, что лишь активное и эффективное антимонополистическое движение своей инициативой, своими действиями, направленными на решение назревших проблем, может помешать неофашизму создать себе массовую базу, не дать ему

[55] См.: «Rinascita», 5.I 1973, p. 30.
[56] Almanacco PCI — 1975, p. 82—84.
[57] «Unità», 9.V 1973.
[58] XIII съезд Итальянской коммунистической партии. М., 1973, с. 60—61.
[59] См.: «Rinascita», 1972, N 6—9; «Due Torri», 1971, N 30; 1972, N 26—29; Rapporto sulla violenza fascista a Catania. Catania, 1972, p. 94.
[60] См.: Rapporto preliminare sulla violenza fascista in Lombardia. Milano, vls I—II. 1971—1973; L'indagine sull'attività neofascista in Piemonte. Torino, 1975.

возможности спекулировать на растущем социальном недовольстве масс, политически изолировать его. Большое значение в этом плане имело то обстоятельство, что на рубеже 70-х годов итальянские коммунисты значительно усилили свое внимание к проблемам средних слоев города и деревни, к укреплению их союза с рабочим классом [61].

Определяя свою тактику в борьбе против неофашистской угрозы, итальянские коммунисты подчеркивают решающее значение мобилизации на эту борьбу широчайших масс трудящихся. Коммунисты Италии стали главными организаторами тех подлинно массовых антифашистских выступлений итальянских трудящихся (мощных демонстраций, митингов протеста, забастовок, в том числе общенационального масштаба [62]), которые позволили демократическим силам страны добиться значительных результатов в борьбе за обуздание правоэкстремистских организаций. Не раз итальянским трудящимся удавалось срывать неофашистские манифестации и сборища. Так, в марте 1975 г. неофашисты пытались организовать провокационное сборище в Милане, но оно было сорвано благодаря бдительности и решительным действиям масс [63].

Одновременно итальянские коммунисты стремятся максимально использовать для пресечения деятельности неофашистских сил и юридические возможности. Опираясь на положения республиканской конституции и специального закона № 645 от 20 июня 1952 г., запрещающие восстановление в Италии фашистской партии, демократические силы Италии требуют объявить вне закона все неофашистские организации, включая ИСД-НПС [64].

Под давлением демократической общественности итальянские власти были вынуждены принять решение о роспуске одной из наиболее активных террористических организаций — «Новый порядок» [65] — и арестовать ряд неофашистских террористов. Итальянский парламент лишил парламентской неприкосновенности лидера ИСД-НПС Дж. Альмиранте [66]. Было начато следствие по делу крайне правой подпольной организации «Роза ветров», ставившей перед собой цель свержения в Италии республиканского строя [67]. В результате дальнейших расследований судом было выдано свыше 20 ордеров на арест лиц, непосредственно участвовавших в преступной деятельности правоэкстремистских органи-

---

[61] См.: *Филатов Г. С.* Указ. соч., с. 138 и сл.

[62] Так, во время всеобщей забастовки, проведенной в мае 1974 г. в знак протеста против террористического акта в г. Брешиа, где от фашистской бомбы погибло восемь активистов левых партий, в митингах, прошедших во всех районах страны, приняло участие свыше 20 млн. человек («Rinascita», 31.V 1974, p. 1—2).

[63] См.: XIV съезд Итальянской коммунистической партии. М., 1976, с. 46.

[64] «Propaganda», 28.II 1971; Almanacco PCI — 1974, p. 141—142.

[65] «Unità», 12.XII 1973.

[66] «Правда», 1973, 26 мая.

[67] «Правда», 1974, 15, 24 января.

заций. Среди них было немало офицеров высокого ранга, в том числе бывший начальник военной разведки генерал Вито Мичели [68].

Следует отметить, что если в 50—60-х годах некоторые либерально-буржуазные органы итальянской печати явно преуменьшали фашистскую опасность, то к началу 70-х годов некоторые из них стали впадать в противоположную крайность, отождествляя политическое положение в современной Италии с ситуацией, которая сложилась полвека назад и привела к возникновению режима Муссолини. При этом они ссылались, в частности, на то, что в 1921 г., накануне похода чернорубашечников на Рим, в итальянском парламенте было в процентном отношении столько же сторонников Муссолини, сколько в 1971 г. неофашистов. Жизнь показала неоправданность подобных исторических параллелей. Современная Италия — это не Италия начала 20-х годов: неизгладимый след оставило здесь массовое движение Сопротивления фашизму, неизмеримо выросла и продолжает расти сила рабочего и демократического движения, возглавляемого коммунистической партией. Последовательная, настойчивая борьба прогрессивных сил Италии против неофашистской опасности привела к тому, что уже в 1972 г. расширение влияния неофашистов в стране было в основном приостановлено, а в последующие годы партия «Итальянское социальное движение — национальные правые силы» была отброшена назад.

На выборах в местные органы власти летом 1975 г. неофашисты потеряли около 2% голосов по сравнению с парламентскими выборами 1972 г. При этом крайне правые потеряли на выборах много своих прежних сторонников, но к ним перешла часть тех избирателей, которые раньше поддерживали либералов, понесших на этот раз особенно большие потери. В то же время компартия собрала 32,6% голосов — более чем на 5% больше по сравнению с предыдущими выборами [69].

Этот успех левых сил Италии был развит и закреплен в ходе парламентских выборов в июне 1976 г., когда за коммунистов проголосовало 34,4% избирателей на выборах в палату депутатов и 33,8% — на выборах в сенат. Выборы явились новым свидетельством укрепления антифашистских настроений итальянского народа. Партия «Итальянское социальное движение — национальные правые силы» потеряла более 500 тыс. голосов и значительную часть своих мест в парламенте (в палате депутатов число ее представителей сократилось с 56 до 35 и в сенате — с 26 до 15) [70].

Вместе с тем левые силы Италии справедливо исходят из того, что и в новой политической ситуации, сложившейся в стра-

---

[68] «Известия», 1974, 1 февраля.
[69] «Rinascita», 20.VI 1975, p. 4—6.
[70] «Unità», 23.VI 1976.

не, в условиях заметного сокращения влияния ИСД-НПС нельзя недооценивать опасности, которую представляет собой неофашизм, особенно учитывая его тесные связи как с правыми монополистическими и политическими кругами внутри страны, так и с международной империалистической реакцией. Продолжая оказывать давление на власти, требуя от них принятия мер против преступной деятельности правоэкстремистских организаций, итальянские коммунисты в то же время считают крайне важным всячески повышать бдительность широких народных масс, их готовность в любой момент дать решительный отпор происках неофашистов.

НЕОФАШИЗМ В ДРУГИХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Из всех европейских стран откровенно фашистский режим дольше всех существовал в Португалии — с 1926 г. Фашизм в этой стране сумел выжить после второй мировой войны и укрепиться. Салазар, фашистский диктатор Португалии с 1932 по 1968 г., во время гражданской войны испанского народа 1936—1939 гг. оказывал всестороннюю помощь франкистским мятежникам, а также итало-германским интервентам. В стране с 1932 г. имелась единственная легальная партия, фашистская,— Национальный союз. Во второй мировой войне Португалия формально сохраняла нейтралитет, хотя фактически поддерживала политику фашистских правительств Германии и Италии. И если она открыто не вступила в войну на стороне фашистской «оси», то причиной явились разгром немецко-фашистских войск на советско-германском фронте, а также антифашистское движение в самой Португалии [71].

После 1945 г. Салазар и его клика не могли не считаться с новой обстановкой. Гитлеровская коалиция, на которую они делали ставку, потерпела поражение. Мировая демократическая общественность требовала завершения ликвидации фашистских очагов и наказания соучастников гитлеровского разбоя. Португалии угрожала международная изоляция, а внутри страны антифашистские силы требовали восстановления демократических свобод. Однако салазаровцы мобилизовали все силы и средства, чтобы сохранить свое господство, прибегнув при этом к помощи международного империализма, еще более широко распахнув двери Португалии и ее колоний для иностранного капитала. Все это способствовало сохранению фашистской диктатуры. Следует также учитывать и то обстоятельство, что португальские фашисты накопили большой опыт политического лавирования и обмана масс, прибегая как к прямому насилию, так и к социальной демагогии.

Генеральный секретарь Португальской компартии А. Куньял так оценивал политику правительства Каэтану, последнего фаши-

[71] См.: *Коломиец Г. Н.* Очерки новейшей истории Португалии. М., 1965, с. 47—48.

стского диктатора: «Не считая небольших изменений фасада, в политике правительства не изменилось ничего существенного. Продолжают попираться самые элементарные свободы, сохраняется режим одной фашистской партии и унифицированных фашистских профсоюзов. Продолжается политика полицейского террора. Продолжается колониальная война и политика подчинения империализму. Салазаризм властвует без Салазара» [72].

В этих условиях Португальская коммунистическая партия основное направление своей деятельности видела в укреплении единства рабочего класса в повседневной борьбе против фашистской политики, расширении рядов и укреплении единства всех демократов, антифашистов и патриотов в борьбе за свержение фашистской диктатуры, за завоевание политических свобод, прекращение колониальной войны и предоставление независимости португальским колониям [73]. На международном Совещании коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Москве в 1969 г., правительства Португалии и Испании были охарактеризованы как очаги реакции и фашизма.

25 апреля 1974 г. Португалия вступила на путь свободы и демократии. В этот день Движение вооруженных сил нанесло решительный удар по фашистскому правительству Каэтану. Это был кульминационный момент длительного процесса, развитие которого определялось такими факторами, как кризис фашистского режима, экономические и политические последствия долгой колониальной войны, международное осуждение и изоляция португальского фашизма и колониализма, широкий размах борьбы португальского народа против эксплуатации, дороговизны, против репрессий и колониальных авантюр, а также успехи освободительного движения в Гвинее-Бисау, Анголе и Мозамбике [74].

Неофашизм существует и в других европейских странах с традиционной буржуазно-демократической системой, что доказывает хотя бы пример Австрии. Здесь с 1967 г. имеется неофашистская Национал-демократическая партия, которую возглавляет южнотирольский террорист Н. Бургер. Она тесно связана с западногерманской НДП. На выборах в 1970 г. партия собрала всего лишь 2,4 тыс. голосов избирателей [75]. Но, несмотря на незначительную поддержку населения, неофашисты продолжают активную деятельность; они ориентируются на националистические объединения, солдатские и спортивные союзы. В 1973 г. был создан национал-демократический союз студентов. В марте 1973 г. в Вене состоялся слет неофашистов, в мае в Граце проводились «дни штирийской весны», в которых участвовали как австрийские, так и западногерманские нацисты.

---

[72] Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, с. 506.
[73] См.: «Проблемы мира и социализма», 1973, № 5, с. 29—30.
[74] См.: Современный фашизм: его обличье и борьба с ним, с. 29.
[75] Oesterreich. Die zweite Republik. Graz, 1972, S. 226.

Но НДП — не единственная неофашистская организация в Австрии.

Австрийский неофашизм тесно связан с западногерманским неонацизмом. Ратуя за торжество «великогерманского духа», австрийские неофашисты по существу стали пропагандистами неонацистских идей в своей стране. Первые неонацистские организации возникли здесь в конце 40-х годов. В феврале 1948 г. в Зальцбурге был создан так называемый Институт изучения общественного мнения, куда в основном вошли члены подпольного неонацистского Добровольческого корпуса черных охотников, бывшие нацисты. В стране стал распространяться профашистский журнал «Хайматруф» («Зов родины»). В сентябре 1948 г. образовалось Австрийское объединение, вскоре властями запрещенное, так как оно оказалось замаскированной неонацистской организацией. В 1949 г. в Граце была раскрыта еще одна экстремистская группа — Добровольческий корпус Шарнхорст, где объединились бывшие эсэсовцы и члены гитлеровской молодежной организации [76].

В феврале 1949 г. в Австрии появилась первая легальная неофашистская организация — Союз независимых. Она стала издавать газету «Альпенлэндишер хайматруф» («Альпийский зов родины»), которую затем переименовали в «Фрайе штиммен» («Свободные голоса»), а позже — в «Альпенруф» («Альпийский зов»). Все эти «партии» не имели массовой базы, они возникали, исчезали, появлялись вновь под другими названиями. Работа некоторых из них проводилась при строгом соблюдении правил конспирации. Так например, в конце 40-х годов возникла тайная организация «Шпинне» («Паук»), в задачу которой входило оказание помощи разыскиваемым нацистским преступникам. Через Австрию их переправляли в Италию, а оттуда — в Латинскую Америку. Одним из создателей «Шпинне» был Эрих Керн, бывший руководитель нацистского ведомства печати в Вене.

Большие надежды австрийские неофашисты возлагают на организации бывших военнослужащих. Самые крупные из них — Австрийский товарищеский союз и Австрийский солдатский союз. Если в первом из них ярко выраженные неонацистские тенденции с годами постепенно ослабли, то Австрийский солдатский союз, где объединена часть бывших эсэсовцев, поддерживает контакты с неонацистскими организациями как в своей стране, так и с подобными организациями в ФРГ. Феликс Риннер, руководитель одной из секций этого союза, Товарищества IV, куда входят главным образом эсэсовцы, в свое время вместе с Керном являлся основателем «Шпинне».

В 1956 г. вместо Союза независимых возникла новая партия — Австрийская партия свободы. В ней объединилась часть мелкой

---

[76] «Volksstimme», 12—13.IV 1974.

и средней буржуазии, ориентирующейся на Западную Германию. В партии много бывших нацистов, судетских немцев.

Было бы неверным недооценивать роль австрийских неофашистов, несмотря на малочисленность и раздробленность их организаций. Их апелляции к «великогерманскому духу», призывы рассматривать Австрию в качестве третьего германского государства находят поддержку среди определенных слоев населения страны.

Отсутствие массовой базы — одна из характерных черт большинства неофашистских движений в послевоенной Европе. Однако факты говорят о том, что фашисты настойчиво добиваются своих целей. Примером тому служат события во Франции конца 50 — начала 60-х годов, когда фашизм стал реальной угрозой.

Прежде всего стоит остановиться на «пужадистском движении», получившем это название по имени его лидера — лавочника Пьера Пужада. Созданная им организация Союз защиты торговцев и ремесленников стала убежищем для французских фашистов. Сначала в нее вошли мелкие предприниматели, ремесленники, торговцы, недовольные налоговой политикой правительства Четвертой республики. Однако вскоре эта организация вышла за рамки борьбы против налогов. На съезде союза, состоявшемся в июле 1955 г. в Париже, Пужад выдвинул требования пересмотреть существующую конституцию, сохранить колониальную империю «единой и неделимой», передать частному капиталу национализированные предприятия, ограничить социальное страхование, установить контроль над профсоюзами. «Характер этого движения... правый, антипарламентский, вообще говоря, фашистский. Его нужно, однако, ассоциировать, по крайней мере по происхождению, с определенным социальным классом — классом ремесленников, мелких и средних торговцев. Это Франция с ее ремесленными и индивидуалистическими традициями восстала против продвижения механизации, которая грозила ее затопить»,— пишет известный французский историк А. Зигфрид[77]. На парламентских выборах 2 января 1956 г. за пужадистов проголосовали почти 2,5 млн. избирателей (11,5%). Пропагандируя национализм, шовинизм, антипарламентаризм, они способствовали падению Четвертой республики. Само пужадистское движение, однако, не получив широкой поддержки, вскоре распалось.

В начале 60-х годов фашизм нашел сторонников среди офицерского и сержантского состава французской армии, а также полиции, среди некоторых категорий чиновничества и деклассированных городских элементов. В Алжире за ним пошла немалая часть европейского населения. Это объяснялось тем, что основная масса проживавших в Алжире лиц европейского происхождения

---

[77] Цит. по: История Франции, т. III. М., 1973, с. 382.

любыми средствами стремилась «сохранить свои привилегии, то есть режим социально-экономического и политического угнетения коренного населения, так как это обеспечивает многим из них гораздо более высокий жизненный уровень, чем средний уровень жизни в Западной Европе» [78].

После военного мятежа в 1958 г. в Алжире возникают различные ультраколониалистские организации. Среди них — «Фронт борьбы за французский Алжир», «Молодая нация», «Национальная перегруппировка», «Движение Алжир — Сахара», «Возрождение Франции» и др. Французские фашисты получали поддержку со стороны международного неофашизма. С его помощью в феврале 1961 г. в Мадриде была создана фашистско-террористическая Секретная вооруженная организация — ОАС. Требования, которые выдвигала эта организация, выходили за локальные рамки алжирской проблемы. В «Предварительной программе, которая может послужить основой программы национальной реконструкции», говорилось, что «парламент, который не может претендовать на то, что он представляет что-либо, кроме трусости, будет распущен, будут распущены также все партии, которые разъединяют и служат интересам финансовых групп или иностранных держав». Далее авторы программы выражались еще яснее. «Как внутренние враги нации, подлежат роспуску коммунистическая партия и «прогрессивные» организации, поддерживающие с нею непосредственные или косвенные связи. Коммунисты, занимающие выборные посты или другие официальные должности, подлежат смещению» [79].

Глава ОАС генерал Салан нашел поддержку у правоэкстремистских организаций ФРГ, Швейцарии. В Испании была создана специальная школа ОАС, которой руководил бывший эсэсовский полковник Отто Скорцени.

Оасовская организация быстро нашла общий язык с бельгийскими неофашистами, которые также боялись потерять свои заморские колонии и трубили о «разбазаривании ценностей бельгийской нации». В Бельгии существовал ряд организаций неофашистского толка, такие как «Национальная молодежь», «Ударные отряды молодой Европы». В начале 60-х годов все они слились с Движением гражданского действия, которое выпускает газету «Насьон Бельжик».

Французский народ сорвал планы оасовцев и помешал распространению коричневой чумы. Главари ОАС были арестованы. Но социальные корни французского неофашизма остались. В последнее время активизировала свою деятельность неофашистская организация «Новый порядок», которая считает себя «форпостом антикоммунизма». Во главе ее — бывшие оасовцы. Существуют и другие группировки фашистской и ультраправой окраски.

---

[78] *Фенью Б.* ОАС. М., 1962, с. 4.
[79] Ibid., p. 41—42.

Хотя в ряде европейских стран неофашистские организации официально запрещены, они продолжают существовать нелегально или маскируются под националистической личиной.

В Англии в последние годы активизировал свою деятельность профашистский «Национальный фронт», пропагандирующий махровый расизм, натравливающий местных рабочих на выходцев из бывших афро-азиатских колоний Великобритании. Он возник в конце 60-х годов путем слияния различных правоэкстремистских группировок. Позже от него откололась другая организация неофашистов — Национальная партия. Обе партии ставят перед собой задачу пробиться в британский парламент.

В послевоенные годы в некоторые высокоразвитые капиталистические страны хлынул огромный поток иностранных рабочих. Часть их работает в Швейцарии. Шовинистическую, расистскую травлю против этих рабочих ведут три организации — Республиканское движение (называется еще Движение Шварценбаха — по имени его главаря), Национальное действие и так называемые «Бдительные!» Все три «партии» призывают население «охранять швейцарский дух» от посягательств со стороны иноземцев. Если учесть, что Движение Шварценбаха на последних выборах в Национальное собрание получило семь депутатских мандатов, а Национальное действие — четыре, становится очевидным далеко не «беспочвенный» характер националистических лозунгов. Подобные явления встречаются и в других странах, где работают иностранные рабочие.

Неофашистские организации имеются и в скандинавских странах. В Норвегии действует партия Андерса Ланге. На парламентских выборах в 1973 г. за нее проголосовали 5% избирателей, и она получила четыре депутатских места в парламенте. Председатель партии в 30-х годах являлся активным членом фашистской организации Отечественный союз. Среди неофашистских организаций — Национальный молодежный союз, Антикоммунистический альянс, Партия прогресса. Несколько неофашистских группировок действуют и в Швеции. Одна из них — Северная имперская партия (Нордиска Рикспартиет) ставит своей целью свержение правительства и замену шведской демократии национал-социалистской диктатурой. Полагают, что партия имеет сторонников не только в Швеции, но и в Дании и Норвегии. Наиболее сильные оплоты партии — университетские города.

* * *

Неофашистские партии и организации существуют в разнообразных формах во многих странах капитала. И несмотря на их национальную окраску, у них можно проследить общую характерную черту — стремление установить открытую террористическую диктатуру наиболее правых кругов монополистической буржуазии. Эта общность целей порождает и стремление к совместным действиям в международном масштабе.

Еще в середине 60-х годов в Австрии возникло так называемое социальное движение порядка Европы со штаб-квартирой в Зальцбурге. Эта организация примкнула к Движению Мальме. Последнее известно также под названием Европейского социального движения, являющегося не чем иным, как международным эсэсовским штабом, созданным в начале 50-х годов в Швеции по инициативе неофашистов ряда европейских стран. Создатель Социального движения Теодор Соучек в 1948 г. за нацистские преступления был приговорен к смертной казни, которую ему заменили пожизненным заключением. Однако через три года его выпустили на свободу. Социальное движение порядка Европы как организация просуществовало недолго, однако неонацистский дух, породивший эту организацию, продолжает жить.

И в последующие годы время от времени в печать проскальзывали сообщения о международных сборищах неофашистов. Так, например, осенью 1972 г. в местечке Планег под Мюнхеном состоялся первый «национал-европейский молодежный конгресс», в котором приняли участие делегаты от неофашистских организаций ФРГ, Австрии, Швейцарии, Италии, Испании, Португалии, Франции, Бельгии, Нидерландов, Англии, Дании, Норвегии и Швеции. В качестве гостей присутствовали представители румынских и украинских антикоммунистических эмигрантских организаций, а также правых организаций Соединенных Штатов Америки и Южной Африки.

Хотя конгресс проходил при закрытых дверях, стали известны проблемы, которые волновали европейских неофашистов. Главный лозунг конгресса— борьба против коммунизма. На конгрессе был создан так называемый генеральный секретариат.

В декларации, принятой на этом сборище, говорилось, что европейские расы являются «творцами и носителями технической цивилизации». В этом документе подчеркивается, что «только путем изменения статус-кво 1945 г. Европа может стать тем, чем она может и должна быть для мира». Участники конгресса поклялись «победить марксизм в решающей битве», высказались против договоров, заключенных ФРГ с СССР и ПНР, против созыва конференции по европейской безопасности.

В конце декабря 1947 г. в Лионе, по сведениям французской газеты «Фигаро», фашистский интернационал, объединяющий в своих рядах все неонацистские и неофашистские движения Европы, а также Южной Африки и Соединенных Штатов, провел «совещание на высшем уровне» [80]. Ядром этой организации является движение «Новый европейский порядок», лидер которого Гастон Арман Амодрюз проживает в Лозанне. Программа этого «движения» ставит своей первоначальной задачей «очищение европейской расы», для чего необходимо отправить на родину аф-

[80] «Figaro», 17.IV 1975.

риканцев и азиатов, запретить браки между черными, желтыми и белыми. Амодрюз заявляет: «Следует также проводить правильную биологическую политику с тем, чтобы улучшить наследственные особенности народов, которые страдают от слишком высокого процента «биологически неполноценных особей». Кроме того, разрешение на брак следует давать лишь тем, кто обладает определенным интеллектуальным коэффициентом...» [81]

Одно из последних событий в деятельности неофашистов — так называемый конгресс национальных сил Европы, состоявшийся летом 1976 г. в Гамбурге. На нем представители западноевропейских неофашистских организаций согласовывали свою политику в связи с намеченными на 1978 г. выборами в европейский парламент. Лозунги, под которыми проходил неофашистский конгресс, мало чем отличались от тех, что провозглашались фашистами 40—50 лет назад: борьба против «большевистской угрозы» в международном плане и внутри своих стран с целью предотвратить превращение Европы в континент народного фронта «под коммунистическим господством». Эти примеры показывают, что неофашизм, уходя своими корнями в прошлое, в нынешних условиях проявляется прежде всего как реакция на успехи в борьбе за мир и разрядку напряженности. И хотя соотношение сил в послевоенной Европе резко изменилось в пользу социализма, любая недооценка опасности неофашизма была бы ошибкой.

Анализ неофашизма как политического движения и как идеологии дает возможность определить его общие черты как фашизма, который приспосабливается к условиям современного этапа общего кризиса капитализма, к новой расстановке сил внутри капиталистического мира и на международной арене. По мнению участников Эссенского международного симпозиума представителей европейских компартий, неофашизм — «это проявление стремлений наиболее реакционных элементов монополистического капитала задержать необратимый процесс распада старого строя не просто путем попрания демократических прав и свобод, жестоких полицейских репрессий и преследований, антирабочего законодательства, но и посредством установления открыто террористической, контрреволюционной диктатуры...» [82].

Современные фашисты ищут различные пути для установления своей диктатуры: с помощью военного путча, завоевания изнутри буржуазной государственной машины, через реакционную правительственную бюрократию, проникая в буржуазно-демократический партийный аппарат. На европейском континенте немало буржуазных партий, где осели бывшие фашисты и выращиваются новые. Иногда они скрывают свои профашистские взгляды, всячески маскируя их.

---

[81] «Проблемы мира и социализма», 1973, № 4, 5.
[82] См.: «Проблемы мира и социализма», 1973, № 5, с. 42.

Ныне в мире открыто неофашистские партии и группы действуют примерно в 60 капиталистических странах. Они объединены в международные организации и располагают крупными финансовыми средствами. Источники поступления этих средств тщательно скрываются, но, безусловно, часть средств черпается из фондов, созданных немецкими и итальянскими фашистами в тот период, когда их разгром во второй мировой войне стал очевиден. Кроме того, их продолжает финансировать крупный капитал, рассчитывая на неофашизм как на последний резерв для спасения своей власти.

Тактика неофашистов, которые зачастую прикидываются «друзьями народа», не останавливаясь перед критикой политики буржуазных правительств и монополий, не может не тревожить прогрессивную общественность. Ведь в относительно недавнем прошлом с помощью социальной демагогии фашистам удалось обмануть подпавшие под их влияние массы, ввергнуть миллионы людей в страшную катастрофу. Нельзя допустить, чтобы история повторилась.

Участники Берлинского совещения коммунистических и рабочих партий Европы, обеспокоенные растущей активностью старых и новых «наци», подчеркнули в итоговом документе, что для демократии и социального прогресса, для сохранения мира и международных отношений, основывающихся на взаимном доверии и дружественном сотрудничестве, «необходимо искоренить фашизм, предотвратить его возрождение в открытой или завуалированной форме, бороться против организации и деятельности фашистских и неофашистских террористических организаций и групп...» [83]

Борьба против неофашизма во всех формах его проявления — важнейшая задача как пролетариата отдельно взятой страны, так и международного пролетариата.

---

[83] За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 г.

Глава тринадцатая

ИСТОРИОГРАФИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ФАШИЗМА

РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ФАШИЗМА

Изучение фашизма началось почти одновременно с возникновением этого феномена. Быстро набравшее силы движение прежде всего стало предметом анализа тех, против кого оно было главным образом направлено. Первые работы о фашизме были написаны преимущественно представителями коммунистического и рабочего движения.

К исследованию нового явления лучше всего были подготовлены коммунисты, опиравшиеся на марксистско-ленинскую теорию общественного развития. В период общего кризиса капитализма окончательно рухнули наивно-оптимистические либеральные представления о мире, которые сложились во времена прогрессивного развития капиталистического строя. Фашизм не поддавался научному анализу с либерально-позитивистских позиций. Столь же несостоятельными оказались консервативные теории с их мрачным безысходным пессимизмом. Подлинно научный анализ фашизма оказался не под силу и социал-реформистскому направлению, представители которого пытались комбинировать остатки марксизма, сохранившиеся в их идейном багаже, с элементами буржуазно-либеральных воззрений. Большинству буржуазных и реформистских авторов фашизм представлялся чем-то загадочным, противоречащим эволюции капиталистического общества.

Между тем ленинский анализ империализма в известной мере предполагал возможность развития капитализма в том направлении, которое привело к фашизму. В. И. Ленин настоятельно подчеркивал, что «политически империализм есть вообще стремление к насилию и к реакции» [1]. Эту тенденцию еще более усугубило начавшееся перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм.

Исследователи-марксисты могли опереться не только на ленинскую теорию империализма, но и на разработанные В. И. Лениным положения о разновидностях буржуазной политики, главным критерием которых служат методы отстаивания буржуазией своего классового господства в борьбе против пролетариата. Как указы-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 388.

вал В. И. Ленин, «буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях» [2]. Первый из них — метод насилия, грубого подавления рабочего класса определяет сущность консервативной политики. Другой метод, делающий ставку на уступки рабочему движению, лавирование и реформы, составляет существо либеральной политики.

Еще до первой мировой войны В. И. Ленин отмечал, что напуганные подъемом революционного движения, вызванным непосредственным воздействием Великой Октябрьской социалистической революции, «империалисты всех стран не останавливаются перед самыми зверскими средствами подавления социалистического движения» [3]. В. И. Ленин говорил о бешеной реакции озверевших капиталистов [4]. В фашизме, несмотря на его радикальную антикапиталистическую фразеологию, он распознал проявление этой «бешеной реакции», отмечая его родство с белогвардейским буржуазным террором [5].

В. И. Ленин обращал особое внимание на угрозу, исходившую от военщины, той силы, которая сыграла немаловажную роль в формировании фашизма: «...преступнейшая и реакционнейшая империалистская война 1914—1918 годов воспитала во всех странах и выдвинула на авансцену политики во всех, даже самых демократических республиках именно десятки и десятки тысяч реакционных офицеров, готовящих террор и осуществляющих террор в пользу буржуазии, в пользу капитала против пролетариата» [6]. Хотя В. И. Ленин не успел непосредственно проанализировать едва зародившееся при его жизни явление, в ленинском идейно-теоретическом наследии содержатся принципиальные предпосылки, на основе которых формировалось марксистское понимание фашизма.

Марксистско-ленинская концепция фашизма складывалась в суровой практике политической борьбы, сопряженной с неустанным теоретическим поиском. Главная роль в ее разработке принадлежала Коммунистическому Интернационалу [7]. В документах коммунистического движения, в произведениях таких его выдающихся деятелей, как Г. Димитров, А. Грамши, П. Тольятти, К. Цеткин, Э. Тельман, В. Пик, В. Ульбрихт и др., в 20—30-х годах была подвергнута глубокому анализу основная проблематика фашизма, дано его научное определение.

---

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 67.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 123.
[4] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 432—433.
[5] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 235.
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 57.
[7] См.: *Levin E.* Zur Faschismus-Analyse durch die Kommunistische Internationale (1922—1933).— «Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», 1970, H. 1.

Уже на IV конгрессе Коминтерна фашизм стал объектом самого пристального внимания. О том, какое значение придавал Коминтерн изучению фашизма, свидетельствует, в частности, письмо ИККИ от 16 марта 1923 г.: «Во всех странах должен тщательным образом собираться весь материал о фашизме, о так называемом национал-социализме... Реакционное движение, которое сумело привлечь на свою сторону часть, хотя бы и незначительную, рабочего класса, заслуживает с нашей стороны тщательного внимания. Мы, коммунисты, должны прежде всего знать это движение до мельчайших подробностей: его программу, его литературу, внутренние течения, личности, организационные формы, источники денежных средств, степень поддержки со стороны правительства, отношение к этому движению со стороны крестьянства, величину вооруженных сил и т. д. и т. д.»[8] Вопрос о фашизме занимал видное место на III расширенном пленуме ИККИ 12—23 июня 1923 г. Марксистские авторы, приступившие в начале 20-х годов к исследованию фашизма, могли, таким образом, опереться и на первые результаты специального анализа этого явления, достигнутые Коминтерном.

Конечно, марксистско-ленинская концепция фашизма сложилась не сразу. Ведь сам объект изучения находился в состоянии эволюции. Фашистский режим в Италии окончательно оформился только к концу 20-х годов. Еще труднее было судить о фашистских движениях в других странах. Антикапиталистическая демагогия, пропаганда корпоративизма, непрямолинейная связь между социальным базисом и политической практикой — все это маскировало истинный характер фашизма. Неудивительно, что при анализе фашизма порой допускались поспешные, недостаточно обоснованные суждения о тех или иных его аспектах. Поскольку изучение фашизма было неразрывно связано с политической борьбой, на представлениях о нем сказывались ошибочные тактические установки, впоследствии пересмотренные и отброшенные коммунистическим движением.

Но самое главное заключалось в том, что коммунисты сумели быстро распознать классовую сущность фашизма, дать ему принципиально верную оценку, которая затем углублялась и уточнялась. Опора на строго научные положения марксизма-ленинизма служила надежной гарантией успешного преодоления серьезных трудностей, неизбежно возникающих при анализе всякого нового исторического явления, а тем более такого сложного и многопланового, как фашизм. В отличие от буржуазных историков и публицистов, поглощенных изучением поверхностных проявлений фашизма, исследователи-марксисты сосредоточили свои усилия на изучении места и функции фашизма в буржуазном обществе, характера отношений между фашистами и массой, фашистами и господствующими классами, прежде всего монополистическим капиталом.

[8] «Коммунист», 1969, № 3, с. 12.

Если большинству буржуазных историков и публицистов фашизм в 20-х годах казался уникальным, чисто итальянским феноменом, то, с точки зрения марксистов, его следовало изучить в международном масштабе, как следствие общего кризиса капитализма, как одну из попыток противодействия буржуазии мировому революционному процессу. «Мы все едины в том, что фашизм — это международное явление» [9],— отмечала К. Цеткин, В 1923 г. в Советском Союзе был издан под редакцией Н. Я. Мещерякова сборник статей, озаглавленный «Мировой фашизм». Фашизм, говорилось в этой книге, есть попытка предотвратить надвигающуюся на буржуазный мир пролетарскую революцию. Фашизм есть реакция буржуазии против этой опасности» [10]. Мировой характер революционного процесса обусловил и международный характер фашистской реакции. Это обстоятельство подчеркивали также авторы первых работ об итальянском фашизме. Д. А. Антонов писал в 1923 г., что «фашистское движение выходит из рамок внутренней итальянской политики, приобретая значение наиболее действительного средства в борьбе мировой буржуазии с рабочим классом» [11]. «Фашизм — не специфически итальянское явление, он имеет в высшей степени актуальное значение и в международном масштабе» [12],— таково мнение референта Исполкома Коминтерна по итальянским делам, венгерского коммуниста Д. Шаша, опубликовавшего свою первую книгу о фашизме под псевдонимом Дж. Аквила. «Коммунистические противники фашизма,— признает современный западногерманский буржуазный историк В. Шидер,— раньше всех других распознали его всеобщий характер, не привязанный к стране, где он возник. Коммунистическая интерпретация имела историческую заслугу, заложив тем самым основу для более поздней общей теории фашизма» [13].

К пониманию сущности фашизма марксисты шли, вскрывая в первую очередь его социально-экономические и политические предпосылки. Исходя из шестилетней практики муссолиниевского режима, П. Тольятти писал, что «последовательно реакционный характер фашизма является раньше всего и главным образом проявлением экономической необходимости и процесса, коренящегося в области производственных отношений» [14].

Общий кризис капиталистической системы создает и политические предпосылки фашизма, так как оказываются неэффективными прежние формы организации государственной власти и традиционные тактические методы господствующих классов. «Буржуазия,— по словам К. Цеткин,— больше не может быть уверена

---

[9] *Zetkin C.* Ausgewählte Reden und Schriften, Bd. III. Berlin, 1960, S. 721.
[10] Мировой фашизм. М., 1923, с. 65.
[11] *Антонов Д. А.* Очерки фашизма в Италии. М., 1923, с. 1.
[12] *Аквила Дж.* Фашизм в Италии. М., 1923, с. 9.
[13] Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Freiburg — Basel — Wien, 1969, S. 454.
[14] «Коммунистический Интернационал», 1928, № 27—28, с. 14.

в надежности обычных средств власти своего государства». Она не может более полагаться на проповедь гражданского мира, на усыпляющее воздействие реформистской пропаганды и практики [15].

Правда, в марксистских работах тех лет можно обнаружить и налет схематизма, упрощенные оценки, в особенности когда речь шла о чередовании различных вариантов буржуазной политики, их места в политической стратегии и тактике господствующих классов. Говоря о фашизме как крайнем средстве буржуазии в борьбе с угрозой революции, некоторые авторы считают, что господствующие классы исчерпали все возможности маневра и кроме фашистских методов им больше не на что рассчитывать. Недооценивались, таким образом, качественные различия между экстремистскими методами и либерально-реформистским типом буржуазной политики, проводником которой являлись социал-демократические партии. «В своем развитии фашизм,— утверждал Мещеряков,— превратился в единственную дееспособную партию судорожно цепляющейся за свои права буржуазии» [16]. В ходе анализа рвавшегося к власти германского фашизма Е. Рубинштейн делала вывод, что для загнивающего капитализма, чьей политической надстройкой является фашизм, «характерно объединение господствующих классов в лагере черной реакции, приведение к одному общему знаменателю либеральных и консервативных партий» [17]. Часто встречающиеся в первых марксистских работах слишком суммарные оценки различных фракций буржуазии объяснялись, в частности, тем обстоятельством, что не только консервативные, но и некоторые либеральные круги капиталистического лагеря симпатизировали фашистам.

Тенденции к схематизму, упрощенчеству наталкивались на постоянное противодействие. От недифференцированного употребления термина «фашизм» предостерегал, например, П. Тольятти. У него вызывало тревогу то обстоятельство, «что в некоторых случаях берет верх стремление заменить глубокое изучение фашизма изложением общих абстрактных идей, которые иногда не совсем соответствуют действительности» [18]. Между тем фашизм — это «не всякая форма реакции, и мы должны стараться хорошенько понять, в чем состоит его особенность» [19].

Именно такой подход характерен для книги Ж. Дюкло о французском фашизме. Затрагивая вопрос о характере данного феномена в целом, Дюкло отмечал специфику фашистской диктатуры в Италии по сравнению с диктаторскими режимами М. Примо де Ривера, Пилсудского, Хорти [20]. Подобное же разграничение

---

[15] *Zetkin C.* Op. cit., S. 698—699.
[16] Мировой фашизм, с. 68.
[17] «Историк-марксист», 1932, № 1—2, с. 88.
[18] «Коммунистический Интернационал», 1928, № 27—28, с. 11.
[19] Там же.
[20] *Дюкло Ж.* Фашизм во Франции. М., 1929, с. 83.

проводил Д. А. Магеровский. Он возражал против часто встречавшихся в буржуазной литературе антиисторических параллелей между фашизмом и режимами минувших эпох, поскольку «это режим, который развивается исключительно в эпоху империализма». Фашизм также нельзя считать «необходимой формой, через которую должны пройти все империалистические государства, прежде чем они придут к диктатуре пролетариата» [21].

От прочих типов реакции фашизм отличается не только открытым массовым террором, но и способностью создавать внушительную социальную опору. О том, что носителями фашизма выступают довольно широкие социальные слои, а не узкая каста, говорила К. Цеткин. Но массовая база фашизма не могла скрыть от марксистов его подлинную сущность. «Считать завоевание власти фашизмом успехом мелкой и средней буржуазии — это ошибка, в которую впали многие политические писатели и которая породила несбыточные предсказания» [22],— отмечал П. Тольятти еще в 1923 г. Весьма обстоятельно и интересно рассмотрен вопрос о социальном базисе итальянского фашизма на страницах книг Д. Шаша [23].

Говоря о фашизме как системе «наиболее последовательной и полной реакции», П. Тольятти вместе с тем подчеркивал необходимость учета специфических элементов, привнесенных в фашистское движение мелкой буржуазией города и деревни. Политическая активность мелкой буржуазии стимулировалась в значительной мере антикапиталистическими настроениями. У мелкобуржуазных слоев, как писал Тольятти, «не было намерения бороться за установление диктатуры крупного промышленного и финансового капитала» [24]. Крупным промышленникам и аграриям удалось добиться решающего влияния на фашистское движение, преодолевая сопротивление мелкобуржуазных элементов.

Противоречие между массовым базисом и политической практикой фашизма становилось очевиднее после прихода его к власти: на первый план, оттесняя чернорубашечников-сквадристов, выдвигались прямые представители крупной буржуазии [25]. Тем не менее фашизм разными методами стремился сохранить и расширить массовую опору, которая обеспечивает ему не только политический динамизм, но и определенную степень самостоятельности по отношению к тем силам, чьим интересам он служит. С точки зрения Тольятти, было бы наивно думать, что капитализм способен воспользоваться фашизмом просто как орудием, чтобы разбить рабочий класс, а «затем может отложить его в

---

[21] *Магеровский Д. А.* Фашистское государство. М., 1928, с. 70.
[22] Цит. по: *Феррара М. и М.* Беседуя с Тольятти. М., 1954, с. 91.
[23] Кроме уже упомянутой книги, см.: *Джулио Ю.* Фашистская Италия. М., 1929.
[24] «Коммунистический Интернационал», 1928, № 27—28, с. 16.
[25] Там же, с. 17.

сторону и продолжать держать власть в обычных формах, пользуясь теми же самыми учреждениями, теми же самыми политическими деятелями, теми же методами, что и раньше» [26].

Идеологические предпосылки и принципы фашизма не стали еще в тот период объектом столь же интенсивного изучения, как его социально-экономические и политические аспекты. Довольно последовательно отрицал наличие у фашизма самостоятельной идеологии Г. Сандомирский [27]. В этом отношении с ним был солидарен Мещеряков: «...фашизм обнаруживает действительно полное отсутствие какой-нибудь прочно установленной идеологии» [28]. Иного взгляда придерживался Д. А. Антонов: «...утверждения Сандомирского слишком поспешны. Фашизм, несмотря на все противоречия, имеет свои основные принципы, которые по-своему логичны» [29]. Пестроту, крайний эклектизм фашистской идеологии отмечал Магеровский: «...учение фашизма есть смесь — и во многих своих частях чисто механическая — учений консерватизма, национализма. Идеи Ж. де Местра причудливо переплетаются с идеями Л. Дюги, М. Леруа и Ж. Сореля» [30].

Литература о фашизме отражала существенный недостаток в деятельности некоторых компартий, о котором позднее, на VII конгрессе Коминтерна, говорил Г. Димитров: «Многие товарищи не верили, что столь реакционная разновидность буржуазной идеологии, как идеология фашизма, доходящая в своей нелепости зачастую до сумасбродства, вообще способна завоевать массовое влияние» [31].

Недооценке идеологической стороны фашизма способствовало и часто прагматическое отношение самих фашистских иерархов к идеологии. Особенно бесцеремонным на этот счет был Муссолини, который всегда настаивал на приоритете прямого действия перед идеологическими принципами. Идейное кредо фашизма дуче удосужился изложить лишь через 10 лет после прихода к власти, в статье для «Итальянской энциклопедии».

В целом десятилетие с начала 20-х до начала 30-х годов было достаточно плодотворным для зарождавшейся тогда марксистской историографии фашизма. Марксистам удалось найти верный путь к решению коренных проблем фашизма, разглядеть его классовую сущность сквозь плотное прикрытие, созданное вокруг него мелкобуржуазной массовой свитой.

---

[26] Там же, с. 12.
[27] См.: *Сандомирский Г.* Фашизм, ч. 1. М.— Л.; *Он же.* Теория и практика европейского фашизма. М., 1929.
[28] Мировой фашизм, с. 288.
[29] *Антонов Д. А.* Указ. соч., с. 29.
[30] *Магеровский Д. А.* Указ. соч., с. 25.
[31] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 1. М., 1957, с. 436—437.

* * *

Исходным рубежом второго этапа в развитии марксистской историографии можно считать 1933—1935 гг. Выбор этого рубежа обусловлен эволюцией объекта исследования и решительным поворотом в стратегии и тактике коммунистического движения, оказавшим глубокое влияние на подход марксистской историографии к фашизму.

С установлением 30 января 1933 г. нацистской диктатуры в Германии сущность фашизма вырисовывается еще рельефнее. Учитывая опыт прихода нацистов к власти и первые практические шаги гитлеровского режима, XIII пленум ИККИ (ноябрь — декабрь 1933 г.) разработал подлинно научное определение фашизма. На основе этого определения VII конгресс Коминтерна значительно углубил марксистско-ленинскую концепцию фашизма, очистив ее от рецидивов схематизма и сектантства.

В 1934 г. на английском языке была опубликована книга одного из руководителей компартии Англии Р. Палм Датта «Фашизм и социалистическая революция». Через год появилось ее дополненное и расширенное издание на русском языке. Это была первая серьезная попытка обобщающего анализа международного фашизма. Свою центральную задачу Палм Датт видел в том, чтобы «дать анализ существа и роли фашизма в истории капитализма как выражения крайней степени упадка капитализма и усилившегося общего кризиса капитализма» [32]. Ему удалось убедительно раскрыть классовую сущность и функцию фашизма на материалах о фашистских движениях Центральной и Западной Европы. Сильной стороной работы английского коммуниста является то, что фашизм постоянно рассматривается во взаимосвязи с общими экономическими и политическими тенденциями империалистического мира.

В то же время книга Палм Датта еще несет на себе отпечаток тех идейных и тактических представлений, которые вскоре подверглись критике на VII конгрессе Коминтерна. Следует учесть, что книга писалась в 1934 г., в период резкой активизации фашизма. Усиливается тяга к антидемократическим, насильственным методам даже в государствах с буржуазно-демократическими традициями. Палм Датт верно фиксирует связь между ростом антидемократических тенденций и переходом к государственно-монополистическому капитализму. Однако этот последний процесс, с точки зрения Палм Датта, в конечном счете неизбежно ведет к фашизму: «На практике стремление к осуществлению внутренне противоречивых целей «планируемого капитализма» может осуществляться лишь на путях фашизма и подавления производительных сил и рабочего класса» [33]. В таком духе тракто-

[32] *Палм Датт Р.* Фашизм и социалистическая революция. М., 1935, с. VII.
[33] Там же, с. XI.

вался, в частности, и «новый курс» президента Ф. Д. Рузвельта. Эти недостатки не помешали Палм Датту создать произведение, по глубине подхода и масштабу охвата изучаемого явления не имевшее себе равных в то время.

Накануне VII конгресса Коминтерна (в январе — апреле 1935 г.) П. Тольятти прочел в Ленинской школе в Москве цикл лекций о фашизме, в которых отразился свежий опыт антифашистской борьбы. Отправным пунктом для него явилось определение фашизма, данное XIII пленумом ИККИ. Прежде всего Тольятти стремился раскрыть противоречивый характер взаимосвязи между социальной функцией фашизма и его массовой базой. В лекциях прослеживался процесс превращения мелкобуржуазных слоев в политическое орудие крупного капитала. Сопротивление тех элементов, которые всерьез принимали демагогическую риторику Муссолини, было сломлено довольно быстро: «Фашистская партия укрепилась и тесно связана со всей государственной организацией. Прежние мелкобуржуазные идеологические установки в ней в основном ликвидированы» [34].

Важное место в лекциях Тольятти отведено корпоративизму. Тольятти сумел провести четкую грань между корпоративистской мифологией и реальностью. Он подчеркивал, что корпоративизм — это не просто пропагандистский инструмент, демагогическое словечко. В жизни корпоративизм — это «форма организации, которую фашизм придал или пытается придать итальянскому обществу и особенно некоторым сторонам деятельности государства» [35]. В первую очередь это относится к сфере экономики. С одной стороны, корпоративизм позволял значительно ускорить концентрацию, усилить позиции монополистического капитала, а с другой — корпоративистская фразеология была призвана маскировать рост могущества монополий.

Оценивая историческое место и роль фашизма во взаимосвязи с эволюцией капиталистического общества, Тольятти сочетает широкий исторический подход с конкретными установками и задачами антифашистской борьбы. Еще на XIII пленуме ИККИ он обращался к вопросу о том, считать ли установление фашистской диктатуры признаком силы или, наоборот, показателем слабости господствующих классов. «Ставить этот вопрос как «или — или» было бы неправильно» [36],— подчеркивал Тольятти. Действительно, в широком историческом плане фашизм — это прежде всего проявление слабости господствующих классов капиталистического общества, вынужденных отказываться от традиционных методов сохранения классового господства, которые были достаточно эффективны до общего кризиса капитализма. Тем самым еще явственнее обнажилась историческая бесперспективность капиталисти-

[34] *Тольятти П.* Лекции о фашизме. М., 1974, с. 68.
[35] Там же, с. 169.
[36] XIII пленум Исполкома Коминтерна. Стенографический отчет. М., 1934, с. 99.

ческого строя. Именно эта сторона дела была подчеркнута в анализе фашизма, данном XVII съездом ВКП(б), где говорилось, что победу фашизма в Германии «надо рассматривать также как признак слабости буржуазии, как признак того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления...» [37]

Но констатация ослабления буржуазии с точки зрения долговременного исторического процесса не должна вести к недооценке силы фашизма. Нельзя упускать из виду, что фашизм способен осуществлять мобилизацию широких слоев мелкой буржуазии. И эта мобилизация, отмечал Тольятти, таит в себе «элемент усиления буржуазии», так как она дает ей возможность «управлять с помощью методов, отличающихся от демократических» [38].

Обращая внимание на усиление фашистской опасности, Тольятти одновременно предостерегал от схематизма в оценке перспектив фашизации капиталистических стран. Отнюдь не везде империализм приводит к возникновению фашистских диктатур. Примером может служить великая империалистическая держава — Англия. Наличие фашистских тенденций в странах с глубоко укоренившимися буржуазно-демократическими порядками (Англия, США, Франция) не означает, что эти страны обязательно придут к фашизму [39].

Лекции о фашизме П. Тольятти являются одним из ярких свидетельств напряженной работы марксистской мысли, подготовившей тот сдвиг в стратегии и тактике коммунистического движения, который связан с деятельностью VII конгресса Коминтерна [40].

VII конгресс Коминтерна оказал сильное воздействие на все последующее развитие марксистской историографии фашизма. Богатый опыт антифашистской борьбы и результаты марксистско-ленинского анализа фашизма были синтезированы в докладе Г. Димитрова, сформулировавшего фундаментальные положения о сущности и социальной функции фашизма. Этот доклад был великолепным образцом творческого марксистского подхода к одному из сложнейших явлений современности. Такой подход стимулировал конкретно-историческое исследование фашизма: «Никакие общие характеристики фашизма, как бы они ни были верны сами по себе, не освобождают нас от необходимости конкретно-

[37] XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1934, с. 11.

[38] *Тольятти П.* Лекции о фашизме, с. 15.

[39] Там же, с. 10—11.

[40] Глубокий анализ деятельности VII конгресса Коминтерна, ее значения для международного коммунистического движения см. в кн.: *Лейбзон Б. М., Шириня К. К.* Поворот в политике Коминтерна. М., 1975 (1-е изд.— 1965); см. также: *Leverenz E.* Die Analyse des Faschismus durch die Kommunistische Internationale. Berlin, 1975.

го изучения и учета своеобразия развития фашизма и различных форм фашистской диктатуры в отдельных странах и на различных этапах» [41].

Для углубленного анализа фашизма большое значение имело то обстоятельство, что в докладе Г. Димитрова было четко показано качественное отличие фашистских режимов от других государственных форм классового господства буржуазии. Взаимоотношения между фашистами и господствующими классами буржуазного общества рассматривались во всей их сложности и противоречивости. Известно, что уже установление фашистских режимов сопровождалось столкновениями между фашистами и определенными фракциями правящих кругов. Поскольку фашизм действует в интересах самых реакционных элементов монополистического капитала, в рамках фашистских режимов также сохранялись противоречия между различными группировками буржуазии.

Особое значение Г. Димитров придавал борьбе против идеологической заразы фашизма. «Фашисты,— указывал он,— перетряхивают всю историю каждого народа для того, чтобы представить себя наследниками и продолжателями всего возвышенного и героического в его прошлом» [42]. Задача коммунистов состоит в том, чтобы «развернуть широкую идеологическую борьбу на основе ясной, популярной аргументации и правильного, хорошо продуманного подхода к своеобразию национальной психологии народных масс» [43].

Всесторонний анализ проблематики фашизма, данный VII конгрессом Коминтерна, создал благоприятные предпосылки для дальнейшего развития марксистско-ленинской историографии. «Самая реакционная разновидность фашизма — это фашизм германского типа» [44],— подчеркивал Г. Димитров. Основные усилия историков-марксистов сосредоточились на изучении именно этой формы фашизма. Прежде всего нужно было показать, что́ он несет тем слоям, среди которых ему удалось найти главный контингент приверженцев. В работе советского ученого А. Сидорова на обширном статистическом материале исследовалось положение городских средних слоев в Германии. Автор показал, что уже в первые годы существования нацистского режима «произошли огромные сдвиги в перераспределении народного дохода Германии в пользу монополистического капитала за счет рабочего класса, служащих, мелкой буржуазии города и деревни» [45]. Историки-марксисты детально изучили вопрос о том, как сказались нацистские порядки на экономическом положении и социальной дифференциации кре-

[41] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 1, с. 456.
[42] Там же, с. 437.
[43] Там же.
[44] Там же, с. 377.
[45] *Сидоров А.* Фашизм и городские средние слои в Германии. М.— Л., 1936, с. 377.

стьянства, которое наряду с городскими средними слоями составляло один из важнейших компонентов массового базиса фашизма [46]. Комплексному анализу аграрной политики национал-социализма была посвящена монография Н. Сегаля [47].

Проблемам фашизма уделялось много внимания в партийной и научной периодике. Статьи, обзоры, рецензии на текущую литературу по фашизму публикуют журналы «Коммунистический Интернационал» и «Большевик». Широкий круг задач по изучению фашизма решал журнал «Мировое хозяйство и мировая политика». После VII конгресса Коминтерна редакция журнала, исходя из поставленной в докладе Г. Димитрова задачи исследовать отдельные разновидности фашизма, выявить их специфику и на основе этого разработать более эффективные методы антифашистской борьбы, осуществила серию публикаций о различных странах. Были опубликованы, например, статьи о фашизме в Италии (Дж. Аквила), Англии (Р. Палм Датт), Австрии (З. Липпай), Японии (Е. М. Жуков).

После VII конгресса Коминтерна активизировалось разоблачение фашистской идеологии. Разные стороны этой проблемы рассматривались в коллективном сборнике «Против фашистского мракобесия и демагогии» [48]. На его страницах был дан отпор попыткам нацистских идеологов изобразить своими духовными предтечами и единомышленниками великих германских мыслителей прошлого. Фашистские измышления в области истории разоблачались в сборнике «Против фашистской фальсификации истории» [49], среди авторов которого были такие выдающиеся советские ученые, как Е. В. Тарле, С. Д. Сказкин, Е. А. Косминский, Н. П. Грацианский и др. Одной из первых обобщающих работ по истории фашистской диктатуры в Германии была монография Я. Сегалла [50]. В деле разоблачения преступных замыслов германских фашистов большую роль сыграли публицистические работы Э. Генри [51].

В суровые годы войны против фашизма марксистская историография сконцентрировала свои силы на разоблачении преступного характера фашистского империализма [52]. Об исторических истоках германского империализма, принявшего столь чудовищную форму, в острой публицистической форме писали видные совет-

---

[46] Подробно см.: *Anikeev A. A.* Zur marxistischen Historiographie über die Bauernpolitik des deutschen Faschismus.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (далее — ZfG), 1971, N 11.

[47] *Сегаль Н.* Аграрная политика германского фашизма. М., 1938.

[48] Против фашистского мракобесия и демагогии. М., 1936.

[49] Против фашистской фальсификации истории. М., 1939.

[50] *Сегалл Я.* Авантюристическая политика и идеология германского фашизма. М., 1939.

[51] *Генри Э.* Гитлер над Европой. М., 1934; *Он же.* Гитлер против СССР. М., 1937.

[52] См.: Гитлеровский разбойничий империализм. Сборник статей и материалов. М., 1943.

ские ученые Е. В. Тарле, В. М. Хвостов, Е. С. Варга, А. С. Ерусалимский и др.

Преступную суть нацистского режима убедительно показал И. П. Трайнин. Его книга посвящена анализу государственно-административного механизма «третьего рейха» во всем его комплексе. ««Тотальное государство,— писал И. П. Трайнин,— это такое, в котором все области общественной жизни «огосударствливаются» и, как это указывается фашистами, воплощаются в руководстве «вождя»» [53]. Фашистский режим основан на беззаконии. Нацисты не ввели в своем государстве какой-либо конституции, чтобы не связывать себе руки. «В этом,— отмечал И. П. Трайнин,— сказывается стремление наиболее реакционной империалистической клики избавиться от законности ... ставшей для нее невыносимой» [54].

Марксистской исторической науке и публицистике были чужды германофобские тенденции, весьма распространенные на Западе. Многие англо-американские авторы практически отождествляли весь немецкий народ с нацистами, а всю германскую историю изображали как прямой путь к гитлеровскому рейху. Советские ученые и публицисты всегда проводили грань между немецким народом и нацизмом, подчеркивали прогрессивные и гуманистические традиции германской истории и культуры, противопоставляя их фашистскому варварству. Большую работу в этом направлении осуществляли германские коммунисты. В 1941—1943 гг. руководство КПГ проводило дискуссию по проблемам германской истории с тем, чтобы усилить борьбу против нацистских фальсификаторов, а также тех западных историков и публицистов, которые чернили всю историю Германии, пренебрегая ее позитивными аспектами. В ходе дискуссии неоднократно выступали В. Пик и В. Ульбрихт, интересные работы написали Э. Хернле, А. Аккерман, Л. Штерн и др.[55]

Период с середины 30-х годов до окончания второй мировой войны был важным этапом в развитии марксистско-ленинской историографии фашизма. Опираясь на определение, разработанное Коминтерном, марксисты добились позитивных результатов в изучении фашизма, особенно его социально-экономических аспектов. Конечно, не все было равноценно в работах тех лет, не все вошло в основной фонд марксистско-ленинской историографии. Не удалось до конца изжить такой недостаток, как схематизм, следствием чего была упрощенная трактовка некоторых сторон многообразной проблематики фашизма. Это объяснялось в значительной степени такими объективными факторами, как сложность ис-

---

[53] *Трайнин И. П.* Механизм немецко-фашистской диктатуры. Ташкент, 1942, с. 32.

[54] Там же, с. 37.

[55] Подробно см.: *Berthold W.* Zum Kampf der Führung der KPD gegen die faschistische Geschichtsideologie und die Miserekonzeption in der deutschen Geschichte 1939—1945.— ZfG, 1969, N 6.

следования нового феномена, недостаток источников, наконец, молодость самой марксистской исторической науки. Кроме того, рассматриваемый период был слишком коротким, чтобы можно было в полной мере реализовать тот мощный теоретический потенциал, который был заложен в документах международного коммунистического движения. Анализ произведений марксистских авторов свидетельствует о том, что они сделали существенный шаг в решении этой задачи.

* * *

Следующий (третий) этап в развитии марксистской историографии фашизма связан с послевоенной эпохой. Хотя гитлеровская Германия и ее союзники были разгромлены, фашизм как явление отнюдь не исчез с политической сцены. Режимы фашистского типа сохранились за Пиренеями, в Латинской Америке. Из-под обломков «третьего рейха» стали выползать недобитые последыши Гитлера, а в Италии довольно быстро появилась неофашистская партия — Итальянское социальное движение (ИСД).

Империалистический лагерь не желал примириться с теми изменениями в пользу социализма, которые произошли после второй мировой войны. Под руководством американского империализма капиталистический мир повел «холодную войну» против Советского Союза и других стран, вставших на путь социализма. Чрезвычайно возросла интенсивность идеологической борьбы между двумя противоположными лагерями. Важным участком этой борьбы является историография фашизма. Идеологи империализма пытались представить фашизм явлением, чуждым капиталистическому обществу. Историки-марксисты прежде всего стремились полнее раскрыть органическую связь между фашизмом и породившим его капиталистическим обществом, показать всю глубину ответственности буржуазии за приход фашистов к власти и совершенные ими преступления.

Вскоре после окончания второй мировой войны вышла в свет книга В. Ульбрихта о фашистском империализме в Германии [56]. В ней разоблачались мифы, созданные пропагандистской машиной «третьего рейха». Организация экономики, «социальная политика» нацистского режима, грабеж захваченных территорий, массовый террор — все эти стороны германского фашизма были основательно освещены в труде В. Ульбрихта.

В развитии германской марксистской историографии фашизма велика заслуга видного политического деятеля, ученого и публициста А. Нордена, чьи произведения затрагивали обширный круг проблем новой и новейшей истории Германии. В книге «Уроки германской истории» А. Норден ярко и убедительно разоблачил роковую роль монополистической и юнкерской реакции в генезисе нацизма, в установлении гитлеровского режима и его

[56] *Ulbricht W.* Die Legende vom «deutschen Sozialismus». Berlin, 1946.

злодеяниях. Уже с конца XIX в. промышленники и банкиры «создавали, финансировали и лелеяли националистическо-шовинистические организации, целью которых было придать грубо материальным требованиям богачей такую благовидную форму, которая обеспечила бы им поддержку бедняков» [57]. Нацистская партия как нельзя лучше соответствовала таким целям. Сумев создать значительную массовую базу, она превратила третий рейх в рай для монополистических магнатов, которые, помимо экономической мощи, сосредоточили в своих руках и официальные государственно-административные функции.

В контексте истории германского империализма нацистское движение и гитлеровский режим изучали советские исследователи И. Гольдштейн и Р. Левина, И. М. Файнгар, германский ученый Ю. Кучинский [58]. И. М. Файнгар анализировал тот вариант государственно-монополистического капитализма, который сложился в гитлеровском рейхе. В его монографии показано, каким образом в условиях нацистской диктатуры были модифицированы такие формы проявления государственно-монополистического капитализма, как принудительное синдицирование, государственное регулирование, государственно-монополистическое предпринимательство, наделение монополий прерогативами органов государственной власти и т. д.

О подлинной сути нацистского режима весьма убедительно свидетельствовало отношение к нему со стороны некоторых монополистических кругов западных стран. Им импонировали фашистские методы «разрешения противоречий» между трудом и капиталом, они рассчитывали с помощью фашистских агрессоров сокрушить социалистическое государство. Специальному анализу этой важной для понимания сущности фашизма проблематики была посвящена серия исследований советских историков (В. В. Размерова, Л. В. Поздеевой, Ю. М. Мельникова и др.) [59]. Аналогичные вопросы, но в применении к периоду, непосредственно предшествовавшему приходу Гитлера к власти, рассмотрены в статье Л. И. Гинцберга [60].

Изучение роли монополий в установлении нацистской диктатуры развернулось в Германской Демократической Республике. Значительный резонанс вызвала обширная статья Ф. Клейна о роли крупного капитала в подготовке гитлеровской диктатуры.

---

[57] *Норден А.* Уроки германской истории. М., 1949, с. 92.

[58] *Гольдштейн И., Левина Р.* Германский империализм. М., 1947; *Файнгар И. М.* Очерки развития германского монополистического капитала. М., 1958; *Kuczynski J.* Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus, Bd. 1—2. Berlin, 1949—1950.

[59] См.: *Размеров В. В.* Экономическая подготовка гитлеровской агрессии, 1933—1935 гг. М., 1958; *Поздеева Л. В.* Англия и ремилитаризация Германии, 1933—1936. М., 1956; *Мельников Ю. М.* США и гитлеровская Германия. М., 1959.

[60] *Гинцберг Л. И.* О связях реакционных кругов США и Англии с гитлеровской партией (1930 — январь 1933).— «Вопросы истории», 1955, № 2.

Клейн ввел в оборот материалы из редакционного архива «Deutsche Allgemeine Zeitung», влиятельного органа господствующих классов. Полемизируя с апологетическими писаниями пособников нацизма вроде Я. Шахта, Ф. фон Папена, О. Мейсснера, Ф. Клейн доказывает, что поддержка Гитлера монополистическими магнатами была продуманным политическим курсом. В цели монополий входили подавление и полный разгром рабочего класса, подготовка и осуществление новой империалистической агрессии. Сходство программных установок крупного капитала и НСДАП доходило вплоть до совпадений в формулировках. Ф. Клейн приводит факты и о финансировании монополистами нацистской партии. При этом он дает отпор буржуазным историкам, которые упрощают позицию марксистов, сводя всю их аргументацию к финансовой помощи крупного капитала нацистам. «...Связь между нацистами и тяжелой индустрией должна изучаться в более глубоком и широком смысле, чем простое перечисление все равно неполных данных о денежной помощи» [61].

Важным шагом в выяснении политического сотрудничества между нацистами и крупным капиталом была публикация А. Шрайнера. В актах бюро рейхспрезидента ему удалось разыскать подлинник петиции германских монополистических магнатов Гинденбургу и документ, подтверждавший факт передачи ее президенту республики в тот же самый день, 19 ноября 1932 г., когда она была получена [62]. Тем самым была выбита почва из-под ног буржуазных историков, утверждавших, что не следует придавать петиции (о ней было известно давно) серьезного значения, поскольку неизвестно даже, достигла ли она адресата.

Таким образом, молодая марксистская историография ГДР добилась первых успехов в изучении важных аспектов истории германского фашизма. Результаты работы историков ГДР в этой области были тогда обобщены в монографии В. Бартеля по истории Германии нацистского времени [63].

Историография итальянского фашизма в советской исторической литературе первых послевоенных лет представлена книгой С. М. Слободского. Для нее характерен многосторонний подход, учитывающий социально-экономические, политические и идеологические аспекты объекта исследования. Выясняя истоки фашизма, С. М. Слободской связывает его генезис и государственную политику со спецификой итальянского империализма. В слабости итальянской буржуазии Слободской видит также одну из главных причин довольно длительного и постепенного продвижения Италии по пути к тоталитарному режиму. Однако это не может слу-

[61] *Klein F.* Zur Vorbereitung der faschistischen Diktatur durch die deutsche Groszbourgeoisie (1929—1932).— ZfG, 1953, N 6, S. 878.

[62] Die Eingabe deutscher Finanzmagnaten, Monopolisten und Junker an Hindenburg für die Berufung Hitlers zum Reichskanzler (November 1932).— ZfG, 1956, N 2.

[63] *Bartel W.* Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur. Berlin, 1956.

жить основанием для противопоставления итальянского фашизма его германскому родственнику в качестве «терпимой», «культурной» разновидности. Усиление террора и прямого государственного вмешательства в экономику после создания оси Берлин — Рим не было «автоматическим приспособлением к приемам германского союзника». Оно было порождено внутренней логикой итальянского фашизма [64].

Весомый вклад в исследование фашизма внесла итальянская марксистская историография. Исключительно важную роль в ее формировании сыграли труды А. Грамши. Вскоре после окончания второй мировой войны стали известны произведения, написанные им в фашистских застенках. Мощное воздействие наследия Грамши на итальянскую историческую науку, его глубокий и оригинальный анализ коренных проблем итальянской истории признают и буржуазные ученые. По словам американского историка А. У. Саломоне, публикации «Тюремных тетрадей» Грамши «сразу же подействовали как идеологический катализатор» [65].

Влиянием марксистской исторической мысли в значительной степени объясняется тот факт, что дискуссия о происхождении фашизма не замкнулась в пределах антитезы, представленной взглядами Д. Фортунато и Б. Кроче. Первый из них считал фашизм логическим и фатальным итогом итальянской истории, а другой объявлял фашизм роковой случайностью [66]. Полемика между сторонниками двух полярных точек зрения грозила завести исследование фашизма в тупик. Выход из него указали марксисты. Важный шаг в этом направлении был сделан авторами сборника «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», опубликованного под редакцией П. Тольятти в 1953 г. Не разделяя фаталистических взглядов на историческое прошлое Италии, марксисты в то же время вскрывали глубокие корни фашизма, показывали фальшь идиллического образа дофашистского итальянского государства, нарисованного Б. Кроче. «Фашизм возник не в противоречии со старой Италией, а при ее соучастии и при помощи тех сил, которые ею руководили» [67],— писал П. Тольятти.

Путь старой Италии к фашизму ярко и убедительно показал видный представитель марксистской историографии П. Алатри [68]. Исследуя политические и идейные стороны генезиса фашизма, Алатри удачно решает сложную проблему взаимодействия общего, свойственного фашизму в целом, и особенного, порожденного спецификой итальянской истории. Особую убедительность рабо-

---

[64] *Слободской С. М.* Итальянский фашизм. М., 1946, с. 178.
[65] Italy from the Risorgimento to Fascism. New York, 1970, p. 124.
[66] См. подробно: *Лопухов Б. Р.* Фашизм и рабочее движение в Италии. М., 1968.
[67] *Тольятти П.* Избранные статьи и речи, т. I. М., 1965, с. 408.
[68] *Alatri P.* Origini del Fascismo. Roma, 1956 (русск. пер.: *Алатри П.* Происхождение фашизма. М., 1961).

там Алатри придает тонкая и точная нюансировка политического поведения различных фракций господствующих классов, а также главных действующих лиц итальянской политической сцены.

На рубеже 50—60-х годов марксистская историография фашизма вступает в новый этап своего развития. Это было одним из следствий того подъема, который испытывает с середины 50-х годов марксистская историческая наука в целом [69]. Творческий анализ важнейших процессов современности, содержавшийся в решениях и документах съездов КПСС, международных совещаний коммунистических и рабочих партий, углубил и расширил методологическую базу марксистской историографии. Интенсивное исследование актуальных проблем современности историками, экономистами, социологами, философами значительно обогатило марксистскую концепцию фашизма. Всестороннее изучение современного государственно-монополистического капитализма проливает новый свет на его специфические формы, представленные фашистскими режимами, на место фашистских методов в политической стратегии и тактике буржуазии. Дифференцированнее стали представления о социальной структуре буржуазного общества, о его средних слоях — социальном резервуаре, из которого фашизм черпал массовую поддержку.

Значительные успехи в изучении германского фашизма связаны с деятельностью Комиссии историков СССР и ГДР, созданной в 1957 г. Уже на первой ее сессии (25—30 ноября 1957 г.) определились такие центральные исследовательские темы, как история германского империализма и милитаризма, история второй мировой войны. В широких рамках этой проблематики были подвергнуты глубокому и тщательному анализу экономические, политические и идеологические аспекты национал-социализма. Важный вклад в развитие марксистско-ленинской историографии фашизма внесла третья сессия Комиссии историков СССР и ГДР (14—19 декабря 1959 г.), материалы которой были опубликованы в пяти томах [70]. Всесторонне была рассмотрена подготовка второй мировой войны германским монополистическим капиталом. Деятельность Комиссии историков СССР и ГДР способствовала подъему марксистско-ленинской историографии фашизма, создавала почву для возникновения фундаментальных обобщающих трудов.

Работы такого типа возможны лишь при наличии детальных исследований по отдельным сторонам фашизма. Велика также роль трудов, в которых проблемы фашизма вписываются в историю страны или группы стран. Появлению первого обобщающего труда о германском фашизме, опубликованного А. А. Галкиным в 1967 г., предшествовали исследования В. Т. Фомина и

[69] Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1968, с. 239—240.

[70] Der deutsche Imperialismus und der zweite Weltkrieg, Bd. 1—5. Berlin, 1960—1962.

В. Б. Ушакова по внешней политике гитлеровской Германии, Л. А. Безыменского о взаимоотношениях между нацистами и военщиной, Д. Е. Мельникова и Г. Л. Розанова о крахе гитлеровского режима [71]. Существенным достижением явилась книга по истории нацистской Германии 1933—1939 гг., написанная Г. Л. Розановым [72]. Привлекая материалы из архивов СССР, ГДР и ФРГ, Г. Л. Розанов проследил процесс формирования нацистского режима, его внутреннюю и внешнюю политику до начала войны. Его книга была первым в советской историографии монографическим исследованием подобного рода. Видное место занял период гитлеровской диктатуры в «Очерках новейшей истории Германии» В. Д. Кульбакина [73].

Современная марксистско-ленинская историография фашизма успешно развивается вглубь, раскрывая сложную диалектическую взаимосвязь между государственно-монополистическим базисом и фашистской политической надстройкой, между массовой опорой фашизма и его социальной функцией, а также вширь, охватывая разнообразные формы фашистских движений и режимов.

В центре внимания марксистской историографии находятся главные разновидности фашизма, прошедшие весь цикл эволюции от движения, домогающегося власти, до системы господства. Именно в них полнее всего раскрывается сущность фашистского феномена. Целостное представление об итальянском фашизме создается благодаря книге Б. Р. Лопухова, где исследован генезис фашизма, процесс формирования режима Муссолини [74], и монографии Г. С. Филатова о заключительном этапе фашистского двадцатилетия и республике Сало [75]. Фундаментальный труд, охватывающий всю основную проблематику фашизма, все фазы его истории, был написан Э. Сантарелли. Выявляя то общее, что связывает фашизм с традиционными формами реакции, итальянский ученый основное внимание концентрирует на исследовании его специфических черт. Сантарелли стремится максимально учесть роль каждой из многих, порой весьма противоречивых тенденций, взаимодействовавших в процессе генезиса фашизма. Но противоречивость тенденций, которые сплавились в фашистском феномене, не меняет того факта, что в данном случае «дело шло о подготовленной господствующими классами социальной и политической регрессии, сочетавшейся с техническим и институциональным обновлением» [76].

---

[71] *Фомин В. Т.* Агрессия фашистской Германии в Европе 1933—1939 гг. М., 1963; *Ушаков В. Б.* Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961; *Безыменский Л. А.* Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1964; *Мельников Д. Е.* Заговор 20 июля 1944 года в Германии. Причины и следствия. М., 1965; *Розанов Г. Л.* Крушение фашистской Германии. М., 1963.

[72] *Розанов Г. Л.* Германия под властью фашизма (1933—1939 гг.). М., 1961.

[73] *Кульбакин В. Д.* Очерки новейшей истории Германии. М., 1962.

[74] *Лопухов Б. Р.* Указ. соч.

[75] *Филатов Г. С.* Крах итальянского фашизма. М., 1973.

[76] *Santarelli E.* Storia del movimento e del regime fascista, vls I—II. Roma, 1967, v. I, p. 595.

Наиболее широко западноевропейские фашистские движения и режимы представлены в книге польского историка А. И. Каминского [77]. В систему сопоставительного анализа у него включаются как фашистские формы господства, так и движения, не сумевшие прийти к власти. Польский историк устанавливает черты сходства и определенные различия режимов фашистского типа, выделяя в особую группу те из них, которые возникли на территории оккупированных гитлеровским вермахтом государств. Результаты исследования Каминского представляют значительный интерес с точки зрения типологии режимов фашистского образца.

В широком историческом плане польский ученый характеризует фашизм как попытку повернуть вспять социальное развитие человечества, предотвратить переход от капиталистических порядков к социалистическому общественному устройству. Регрессивный характер фашизма сказывался в возрождении некоторых форм подавления и эксплуатации трудящихся, напоминавших средневековье или даже рабовладение [78]. Нет, однако, никаких оснований выдавать некоторые идеологические и политические признаки фашизма, унаследованные им от феодально-абсолютистской реакции, за сущностную характеристику, как это делают современные буржуазные историки.

При многоплановом рассмотрении фашизма, что свойственно прежде всего работам обобщающего характера, наиболее четко выявляется его сущность как террористической диктатуры монополистической буржуазии в условиях государственно-монополистического капитализма. Особенно показателен с этой точки зрения германский фашизм, в котором, по справедливому замечанию А. А. Галкина, «фашистская система нашла свое наиболее законченное, «классическое выражение»» [79]. Как и прежде, борьба между марксистской исторической наукой и буржуазной историографией достигает наивысшего накала вокруг проблемы «фашизм — монополии». Обвиняя марксистов в «упрощении», «односторонности», буржуазные историки сами упрощают марксистское понимание этой сложной проблемы, низводя его порой до уровня карикатуры. Так, западногерманский ученый В. Зауэр приписывает марксистам взгляд, будто фашизм был «просто манипуляцией большого бизнеса» [80].

На самом же деле историки-марксисты далеки от инкриминируемых им примитивных представлений. В современных марксистских исследованиях взаимоотношения между фашистами и монополиями раскрываются во всей их сложности и многообразии. Нацистский режим, по словам А. А. Галкина, «служил монополиям, но он не был и не мог быть игрушкой в руках

[77] *Kaminski A. I.* Faszyzm. Warszawa, 1971.
[78] Ibid., s. 174—175.
[79] *Галкин А. А.* Германский фашизм. М., 1967, с. 3.
[80] «The American Historical Review», 1967, v. LXXIII, N 2, p. 405.

отдельных монополистов. Если бы он считался только с ними, он не мог бы пользоваться свободой политического и особенно социального маневра и тем самым выполнять свои классовые функции» [81]. Уже из того факта, что фашизм является диктатурой не монополистического капитала вообще, а его самых реакционных и агрессивных элементов, вытекает неизбежность противоречий между теми группировками, которые теснее срослись с нацистским аппаратом власти, и теми, которые стояли от него дальше.

Итальянский фашизм, как подчеркивает Б. Р. Лопухов, в процессе превращения в систему государственной власти «все более освобождался от первоначального налета общесобственнической или даже аграрно-капиталистической реакции, все более явственно обнаруживал свою подлинную историческую роль как орудия в первую очередь крупного монополистического капитала» [82]. Тем не менее противоречия между фашистским аппаратом власти и монополиями имели реальный, а не показной характер [83]. Для поддержания престижа в глазах масс фашистской верхушке порой приходилось предпринимать шаги, вызывавшие недовольство тех или иных монополистических группировок, а иногда даже лидеров Конфиндустрии. Но все, что способствовало упрочению фашистского режима, в конечном итоге оборачивалось в пользу монополистического капитала, чьи жизненные интересы защищало фашистское государство, маскировавшее свою сущность декларациями о «надклассовости», «корпоративности» и т. п.

Раскрывая внутреннюю структуру фашистского режима, Г. С. Филатов, естественно, уделяет много внимания корпоративной системе. Он показывает, что эта система «была призвана решить две задачи, которые имели важнейшее значение: доказать способность фашизма «обновить» старую схему капиталистических отношений, сделав ее более привлекательной, и в то же время противопоставить эту новую схему социалистической системе, успехи которой в Советском Союзе были очевидны» [84]. Густая пелена корпоративистской демагогии не могла скрыть того факта, что «реальным результатом экономической политики фашизма был рост государственно-монополистического капитализма» [85].

Особый интерес представляют разделы монографии Г. С. Филатова, посвященные истории марионеточной республики Сало. Их актуальность обусловлена, в частности, тем, что не только неофашистские элементы, но и некоторые ученые культивируют легенду о республике Сало как о подлинно «социальном» государстве, которому лишь условия военного времени помешали реа-

[81] *Галкин А. А.* Указ. соч., с. 48.
[82] *Лопухов Б. Р.* Указ. соч., с. 329—330.
[83] Там же, с. 332.
[84] *Филатов Г. С.* Указ. соч., с. 38.
[85] Там же, с. 64.

лизовать «социалистическую» программу. Демагогическую риторику Муссолини, продиктованную отчаянием и разочарованием в сообщниках, американский политолог А. Дж. Грегор расценивает как «финальные усилия в стремлении достичь фашистского социализма» [86]. На деле ни программные документы (прежде всего «Веронская хартия»), ни тем более политическая практика «социальной республики» не дают каких бы то ни было оснований для подобных выводов. Фактически же, как пишет Филатов, дело шло о «самой беспардонной социальной демагогии», с помощью которой Муссолини пытался предотвратить агонию фашистского режима [87].

Проблема «фашизм — монополии» неразрывно связана с проблемой «фашизм — милитаризм». Милитаризм выступает в качестве повивальной бабки фашизма, помогает ему прийти к власти, установить диктатуру, превращаясь в ее важнейшую составную часть: «все известные формы фашизма представляют собой сочетание фашистских и милитаристских элементов. И различия между этими формами часто определяются степенью преобладания в них либо одних, либо других. В случае, если в союзе задают тон милитаристы, возникает военно-фашистский режим. Если же определяющую роль играют политические фашистские силы, режимы носят «классический» фашистский характер» [88].

Посредством социологического анализа А. А. Галкин раскрывает глубокое противоречие между социальной базой фашизма и его политической практикой. Советский ученый разбивает аргументацию столь многочисленных на Западе сторонников теории о «среднеклассовом» характере фашизма. Принципиальный вывод Галкина таков: «...если и существует связь между средними слоями и фашизмом, как социальным и политическим явлением, то она не является ни обязательной, ни органической. Установление такой связи возможно только в особых условиях, при весьма специфической ситуации и на сравнительно ограниченное время» [89]. Социально-политическая функция фашизма несовместима с подлинными интересами средних слоев.

Важную роль играл психологический фактор: «Будучи сами выходцами из мелкой буржуазии, Гитлер, Геббельс и их пропагандисты превосходно знали психологию этой категории немецкого населения» [90]. С социально-психологической точки зрения рассматривает проблему социального базиса фашизма Б. Р. Лопухов. Он раскрывает мотивы поведения категорий населения, попавших под влияние фашистов. Фашисты спекулировали на пресловутых «общих национальных интересах», которые будто бы стоят над классовыми различиями; на деле идея «общих нацио-

[86] *Gregor A. J.* The Ideology of Fascism. New York, 1969, p. 292.
[87] *Филатов Г. С.* Указ. соч., с. 367.
[88] *Галкин А. А.* Указ. соч., с. 108.
[89] Там же, с. 245.
[90] Там же, с. 386.

нальных интересов», как убедительно показывает советский историк, «была оружием совершенно сознательной борьбы за классовые интересы буржуазии против пролетариата» [91]. Особенно падкими на националистическую демагогию были средние слои.

Марксистская историческая наука, отнюдь не отрицая значительной роли средних слоев в становлении фашистских движений и режимов, не видит оснований для того, чтобы считать фашизм «среднеклассовым феноменом». При такой трактовке не только игнорируется политическая функция фашизма, но и упрощается вопрос о его социальной базе. Ведь остаются в тени различные группировки буржуазного общества, существенным образом влиявшие на характер фашизма: аристократы, военщина, немонополизированная средняя и крупная буржуазия, городской люмпен-пролетариат и прежде всего могущественные фракции монополистической буржуазии.

Путь нацизма к власти всесторонне исследован в монографии Л. И. Гинцберга [92]. Для понимания сущности фашизма особенно важен тщательный разбор взаимоотношений между нацистами и господствующими классами, прежде всего — представителями монополистических кругов, желавших лишить рабочих их социальных завоеваний и добиться реванша за проигранную войну. Зловещий смысл политической игры верхов, завершившейся передачей власти Гитлеру, становится еще очевиднее благодаря тому, что она рассматривается на фоне массовой антифашистской борьбы, которую возглавляли германские коммунисты. Именно такой двухплановый анализ позволил Л. И. Гинцбергу воссоздать процесс во всей полноте.

Сложная политическая игра, закулисные маневры и интриги, предшествовавшие приходу нацистов к власти, предстают не как столкновение личных амбиций и честолюбивых притязаний (в чем пытаются уверить читателей многие буржуазные авторы), а как борьба различных групп господствующих классов. Из тщательного анализа противоречивых тенденций германской политической жизни отнюдь не следует, что установление нацистской диктатуры было исторически предопределено. Тем более велика ответственность перед историей тех реакционных сил, которые открыли нацистам путь к власти.

Для выявления специфических черт той формы господства монополистического капитала, которая сложилась в гитлеровском третьем рейхе, особенно много сделали немецкие историки-марксисты. Общими вопросами эволюции государственно-монополистического капитализма в Германии продолжал плодотворно заниматься Ю. Кучинский [93]. Разбирая структуру государственно-монополистического капитализма, Кучинский выделяет в качестве

[91] *Лопухов Б. Р.* Указ. соч., с. 146.
[92] *Гинцберг Л. И.* На пути в имперскую канцелярию. М., 1972.
[93] *Kuczynski J.* Studien zur Geschichte des staatsmonopolistischen Kapitalismus in Deutschland 1918 bis 1945. Berlin, 1963.

основных ее элементов две группировки, каждая из которых имеет свои особые интересы и коммуникации с государственным аппаратом. Одна из них представлена главным образом традиционными отраслями — угольной и металлургической промышленностью, а другая — новыми — химией и электротехникой. От монополистических и финансовых групп прошлого новые объединения отличаются своим изначальным государственно-монополистическим характером. При нацистской диктатуре они прямо срастаются с теми или иными элементами государственного и партийного аппарата; благодаря этому усиливается их воздействие на формирование внутриполитического и внешнеполитического курса. Позиции этих группировок не являлись чем-то раз и навсегда данным. Те самые химические и электротехнические монополии, которые первоначально отставали по темпам нацификации от сталелитейных и угольных концернов, после 1933 г. выходят на авансцену экономической жизни гитлеровской Германии. Их представители заняли ключевые посты в государственно-монополистическом механизме «третьего рейха». Все это подтверждает тактический характер противоречий и принципиальную общность монополистических групп.

Большая группа историков ГДР (Д. Айхгольц, В. Шуман, В. Блейер, К. Госвайлер, К. Дробиш, Э. Чихон, И. Шмельцер и др.) успешно исследует экономическую структуру гитлеровского режима, взаимоотношения нацистов с монополистическим капиталом [94]. Для всех этих исследований, независимо от того, идет ли речь о монографиях или о статьях в научной периодике, характерна чрезвычайная насыщенность документальными материалами. Широко используются архивные фонды ГДР, ПНР, некоторым авторам удается привлечь материалы из хранилищ ФРГ.

Сотрудничество между нацистами и монополистическим капиталом в процессе установления гитлеровской диктатуры освещено в книге Э. Чихона, весьма дифференцированно оценивающего позиции различных монополистических групп и отдельных магнатов. Так, химические и другие фирмы, заинтересованные в экспортных операциях, в течение ряда лет относились к нацистам сдержаннее, чем магнаты угольной и сталелитейной промышленности, чьи надежды целиком были связаны с обещанной нацистами быстрой милитаризацией и автаркией. Прослеживается также дифференциация внутри первой группы, где имелось влиятельное пронацистское крыло [95]. Но в позициях этих кругов монополистического капитала нельзя усматривать какую-то альтернативу фашизму. Они тоже были склонны сотрудничать с нацистами, правда, на несколько иных условиях.

---

[94] Подробную библиографию см.: Historische Forschungen in der DDR.– ZfG, 1970, Sonderband.

[95] *Czichon E.* Wer verhalf Hitler zur Macht? Köln, 1967, S. 26.

Разработанную Ю. Кучинским классификацию государственно-монополистических группировок развивает и конкретизирует Д. Айхгольц в труде о военной экономике гитлеровской Германии. Айхгольц определяет ее как крайнюю форму государственно-монополистического капитализма, при которой процесс воспроизводства приобретает особый характер, так как его ход все более и более зависит от военно-политических факторов [96]. Фактически в исследовании охвачена структура нацистского варианта государственно-монополистического капитализма в целом. Благодаря работе Айхгольца зримо предстает процесс сращивания монополий с государственными ведомствами и институтами. Этот процесс наглядно отразился и в составе двух соперничавших государственно-монополистических групп: с одной стороны, Шахта — Тиссена — Томаса, а с другой Геринга — «ИГ Фарбениндустри». Именно скрупулезный анализ внутренней борьбы в нацистской государственно-монополистической системе, функционировавшей в «третьем рейхе», позволяет опровергнуть измышления буржуазных историков, гиперболизирующих междоусобные стычки, чтобы в какой-то мере реабилитировать монополистических магнатов, представить монополии подчиненным элементом системы. Исследование Айхгольца служит еще одним веским доказательством того, что в основе сотрудничества монополий с фашизмом лежали «общеимпериалистические интересы всех монополий, направленные на экспансию, вооружение и войну» [97].

Кульминационному моменту эволюции нацистской государственно-монополистической структуры посвящена книга В. Блейера «Государство и монополии в тотальной войне» [98]. В первой половине 1943 г. после жестоких поражений на советско-германском фронте гитлеровцы в широком масштабе стали осуществлять пресловутую «тотальную мобилизацию», еще более усугубившую размах фашистского террора и грабежа. В. Блейер показывает активное участие монополий в разработке и практическом осуществлении «тотальной мобилизации», опровергая утверждения буржуазных историков о том, что монополисты были всего лишь бессильными исполнителями воли нацистской элиты. Что же касается внутренних конфликтов, то они возникали главным образом из-за дележа добычи.

Наряду с исследовательскими работами германских историков-марксистов высокой оценки заслуживает их неустанная деятельность по выявлению и публикации документальных источников. Определяющую роль монополистического капитала в системе нацистской диктатуры убедительно раскрывает подготовленный Д. Айхгольцем и В. Шуманом сборник документов

---

[96] *Eichholtz D.* Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939—1945. Bd. I. 1939—1941. Berlin, 1969, S. 4.
[97] Ibid., S. 48.
[98] *Bleyer W.* Staat und Monopole in totalen Krieg. Berlin, 1970.

«Анатомия войны» [99]. В рецензии на него западногерманский историк М. Залевски вынужден признать, что «нельзя пройти мимо этого сборника, он воспроизводит часто удручающую картину переплетения государственной партии с частной экономикой» [100]. Залевски сожалеет, что отсутствие подобных публикаций в ФРГ, основанных на материале архивов западногерманских фирм, придает данному изданию еще бóльшую ценность.

Сожаления западногерманского историка выглядят не очень искренними. И буржуазные ученые, и в особенности сами капиталисты прекрасно понимают, какими опасностями чревато для них открытие архивов корпораций. Такого же мнения придерживаются и капиталисты других стран, скомпрометированные близостью с фашизмом. Испанский историк Висен Вивес, работавший в Барселоне, отмечает «коллективную трусость» каталонских промышленников, так и не допустивших его к своим архивным фондам, хотя его интересовала преимущественно история XIX в.[101] Как пишет итальянский ученый П. Мелограни, «необходимая документация, за редкими исключениями, ревностно охраняется в архивах компаний и банков» [102].

Логическим продолжением «Анатомии войны» явился новый том документов — «Анатомия агрессии», подготовленный Г. Хассом и В. Шуманом. Документальные материалы этого издания детально раскрывают нацистские планы создания «нового порядка» в Европе, в разработке которых ведущее участие принимали монополии. В этих документах с максимальной наглядностью отразилось взаимопереплетение интересов монополий и государственного террористического аппарата. Публикация историков ГДР не оставляет сомнений, что между различными звеньями нацистской системы, «несмотря на все противоречия и порой довольно резкие расхождения по причине конкуренции, по тактическим вопросам существовало и играло решающую роль принципиальное согласие в империалистических целях, ради которых фашистское государство вело войну» [103].

Успехи в разработке коренных проблем фашизма делают гораздо эффективнее борьбу марксистско-ленинской исторической науки против буржуазной историографии. Буржуазные историки часто теряют свободу маневра в дискуссии по принципиальным проблемам фашизма, в ходе которой обнаруживается несостоятельность их концепции. Свидетельством тому является, в частности, раздел о марксистско-ленинской историографии германского фашизма в статье Г. Моммзена (ФРГ), помещенной в «сравнительной» энциклопедии «Советская система и демократическое

[99] Anatomie des Krieges. Berlin, 1969 (русск. пер.: Анатомия войны. М., 1971).
[100] «Das historisch-politische Buch», 1970, H. 2, S. 57.
[101] Contemporary History in Europe. London, 1969, p. 194.
[102] *Melograni P.* Gli industriali e Mussolini. Milano, 1972, p. 1
[103] Anatomie der Aggression. Berlin, 1972, S. 9.

общество», которую правильно было бы назвать энциклопедией современного антикоммунизма. Как утверждает Г. Моммзен, теория о государственно-монополистическом капитализме непригодна для интерпретации фашизма, потому что «фашистская система смогла победить только в нескольких, главным образом индустриально отсталых, странах, а не в США и в Англии, где государственно-монополистические тенденции можно наблюдать в гораздо большем объеме» [104].

Не говоря уже о том, что ни Италию, ни тем более Германию, где фашизм принял «классическую» форму, нельзя отнести к разряду отсталых стран, следует также учитывать отсутствие прямой корреляции между уровнем экономики и степенью развития государственно-монополистического капитализма, процесс формирования которого зависит и от факторов политического характера, от особенностей империализма тех или иных стран. В. И. Ленин указывал на Германию, как «образец передовой капиталистической страны, которая в смысле организованности капитализма, финансового капитализма, была выше Америки. Она была ниже во многих отношениях, в отношении техники и производства, в политическом отношении, но в отношении ... превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм — Германия была выше Америки» [105]. Экономическая слабость итальянского капитализма в известной мере компенсировалась разветвленной системой организационных связей, мощью отдельных монополий-гигантов. «В Италии империализм,— отмечал П. Тольятти,— имеет особенно ярко выраженные черты по сравнению с другими странами... Его можно отнести к числу ... слабейших, поскольку у него нет собственного сырья и пр., но с точки зрения организации, структуры, он, без сомнения, один из наиболее развитых» [106].

Марксистский подход к фашизму создает предпосылки для многостороннего анализа этого явления, которые успешно реализуются прежде всего в обобщающих трудах последних лет. Комплексный характер марксистского подхода проявляется, с одной стороны, в сочетании различных исследовательских методов: собственно исторического, экономического, социологического, социально-психологического, а с другой стороны — в многообразии исследовательской проблематики.

Ценные исследования по проблемам германского и итальянского фашизма выполнены польскими учеными. Генезис нацистского движения, преимущественно в социологическом и социально-психологическом ракурсах, исследован Я. Банашкевичем [107]. В отличие от буржуазных авторов, как правило, ограничиваю-

---

[104] Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft, Bd. IV. Freiburg — Basel — Wien, 1971, S. 706.

[105] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 156—157.

[106] *Тольятти П.* Лекции о фашизме, с. 181.

[107] *Banaszkiewicz J.* Powstanie partii Hitlerowskiej. Poznań, 1968.

щихся весьма произвольной систематизацией эмпирического материала, Банашкевич раскрывает связь между формированием социальной базы нацизма и общим кризисом капитализма, социально-экономическими потрясениями в Германии после первой мировой войны.

Становление итальянского фашизма и его приход к власти — основные темы монографии С. Серповского. Польский ученый, в частности, обращает внимание на следующий момент тактики фашистских главарей: окутывая «поход на Рим» псевдореволюционным ореолом, они эксплуатировали лозунг революции, который стал популярен в массах усилиями социалистов [108].

Система нацистского господства стала предметом исследования польского ученого Ф. Рышки [109]. Тематически к исследованию Рышки примыкает работа Э. Енджеевского [110]. Становление нацистской системы господства во всем его многообразии исследовал историк из ГДР К. Петцольд [111]. При этом он уделил особое внимание раскрытию функций нацистского антисемитизма как важного идейно-психологического средства для консолидации «третьего рейха».

Подлинно научный анализ социально-психологических аспектов фашизма позволяет историкам-марксистам углубить представление как о процессе генезиса фашистских движений, так и о процессе функционирования фашистских режимов. Не случайно Ф. Рышка от государственно-административной проблематики нацизма подошел к изучению психологической подоплеки этого явления в целом [112].

Наряду с обширными разделами обобщающих трудов вопросы идеологии фашизма и так называемой фашистской культуры освещаются и в специальных исследованиях. Политическую доктрину фашизма проанализировал польский ученый Т. Филипяк [113]. Другой польский исследователь — Б. Древняк посвятил свою монографию изучению различных сторон культурной жизни «третьего рейха» [114]. Охватывая сферы кинематографии, театра, музыки, изобразительного искусства, радиовещания, Древняк рисует ужасающую картину нацистского надругательства над культурой. В исследовании о влиянии ницшеанства на германскую буржуазную философию советский ученый С. Ф. Одуев обращается к проблемам генезиса нацистской идеологии, показывает ее родство с реакционными философскими учениями прошлого и в то же

[108] *Sierpowski S.* Faszyzm we Wloszech 1919—1926. Wroclaw, 1973, S. 297.
[109] *Ryszka F.* Państwo stanu wyjątkowego. Wroclaw, 1964. В 1974 г. вышло в свет новое издание.
[110] *Jędrzejewski E.* Hitlerowska concepcja administracji państwowej 1933—1945. Wroclaw, 1975.
[111] *Pätzold K.* Faschismus, Rassenwahn, Judenverfolgung. Berlin, 1975.
[112] *Ruszka F.* U Źródeł sukcesu i klęski. Szkice z dziejów hitleryzmu. Warszawa, 1975.
[113] *Filipiak T.* Polityczna doktryna faszyzmu. Warszawa, 1971.
[114] *Drewniak B.* Kultura w cieniu swastyki. Poznań, 1969.

время ее новые, специфические черты. С. Ф. Одуев подверг аргументированной критике труды тех западногерманских авторов, которые пытаются перевести анализ нацистской идеологии из сферы теоретико-социального исследования в область психоанализа или же просто отождествить ее с идеологией взбесившегося мещанства. Из эклектической сущности воззрений нацистских идеологов отнюдь не следует, что «фашизм не создал никакой собственной системы идей...» [115]

Такие сложные историко-культурные и социальные проблемы, как фашизм и культура, фашизм и интеллигенция, привлекают внимание Ц. И. Кин. Она показывает закономерность того, «что фашистский режим не только не создал, но просто не мог создать сколько-нибудь жизнеспособную культуру. Реакционный и эклектический характер фашистской идеологии сам по себе исключал возможность создания подлинных художественных и духовных ценностей» [116].

Изучение фашизма в марксистско-ленинской историографии отнюдь не ограничивается Германией и Италией. Насыщенная резкими перепадами история испанского фашизма отражена в коллективном труде «Война и революция в Испании» (под редакцией Д. Ибаррури) и в монографии Х. Гарсиа «Испания XX века» [117]. Важные моменты процесса становления фашистского режима освещаются в книге С. П. Пожарской о внешней политике франкистской Испании периода второй мировой войны [118].

Расширению диапазона советской историографии фашизма в значительной мере способствовали статьи в журнале «Новая и новейшая история», на страницах которого в течение последних лет были опубликованы исследования Г. С. Филатова, С. П. Пожарской, В. А. Мазохина, А. И. Пушкаша, Н. И. Лебедева, В. Д. Вознесенского и ряда других авторов, посвященные анализу различных разновидностей фашизма. В связи с полемикой по вопросам истории фашизма, развернувшейся на XIII Международном конгрессе исторических наук, журнал опубликовал ряд статей методологического и историографического характера (Л. И. Гинцберга, Г. Н. Горошковой, П. Ю. Рахшмира). Серия публикаций по различным вариантам фашизма, осуществленная журналом «Новая и новейшая история», создала существенные предпосылки для обобщающего труда по истории западноевропейского фашизма.

Одним из свидетельств зрелости марксистской историографии фашизма можно считать появление серьезных исследований историографического характера. Необходимость постоянной работы в этой области объясняется острейшей идейной борьбой по вопросам истории фашизма. Это диктуется и самой логикой исследования, так как историографические работы способствуют синтезу

[115] *Одуев С. Ф.* Тропами Заратустры. М., 1971, с. 180.
[116] *Кин Ц. И.* Миф, реальность, литература. М., 1968, с. 156.
[117] *Гарсиа Х.* Испания XX века. М., 1967.
[118] *Пожарская С. П.* Тайная дипломатия Мадрида. М., 1971.

исторического знания, помогают определить наиболее важные направления научного поиска.

Критике буржуазной историографии фашизма отведено значительное место в монографиях Е. Б. Черняка [119] и В. И. Салова [120]. Проблемы историографии фашизма нашли отражение в коллективном труде «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки». Содержательная глава о западногерманской историографии нацизма написана Г. Хассом в капитальном историографическом исследовании историков ГДР «Непреодоленное прошлое», в котором дана развернутая картина состояния исторической науки в ФРГ [121]. Историографии германского фашизма посвятил интересный очерк Ф. Рышка [122].

За последние годы появились и монографические работы о западногерманской историографии фашизма. Советский историк А. С. Бланк подверг резкой и убедительной критике набор тех ставших уже традиционными легенд о гитлеровском фашизме, которые были созданы в ФРГ [123]. В центре внимания А. С. Бланка реакционные, преимущественно неонацистские, историки и публицисты. Современные тенденции в историографии ФРГ, их социально-политическую и гносеологическую обусловленность раскрыл представитель исторической науки ГДР М. Вайссбеккер [124]. Несомненной его заслугой можно считать глубокий анализ прогрессивного лагеря в западногерманской историографии с присущими ему сильными сторонами и слабостями.

Дифференцированный подход к различным направлениям, течениям и школам исторической мысли Запада — характерная черта современных историографических исследований по проблемам фашизма. Благодаря этому явственнее обнажаются внутренние противоречия буржуазной историографии, ее методологическая несостоятельность.

Конечно, обширная проблематика фашизма далеко не исчерпана в марксистской историографии. Пока еще нет монографических работ о западноевропейских фашистских движениях за пределами Германии и Италии. Нужна углубленная разработка определенных проблем и в рамках истории довольно хорошо изученных разновидностей фашизма. Особенно важен анализ социального базиса фашизма и фашистских методов мобилизации масс [125].

---

[119] *Черняк Е. Б.* Историография против истории. М., 1962.

[120] *Салов В. И.* Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968.

[121] Unbewältigte Vergangenheit. Berlin. 1971.

[122] *Ryszka F.* Literatura pod ciśnieniem historii. Katowice, 1967.

[123] *Бланк А. С.* Адвокаты фашизма. М., 1974.

[124] *Weissbecker M.* Entteufelung der braunen Barbarei. Berlin, 1975.

[125] См. материалы Международного научного симпозиума «Новые формы фашистской опасности, усиления реакции и пути борьбы с ними».— «Проблемы мира и социализма», 1973, № 4, с. 28, а также: Современный фашизм: его обличье и борьба с ним. Прага, 1974.

К числу задач, которые еще предстоит решить, относится и создание типологии западноевропейского фашизма. Расширение исследовательской проблематики, вовлечение в сферу внимания историков многообразных форм фашизма создают благоприятные предпосылки для разработки подлинно научной типологии этого явления.

ЭВОЛЮЦИЯ БУРЖУАЗНОЙ И РЕФОРМИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ФАШИЗМА

Сложный путь прошла буржуазная историография фашизма. Анализ этого пути позволяет проследить возникновение, гибель и регенерацию различных концепций фашизма, их взаимосвязь с современными им общесоциологическими и философскими теориями, взаимодействие длительных и конъюнктурных тенденций, более основательно оценить роль тех или иных течений исторической мысли и отдельных историков.

Складывание представлений о фашизме с момента его зарождения до начала 30-х годов определялось прежде всего непосредственным воздействием итальянского опыта, так как муссолиниевский режим был главным воплощением фашистского феномена. Процесс фашизации в Италии шел относительно медленно, а дымовая завеса фашистской демагогии была чрезвычайно густой. Это затрудняло проникновение в сущность нового социально-политического явления. Отсюда крайний разнобой в суждениях о фашизме. С начала 20-х годов и до 1933 г. итальянский фашизм служил эталоном, которым поверяли все прочие разновидности данного явления. Именно этот период можно выделить в качестве первого этапа эволюции буржуазной историографии фашизма [126].

Первые работы о фашизме (чаще всего статьи в периодической печати и брошюры) возникли в результате определения различными политическими партиями и группами своих позиций по отношению к новой политической силе. Довольно четко прослеживаются либеральное и консервативное направления буржуазной историографии. Близки к либералам были социал-реформистские авторы. Правда на этом этапе социал-реформистское направление сохраняет значительную автономию. Откровенно апологетическое направление представляет интерес лишь как элемент фашистской идеологии.

Четкость политических границ между различными течениями в значительной мере объяснялась и спецификой контингента первых авторов, писавших о фашизме. Среди них немало политических деятелей, особенно оставшихся не у дел итальянских министров и партийных лидеров (Ф. Нитти, И. Бономи, Л. Стурцо,

[126] Более подробно см.: *Рахшмир П. Ю.* Классовая борьба на первом этапе общего кризиса капитализма и формирование буржуазной историографии фашизма.— В кн.: Вопросы истории международного рабочего движения, вып. 12. Пермь, 1975.

Ф. Турати и др.). Заметную роль играют журналисты и литераторы. Большинство академических ученых чуралось животрепещущей проблематики, признавало анализ событий только с солидной временной дистанции, избегало их изучения в динамике. Фашизм стал одной из тех проблем, в процессе изучения которых складывалась новейшая история как самостоятельная отрасль исторического знания.

Формирование буржуазной историографии фашизма проходило в своеобразном политическом и духовном климате. Напуганная победой Великой Октябрьской социалистической революции, мощным революционным подъемом 1918—1923 гг., международная буржуазия видела в фашизме спасителя от «большевистской угрозы». Филофашистская тенденция пронизывает различные направления зарождавшейся историографии фашизма. Представители консервативного направления вообще не столько изучали, сколько пропагандировали фашизм. С этой точки зрения показательна деятельность Международного центра по изучению фашизма, основанного во второй половине 20-х годов в Лозанне. Среди его членов были респектабельные профессора, буржуазные политические деятели и публицисты из многих стран. В списке руководства центра фигурировал и президент Института фашистской культуры Д. Джентиле. Свою миссию Лозаннский центр видел в осмыслении и распространении фашистского опыта [127].

Насколько пропагандистская цель доминировала в деятельности консервативного направления, свидетельствует также пример Общества по изучению фашизма, организованного в начале 1932 г. в Германии. Одним из его главарей был представитель правых националистических кругов, организатор убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург, штабс-капитан В. Пабст. Итальянский фашистский журнал «Антиевропа» с одобрением писал о деятельности общества, целью которого было «анализировать фашистские государственные и экономические идеи, а также возможность их применения в Германии» [128]. В фашистском государстве, утверждал марбургский профессор Маннхардт, происходит преобразование капитализма с той целью, чтобы экономика служила не частным лицам, а всей народной общности [129]. «Консерваторы и клерикалы всех стран,— с горечью отмечал в 1926 г. искренний антифашист, бывший лидер партии «Пополяри» Л. Стурцо,— уделяют значительное внимание итальянскому эксперименту и защищают его от атак враждебных течений» [130].

Упреков заслуживали и некоторые представители либерального лагеря, видевшие в фашизме ценный эксперимент, которому

---

[127] A Survey of Fascism. The Year Book of the International Centre of Fascist Studies, v. I. London, 1928, p. 221.

[128] *Hoepke K.-P.* Die deutsche Rechte und der italienische Faschismus. Düsseldorf, 1968, S. 299—300.

[129] *Mannhardt J. W.* Der Faschismus. München, 1925, S. 391.

[130] *Sturzo L.* Italy and Fascism. New York, 1967 (1-е изд. 1926).

не следует препятствовать. Крупнейший американский либеральный историк Ч. Бирд давал высокую оценку корпоративизму, отметив, что его возможности и уроки не должны затемняться чувствами, «возникающими при виде жестокостей и экстравагантностей, сопровождающих процесс становления фашизма» [131]. Воздействию корпоративистской пропаганды поддались и некоторые социал-реформисты [132].

Учитывая силу и масштаб филофашистской тенденции, следует отметить заслугу тех историков и публицистов, которые ей противостояли. Весь талант историка и пыл публициста отдавал борьбе против фашизма и филофашизма Г. Сальвемини. Его труд «Фашистская диктатура в Италии» возник в качестве ответа на апологетическую книжонку фашистского историка Л. Виллари [133]. Среди публицистов антифашистского лагеря выделялся и К. Росселли (в 1937 г. его вместе с братом Нелло, учеником Сальвемини, убили французские кагуляры). Влияние антифашистской публицистики сказалось на оценке исторической роли фашизма либеральным направлением в целом.

Это направление было самым обширным и в то же время наиболее пестрым по составу. К нему примыкали и радикальные итальянские демократы, и умеренные либералы традиционного типа. Хотя правое крыло либералов смыкается с консервативным направлением, в глазах большинства либеральных авторов, отождествлявших прогресс с буржуазно-демократическими порядками, фашизм, отрицавший парламентскую демократию, ассоциировался с регрессом и реакцией. В одной из первых книг о фашизме республиканец Д. Бергамо и «пополяри» Ч. Дель Окки обращали внимание на его реакционный характер [134]. Антилиберальную реакцию видел в фашизме американский историк П. Бокс [135]. Для К. Росселли фашизм — «гигантский прыжок в прошлое» [136].

Вполне естественно, что либералы находили в фашизме черты, родственные консервативной реакции. Наиболее проницательные из них приближались к пониманию характера связи между фашизмом и консерватизмом. Л. Сальваторелли писал о «динамичном» консерватизме как о характерной черте итальянского национализма [137]. По мнению Стурцо, фашизм превратился в представителя «самых активных и авантюристических консервативных сил» [138].

---

[131] «The New Republic», 23.I 1929, p. 278.
[132] *Merli S.* Corporativismo fascista e illusioni riformisti nei primi ani del regime.— «Rivista storica del socialismo», 1959, gennaio — marzo.
[133] *Salvemini G.* Scritti sul fascismo, v. II. Milano, 1966.
[134] Il fascismo e i partiti politici italiani. Bologna, 1966 (1-е изд. 1924), p. 81, 131.
[135] *Box P.* The Master Builders and Another. London, 1925, p. 9.
[136] *Rosselli C.* Socialismo liberale. Paris, 1930, p. 153.
[137] Цит. по: La revolutione liberale. Milano, 1948,
[138] *Sturzo L.* Op. cit., p. 380, 384, 232.

В отличие от многих либеральных авторов Стурцо не останавливался перед тем, чтобы показать связь между фашизмом и крупным капиталом. Он говорил об эгоизме больших трестов, о готовности националистически настроенной плутократии броситься в объятия реакции. Но значение его выводов ограничено, так как сотрудничество крупного капитала с фашизмом он объясняет исключительно незрелостью итальянского капитализма, урода в «здоровом» капиталистическом семействе.

Буржуазной историографии с первых ее шагов присуще стремление исказить логику взаимоотношений между фашизмом и монополистическим капиталом, всячески преуменьшить роль последнего в системе фашистской диктатуры. Так, германский ученый Э. Беккерат, занимавший позицию на стыке между либеральным и консервативным направлением, утверждал, что для режима Муссолини характерно «превосходство государства над хозяйством». Это в какой-то мере предвосхищает тезис о «примате политики» над экономикой, который так популярен среди современных буржуазных историков фашизма.

Идейно-политическая близость социал-реформистов к либералам отразилась и на подходе к фашизму. «Регрессивным феноменом» называл фашизм Артуро Лабриола [139]. Германский социал-демократ Г. Геллер определял фашизм как «настоящую реакцию», указывая на родство между ним и монархо-консервативной «Аксьон франсэз» [140]. Как и либералы, социал-реформистские авторы переоценивали степень самостоятельности фашизма по отношению к монополиям. Например, Ф. Турати утверждал в 1928 г., что фашизм обращается даже против тех, «кто его финансирует и помогает ему, тешась надеждой извлечь какие-то ближайшие выгоды» [141].

Непонимание характера связи между фашизмом и монополистическим капиталом проявилось и в попытке истолкования фашизма как формы бонапартистской диктатуры. В статье, относящейся к 1930 г., А. Тальгеймер, исключенный двумя годами раньше из КПГ за правооппортунистическую деятельность, называл фашизм «современным эквивалентом бонапартизма» [142]. Отдельные черты сходства между фашизмом и бонапартистской контрреволюцией (особенно в искусстве привлечения массовой базы, политическом лавировании и т. д.) отмечали и коммунисты. Однако социал-реформистские авторы вместо творческого конкретно-исторического анализа занимались тем, что В. И. Ленин метко называл игрой в исторические параллели. Как сила, осуществляющая сугубо политические функции, фашистский аппарат власти предстает у Тальгеймера фактически независимым по отношению к буржуазии. Еще в большей мере абсолютизирует

[139] L'Antifascismo italiano. Roma, 1965, p. 356.
[140] *Heller H.* Europa und der Faschismus. Berlin — Leipzig, 1929, S. 62, 64.
[141] L'Antifascismo italiano, p. 560.
[142] Цит. по: Faschismus und Kapitalismus. Frankfurt a. M., 1967, S. 27.

относительную самостоятельность фашистского государственного аппарата Ф. Боркенау. Итальянский фашизм, по его словам, «стоит над классами в качестве независимой государственной власти» [143].

Одностороннее выпячивание политических аспектов фашизма — еще одна черта, сближающая работы социал-реформистов с буржуазной историографией. Сказывалась сила позитивистских традиций и формально-юридического образа мышления. Из различных проявлений общего кризиса капитализма и последствий послевоенных социальных бурь буржуазные ученые замечали прежде всего политические потрясения, которые обобщались в таких формулах, как «кризис либерализма» и т. п. Это в значительной степени предопределило и подход к фашизму. Беккерат считал его «чисто политической системой, не распространяющейся на социальный порядок» [144]. «Фашизм — чисто политическое движение»,— полагал германский либеральный профессор Ю. Бонн [145]. Отсюда поверхностные аналогии, скрадывавшие своеобразие и новизну явления. Э. Беккерат находил у фашизма сходство с абсолютизмом XVII—XVIII вв. Ничего нового не усматривал в фашизме французский государствовед Ж. Бартелеми: диктатура стара, как история, фашистский сенат — копия палаты пэров при Луи-Филиппе и т. п.

От этого этапа не осталось серьезных работ о социально-экономических аспектах фашизма. О его социальной базе вспоминали лишь для того, чтобы охарактеризовать это явление как мелкобуржуазное или надклассовое. Из всего написанного в те годы о составе фашистского движения сохранили ценность яркие социально-психологические зарисовки Л. Сальваторелли.

Большинству ученых и публицистов фашизм в 20 — начале 30-х годов казался проявлением чисто итальянской специфики или же особенностью недостаточно развитых стран. В 1926 г. Ф. Нитти писал, что «фашистские движения не могут получить сколько-нибудь значительного развития в великих индустриальных странах: Великобритании, Франции, Бельгии, Голландии, Германии и Скандинавии» [146]. Реформист Артуро Лабриола считал фашизм уделом стран балканского типа, к которым Италия будто бы гораздо ближе, чем к Англии, Франции и Германии [147]. Ф. Боркенау также полагал, что фашизму нет места «в стране больших трестов». «В Италии при установлении фашизма вовсе не было никакого монополистического капитализма» [148],— заявлял Боркенау. И это говорилось о стране, где имелись такие гиганты, как «Ансальдо», «Ильва», «Фиат» и др., где с 1919 г. функцио-

[143] Цит. по: Theorien über den Faschismus. Köln, 1967, S. 178.
[144] *Beckerath E. V.* Wesen und Werden des faschistischen Staates, S. 154.
[145] Internationaler Faschismus. Karlsruhe, 1928, S. 128.
[146] *Nitti F.* Bolschewismus und Faschismus. München. 1926. S. 52.
[147] L'Antifascismo italiano, p. 365.
[148] Цит. по: Theorien über den Faschismus, S. 171.

нировала Конфиндустрия. Историографическим курьезом является работа Боркенау, опубликованная в феврале 1933 г., т. е. почти одновременно с приходом Гитлера к власти, где утверждалось, что германская буржуазия не нуждается в фашизме [149].

Иначе смотрели на фашизм консерваторы, видевшие в нем универсальный метод разрешения социальных противоречий. Из этого вытекал подход к фашизму как феномену универсального масштаба.

Но на фоне этих генерализаций еще убедительнее выглядело преобладание индивидуализирующего подхода к фашизму. Оно же стало одной из причин недооценки нацизма. Известный западногерманский ученый К. Д. Брахер имеет все основания говорить, что «история национал-социализма является в сущности историей его недооценки» [150]. Книга либерального журналиста К. Гейдена и политолога Т. Хейсса (будущего президента ФРГ), брошюра бельгийского социал-реформиста А. Х. де Мана, раздел, посвященный нацистской партии в исследовании З. Ноймана о партиях Веймарской республики, социологические этюды Т. Гейгера и В. Шойнемана — вот наиболее важные работы о гитлеровском движении до 30 января 1933 г. Массовая база зачастую заслоняла от тогдашних буржуазных историков германского фашизма его подлинную сущность. В их работах причудливо смешивались недооценка и непонимание изучаемого явления. Если с недооценкой после 30 января 1933 г. было покончено, то непонимание осталось надолго.

* * *

Приход Гитлера к власти рассеял иллюзии, что фашизм — это уникальное порождение итальянской истории. Определяющие черты фашизма у германской его разновидности выступили в более обнаженной форме. Германский вариант фашизма стал решающим образом влиять на представление о феномене в целом. Поэтому границы второго этапа эволюции буржуазной историографии фашизма совпадают с 12 годами существования «тысячелетнего рейха».

По сравнению с предыдущим этапом резко изменилась политическая и духовная атмосфера. В отличие от 20-х годов, когда фашистская Италия казалась островом, где происходил политический эксперимент, теперь фашистская волна широко разлилась по европейскому континенту. В сознании части буржуазных ученых и публицистов происходит важный сдвиг. Если раньше они видели в фашизме преимущественно «спасителя от большевистской угрозы», то теперь они начинают взирать на него, как на опасную антитезу буржуазной демократии и всей западной цивилизации. Сфера влияния филофашистской тенденции значи-

[149] Theorien über den Faschismus, S. 168—169
[150] «Die neue Gesellschaft», 1967, N 4, S. 289.

тельно сузилась. Правда, утратив прежний размах, она обрела более резкие формы.

Важным признаком указанного этапа явилось необычайно сильное воздействие марксизма на умы антифашистски настроенных буржуазных историков. Действительность подтверждала правоту марксистов, которые сразу же определили характер фашистского феномена. Буржуазные ученые испытывали влияние не только марксистской теории, но и практики. Нельзя было не считаться с выдающейся ролью коммунистов в антифашистской борьбе. Д. Борджезе, один из 12 итальянских профессоров, отказавшихся принести присягу на верность Муссолини, писал, что после кризиса 1929—1933 гг. и установления гитлеровской диктатуры марксистская интерпретация истории «вновь оказалась действенной». Со всякого рода оговорками он признает, что в связи с подъемом мирового фашизма «расстановка классовых сил определенно соответствовала схемам исторического материализма» [151] «Коммунистическая версия, говорившая о вине монополистического капитализма,— пишет современный английский историк У. Лакер,— нашла на определенное время сторонников даже среди некоторых социал-демократов и либералов...» [152]

Профессор Калифорнийского университета Р. Брэди видел в фашизме «своеобразную форму капитализма», «диктатуру бизнеса» [153]. О том, что нацистский режим «благоприятствовал интересам самых могущественных групп германской индустрии», писал известный американский социолог Э. Фромм [154]. По словам другого американского ученого, Ф. Шумана, фашистское государство, особенно в Германии, «является принудительным и координирующим органом плутократии в век монополистического капитализма» [155].

Разоблачению мифа о фашистском «корпоративном» государстве были посвящены книги французского экономиста Л. Розенштока-Франка и Г. Сальвемини, до сих пор не утратившие научной ценности. «Руководство итальянской экономикой принадлежит олигархии, олигархии крупных предпринимателей и корпораций» [156],— таково заключение французского исследователя. «В системе фашистской экономики,— констатировал Г. Сальвемини,— важнейшие места всегда заняты крупнейшими капиталистами и их ставленниками». Что же касается рабочих, то в рамках фашистских корпораций они «имеют власти не более, чем животные в обществе охраны животных» [157].

---

[151] *Borgese G. A.* Goliath. The March of Fascism. New York, 1938, p. 356.
[152] *Laquer W.* Russia and Germany. London, 1965, p. 248—249.
[153] *Brady R. A.* The Spirit and Structure of German Fascism. London, 1937, p. 285, 324.
[154] *Fromm E.* Escape from Freedom. New York, 1965, p. 243.
[155] *Schuman F. L.* Hitler and the Nazi Dictatorship. London, 1936, p. 52.
[156] *Rosenstock-Franck L.* L'économie corporative fasciste en doctrine et en fait. Paris, 1934, p. 392.
[157] *Salvemini G.* Under the Age of Fascism. London, 1936, p. 83.

В произведениях антифашистски настроенных буржуазных историков, экономистов, социологов нашли более или менее объективное отражение некоторые важные стороны проблемы «фашизм — монополии». Однако этим работам были присущи и серьезные слабости методологического и политического характера. Прежде всего они объясняются тем, что буржуазные историки не смогли постигнуть сущности фашистского варианта государственно-монополистического капитализма и потому односторонне оценивали государственное вмешательство в экономику, как ущемление прерогатив монополистического капитала. В то же время явно преувеличивалась острота противоречий между монополиями и государственной машиной. Партия, бюрократия, военщина и монополистический капитал рассматривались не столько в качестве имеющих относительную самостоятельность, но действующих в целом заодно элементов фашистского режима, сколько в качестве враждующих сил.

В годы второй мировой войны, когда государственное вмешательство в экономику приняло еще большие масштабы, тенденция к умалению роли монополистического капитала усилилась. Милитаризация экономики, сопряженная с количественным ростом военно-государственных ведомств, расширением их контрольно-распределительных функций послужила поводом для утверждений о полном подчинении монополий государству. «В конечном счете экономика перешла в руки внеклассовой военной касты» [158],— считал американский ученый Э. Тенненбаум. В тот же период Д. Бернхэм, совершавший переход от троцкизма в лагерь ультраправой реакции, ввел в оборот свою версию теории «менеджериальной революции». Образцами общества менеджеров, якобы вытеснивших капиталистов-собственников, Бернхэм считал, в частности, фашистские государства [159]. Комментируя эпизод с Ф. Тиссеном, бежавшим в 1939 г. из гитлеровского рейха из-за разногласий с Герингом, американский профессор расценивал этот факт, как «признание германским капитализмом ошибочности своих первоначальных надежд, что нацизм может стать спасителем германского капитализма, понимание того, что нацизм — просто вариант ликвидации капитализма» [160].

Против концепций, отрицавших органическую связь между фашизмом и монополиями, выступил эмигрировавший из Германии социал-демократ Ф. Нойман. Его книга, опубликованная под названием «Бегемот», оставила глубокий след в буржуазной историографии фашизма. Образ тупого, злобного и мощного животного символизировал нацистский режим. На основе изучения максимально возможного тогда круга источников Нойман пришел к выводу, что в нацистской Германии существует «частно-капита-

[158] *Tennenbaum E.* National Socialism versus International Capitalism. New Haven, 1942, p. 3.
[159] *Burnham J.* The Managerial Revolution. New York, 1941, p. 159.
[160] Ibid., p. 251.

листическая экономика, регламентируемая тоталитарным государством» [161]. «Тоталитарный монополистический капитализм» — так определил он сущность социально-экономической структуры «третьего рейха». Всей полнотой власти в экономической сфере располагает монополистический капитал, по схеме Ноймана,— один из четырех взаимосвязанных элементов гитлеровского режима: партия, монополии, армия, бюрократия. Все эти элементы, несмотря на известные противоречия между ними, рассматривались как единое целое.

По сравнению с предшествующим этапом подход к фашизму стал более многосторонним. Если прежде доминировали политическая и культурно-идеологическая интерпретации, то теперь многие авторы смотрят на фашизм с социально-экономической точки зрения. В изучении фашизма участвовала большая группа ученых либерального и социал-реформистского направления (Г. Лассуэлл, Э. Фромм, К. Маннгейм, Т. Парсонс, Д. Сапосс, Э. Френкель, Т. Абель, З. Нойман, Х. Кэнтрил, Ф. Шуман, Э. Ледерер, В. Райх). Некоторые из предложенных ими интерпретаций обогатили представление о частных аспектах фашизма. Так, социологический анализ давал более дифференцированную картину социального базиса фашистских движений и их элиты. Социально-психологический подход помогал понять мотивы коллективного поведения общественных слоев, поддерживавших фашизм. Но проливая свет на те или иные стороны фашизма, интерпретации, сложившиеся в сфере буржуазных «социальных наук», затемняли социально-политическую сущность явления в целом, устанавливая обычно прямую корреляцию между социальным базисом и сущностью фашизма. Поскольку фашистские движения в значительной степени рекрутировались из средних слоев, фашизм большей частью трактовался как «среднеклассовый феномен».

Одним из немногих исключений была концепция Э. Фромма. По его мнению, мелкобуржуазный базис не должен служить прикрытием для крупных промышленников и юнкеров: «Без их поддержки Гитлер никогда не смог бы победить, а их поддержка была в большей мере обусловлена экономическими интересами, чем психологическими факторами» [162]. Однако установить действительное соотношение между социально-экономическими, политическими и социально-психологическими факторами Фромм не сумел. Все они в его трактовке нивелированы, выглядят фактически равнозначными. Поэтому в конечном счете и у Фромма психологическим аспектам фашизма отводится неоправданно большая роль.

Довольно много сторонников имела культурно-идеологическая интерпретация фашизма. На ее почве сходились и либеральные,

[161] *Neumann F.* Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism. London, 1942, p. 214.
[162] *Fromm E.* Op. cit., p. 242—243.

и консервативные авторы (Д. Борджезе, У. Макговерн, Р. Батлер, П. Вирек и др.). В соответствии с ней фашизм оказывался проявлением «моральной болезни» или даже результатом филиации идей. Эту интерпретацию поддержал своим авторитетом выдающийся итальянский ученый Б. Кроче. В статье, написанной для «Нью-Йорк таймс» и опубликованной 28 ноября 1943 г., Кроче утверждал, что единственный путь к пониманию фашизма открывается благодаря выяснению его идеологических предпосылок [163].

Соотношение сил на данном этапе складывалось в пользу либералов и социал-реформистов, причем реформистское направление (О. Бауэр, А. Розенберг, М. Хоркхеймер, А. Таска и др.) играло важную самостоятельную роль. Крах либерально-реформистских иллюзий, опасения перед нарастающей фашистской угрозой заставляли определенную часть социал-демократов трезвее оценивать фашизм, его связь с монополистическим капиталом.

Немало убежденных антифашистов было в рядах либерального направления. Но крайний методологический и политический плюрализм создавал предпосылки для весьма противоречивых тенденций. Во всех рассматриваемых направлениях с той или иной степенью интенсивности проявлялись антикоммунистические тенденции. На их основе складывается концепция «тоталитаризма», ростки которой содержались уже в политической публицистике 20-х годов.

Внутри консервативного направления в 30-х годах, наряду с филофашистскими тенденциями, появляются признаки иного умонастроения. Его олицетворял бывший нацист Г. Раушнинг, разочаровавшийся в гитлеровском движении и покинувший Германию вскоре после прихода нацистов к власти. На позицию Раушнинга повлияло то обстоятельство, что Гитлер и его окружение явно не желали быть простыми исполнителями воли консервативной элиты. Выдвинутая им интерпретация фашизма оказалась чрезвычайно живучей и нашла признание за пределами консервативного направления. Согласно Раушнингу, германский фашизм был результатом процесса секуляризации, начавшегося в XVI в., прямым следствием и подобием якобинской диктатуры, наконец, практическим осуществлением «восстания масс». Все это сводилось к эффектной формуле «революция нигилизма», т. е. слепая разрушительная волна, грозящая западной цивилизации полным уничтожением. Поскольку для «революции нигилизма» разрушение — самоцель [164], проблема социального содержания фашизма практически снималась.

У Раушнинга можно найти слова сожаления насчет политической слепоты консерваторов, их податливости «революционно-

[163] *Croce B.* Scritti e discorsi politici (1943—1947), v. I. Bari, 1963, p. 7.
[164] *Rauschning H.* Die Revolution des Nihilismus. Zürich, 1938, S. 87—88.

нигилистическим тенденциям», но в союзе консерваторов с фашистами он видит не столько вину, сколько заблуждение [165]. Концепция Раушнинга нашла признание у всех, кто, по словам современного западногерманского историка Г. Манна, «не видел смысла в делении мира на «капиталистический» и «социалистический», «реакционный» и «революционный» [166]. Она стала своеобразной отдушиной для тех, кто был против социально-экономической интерпретации фашизма, на которой лежал отпечаток марксистского влияния.

На буржуазную историографию фашизма наложили определенный отпечаток так называемые ванситтартистские взгляды. Во многих работах, посвященных выяснению идейных и психологических предпосылок нацизма, нацизм изображался как логический итог германской истории со времен кимвров и тевтонов. «История Германии настолько же проста, насколько уродлива»,— заявлял бывший постоянный заместитель английского министра иностранных дел лорд Ванситтарт. Справедливо обвиняя германских милитаристов в агрессивности и жестокости, он распространил свои обвинения на немецкий народ в целом «Вся нация охвачена духом милитаризма», «поскребите германца, и вы обнаружите пангерманца» [167]. При такой трактовке нацизм утрачивал социальную сущность, представал как проявление немецкого национального характера. С ванситтартизмом связано возрождение индивидуализирующего подхода к фашизму, так как это многообразное международное явление сводилось только к германскому варианту, резко обособлявшемуся от остальных родственных ему форм.

Рассматриваемый этап был весьма сложным и интересным. Мощный антифашистский импульс и связанное с ним плодотворное влияние марксизма создали предпосылки для появления ряда ценных трудов, надолго переживших свое время.

* * *

Никогда за всю историю изучения фашизма на Западе не было столь безраздельной гегемонии какой-то одной концепции, как в послевоенные годы. Такое специфическое положение было обеспечено концепции «тоталитаризма» потому, что она являлась идеологическим привеском к военно-стратегическим и внешнеполитическим планам империализма [168]. В марте 1947 г. президент США

---

[165] *Rauschning H.* The Conservative Revolution. New York, 1941, p. VI.

[166] *Rauschning H.* Die Revolution des Nihilismus. Zürich, 1964, S. 6 (введение).

[167] Lord *Vansittart.* Black Record. London, 1941, p. 14; *Idem.* Lessons of My Life. London, 1944, p. 205; *Idem.* Bones of Contentions. London, 1945, p. 22.

[168] Развернутая критика этой антинаучной концепции дана в работах советских и зарубежных ученых-марксистов (Е. Б. Черняка, Б. А. Шабада, Б. И. Марушкина, Г. Лоцека, В. Хайзе, Е. Вятра и др.).

Г. Трумэн обосновывал агрессивную доктрину, получившую его имя, необходимостью борьбы против «тоталитарных режимов» [169].

Концепция «тоталитаризма» сплелась в единый комплекс с доктринами «массированного возмездия», «сдерживания» и «отбрасывания». Хотя главной ее сферой явилось так называемое советоведение, она на протяжении второй половины 40—50-х годов полностью господствовала и в историографии фашизма, вытеснив из лексикона буржуазных историков само понятие «фашизм». На этой антикоммунистической базе сблизились основные направления буржуазной историографии, к которым примкнули и социал-реформисты.

Концепция «тоталитаризма» получила наукообразную оснастку главным образом усилиями американских социологов и политологов (К. Фридрих, Х. Арендт, У. Эбенштейн и др.). Но даже среди прочих ненаучных теоретических конструкций она отличалась вопиющей противоречивостью и несуразностью.

Модель тоталитарного режима конструировалась преимущественно по нацистской мерке. Х. Арендт утверждала, что даже режим Муссолини не стал таковым. Как нетоталитарные диктатуры она характеризует режимы в довоенных Румынии, Польше, Венгрии, в Португалии и франкистской Испании [170]. В стремлении дискредитировать социализм буржуазные историки и социологи пришли к частичной реабилитации фашизма.

Естественным следствием этого явилось возрождение в модифицированном виде индивидуализирующего подхода к фашизму. Национал-социализм стал изучаться в искусственно сконструированной системе связей. Обособленно от него шло исследование итальянского фашизма. Те же фашистские движения в Западной Европе, которые не сумели создать собственные системы господства, на долгое время выпали из поля зрения буржуазных историков.

Насколько глубокая граница пролегла между изучением национал-социализма, с одной стороны, и прочих вариантов фашизма — с другой, свидетельствует хотя бы история создания коллективного сборника «Третий рейх» [171], вышедшего под эгидой ЮНЕСКО в 1955 г. Еще в 1948 г. генеральная конференция ЮНЕСКО приняла решение о написании силами крупнейших специалистов из разных стран обзора по истории нацизма и итальянского фашизма. Но вместо широко задуманного труда появился объемный том, посвященный лишь предыстории и истории гитлеровского рейха.

В первые годы после войны еще сказывались силы инерции: еще были сильны антифашистские тенденции. С антифашистски-

[169] Public Papers of the Presidents of the United States. Washington, 1963, p. 178.
[170] *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. New York, 1966 (1-е изд. 1951), p. 309—310.
[171] The Third Reich. London, 1955.

ми и антимонополистическими традициями 30 — начала 40-х годов созвучны произведения американских авторов. Д. Мартина и Р. Сэсюли [172]. Столкновение между остаточными старыми и более могущественными новыми веяниями рельефно отразилось на страницах публикации, подготовленной референтами библиотеки американского конгресса [173]. Авторский коллектив рассматривал фашизм как международное явление. Признавалась первостепенная роль крупного капитала в фашистских режимах. Но прежде чем рукопись этой книги была рекомендована в печать, в ней по настоянию ряда конгрессменов были внесены дополнения в виде 16 пунктов, где в соответствии с духом «холодной войны» перечислялись мнимые черты сходства между фашизмом и коммунизмом.

Работы 30 — 40-х годов, имевшие антимонополистическую направленность, подвергались остракизму. В те годы многих ученых, по словам К. Фридриха, «ослепляло» воспринятое от марксизма деление мира на капитализм и социализм [174]. На конференции по «тоталитаризму» в 1953 г. К. Фридрих обрушился на книги Р. Брэди и Ф. Ноймана, так как они способствовали распространению взгляда, что фашизм и социализм являются двумя принципиально чуждыми друг другу типами общественного строя.

По сравнению с предыдущим этапом значительно усилились консервативные тенденции. Не случайно именно в этот период становится чрезвычайно популярной формула Раушнинга. По мнению английского историка Х. Р. Тревор-Ропера, именно Раушнинг «с ужасающей ясностью раскрыл истинное значение нацистского движения» [175]. Другой английский историк — А. Баллок, автор жизнеописания Гитлера, признанного на Западе классическим, прямо использует для определения нацизма понятие «революция нигилизма» [176]. Это определение принимают, в частности, и французские историки К. Давид и Р. Мартин [177].

Клерикально-консервативное направление (Г. Риттер, Э. Кюннельт-Леддин, У. Мартини, В. Кюннет и др.) захватило господствующие позиции в историографии ФРГ [178]. Представители этого направления привнесли в концепцию «тоталитаризма» элементы теологии и мистики, стремились увязать с ней такие категории, как «демония», «рок» и т. п. Главную ответственность за возникновение и подъем фашизма они возлагали на народные

---

[172] *Д. Мартин.* Братство бизнеса. М., 1951; *Сэсюли Р.* ИГ Фарбениндустри. М., 1948.

[173] Fascism in Action. Washington, 1947.

[174] Totalitarianism. Cambridge (Mass.), 1954, p. 51.

[175] *Trevor-Roper H. R.* The Last Days of Hitler. London, 1956 (1-е изд. 1947), p. 4.

[176] *Bullock A.* Hitler. A Study of Tiranny. New York, 1952, p. 736.

[177] *David C.* L'Allemagne de Hitler. Paris, 1954; *Martin R.* Le Nationale Socialisme hitlérien. Paris, 1959.

[178] О Г. Риттерс см. работы советских ученых и историков ГДР (И. В. Лунева, В. Т. Фомина, В. Бертольда и др.).

массы [179]. Э. Кюннельт-Леддин прямо именует гитлеровскую диктатуру «народной республикой» [180]. Аристократы, милитаристы, магнаты монополистического капитала выглядят в изображении консервативных авторов несчастными и бессильными жертвами «восстания масс». С 50-х годов западногерманские историки начинают претендовать на гегемонию в изучении истории нацизма. Претензии такого рода легко уловить в менторском тоне Г. Риттера, выступившего в сборнике ЮНЕСКО с программной статьей по истории «третьего рейха».

Под воздействием клерикально-консервативного направления на первый план выдвигаются идеологические аспекты нацизма. Причем вместо анализа структурных элементов нацистской идеологии, ее социальной подоплеки велись бесконечные споры вокруг идейных предшественников нацизма, сводились национальные, религиозные и партийные счеты. Западногерманские буржуазные историки, естественно, старались найти предтеч нацизма за пределами Германии. Католик Кюннельт-Леддин составил фантасмагорическую родословную нацистской идеологии, где наряду с идеями Французской революции XVIII в. и социализма были представлены все религиозные противники католицизма: манихейцы, богумилы, альбигойцы, табориты, не говоря уже о Лютере и Кальвине [181]. В свою очередь протестантский теолог В. Кюннет выдвинул подобные же обвинения против католицизма.

Концентрация внимания на идеологической стороне фашизма еще более усугубила субъективно-идеалистические тенденции буржуазной историографии. С ними связано обилие исторических, психологических, а порой прямо-таки клинических опусов о «роковой» личности Гитлера и его ближайших клевретах. Для истолкования нацизма привлекаются психоаналитические категории, вроде «эдипова комплекса». В книгах и статьях Э. Эриксона, Д. Джилберта, Г. Диркса и других нацизм выглядит прежде всего психопатологическим явлением.

Субъективно-идеалистические тенденции сплетаются воедино с иррационализмом и агностицизмом, доходящими порой до демонологии. Уже в «Германской катастрофе» патриарх западногерманских историков Ф. Майнеке писал, что «дело Гитлера следует считать прорывом сатанинского принципа в мировую историю» [182]. «Демоническим феноменом» назвал нацизм швейцарский профессор М. Пикар [183]. Буржуазные ученые постоянно говорят о «неразрешимой загадке Гитлера». В конце рассматриваемого этапа Ф. Глум (ФРГ) констатировал: «И сегодня мы все еще в

---

[179] См.: *Дякин В. С.* «Век масс» и ответственность классов (вопрос о сущности фашизма в западногерманской историографии).— В кн.: Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967.
[180] *Kuennelt-Leddin E.* Freiheit oder Gleichheit? Salzburg, 1953, S. 361.
[181] Ibid., S. 326.
[182] *Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. Wiesbaden, 1947, S. 26.
[183] *Picard M.* Hitler in uns selbst. Erlenbach — Zürich, 1946, S. 24.

растерянности стоим перед тем, что происходило под знаком свастики» [184]. Но было бы мало видеть в агностицизме только проявление бессилия буржуазной историографии. Говоря о «непознаваемости» фашизма, буржуазные историки фактически пытаются перечеркнуть то, что уже сделано марксистской исторической наукой и прогрессивными немарксистскими учеными по выяснению сущности этого феномена.

Исследование итальянского фашизма протекало гораздо успешнее, так как в Италии историческая наука испытала последствия того мощного сдвига влево, который затронул все сферы жизни в этой стране. Весомый вклад в исследование фашизма внесла марксистская историография. Исключительно важную роль сыграли труды А. Грамши [185]. Опираясь на его глубокий и оригинальный анализ ключевых проблем итальянской истории, марксисты сумели занять авторитетные позиции и в изучении фашизма. Плодотворное влияние на итальянскую историографию фашизма оказали и идеи леволиберальных ученых — безвременно погибшего П. Гобетти и Г. Дорсо. П. Алатри отмечал их идейно-методологическую близость к марксизму [186].

Серьезная дискуссия с марксистским направлением положительно сказалась и на трудах многих либеральных историков. Так, ученики Б. Кроче отказались от идеализации дофашистского «либерального» государства. Уже в 1952 г. появился обобщающий труд по истории Италии фашистского периода, написанный либеральными учеными-антифашистами Л. Сальваторелли и Д. Мира [187]. Западногерманским буржуазным историкам оказалось не под силу создать труд подобного масштаба, хотя библиография их работ выглядела весьма внушительно. Конечно, далеко не со всеми положениями Сальваторелли и Мира могли согласиться марксисты; тем не менее монументальное произведение этих авторов имело большую научную ценность. То же самое можно сказать о работах Н. Валери, Ф. Шабо, Р. Ромео и др. [188] Концепция «тоталитаризма» нашла сторонников и в итальянской историографии, особенно среди клерикалов (А. Дель Ноче) [189], но там не произошло такой серьезной деформации историографического процесса, как в других странах Запада. Это не преминуло сказаться на итогах исследования фашизма. Сравнивая степень изученности итальянского и германского фашизма к началу 60-х годов, английский буржуазный историк У. Лакер

---

[184] *Glum F.* Der Nazionalsozialismus. München, 1962, S. 442.

[185] См.: *Григорьева И. В.* Исторический анализ фашизма в работах А. Грамши.— «Новая и новейшая история», 1973, № 5.

[186] *Алатри П.* Указ. соч., с. 417.

[187] *Salvatorelli L., Mira G.* Storia del fascismo. L'Italia del 1919 al 1945. Roma, 1952.

[188] Подробно см.: *Лопухов Б. Р.* Указ. соч.

[189] *Del Noce A.* Totalitarismo e filosofia della storia.— «Il Mulino», 1957, febraio.

вынужден признать: «Об итальянском фашизме имеется значительно меньше литературы, но предмет освещен более исчерпывающе» [190].

Политическая и духовная атмосфера тех лет на Западе благоприятствовала возникновению неофашистского направления. В его рядах сошлись недобитые политические и военные деятели, идеологи и публицисты. Они не замедлили подключиться к борьбе за спасение Запада от «коммунистической угрозы». В качестве идеологов европейского неофашизма стали выступать французский литератор М. Бардеш, британский фюрер О. Мосли. Они придерживались общего с другими направлениями буржуазной историографии курса на изоляцию нацизма от прочих разновидностей фашизма. Определенные свойства германского характера и личность Гитлера якобы обусловили «деформацию» фашистских идеалов. Поэтому М. Бардеш отказывается принимать на счет фашизма преступления, совершенные гитлеровцами [191].

Неонацистское течение в ФРГ было представлено большой группой публицистов и литераторов с богатым фашистским прошлым (Г. Зюндерман, Г. Гримм, Э. Керн, Г. Граберт, Э. Э. Двингер и др.). Признавая, что у нацизма были «темные пятна», неонацисты объясняли их злой волей или ошибками отдельных лиц, а не пороками самого явления. Кроме того, они твердили, что «плохие стороны» нацизма с лихвой перекрывались позитивными.

Итальянские неофашисты ради спасения мифа о корпоративизме готовы были в известной мере пожертвовать репутацией Муссолини. Д. Боттаи и М. Рокка восхваляли фашизм «первого часа», обвиняя дуче в отходе от первоначальных принципов, недостаточной твердости при проведении корпоративистского курса. Бывшие деятели республики Сало (К. Пелицци, Д. Пини, Э. Чионе и др.) пытались создать легенду о том, что этот ублюдочный, вассальный режим будто бы стремился к осуществлению идеалов социальной справедливости. Подобные идеи, только гораздо тоньше, развивал в многотомной истории фашистского двадцатилетия и неофашистской республики Сало профессиональный историк А. Тамаро. Истолкование фашизма — важный элемент неофашистской идеологии. И как раз в 40—50-х годах создается тот набор стереотипов, которыми широко оперирует неофашистская пропаганда. Причем некоторые из них проникли и в традиционные респектабельные направления буржуазной историографии.

Особенности политической ситуации, специфический духовный климат, расстановка сил в лагере буржуазной историографии — все это существенным образом повлияло на трактовку

---

[190] «Encounter», 1964, N 4, p. 39.
[191] *Bardèche M.* Qu'est-ce que le fascisme? Paris, 1961, p. 53.

проблемы фашизм — монополии. Монополистическому капиталу не нашлось места в схеме тоталитарного режима, разработанной К. Фридрихом. Сразу же после Нюрнбергского процесса хлынул поток апологетических писаний, целью которых была реабилитация германских монополистов. Апогея эта тенденция достигла в книге американца Л. Лохнера, вознамерившегося разрушить «навязчивые идеи» о вине германских монополистов, в частности представление о том, что «германская индустрия посадила Гитлера в седло» [192]. Настоящий гимн Конфиндустрии, объединению итальянских предпринимателей написал один из ее бывших лидеров Ф. Гуарнери [193].

Немногие историки на Западе рискнули пойти против течения. Один из них, германо-американский либеральный ученый Г. Хальгартен, возлагал ответственность за установление нацистской диктатуры на капиталистов и военщину, которые тяготели к фашистским методам еще с момента образования Веймарской республики и в конце концов «выпустили демона на свободу» [194]. Обвинительным актом против итальянского монополистического капитала явился труд мужественного антифашиста Э. Росси «Хозяева пара и фашизм». Неопровержимыми фактами Росси доказал несостоятельность аргументов Ф. Гуарнери и его единомышленников, ссылавшихся, в частности, на противоречия между монополиями и Муссолини. «Несмотря на короткие эпизоды фронды и распрей, взаимная любовь между дуче и хозяевами пара длилась вплоть до возникновения войны, даже вплоть до самого кануна катастрофы» [195],— таково заключение итальянского ученого. В отличие от конъюнктурных апологетических поделок произведения Г. Хальгартена и Э. Росси носили научный характер и не утратили ценности до сих пор. В целом же рассматриваемый этап был наиболее беден позитивными результатами. Антинаучная концепция «тоталитаризма» блокировала подступы к важнейшим проблемам истории фашизма.

Только на рубеже 50—60-х годов предпринимаются первые попытки вернуться к понятию «фашизм», к трактовке его как международного феномена (А. Леметр, Д. Коул, С. М. Липсет). Тогда же изучение фашизма начинает выходить за узкие рамки, установленные концепцией «тоталитаризма». Появляется серия работ по испанской, французской, английской разновидности фашизма [196]. Их авторы чаще всего еще находились в плену

[192] *Lochner L.* Die Mächtigen und der Tyrann. Darmstadt, 1955, S. 7.
[193] *Guarneri F.* Battaglie economiche tra le due grandi guerre, vls 1—2. Milano, 1953.
[194] *Hallgarten G. W.* Hitler, Reichswehr und Industrie. Frankfurt a. M., 1962 (1-е изд. 1955), S. 91.
[195] *Rossi E.* Padroni del vapore e fascismo. Bari, 1966 (1-е изд. 1955), p. 279.
[196] *Payne S.* Falange. Stanford, 1961; *Nellessen B.* Die verbotene Revolution. Hamburg, 1963; *Weber E.* Action Française. Stanford, 1962; *Tennenbaum E.* The Action Française. New York, 1962; *Plumyéne I., Lasierra R.* Les fascismes français 1923—1963. Paris, 1963; *Cross C.* The Fascists in Britain. London, 1961.

догматов «тоталитаризма», но вводимый ими в оборот материал нередко вступал в противоречие с теоретическими позициями. На общий ход эволюции буржуазной историографии фашизма заметно повлияло то обстоятельство, что к концу 50-х годов в ФРГ утрачивает гегемонию клерикально-консервативное направление. Буржуазные историки различных стран все острее ощущают необходимость пересмотра подхода к фашизму, приведения своих позиций в соответствии с духом и потребностями времени.

* * *

С середины 60-х годов в буржуазной историографии фашизма наметились серьезные сдвиги, свидетельствующие о том, что наступил новый этап в ее сложной и длительной эволюции, обусловленной взаимодействием различных политических и научных факторов.

Одним из важнейших признаков нового этапа является резко обострившийся концептуальный кризис. Концепция «тоталитаризма», долгие годы предопределявшая истолкование фашизма буржуазной историографией, теперь, по словам западногерманского историка В. Шидера, «поставлена под вопрос в исторической и политической науке западного мира» [197].

Главная причина кризиса концепции «тоталитаризма» коренится в том, что в условиях принципиально изменившегося соотношения сил между двумя противоборствующими социальными системами империалистический лагерь вынужден сделать ставку на более изощренные методы идеологической борьбы. «Лживость этой концепции,— подчеркивается в журнале «Коммунист»,— столь очевидна, что перед лицом неумолимых фактов — торжества и развития социалистической демократии — критики социалистического строя вынуждены были искать иной угол атаки» [198].

На новейших интерпретациях фашизма не могло не сказаться воздействие модных теорий «единого индустриального общества» и «конвергенции». Многие буржуазные историки выходят за пределы прежней жесткой схемы. Правда, далеко не всегда дело доходит до открытого и полного разрыва с несостоятельной концепцией. Несмотря на очевидный провал, она сохраняет за собой место в антикоммунистическом арсенале. Сторонники этой концепции пытаются продлить ее век с помощью периодического подновления [199]. В современной буржуазной историографии фашизма наблюдается сосуществование и взаимопереплетение новых и старых веяний.

Новые методологические и методические проблемы возникли перед буржуазными учеными также в связи с необходимостью

[197] «New politische Literatur», 1970, H. 2, S. 166.
[198] «Коммунист», 1973, № 14, с. 14.
[199] См.: *Henning E.* Zur Theorie des Totalitarismus oder Anmerkungen zum Nimbus eines politischen Begriffs.— «Neue politische Literatur», 1976, H. 1.

освоения колоссального документального материала архивов. По свидетельству Г. Риттера, только фонды нацистской партии заняли бы полку длиной в 15 км [200]. Микрофильмированные американцами документы составляют 15 тыс. роликов по 1200 страниц каждый. Изучение истории нацизма, отметил западногерманский ученый М. Брошат, «ставит перед исследователем техническую проблему первой величины вследствие великого множества источников... не скудость их, а суперизобилие угрожает подавить историка» [201]. В 1963 г. было введено весьма либеральное архивное законодательство в Италии [202].

Отсюда масса детализирующих исследований, где чуть ли не поминутно воспроизводятся события, связанные с историей фашизма. Особенно популярны локальные исследования, рассматривающие, например, процесс фашизации в отдельных местностях, функционирование региональных органов фашистской системы власти и т. п. Нужно было попытаться ввести эту лавину в какое-то теоретическое русло.

Не только состояние источников и внутренняя логика исследования, но и постоянное воздействие марксистско-ленинской исторической науки накладывают существенный отпечаток на характер теоретических поисков и выбор проблематики в буржуазной историографии. Неоспоримые успехи марксистско-ленинской исторической науки ограничивают возможности буржуазных ученых в идеологической борьбе. С этим вынуждены считаться все сколько-нибудь серьезные историки. Им уже нельзя, как прежде, уйти от полемики по существу, укрывшись за щитом концепции «тоталитаризма».

Все это требует от них большей гибкости, более искусного балансирования между искажением исторической истины и уступками ей. В результате соотношение сил в лагере буржуазной историографии вновь изменилось в пользу буржуазно-либерального направления, оперативнее откликающегося на запросы времени.

Чтобы охарактеризовать самую важную из тенденций, типичных для рассматриваемого этапа, можно воспользоваться выражением известного западногерманского историка К. Д. Брахера — «ренессанс» понятия «фашизм» [203]. Наиболее рельефно эта тенденция отразилась в произведениях западногерманского историка и философа Э. Нольте, чья книга «Фашизм в его эпоху» стала первым серьезным симптомом пересмотра прежних теоретических установок. Уже само название книги должно было, по словам автора, дать понять, что «не тоталитаризм является глав-

---

[200] «Historische Zeitschrift», 1966, Bd. 202, H. 3, S. 602; «The Atlantic», 1969, N 5, p. 53.
[201] «The Times Literary Supplement», 8.IX 1966, p. 829.
[202] Contemporary History in Europe, p. 118, 143—144.
[203] *Bracher K. D.* Die deutsche Diktatur. Köln, 1969, S. 532.

ным предметом исследования» [204]. Концепцию «тоталитаризма» западногерманский ученый оценил, как «приложение к холодной войне» [205]. Для него фашизм — это феномен, имеющий свою собственную природу, в таком качестве его и следует изучать. Благодаря усилиям Нольте, пишет В. Шидер,— «фашизм как самостоятельное понятие получил право гражданства в немарксистской науке» [206].

Однако в дальнейшем Э. Нольте, напуганный ростом студенческого и общедемократического движения в ФРГ, резко эволюционировал вправо, что не замедлило сказаться на его научной деятельности [207]. Как в его последующих работах, так и в публичных выступлениях, особенно в дискуссии о фашизме на XIII Международном конгрессе исторических наук [208], стали заметны рецидивы концепции «тоталитаризма», устои которой он сам расшатывал своими ранними трудами. Не порывая окончательно с буржуазно-либеральным направлением, Нольте обосновался на его крайне правом фланге, вплотную приблизился к консервативному лагерю.

Ослабление пут концепции «тоталитаризма» открыло перед буржуазной историографией определенные позитивные перспективы. Но само по себе возвращение к понятию «фашизм» еще не дает гарантии научного решения ключевых проблем его истории. Буржуазные историки оказались не в состоянии раскрыть подлинное содержание этого явления, так как их подход к нему диктуется главным образом задачами борьбы против марксистско-ленинской исторической науки.

Свою методологическую несостоятельность они пытаются оправдать ссылками на сложность и многообразие такого феномена, как фашизм, неоднородность его социальной базы. Английский историк Х. Р. Тревор-Ропер характеризует фашизм как «гетерогенное движение», которое «всегда было чем-то вроде коалиции» [209]. «Социально-гетерогенным движением» называет итальянский фашизм и американский ученый Р. Сарти [210]. Фашизм изображается западными учеными как конгломерат различных социальных сил, не поддающийся четкой социально-политической характеристике. Дальнейшие перспективы изучения

---

[204] *Nolte E.* Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963, S. 34. Подробный анализ произведений Э. Нольте дан в работах М. Вейссбеккера, К. Госвайлера, П. Ю. Рахшмира.

[205] «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 16.VII 1968.

[206] «Neue politische Literatur», 1970, H. 2, S. 166.

[207] О роли Э. Нольте в создании реакционного союза «Свобода науки» см.: «Dokumentation der Zeit», 1971, N 5; о затеянной им кампании против прогрессивного западногерманского историка Р. Кюнля см.: *Nolte E.* Universitätsinstitut oder Parteihochschule? Köln, 1972.

[208] См.: *Нарочницкий А. Л.* К итогам XIII Международного конгресса исторических наук.— «Новая и новейшая история», 1970, № 6, с. 51—52.

[209] European Fascism. London, 1968, p. 24.

[210] «The American Historical Review», 1970, v. LXXV, N 4.

фашизма западногерманский историк В. Шидер связывает с анализом фашистских режимов как политических компромиссов между «консервативными группами и собственно фашистскими движениями» [211].

Распространенность подобных воззрений позволяет свести в один ряд многочисленные точки зрения современных буржуазных историков в зависимости от того, какая роль отводится в них «консервативным» и выдуманным ими «революционным» компонентам фашизма. На одном краю этого ряда окажутся концепции американского историка Д. Вейсса и Э. Нольте, в которых определяющее значение придается консервативным компонентам. Наиболее последователен Д. Вейсс, называющий фашизм «последним издыханием консерватизма». В изображении Д. Вейсса фашизм — это «консервативное и тем не менее радикальное социальное движение, тесно связанное с идеями, интересами и классами, активизировавшимися в западной цивилизации с момента первого вызова консервативным ценностям во время Французской революции 1789 г.» [212] Э. Нольте также отыскивает истоки фашизма в феодальной реакции на Великую французскую буржуазную революцию. Говоря о фашизме, Нольте предупреждает, что «никогда нельзя упускать из виду его «добуржуазный характер» [213].

Историки, устанавливающие генетическую и политическую связь между фашизмом и консервативной реакцией, подразумевают под последней преимущественно остатки феодально-помещичьих классов, их партийно-политическое представительство, военщину. Монополистический капитал выпадает из этой системы связей. Тем самым игнорируется присущий эпохе империализма симбиоз «традиционной» и монополистической реакции, в результате чего само понятие «консервативная реакция» приобретает экстремистский характер. Этот тип политики, как указывал еще в начале нашего столетия В. И. Ленин, «все больше перестает быть в Западной Европе политикой землевладельческих классов, все больше становится одной из разновидностей общебуржуазной политики» [214]. Односторонняя трактовка консервативных компонентов фашизма как домонополистической или даже добуржуазной реакции затушевывает роль монополистического капитала в формировании фашистских движений и режимов.

Большая группа историков отрицает генетическое родство между фашизмом и консерватизмом, всячески твердит о мнимых «революционных» компонентах фашизма. Наиболее активно и последовательно отстаивает подобные взгляды американский историк Ю. Вебер. Мятежники-фашисты якобы были не орудием,

---

[211] «Neue politische Literatur», 1970, H. 2, S. 170—171.
[212] *Weiss J.* The Fascist Tradition. New York, 1967, p. 2, 5.
[213] *Nolte E.* Der Faschismus in seiner Epoche, S. 260.
[214] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 67.

а роком капитализма, их ни в коем случае не следует путать с реакционерами [215]. Вебер пытается придать фашизму черты юношеского бунтарского движения [216]. Идею «конфликта поколений» развивает и другой американский историк — Д. Моссе [217]. «Революционным» компонентам фашизма отдает предпочтение английский историк Г. Кедворд, отзывающийся о самой варварской его форме, национал-социализме, как движении, «революционном по целям, идеалам и методам» [218]. Как «социальная революция» трактуется политика гитлеровского режима в книге американского историка Д. Шенбаума [219]. Грандиозной «революцией» пытается представить нацистскую контрреволюцию в своей массивной монографии западногерманский историк Г. Шульц [220].

Как известно, установление фашистских режимов вело к регрессивным сдвигам, затрагивавшим главным образом политическую надстройку. При этом не наблюдалось перехода власти из рук одного класса в руки другого, что, по словам В. И. Ленина, «есть первый, главный, основной признак *революции* как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия» [221]. Из истории фашизма сторонники тезиса о его так называемом революционном характере не могут почерпнуть каких-либо аргументов. Даже Д. Моссе признает, например, что установление нацистского режима «не предусматривало революционизирования капиталистической экономической структуры» [222]. Итальянский историк А. Аквароне в тщательно документированном исследовании о режиме Муссолини пришел к заключению, что «фашизм в общем был далек от того, чтобы радикально модифицировать существовавшие в стране экономические и социальные структуры» [223].

Ю. Вебер и его коллеги оперируют по преимуществу высказываниями фашистских лидеров и идеологов, насыщенными демагогией и саморекламой. Неудивительно, что выводы группы историков, к которой принадлежат Вебер и некоторые другие, близки к оценке характера и сущности фашизма представителями неофашистского лагеря.

---

[215] *Weber E.* Varieties of Fascism. New York, 1964, p. 44.
[216] International Fascism, 1920—1945. London, 1966, p. 104.
[217] The Nature of Fascism. London, 1968, p. 107.
[218] *Kedward H. R.* Fascism in Western Europe 1900—1945. London, 1969, p. 53.
[219] См.: *Schoenbaum D.* Hitler's Social Revolution. New York, 1966.
[220] См.: *Schulz G.* Aufstieg des Nationalsozialismus. Frankfurt a. M.— Wien, 1975.
[221] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 133. Подробную критику тезиса о «революционном» характере фашизма см. в статье Г. Н. Горошковой «Ложная версия о создании «третьего рейха» («Новая и новейшая история», 1972, № 3).
[222] *Mosse G. L.* The Crisis of German Ideology. New York, 1964, p. 309.
[223] *Aquarone A.* L'organizzione dello stato totalitario. Torino. 1965, pp. 288—289.

Значительная часть историков осторожнее в своих суждениях. Их концепции располагаются между двумя рассмотренными полюсами, но при известном тяготении к тому из них, который представлен Ю. Вебером и его единомышленниками. В сравнительно недавней монографии, посвященной предыстории и истории «холодной войны», Э. Нольте идет еще дальше в этом направлении [224].

Современные буржуазные историки часто повторяют, что только теперь, когда прошло достаточно много времени и в распоряжение ученых поступил обширный документальный материал, можно писать подлинно научную историю фашизма. «Через 20 лет после краха движения история фашизма становится, наконец, полем научного исследования» [225],— заявляет Д. Моссе. Подобные декларации проникнуты не столько стремлением очистить историческую науку от демонологических концепций прошлого, сколько стремлением вытравить из нее антифашистский дух.

Такой путь избрал, например, американский политолог А. Д. Грегор. Свою задачу он видит прежде всего в том, чтобы дать «точный и объективный отчет об идеологии муссолиниевского режима» [226]. Критика же фашистской идеологии для него нечто «маргинальное», т. е. второстепенное. Следовательно, демагогические писания и выступления фашистских лидеров и идеологов преподносятся читателю как аутентичное выражение сущности фашизма. Своей «объективностью» бравирует известный итальянский историк Р. Де Феличе, автор многотомной биографии Муссолини. Не без кокетства он говорит о том, что трактует фашизм с таким бесстрастием, как будто дело идет о событиях двух- или трехвековой давности [227].

Подход Р. Де Феличе подвергся резкой критике со стороны антифашистской научной общественности Италии. Ее представители совершенно справедливо усматривают в нем худшую разновидность неопозитивизма [228]. Вводя в оборот источники, Р. Де Феличе и его единомышленники уклоняются от их оценки, отказываются занять четкую и определенную позицию. Вместо бичующего антифашистского морализма Г. Сальвемини и Э. Росси — легкая ирония по поводу фашистских ритуалов и пропагандистских методов. Так псевдообъективность приводит в конечном счете к оправданию фашизма. Многочисленные буржуазные историки, в особенности западногерманские авторы И. Фест и

---

[224] *Nolte E.* Deutschland und der kalte Krieg. München — Zürich, 1974, S. 138.
[225] The Nature of Fascism, p. 205.
[226] *Gregor A. J.* Op. cit., p. IX.
[227] *De Felice R.* Intervista sul fascismo. Bari, 1975, p. 112.
[228] «Italia contemporanea», 1975, N 119, p. 4; см. также критику Де Феличе: Fascismo e capitalismo. Milano, 1976. О масштабе полемики, вызванной книгой Р. Де Феличе, свидетельствует тот факт, что в связи с ней появилось до сотни газетных и журнальных статей (как в Италии, так и за ее пределами).

В. Мазер, всячески пытаются возвеличить и «очеловечить» нацистского диктатора.

Наряду с возвращением к полузабытому в период господства концепции тоталитаризма понятию «фашизм» в современной буржуазной историографии возродился подход к фашизму как международному явлению. Этому способствовало и расширение диапазона исследований о фашизме. Вместе с постоянно привлекавшими внимание историков германской и итальянской разновидностями объектами изучения становятся фашистские движения и режимы в других странах. Тем самым буржуазная историография столкнулась с необходимостью сравнительного анализа различных вариантов фашизма, выявления в них общих и специфических черт. Попытками удовлетворить закономерно назревшую потребность в типологии фашизма стали схемы, разработанные такими буржуазными историками и социологами, как Э. Нольте, В. Шидер, Р. Де Феличе, С. Вульф, Д. Джермани и др.

Самая претенциозная попытка создания типологии фашизма была предпринята Э. Нольте на основе всеобъемлющего «трансполитического» истолкования фашистского феномена. В своей первой монографии Нольте отказался идти по пути конструирования идеального типа фашизма из наиболее ярко выраженных черт, свойственных его главным разновидностям. Вместо этого он строит своеобразную типологическую шкалу или лестницу из четырех ступеней: низшая — авторитаризм, верхняя — тоталитаризм — и две промежуточных. Нижняя ступень, или, как говорит Нольте, нижний полюс,— это еще не фашизм. Верхнего же, тоталитарного полюса достигают только крайние радикальные формы фашизма. Между двумя полюсами располагаются «ранний фашизм» и «нормальный фашизм». Все это конкретизируется следующим образом: «Между полюсами авторитаризма и тоталитаризма протягивается дуга от режима Пилсудского через политический тоталитаризм фалангистской Испании до всеобъемлющего в тенденции тоталитаризма Муссолини и Гитлера»[229]. Ступени радикального фашизма в полной мере достиг только германский нацизм, тогда как итальянский фашизм занимает среднюю, или «нормальную», фашистскую позицию.

Для того чтобы классификация фашизма нашла подлинно научное воплощение, нужно правильно определить его сущностные признаки. Между тем Нольте ищет их прежде всего в сфере идеологии. Неудача Нольте была предопределена как самим истолкованием фашизма, так и методом типологического анализа. Вместо выявления определенных типов фашизма он ограничивается расстановкой фашистских режимов в пределах своей шкалы, т. е. типология подменяется классификацией. Сама шкала охватывала лишь фашистские движения, пришедшие к власти

[229] *Nolte E.* Der Fascismus in seiner Epoche, S. 49.

или в какой-то мере приобщившиеся к ней. Тем не менее Нольте претендовал на всеобъемлющую интерпретацию фашизма.

В последующих работах Нольте конструирует нечто вроде идеального типа фашизма. И вновь он не мог решить задачу создания научной типологии фашизма. Его модель оторвана от реальных разновидностей фашистского феномена. Всего он выделяет шесть «фундаментальных» черт фашизма: антимарксизм, антилиберализм, принцип фюрерства, наличие партийной армии, имеющийся в тенденции антиконсерватизм, тоталитарные притязания [230].

Прежде всего бросается в глаза произвольное смешение главных и второстепенных признаков, что закономерно вытекает из методологического плюрализма Нольте. Например, неясно, наличие каких из шести черт приближает те или иные конкретные разновидности фашизма к классическому типу? Из контекста произведений Нольте можно уловить, что отнюдь не все черты так называемого «фашистского минимума» равнозначны, но его типология фактически нивелирует разнокалиберные признаки, учитывая лишь их количественные сочетания. Между тем достаточно наличия или отсутствия главного признака, чтобы существенным образом повлиять на характер явления. Такого же рода пороки свойственны и другим моделям фашизма, построенным на основе комбинации различных его признаков. Чаще всего эти модели представляют собой более или менее развернутый перечень тех черт фашизма, которые кажутся их авторам наиболее важными. Конкретные образцы такого подхода демонстрируют английские историки Х. Сетон-Уотсон и Ф. Карстен, западногерманские историки В. Шидер и О.-Э. Шюдекопф, аргентинский политолог Д. Джермани.

Когда за основу типологического анализа взята одна какая-то «идеально-типическая» модель, тогда дело сводится главным образом к тому, чтобы определить, насколько близко или далеко обстоят от «идеального типа» различные варианты исследуемого явления, в данном случае фашизма. Подобная процедура имеет известный смысл как предварительный этап типологического анализа, позволяющий установить особенности различных форм фашизма по отношению к какому-то образцу, т. е. проделать первичную дифференциацию. Основная же цель типологического анализа заключается в выявлении ряда типов фашизма, с которыми могли бы соотноситься те или иные конкретные разновидности. Именно в них обнаруживается связь особенного и общего, нередко утрачиваемая при сопоставлении «идеально-типической» модели фашизма и конкретных фашистских движений и режимов, которые могут довольно значительно отличаться от «идеального типа», или «классического образца». Выделенные

---

[230] *Nolte E.* Die Krise des liberalen Systems und die faschistische Bewegungen. München, 1968, S. 86—89, 385.

на основе сущностных социально-экономических и политических критериев типы позволяют одновременно учесть своеобразие отдельных вариантов фашизма и то общее, что роднит их между собой. Тем самым обобщение, или генерализация, сочетается с индивидуализацией, что объективно отражает диалектическую взаимосвязь общего с особенным. Когда же конструируется всеобъемлющая универсальная модель, специфическое полностью приносится в жертву генерализации.

Независимо от того, является ли модель фашизма «идеальным типом» или базируется на каких-то конкретных «классических» его образцах, возникают предпосылки для искусственного обособления отдельных вариантов фашизма или даже принципиального противопоставления их друг другу. Если у Нольте национал-социализм служит своеобразным мерилом радикальности фашизма, основой для оценки явления в целом, то многие буржуазные историки стремятся изолировать германскую разновидность от других форм фашизма, доводя порой дело до прямого их противопоставления [231]. А. Д. Грегор, например, прямо называет национал-социализм «аномалией», требующей «отдельного анализа»[232]. Такой подход в значительной мере совпадает со взглядами представителей некоторых течений европейского неофашизма, пытающихся отречься от наиболее дискредитированного предка. «Нацизм был чем-то абсолютно германским. Он не имел ничего общего с фашизмом в какой-либо другой стране» [233],— провозглашалось в журнале английских неофашистов из группы О. Мосли. По этому же пути идут итальянские неофашисты [234].

Другой путь к изоляции германской разновидности фашизма пролегает через выдвижение в качестве «классических» образцов иных вариантов этого явления. «Парадигматическим» образцом А. Д. Грегор считает итальянский фашизм [235]. Американский историк Э. Тенненбаум подкрепляет это следующими соображениями. Во-первых, в Италии дольше существовали фашистские порядки, что позволяет исследователям увидеть «более полную картину фашизма, его вариаций и тенденций». А во-вторых, «нацистские крайности» не были типичны для фашистских режимов в большинстве других стран [236].

Расширение диапазона исследований нередко используется буржуазными историками для того, чтобы извратить вопрос о сущности фашизма, затруднить научную типологию его разновидностей. Особый интерес проявляют буржуазные историки к

[231] См., например: *Mosse G. L.* Op. cit., p. 315; The Place of Fascism in European History. Englewood, 1971, p. 5.
[232] *Gregor A. J.* Op. cit., p. 14.
[233] «Action», 1962, N 98, p. 8.
[234] См., например: «Il Borghese», 1976, N 27—29.
[235] *Gregor A. J.* Op. cit., p. 379—380.
[236] *Tennenbaum E. R.* The Fascist Experience. Italian Society and Culture 1922—1945. New York — London, 1972, p. 5.

фашистским движениям в странах с низким уровнем развития капитализма. Какие мотивы лежат в основе этого, видно из рассуждений американского ученого П. Левенберга. Он озабочен не столько тем, чтобы типология имела максимально широкий характер, сколько обоснованием тезиса, что «фашизм процветал в докапиталистических крестьянских обществах» [237].

На вопрос о том, почему некоторые историки в основу истолкования фашизма и его типологии берут движения, не сумевшие прийти к власти, весьма откровенно отвечает англичанин Г. Кедворд: «Ссылка на фашистские движения, не сумевшие создать свою собственную экономическую систему, делает более уязвимой теорию о том, что фашизм был порождением капитализма» [238]. Кроме того, не добившиеся власти движения просто не имели достаточных возможностей, чтобы раскрыть свою преступную суть в таком масштабе, как их сородичи, располагавшие рычагами государственной машины.

Противопоставление фашистских движений, не добившихся власти, государственно оформившемуся фашизму перерастает в еще более широкую антитезу — «движение — режим», распространяемую и на те страны, где фашисты добились господства. Особенно популярна антитеза «движение — режим» применительно к испанскому фашизму. Одним из первых ввел ее в оборот идеолог неофашизма М. Бардеш. Сопоставляя различные варианты фашизма, Бардеш отдает симпатии испанской фаланге времен Х. А. Примо де Риверы [239]. До логической завершенности линия на противопоставление ранней фаланги франкизму была доведена академическими буржуазными учеными. «Классическими» трудами в буржуазной историографии испанского фашизма считаются монографии американского историка С. Пейна и его западногерманского коллеги Б. Нелессена [240]. По словам Пейна, фалангу, которая якобы преследовала «революционные» цели, «поглотили правые и великий комбинатор Франко» [241]. Нелессен ввел формулу «запрещенная революция», призванную создать иллюзию о нереализованных вследствие вмешательства Франко «революционных» потенциях фаланги [242].

В одной из своих последних работ С. Пейн предлагает типологическую схему фашизма, которая в отличие от нольтевской состоит не из обобщенной модели, а из четырех типов: 1) фашизм (итальянского образца); 2) национал-социализм; 3) «идеологически гибкие или некодифицированные синкретические системы» (подразумеваются авторитарно-фашистские режимы);

[237] «The Journal of Modern History», 1969, N 3, p. 370.
[238] *Kedward H. R.* Op. cit., p. 214.
[239] *Bardèche M.* Op. cit., p. 62.
[240] Жестокая цензура обусловила тот факт, что проблематикой испанского фашизма занимались историки преимущественно за пределами Испании (см.: Contemporary History in Europe, p. 185, 195).
[241] *Payne S.* Op. cit., p. 267.
[242] *Nelessen B.* Op. cit., S. 12.

4) реакционные монархистские движения [243]. Фаланга отнесена Пейном к первому типу, а франкистский режим фигурирует в качестве одного из проявлений третьего типа. Хотя американский историк ближе Нольте подошел к пониманию задач типологического анализа, тем не менее и он при выделении типов руководствуется преимущественно идеологическими критериями. Если можно говорить о принадлежности государственно оформившегося фашизма и фашистских движений к двум типам одного и того же явления, с разной степенью полноты отражающих его сущность, то к фаланге такой подход неправомерен. Ее нельзя отрывать от режима, органичным элементом которого она стала после прихода Франко к власти. По сути дела типология Пейна подгоняется под его концепцию испанского фашизма. Методологический порок как этой концепции, так и антитезы «движение — режим» в целом заключается в том, что создается искусственный разрыв между стадиями генезиса и «зрелости» фашизма.

Наряду с моделями, претендующими на охват фашизма во всем его объеме, в буржуазной историографии есть и более «скромные» схемы, авторы которых (Р. Де Феличе, С. Вульф и др.) скептически относятся к идеально-типическим и подобным им конструкциям. Р. де Феличе усматривает главную задачу исторических исследований в том, чтобы «реконструировать историю отдельных фашизмов» [244]. Но скептицизм по поводу познавательных возможностей существующих схем и моделей, их соответствия действительности переходит у итальянского историка в отрицание общего понятия «фашизм», которое было бы применимо к многообразным формам движений и режимов. Де Феличе пишет, что типология «может иметь только негативную ценность» [245], т. е. отвечать на вопрос, что можно и что нельзя отнести к фашистскому ряду. Следовательно, речь идет об индивидуализации частных разновидностей фашизма. К другой стороне типологического анализа, генерализации, итальянский историк относится с недоверием и фактически игнорирует ее.

Буржуазная историография оказалась несостоятельной, столкнувшись с проблемой взаимосвязи общего и особенного в таком многообразном явлении, как фашизм. «Сравнительный метод,— пишет В. Шидер,— ... очень легко ведет к поспешному и поверхностному типологизированию». Монографические исследования по частным вариантам фашизма дают, по его мнению, лучшие результаты, но при условии, что «в их основе лежит общее осознание проблемы» [246]. Но как раз это условие и не может быть соблюдено, потому что в буржуазной историографии отсутствует научно обоснованное понятие «фашизм», а некоторые ее

[243] Reappraisals of Fascism. New York, 1975, p. 145.
[244] *De Felice R.* Le interpretazioni del fascismo. Bari, 1974, p. 27.
[245] Ibid., p. 25.
[246] «Neue politische Literatur», 1970, H. 2, S. 167.

представители вообще отрицают его необходимость, что влечет за собой переоценку специфики национальных форм фашизма, их искусственную изоляцию друг от друга.

* * *

В концептуальных исканиях и проблематике буржуазной историографии середины 70-х годов весьма противоречиво проявляются позитивные сдвиги, происходящие на мировой арене, успехи марксистско-ленинской исторической науки, рост влияния прогрессивных течений историко-социологической мысли. Вся эта сумма факторов с особой силой сказалась в ФРГ, где и в политике, и в историографии в течение длительного периода наблюдалось засилие консервативных элементов. Правда, уже с 60-х годов доминирующая роль в ней принадлежала буржуазно-либеральному направлению, в котором, однако, тон задавали представители правого крыла.

В настоящее время формируется новое течение, имеющее леволиберальный характер и тяготеющее к социально-экономической проблематике. Это течение представлено преимущественно академической молодежью. Вступление молодого поколения в историческую науку привело к ее определенному сдвигу влево. «Большинство молодых историков,— констатирует западногерманский ученый Г. Моммзен,— принадлежат к левому центру» [247]. Своеобразным манифестом молодых ученых стала серия «Немецкие историки», изданная Г. У. Велером. Бурное возмущение многих представителей консервативных и буржуазно-либеральных кругов вызвали слова Велера о том, что «современный историк несравненно больше почерпнет у Маркса, чем у Ранке» [248]. Наряду с критикой реакционного историзма Велер осуждает модную тенденцию «психологизировать» историю: «Подлинная проблема — не индивидуальная психопатология Гитлера, а состояние общества, которое его возвысило и позволило господствовать до апреля 1945 года» [249]. Напуганные новым умонастроением академической молодежи, представители традиционных направлений бьют тревогу, явно преувеличивая степень близости молодых ученых к марксизму. От подлинно марксистских позиций их отделяет солидная дистанция, но нельзя не признать, что они действительно отходят от преобладавших ранее идейно-методологических стереотипов и стремятся выяснить социальную обусловленность исследуемых событий и процессов. К леволиберальному течению близки и многие ученые социал-реформистской ориентации.

В западногерманской историографии фашизма весьма ощутимым стало влияние левых историков, социологов, политологов,

[247] Probleme der Geschichtswissenschaft. Düsseldorf, 1973, S. 152—153.
[248] Deutsche Historiker, Bd. I. Göttingen, 1971, S. 125.
[249] Geschichte und Psychoanalyse. Köln, 1971, S. 25.

группирующихся вокруг журнала «Аргумент», а также воспитанников марбургской школы профессора В. Абендрота. Хотя методологические позиции этих ученых весьма эклектичны — элементы марксизма сочетаются у них с положениями, заимствованными из разных источников — от Г. Маркузе до Э. Фромма,— все же их работы играют существенную роль в идейно-политической борьбе против западногерманской реакции [250]. Наряду с научно-познавательными задачами изучения фашизма историки этой группы подчеркивают политическую актуальность данной проблематики в связи с обострением общего кризиса капитализма и активизацией экстремистских фракций буржуазии. Как пишет в редакционной статье специального номера журнала «Аргумент», посвященного теоретическим аспектам фашизма, В. Ф. Хауг, анализ этого явления — необходимая предпосылка для антифашистской политической стратегии. Функция теории фашизма и критерии ее соответствия действительности определяются, по Хаугу, тем, насколько она помогает «воспрепятствовать установлению фашизма вновь» [251].

Для представителей этих групп характерно стремление связать фашизм с коренными социально-экономическими процессами современного капитализма. Они видят фашистский потенциал, таящийся в недрах «позднекапиталистического» общества. В то же время пестрота политических и методологических концепций представителей этого направления затрудняет его общую характеристику. Оно может быть названо радикально-демократическим, ибо характеризуется разрывом с устоями буржуазной историографии, вместе с тем оно отличается определенной идеологической и политической непоследовательностью.

Сдвиги, происходящие в историографии ФРГ, приобретают тем большее значение, что западногерманские историки, начиная с Э. Нольте, все чаще берут на себя инициативу в теоретическом анализе фашизма как исторического феномена. Одна за другой появляются монографии и статьи методологического и историографического характера, отражающие напряженный поиск [252].

Тот теоретический заряд, который был заложен в буржуазную историографию произведениями Э. Нольте, уже исчерпан. Феноменологическая трактовка фашизма, данная этим истори-

[250] См.: *Госвайлер К.* Кризис буржуазной историографии фашизма.— В кн.: Ежегодник германской истории 1974. М., 1975, с. 327—335; *Weissbecker W.* Zu einigen neueren Tendenzen in der Geschichtsschreibung der BRD über Faschismus und Faschismustheorie.— In: Bürgerliche Ideologie unter Anpassungszwang. Jena, 1974, S. 109—110.

[251] «Das Argument», 1974, N 87, S. 539.

[252] См., например: *Wippermann W.* Faschismustheorien. Darmstadt, 1972; *Kuhn A.* Das faschistische Herrschaftssystem und die moderne Gesellschaft. Hamburg, 1973; *Grebing H.* Aktuelle Theorien über Faschismus und Konservatismus. Stuttgart, 1974; *Schulz G.* Faschismus — Nationalsozialismus. Versionen und Kontroversen 1922—1972. Frankfurt a. M.— Wien, 1974; *Saage R.* Faschismustheorien. Hamburg, 1976.

ком, исходила преимущественно из идеологических аспектов рассматриваемого явления. Подобный подход выглядит уже старомодным. Так, канадский ученый М. Китчен резко критикует Нольте за игнорирование «социоэкономических факторов» [253]. Исследования и документальные публикации историков-марксистов, работы прогрессивных ученых способствовали смещению центра тяжести полемики в социально-экономическую сферу. Теперь, как признает западногерманский историк В. Випперман, «центральным вопросом для теории фашизма являются отношения между индустрией и фашизмом» [254].

Прямолинейная апология «капитанов индустрии» выглядит ныне явным анахронизмом. Среди откровенных апологетов монополистического капитала — известный западногерманский историк консервативного толка В. Тройе, а также его ученик В. Биркенфельд. Тройе упрямо отказывается признать научную значимость исследований историков-марксистов, изучающих наиболее принципиальные аспекты экономической структуры гитлеровского рейха [255]. И это понятно: ее анализ со всей очевидностью обнажает органический характер взаимосвязи фашизма и монополий. Между тем западногерманский историк хотел бы свести проблему «фашизм — монополии» к взаимоотношениям отдельных капиталистов с теми или иными нацистскими главарями, т. е. ответственность классовую подменить ответственностью индивидуальной.

На апологетических позициях стоит и американский историк Г. Э. Тернер. Серия его статей вышла отдельной книгой под названием «Фашизм и капитализм в Германии». «Помогли ли германские крупные предприниматели восхождению Гитлера к власти? Спустя четверть века с лишним после падения третьего рейха один из важнейших вопросов его возникновения остается нерешенным» [256],— пишет Тернер, пытаясь в сущности перечеркнуть все сделанное марксистской исторической наукой и теми немарксистскими учеными, которые реалистически подходили к проблеме «фашизм — монополии». Характерно, что книга Тернера заслужила высокую оценку неофашистского журнала «Национ Эуропа», назвавшего ее «самой важной из появившихся до сих пор публикаций по теме «Гитлер и индустрия» [257].

Леволиберальный историк И. Радкау в своем исследовании значительное место отводит анализу взаимоотношений между нацистами и крупным капиталом в период гитлеровской диктатуры. Характерно, что работа Радкау опубликована вместе с новым расширенным изданием известного труда Г. Хальгартена под об-

---

[253] «Science and Society», 1974, N 2, p. 149.
[254] *Wippermann W.* Op. cit., S. 87.
[255] «Aus Politik und Zeitgeschichte», 14.VIII 1972, S. 21.
[256] *Turner H. A.* Faschismus und Kapitalismus in Deutschland. Göttingen, 1972, S. 9.
[257] «Nation Europa», 1973, H. 12, S. 58.

щим заглавием «Германская индустрия и политика от Бисмарка до наших дней» [258]. Это отражает определенную преемственность между позицией маститого либерального ученого и современным леволиберальным течением.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско среди буржуазных ученых не нашли заметной поддержки апологетические выступления американского историка Ф. Стерна и его западногерманского коллеги Г. Винклера, грубо и прямолинейно противопоставлявших фашизм и монополистический капитал [259].

Более дальновидные буржуазные историки отдают себе отчет в том, что воинствующий субъективизм откровенных апологетов ослабляет позиции противников марксистско-ленинской историографии фашизма. Они пытаются найти такую концепцию, которая обладала бы какими-то атрибутами научности.

Путь к концептуальному обновлению консервативным историкам фактически подсказали их оппоненты из радикально-демократического лагеря. Именно они заново открыли произведения социал-реформистских авторов 30-х годов. Антология из произведений А. Тальгеймера, О. Бауэра, А. Розенберга, Г. Маркузе и Т. Таски была опубликована в 1967 г., в 1973 г. появилось ее второе издание [260]. Консервативных историков привлекают прежде всего такие взаимосвязанные элементы социал-реформистской интерпретации фашизма, как аналогия между ним и бонапартизмом, а также тезис об обособлении фашистского аппарата власти от всех классов гражданского общества.

Сторонники перенесения бонапартистской модели на историческую почву 20—30-х годов XX столетия упускают из виду то обстоятельство, что режим Луи-Наполеона не только выполнял охранительную функцию защиты господства буржуазии от угрозы со стороны пролетариата, но и создавал условия для дальнейшего роста капиталистических отношений. При Второй империи, подчеркивал К. Маркс, «буржуазное общество, освобожденное от политических забот, достигло такой высокой степени развития, о которой оно не могло и мечтать» [261].

Фашизм возникает в период общего кризиса капитализма, когда последний переживает нисходящую фазу эволюции. Отстаивая террористическими методами классовое господство буржуазии, фашизм представляет собой решительное отрицание социального

---

[258] См.: *Hallgarten G., Radkau J.* Deutsche Industrie und Politik von Bismarck bis heute. Frankfurt a. M.— Köln, 1974.

[259] *Тихвинский С. Л., Тишков В. А.* Проблемы новой и новейшей истории на XIV Международном конгрессе исторических наук.— «Новая и новейшая история», 1976, № 1, с. 66.

[260] См.: Faschismus und Kapitalismus; «International Review of Social History», 1974, v. XIX, N 1, p. 53.

[261] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 341.

прогресса. Если бонапартизм действительно пытался балансировать на относительном равновесии классовых сил, то фашизм означал временную победу наиболее реакционных и могущественных фракций монополистического капитала. Во времена свободной конкуренции еще не было мощных и организованных группировок, способных оказать решающее воздействие на политическую жизнь и аппарат власти. Именно от них и зависели главным образом пределы известной самостоятельности фашистских главарей, которую буржуазные историки абсолютизируют.

С этой абсолютизацией логически взаимосвязан тезис о «примате политики» над экономикой [262]. Он был выдвинут на страницах журнала «Аргумент», детальное обоснование его принадлежит английскому историку Т. Мейсону. Начиная с 1936 г., говорит Мейсон, «как внутренняя, так и внешняя политика национал-социалистского правительства становится все более независимой от экономически господствующих классов» [263].

Невиданная концентрация производства, установление тесных контактов между монополиями и государственными органами, гегемония военно-промышленных концернов — все отмеченные Мейсоном реальные черты экономики «третьего рейха» истолковываются им как несовместимые с «исторически типичными моделями капиталистической экономической политики и управления» [264]. Фактически же английский историк, как явствует из его работ, выдает за дезинтеграцию капиталистической экономики то, что на самом деле представляло собой специфический вариант государственно-монополистического капитализма, сложившийся в гитлеровском рейхе.

Буржуазные ученые доводят тезис о «примате политики» до логически законченной формы и тем самым полностью обнажают его методологическую несостоятельность. При последовательном применении этого тезиса фашизм утрачивает конкретное социальное содержание. И в Германии, и в Италии, как пишет западногерманский историк Г. Винклер, власть находилась в руках не контролируемой какой бы то ни было социальной силой клики, олицетворявшей собой «примат политики». Нацизм, по определению Винклера,— это «вообще отрицание всех конкретных интересов, всего социального» [265]. Как инструмент в руках главарей СС выглядят могущественные монополисты в монографии западногерманского историка Р. Фогельзанга «Кружок друзей Гиммле-

---

[262] Подробнее см.: *Мельников Д. Е., Черная Л. Б.* Некоторые проблемы истории германского фашизма.— «Новая и новейшая история», 1973, № 5; *Рахшмир П. Ю.* Проблема «фашизм — монополии» в интерпретации современной буржуазной историографии.— В кн.: Научн. труды Тюменского ин-та, сб. 3. Тюмень, 1975.

[263] The Nature of Fascism, p. 181.

[264] Ibid., p. 184.

[265] *Winkler H. A.* Mittelstand, Demokratie und Nationalsozialismus. Köln, 1972, S. 180, 191.

ра» [266]. Западногерманский ученый К. Д. Брахер прямо называет капиталистов инструментом нацистской политики [267].

Нетрудно уловить сходство между тезисом о «примате политики» и положением итальянского историка Р. Де Феличе о «политической автономии» Муссолини по отношению к господствующим классам. «В целях истинного понимания истории,— утверждает он,— не столь важно установить меру зависимости фашизма от определенных сил и интересов, сколько оценить степень его автономии по отношению к ним» [268].

Постоянное уменьшение власти «хозяев пара» и прогрессирующая автономия фашистской политической элиты — такова, по Де Феличе, главная тенденция взаимоотношений фашизма и монополий [269]. Взгляды Де Феличе полностью разделяет П. Мелограни. Предметом его исследования явились взаимоотношения Муссолини и промышленных магнатов в 1919—1929 гг. «Итальянские промышленники в значительной мере содействовали успеху фашизма» [270],— этими словами начинается книга итальянского ученого. Однако затем сразу же следуют многочисленные оговорки, смягчающие эффект такого признания. Все развитие отношений между Муссолини и промышленниками изображено как непрерывная цепь конфликтов.

Слабости трактовки Мелограни становятся еще очевиднее при сопоставлении его книги с монографией В. Кастроново, воссоздающей историю концерна ФИАТ и его основателя Д. Аньелли. У Кастроново можно найти не меньше данных о разногласиях «хозяев пара» с дуче и его людьми, чем в книге Мелограни. Тем не менее такого рода эпизоды не заслоняют от автора глубинной логики союза монополий с фашизмом. В основе его итальянский ученый различает такие процессы, как концентрация могущества крупного капитала, наступление последнего на рабочий класс, поиск новых форм государственного вмешательства, призванных обеспечить интересы монополий [271]. Такой подход позволяет Кастроново точнее оценить характер взаимоотношений крупного капитала с фашизмом: определенная «тактическая» автономия фашизма никогда не переходила в автономию «стратегическую» [272].

К работам Де Феличе и Мелограни методологически близка книга американского ученого Р. Сарти об отношениях между фашистами и могущественной организацией итальянских промышленников Конфиндустрией. На фоне изложенных им фактов многие умозаключения Сарти кажутся каким-то чужеродным элемен-

[266] *Vogelsang R.* Der Freundeskreis Himmler. Göttingen, 1972, S. 138.
[267] *Bracher K. D.* Op. cit., S. 364.
[268] *De Felice R.* Intervista sul fascismo, p. 49—50.
[269] *De Felice R.* Il fascismo. Le interpretazioni del contemporanei e degli storici. Bari, 1970, p. XXVI—XXVII.
[270] *Melograni P.* Op. cit., p. 9.
[271] *Castronovo V.* Giovanni Agnelli. Torino, 1971, p. 325—326.
[272] Ibid., p. 591.

том. Прежде всего это относится к центральной мысли книги, в соответствии с которой основа взаимоотношений объединения промышленников с фашизмом — не сотрудничество, а постоянная конфронтация. Конфиндустрия выглядит у Сарти всего лишь одной из многих «групп давления», которыми ловко манипулировал искусный политикан Муссолини [273].

В известной мере тезис о «примате политики» отражает реальный процесс возрастания роли политического фактора в условиях государственно-монополистического капитализма вообще и в условиях фашистских режимов в особенности. Однако сторонники такого подхода явно переоценивают возможности политического воздействия на экономику вопреки ее объективным закономерностям. Отсюда — извращение характера связи между фашизмом и монополистическим капиталом, которому отводится сугубо подчиненная роль по отношению к фашистской политической верхушке. Отсюда же вытекает гиперболизация противоречий между ними.

Если тезис о «примате политики» является основой для интерпретации социального содержания фашизма, то для определения его места и роли в процессе социально-экономического развития буржуазные историки в последние годы широко используют теорию «модернизации», включающую фашизм в более широкую систему связей. Как известно, под термином «модернизация» американские социологи подразумевают процесс перехода к «индустриальному обществу». Научно-технические сдвиги, классовая борьба, институциональные изменения — все это растворяется в широкой до бессодержательности категории «модернизация». Будучи не в состоянии уйти от социально-экономической проблематики фашизма, буржуазные историки с помощью теории «модернизации» пытаются разработать такое истолкование фашистского феномена, которое можно было бы противопоставить его марксистско-ленинской трактовке [274].

Ключевой момент «модернизации» — экономический рост, индустриальное развитие. Фашизм предстает как явление, сопутствующее этому процессу. Однако среди многочисленных ученых, взявших на вооружение сравнительно новую теорию, нет единства по вопросу о том, какую же роль играет фашизм в процессе «модернизации». Одни (Р. Сарти, А. Д. Грегор, Ю. Вебер, Л. Гарруччио) считают фашизм рычагом «модернизации», другие (Б. Мур, А. К. Органский, Д. Каутский, В. Зауэр, Э. Нольте, Г. Э. Тернер) подчеркивают его антимодернизаторскую функцию.

Наиболее развернутое истолкование фашизма в русле теории «модернизации» дал Г. Э. Тернер. Согласно интерпретации, выдвинутой им, фашизм — это «утопический антимодернизм». Сущ-

[273] *Sarti R.* Fascism and the Industrial Leadership in Italy 1919—1940. Berkeley — Los Angeles, 1971, p. 115.

[274] См.: «World Politics», 1974, v. XXIV, N 4, p. 559; «The Journal of Modern History», 1975, N 1, p. 111.

ность его — в «экстремистском мятеже против современного индустриального общества и стремлении вернуться к далекому «мифическому прошлому» [275]. Тернер в конце концов приходит к отказу от самого термина «фашизм». Понятие «фашизм», по его словам, «не имеет силы и не годится для серьезных аналитических целей» [276]. Вместо него Тернер предлагает термин «утопический антимодернизм», который кажется ему гораздо удобнее, так как он лишен конкретного социального содержания, оторван от политики господствующих классов буржуазного общества.

Безоговорочно провозглашает фашизм «модернизаторской» силой американский ученый А. Д. Грегор. Он отвергает определение Тернера, которое, на его взгляд, не подходит ни к германскому нацизму, ни тем более к итальянскому фашизму. Центр тяжести полемики с Тернером Грегор переносит все же на итальянскую почву. Он оперирует высказываниями фашистских лидеров и идеологов, призывавших к усилению экономического могущества Италии, к технократической перестройке производственного и административного аппарата [277].

Манипулируя весьма скудными статистическими данными, Грегор пытается доказать, что в период фашизма Италия «достигла высоких темпов экономической модернизации» [278]. Этот тезис опровергается выводами другого американского ученого — Э. Тенненбаума, базирующимися на основательном статистическом материале: «...факт остается фактом, что фашистский режим скорее препятствовал, чем способствовал экономическому росту и модернизации» [279]. К аналогичному заключению приходит и английский историк А. Литтлтон: «Имеется мало свидетельств в пользу того взгляда, что фашизм был модернизаторской диктатурой» [280].

В оценке перспектив фашистской угрозы позиции сторонников и противников тезиса о «модернизаторском» характере фашизма весьма близки. С точки зрения В. Зауэра, «социально-экономическое развитие в высокоиндустриальных странах Запада исключает возникновение условий для фашизма» [281]. Предпосылки для него могут сложиться лишь в странах «третьего мира», где только начинается процесс индустриального развития. Не исключая полностью фашистской опасности для развитых стран, американский ученый А. Д. Джоус пишет, что наиболее благоприятное политическое будущее у фашизма — в странах «третьего мира» [282]. Недооценка реальных возможностей неофашизма в

---

[275] «World Politics», 1972, v. XXIV, N 4, p. 561, 564.
[276] Ibid., p. 563.
[277] «World Politics», 1974, v. XXVI, N 3, p. 377.
[278] Ibid., p. 378.
[279] *Tennenbaum E. R.* The Fascist Experience, p. 111.
[280] *Lyttelton A.* The Seizure of Power. London, 1973, p. 433.
[281] «The American Historical Review», 1967, v. LXXIII, N 2, p. 422.
[282] «Comparative Political Studies», 1974, v. 7, N 1, p. 125.

развитых капиталистических странах, свойственная подобным интерпретациям, способствует дезориентации общественного мнения Запада, благоприятствует деятельности неофашистских партий и групп.

При всем разнообразии подобных трактовок фашизм выступает в них в качестве силы, вольно или невольно содействовавшей прогрессу. Такого рода прямая или косвенная реабилитация «традиционного» фашизма оказывает серьезную услугу современным неофашистам [283]. Главная же цель буржуазных ученых заключается в том, чтобы найти историческое оправдание для строя, породившего фашизм, в действительности представляющий собой одно из проявлений всесторонней деградации капиталистического общества.

Таким образом, под претенциозной «социоэкономической» оболочкой истолкований фашизма, базирующихся на теории «модернизации», скрывается традиционный субъективно-идеалистический подход. Теория «модернизации» не оправдывает тех надежд, которые возлагали на нее представители буржуазной историографии фашизма в борьбе с марксистско-ленинской исторической наукой. «В то время, как теория тоталитаризма, к сожалению, обнаружила свою расплывчатость и концептуальную рыхлость,— сетует Грегор,— теория модернизации является, к несчастью, едва ли менее неясной и двусмысленной» [284].

Своеобразие современного состояния буржуазных исследований нашло отражение в пресловутой «гитлеровской волне», захлестнувшей Запад в первой половине 70-х годов [285]. Среди факторов историографического порядка, вызвавших ее, следует подчеркнуть ослабление позиций традиционных направлений буржуазной историографии фашизма. Консервативные историки и часть их буржуазно-либеральных коллег хотели бы удержать исследование этого явления в субъективно-идеалистических рамках [286].

Биографический жанр предоставляет широкие возможности для субъективистского произвола, тем более если речь идет о нацистском диктаторе, обладавшем исключительными полномочиями для принятия «волевых решений». В биографиях Гитлера достигает апогея тенденция к абсолютизации относительной самостоятельности фашистской политической элиты. По утверждению ведущего западногерманского «гитлеролога» В. Мазера, фюрер «не без успеха пытался сформировать мир... в соответствии со своими (в значительной мере чуждыми действительности)

---

[283] Так, итальянские неофашисты усматривают «достоинство трактовки на базе теории модернизации» в том, что в соответствии с ней фашизм оказывался «прогрессивным, а не регрессивным феноменом» («Il Borghese», 1976, № 11, p. 86).

[284] «World Politics», 1974, v. XXVI, N 3, p. 370.

[285] Политические и социально-психологические аспекты этого явления освещены в работах ученых-марксистов А. А. Галкина, Д. Е. Мельникова и Л. Б. Черной, Э. Генри, М. Вайсбеккера и др.

[286] «Die Welt», 1.X 1973.

представлениями» [287]. «Триумф воли»,— так характеризует лейтмотив биографической литературы о Гитлере американец Н. Эшерсон [288].

Биографический жанр — особенно благоприятное поле для психоаналитических интерпретаций, тем более когда речь идет о субъекте с патологическими чертами, каким был Гитлер. Психоаналитическая струя органично вливается в «гитлеровскую волну». Более того, вторжение психоанализа в историческую науку Запада создает предпосылки для подобных явлений [289]. Крен в сторону психоанализа — одна из форм защитной реакции буржуазной историографии, стремящейся отвлечь исследование фашизма в ту сферу, где возможны самые фантасмагорические интерпретации [290]. Персоналистские интерпретации широко открывают доступ агностицизму в историографию. Особенно далеко заходит в этом направлении американский биограф Гитлера Р. Пейн. «Подъем Адольфа Гитлера к высотам власти,— пишет он,— является одним из тех событий мировой истории, которые нельзя объяснить с помощью рациональных категорий» [291].

Орудием в борьбе против концепции, разработанной марксистской исторической наукой, и против теоретических исканий различных левых течений историко-социологической мысли призвана была стать биография Гитлера, написанная И. Фестом. В то время как наиболее активный и плодовитый биограф бесноватого диктатора В. Мазер ограничивается сбором фактов и описанием их, Фест претендует на большее. Для него главное — «новые постановки вопросов, а не источники» [292]. Свою первостепенную задачу он видит в том, чтобы вписать биографию Гитлера в контекст эпохи. Концептуальное средство для этого он находит в теории «модернизации».

Восприняв основные положения Г. Э. Тернера, Фест преломляет их в политической биографии нацистского фюрера. Гитлер, утверждает Фест, «разрушил давно скомпрометированные социальные структуры, уравнял различия, позволив Германии... шагнуть в современность» [293]. Следовательно, с точки зрения теории «модернизации» Гитлер — личность, в конечном итоге способствовавшая поступательному движению истории, поскольку «модернизация» по сути дела идентична социальному прогрессу [294].

---

[287] *Maser W.* Adolf Hitler. Legende, Mythos, Wirklichkeit. München, 1973, S. 401.
[288] «The New York Times Review of Books», 18.IV 1974, p. 3.
[289] См.: *Салов В. И.* Вторжение психоанализа в буржуазную историографию.— «Новая и новейшая история», 1972, № 4.
[290] См.: *Рахшмир П. Ю.* Гитлеровская волна в буржуазной историографии Запада.— В кн.: Ежегодник германской истории 1975. М., 1976.
[291] *Payne R.* The Life and Death of Adolf Hitler. New York, 1973, p. IX.
[292] «Die Zeit», 12.X 1973, S. 26.
[293] Ibidem.
[294] *Fest J. C.* Hitler, Eine Biographie, Frankfurt a. M.— Wien, 1973, S. 1035,

Отчаянное сопротивление сил реакции, пытающейся вернуть мир к временам «холодной войны», обусловило активизацию неофашизма. Если прежде западногерманские неонацисты сравнительно мало обращались к сюжетам непосредственно по истории нацизма, то в 70-х годах они внесли существенный вклад в «гитлеровскую волну». «Гвоздем» неонацистской «гитлерианы» стала трилогия Э. Керна [295].

Известное своими профашистскими симпатиями итальянское издательство Вольпе приступило к публикации десятитомной серии «Исследования и документы», посвященной истории фашизма [296]. Характерно, что неофашисты не выдвинули каких-либо собственных интерпретаций. Они обходятся заимствованиями из теоретического багажа респектабельных буржуазных ученых, лишь слегка модифицируя их концепции [297].

Современное положение дел в буржуазной историографии фашизма характеризуется обострением внутренних противоречий.

Лейтмотив многочисленных современных работ о путях исследования фашизма — констатация глубокого кризиса теорий, возникавших в ходе эволюции буржуазной историографии. Предлагаемые ими пути выхода из концептуального тупика отражают методологическую несостоятельность различных направлений и течений буржуазной историко-социологической мысли. Так, Э. Нольте взамен обанкротившихся теорий выдвинул свою собственную, которая теперь сама становится анахронизмом. Г. Шульц призывает вернуться к догматам концепции «тоталитаризма», которая будто бы обеспечивала лучший познавательный эффект по сравнению с новомодными теоретическими изысканиями [298]. Р. Де Феличе уповает главным образом на чисто эмпирические исследования. В книгах В. Виппермана и А. Д. Грегора нет сколько-нибудь законченных теоретических конструкций, намечены лишь некоторые параметры, заимствованные из модных, прежде всего «социоэкономических» и псевдомарксистских, трактовок. В конечном счете, несмотря на характерные для современного этапа энергичные попытки теоретического обновления, Грегор приходит к неутешительному заключению: «Имеется мало перспектив на то, что близкое будущее принесет вполне компетентную теорию фашизма» [299].

---

[295] См.: *Kern E.* Adolf Hitler und seine Bewegung. Der Parteiführer; *Idem.* Adolf Hitler und das Dritte Reich. Der Staatsmann; *Idem.* Adolf Hitler und der Krieg. Der Feldherr. Preuss. Oldendorf, 1970—1972.

[296] См.: *Erra E.* L'interpretazioni del fascismo nel problema storico italiano. Roma, 1971.

[297] Подробный анализ идеологических аспектов неофашизма см.: Критика идеологии неофашизма. М., 1976.

[298] *Schulz G.* Faschismus — Nationalsozialismus. Versionen und Kontroversen. 1922—1972. München, 1974, S. 167—168. С таких теоретических позиций написана и последняя книга Шульца «Подъем национал-социализма», вызвавшая критику не только со стороны левого лагеря, но даже Э. Нольте (см.: «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 9.IX 1975).

[299] *Gregor A. J.* Interpretations of Fascism. Morristown, 1974, p. 261.

Подтверждением тому служит и специальный номер «Журнала по современной истории», вышедший под аншлагом «Теории фашизма» [300]. Название явно вводит читателя в заблуждение. Тщетно было бы искать в этом издании какие-то серьезные теоретические разработки. Группа историков из ФРГ, Италии, США, Англии и Австрии в своих статьях рассматривает либо частные аспекты истории национальных разновидностей фашизма, либо отдельные концепции этого явления в чисто историографическом плане.

Усилилась дифференциация внутри доминирующего буржуазно-либерального направления. Леволиберальные историки обращаются к социально-экономическим аспектам фашизма. Однако поворот к социально-экономической проблематике сам по себе не может обеспечить подлинно научного решения ключевых вопросов истории фашизма. Эта группа ученых придерживается плюралистической трактовки социальной сущности фашизма, недооценивая роль монополистического капитала в генезисе фашистских движений и в системе фашистского господства.

Анализ современных интерпретаций фашизма в буржуазной историографии свидетельствует о непреодолимости переживаемого ею методологического кризиса. Вместе с тем эти интерпретации отражают также усложнение современной идеологической борьбы между марксистско-ленинской исторической наукой и буржуазной историографией, пытающейся дать бой марксизму в его традиционной социально-экономической сфере, использовать против него различные псевдомарксистские положения.

Несмотря на значительное расширение документальной базы и диапазона исследовательской проблематики, буржуазным историкам не удалось добиться научного решения наиболее важных проблем истории фашизма. Как и полстолетия тому назад, фашизм остается для буржуазных ученых неразрешимой загадкой [301].

Сложный и противоречивый процесс развития буржуазной историографии фашизма свидетельствует о тщетности усилий нескольких поколений ученых проникнуть в сущность этого феномена. Подобная задача под силу лишь марксистско-ленинской исторической науке, опирающейся на фундаментальную, подлинно научную теорию общественного развития [302]. Исследования историков-марксистов различных стран убедительно подтверждают плодотворность марксистско-ленинского подхода к фашизму.

---

[300] «Journal of Contemporary History», 1976, N 4.
[301] The Place of Fascism in European History, p. 27.
[302] См. *Филатов Г. С.* Вопросы истории фашизма и современность.— «Коммунист», 1976, № 13.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что благоприятные исторические предпосылки для появления фашизма и прихода его к власти возникали в тех странах, где воздействие закона неравномерности экономического и политического развития капитализма сказалось с наибольшей интенсивностью. Особенно рельефно это видно на примере Германии. Все социально-экономические и политические процессы, которые «старые» капиталистические страны переживали на протяжении длительных исторических периодов, здесь были значительно сжаты во времени, происходили с запозданием, в более сложных условиях. Интенсивная ломка традиционных социально-экономических структур обостряла классовые противоречия, создавала напряженную социально-психологическую ситуацию для многочисленных слоев населения, не успевавших адаптироваться к быстро менявшимся условиям. Много сходных с этим черт наблюдалось и в Италии, где дело осложнялось увеличивавшимся разрывом между развитым Севером и отсталым Югом.

Господствующие классы Германии и Италии не приобрели столь богатого политического опыта, как буржуазия тех западноевропейских стран, где гораздо раньше были совершены буржуазные революции. Между тем им сразу же пришлось столкнуться с сильным рабочим движением. Искусство более гибкой, либеральной рабочей политики вырабатывается не сразу. Кроме того, альянс германской и итальянской буржуазии с аграрной аристократией обусловил политическую мощь тех фракций господствующих классов, которые предпочитали проводить консервативную политику. В обеих странах буржуазно-демократические традиции не успели пустить корни.

Совпадение быстрого индустриального развития с наступлением эпохи монополистического капитализма, конкурентная борьба со «старыми» капиталистическими государствами предопределили раннюю концентрацию производства и капитала, а также активное государственное вмешательство в экономическую жизнь, что способствовало формированию этатистских традиций, наиболее сильных в Германии. Германия и Италия опоздали к разделу мира. Неутоленные империалистические аппетиты, особенно обширные у Германии, способствовали зарождению воинствующего национализма.

Его влиянию были подвержены и многочисленные мелкобуржуазные элементы, мучительно приспосабливавшиеся к темпам и ритму социально-экономического развития. Ранняя монополизация, прежде всего в Германии, а также на Севере Италии, поставила в трудные условия мелких предпринимателей, торговцев, ремесленников, не успевших экономически и политически консолидироваться в той мере, как, например, аналогичные слои во Франции, где они имели за плечами несколько революций и многолетнюю школу политической борьбы. Из этого социального источника фашисты смогли впоследствии черпать массовую поддержку.

Взаимодействие долговременных исторических факторов, уходящих в глубь культурно-политических традиций или порожденных общим кризисом капитализма, с факторами ситуационными (послевоенные политические и социально-экономические потрясения, мировой экономический кризис 1929—1933 гг.) создавало в Германии и Италии весьма благоприятную почву для генезиса фашизма.

Если в Германии высокий накал противоречий объяснялся в значительной мере скоростью и убыстренным ритмом социально-экономических процессов, то в Испании одной из главных причин социальной напряженности была хроническая отсталость. Отсюда замедленная адаптация к условиям XX в. Буржуазно-демократическая революция 1931 г. ускорила темп политического развития Испании, создав глубокий разрыв между политической надстройкой и архаической социально-экономической структурой, предельно обострив весь комплекс противоречий, от методов разрешения которых зависели исторические судьбы страны. Классовая структура Испании с преобладанием крестьянства, сравнительно немногочисленной мелкой и средней буржуазией города ограничивала возможности формирования массовой фазы фашизма, в лагере господствующих классов доминировали представители традиционной элиты (аграрии, военщина, клерикалы) и тесно связанные с ней промышленно-финансовые круги, в кризисных ситуациях полагавшиеся на насильственные методы отстаивания господства. Острота социально-политической ситуации в отсталой Испании ослабляла возможности реализации либерально-реформистской альтернативы фашизму.

Несмотря на наличие в тех или иных странах благоприятных предпосылок для генезиса фашизма, было бы совершенно неверно усматривать в приходе фашистов к власти какую-то историческую предопределенность. Установление фашистских режимов происходило в процессе напряженной, многоплановой борьбы, в которой переплетались классовые и внутриклассовые противоречия. Ее исход зависел от мощи и сплоченности антифашистского лагеря, от соотношения сил между различными фракциями господствующих классов, от их политического опыта и тактического искусства.

Непреодолимым препятствием на пути фашизма к власти является единство рабочего класса.

Для определения специфики фашизма по сравнению с другими формами классового господства буржуазии недостаточно учета его социально-политической функции. Функция любой формы господства буржуазии — сохранение и упрочение капиталистического общественного устройства. Существо фашизма раскрывается в террористических методах отстаивания классового господства буржуазии, в форме организации государственной власти, резко отличающейся от буржуазно-демократических порядков.

Бешеный антикоммунизм и патологический антимарксизм, отрицание любой формы демократии, оголтелый национализм, достигающий кульминации в расизме, обширные империалистические притязания, культ государства и «вождей», антигуманизм, разнузданная социальная демагогия, умение мобилизовать массовый базис — все эти свойства фашизма с разной степенью интенсивности обнаруживаются у всех фашистских движений и режимов. Многие из перечисленных признаков присущи и «традиционным» формам реакции, однако у фашизма они настолько гипертрофированы, что обретают новое качество.

Своеобразным синтезом фашистской теории и практики является перманентный и тотальный террор. Масштабы его могут колебаться в различных фашистских режимах, но он является их важной и неотъемлемой отличительной чертой, в которой как бы фокусируются все остальные свойства фашистского феномена.

Для практического осуществления перманентного и тотального террора потребовалось создать специфический аппарат насилия. Им явилась неограниченная диктатура, стремившаяся поставить под контроль все гражданское общество.

Подобный характер фашистских режимов усиливал относительную самостоятельность государственной власти. В отличие от парламентарных порядков она не зависит от колебаний избирательной конъюнктуры. В то же время мобилизованный фашистами массовый базис обеспечивал государству значительную свободу рук во взаимоотношениях с представителями господствующих классов. У него не было необходимости постоянно балансировать между различными их фракциями, чтобы учесть самые разнообразные интересы. Поэтому фашистская система могла последовательнее проводить политический курс в соответствии с притязаниями наиболее могущественных и реакционных группировок монополистического капитала. Именно от них в первую очередь зависели пределы, в которых могла проявляться «свобода воли» фашистских главарей.

Из этого вытекала также специфика фашистских методов государственно-монополистического регулирования, отличавшаяся значительным разнообразием в зависимости от уровня экономического развития отдельных стран, мощи и организованности монополий, масштабов империалистических притязаний го-

сударств. Государственное вмешательство осуществлялось прежде всего в интересах тех монополистических группировок, которые теснее всего срослись с режимом.

Особенности фашистского государственно-монополистического регулирования с наибольшей выразительностью обнаружились в политике германского нацизма. Главной целью нацистского государственного вмешательства было создание военно-экономического потенциала, необходимого для агрессии. Ее подготовке и проведению были подчинены все прочие составные части комплекса государственно-монополистического регулирования: социальная политика, структурные изменения в экономике и т. д. С помощью глобальной завоевательной программы нацисты рассчитывали разрешить все социальные и экономические противоречия, присущие капитализму.

Фашистские методы государственно-монополистического регулирования в исторической перспективе давали краткосрочный эффект, тогда как буржуазно-демократические имели долгосрочный стратегический прицел. Они соответствовали либерально-реформистскому типу политики, а фашизм можно охарактеризовать как экстремистский вариант консервативной политики. Каждой из этих альтернатив соответствовала и особая форма политической надстройки.

По мере развития государственно-монополистического капитализма возрастала относительная самостоятельность фашистского аппарата власти. Это создавало в глазах довольно широких слоев населения иллюзию «надклассовости» данной системы господства и позволяло главарям фашистских режимов эффективнее выполнять функцию защиты интересов самых реакционных группировок монополистического капитала.

Ее осуществление сопровождалось определенными трениями и противоречиями между аппаратом власти и представителями монополий. В основе междоусобных стычек лежали причины преимущественно тактического свойства. Процесс развертывания военно-промышленного потенциала приводил к выдвижению на первый план то одних, то других монополистических групп в зависимости от важности их продукции с точки зрения военных нужд. Монополистические группы и отдельные магнаты вели борьбу за более влиятельные позиции в государственном аппарате, за государственные заказы, сырьевые ресурсы, за бóльшую долю награбленной фашистами добычи. Эта борьба в свою очередь переплеталась с распрями фашистских клик и иерархов.

Другая причина противоречий была обусловлена общим свойством всех разновидностей государственно-монополистического капитализма; она коренилась в том, что фашистам как правящей партии приходилось непосредственно иметь дело с более обширным комплексом задач, чем монополистам, которым нередко застилали глаза групповые или фирменные интересы. Фашистским заправилам нужно было постоянно поддерживать престиж среди

широких масс населения, особенно среди мелкой буржуазии и средних слоев. Поэтому они иногда предпринимали действия, которые вызывали неудовольствие тех или иных монополий, хотя в конечном итоге были направлены на упрочение режима, представлявшего собой форму господства наиболее могущественных фракций монополистического капитала.

Гораздо глубже и острее было противоречие между политической функцией и социальным базисом фашизма. Обычно оно проявлялось с особой силой в период консолидации режимов, когда рассеивалась демагогическая пелена и четко проступала их классовая сущность. Претендуя на роль «третьей силы», якобы представляющей альтернативу и социализму, и капитализму, фашисты собирали под свои знамена значительные контингенты, преимущественно из промежуточных слоев. После установления фашистских режимов происходило устранение тех элементов, которые всерьез воспринимали демагогическую фразеологию главарей. Один из аспектов пресловутой «ночи длинных ножей» 30 июня 1934 г. заключался, как мы видели, в ликвидации недовольных штурмовиков, требовавших «второй революции». Задолго до этого Муссолини расправился со сторонниками «второй волны», итальянскими фашистами «первого часа», которых не устраивала политика дуче после «похода на Рим». Что касается франкистской Испании, то там противоречие между мелкобуржуазными и люмпен-пролетарскими элементами, с одной стороны, и верхушкой режима — с другой, нашло известное отражение во фронде «старых рубашек».

Однако, несмотря на тот факт, что мелкобуржуазный базис фашизма приносился в жертву монополиям, фашистским главарям удавалось (с разной степенью успеха) сохранять массовую опору, искусно сочетая террор с социальной и националистической демагогией. Пропаганда корпоративизма, стремление затушевать социальные различия при помощи ложного в тех условиях понятия «рабочие умственного и физического труда», культивирование идей расового и национального превосходства — все это было призвано создать впечатление, будто в фашистских государствах повышается социальный статус, растет престиж средних слоев и рабочего класса. Реальной компенсацией для представителей массовой базы фашизма стали места на нижних и отчасти средних ступенях неимоверно разросшегося государственно-административного аппарата. Наибольший иммунитет по отношению к фашистской демагогии проявил рабочий класс, из которого рекрутировались основные силы Сопротивления.

Главным критерием для типологии государственно оформившегося фашизма может служить степень концентрации власти в руках фашистской верхушки и сросшихся с ней экстремистских фракций монополистического капитала. Она зависит от комплекса взаимосвязанных факторов: от уровня экономического развития страны, социальной структуры населения, силы антифашист-

ского Сопротивления, степени относительной самостоятельности фашистского аппарата власти, места собственно фашистской элиты по сравнению с традиционными господствующими классами в структуре режима, от масштабов империалистических притязаний.

В Германии нацистская партия подчинила себе государственно-бюрократическую машину в процессе сращивания с ней. Хотя итальянские фашисты пришли к власти намного раньше нацистов, они менее преуспели в создании неограниченной диктатуры. «Степень поглощения гражданского общества фашистским государством в Германии была значительно выше, чем в Италии. Существенно большей, чем в Италии, была концентрация власти» [1],— пишет А. А. Галкин, сопоставляя два главных фашистских режима. В отличие от гитлеровской Германии в муссолиниевской Италии при сращивании фашистской партии с государственным аппаратом приоритет принадлежал последнему. Традиционная политическая элита сохранила в Италии более или менее прочные позиции. Это сказалось 25 июля 1943 г., когда традиционные консервативные круги сравнительно легко осуществили дворцовый переворот и убрали Муссолини. Между тем в Германии, где нацистская партия буквально пропитала всю общественную структуру, верхушечный заговор 20 июля 1944 г. провалился самым жалким образом.

Что касается Испании, то здесь позиции фашистской партии по сравнению с традиционной военно-консервативной реакцией были слабее, чем в Италии, не говоря уже о Германии. Фалангизм стал лишь одной из основ новой системы власти, наряду с армией и католической церковью.

Пиренейские диктатуры значительно отличались от крайней формы фашизма — германской. Этот неоспоримый факт используется буржуазными историками в попытках исключить франкистскую Испанию и салазаровскую Португалию из числа фашистских государств. На самом же деле применительно к иберийским странам следует говорить о специфическом типе фашизма. Его отличительными признаками, помимо большого удельного веса элементов традиционной консервативной реакции по отношению к собственно фашистским организациям, можно считать отличную от итальянской форму корпоративизма, определенные парламентские атрибуты. Отсюда — известная завуалированность ряда общих признаков, роднящих этот тип фашизма с германским и итальянским.

Особенностью фашизма иберийского типа явилась исключительная живучесть, способность лучше интегрироваться в систему международных отношений по сравнению с крайними разновидностями фашизма. Безусловно, на эволюцию пиренейских режимов серьезно повлиял внешний фактор: необходимость приспособления к послевоенному миру. Если германский и итальянский

[1] *Галкин А. А.* Социология неофашизма. М., 1971, с. 65.

янский режимы в своем функционировании зашли так далеко, что государственная машина просто была бы не в состоянии дать обратный ход, не рискуя при этом катастрофой, то режимы иберийского типа, не зашедшие так далеко, сохраняли свободу маневра. Но те обстоятельства, которые обеспечили живучесть подобных режимов, явились в то же время источником их слабости, привели к их крайнему одряхлению, в конечном счете расшатали структуру власти, создали условия для созревания сил, способных разрушить их. Об этом, хотя и по-разному, свидетельствует и португальский, и испанский опыт.

Выявление различных типов фашизма раскрывает связь общего и особенного в нем, дает возможность избежать неправомерного сужения этого феномена до германского и итальянского вариантов. При этом, характеризуя какую-либо разновидность фашизма, вряд ли можно говорить о полной ее идентичности определенному типу, а только об известной степени приближения к нему. Ответ на вопрос о принадлежности к тому или иному типу, а также средство углубить и уточнить характеристики последних заключаются в конкретно-исторических исследованиях.

Следует иметь в виду, что современность рождает новые типы фашизма, примером чему может служить реакционная диктатура в чилийском и греческом вариантах. Типологическим признаком всех форм фашизма является его тесная, органическая взаимосвязь с милитаризмом. В речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил Л. И. Брежнев подчеркивал, что «милитаристский робот лелеет, как любимое детище, самые реакционные, тиранические, фашистские режимы и пожирает демократические свободы» [2]. Теперь, когда шансы на привлечение массовой базы значительно уменьшились по сравнению с межвоенным периодом, фашистам приходится компенсировать ее отсутствие главным образом военной силой, поддержкой международных военно-империалистических кругов. Диктатура Пиночета в Чили, рухнувший после семи лет правления «режим полковников» в Греции — таковы конкретные формы «военного фашизма».

Много общего с «военным фашизмом» у специфических форм современного фашизма в слаборазвитых странах. На международном научном симпозиуме марксистов в Эссене шеф-редактор журнала «Проблемы мира и социализма» К. И. Зародов охарактеризовал фашизм такого типа как «экспортируемый или импортируемый». Он «представляет собой соединение интересов международного империализма и реакционной местной бюрократии и военщины» [3]. Такой фашизм «насаждается извне правительствами, сохраняющими у себя дома (в большей или меньшей степени) атрибуты буржуазной демократии» [4]. Отличительным признаком импортируемого фашизма является отсутствие сколь-

[2] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, с. 335.
[3] «Проблемы мира и социализма», 1973, № 5, с. 32.
[4] «Проблемы мира и социализма», 1973, № 4, с. 31.

ко-нибудь серьезных внутренних предпосылок. Его культивируют в странах с пережитками докапиталистических отношений, где не сложилась сильная национальная буржуазия, а в архаичной социальной структуре нет слоев, способных поставлять для фашизма массовую базу.

Этим разновидности современного фашизма, безусловно, не исчерпываются. Чтобы распознать проявления неофашизма, необходимо сопоставлять их с типами фашизма, сложившимися в межвоенный период. Дело идет не о внешних формах, подверженных постоянным изменениям, особенно учитывая исключительную способность фашистов к мимикрии, их приспособляемость к новым условиям. Преемственная связь между «традиционными» и новыми видами фашизма носит сущностный характер и обнаруживается прежде всего в методах политической борьбы и организации власти, защиты интересов местных или международных монополий.

Наряду с неоправданным сужением фашистского феномена до одной-двух разновидностей необходимо считаться также с опасностью неправомерно расширительной трактовки этого явления. В связи с критикой истолкований фашизма с точки зрения теории «модернизации» уже говорилось о том, что буржуазные историки произвольно используют термин «фашизм» при характеристике государств «третьего мира». Американский политолог А. Д. Грегор вообще пытается выдать за фашистские даже часть течений революционного и национально-освободительного движения.

Подобный подход преследует цель дискредитировать страны, придерживающиеся социалистической ориентации, революционно-националистические режимы, проводящие антиимпериалистическую политику, и фактически оказывается модернизированным вариантом пресловутой концепции «тоталитаризма».

Затрудняют анализ новых форм фашизма и трактовки, сложившиеся в левацких кругах. По их мнению, в наши дни фашизму больше не надо совершать государственные перевороты для захвата власти. Он якобы уже достаточно глубоко внедрился в государственную структуру стран Запада. Очагами фашизма левацкие элементы считают современные капиталистические предприятия, где проводятся те или иные мероприятия в рамках социальной политики, рассчитанной на отвлечение рабочих от активного участия в политической борьбе. Бесспорно, в социально-экономической и политической почве развитых капиталистических стран сохраняются предпосылки фашистской опасности. Но если не видеть качественного различия между репрессиями, имеющими место при буржуазно-демократических режимах, и перманентным, тотальным фашистским террором, между либерально-реформистской или патерналистской социальной политикой буржуазии и фашистскими методами растления масс, можно проглядеть действительную фашистскую угрозу.

Подлинно научный анализ фашизма и реалистическая оценка фашистской опасности в современном мире возможны лишь на основе марксистско-ленинской методологии и огромного политического опыта, обретенного коммунистическим движением в антифашистской борьбе.

История фашизма — это в сущности история краха самой решительной и насильственной попытки империалистической реакции затормозить социальный прогресс, расправиться с революционным движением. Научный анализ фашизма свидетельствует об его исторической обреченности. Однако такой вывод не должен повлечь за собой недооценку этого опасного социально-политического феномена. Победа над фашизмом была достигнута прогрессивным человечеством чрезвычайно дорогой ценой.

С разгромом фашизма выявилась и его историческая бесперспективность как специфического метода отстаивания классового господства буржуазии. Фашистская система власти позволила наиболее реакционным элементам господствующих классов ряда стран добиться временного стабилизирующего эффекта во внутриполитической сфере. Решить свойственные капитализму социально-политические противоречия фашисты оказались не в состоянии. Их экспансионистский курс до предела обострил межимпериалистические противоречия. Попытка разрешить эти противоречия на путях войны глубоко потрясла устои капиталистической системы. Следствием разгрома фашизма в развязанной им войне явилось, в частности, значительное сокращение сферы господства империализма. Таким образом, в долгосрочном стратегическом плане ставка империалистической реакции на фашизм привела к существенному ослаблению ее мировых позиций.

Дискредитация фашизма в глазах человечества намного сузила для современных реакционеров возможности маневра вправо. В этом можно усматривать одну из причин того, что в целом послевоенный период в странах развитого капитализма проходил под знаком преобладания буржуазно-реформистской политики. Хотя фашистские методы сохраняются в политическом арсенале буржуазии и в кризисных ситуациях реакционные авантюристические круги могут попытаться, несмотря на негативный исторический опыт, вновь прибегнуть к фашистским методам спасения классового господства буржуазии, перспективы подобного выхода из социально-политического кризиса, в котором находится современный капитализм, стали гораздо маловероятнее. Таков один из главных всемирно-исторических итогов победы над фашизмом, решающий вклад в которую внес Советский Союз. Мощной преградой неофашизму служат растущая мощь стран социалистического содружества, их постоянно усиливающееся воздействие на ход мирового развития.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
(*Г. С. Филатов*)

Глава первая
ПРОИСХОЖДЕНИЕ И КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ ФАШИЗМА 14
(*В. Д. Ежов*)

Причины возникновения фашизма и условия захвата им государственной власти 14
Фашизм — орудие господства монополистического капитала . . . 25
Система террора, насилия, демагогии 36

Глава вторая
ПОСЛЕВОЕННЫЙ КРИЗИС
И ФАШИСТСКАЯ ДИКТАТУРА В ИТАЛИИ (1919—1929 гг.). 47
(*Б. Р. Лопухов*)

Послевоенный кризис и наступление фашизма 47
Первый период фашистской власти 65
Второй период и реорганизация государства 74
Фашистское государство и монополии 87
Фашистское государство и церковь 91
Фашизм и антифашизм 94

Глава третья
ФАШИСТСКИЙ КОРПОРАТИВИЗМ И ИМПЕРИАЛИЗМ.
КРАХ ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА В ИТАЛИИ 98
(*Г. С. Филатов*)

Завершение строительства «корпоративного государства» и политика автаркии 98
Оформление блока фашистских государств и милитаризация нации. Рост сил оппозиции 108
Вступление Италии в мировую войну. Военные поражения и кризис фашистского режима 117
Крах итальянского фашизма 125
Неофашистская «социальная республика» и вооруженное движение Сопротивления итальянского народа 135

Глава четвертая

ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА ДО МЮНХЕНСКОГО ПУТЧА 1923 г. 144

(*Д. С. Давидович*)

Германия после поражения 1918 г. и появление фашизма . . . 144
Фашистское движение и борьба против него в 1923 г. 153

Глава пятая

ГЕРМАНСКИЙ ФАШИЗМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГОДОВ И ЕГО ПРИХОД К ВЛАСТИ 162

(*Л. И. Гинцберг*)

Разброд в фашистском лагере 162
Расширение влияния нацистов 166
Крупный капитал и нацизм в середине 20-х годов 169
Террористическая организация германского фашизма — штурмовые и охранные отряды 174
Организационное развитие нацистской партии и ее пропаганда 179
Первые успехи нацистской партии 188
Приход фашистов к власти 199

Глава шестая

ФАШИСТСКИЙ РЕЖИМ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА В ГЕРМАНИИ 212

(*Г. Н. Горошкова*)

Захват фашистами власти 212
Перестройка экономики по-нацистски 227
Открытая подготовка войны 236
Агрессивные акции в Европе 253
Рывок к мировому господству 258
Война против СССР и крах германского фашизма 269

Глава седьмая

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ УТВЕРЖДЕНИЯ ФАШИЗМА В ИСПАНИИ 287

(*С. П. Пожарская*)

Зарождение испанского фашизма 287
Испанская фаланга в действии 298
На пути к мятежу 308
Мятеж. Утверждение франкистской диктатуры 314
Испания во второй мировой войне 326
Франкизм приспосабливается 335

Глава восьмая

ФАШИЗМ ВО ФРАНЦИИ, АНГЛИИ И МАЛЫХ СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ 341
(*П. Ю. Рахшмир*)

Предшественники фашизма и первая его волна 341
Мировой экономический кризис и наступление фашизма . . . 346
Западная Европа под пятой фашизма 369

Глава девятая

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ФАШИЗМА (ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ) 383
(*К. К. Шириня*)

Борьба рабочего класса и компартий против фашизма в 1919—1923 гг. 383
Проблемы антифашистской пролетарской борьбы в годы частичной стабилизации капитализма (1924—1928 гг.) 394
Превращение фашизма в мировую опасность. Начало разработки Коминтерном новой политической ориентировки 400
VII конгресс Коминтерна 412
Единый рабочий и широкий Народный фронт против фашизма (1936—1937 гг.) 415
Антифашистская борьба рабочего класса накануне второй мировой войны 429

Глава десятая

АНТИФАШИСТСКАЯ БОРЬБА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939—1945 гг.) 437
(*Д. Э. Кунина*)

Зарождение антифашистского движения Сопротивления в Западной Европе 439
Движение Сопротивления после начала Великой Отечественной войны Советского Союза 450
Антифашистская борьба после коренного перелома в войне . . . 457
Завершающий период движения Сопротивления 463

Глава одиннадцатая

ЭВОЛЮЦИЯ ФРАНКИСТСКОГО РЕЖИМА (1950—1975 гг.) 468
(*Л. В. Пономарева*)

Политический режим Испании в 50-е годы 469
Политическая трансформация в границах Национального движения 486

Глава двенадцатая

НЕОФАШИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В ЕВРОПЕ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 501
(*В. С. Рыкин, О. Ю. Иваницкий*)

Неонацизм в ФРГ 502
Итальянский неофашизм 509
Неофашизм в других западноевропейских странах 522

Глава тринадцатая

ИСТОРИОГРАФИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ФАШИЗМА 531
(*П. Ю. Рахшмир*)

Развитие марксистской историографии фашизма 531
Эволюция буржуазной и реформистской историографии фашизма 561

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 601
(*П. Ю. Рахшмир*)

ИСТОРИЯ ФАШИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редакторы издательства
И. С. Трахтенберг, Ю. И. Хаинсон
Художник
Ю. П. Трапаков
Художественный редактор
Н. Н. Власик
Технический редактор
Ф. М. Хенох
Корректор
М. В. Борткова

ИБ № 4447

Сдано в набор 6.04.77.
Подписано к печати 10.02.78.
Т-04025. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 38,5. Уч.-изд. л. 46,1. Тираж 23600
Тип. зак. 2500 Цена 3 р.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Смирнова Н. Д.

ПОЛИТИКА ИТАЛИИ НА БАЛКАНАХ.

Очерк дипломатической истории. 1922—1935.

Монография посвящена исследованию одного из важнейших направлений внешней политики Италии с момента прихода фашизма к власти до начала эфиопской войны. В ней рассматривается период, предшествующий рассмотренному в книге этого же автора «Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории. 1936—1941». Работа написана на основе изучения широкого круга источников, в том числе неопубликованных материалов из архивов Италии, Югославии, Болгарии.

Гинцберг Л. И.

РАБОЧЕЕ И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ ПРОТИВ ФАШИЗМА (1919—1933)

В книге показана непримиримая борьба против фашизма, которую вели германские рабочие во главе с коммунистами. Большое внимание уделено рассмотрению настойчивых (но безуспешных) попыток нацистов завоевать на свою сторону сколько-нибудь значительные прослойки рабочего класса; раскрываются причины, обусловившие неблагоприятный для пролетариата и всех трудящихся Германии исход классовых боев 20 — начала 30-х годов, разоблачаются социальные силы, несущие ответственность за установление гитлеровской диктатуры.

Для получения книги почтой
заказы просим направлять по адресу:

117464 Москва, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»:

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97.
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13.
320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24.
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95.
375009 Ереван, ул. Туманяна, 31.
664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 289.
252030 Киев, ул. Ленина, 42.
277012 Кишинев, ул. Пирогова, 28.
433900 Краматорск, ул. Марата, 1.
433002 Куйбышев, проспект Ленина, 2.
192104 Ленинград, Литейный проспект, 57.
199164 Ленинград, Университетская наб., 5.
199004 Ленинград, 9 линия, 16.
103009 Москва, ул. Горького, 8.
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7.
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22.
630076 Новосибирск, 91, Красный проспект, 51.
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137.
700029 Ташкент, ул. 50 лет Узбекистана, 11.
700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73.
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43.
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18.
450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49.
450075 Уфа, проспект Октября, 129.
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42.
310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.